

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Отдел новой истории

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ
НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

Выпуск 5

Казань – 2015

УДК 93/94
ББК 63.3(2)4
И 90

Редакционная коллегия:

И.К. Загидуллин (науч. ред. и сост.),
И.З. Файзрахманов (отв. ред.), *А.В. Ахтямова* (ред.)

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 5. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 476 с.

На обложке:

Нагайбакская семья. Фото начала XX в. Электронный ресурс:
<http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/2vo-okv/ostrolenskie-kazaki/>

ISBN 978-5-94981-193-1

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015
© Авторы публикаций, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году научное мероприятие «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» впервые проводится в формате Международного форума и объединяет конференцию по теме «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – первая половина XIX вв.)» и Круглый стол «Вопросы формирования и трансформаций этнословных групп Поволжья и Приуралья XVII – начала XX века». Эти изменения вызваны необходимостью комплексного обсуждения актуальных проблем истории и культуры народов края. В данном сборнике статей представлены материалы конференции, материалы Круглого стола будут издаваться отдельно.

На протяжении столетий на огромном пространстве Волго-Уральского региона формировались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции многих народов, установилась региональная модель экономического и культурного взаимодействия этносов с различной формой хозяйственной деятельности, образом жизни (оседлый, полукочевой и кочевой) и с самобытной социально-семейной организацией.

XVIII – первая половина XIX вв. стали временем ускоренной адаптации этносов «внутренней окраины» к новым российским реалиям, административно-правовой интеграции края к «телу» империи, вовлечения во всероссийский рынок и социальных потрясений для народных масс. При проведении многочисленных реформ имперская власть в значительной степени учитывала разнообразие этноконфессиональной и социальной топографии региона. Наглядным проявлением такой политики явилось появление наряду с традиционными для русского общества сословиями специфических социально-сословных групп, таких как тарханы, казаки, башкиры, тептяре, мешеряки, астраханские юртовские татары, казахи и т.д., а также формирование пространства и структур их самоуправления. Вопросы статуса, социального поведения, экономического положения и институтов самоуправления различных сословных групп населения и проведение реформ в губерниях Поволжья и Приуралья освещаются в целом ряде статей, авторами которых являются И.З.Файзрахманов, Е.В.Годовова, Р.Р.Аминов, М.М.Имашева, Е.С.Косых, Н.В.Пислегин, Л.Р.Мифтахов, Р.Ю.Почекаев, Г.Х.Самигулов, И.В.Торопицын, А.Х.Махмутова, М.Е.Проскуракова, Ж.М.Сабитов, Е.Б.Долгов.

Конфессиональная политика российского государства в рассматриваемый хронологический отрезок времени привела к появлению не только новых этносоциальных, но этноконфессиональных групп населения. Различные аспекты сложных государственно-конфессиональных отношений в крае стали объектом изучения ряда участников конференции:

Е.Ю.Смоларца, И.К.Загидуллина, Ю.Н.Гусевой, Д.Р.Гильмутдинова, Г.Г.Нугмановой, В.В.Тимофеева, Н.Н.Зуб (Руденко).

В одну большую тему, несмотря на довольно широкий спектр охвата авторами проблем, можно объединить социально-семейную организацию этносов и демографическо-миграционные процессы среди них. Этим вопросам посвящены публикации А.Г.Иванова и Г.Н.Кадыковой, А.В.Кобзева, С.В.Пивкиной, Э.Ш.Идрисова, Э.М.Гибадуллиной, Арзу Кылынч.

Проблемы школьного образования и просвещения народов края и их культурная интеграция в социокультурное поле империи также не остались без внимания участников конференции. Со своими статьями по этим актуальным вопросам в сборнике участвуют Н.А.Арчебасова, С.Г.Басырова, А.М. Субботина.

Суфийская тематика – смысловая и философско-эстетическая нагрузка поэтических произведений суфиев и взаимодействие муршидов Астрахани и Чистополя, представителей братства Накшбандийа Халидийа – объединяет научные изыскания Н.М.Юсуповой и А.Ф.Юсупова, А.М.Гайнутдинова, А.К.Бустанова.

Читателя непременно привлекут интересные сюжеты о взаимодействии с кредитными учреждениями, банкротстве и межнациональном общении в полиэтнической среде купцов, изложенные в публикациях Н.А.Кореевой, Э.М.Оздамировой и Л.М.Свердловой.

Среди материалов конференции имеются статьи, которые не поддаются объединению по научному направлению. О них скажем по отдельности. Анализу производственно-отраслевой структуры промышленности губерний Среднего Поволжья в первой половине XIX века посвящена работа В.М.Арсентьева. О малоизвестном для российских ученых источнике – путевых записях Халима Сабита, бывшего уроженца Симбирской губернии, проживавшего в Османском государстве и совершившего в 1911 г. путешествие в Среднее Поволжье, Приуралье и Казахстан, повествует публикация Генч Осман Гечер, Гёкхан Эшел.

В целом, широкий диапазон научных тем, затрагиваемых авторами, закрывает лакуны истории и культуры этносов и является следующим шагом по созданию целостной картины народной жизни и истории Волго-Уральского региона.

И.К. Загидуллин
доктор исторических наук

УДК 94(470.51)

**ТАТАРЫ-КАЗАКИ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ
«ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ
ВОЙСКЕ» ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1840 г.**

© 2015 г. Р.Р. Аминов

В статье рассматривается формирование в 1841–1843 гг. сплошной территории ОКВ согласно «Положению» 1840 г., которое привело к расширению ареала проживания мусульман-казаков за счет включения поселений татарских крестьян Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского уездов. В исследуемый период некоторые татары соседних местностей предпринимают неудачные попытки причислиться в войско, а также в контексте перевода на Новую линию анализируется формирование полиэтнического населения во вновь образованном отряде Варненский, и поселений нагайбаков: Париж, Кассель, Остроленко, Требий, Фершампенуаз.

Ключевые слова: Татары-казаки, нагайбаки, Оренбургское казачье войско, «Положение об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г., Новая линия, полковые округа.

**COSSACK-TATARS AFTER INTRODUCTION REGULATIONS
«ON DECEMBER 12, 1840 YEAR OF OKV»**

R.R. Aminov

In article formation in 1841–1843 years of the continuous territory of OKV according to «Provision» of 1840 which led to expansion of an area of accommodation of Cossack Muslims due to inclusion of settlements of the Tatar peasants of the Chelyabinsk, Troitsk, Verkhneural'sky districts is considered. During the studied period some Tatars of the neighboring districts make unsuccessful attempts to be ranked in army, and also in the context of transfer to the New line formation of the multiethnic population in again formed group Varnensky, and settlements of nagaybak is analyzed: Paris, Kassel, Ostrolenko, Treby, Fershampenuaz.

Keywords: Cossack-Tatars, nagaybaks, Orenburg Cossack army, «regulation on December 12, 1840 years», New line, regimental districts.

«Положение об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г.» кардинально изменило военно-административную структуру ОКВ, которое получило сплошную территорию. Вместо кантонов был введен полковой принцип управления в рамках двух военных округов. Первый включал в себя округа полков № 1,2,3,4,5, второй – округа полков №6, 7, 8, 9, 10 (ПСЗ РИ, Собр.П., Т. XV, Отделение первое,

№14041, с. 797 – 799). Таким образом, ОКВ распределялось в 10 полковых округах.

Согласно пункту 6 §23 «Положения» 1840 г., небольшие группы татарских крестьян, башкир и мещеряков, ранее поселившиеся между крепостями и форпостами Оренбургской линии и ближе пятнадцативерстного расстояния от казачьих селений, могли быть приписанными в казаки (Там же, с.798). Государственным крестьянам (до 22 тыс. ревизских душ или 6635 дворов), живущим в при линейных Оренбургском, Челябинском и Троицком уездах, властями предлагались альтернативы: добровольное зачисление в казачье сословие или переселение в двухгодичный срок в другие уезды (Шайхисламов, с.64). Татарам и другим поселенцам было выгоднее причисляться в полупривилегированное казачье сословие, нежели переселиться на не обжитую территорию.

Благодаря «Положению» 1840 г. в ОКВ оказались приписанными татары д. Ахуново (часть населения) Верхнеуральского уезда и д. Новое Аджитарово (Аджитаров выселок) Троицкого уезда, государственные крестьяне деревень Токтыбай, Булатово, Казбаево Троицкого уезда и тептяри д. Аминёво Троицкого уезда, «ичкинские татары» д. Трёх-Озёрки Челябинского уезда (Этнотерриториальные, с.90 – 91), есть также предположение, что Бурханкульский отряд и выселок Магадиева так же вошли в состав войска в связи с введением «Положения» 1840 г.¹

Обращает внимание на себя факт, что из ичкинцев лишь жители д. Трёхозёрки вошли в состав Оренбургского войска. В «Списке населённых мест» остальные поселения ичкинцев (Ачликулево, Альменёво, Вишняково, Иванково, Тузово, Учкулево) указаны как «башкирские» деревни (Список населённых мест, с. 218 – 224).

Приписка жителей д. Ахуново в ОКВ имеет интересную историю. Здесь, кроме мещеряков в 1828 г. усматриваются ясачные татары (48 чел.). В ходе размежевания земель Оренбургский губернатор П.К. Эссен в 1827 г. предложил мещерякам войти в состав ОКВ, но мещеряки отказались. С введением «Положения» 1840 г., мещерякам вновь была предложена приписка в ОКВ, в конечном итоге, власти разрешили

¹ Неизвестно в связи с каким обстоятельством Бурханкульский выселок и деревня Магадиева вошли в состав ОКВ, но мы смеем предположить что произошло это в связи с получением Оренбургским войском сплошной территории после введения «Положения 12 декабря 1840 г. об. ОКВ, либо после указа от 4 мая 1843 г. В списке поселений Оренбургского войска 1860 г. оба населённых пункта присутствуют (ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 127. Лл. 20, 24).

остаться мешерякам на прежней земле без включения их в состав Оренбургского войска. Ясачные татары д. Ахуново стали казаками, основав в семи верстах от д. Ахуново, на реке Кидыш, выселок с одноименным названием (Кортунов, с. 348, 349, 353).

Всего на территории ОКВ, согласно «Положению» 1840 г., числилось 62620 душ м.п., из которых 38232 чел. – казаки, 21964 чел. – казённые крестьяне и другие податного звания люди, 2414 чел. – отставные солдаты и малолетки (ПСЗ РИ, Собр. II, Т. XV, Отделение второе, №14041, с. 707 – 710). В «Примерном расписании» военных и полковых округов ОКВ от 12 декабря 1840 г. приводятся сведения о 284 душ м.п. тептярей д. Аминово (Положение, с. 160).

Из ведомости (январь 1842 г.) о крестьянских селениях, поступивших в полковые округа 1, 2, 3, 5, 6, 8ОКВ, усматривается, что 52 татарских крестьянина были приписаны в мусульманское казачье поселение Нижние Чебеньки, 51 чел. – в д. Верхние Чебеньки (Оренбургский уезд), 132 чел. – в д. Аблязово (Оренбургский уезд с 1865 г. Орский уезд) (Материалы, с. 175). Таким образом, жители посёлков Верхние и Нижние Чебеньки из 9-го башкирского кантона частично вернулись в состав ОКВ, остальные оставались «башкирами» (Кортунов, с. 397–400; ГАОО, ф. 6, оп. 12, д. 772, л. 22 об. – 23; ПСЗ РИ, Собр. II, Т. XV, Отделение второе, №14041, с. 707 – 708).

С целью повышения обороноспособности Оренбургской пограничной линии (Кобзов, Новая линия, с. 13) власти в 1835 г. приступили к сооружению так называемой Новой линии, соединившей Орск со станцией Берёзовская (Злобин, с. 56), что значительно сократило её протяжённость, в связи с этим содержание гарнизонов линии требовало меньших затрат (Кобзов, Новая линия, с. 14).

Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский решил упразднить казачьи станицы внутренних кантонов,² население которых планировалось переселить на Новую линию (Русов, с. 25). В 1842 г. основная масса нагайбаков (2877 душ об. пола, в том числе 1250 душ м.п.) была переселена на Новую линию, в Верхнеуральский уезд, и основала там новые посёлки (Аминов, с. 19), заметим, что первоначально поселения получили порядковые номера, к примеру, пос. Кассель – №1, Остроленко – №2, Фершампенуаз – №3, Париж – №4, Трейбий – №9 (ГАОО, ф. 6, оп. 11, д. 892, л. 3 об.). В том же году в Кундравинскую станицу в русские поселения было переселено 350 душ

² Под внутренними кантонами понимаются 3-й и 5-й кантоны ОКВ.

м.п. нагайбаков, в Верхнеуевельскую станицу³ – 140 душ м.п. (ГАОО, ф.173, оп. 4, д. 6619, л. 150 – 150 об.). Необходимо отметить, что с 1841 г. по 27 мая 1843 г. в казаки были приписаны 852 чел. Верхнеуевельской слободы (станицы), 27 мая по указу от 4 мая 1843 г. казаками стали ещё 23 чел. (Материалы, Вып. 10, с. 324).

2432 чел. незахотевших стать казаками выбыли из Верхнеуевельской слободы в Бузулукский уезд, на их место, судя по всему, и подселили нагайбаков. В Кундравинской слободе (станице) с 1841 г. по 27 мая 1843 г. казаками стали 525 чел., всего за этот период – 2469 чел. (Материалы, Вып. 10, с. 324).

Появление нагайбаков на Новой линии способствовало формированию среди них трёх территориальных групп: Оренбургской (после образования Орского уезда в 1865 г. Оренбургско-Орской), Троицкой и Верхнеуральской (Атнагулов, с. 44 – 45). В новых поселениях численность нагайбаков была неодинаковой: в Касселе (229 чел., в том числе 29 калмыков), в Остроленко (219 чел., в том числе 19 калмыков), в Париже (332 чел., в том числе 32 калмыка), в Требие (200 чел.), в Фершампенуазе (350 чел.) (Вдовина, с.28, 39, 44, 48, 51; Стариков, с. 185).

Некоторые татары сами подавали ходатайства о причислении их в состав войска. Приписка в казаки позволяла улучшить им своё социально-экономическое положение. Во-первых, татарские крестьяне получали значительные земельные угодья, а именно – «для каждого полкового округа, каждой станице отводилось такое количество земли, которое было бы достаточно для водворения до 2,500 семейств должествующих составлять его население, полагая при этом на душу м.п. не менее 30 десятин» (ПСЗ РИ, Собр. II, Т. XV, №14041, с. 799). Во-вторых, получали статус военно-служилых людей, которым, однако, ограничивалась свобода передвижения, «был установлен запрет на выход из казачьего сословия» (Там же, с. 801).

В сентябре 1841 г. на имя В.А. Перовского поступило 7 прошений от татар Оренбургской губернии, состоящих в податном состоянии о причислении в ОКВ. Так, 2 сентября было получено ходатайство ясачного татарина Мамбета Яфарова из д. Кулатова Ратчинской волости Оренбургского уезда, который просил о причислении в ОКВ своей семьи из семи душ м.п. Оренбургскому земскому исправнику

³ К двум данным станицам в то время относились поселения нагайбаков троицкой группы: пос. Болотово, Краснокаменский, Ключевский – 2 (Лягушина), Попово, Верхнеуевельский (Варламово).

было приказано объявить просителю о невозможности удовлетворения прошения (ГАОО, ф. 6, оп. 15, д. 792, лл. 1, 3 – 3 об.). Аналогичные отказы на свои обращения получили ясачный татарин д. Новобелогорская Романовской волости Бузулукского уезда Ахмер Максютлов, чемоданные татары деревни Старая Кутлумбетова и д. Мустафино, изъявившие желание причислиться с семьями в ОКВ, служилые татары Хайбулла Нигматуллин и Самагил (Исмагил) Салихов из деревни Беркетаключ Нижнеабдуловской волости Мензелинского уезда (ГАОО, ф. 6, оп. 15, д. 793, лл. 1, 3 – 3 об.; д. 794, лл. 1, 3 – 3 об.; д. 796, лл. 1, 3 – 3 об.; д. 797, лл. 1, 3; д. 798, лл. 1, 3 – 4; д. 799, лл. 1, 3 – 4).

4 мая 1843 г. вышел указ, подтверждающий причисление в ОКВ по «Положению» от 12 декабря 1840 г. всех казённых крестьян прилинейных уездов Оренбургского, Челябинского, Троицкого «без изъятия» (ПСЗ РИ, Собр. II, Т. XVIII, №16811, с. 295–296).

В 1843 г. в Верхнеуральском уезде на Новой линии был основан посёлок Варна, куда были поселены 68 калмыков, 246 белопахотных солдат и малолеток (всего 314 чел.) (Правила о переселении, с. 37). В мае 1844 г. началось переселение казаков на назначенное место. Одновременно с переселением на урочище Ак-Булак в Варну были переведены казаки из Алексеевской станицы. Дело в том, что переселившиеся туда в 1841 г. 430 человек из упраздненной Мочинской станицы вскоре стали ощущать нехватку земли. По причине удаленности паевых наделов от станицы, татары-казаки обратились к военному губернскому начальству с просьбой разрешить водвориться в Варненский отряд, где в то время свободные земли имелись в избытке. В связи с переводом татар-казаков упраздненной Мочинской слободы население Варны увеличилось до 893 душ обоего пола (Кобзов. Уральская Варна, с. 10–12). В Варненском отряде, таким образом, в исследуемый период, сформировалось полиэтничное население.

Таким образом, после введения «Положения» 1840 г. ареал присутствия татар-казаков расширился, если ранее основная масса татар-мусульман располагалась в Оренбургском уезде, то после 1840 г. татары-казаки появляются в Верхнеуральском, Троицком, Челябинском уездах, причём в своих поселениях татары составляли абсолютное большинство жителей. Необходимо также отметить, что территориально в состав войска вошли поселения татар-казаков, население которых большей частью перевелось в 9-й башкирский кантон (оставаясь при этом на том же месте жительства), вопрос возвращения всех жителей данных поселений в казачье сословие был решён оконча-

тельно лишь после упразднения Башкирского войска в 1865 г. В целом за счёт получения сплошной территории, численность войска значительно увеличилась путём причисления вчерашних казённых крестьян, отставных солдат и малолеток, а также других податных групп населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аминов Р.Р.* Из истории земельных споров нагайбаков-казаков Белебеевского уезда с соседями (вторая треть XVIII – первая половина XIX вв.) // Казанская наука. – 2014. – №12. – С. 17 – 21.
2. *Атнагулов И.Р.* Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. – Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. – 217 с.
3. *Вдовина С.И.* Соты памяти народной. – Челябинск: ООО «АЛИМ», 2008. – 224 с.
4. *Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).* Ф. 6. Оп. 8. Д. 127.
5. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 11. Д. 892.
6. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 12. Д. 772.
7. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 792.
8. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 793.
9. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 794.
10. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 796.
11. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 797.
12. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 798.
13. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 15. Д. 799.
14. *ГАОО.* Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619.
15. *Кобзов В.С.* Новая линия // Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. 1992. №1. – С. 12 – 26.
16. *Кобзов В.С.* Уральская Варна: к 150-летию основания казачьей станицы. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1992. – 126 с.
17. *Кортунов А.И.* Вопрос о присоединении мешеряжской деревни Ахуновой к Оренбургскому казачьему войску. // Народы Южного Урала на страже родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург, 2014. – С. 347 – 354.
18. *Кортунов А.И.* Военно-казачья колонизация Урало-Сакмарского междуречья и вопрос выселения башкир с земель Оренбургского казачьего войска в 30–60-е гг. XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. №4 (42) октябрь, ноябрь, декабрь. 2013 г. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2013. – С. 391 – 403.

19. *Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска.* – Оренбург: Типолиитография Б.А. Бреслина, 1910. – Вып. 10. – 472 с.
20. *Полное собрание законов Российской империи:* в 55 т. (ПСЗ РИ). – Собр. 2-е. Отделение 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – Т. XV, № 14041.
21. *ПСЗ РИ.* – Собр. 2-е. Отделение 2. – СПб., Т. XV, 14041.
22. *ПСЗ РИ.* – Собр. 2-е. Отделение 1. – СПб., Т. XVIII, № 16811.
23. *Положение об Оренбургском казачьем войске.* – СПб.: Типография департамента военных поселений, 1840. – 163 с.
24. *Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казакв упряднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков.* – СПб.: Типография департамента военных поселений, 1843. – 47 с.
25. *Русов Г.И.* Заселение новой пограничной линии. // Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. – Оренбург, 1996. – С. 24 – 26.
26. *Список населённых мест.* Ч. II., Оренбургская губерния, 1866. – Уфа: Китап, 2006. – 260 с.
27. *Стариков Ф.М.* Откуда взялись казаки: (Исторический очерк). – 2-е изд. доп. – Оренбург: Типолиитография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1884. – 324 с.
28. *Шайхисламов Р.Б.* Социально-экономическое развитие государственной деревни Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа: Издание Башкирск. ун-та, 1998. – 224 с.
29. *Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования* / Под ред. Уразмановой Р.К., Халикова Н.А. / Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Дом печати, 2002. – 248 с.

Информация об авторе

Аминов Рустем Равилевич, младший научный сотрудник центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich, the junior researcher of the center of studying of history and culture of baptized tatars (kryashens) and nagaybaks at Institute of history of Sh. Mardzhani of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (c. Kazan); rustem_270988@mail.ru

УДК 94:338.45(470.40/.43)

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В СТРУКТУРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2015 г. В.М. Арсентьев

В статье дается анализ производственно-отраслевой структуры промышленности губерний Среднего Поволжья в первой половине XIX века. В качестве объекта исследования выступили крупные формы организации производства, представленные промышленными предприятиями, попадавшими в поле зрения ведомственной статистики. Решается задача определения роли региона в процессах protoиндустриальной и раннеиндустриальной модернизации России. Выявляется совмещение этих этапов, длительное сохранение традиционных форм организации промышленного производства, параллельно с активизацией инновационного технико-технологического развития.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, промышленность, предпринимательство, производственно-отраслевая структура, промышленный переворот, модернизация, винокурение, сукноделие.

THE MIDDLE VOLGA IN THE STRUCTURE OF INDUSTRIAL PRODUCTION OF RUSSIA IN THE FIRST HALF XIX CENTURY

V.M. Arsent'ev

The article provides an analysis of production and sectoral structure of industry of the Middle Volga provinces in the first half of the XIX century. The investigations made by the major forms of organization of production, presented by industry, come to the attention of departmental statistics. The problem of defining the role of the region in the early industrial protoindustrial and modernization of Russia. Reveals the combination of these steps, long-term preservation of traditional forms of industrial organization, in parallel with the promotion of innovative technological development.

Keywords: Middle Volga region, industry, business, production and branch structure, the industrial revolution, modernization, distilling, suknodelie.

Исследование процессов экономической модернизации России в XIX веке невозможно без выявления региональных особенностей их протекания. Несмотря на наблюдаемую в последние десятилетия актуализацию исследований в данной плоскости масштабы и содержание происходящих в российской провинции модернизационных изменений

в полной мере не выявлены. Особенно это касается индустриальной составляющей модернизации. Традиционно промышленно развитым нечерноземному центру и столицам противопоставлялась аграрная периферия, куда была отнесена и территория Среднего Поволжья. Затрагивая промышленную тематику дореформенного Поволжья, в теоретических обобщениях исследователи традиционно ограничивались повторением тезиса о низком уровне индустриального развития и полном отсутствии в крепостной экономике индустриального потенциала. Более того, долгое время превалировавший в историографии тезис об исключительно аграрной структуре экономики Поволжья в дореформенный период, базировавшейся на прочных крепостнических отношениях, нередко вообще исключал сам факт возможности прогрессивного развития экономики региона в целом и его отдельных хозяйственных структур (Арсентьев, Социальные аспекты, 2009, с. 5–48).

В историографии господствует мнение об исключительно аграрной структуре экономики данного региона, вследствие чего тематика, связанная с изучением других сфер экономики, незаслуженно игнорируется.

Только на основе более углубленного и разностороннего изучения специфики хозяйственного развития региона в первой половине XIX века, прежде всего в плане выявления ее промышленной составляющей, нам представляется возможным более точно определить специфику его экономической модернизации.

В данной статье будет предпринята попытка выявления промышленного облика губерний Среднего Поволжья¹, главным образом в разрезе территориального размещения и производственно-отраслевой структуры промышленности, для более точного определения роли региона в процессах protoиндустриальной и раннеиндустриальной модернизации России в первой половине XIX века². При этом в качестве объекта исследования выступили крупные формы организации произ-

¹ Территориальные рамки Среднего Поволжья применительно к первой половине XIX в. ограничены Казанской, Пензенской, Симбирской, а с начала 1850-х гг. – и Самарской губерниями. Подробнее см.: Арсентьев В.М. Теория и практика экономического районирования Среднего Поволжья / В.М. Арсентьев, О.И. Марискин // Регионоведение. – 2004. – № 2 (47). – С. 106–119.

² По уже сложившейся в отечественной историографии традиции под «первой половиной XIX в.» исследователи подразумевают дореформенное шестидесятилетие (1800–1860 гг.).

водства, представленные промышленными предприятиями, попадавшими в поле зрения ведомственной статистики.

Промышленность России первой половины XIX в. имела сложную организационно-производственную структуру, отличающуюся существенной вариативностью и в территориальном измерении. Применительно к дореформенному времени в промышленности России выделялись следующие модели организации промышленного производства, соединявшие в себе разные параметры и содержательные характеристики: протоиндустриальная, представленная промыслово-ремесленной деятельностью и кустарными предприятиями крестьян и горожан; традиционная (петровская), включавшая в себя казенные, посессионные и вотчинные предприятия; частнокапиталистическая, функционирующая в форме индивидуально-капиталистических и акционерных предприятий. Этот вариант, несмотря на сохраняющуюся условность, соединяет в себе разные параметры и критерии классификации промышленного предпринимательства (Арсентьев, От протоиндустрии к фабрике, 2004, с. 83).

Учитывая состояние источниковой базы исследования поставленной темы, общая динамика численности промышленных предприятий по Казанской, Пензенской, Симбирской и Самарской губерниям была проанализирована с 1812 по 1860 г. (см. табл. 1). Ее выявление производилось путем обобщения всех имеющихся в нашем распоряжении разрозненных данных, собранных из большого числа архивных и опубликованных источников (Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год, 1814, с. 1–174; Ведомость о мануфактурах в России за 1813–14 годы, 1816, с. 457; Статистические ведомости о состоянии Российских мануфактур с 1815 по 1821 год, 1825; Состояние фабрик и заводов в Симбирской губернии в 1828 году, 1831, с. 46–73; Ведомость о числе фабрик и заводов по губерниям в 1838 году, 1840, с. 55–56; РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1719, л. 40–40 об., 66 об.–67, 81, 88 об.–89; д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147–147 об.; ф. 1281, оп. 4, д. 42, л. 16 об.–17; д. 32, л. 25–25 об.; д. 38, л. 26 об.–27; Ведомость о числе фабрик и заводов, существовавших в 1846 году, 1847, с. 459; Крюков, 1853, с. 58–193; Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году, 1853, с. 325–326; Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1854 году, 1855; Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов, 1865, с. 236–238).

Таблица 1. Динамика количества фабрик и заводов по губерниям Среднего Поволжья в первой половине XIX в.

Губерния	Годы															
	1812	1814	1818	1825	1828	1838	1840*	1844	1846	1849	1851	1852	1853	1854	1859**	1860***
Казанская	139	148	154	155	124	157	159	176	176	261	174	158	163	148	245	257
Пензенская	61	63	76	58	68	85	148	86	81	85	90	89	87	85	101	98
Симбирская	63	89	60	51	49	79	136	83	93	118	80	79	87	92	225	241
Самарская	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	139	156	148	143	295	359
Итого	263	300	290	264	241	321	443	345	350	464	483	482	485	468	866	955

* За 1840 г. указаны винокуренные заводы, чего в сводках за другие годы не делалось: по Пензенской губернии – 60, Симбирской – 21, Казанской – 4. Поэтому без учета винокуренных заводов численность фабрик и заводов составит по Казанской губернии 155, по Симбирской – 115, Пензенской – 88, а по всем трем губерниям – 358.

** За 1859 г. по Пензенской губернии не указаны винокуренные заводы, хотя в сводки по трем другим губерниям они включены.

*** За 1860 г. винокуренные заводы указаны по всем губерниям Среднего Поволжья, кроме Пензенской. Из другого источника мы узнаём, что на этот год в губернии их количество достигло 71. Поэтому общее количество предприятий по Пензенской губернии увеличивается до 169, а по всем четырем губерниям Среднего Поволжья достигает 1 026. С учетом этого динамические показатели роста в 1859 и 1860 гг. по Пензенской губернии и в целом по Среднему Поволжью выглядят несколько выше ГАПО (Гос. арх. Пензенской области). Ф. 9. Оп. 1. Д. 119. Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1860 год. Л. 34–35).

Как видно из приведенных в таблице данных, динамика численности промышленных предприятий на протяжении первой половины XIX в. за небольшими исключениями имела тенденцию планомерного роста. Достаточно резкий скачок вверх в 1840 г. в большей мере обусловлен включением в него сведений по винокуренной отрасли. Причем наиболее заметно это было на примере Симбирской и Пензенской губерний, где винокурение было достаточно развито, а в Казанской губернии, где показатели развития отрасли были довольно низкими,

это практически не проявилось. В приведенном выше динамическом ряду данных показатели развития винокуренной отрасли в большинстве случаев не нашли отражения. Причиной этого стало то обстоятельство, что винокуренные заводы уже в начале XIX в. были переданы под управление Департамента разных податей и сборов, поэтому информация о них не всегда попадала в сводки Департамента мануфактур и внутренней торговли. В данном случае, кроме 1840 г., винокуренные заводы были включены в показатели за 1859 и 1860 гг., за исключением данных по Пензенской губернии.

Еще один взлет численности промышленных предприятий, особенно по Казанской и Симбирской губерниям, наблюдается в 1849 г., хотя его в некоторой степени можно связать с особенностями формирования источниковых данных за этот год (Крюков, 1853). Судя по дальнейшему довольно резкому движению кривой показателя численности фабрик и заводов вниз, в 1851 г. практически вернувшейся к уровню 1846 г., это в решающей степени было обусловлено критериями учета, использовавшихся автором промышленного обзора. По всей видимости, они отличались от тех, которые использовались ведомствами, в результате чего в сводки попали промышленные предприятия, не учитываемые официальной статистикой.

Особенно заметно выросла численность промышленных предприятий во второй половине 1850-х гг., даже без учета численности винокуренных предприятий, включенных в показатели за 1859 и 1860 гг. С 1854 по 1860 г. общая численность промышленных предприятий возросла с 468 до 955, т. е. в два раза за шесть лет, а с учетом винокуренных заводов Пензенской губернии в 1860 г. на территории Среднего Поволжья насчитывалось 1 026 промышленных предприятий.

Что касается удельного веса количества промышленных предприятий Среднего Поволжья в структуре промышленности России, то на протяжении первой половины XIX в. он не был постоянным (табл. 2). Причем если примерно до середины 1840-х гг. он изменялся в сторону снижения, то далее мы наблюдаем его рост. В частности, по численности предприятий он упал с 6,5% в 1818 г. до 4,4% в 1844 г., а по численности рабочих – снизился с 5,4% в 1818 г. до 3,8% в 1846 г. Однако далее прослеживалась положительная динамика изменения удельного веса Среднего Поволжья в промышленности России. В 1860 г. по общему количеству промышленных предприятий он составил 6,7%, а по численности рабочих – 8,6%.

Не имея возможности рассчитать с такой же периодичностью удельный вес Среднего Поволжья по стоимости производства, обратим внимание на предреформенное десятилетие. Только за этот непродолжительный промежуток времени удельный вес Среднего Поволжья в промышленности России увеличился с 3,6 до 6% (см.: табл. 2). Расчет производился путем обобщения всех имеющихся в нашем распоряжении разрозненных данных, собранных из архивных и опубликованных источников (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1719, л. 40–40 об., 66 об.–67, 81, 88 об.–89; д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147–147 об.; ф. 1281, оп. 4, д. 42, л. 16 об.–17; д. 32, л. 25–25 об.; д. 38, л. 26 об.–27; Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году, 1853, с. 325–326; Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1854 году, 1855; Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов, 1865, с. 236–238).

Таблица 2. Стоимость производства промышленной продукции по губерниям Среднего Поволжья в 1851–60 гг. (руб.)

Губернии	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1859 г.	1860 г.*
Казанская	1 620 168	1 487 025	1 206 493	1 222 053	3 471 593	3 794 122
Пензенская	1 255 590	1 295 344	1 354 039	1 445 183	2 622 392	5 135 771
Симбирская	925 000	991 734	1 261 266	1 575 675	2 774 473	3 787 145
Самарская	1 933 492	1 704 471	1 447 811	1 457 680	3 540 066	4 798 323
Итого по 4 губерниям	5 734 250	5 478 574	5 269 609	5 700 591	12 408 524	17 515 361
Всего по России	159 380 506	162 151 705	161 051 705	159 984 942	273 542 500	295 399 388
Удельный вес Среднего Поволжья	3,6%	3,4	3,3	3,6%	4,5%	6%

* *Примечание: В данные за 1860 год по Пензенской губернии включены показатели численности рабочих по винокуренной промышленности Пензенской губернии, не включенные в статистическую ведомость Департамента Мануфактур и внутренней торговли (Ф.18. РГИА) о состоянии промышленности в губерниях за 1860 год. Для этого использовались данные «Отчета Пензенского губернского статистического комитета за 1860 год»: ГАПО, ф. 9, оп.1, д.119, л. 34–35.*

Хотя аграрная специализация губерний Среднего Поволжья доминировала, бесосновательно относить регион к промышленно отсталым регионам России. Об этом, в частности, свидетельствует динамика увеличения удельного веса Среднего Поволжья по трем основным показателям развития промышленности региона, которая во многих случаях была выше, чем в целом по России (см.: табл. 3).

Таблица 3. Динамика изменения удельного веса Среднего Поволжья в промышленности России в первой половине XIX в.*

Параметры	1818 г.	1825 г.	1838 г.	1844 г.	1846 г.	1851 г.	1860 г.
Количество предприятий	6,5%	5%	4,7%	4,4%	4,7%	4,9%	6,7%
Численность рабочих	5,4%	5,2%	3,7%	4,4%	3,8%	4,6%	8,6%
Стоимость производства	нет сведений	3,6%	6%				

* Динамика рассчитана автором на основании данных различных опубликованных и неопубликованных источников.

Особенно стремительно увеличение указанных показателей происходило в предреформенное десятилетие, на которое падала основная доля прироста. Причем практически весь прирост приходился на вторую половину 1850-х гг., и, по имеющимся у нас данным, с 1851 по 1854 г. в промышленности Среднего Поволжья показатели стоимости производства и количества предприятий оставались практически на одном уровне, а в некоторых случаях даже происходило их снижение.

Наблюдаемый во второй половине 1850-х гг. рост целесообразно связать с Крымской войной 1853–1856 гг. Военные заказы, а также вызванное поражением в войне стремление повысить обороноспособность и увеличить военную мощь страны с целью восстановить пошатнувшийся авторитет на мировой арене стимулировали развитие экономики, являвшейся важнейшей основой решения вышеозначенных задач. Как результат, после войны мы наблюдаем настоящий промышленный экономический подъем, о чем свидетельствуют достигнутые к 1860 г. производственные показатели развития промыш-

ленности Среднего Поволжья и России (см.: табл. 4). Все это очередной раз показало связь экономического развития России с реализацией военно-стратегических интересов и его зависимость от государственной политики.

Таблица 4. Основные производственные показатели развития промышленности Среднего Поволжья и России в 1860 г.*

Губернии	Число фабрик и заводов	Стоимость производства (руб.)	Численность рабочих
Казанская	257	3 794 122	6 211
Пензенская	169	5 135 771	21 134
Симбирская	241	3 787 145	13 122
Самарская	359	4 798 323	8 831
Итого по 4 губерниям	1 026	17 515 361	49 298
Всего по России (66 губерний)	15 388	292 549 388	565 142
Удельный вес 4 губерний (6%)	6,7%	6%	8,6%

* См.: РГИА, ф.18, оп.2, д.1770, л. 105–106.

Сравнивая количество отраслей и производств между губерниями Среднего Поволжья, а также сопоставляя их с общероссийскими показателями, мы обнаруживаем следующую картину. В ведомости за 1838 г. в Симбирской губернии отмечено 16 отраслей, в Пензенской – 13, Казанской – 13. В промышленно развитых губерниях Центральной России не отмечено явного превосходства в этом отношении: во Владимирской – 14, в Нижегородской – 14, в Ярославской – 16, и только в Калужской оно было немногим больше 19. Наибольшее количество отраслей зафиксировано в Санкт-Петербургской (24) и Московской (26) губерниях. Всего же в промышленности России было зафиксировано 30 производств (Ведомость о числе фабрик и заводов по губерниям в 1838 году, 1840, с. 55–56).

В 1852 г. наибольший показатель в Среднем Поволжье зафиксирован в Казанской губернии – 24 отрасли. В Самарской губернии он составил 19, Симбирской – 16, Пензенской – 15 отраслей. Значительно возрос количественно-отраслевой потенциал губерний Центрально-промышленного района: Нижегородская – 34, Ярославская – 33, Ка-

лужская – 30, Владимирская – 29. Лидировали же в этом списке вновь Московская (70) и Санкт-Петербургская (68) губернии. Всего же в ведомости вся промышленность разделена на 19 групп, в рамках которых показано 111 производств (Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году, 1853, с. 325–326).

В статистических сводках Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1859 г. отмечается увеличение количества имеющихся в промышленной структуре указанных губерний отраслей по сравнению с 1852 г.: по Казанской губернии названо 37 отраслей, по Симбирской – 28, по Пензенской – 22, по Самарской – 21, по Московской 101, по Санкт-Петербургской – 75, по Ярославской – 43, по Калужской – 36, по Нижегородской – 34, по Владимирской – 32 (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1719, л. 40–40 об., 58–58 об., 66 об.–68, 74–77 об., 81, 86–89, 101–102 об.).

Как видим, по этому показателю не было ярко выраженной диспропорции между губерниями Среднего Поволжья и Центрально-промышленного района, хотя отставание Пензенской, Симбирской и Самарской губерний в некоторых случаях проявлялось. В то же время в 1852 г. Казанская губерния даже опережала Калужскую, Нижегородскую и Владимирскую губернии, уступая лишь Ярославской.

Свои коррективы в промышленное предпринимательство внес начавшийся в 1830-х гг. промышленный переворот, инициировавший появление фабричного машинного производства. В связи с этим разделение промышленных предприятий на заводы и фабрики получает новое звучание³. Именно такой вариант присутствует в промышленных статистических сводках за 1840 г., составленных для отчетов о состоянии губерний. Сведения по Пензенской, Казанской и Симбирской губерниям представлены в табл. 5.

³ *Своего рода интерпретацией такого рода классификации промышленности было встречающееся во второй трети XIX в. в отечественной статистике разделение отраслей на две части: «по механическому» и «химическому» производствам. См. напр.: РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770 (Сведения о количестве фабрик по губерниям, рабочих на них и производительности за 1860–65 гг.), л. 106–107.*

Таблица 5. Отраслевая структура и количество предприятий
в губерниях Среднего Поволжья в 1840 г.*

Предприятия	Симбирская губерния	Казанская губерния	Пензенская губерния
Фабрики			
Суконные	9	2	14
Полотняные	1		1
Шелкоткацкие	1		
Ковровые	5		
Бумагопрядильные	2	1	
Писчебумажные	1	2	1
Китаечные и кумачные		19	
Табачные		1	
Канатные		4	
Заводы			
Кожевенные (козловые, сафьянные, опойковые, бараньи и др.)	27	49	29
Мыловаренные		5	5
Салотопные	9	4	2
Сальносвечные	13	7	1
Воскобойные			3
Воскосвечные		3	1
Клейные			1
Винокуренные*	21	4	60
Водочные		1	
Пивоваренные	2	3	
Укеусные		1	
Солодовенные	10	3	
Крупяные		2	
Крахмальные	1		
Свеклосахарные	4		8
Поташные	6	39	12
Стеклольно-хрустальные	3	1	4
Кирпичные	14		
Гончарные		3	
Горшечные	3		
Чугонолитейные	3	1	3
Железоделательные			1
Медеплавильные		2	
Колокольные	1	2	1
Минерально-купоросные			1
<i>Всего</i>	<i>136</i>	<i>159</i>	<i>148</i>

* См.: РГИА, ф. 1281, оп. 4, д. 42, л.16 об.–17 (Симбирская губерния); д. 32, л. 25–25 об. (Казанская губерния); д. 38, л. 26 об.–27 (Пензенская губерния).

Хотя термин «фабрика» прочно вошел в употребление в первой половине XIX в., его смысловое значение не в полной мере соответствовало современному пониманию, сформировавшемуся лишь во второй половине XIX в. В приведенной выше таблице к фабрикам отнесены предприятия, преимущественно текстильные, где происходило внедрение машин и наблюдалась механизация некоторых производственных процессов (суконные, полотняные, шелкоткацкие, ковровые, бумагопрядильные, писчебумажные, китаечные и кумачные, табачные, канатные). К заводам же отнесены предприятия, где механизировать производственный процесс на том этапе технико-технологического развития не удавалось, или же в силу специфики производства это вообще не было возможно. В то же время в некоторых случаях мы обнаруживаем разночтения при отнесении предприятий к тому или иному типу. Например, стекольные предприятия по Симбирской губернии отнесены в разряд заводов, а по Казанской – причислены к фабрикам. Предприятие по производству хрусталя в Пензенской губернии, принадлежавшее Бахметьевым, традиционно именовалось фабрикой. В целом же существенного разрыва между фабриками и заводами губерний Среднего Поволжья в технико-технологическом плане не наблюдалось, прежде всего по причине слабости энергетической базы. Паровой двигатель все еще оставался редкостью и не мог вытеснить водяные колеса, конные машины. В любом случае даже на тех предприятиях, где происходило внедрение паровых машин, сохранялось преобладание ручного труда.

Характеризуя производственно-отраслевую структуру промышленности Среднего Поволжья необходимо отметить, что ведущую роль играли суконная и винокуренная отрасли, которые по трем основным параметрам производства (количество предприятий, численность занятых рабочих, размеры производства) занимали лидирующее положение в структуре промышленного производства региона и имели существенный удельный вес в развитии данных отраслей в масштабах всей России.

Большинство предприятий винокуренной отрасли было сосредоточено в Пензенской губернии – одной из наиболее развитых в этом виде производства в целом по России. В 1860 г. там насчитывался 71

завод, что составляло 7,3% от численности всех предприятий отрасли в России (967 заводов). По другим параметрам удельный вес винокуренной промышленности губернии в общей структуре этого производства по России был еще большим: по стоимости производства он составил 15,2% (по Пензенской губернии – 2 850 000 руб., по России – 18 737 947 руб.), а по численности рабочих – 23,1% (по Пензенской губернии – 5 408 чел., по России – 23 442 чел.). При этом на каждое винокуренное предприятие Пензенской губернии в среднем приходилось 40 141 руб. продукции и 76 чел. рабочих, а по России эти показатели составили 19 377 руб. и 24 чел. (ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 119 (Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1860 год), л. 34–35; по России – РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770 (Сведения о количестве фабрик по губерниям, рабочих на них и производительности за 1860–1865 гг.), л. 106–107).

Очень динамично на протяжении первой половины XIX в. происходило развитие сукноделательной отрасли. В 1807 г. в губерниях Среднего Поволжья действовало 6 суконных предприятий (Статистические таблицы Всероссийской Империи или физическое, политическое, статистическое начертание России, с XIX столетия, 1807, табл. 3–5), в 1815 г. – 34 (Статистические ведомости о состоянии Российских мануфактур с 1815 по 1821 год, 1825, с. 22–23), в 1828 г. – 28 (Состояние фабрик и заводов в Казанской губернии в 1828 году, 1830, с. 48–111; Состояние фабрик и заводов в Симбирской губернии в 1828 году, 1831, с. 46–73), в 1840 г. – 25 (РГИА, ф. 1281, оп. 4, д. 42, л. 16 об.–17, 25–27), 1849 г. – 37 (Крюков, 1853, с. 58–193), 1852 г. – 55 (без Самарской – 39) (Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году, 1853, с. 325–326), 1860 г. – 81 (без Самарской – 65) (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147–147 об.).

Довольно высоким был удельный вес показателей суконных предприятий Среднего Поволжья в структуре отрасли в целом по России. В 1860 г. по численности предприятий он составил 19%, по стоимости производства – 7%, а по численности рабочих – 32% (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147–147 об., 106–107). Продукция заводов региона, и особенно Симбирской и Пензенской губерний, занимала важное место в объеме казенных поставок. Из 176 суконных предприятий России, заключивших на 1859 г. контракт на поставку сукна в казну, 77 были расположены на терри-

тории Пензенской (31), Симбирской (31), Самарской (14) и Казанской (1) губерний (О заподряде сукон и каразеи для армии и флота на 1859 год, 1859, с. 1–28).

В конце 1820-х – 1830-е гг. в отраслевой структуре промышленности Среднего Поволжья появляется свеклосахарное производство. Однако к середине XIX в. оно сохранилось лишь в Пензенской губернии. Единичные предприятия Симбирской губернии, возникнув в конце 1830-х гг., к началу 1860-х гг. прекратили существование. В отличие от Симбирской губернии в Пензенской наблюдается рост количества свеклосахарных заводов: с 7 в 1838– 1839 гг. (Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов, 1865, с 236–238.) до 13 в 1859–1860 гг. (Грумм-Гржимайло, 1860, с. 62–63).

В числе отраслей, существенным образом влиявших на отраслевую структуру промышленного производства Среднего Поволжья, можно назвать и кожевенное производство. Основным районом сосредоточения предприятий отрасли являлась Казань с прилегающей к ней территорией. Важными центрами развития этой отрасли были г. Саранск Пензенской губернии и Сызрань Симбирской (в 1850-е гг. – Самарской) губернии.

Предприятия по производству железа и чугуна располагались в Пензенской губернии, главным образом в Краснослободском уезде, где действовали Авгорский и Рябкинский чугуноплавильные и Сивиньский железодельный заводы. Еще один чугуноплавильный завод, расположенный в уездном городе Инсар Пензенской губернии, уже к началу 1830-х гг. свертывает производство.

Металлургическое производство существовало и в некоторых городах Среднего Поволжья, но в отличие от вышеназванных предприятий в качестве сырья они использовали не руду, а чугунный лом и заметно уступали им по масштабам производства. Такого рода предприятия действовали в Пензе, Казани, Симбирске и некоторых других городах.

Достаточно прочное положение в отраслевой структуре Среднего Поволжья в первой половине XIX в. занимало стекольно-хрустальное производство. Несмотря на противоречивую динамику численности заводов отрасли на территории Среднего Поволжья, в целом на протяжении первой половины XIX в. наблюдалось их увеличение: к 1860 г. их количество достигло 10 (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147– 147 об., 106–107).

В первой половине XIX в. объектом внимания предпринимателей Среднего Поволжья становится и писчебумажная отрасль, насчитывавшая в 1860 г. 7 предприятий (РГИА, ф. 18, оп. 2, д. 1770, л. 124–124 об., 138 об.–139, 150 об.–151, 147–147 об., 106–107).

К числу принципиально новых производств отраслевой структуры Среднего Поволжья первой половины XIX в. можно отнести крахмалопаточное, стеариновое, машиностроительное и некоторые другие производства, представленные лишь единичными предприятиями. Хотя они и незначительно влияли на отраслевую структуру, они олицетворяли собой наступление нового этапа промышленного развития.

В то же время наряду с динамично развивающимися в структуре промышленной организации Среднего Поволжья присутствовали отрасли, относящиеся к категории «морально устаревших», для которых была свойственна регрессивная линия развития. Одной из таких была поташная, которая после ее расцвета в XVIII в. утратила свои позиции. К числу отраслей, испытывавших довольно серьезные проблемы развития, следует отнести и полотняную промышленность.

Классифицируя промышленное производство Среднего Поволжья по формам владения и праву собственности, мы обнаруживаем преобладание вотчинных и купеческих предприятий. Первые доминировали в винокурении, сукноделии, свеклосахарном, полотняном и других производствах, вторые – в кожевенном, салотопенном, свечном, мыловаренном, хлопчатобумажном и др.

Незначительный удельный вес в общей структуре промышленного производства имели посессионные предприятия, доля которых на протяжении дореформенного времени постоянно сокращалась. Эта форма промышленности преобладала в металлургии (производство чугуна, железа, меди), а также в химической промышленности (минерально-купоросные заводы). Единичные посессионные предприятия существовали и в некоторых других отраслях (суконная, писчебумажная). Правительственные круги признали неэффективной эту форму промышленного производства, считая ее обременительной и экономически нецелесообразной для владельцев, а кроме того ограничивающей свободу и хозяйственную самостоятельность рабочих. Поэтому на протяжении второй трети XIX в. проводился курс на ее постепенную ликвидацию.

Практически исчерпало свой потенциал на протяжении первой половины XIX в. государственное промышленное предпринимательство. Немногочисленные казенные предприятия, существовавшие

прежде всего в винокуренной отрасли, в этот период прекращают действие. После того как государство утвердилось в мысли о неэффективности государственной организации производства вина, прокатилась волна закрытия казенных винокурен. Так, Синдровский и Бриловский винокуренные заводы Краснослободского уезда Пензенской губернии закрываются уже в 1820 – начале 1830-х гг. Такая же участь в 1847 г. постигла Мелекесский завод Симбирской губернии (Арсентьев В.М. От протоиндустрии к фабрике, Саранск, 2004, с. 180–183).

В некоторых других отраслях промышленности Среднего Поволжья казенное производство существовало лишь в виде единичных предприятий, преимущественно в Казанской губернии (поташные, дегтярный, пороховой, «пумповый»⁴ заводы).

Набиравшие обороты новые формы промышленного производства, полностью ориентированные на рынок, составляли частнокапиталистические (преимущественно купеческие) и акционерные предприятия. В отраслевом плане они были представлены кожевенными, хлопчатобумажными, мыловаренными, салотопенными, воскобойными, свечными, канатными предприятиями. На эти формы организации промышленного производства были ориентированы также механические и машиностроительные предприятия, постепенно выделявшиеся из структуры металлургической отрасли и получавшие самостоятельное развитие.

Выявленные особенности территориального размещения и производственно-отраслевой структуры промышленности Среднего Поволжья являются наглядным отражением процессов, происходивших в российской промышленности в целом в предшествующее отмене крепостного права шестидесятилетие. При этом в ней обнаруживаются векторы развития, свойственные как протоиндустриальному, так и раннеиндустриальному этапам экономической модернизации. Особенностью России можно считать размытость границ между этими этапами, своего рода наложение их друг на друга, длительное сохранение элементов традиционной экономики параллельно с активизацией инновационного развития. Переход от одной фазы к другой не был линейным и одномоментным. С одной стороны, уже с 30–40-х гг. XIX в. в связи с начавшимся промышленным переворотом формируются

⁴ «Пумповыми» назывались заводы по производству особого сорта кож, очень толстых и прочных, используемых на кораблях и промышленных предприятиях в «пумпах» (помпах, насосах) – прим. авт.

индустриально-зрелые формы промышленного производства в виде крупных заводских комплексов и технологически развитых производств (локальная индустриализация). С другой – протоиндустриальные формы промышленного производства в виде крестьянских промыслов, ремесла, полукустарных предприятий с низким уровнем технической оснащенности и преобладанием ручного труда, «встроенных» в аграрную экономику, сохраняли свое значение не только в дореформенный период, но и во второй половине XIX – начале XX в. (Арсентьев В. М. Экономическое развитие России в XIX – начале XX века, 2010, с 5–6).

Как видно из вышесказанного, развитие тех или иных отраслей промышленности Среднего Поволжья на протяжении первой половины XIX в. происходило в рамках нескольких моделей промышленного предпринимательства. На протяжении дореформенного времени определялись новые направления и перспективы их развития. Каждая из моделей имела отраслевое и типовое своеобразие и эволюционировала по своим законам, специфика которых определялась не только объективными политическими и экономическими факторами, но и субъективными и социокультурными, от которых зависела реализация их рыночного потенциала и возможностей технико-технологического развития.

Наблюдаемые в производственно-отраслевой структуре изменения позволяют говорить о наметившейся к середине XIX в. структурной перестройке в российской промышленности, которая, наряду с рядом других параметров, знаменовала собой начавшийся переход от протоиндустриального к раннеиндустриальному этапу экономической модернизации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсентьев В.М.* От протоиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья) / В.М. Арсентьев. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – 256 с.
2. *Арсентьев В.М.* Социальные аспекты организации промышленного производства провинциальной России в первой половине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) / В.М. Арсентьев. – Саранск: Издат. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 2009. – 368 с.
3. *Арсентьев В.М.* Теория и практика экономического районирования Среднего Поволжья / В.М. Арсентьев, О.И. Марискин // Регионоведение. – 2004. – № 2 (47). – С. 106–119.

4. *Арсентьев В.М.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы / В.М. Арсентьев // *Экономическая история.* – № 9. – 2010/2. – С. 4–18.
5. *Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год.* – СПб., 1814. – С. 1–174.
6. *Ведомость о мануфактурах в России за 1813–14 годы.* – СПб., 1816. – С. 457.
7. *Ведомость о числе фабрик и заводов по губерниям в 1838 году* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1840. – Ч. 2, № 4–6. – С. 55–56.
8. *Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1853. – Ч. 4, № 10–12. – С. 325–326.
9. *Ведомость о числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1854 году* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1855. – Ч. 4, № 10/12 ;
10. *Ведомость о числе фабрик и заводов, существовавших в 1846 году* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1847. – Ч. 4, № 10–12. – С. 459.
11. *ГАПО* (Гос. арх. Пензенской области). Ф. 9. Оп. 1. Д. 119 (Отчет Пензенского губернского статистического комитета за 1860 год). – Л. 34–35.
12. *Грумм-Гржимайло Е.* О свеклосахарной промышленности и развитии ее в России / Е. Грумм-Гржимайло. – СПб., 1860. С. 62–63.
13. *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России / П. Крюков. – СПб., 1853. – С. 58–193.
14. *О заповряде сукон и каразеи для армии и флота на 1859 год* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1859. – Т. 5, № 1–3. – С. 1–28.
15. *О состоянии фабрик и заводов в Пензенской губернии в 1828 году* // *Журн. мануфактур и торговли.* – 1829. – № 9. – С. 1–43.
16. *РГИА* (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1281. Оп. 4. Д. 32. Л. 25–25 об. (Казанская губерния); Д. 42. Л. 16 об.–17 (Симбирская губерния); Д. 38. Л. 26 об.–27 (Пензенская губерния).
17. *РГИА.* Ф. 18. Оп. 2. Д. 1719 (Ведомость о количестве фабрик и заводов по губерниям, количестве рабочих и вырабатываемой продукции). – 1858–1859 гг. Симбирская губерния – Л. 40–40 об.; Казанская губерния – Л. 66 об.–67; Пензенская губерния – Л. 81; Самарская губерния – Л. 88 об.–89; Московская губерния – Л. 74–76; Санкт-Петербургская губерния – Л. 86–87 об. ; Ярославская губерния – 101–102 об.; Калужская губерния – л. 67 об.–68 ; Нижегородская губерния – Л. 77–77 об., Владимирская губерния – Л. 58–58 об.; Д. 1770 (Сведения о количестве фабрик по губерниям, рабочих на них и производительности за 1860–65 гг.) – Л. 124–124 об. – Казанская губерния ; Л. 138 об.– 139 – Пензенская губерния; Л. 150 об.–151 – Симбирская губерния; Л. 147–147 об. – Самарская губерния; Л. 106–107 – по России в целом.
18. *Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов.* – Т. 2, вып. 6. – СПб., 1865. – С. 236–238.

19. *Состояние фабрик и заводов в Казанской губернии в 1828 году, составленное из официальных бумаг Редактором // Журн. мануфактур и торговли.* – 1830. – № 11. – С. 48–111.

20. *Состояние фабрик и заводов в Симбирской губернии в 1828 году // Журн. мануфактур и торговли.* – 1831. – № 7. – С. 46–73.

21. *Статистические ведомости о состоянии Российских мануфактур с 1815 по 1821 год.* – СПб., 1825.

22. *Статистические таблицы Всероссийской Империи или физическое, политическое статистическое начертание России, с XIX столетия.* – М., 1807. – Табл. 3–5.

Информация об авторе

Арсентьев Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск); vicars@bk.ru

Arsentyev Victor Mikhaylovich, the doctor of historical sciences, professor of department of history of Russia of FGBOU VPO «The Mordovian state university of N.P. Ogaryov» (с. Saransk); vicars@bk.ru

УДК 94(470+571)"19":021

**ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ:
БИБЛИОТЕКИ РОССИИ XIX ВЕКА В ПОИСКАХ
СВОИХ ПОКЛОННИКОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)¹**

© 2015 г. Н.А. Арчбасова

Стремительное развитие виртуального пространства может в ближайшем будущем превратить бумажные книги в музейные экспонаты.

Работая над докторской диссертацией по истории Российской империи в библиотеках, музеях и архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Поволжья и Приуралья, автор собрала уникальные материалы об истории библиотек и читателей. Она проанализировала коллекции периодических изданий, учебных книг, религиозной и нелегальной литературы.

Апробация ряда сюжетов состоялась в научных публикациях, выступлениях на международных конференциях или с мастер-классами в разных странах мира: Россия, Германия, США, Македония, Украина, Монголия. Основные подходы к написанию данной темы основываются на специфике представления культуры повседневности. Предметы и детали жизни обычных людей раскрываются нам их удивительный мир.

Автор для описания феномена «библиотека» использовала диверсификацию методов научного исследования общественных наук. Она показала взаимосвязь массового образования с потребностью людей во внеклассном чтении и самообразовании.

Ключевые слова: историография, образование, школа, библиотека, книга, азбука, Россия, XIX век, религия, внеклассное чтение.

**EXTRACURRICULAR READING:
LIBRARIES OF RUSSIA OF THE XIX CENTURY IN SEARCH OF THEIR
FANS (HISTORIOGRAPHICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS)**

N.A. Archebasova

The rapid development of the virtual space can be to turn paper books in the museum exhibits in the near future.

While working on her doctoral dissertation about the history of the Russian Empire in libraries, museums and archives in Moscow, St. Petersburg, the Volga and the Ural regions. The author has collected unique materials on the history of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-41-93046.

libraries and readers. She analyzed the collection of periodicals, textbooks, religious and illegal literature.

Testing of a series of stories took place in scientific publications, presentations at international conferences and master classes around the world: Russia, Germany, USA, Macedonia, Ukraine, Mongolia.

The main approaches to writing of this theme are based from the specific representation of the culture of everyday life. Items and details of the life of ordinary peoples help to discover their wonderful world.

The author used the diversification of methods of scientific research of the social sciences to describe the phenomenon of «library.» She showed the relationship of mass education with the need of people in extra-curricular reading and self-education.

Keywords: historiography, education, school, library, book, ABC, Russia, XIX century, religion, extracurricular reading.

Самая читающая страна в мире в советское время сейчас нуждается в обновлении списка внеклассного чтения и мировоззренческого отношения к нему. Книжное наследие XIX в. в регионах России огромное и большей частью невостребованное. В Пензенской областной библиотеке на абонементе выдают литературу середины XX в. В Пермской библиотеке сочинения XIX в. столь многочисленны, что большей частью не включены в редкий фонд. В библиотеках страны до сих пор есть книги и журналы XIX в., которые даже не разрезаны для чтения! В музеях корешки и обложки книг играют роль элементов интерьера на полках и в шкафах, лишь иногда доступен один раскрытый разворот страниц в экспозиционной витрине. В этой связи репринтные издания и научно-популярные работы – это полезный компромисс в сочетании удобного носителя информации, большого тиража, хорошего чтения и полезных комментариев знатоков в данной области.

История повседневности очень интересует современную публику: еда, мода жилище, развлечения, школа и прочие темы из истории культуры и быта уже нашли своего читателя и ценителя. Пора сюда включить библиотеки. Популярный среди людей разного поколения Музей советского быта в Казани является ярким примером того, как старые привычные предметы и книги из детства стали достоянием истории двадцатого века и знаковым объектом культуры.

Современные библиотеки часто проигрывают борьбу за своего читателя индустрии мультимедиа, так как не могут выгодно «подать товар» (в сравнении с электронной продукцией в разы меньше цвета, звука, объемного видения и пр.). Однако именно они пытаются сохранить удачные практики живого общения читателей: встречи с автора-

ми, клубы по интересам, музыкальные концерты в нотных отделах, библиотека-кафе (вспомните, библиотека-чайная на рубеже XIX–XX вв.) и многое другое. Интересно, что понравившиеся публике киноверсии, мюзиклы или спектакли актуализируют внимание к лучшим произведениям прошлого.

Образовательное пространство современного человека создают школа, библиотека и поле внешкольного самообразования через рекомендованное чтение (молодежь все чаще советует друг другу в социальных сетях, что прочитать, посмотреть, увидеть). Значительное расстояние, отделяющее современного читателя от его предка XIX века, содержит интригу открытия новых смыслов в ближайшем окружении человека через их сравнение с бытийными, повышает общественный статус книги и чтения.

Основные подходы к раскрытию данной темы исходят из специфики представления культуры повседневности, заложенной европейскими традициями школы «Анналов», в частности, Ф. Броделем в 70-х гг. XX в. Он впервые использовал при исследовании материальной культуры представление о влиянии на нее социальной мобильности («игры обмена»); описал повседневность в ее бытийной предметности: утварь, поведенческие привычки и ценности (Бродель, 2006, т.1).

В этот же период стала широко известна в английском переводе оригинальная концепция цивилизации немецкого классика культурологии и социальной истории Н. Элиаса, опубликованная еще в 30-е гг. XX в., но сохранившая свою актуальность до сих пор (Элиас, 2001). Он ввел понятие «социо-психогенеза», показал прямую зависимость манер и поведения людей от социально-политических изменений.

Публикацию в России полнотекстовых или хрестоматийных трудов зарубежных авторов о роли книги в жизни образованных людей и отдельных социальных групп также можно начинать с 80-х гг. XX в. Иницированы они были столичным издательством «Книга». Первой опубликованной антологией рассказов писателей десяти европейских стран и США стал в 1979 г. сборник «Лучезарный Феникс. Зарубежные писатели о книге, чтении и библиофильстве. XX век», в котором литературный стиль изложения помогает читателю постигать пристрастия читающей публики и ее саму. Вслед за этим изданием последовало в 1980 г. подобное, но более обстоятельное «Корабли мысли: Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах». В нем составитель В.В. Кунин объединил разножанровые произведения французских и английских писателей и мыслителей более четырех столетий темой любви к хорошему чтению. Однако более пространственные исторические комментарии о

социальной мотивации читательских интересов могли бы сделать тексты понятнее нашим современникам. Содержание третьего сборника «Листая вечные страницы: писатели мира о книге, чтении, библиофильстве» переключается с предыдущим, но его выход в 1983 г. подчеркивает стабильный общественный интерес к данной теме.

Вполне понятной становится в этой связи параллельная публикация тем же издательством в 1982 г. сборника работ отечественных литераторов времен Российской империи «Очарованные книгой: Русские писатели о книге, чтении, библиофилах. Рассказы, очерки, эссе». Многие из них являются важным историческим источником по истории образования и культуры России. Например, уже в XVIII в. сатирической миниатюре «Каковы мои читатели» Н.И. Новиков назвал двадцать три типа читателей, используя психологические характеристики личности; Н.И. Страхов и В.С. Березайский высмеивали модное и поверхностное чтение аристократии. В XIX в. А.П. Чехов создал психосоциальные образы «подневольных читателей», а Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «О книге. Книжка с картинками» показал разноплановые формы включения чтения в повседневные практики россиян.

Важно отметить, что от литературного представления книголюбцев и жизненных сцен с их участием в течение второй половины XIX – начале XX вв. российские авторы переходят к публикациям научно-популярных работ в жанре жизнеописаний выдающихся исторических деятелей от «Царские дети и их наставники. Исторические сочинения для юношества» писателя, одного из руководителей «Исторического вестника» Б.Б.Глинского до многотомного исследования выдающегося историка Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Развитию культуры чтения россиян уделили значительное внимание в своих исследованиях А.А. Генкель и выдающийся русский политический деятель, историк и публицист П.Н. Миллюков. В трех фундаментальном многотомном издании «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903 гг.) последний уделил значительное внимание культурной ценности церкви, школы, образования.

В России научное изучение истории и культуры повседневности начинается только с середины 90-х гг. XX в. Так, в 1992 г. сборник научных трудов «Чтение в дореволюционной России», подготовленный сотрудниками отдела исследования чтения, пропаганды книг и рекомендованной библиографии государственной библиотекой им. В.И. Ленина еще выдержан в типичной советской стилистике обращения к царской истории.

Переломным моментом в отношении советских людей к культурному прошлому привилегированных сословий Российской империи стала серия познавательных телевизионных передач в конце 80-х г. XX в. «Беседы о русской культуре». Их подготовил и провел в жанре психологии истории член четырех иностранных академий наук, один из первых разработчиков структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры в советской науке Ю.М. Лотман. Книжная версия этого исследования после значительной научной авторской правки под названием «Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.)» вышла в 1994 г. В ней нет специальной сюжетной линии о роли книг, но нарисованная Ю.М. Лотманом красноречивая картина дворянской повседневности помогает лучше ее понять.

В конце XX в. систематизация сведений о библиотеках и книжном мире России XIX в. находит свое краткое изложение в работах ученых классических университетов Санкт-Петербурга Н.И. Яковкиной «История русской культуры: XIX век» и Волгограда С.П. Лопушанской «О вратах учености. История учебной книги по русскому языку». Первая из них является классическим вариантом солидного вузовского учебного пособия по культурологии, где темы просвещения, книжного дела, литературы, изобразительного искусства и театра рассмотрены в едином контексте совершенствования российской культуры. Вторая работа демонстрирует удивительную внутреннюю гармонию научного стиля мышления и легкости пера литературно-популяризованного изложения сюжета. Значительный вклад в концептуальное развитие истории и культуры повседневности внесла профессор Н.Н. Козлова. Ее работы по исторической антропологии, исследующие наивный социо-элект, основаны преимущественно на изучении советского периода («Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора», 1996 г.; «Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения», 1996 г. совместно с И.И. Сандомирской).

Проанализированные нами монографии и диссертации начала XXI в., наиболее близкие нашей теме, концентрируются в основном на изучении замкнутых социальных групп российской провинции: сословных (Н.А. Милешина, И.В. Маслова, О.Е. Просвирнова, Т.О. Санникова), детских (Л.Н. Берсенева, И.Ю. Мартианова, А.А. Штец) и городских (Л.М. Артамонова, А.Н. Зорин, А.И. Куприянов, А.С. Ступина). Кроме того, можно выделить исследования, посвященные общественной роли социокультурных объектов: библиотек (Е.С. Бурла-

кова, Р.А. Гильяминаова, Т.А. Камскова, С.И. Лякишева, М.В. Курмаев, С.Б. Харитонов) и образовательных заведений (А.А. Сенькина).

Наиболее совпадает с нашей трактовкой темы докторская диссертация М.В. Курмаева «Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний)». Он подчеркивает синкретизм сфер деятельности, связанных с производством и потреблением книги до середины XIX в.; увязывает общественную потребность в читальнях и библиотеках с высокой стоимостью изданий и указывает на приоритетное значение образовательных заведений для развития потребности в учебном и внеклассном чтении. Авторское видение проблемы не предусматривало изучение психологических и «наивных» аспектов восприятия событийного ряда россиянами разных социальных групп.

Напротив, в научно-популярных книгах А. Етоева «Книгоедство. Выбранные места из книжной истории всех времён, планет и народов. Роман-энциклопедия» и В.Н. Романенко «Рассказы о книгах и библиотеках» собрана забавная литературная энциклопедия, в одном случае в алфавитном, в другом, – в хронологическом порядке. Некоторые из сюжетов можно соотнести с нашей темой.

Новейшая зарубежная литература по истории и культуре повседневности грамотной публики представлена сочинениями выдающихся ученых и деятелей культуры. Так, немецкий историк, один из родоначальников истории повседневности, профессор Эрфуртского университета А. Людтке в специально подготовленном для русскоязычного читателя издании «История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти» (пер. с нем., 2010 г.) показывает потенциальные возможности изучения повседневности новейшей истории и универсальные страноведческие методы организации исследований.

Итальянский писатель, ученый-медиевист и семиотик У. Эко в тандеме с патриархом французского кинематографа Ж.-К. Карьером сочинили книгу «Не надейтесь избавиться от книг!» (пер. с фр., 2010 г.). Она написана в жанре свободного интеллектуального интервью, где серьезные умозаключения сменяются анекдотами и курьезами с целью удержать внимание читателей на проблеме жизненно необходимой потребности людей в чтении. Своеобразным дополнением данной работы можно считать адресованную читателям школьного возраста и их окружению книгу-эссе Д. Пеннака «Как роман» (пер. с франц., 2005 г.) о проблеме отсутствия у современного школьника интереса к чтению. Автор обращается и к историческому прошлому

культуры детского и семейного чтения, демонстрирует знание русской литературной классики.

В целом, представленный нами историографический экскурс содержит, наряду с ценными авторскими подходами к научному исследованию темы и способами ее популяризации, большое пространство для дальнейших разножанровых публикаций.

Автором данной статьи была использована диверсификация методов научного исследования общественных наук для описания феномена «Библиотека», стремительно менявшегося на протяжении XIX в. из-за распространения массового образования и закрепления среди важнейших потребностей не только для элитарного, но и для массового человека потребности к самообразованию и саморазвитию. Библиотечная тема сложена из сведений разнопланового характера: от текстов законов, книг, официальной хроники, строительной документации и пр. до мнений и слухов людей. В ней прослеживается история отдельных библиотек России, чем-либо выделявшихся из постоянно увеличивавшегося перечня, и их взаимосвязь с историей учебных заведений; затрагиваются значимые краеведческие работы прошлого и настоящего; представлены периодические издания XIX в. в качестве носителя пестрой информации о регионах страны; объяснены этимологические особенности важных для понимания темы устаревших слов ряда: Азбука, букварь, «продажные» библиотеки, грамотей, лубок и др.

Основной сюжет данной темы разворачивается вокруг взаимодействия библиотек и учебных заведений по поводу создания комфортных условий для учащихся и читающей публики, трансформировавшегося в разнообразные бытийные практики, социальные формы и организации, как понятные, так и удивительные нашим современникам. В периодических изданиях XIX в. была рубрика «смесь», позволявшая поместить любой интересный материал вкупе с прочими без долгих и глубокомысленных размышлений о сохранении концепции издания. Подобный принцип применим при исследовании истории библиотек и жизни грамотной публики России прошлых веков, когда по ходу развития сюжетной линии закономерны уместные выходы на сопутствующие темы и вопросы, количество и провинциальный колорит которых слишком велики для построения строгого плана изложения.

В духе психологии истории хочется, чтобы читатель «увидел» людей XIX в., прочувствовал их особенный мир и стиль «кантри» (национальный колорит этого времени был намного ярче нашего). При этом автор искренне надеется, что в ближайшем будущем развитие системы образования России позволит выпускникам школ и вузов

вновь читать литературу в подлиннике на нескольких языках, как это имели возможность делать наши предки.

Современная читающая и развивающаяся публика, прежде всего студенты и школьники, преподаватели и учителя, сотрудники библиотек и музеев при всей несомненной пользе электронных изданий еще имеют возможность открыть для себя «бумажную» библиотеку – особое культурное явление, сформировавшее образованное общество XIX и XX вв. Цикл жизни массовой «бумажной» библиотеки, который начался в XIX в., сейчас завершается. Теперь время его проанализировать и актуализировать полезную практику.

«Оптимизация» сети районных библиотек и уход читателей в виртуальную реальность приводят к замене привычки сохранять для общества лучшие письменные образы предшествующих поколений и современности, сохраненные в книгах, на моду читать бестселлеры месяца в стиле фэнтези. Тысячи новинок продаж в мире литературы сейчас могут скорее помешать, чем помочь читателю найти «свою» книгу. Восприятие прошлого, как устаревшей реальности, постепенно сменяется желанием вернуться к «вечным» литературным ценностям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова Л.М.* Общество власть и просвещение в русской провинции XVIII– начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). – Самара, 2001. – 392 с.
2. *Берсенева Л.Н.* Основы нравственного воспитания детей и юношества в русской педагогической журналистике второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Киров, 2005. – 18 с.
3. *Бродель Ф.* Структура повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: В 3 т. – М., 2006. – Т. 1. – 592 с.
4. *Бурлакова Е.С.* История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. – 19 с.
5. *Гильямина Р.А.* История библиотек Башкортостана второй половины XVI – начала XX в. (по материалам Оренбургской и Уральской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 22 с.
6. *Гинкен А.А.* О чтении и книгах: в 3 т. – СПб., 1914.
7. *Глинский Б.Б.* Царские дети и их наставники. Исторические сочинения для юношества. 2е изд. – СПб., М., 1912. – 330 с.
8. *Етоев А.* Книгоедство. Выбранные места из книжной истории всех времён, планет и народов: Роман-энциклопедия. – Новосибирск, 2007. – 392 с.

9. *Камскова Т.А.* Народные библиотеки как явление культуры (на примере Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Самара, 2003. – 16 с.
10. *Карьер Ж.-К., Эко У.* Не надейтесь избавиться от книг! / Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / Пер. с фр. – СПб., 2010. – 336 с.
11. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. – М., 1996. – 216 с.
12. *Козлова Н.Н. Сандомирская И.И.* Я так так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. – М., 1996. – 256 с.
13. *Корабли мысли:* Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах / сост. В.В. Кунин. – М., 1980. – 334 с.
14. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 2006. – 608 с.
15. *Куприянов А.И.* Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX века: опыт межрегионального исследования: автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 2007. – 52 с.
16. *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний): автореф. дис. ... док. ист. наук. – Самара, 2010. – 50 с.
17. *Листая вечные страницы:* писатели мира о книге, чтении, библиофильстве. – М., 1983. – 269 с.
18. *Лопушанская С.П.* О вратах учености. История учебной книги по русскому языку. – Волгоград, 1998. – 192 с.
19. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – 399 с.
20. *Лучезарный Феникс.* Зарубежные писатели о книге, чтении и библиофильстве. XX век / сост. Р. Рыбкин. – М., 1979. – 224 с.
21. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. – М., 2010. – 271 с.
22. *Лякишева С.И.* Усадебные библиотеки и домашнее чтение дворян как образец книжной культуры России XIX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2009. – 22 с.
23. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* О книге. Книжка с картинками // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 8-ми т. – М., 1955. – т. 8.
24. *Мартянова И.Ю.* Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2010. – 25 с.
25. *Маслова И.В.* Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX века. – М., 2010. – 352 с.
26. *Милешина Н.А.* Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв.: на материалах центрально-европейских и средневоложских губерний России: дис. ... док. ист. наук. – Саранск, 2012. – 539 с.

27. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – М., 1993.
28. Новиков Н.И. Каковы мои читатели // Очарованные книгой: русские писатели о книгах, чтении и библиофильстве. – М., 1982. – С. 10.
29. *Очарованные книгой*: Русские писатели о книге, чтении, библиофилах. Рассказы, очерки, эссе / Сост. А. В. Блюм. – М. 1982. – 287 с.
30. *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья* / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин и др. – Ульяновск, 2000.
31. Пеннак Д. Как роман: Эссе. перс с франц. – М., 2005. – 190 с.
32. Просвирнова О.Е. Грамотность крестьянского населения России во второй половине XIX– начале XX вв. и пути ее повышения (на материалах Самарской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2006. – 22 с.
33. Романенко В.Н. Рассказы о книгах и библиотеках. – СПб., 2003. – 125 с.
34. Санникова Т.О. Интеллигенция российской провинции XIX века: мировоззрение о образ жизни: (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
35. Сенькина А.А. «Книга для чтения» как вид учебного пособия для начального обучения: вопросы типологии и истории издания (конец XVIII – XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филолог. наук 05.25.03. – СПб., 2010. – 24 с.
36. Ступина А.С. Культурное пространство провинциального города (Саратов второй половины XIX– начала XX века в воспоминаниях современников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2008. – 25 с.
37. Харитонова С.В. Библиотеки про вв. (на примере Поволжья): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Самара, 2004. – 18 с.
38. *Чтение в дореволюционной России*: Сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. А.И. Рейтблат. – М., 1992. – 152 с.
39. Штец А.А. Букваристика как саморазвивающаяся методическая система взаимодействия школы и семьи.
40. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: в 3 т. – М.; СПб., 2003.
41. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. 2-е изд., стер. – СПб., 2002. – 576 с.

Информация об авторе

Арчбасова Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета (г. Волгоград); narchbasova@mail.ru

Archebasova Nadezhda Anatolievna, the candidate of historical sciences, assistant professor of the history of Russia, Volgograd State University (c. Volgograd); narchbasova@mail.ru

УДК 94(470.5):37

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАНИЦАХ «ТРУДОВ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ»

© 2015 г. С.Г. Басырова

Статья посвящена изучению истории народного образования Южного Урала членами Оренбургской ученой архивной комиссии, исследовавшей историю края в 1887–1918 гг. Рассмотрены усилия П.Н. Столпянского по систематизации архивных дел канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Автором проанализированы работы исследователей С.Н. Севастьянова, И.С. Шукшинцева, А.И. Добромыслова по отдельным аспектам истории школьного дела в Оренбургской губернии первой половины XIX в.: открытии Неплюевского военного училища, обучении башкир в Казанском университете, деятельности частной школы А. Савченковой в Оренбурге и др.

Автор представил также обзор обобщающих трудов и биографических материалов по истории Оренбургского края XVIII–XIX вв., в которых нашла отражение история образования: школьная политика оренбургских военных губернаторов В.А. Перовского, П.П. Сухтелена, деятельность отдельных учебных заведений. Сделаны выводы о вкладе исследований членов Оренбургской ученой архивной комиссии в становление историографии истории народного образования Южного Урала.

Ключевые слова: Оренбургская ученой архивная комиссия, изучение истории школьного дела Южного Урала XVIII–XIX вв., «Труды ОУАК».

THE HISTORY OF THE YUZHNY URAL PUBLIC EDUCATION ON THE PAGES OF «THE ORENBURG SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION STUDIES»

S.G. Basyrova

This article concerns the Yuzhny Ural public education history study by members of the Orenburg scientific archival commission, who studied the history of the region in 1887–1918. It was examined P.Stolpyansky's efforts to organize archival work of the Orenburg Governor-General office. The author analysed studies of such researchers as S.Sevastyanov, I.Shukshintsev, A.Dobromyslov on certain aspects of the school education history in Orenburg Governorate in the first half of XIX century: the Nepluyev's military college opening, The bashkirs education in the Kazan University, A.Savtchenkova's private school history in Orenburg etc.

The author also presented his review of resumptive studies and bibliographic materials devoted to the Orenburg region history in XVIII–XIX centuries, inclu-

ding an education history: orenburg military governors V.Petrovsky, P.Suhtelen school policy, certain schools activity. Conclusions are drawn about Orenburg scientific archival commission contribution in the Yuzhny Ural public education history study.

Keywords: the Oreburg scientific archival commission, the Yuzhny Ural school education history study in XVIII–XIX centuries, the Orenburg scientific archival commission studies.

Деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии, созданной в декабре 1887 г. и работавшей до 1918 г., является одной из наиболее ярких и интересных страниц истории научного знания, общественной инициативы, культуры Урала. Оренбургская ученая архивная комиссия (далее – ОУАК) была открыта сравнительно быстро для российской провинции: всего три года спустя после утверждения императором представления Комитета министров об открытии губернских архивных комиссий 13 апреля 1884 г. (в соседней Уфимской губернии УАК была создана только в 1916 г.). Первые губернские ученые архивные комиссии в России были открыты уже в 1884 г. при участии и по инициативе Н.В. Калачова в Орле, Тамбове, Твери, Рязани. На них возлагалась задача создания исторических архивов в губерниях. Оренбургская ученая архивная комиссия была восьмой в России и первой на Урале (История Оренбуржья, 1996).

ОУАК была создана инициативной группой по рекомендации Археологического института для разбора архивных дел канцелярии Оренбургского генерал-губернатора и архивов других учреждений губернии с целью создания губернского архива (Нугаева, 2010, с. 19). Поэтому, прежде всего, члены комиссии занялись разбором архивных дел, составлением описей. От разбора источников они перешли к научно-исследовательской работе и созданию трудов по этнографии, археологии, истории края.

Проблематика исследований ОУАК широка и разнообразна. Она диктовалась тем комплексом исторических источников, которые содержал архив канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Документы этого архива наиболее ярко отразили историю огромного российского региона. Оренбургская губерния, созданная в 1796 г. на месте Уфимского наместничества (разделена на Уфимскую и Оренбургскую в 1865 г.), включала территорию Южного Урала, отличавшуюся пестрым этноконфессиональным составом населения, крайним пограничным положением. Оренбургские генерал-губернаторы (до 1851 г. военные губернаторы) представляли верховную власть в этом

регионе, были главными начальниками края и заведовали основными сферами жизнедеятельности местного общества. Поэтому архив содержал огромное количество документов с самой разнообразной тематикой. На протяжении многих лет в нелегких условиях отсутствия удобного помещения, недостатка материальных средств члены ОУАК разбирали обширный архив (Набокина, 2010, с.115). Архив канцелярии Оренбургского генерал-губернатора позволил членам ОУАК раскрыть в своих работах самую разнообразную проблематику истории Южного Урала: история освоения края, развитие хозяйства, промыслов, отношения с Востоком, нравы и обычаи башкир, казахов и других народов, история церкви, прессы, отдельных городов края, деятельность оренбургских губернаторов и т.д.

Предметом изучения данной статьи является изучение отдельных страниц истории народного образования Южного Урала Оренбургской ученой архивной комиссией и отражение этой деятельности на страницах «Трудов ОУАК». Одним из приоритетных направлений деятельности ОУАК стала систематизация архивных документов по хронологическому и тематическому принципам. Важным вкладом в развитие архивного дела и изучение истории края стала составленная П.Н.Столпянским «Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии. Указатель делам, касающимся народного просвещения и промышленности Оренбургского края», опубликованная в 20-м выпуске «Трудов ОУАК».

П.Н. Столпянский, сформировавшийся как краевед в оренбургский период жизни (Климаков, 2009, с.152), ставший позже известным историком и краеведом Петербурга, изучал самые разные стороны истории Южного Урала, в особенности топонимику, развитие хозяйства, культуру, городскую историю Оренбурга. В предисловии к своему труду исследователь пишет: «Я просмотрел все тома хронологической описи и выписал на карточки те дела, которые по заглавию имели то или иное отношение к народному просвещению и промышленности в Оренбургском крае». В результате систематизации «получилось 100 отделов, подразделяющихся, в свою очередь, на 182 подотдела и заключающих в себе 4262 дела» (Труды, 1909, с.I, XV).

Из указанных 100 отделов 73 посвящены истории народного просвещения. П.Н. Столпянский широко трактует понятие «народного просвещения» и включает в него, помимо учебных заведений, архивы, библиотеки, выставки, газеты, журналы книги, карты, памятники, театр, типографии и т.д., а также выделяет персоналии, связанные с культурой

края (В.И. Даль, Ф. Зан, К. Зеленко, А.С. Пушкин и др.). Тем не менее, большее количество представленных в описи отделов (52) посвящено непосредственно учебным заведениям и учреждениям. Составитель тщательно систематизировал документы наиболее известных учебных заведений Оренбурга: Николаевского Института, Неплюевского кадетского корпуса, Училища земледелия и лесоводства, казахских («киргизских») школ, Фельдшерской школы. В документах каждого из них он стремился выделить подразделы (с указанием нумерации дел): «открытие, преобразования», «библиотека», «прием воспитанников», «болезни воспитанников», «воспитание физическое», «исключения воспитанников», «часть хозяйственная», «ремонт», «штат учителей», «жалованья, пенсии», «отчеты», «экзамены, окончание курса» и т.д. П.Н. Столпянский облегчил своей работой не только процесс поиска источников будущим исследователям, но указал на основные аспекты деятельности школ, требующие всестороннего изучения.

Опись П.Н. Столпянского представляет собой и попытку определенной классификации учебных заведений, критерии которой, очевидно, не определялись ученым специально. Так, выделяются «заведения выше-учебные специальные» и «заведения средне-учебные» (применительно к школам других российских городов), училища башкирские, «киргизские», казачьи, школа тептярская, училища духовные, мусульманские, волостные, частные, женские и мужские. Сам исследуемый материал требовал определенной систематизации школ по уровню обучения, профессиональной специализации, составу учащихся и т.д. В описи представлены также архивные дела училищ различных городов Южного Урала: Белебея, Бирска, Бугуруслана, Бугульмы, Бузулука, Верхнеуральска, Златоуста, Стерлитамака, Троицка и др., многие из которых входили в состав Оренбургской губернии до ее разделения в 1865г.

Во второй части своего труда ученый наполнил свою систематизацию нумерацией и названиями конкретных архивных дел, расположенных в хронологической последовательности. Составленный П.Н. Столпянским указатель архивных дел, касающихся народного просвещения, давал представление о специфике развития образования на Южном Урале, этноконфессиональных особенностях школ, распространении специальных учебных заведений военного ведомства и т.д. Это был первый опыт систематизации архивных дел, сыгравший важную роль в становлении архивной системы регионов Южного Урала (Нугаева, 2010, с. 20).

Работая в обширном архиве канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, члены ОУАК сталкивались с интересными документами по истории края, среди которых было немало источников по истории школьного дела. Некоторые члены ОАУК публиковали их в общем массиве найденных материалов. Так, И.А. Архангельский при изучении истории города Троицка приводит некоторые сведения о численности учителей и кантонистов (воспитанников) военно-сиротского отделения в 1817–1825 гг., данные об уездном и приходском училищах, открытии в Троицке гимназии и т.д. (Труды, 1900, с.3–50). М.Л. Юдин публикует в «Материалах к истории Оренбургского края» обнаруженные им части летописного дневника, который велся в Оренбурге по распоряжению П.П. Сухтелена. Он приводит описание торжественного открытия девичьего училища в г. Оренбурге в 1832 г. (Труды, 1899, с. 43–47).

Членами Оренбургской ученой архивной комиссии были созданы труды по отдельным аспектам истории народного образования края. Так, в пятом выпуске «Трудов ОУАК» вышла в свет статья «Первая частная школа в Оренбурге». Она принадлежала преподавателю Оренбургской мужской гимназии Ивану Степановичу Шукшинцеву, одному из инициаторов создания ОУАК, бессменному правителю дел комиссии. Это небольшая по объему работа, написанная на основе изучения одного архивного дела 1851 г., в основе которого прошение девицы Александры Савченковой к Оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому с просьбой оказать содействие в возобновлении деятельности ее частной школы, прерванной по распоряжению училищного начальства из-за отсутствия у А.Савченковой необходимых свидетельств и разрешений. И.С. Шукшинцев приводит фрагменты не только прошения А.Савченковой, но и обращения В.А. Перовского к попечителю Казанского учебного округа с просьбой разрешить открытие частной школы (Труды, 1899, с.77–81).

Автор извлек из данного дела сведения о времени создания школы, предметах обучения, числе и составе учениц, в том числе обучавшихся бесплатно, отношениях к этой школе населения и т.д. Работа И.С. Шукшинцева, хотя и посвящена небольшому сюжету из истории школьного дела в Оренбурге, содержит интересные сведения по малоизученной в современной историографии проблеме. Тем более, что история частных школ Южного Урала бедно представлена в современных архивных фондах, содержащих документы учебного ведомства.

Другая работа этого же автора, посвященная истории образования, появилась в одиннадцатом выпуске «Трудов ОУАК». Статья «Первые врачи из башкир в Оренбургском крае» вновь была написана И.С. Шукшинцевым на основе изучения одного архивного дела, правда довольно объемного, включавшего документы 1831- 1845гг. В этой работе тексты документов, которые зачастую приводятся полностью, составляют более 80%. На основе цитирования источников И.С. Шукшинцев проследил историю обучения башкирских мальчиков в Казанском университете от появления этой идеи у оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, оправки первых учеников в Казань в 1832 г., учреждения 20 постоянных вакансий для «магометан Оренбургской губернии» по ходатайству следующего оренбургского военного губернатора В.А. Перовского в 1836 г. до поступления первых лекарей из башкир на службу в Башкиро-мещерякское войско. Автор назвал имена первых врачей «из магометан Оренбургского края»: А. Субхангулов (1842г.), Х. Шарипов (1844г.), а также пытался проследить судьбу других студентов (Труды, 1911, с.11–37). Но изложение материала в статье обрывается на середине 40-х гг. XIX в., поскольку дело архива канцелярии Оренбургского военного губернатора (ГАОО, ф.6, оп.4, д.10037) на этом заканчивалось. Автор в конце статьи выразил желание продолжить изучение этого вопроса, однако нам не удалось обнаружить продолжения этого исследования И.С. Шукшинцева.

В третьем выпуске Трудов ОУАК был опубликован очерк Сергея Никаноровича Севастьянова «Князь Г.С. Волконский, как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса» (Труды, 1897, с. 1–56). Свою работу автор разделил на несколько глав, четко и логично структурировав свое исследование. Поставив перед собой цель «составить очерк о деятельности бывшего оренбургского военного губернатора князя Г.С. Волконского по учреждению в Оренбурге Неплюевского училища», С.Н. Севастьянов, прежде всего, характеризует состояние народного образования в крае с 1740-х до 1803–1805 гг., т.е. со времени губернаторства И.И. Неплюева до первых лет губернаторства Г.С. Волконского. Далее автор переходит к разъяснению причин, побудивших князя Волконского радевать перед императором за открытие Неплюевского училища. Последовательно изучая все перипетии вопроса о необходимости открытия училища и поиска средств для этого, С.Н. Севастьянов прослеживает разницу подходов центральной власти, радевшей, прежде всего, за образование дворянских детей, и губернатора Г.С. Волкон-

ского, считавшего, что «за дворянами стоит целая масса населения, нуждающаяся еще больше в просвещении... из полудиких еще кочевников башкир, киргиз, тептярей, мещеряков, ... из казаков – пионеров этого края» (Труды, 1897, с. 12–13).

С.Н. Севастьянов привел множество ссылок на архивные дела, а также полные тексты многих документов (рапорт Г.С. Волконского императору Александру I, переписка князя с «жертвователями» средств, проекты создания военного училища, принадлежавшие Г.С. Волконскому и его преемнику П.К. Эссену и др.). Он выяснил, когда Неплюевское училище впервые было названо военным (1824г.). Заканчивая свой труд, автор попытался найти сведения о том, где помещалось открытое в январе 1825 г. училище, а также привел сведения об основных преобразованиях Неплюевского военного училища и его директорах.

На протяжении всей работы С.Н. Севастьянов ссылается на архив канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Автор привлек также изданные к этому времени труды по истории Оренбургского края: работу В.Н. Витевского «И.И. Неплюев и Оренбургский край до 1758 г.» (Казань, 1890), историческую справку И.С. Хохлова «Столетие Оренбургского городского трехклассного училища 1789–1889 гг.» (Оренбург, 1889), первый выпуск «Трудов ОУАК» (Оренбург, 1896). С.Н. Севастьянов при изучении вопроса о причислении «мечетной» суммы (деньги, выделявшиеся для мусульманской школы казахских детей при Оренбургской соборной мечети) в капитал училища критикует позицию другого исследователя истории Неплюевского кадетского корпуса полковника П.В. Митурича (Труды, 1897, с. 48.).

Таким образом, исследование члена ОУАК С.Н. Севастьянова по истории открытия Оренбургского Неплюевского военного училища (к тому времени кадетского корпуса) внесло свой вклад в формирование историографии истории этого знаменитого учебного заведения. С.Н. Севастьянов (есаул Оренбургского казачьего войска, выпускник Неплюевского кадетского корпуса) внес вклад в изучение истории народного образования Южного Урала и другим своим трудом – «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.» (Оренбург, 1896).

В девятом выпуске «Трудов ОУАК» была опубликована статья Александра Ивановича Добромыслова, одного из самых активных членов Оренбургского отдела Русского Географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии, изучавшего казахское ко-

чевое скотоводство, жизнь и обычаи кочевников, «Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов». А.И. Добромыслов анализирует деятельность Екатерины II по строительству мечетей на границах Уфимского наместничества и созданию мусульманских школ при них. Обобщив сведения из материалов архива Тургайского областного правления, автор рассматривает шаги Оренбургской пограничной комиссии по учреждению школы при Оренбургской соборной мечети для детей казахов. Приняв во внимание сведения о количестве учеников, отпускаемых на школу средствами, исследователь приходит к выводу о том, что эта школа «не имела никакого влияния на распространения среди киргизов татарской грамотности и магометанского вероучения» (Труды, 1902, с. 60).

На страницах этой небольшой работы А.И. Добромыслов вел полемику с автором известного труда по истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавским. Во-первых, историк опровергает имевшееся в литературе заблуждение о том, что было заведено много мусульманских школ для казахов, а школа в Оренбурге была главной. В действительности была открыта лишь одна школа, утверждает А.И. Добромыслов. Во-вторых, автор считает необоснованным обвинение Екатерины II в насаждении ислама среди казахов при помощи строительства мечетей и распространения «татарской» грамотности, прозвучавшее в работе Н.М. Чернавского. А.И. Добромыслов отмечает: «Татары и мечети, по моему, только были тем мостом, через который предварительно должны были пройти киргизы для сближения с русскими, но не больше» (Труды, 1902, с. 62).

История народного образования Южного Урала нашла свое отражение и в других трудах членов Оренбургской ученой архивной комиссии, посвященных более широким вопросам истории края. Среди таких трудов отметим исследование Н.М. Чернавского «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем», опубликованное в седьмом и десятом выпусках «Трудов ОУАК». Не обращаясь специально к истории духовного образования в Оренбургской епархии, Н.М. Чернавский не мог не раскрыть отдельные станицы истории Оренбургской (называлась так до разделения епархий в 1859г.) духовной семинарии в Уфе, духовных училищ епархии: предметов преподавания, поиска учителей и их подготовки, состава и численности учеников, управления духовными учебными заведениями и т.д. Многие аспекты истории школ православного ведомства в крае исследователь изучал сквозь призму деятельности епископов Оренбургских и Уфимских Амвро-

сия I, Августина, Аркадия, Михаила, Антония I и др. (Труды, 1901–1902, с. 168–170, 193–200, 268, 361, 689). Труд Н.М. Чернавского при отсутствии отдельных работ по истории духовного образования в крае представляет и сегодня огромную ценность.

К достижениям дореволюционной историографии народного образования Южного Урала современные исследователи справедливо относят выделение особой роли генерал-губернаторской власти в становлении профессиональной школы в крае (Климаков, 2009, с.153). Однако эта заслуга принадлежит не только П.Н. Столпянскому, автору труда «Город Оренбург» (Оренбург, 1908). Об этом свидетельствуют работы С.Н. Севастьянова, который, отметив роль Г.С. Волконского и П.К. Эссена в открытии Неплюевского военного училища, выделял просветительскую деятельность еще одного военного губернатора П.П. Сухтелена. В «Биографических заметках о графе П.П. Сухтелене, оренбургском военном губернаторе» С.Н. Севастьянов подчеркивает его заслуги в упорядочении учебного процесса в Неплюевском училище, открытии научного музея при нем, начале обучения медицине башкир в Казанском университете, а также учреждении девичьего училища и приходского училища в Оренбурге, увеличении числа станичных школ в Оренбургском казачьем войске (Труды, 1902, с. 81–92).

В одном из последних выпусков «Трудов ОУАК» вышла в свет работа А.А. Словохотова «Исторические права Оренбурга как центра целого края на высшее учебное заведение». Эту работу можно рассматривать как своеобразный итог изучения истории народного образования членами ОУАК. Работа А.А. Словохотова отличается от предшествующих трудов тем, что по своему характеру и цели она является скорее публицистической, чем исследовательской. В ней нет ссылок на источники, цитирования и воспроизведения документов. Автор обобщает разнообразие факторы исторического развития Оренбургского края и подводит читателя к главной мысли своего труда. Он неизбежно обращается к истории образования, прослеживая ее крупными мазками (Оренбургское главное народное училище, сменившее 5 названий и отметившее свой столетний юбилей в 1889 г., особое развитие военных учебных заведений, обучение стипендиатов Оренбургского края в Казанском университете, учреждение Оренбургского учебного округа, обучение казахов, развитие научных знаний и т.д.) и делает вывод: «Оренбург не только город целого края, но и город ключей к сердцу народов своеобразного Азиатского мира» (Труды, 1917, с. 46). Таким образом, особые права Оренбурга на от-

крытие высшего учебного заведения связаны, по мнению А.А. Словохотова, с его заслугами в просвещении и образовании многочисленных народов Южного Урала. Для него прошлое – «это победоносное шествие русской государственности и культуры к народам приуральского и степного края» (Труды, 1917, с. 109).

Таким образом, Оренбургская ученая архивная комиссия внесла свой посильный вклад в изучение истории народного образования Южного Урала. К главным ее заслугам в этом деле следует отнести усилия по созданию источниковой базы для последующих научных исследований, которые выразились в выявлении, систематизации, публикации накопленных в архивах материалов по истории народного образования. Правда, публикация источников производилась в основном в форме статей, научный уровень которых был невысоким. В большей части упомянутых трудов авторы воспроизводили обнаруженные ими документы по истории школьного дела, не используя методы источниковедческого анализа. Своей главной задачей они считали обнаружение какой-либо информации. С.В. Любичанковский отмечает: «Скорее это было «реконструирование» исторического прошлого, нежели собственно историческое исследование» (Любичанковский, 2014, с. 15).

Тем не менее, члены ОУАК в своих работах выявили наиболее яркие и специфические черты истории школьного дела Южного Урала и начали их первоначальное изучение. К ним относятся участие и активная роль губернских властей в становлении образования, развитие специальных учебных заведений военного ведомства, распространение грамотности и специальных знаний среди оренбургского казачества, башкир, казахов и т.д.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО, ф.6, оп.4, д.10037
2. *История Оренбуржья*. Учебное пособие / Сост. и науч. ред. Л.И. Фуртырянский. – Оренбург, 1996. 351 с. URL: http://kraeved.opck.org/biblioteka/kraevedenie/history_orenburjia/history_orenburjia.pdf (дата обращения 15.09.2015).
3. *Климаков С.А.* Имя в историографии профессионально-технической школы Урала: Петр Николаевич Столпянский // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32. История. Вып. 35. С. 152–156.
4. *Любичанковский С.В.* Научно-публикаторская деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: элект-

рон. науч. журн. 2014. № 4. С. 120–125. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/14_12_2014.pdf (дата обращения 16.09. 2015).

5. *Набокина Т.А.* Нелегкое начало Оренбургской ученой архивной комиссии// Россия и мир в конце XIX – начале XX века. – Пермь, 2010. С. 115–117.

6. *Нугаева Ф.Г.* История архивного дела в Уфимской губернии (1865–1922 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. – Уфа, 2010. 27 с.

7. *Оренбургская библиографическая энциклопедия.* URL: http://www.pseudology.org/goroda/Orenburg/culture/encyclop/tom4/name_list.htm (дата обращения 25.09. 2015).

8. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 3. Оренбург, 1897.

9. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 5. Оренбург, 1899.

10. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 6. Оренбург, 1900.

11. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып.9. Оренбург, 1902.

12. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 10. Оренбург, 1901–1902.

13. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 11. Оренбург, 1903.

14. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 20. Оренбург, 1909.

15. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.* Вып. 34. Оренбург, 1917.

Информация об авторе

Басырова Светлана Габдрауфовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); sbasyrova@yandex.ru

Basyrova Svetlana Gabdraufovna, the candidate of historical sciences, associate professor of the Modern and Early Modern history, The Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (с. Nizhny Novgorod); sbasyrova@yandex.ru

УДК 930.272

СУФИЗМ БЕЗ ГРАНИЦ: ПИСЬМА ДАГЕСТАНСКОГО ШАЙХА МАХМУДА АЛ-АЛМАЛИ В ЧИСТОПОЛЬ*

© 2015 г. А.К. Бустанов

В статье сообщается об обнаружении в библиотеке Казанского университета рукописного сборника, содержащего письма дагестанского шайха Махмуда ал-Алмали (1810–1877) к его ученику Мухаммад-Закиру ал-Чистави (1815–1893). На основе анализа этих писем автор приходит к выводу о тесной связи между ссыльным дагестанским шайхом, мусульманами Астрахани и суфийскими центрами Среднего Поволжья. Письма главным образом посвящены этике и практике суфизма, но также дают фрагментарное представление о деталях взаимоотношений между суфийскими шайхами. В частности, из писем мы узнаем, что ал-Алмали и ал-Чистави вместе воспитывали чистопольских и астраханских мюридов. Переписка и путешествия были важными инструментами в создании и поддержании сети контактов братства Накшбандийа Халидийа. Информация из писем ал-Алмали позволяет переосмыслить границы, задаваемые исследователями в изучении исторического опыта мусульман Северной Евразии. Характер контактов был таков, что приводил к слиянию религиозных и языковых традиций, выходя за рамки слабо поддерживаемых влияний одного культурного ареала на другой. Более продуктивно вести речь о существовании в имперской России наславившихся друг на друга культурных ареалов, не совпадавших с современным им административным границам и рамкам национальной истории дня сегодняшнего.

Ключевые слова: суфизм, транснациональная история, миграции, корреспонденция, исламская медицина, Дагестан, Чистополь.

SUFISM WITHOUT BORDERS: LETTERS OF THE DAGESTAN SHAYKH MAHMOUD AL-ALMALI TO CHISTOPOL

A.K. Bustanov

This article provides information on the newly discovered manuscript volume from the Kazan' University collection that includes letters by Daghestani Shaykh Mahmud al-Almali (1810–1877) to his student Muhammad Dhakir al-Chistawi (1815–1893). Analysis of these letters allows the author to point at the close relationship between an exiled Daghestani Sufi, local Muslim community in Astrakhan

* Работа выполнена профессурой компании ТАИФ по истории исламских народов в России (Европейский университет в Санкт-Петербурге) при поддержке гранта РГНФ 14-11-16008a(p) «Источниковедение татарского суфизма, XIX–XX вв.».

and the Sufi centers in the Middle Volga region. The letters are mainly devoted to Sufi practices and ethics, but they also shed light on the details of personal relationship between the Sufi authorities at that time. In particular, we learn about the joint supervision of Chistopol' and Astrakhani students by al-Almali and al-Chistawi. Correspondence and travelling were the major instruments in creation and strengthening of the Naqshbandiya Khalidiya networks in Inner Russia. Information from the letters allows us to rethink the borders imagined by the scholars when approaching historical experience of Muslims of Northern Eurasia. The character of relations was such that it leads to the merging of religious and linguistic traditions, going beyond the poor influence of one cultural area on another. Rather, I suggest to move towards the picture of overlapping cultural areas that did not correspond with contemporary administrative borders as well as the present-day national histories.

Keywords: Sufism, transnational history, migration, correspondence, Islamic medicine, Daghestan, Chistopol'.

Предварительные замечания

Изучение мусульманских окраин Российской империи и Советского Союза в современной литературе представляет собой цепь малосвязанных островков, время от времени собираемых вместе в рамках международных исследовательских проектов с минимальной связью между локальными «кейсами». В лучшем случае мы имеем дело с анализом региональной ситуации, но чаще всего – это исследования в духе национальных историй, границы которых заданы современным административно-территориальным делением. Если и представлять опыт мусульман в России как целое, то это не совокупность осколков, а скорее постоянно меняющаяся культурная материя, на которую наносятся внахлест ареалы интеллектуальных и религиозных традиций. Воображаемые границы зачастую мешают увидеть динамику культурных контактов в прошлом, те культурные пространства, что конструировали сами акторы.

Социальные и интеллектуальные аспекты развития суфизма в исламской Евразии интересны тем, что они априори не признают локальность и узконациональную ориентацию. Изучая суфизм, мы имеем дело с миграциями, передачей духовных традиций на большие расстояния и созданием межрегиональных социальных связей. Чтобы быть точнее, локальность в этих делах имеет большое значение, но только в той мере, пока она отражает связь с внешним миром. Любая изолированность во многом создается лишь самой академической тра-

дицией, эссенциализировавшей и зацементировавшей такие понятия, как «братство», «ишан», «мюриды», «силсила» и т.п. (DeWeese, 2012).

Существует достаточно исторических свидетельств для деконструкции региональной парадигмы. Не претендуя на полноценную формулировку всех контраргументов, в этой небольшой статье я предлагаю обратиться к проблематике общего культурного пространства между Дагестаном и Средним Поволжьем. Пожалуй, хрестоматийным примером этих контактов является сотрудничество дагестанского шайха Махмуда ал-Алмали (1810–1877)¹ и чистопольского шайха Мухаммад-Закира ал-Чистави (1815–1893). Ал-Алмали был родом из селения Алмалы в Ширване. Русская администрация выслала его в Пермь. С тех пор он неоднократно был во внутренних районах империи и активно общался с местными учеными и суфиями. Во время ссылки ал-Алмали познакомился с Мухаммад-Закиром ал-Чистави и посвятил его в традицию Накшбандийа Халидийа. В нашем распоряжении оказался источник, значительно расширяющий наши представления об этих знакомствах и взаимоотношениях.

Рукопись

О существовании сборника писем Махмуда ал-Алмали, переписываемого его мюридами, упоминает еще Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин в своем «Асаре» и даже приводит выдержки из тех мест, где речь идет не о суфизме (Фэхреддин, 2010, 93 б.). Кроме того, некоторые письма Махмуда ал-Алмали в Чистополь были доступны другому дагестанскому суфию Шу‘айбу ал-Багини (1857–1912) (ал-Багини, 1999, с. 469, сноска 1). Можно было бы думать, что этот сборник разделил участь многих других ценнейших рукописей, о которых писал в разных сочинениях Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин. Судьба, тем не менее, оказалась благосклонной к исследователям.

Важному открытию в области дагестанско-татарских интеллектуальных связей последней четверти XIX в. мы обязаны видному татарскому археографу Альберту Фатхи. В 1978 году в ходе очередной археографической экспедиции Казанского университета в деревне Иске Утэмеш (Староутямышево) Черемшанского района ТАССР им был обнаружен рукописный сборник, хранившийся у местного жителя по имени Фoad Эхмэтзия углы Хэйретдинев (1928 г.р.). Этот сборник явно

¹ О шайхе Махмуде ал-Алмали существует обширная научная и агиографическая литература. См.: (Кемпер, 2003, с. 287–295; Кемпер, 2011, pp. 29–31, здесь же приведена основная литература).

вызвал живой интерес у Альберта Фатхи (Фатхи, 2007; Бустанов, 2015), поскольку при инвентаризации рукописи (шифр 1тгф), она была занесена в отдельную инвентарную книгу, предназначавшуюся для регистрации трехязычных сборников, т.е. содержащих тексты на татарском, персидском и арабском языках. Надо сказать, что порочная практика раздельной инвентаризации рукописей Восточного сектора университетской библиотеки по языкам была введена еще в 1950-е годы. Порочная, потому что рукописи из цельных частных собраний, поступивших в библиотеку в пору репрессий 1930-х годов, расплылись по всему фонду. Особенно ситуация усугублялась тем обстоятельством, что из-за хронического недостатка кадров в Восточном Секторе, многие рукописи оставались незарегистрированными, поэтому составить представление о частных библиотеках татарских ученых бывает крайне проблематично. Так, библиотека Мухаммад-Закира ал-Чистави и его сына Ибрахима не только попала в разные хранилища (Казанский университет, Отдел рукописей Института языка, литературы и искусства АН РТ), но и оказалась раздробленной по языкам внутри коллекции Восточного Сектора университетской библиотеки. Не говоря уже о том, сколько книг из библиотеки ал-Чистави осталось в частных руках.

Такое положение дел, во многом по-прежнему сохраняющееся и теперь, скорее всего, стало причиной невнимания к уникальной рукописи, с 1978 года находившейся на полках Восточного Сектора. Весной 2015 г. эта рукопись случайно привлекла наше внимание. Особенно в связи с тем, что в инвентарной книге она «рекламировалась» как сборник разных сочинений татарских авторов. На поверку, дело оказалось несколько сложнее.

Перед нами сборник разных сочинений (*маджму'а*) из 238 листов русской фабричной бумаги конца XIX в. в картонном переплете, уже отклеивающимся от самого рукописного тома. Рукопись сохранилась почти полностью, за исключением вырезанных листов. В советское время свободные места в рукописи стали заполняться ее владельцами. Так на л. 94а один из владельцев оставил что-то вроде справки по-татарски на латинской графике²: «Мин Сугышлы авыл сәвите Юлтимер авыл Яңа Юл колхоз чилины (члены) Ситтиков Зәки Ур(та?) Үтәмеш авылына 1933 ел 1/Хндә килеп 1934 елның 1/VIІ көненә кадәр

² Как известно, латинская графика была официальной между 1927 и 1939 гг., однако ею пользовались в частном порядке и позднее те, кто был обучен в этот период.

уку йорты меdire булып эшләдем. Имзам Ситтиков З.» – «Я, член колхоза Яңа Юл деревни Юлтимер, [относящейся к] сельскому совету Сугышлы, Ситтиков Заки работал директором школы д. Ср(едний) Утямыш с 1 октября 1933 года по 1 июля 1934 года. Моя подпись Ситтиков З.». Скорее всего, той же рукой на отрывке листа между лл. 169 и 170 приведена недатированная владельческая запись по-русски: «Шугуровского района А.т.с.с.р. Д. под Утямышево. Сытдыков». Другая пометка на русском языке на л. 238а свидетельствует о том, что ее брала в руки женщина. Здесь указан адрес получателя письма: «Уз.С.С.Р. Б.хар укрга Шаватской района Кутская з/пункта Дувлетшину Мустафа», а затем адрес отправителя: А.Т.С.С.Р. Шугуровского района д.под. утямишова. Вафина Фатима». Запись сделана карандашом тем же почерком, что и татарские стихи на форзаце рукописи. Другой фрагмент такого рода с адресом для отправки письма на фронт, очевидно в годы Великой Отечественной, сохранился на л. 198б: «Гарад Кушка, п/ящик №16 первой рата Галуий Вафину». Низ этого листа оборван, видимо неисписанные листы бумаги использовались для писем.

На листе 130а после последнего письма Махмуда ал-Алмали приведен колофон с именем переписчика: *كاتبه احمد بن ملا محمد وفا بن ملا عبد الواحد بن ملا عبد الحليم بن عبد المنان* 1886 – «Написал это Ахмад б. мулла Мухаммад-Вафа б. мулла 'Абд ал-Вахид б. мулла 'Абд ал-Халим б. 'Абд ал-Маннан, 1886 год». В другом месте (л. 194а) переписчик указывает и свою нисбу – ал-Утямышы. Суммируя все эти сведения, можно прийти к выводу, что эта рукопись не меняла своего местонахождения в одной и той же деревне Утямыш в течение девяноста лет.

Особое место в рукописном сборнике отведено ученику двух шайхов – Махмуда ал-Алмали и Мухаммад-Закира ал-Чистави – мулле Зу-н-Нуру 'Айн ан-Нуру б. 'Абд ал-Гани ал-Утямышы (подробнее см. ниже). О нем очень хорошо отзывался в своих письмах Махмуд ал-Алмали, а на л. 205б мы видим текст диплома на обучение (*та'лим*) халидийской ветви Накшбандийа, выданной шайхом Мухаммад-Закиром ал-Чистави своему мюриду мулле Зу-н-Нуру. Переписчик – Ахмад б. Мухаммад-Вафа, возможно, был учеником Зу-н-Нура: последнее датированное письмо Махмуда ал-Алмали и дата переписки отстоят на десять лет. Кем оба этих ключевых персонажа сборника (Ахмад и Зу-н-Нур ал-Утямышы) приходились последующим владельцам рукописи, остается не ясным.

Текст рукописи исполнен бытовым татарским та'ликом, широко практиковавшимся учениками медресе во второй половине XIX в. Поля рукописи содержат следы внимательного чтения: это карандашные пометки на арабском, татарском и персидском языках, оставленные очевидно в советское время. Судя по одной из таких пометок, все они принадлежат Зу-н-Нуру ал-Утямышу (л. 7а).

Таким образом, рукописный сборник, содержащий среди прочего письма Махмуда ал-Алмали, был составлен в 1886 г. Ахмадом ал-Утямышу, учеником самого Мухаммад-Закира ал-Чистави или его мюрида Зу-н-Нура ал-Утямышу. Скорее всего, эти тексты попали в один сборник с другими сочинениями по суфизму, поскольку содержат практические рекомендации начинающим мюридам. Нельзя, разумеется, снимать со счетов и сакрализацию писем выдающихся шайхов. Ответные письма ал-Чистави в сборнике не приведены, поскольку копии с них не составлялись, а оригиналы оставались у ал-Алмали.

Аннотация рукописи

Несмотря на то, что в данной статье нас интересует главным образом коллекция писем шайха Махмуда ал-Алмали, чудом сохранившаяся в составе рукописного сборника, вся рукопись имеет значение для изучения суфийских практик в среде мусульман Внутренней России. Многие из текстов, приведенных в сборнике, имели широкое хождение среди мусульман Поволжья в XIX в., поэтому я предлагаю смотреть на этот сборник как целостный продукт *мадраса* или суфийской обители (*ханака*), открытой шайхом Мухаммад-Закиром в Чистополе. Это что-то вроде справочника или краткой энциклопедии суфийской этики и практики, необходимой для учеников чистопольского наставника. Скорее всего, и письма Махмуда ал-Алмали сохранились в этом сборнике только по той причине, что они достаточно подробно излагают те или иные аспекты суфийских радений и поэтому были практически полезны для адептов суфизма в небольшой татарской деревушке Утямыш.

Безусловно, эта рукопись заслуживает отдельной публикации. Мы планируем издать ее полное факсимиле с аннотациями и комментарием. Чтобы иметь представление о содержании сборника уже сейчас, предлагаю читателю небольшой обзор имеющихся в сборнике текстов, тем более что некоторые из них, особенно написанные по-татарски, могли принадлежать самому Мухаммад-Закиру ал-Чистави:

/л. 1а/ Заставка в виде медальона с арабским заглавием для всего сборника внутри: هذه مجموعة عظيمة في اسرار الطريق و جميع لوازمه و مهماته و

«شروطه مشتملة على رسائل مقبولة عجيبية الاسرار» Это великий сборник о тайнах Пути, всех его обязательных и важных [деталях] и условиях, состоящий из трактатов об удивительных тайнах».

/лл. 1б–3б/ Первый трактат озаглавлен следующим образом هذه رسالة فى حق الرابطة و الاستمداد من الاولياء لقطب العارفين و غوث الواصلين حضرت مولانا محمد خالد النقشبندى البغدادى العثمانى «Этот трактат полюса мистиков Мухаммад Халида ан-Накшбанди ал-Багдади ал-‘Усмани о *рабита* и просьбе о помощи (*истимдад*) посредством святых», на арабском языке.

/л. 4а-б/ هذه رسالة ترجمة مقاصد ناجية «Этот трактат – перевод «Макасид наджийа», сочинение на татарском языке о совершении *рабита*. Автор не указан.

/л. 5а-б/ رسالة «Трактат о сердце, зикре, форме размышлений и деяний» на татарском языке. Автор не указан.

/л. 6а/ «Способ совершения *зикра* сердцем в тарикате Накшбандийа» на татарском языке. Автор этой «методички» не указан, но вполне им, как и в ряде других случаев с практическими текстами, мог быть сам Мухаммад-Закир ал-Чистави.

/л. 7а/ «Благородная цепь», графическое изображение двух вариантов цепочки преемственности в ветви Халидийа. Цепь замыкает Зийа’ ад-Дин ал-Гюмюшханеви. Позднее карандашом была проведена дополнительная линия от Халида ал-Багдади к «нашему саййиду Махмуду» с подписью «мулла Зу-н-Нур».

/лл. 7б–12а/ هذه رسالة فى حق السلوك و الرابطة و شمائل جميع سلسلة نقشبندية على الترتيب Сокращенный тюркский перевод арабского трактата шайха Фарид ад-Дина Ахмада б. Сулаймана ал-Халиди ан-Накшбанди ал-Муджаддиди. Автор перевода не указан.

/л. 12а/ Описание внешнего облика шайха Халида ал-Багдади для совершения *рабита*. Интересно, что на полях переписчик указывает, что эту информацию он скопировал из рукописи «моего учителя» (мавлайи) Махмуда ал-Фа‘ала. Здесь же чуть ниже приведена его полная нисба: نسبة سيدى احقر فقرا النقشبندية محمود المحمدى الحضرى الاويسى القادرى نيسبة نيسبا: «Нисба нашего саййида накшбандийского суфия Махмуда ал-Мухаммади ал-Хидри ал-Увайси ал-Кадири ан-Накшбанди ал-Муджаддиди ал-Халиди ад-Дагистани ал-Алмали».

/лл. 12б–14а/ هذه توسل سلسلة شريف السادات النقشبندى Силсила Халида ал-Багдади

/лл. 14а–21а/ رسالة الكبرى في حق ختم خواجه «Большой трактат о хатм-и х^ваджа» на татарском языке – довольно распространенный текст для подобных компендиумов по накшбандийской практике.

/лл. 21а–23а/ كفاية المرید في امهات الطريق Анонимная поэма на арабском языке о качествах мюрида.

/лл. 26б–52б/ تحفة الاحباب في السلوك الى طريق الاصحاب Арабский комментарий на арабский трактат шайха Мухаммад Мурада «Подарок влюбленных в следовании путем сподвижников». Автор комментария не указан.

/лл. 53а–54б/ Традиционный анонимный текст по суфийской этике «Адаб ал-мюрид» на татарском языке. Конец трактата вырезан (2 листа).

/лл. 55б–130а/ Письма шайха Махмуда ал-Алмали его ученику шайху Мухаммад-Закиру ал-Чистави. На татарском языке.

/лл. 131а–132б/ Короткие письма ‘Абдуллы б. Йахйя мулле Мухаммад-Закиру ал-Чистави на татарском языке.

/лл. 133б–146а/ Персоязычный трактат Ахмада ал-Фаруки رسالة شريفة متضمنة لاشارات لطيفة رابطة و اسرار دقيقة فايقة

/лл. 146б–169б/ Персоязычный трактат Мухаммад-Бакый б. Ша-раф ад-Дина ал-‘Аббаси Лахори с описанием «зикра сердца».

/лл. 170а–194а/ Анонимный арабский трактат о суфизме ارشاد كتب هذه النسخة الشريفة المسمى بارشاد الطالبين فقر (!) الخير المسمى الطالبين. Колофон: احمد بن وفا بن عبد الواحد الاوتمشى 12 مارطده 1886 سنة «Переписал это сочинение под названием «Иршад ат-талибин» бедняга по имени Ахмад б. Вафа б. ‘Абд ал-Вахид ал-Утямиши, 12 марта 1886 г.» Начала нет, т.к. утеряно несколько листов.

/лл. 202б–205б/ копии дипломов Мухаммад Закира мулле Зу-н-Нуру б. ‘Айн ан-Нуру.

/лл. 206б–209а/ письма дамилле Наджм ад-Дину.

/лл. 210а–214а/ конспект статьи Мухаммада Абдо в журнале «ал-Манар» 1321 г., № 903.

/лл. 215б–234а/ трактат на персидском языке حسين ساكن كشمير. هدايت الاعمى

Содержание писем Махмуда ал-Алмали

Тексты писем достаточно формализованы и хорошо структурированы, что позволяет отличать их друг от друга при отсутствии нумерации. Обычно каждое письмо начинается с традиционных благопожеланий в адрес Пророка и его семьи, а затем указания имени адресата и адресанта. Следующий блок содержит информацию о суфийской

практике, затем уже стилистически более свободный блок текста знакомит нас с отношениями между Махмудом ал-Алмали и Мухаммадом Закиром ал-Чистави и вокруг них. Махмуд ал-Алмали никогда не называет адресата своим мюридом. Наоборот, следуя этике, он всячески стилистически подчеркивает высокий статус шайха ал-Чистави и обращается к нему на равных. Остается сожалеть, что мы не имеем возможности ознакомиться с письмами самого ал-Чистави. Скорее всего, он не делал с них копии, и поэтому в руках у его ученика остались только письма, отправленные в Чистополь. Все письма обычно заканчиваются приветами и пожеланиями семье ал-Чистави, датировкой и указанием места написания письма. Всего в сборнике содержится 37 писем, по хронологии охватывающих период времени с зу-л-хиджа 1278 по рамадан 1293 г.х., т.е. с мая-июня 1862 г. по сентябрь-октябрь 1876 г. Хронологического порядка в расположении писем нет, самые ранние и самые поздние письма оказались в конце. В основном это письма из Астрахани (Хаджи-Тархан) и Казани (Газан ал-махруса), но есть также несколько писем из селений Уса и Нахва.

Язык писем заслуживает отдельного внимания. Фактически это смесь арабского и татарского языков с той или иной степенью османского влияния, обусловленного, видимо, огузированным тюрки, бывшим родным для ал-Алмали. Цитаты из персидских суфийских произведений и поэзии Махмуд ал-Алмали всегда сопровождается переводом на арабский или татарский. Переключение между языками происходит органично и практически незаметно. В плане литературы, на которую ссылается в своих текстах ал-Алмали, надо отметить, что она совершенно отличается от круга чтения дагестанских суфиев того времени. Скорее, круг цитируемой им литературы ближе к текстам, преподававшимся в Бухаре и, очевидно, имевшим некоторое хождение в Ширване, откуда ал-Алмали был родом. В частности, обращают на себя персоязычные цитаты из Джалал ад-Дина Руми, «Нафахат ул-унс» 'Абд ар-Рахман Джами, Йа'куба Чархи и «Мактубата» ас-Сирхинди (1тгф, лл. 66б, 72а, 81а и др.). Это обстоятельство, возможно, делало учение Махмуда ал-Алмали более доступным для татарской аудитории, привыкшей к трехязычной литературе и персидским суфийским трактатам, массово привозившимся из Средней Азии и переписывавшимся в татарских медресе (Гилязутдинов, 2011).

Письма шайха Махмуда ал-Алмали позволяют поставить вопрос о переписке как о важном средстве коммуникации для мусульман Российской империи. Это не просто догматический жанр наставлений

ученику, а более гибкий и информационно насыщенный инструмент, обеспечивавший прочность контактов на межрегиональном уровне. В татарских рукописях XVIII–XIX вв. мы часто встречаем копии отдельных писем из «Мактубата» Ахмада Сирхинди в персидском оригинале и татарском переводе. Кроме этого известны некоторые письма татарских суфиев своим ученикам, несущие одновременно событийную и ритуальную нагрузку³. Такие письма нумеровались и переписывались последующими учениками шайхов, главным образом с целью ознакомления с мнениями о предпочтениях в ритуальной практике. Вообще, конечно, письма могли и не иметь суфийский характер, а более личный или деловой⁴, но в любом случае этот жанр *мактубат* получил очень широкое распространение в среде мусульман Внутренней России и Дагестана. По объему в письмах шайха ал-Алмали основное внимание уделяется этике и практике суфизма. До сих пор считается, что Махмуд ал-Алмали не оставил после себя письменного наследия (Кемрег, 2011, р. 30), однако в одном из своих писем (начало месяца зу-л-ка'да 1280 г./ апрель 1864 г., Нахва) он сообщает, что отвечает на письмо ал-Чистави с опозданием, поскольку начал работу над сочинением (*рисала*) о пути Накшбандийа Халидийа для обучения начинающих мюридов. Когда текст будет готов, пишет Махмуд ал-Алмали, он вышлет его Мухаммад-Закиру ал-Чистави (1тгф, л. 70б). В последующих письмах это произведение больше не упоминается, но можно предположить, что последующие пространные письма о суфийской этике на арабском языке могли быть частями этого сочинения. Судя по всему, эти фрагменты текста легли в основу произведения самого Мухаммад-Закира ал-Чистави «Табсират ал-муршидин» (ал-Чистави, 1890; Хасавнех, 2013)⁵, но точное решение вопроса о за-

³ Например, в сборнике суфийских произведений, переписанных 'Абд ал-Хакимом б. Мухит в деревне Тархан (в тексте – ат-Тарханийя) в раби' ал-ахир 1845 г., имеется недатированное «седьмое письмо» шайха Хабиб Аллаха ал-Булгари ал-Казани на татарском языке. Здесь обсуждаются занятия шайха Вали Мухаммада ал-Булгари астрономией и его переезд (хиджра) из земли Булгара, а затем говорится о предпочтении шайха Хабиб Аллаха ал-Булгари практики *рабита-йи саури*. См.: (ОРРК НБ РТ, рук. 757т, лл. 106а–107б). Здесь же есть другие подобные письма, но уже отправленные в Османскую империю.

⁴ Ср. письма Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина астраханскому имаму 'Абд ар-Рахмана 'Умари: (Гомэри, 2002, 243–254 б.).

⁵ Дамасская публикация этого произведения несколько пространнее и содержит отдельную секцию «киз писем Махмуда-афанди ал-Алмали ад-Дагистани»: (ал-Чистави, 1996, с. 31, 52–55, 66–71). Здесь приводится письмо, написанное по-

висимости текста ал-Чистави от писем ал-Алмали требует внимательной текстологической работы.

Махмуд ал-Алмали сообщает некоторые детали об эпистолярной культуре того времени. Чаще всего, судя по всему, он пользовался услугами почты – имперского института по обеспечению межрегиональной коммуникации. Интересно, что слово «почта» шайх ал-Алмали пишет в татарском произношении «пушта» (1тгф, л. 63а). В тех случаях, когда почта была недоступна (из-за отсутствия денег?), шайх прибегал к неформальным связям и просил доверенных попутчиков передать письмо шайху ал-Чистави. Более того, иногда он отправлял несколько писем ал-Чистави с просьбой передать их другим адресатам. В своем письме, датированном началом месяца мухаррама 1282 г. / май-июнь 1865, шайх Махмуд ал-Алмали просит ал-Чистави передать письмо его тестю «сирр ал-авлия Ибрахим-дивана хэзрэтлэре». Ал-Алмали предостерегает своего ученика от беспечности и пишет, что «сколь ни безумен этот человек, он – великая личность» и «по возможности нужно просить его мольбы [Аллаху]» (1тгф, 57б, 67а). Очевидно, речь идет об отце Фатихи, второй жены ал-Алмали из Агрыза (Фэхреддин, 2010, 92 б.).

Контакты поддерживались через постоянно циркулировавших между Чистополем и Астраханью людей – студентов и купцов. Однажды письмо от ал-Чистави доставил некто хваджа Мухаммад Карим, подарки ал-Чистави для ал-Алмали привозила с собой жена муллы ‘Абд ан-Насира (1тгф, лл. 88а, 100а)⁶. Письма, полученные от других лиц, ал-Алмали мог отправить своему ученику, как это произошло с письмами неких ‘Абдуллы и Хаджи Баба афанди, «прибывшими с родины» (*ватан-и асли*) шайха (1тгф, лл. 104б). В итоге ал-Чистави вступил в переписку с Хаджи Баба ад-Дагистани и Шамилем ад-Дагистани (не путать с Имамом Шамилем!), близкими друзьями ал-Алмали (1тгф, лл. 128б). Такое переплетение контактов подтверждает отсутствие принципиальных границ между регионами.

Разумеется, и сам Махмуд ал-Алмали активно участвовал в установлении новых контактов во время своих поездок в Казань, Булгар и

арабски в Астрахани в мухарраме 1291 г., отсутствующее в казанской рукописи. Поскольку дамаская публикация выполнена по автографу дагестанского автора Шу‘айба ал-Багини, то, очевидно, в его распоряжении имелись письма, недоступные татарским ученикам ал-Чистави.

⁶ Первое письмо датировано серединой месяца раби‘ ал-аввал 1276/ сентябрь 1859, а второе письмо написано в конце раби‘ ал-аввал 1288/ июле 1871 г.

Чистополь. В Казани шайх провел какое-то время в 1278/ 1861 и зулка⁷ да 1279/ 1863 г., когда он узнал о болезни дочери ал-Чистави. Во время поездки в Казань в 1283/ 1866 г. Махмуд ал-Алмали гостил со всей своей семьей в доме местного жителя ‘Абд ар-Рахмана хаджи (1тгф, л. 120б). Отсюда он написал несколько писем знакомым «Булгарского вилайата», которых он хотел увидеть: дамулле Ахмаду – халифе хаджи Валида Хаджи-Тархани, а также Нигматчану и Ахматджану – преемникам (*хулуф*) Низаметдина. В этих письмах шайх передает приветы еще более широкому кругу лиц: дамулле Шараф ад-Дин хазрату, дамулле Ахмаджан хазрату, дамулле Файз ал-хан хазрату, дамулле Зайн ал-‘Абидин хазрату, мулле Мухаммад хану, Мухаммаду Суфи, мулле Гарифу, мулле Зу-н-Нуру, дамулле Ширвани хазрату (л. 122а), ахуну хваджа, хазрату хаджи Мухаммад амину, дамулле Гауз хазрату, дамулле Абд ал-Ваххаб хазрату, ишан кари хазрату, мулле Умрана, хаджи Садр ад-Дину (л. 124а). В 1286/ 1870 г. планировалась поездка в Чистополь, но из-за финансовых затруднений (1тгф, л. 56б). 26 джумада ас-сани 1290/ 19 августа 1873 г. ал-Алмали вернулся в Астрахань из Казани (ал-Газан ал-махруса). Обратная поездка заняла четыре дня (1тгф, лл. 83б–84а). В тот год чистопольский шайх был занят строительством медресе рядом с мечетью (1тгф, л. 90б). Сам Мухаммад-Закир ал-Чистави тоже посещал Астрахань, и шайх ал-Алмали неоднократно просил дать ему знать о своем приезде заранее (1тгф, л. 100а).

Вообще, в письмах упоминается большое количество имен, не все из которых поддаются идентификации. Обычно такие персонажи приводятся с просьбой передать теплые приветы. Среди них ‘Айн ад-Дин Ни‘матулла углы, ‘Абд ал-Вахид (л. 57а), дамулла Шахи хазрат (л. 58а), ахунд ‘Абд ар-Рахим хваджа, мулла Ахмад, дамулла ‘Абд ал-Ваххаб, дамулла хаджи Мухаммад-Амин Дарвиш (л. 67а), мулла Кавам ад-Дин, мулла Салах ад-Дин (л. 84б), дамулла Шараф ад-Дин хазрат, дамулла Ахмаджан хазрат, дамулла Файз ал-хан хазрат, дамулла Зайн ал-‘Абидин хазрат, мулла Мухаммад хан, Мухаммад Суфи, мулла Гарифу, дамулла Ширвани хазрат (л. 122а). Практически в каждом письме Махмуд ал-Алмали особо просит поприветствовать членов семьи ал-Чистави, его жен, а также муллу Мухаммад-Наджиба⁷, муллу ‘Абд ар-Рахмана (л. 63б) и Дарвиша (л. 66б). Когда речь заходила о семье, мы узнаем о подробностях частной жизни двух суфийских

⁷ Возможно, речь идет о Мухаммад-Наджибе Амиханове, наследнике Мухаммад-Закира ал-Чистави.

шайхов: рождении детей ал-Алмали – Мухаммад Гарифа и Мулк ан-Ниса (лл. 92б, 93а), женитьбе его сына Мухаммада (л. 56а), убийстве брата Мухаммад-Закира ал-Чистави (л. 102а). В одном месте ал-Алмали упоминает о получении писем от некоего Мухаммад-Сафы (л. 102б), видимо тоже из Среднего Поволжья. Всех этих людей Махмуд ал-Алмали, очевидно, знал лично, и мы тем самым можем представить себе ту сеть контактов, что существовала в пространстве между Дагестаном, Астраханью и Чистополем.

Общие ученики делали межрегиональные контакты теснее. Шайх ал-Алмали просил ал-Чистави сообщать о шакирдах в Чистополе и их положении (1тгф, л. 63б). В одном из писем он пишет о двух студентах ал-Чистави, чьим духовным ростом он руководил – мулле Камале и мулле Зу-н-Нуре. По словам ал-Алмали, оба были очень способными. В 1280/ 1863 г. оба уже учились в Астрахани, и ал-Алмали сообщал об их прогрессе в своих письмах: «Мы заменили способ созерцания (*муракаба*) муллы Зу-н-Нура и муллы Камала на высший уровень (*муракаба фауки*) ... После того, как изменили *зикр*, таким же образом изменяется и *муракаба*, но Вы можете сами по желанию заменить [форму *зикра*]» (1тгф, л. 64а). Особое внимание в приведенных в казанской рукописи письмах уделяется мулле Зу-н-Нуру, которого шайх называет «нур-и чашми», т.е. «свет очей моих» (1тгф, л. 99б). Судя по всему, он был шакирдом ал-Чистави и одновременно учился у ал-Алмали. В 1286/ 1869 г. Зу-н-Нур собирался поехать в хаджж, и ал-Алмали попросил ал-Чистави, чтобы Зу-н-Нур перед поездкой навестил его в Астрахани (1тгф, л. 97а), что, скорее всего, и произошло. Позднее, в 1289/ 1872 г. мулла Зу-н-Нур вновь изъявил желание посетить шайха ал-Алмали, на что тот ответил с благосклонностью (1тгф, л. 87а). Похоже, был и обратный процесс в циркуляции исламского знания: ал-Алмали преподавал в Астрахани и сообщал, что его «астраханские ученики искренне стремятся к Вам... В особенности, мы просим обучить у Вас ‘Абд-ал-Карима б. Ахун хваджа» (1тгф, л. 101б)⁸.

Кажется, находясь в Астрахани, шайх ал-Алмали испытывал финансовые трудности. Успешный купец Мухаммад-Закир ал-Чистави регулярно посылал своему учителю деньги в конвертах, а однажды отправил дорогой чапан (1тгф, лл. 70а, 92а, 94б и др.). Когда в 1286/ 1869 г. ал-Алмали нужны были деньги на строительство нового дома, то он попросил своего татарского ученика ал-Чистави, занимавшегося

⁸ Письмо написано в Астрахани в середине ражаба 1286 / октябре 1869.

торговлей (Хасавнех, 2015), занять ему серьезную сумму денег – 1000 рублей (*тәнкә акча*) или хотя бы 800. Судя по следующему письму, датированному месяцем сафар 1288/ апрелем 1871 г., такую ссуду ал-Чистави все-таки предоставил (1тгф, лл. 976, 99а.). При этом ал-Алмали жаловался на народ в Астрахани: «мы построили дом в плохом (*яман*) месте, здесь люди очень недружелюбные». Они взяли с шайха втридорога за дерево и камень для постройки нового дома, на что у него ушло 400 рублей (*манат*) (1тгф, л. 99а). Иногда деньги предназначались для других лиц. Например, в 1268 / 1869 г. ал-Чистави отправил 50 рублей (*манат*) для Хисам ад-Дин хазрата и ‘Али бая Хаджи-Тархани, видимо, в связи с торговыми операциями, а в другой раз 35 рублей (*тәнке акча*) были переданы в запечатанном конверте с муллой Кадиром шайху ал-Алмали и предназначались мулле Зу-н-Нуру (1тгф, л. 101б.).

Ал-Алмали интересовался медицинской литературой и даже отправил одну такую книгу для ал-Чистави с попутчиком (1тгф, л. 120а), а также сам практиковал исламскую медицину, особенно в части лечения глаз. Учитывая, что мы очень мало знаем о медицинских практиках у мусульман Российской империи⁹, эта информация в письмах имеет особенное значение. В одном из своих писем к учителю Мухаммад-Закир ал-Чистави сообщает о болезни своей дочери Каримы (до сих пор не известной по другим источникам). Похоже, у нее болели глаза и наступала слепота. Узнав об этом, шайх ал-Алмали сокрушался, что, судя по описанию, отец больной девочки запустил лечение. Чтобы помочь своему другу спасти его дочь, в 1279/ 1863 г. шайх отправился из Казани в Чистополь, прихватив с собой глазные лекарства, масла и мумие (*мумия*) и предварительно подробно описав рецепт использования этих лекарств для ослепшего глаза (1тгф, лл. 123а, 125б). Лечение, тем не менее, затянулось: еще в 1293/ 1876 г. шайх пишет о болезни дочери ал-Чистави. Что с ней стало в итоге, мы так и не знаем. Лечение от недомогания (*кәефсез*) для муллы Зу-н-Нура описывает в одном из своих писем ал-Алмали: каждый день нужно кипятить три чашки молока, затем туда сыпется половина чайной ложки черного перца, затем вновь кипятится. После этого перец удаляется из напитка, и употребляется на голодный желудок по одной чашке. Через три дня такого лечения больной должен поправиться (1тгф, л. 99б).

⁹ Исключением являются недавние публикации по чагатайским медицинским рукописям: (Károly, 2015; DeWeese, 2013).

В своих письмах ал-Чистави сообщал о своих видениях (*ру'йа*), включая видение Пророка, а также видениях своих учеников Хикматуллы, Зу-н-Нура и Камал ад-Дина. Ал-Алмали позитивно отзывался об этих видениях, кратко толкует их, например словом «хорошее» (*гүзэл*), но никогда не говорит о них подробно (1тгф, лл. 65а, 66а, 88б)¹⁰. Что касается других практик, то обращает на себя внимание копия татаро-персоязычной *иджазы*, выданной Махмудом ал-Алмали его ученику Мухаммад-Закиру ал-Чистави. Сам ал-Алмали получил ее от своего учителя Йунуса афанди ан-Накшбанди (1804–1860) из Ширвана. В тексте *иджазы* речь идет об известной практике *хатми-хваджаган*, заключающейся в многократной рецитации сур Корана с подсчетом на камнях (1тгф, лл. 57а, 58а–59б). Эта практика, вне зависимости от принадлежности к какому-то конкретному «братству», очень широко распространилась во внутренних районах империи и даже фиксируется этнографически в наши дни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абу 'Абд ар-Рахман Мухаммад б. 'Абд ал-Ваххаб ал-Чистави*. Табсират ал-муршидин мин ал-машайх ал-халидийин. Казань, 1890.
2. *Абу 'Абд ар-Рахман Мухаммад аз-Закир б. 'Абд ал-Ваххаб ал-Чистави*. Табсиратал-муршидинминал-машайхал-халидийин. Димашк, 1996
3. *Альберт Фэтхи*: мәкаләр һәм истәлекләр / төзүче Рәиф Мәрданов. Казан, 2007.
4. *Бустанов А.К.* Рукопись в контексте сибирского ислама // А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 166–180.
5. *Бустанов Ә.К.* Татар археографы Альберт Фэтхинең шәхси архивы // Фәнни Татарстан. 2015. №1. 112–126.
6. *Габдрахман Гомәри*: Фәнни-биографик жьентык. Казан, 2002.
7. *Гилязутдинов С.М.* Персидско-татарские литературные связи (X – начало XX вв.). Казань, 2011.
8. *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М., 2003. С. 287–295.
9. *Фәхрәддин Риззәддин*. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010.
10. *Хасавнех А.А.* Об одной марсии на смерть шайха Мухаммад-Закира Камалова // Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. СПб., 2015.

¹⁰ Вообще же сны и видения, как известно, занимают особое место в суфийской практике: (Felek, Knysh, 2012).

11. *Шихалиев Ш.Ш.* Суфийский шейх сегодня // Этнографическое обозрение. №2. 2006. С. 24–34.
12. *Шу'айб б. Идрис ал-Багини.* Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва садат ал-машайх ал-халидийа ал-махмудийа (Димашк, 1319/1999).
13. *Хасавнех А.А.* Накшбандийский шейх Волго-Уральского региона М.-З. Камалов и его сочинение «Табсиратал-муршидин...» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 2. С. 120–126.
14. *A Turkic Medical Treatise from Islamic Central Asia.* A Critical Edition of a Seventeenth-Century Chaghatay Work by Subhan Quli Khan. Edited, translated and annotated by Lázló Karoly (Leiden, Boston, 2015).
15. *Devin DeWeese,* «'Dis-Ordering' Sufism in Early Modern Central Asia: Suggestions for Rethinking the Sources and Social Structures of Sufi History in the 18th and 19th Centuries,» in: History and Culture of Central Asia / Istoriia i kul'tura Tsentral'noi Azii, ed. Bakhtiar Babadjanov and Kawahara Yayoi. Tokyo, 2012. 259–79.
16. *Devin DeWeese,* «Muslim Medical Culture in Modern Central Asia: a Brief Note on Manuscript Sources from the Sixteenth to Twentieth Centuries,» in: Central Asian Survey. Volume 32, Issue 1, 2013: 3–18.
17. *Kemper Michael,* «al-*Almālī*, *Maḥmūd.*» In G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas & E. Rowson (Eds.), *Encyclopaedia of Islam. – Three.* Leiden: Brill, 2011. 29–31.
18. *Özgen Felek, Alexander D. Knysh* (eds.), *Dreams and Visions in Islamic Societies.* New York, 2012.
19. *BC ОРПК НБ КФУ.* Рук. 1тгф.
20. *ОРПК НБ РТ.* Рук. 757т.

Список сокращений:

BC ОРПК НБ КФУ – Восточный сектор Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета.

ОРПК НБ РТ – Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан.

Информация об авторе

Бустанов Альфريد Кашшафович, кандидат исторических наук, профессор ТАИФ по истории исламских народов в составе России, Европейский университет в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург); alf_b@list.ru.

Bustanov Al'frid Kashshafovich, the candidate of historical sciences, TAIF Professor of the History of the Muslim Peoples of Russia, European University at St. Petersburg (c. St. Petersburg); alf_b@list.ru

УДК 94(17)"15":А/Я7

ШАГЫЙРЬ СУФИ АЛЛАХИЯРНЫҢ ХАЛКЫНА КИҢӘШЛӘРЭ (СОВЕТЫ ПОЭТА СУФИ АЛЛАХИЯРА СВОЕМУ НАРОДУ)

© 2015 г. А.М. Гайнутдинов

В статье сообщается о проблематике произведения татарского поэта XVIII в. Суфи Аллахияра. Он показан как искусный наставник и помощник, который смог в свое время дать татарскому народу нужные и полезные советы по решению насущных проблем через свою поэму «Субатель-гаджизин» («Опора обреченных»).

Ключевые слова: поэт, поэма, советы, наставник, татары, ислам.

ADVICES OF POET SUFI ALLAHIAR TO FELLOW COUNTRYMEN

A.M. Gaynutdinov

In article it is reported about a perspective of work of the Tatar poet of the XVIII century Sufi Allahiar. It is shown as the skillful mentor and the adviser. He could give to the Tatar people the necessary and useful advices according to the solution of pressing problems through in the poem «Subat al-gajizin».

Keywords: poet, poem, advices, mentor, tatars, islam.

Элекке чорларда әдәби әсәрләр дин белән бик тыгыз бәйләнгән булган. Татар әдәбияты да Коръян, хәдисләрдән алынган фикерләр, сюжетлар, образ-сурәтләр белән тирәнтен сугарылган. Гасырлар дәвамында ул татар кешесен шушы кыйммәтләр ярдәмендә рухи азыкландырган һәм әхлакый тәрбияләгән. Ислам дине идеологиясе, тарихы, шәригать өйрәтмәләре матур әдәбият аша укучы күнеленә ирештерелгән. Шул рәвешле, әдипләр төп үгет-нәсыйхәт бирүчеләр ролен башкарганнар. Шундыйларның берсе XVIII гасырда яшәп ижат иткән шагыйрь Суфи Аллахияр. Ул – этник чыгышы белән нугай татары булган. Кайбер чыганаclarда аның нәсел-нәсәбенең Әстерхан төбәгеннән булуы да искәртелә. Мөгаен, шагыйрьнең әби-бабалары, күп кенә татарлар кебек, Казан, Әстерхан ханлыclarы бетерелгәч, Урта Азиягә күчеп яисә эзәрлекләүләрдән качып киткәннәрдер, дигән караш билгеле (Ялчыгол, 2001, с. 18).

Шагыйрь Урта Азиядә яшәсә дә, Казан жирләрендәге татарлар хәлен, ягъни аларның көчләп чукундырылуларын бик яхшы белә. Чөнки, анда күченеп килгән татарлар күп була. Ф. Яхин фикеренчә,

Казан ханлыгы (1552) һәм Әстерхан ханлыгы (1556) Явыз Иван тарафыннан яулап алынганнан соң татарлар, диннәрен саклап калу өчен, Урта Азия якларына күчкәннәр. Ул вакытларда Бохара, Сәмәрканд жирләре төрле эмирлекләргә бүлгәләнеп беткәнлектән, ул як кешеләре татарларга азатлыкларын кайтарып алуда ярдәм итә алмасалар да, үз яннарына дин кардәшләрен сыйдыра алганнар, аларга жирләрен бүлеп биргәннәр. Хәтта, төрле түрәлек эшләрен дә татарларга ышанып йөкләгәннәр. Моңа дәлил буларак, галим ул заманда Сәмәрканд шәһәрнәннән ерак түгел Миңлән исемле татар авылы барлыкка килүен белдерә. Болар барысы да татарлар үз диннәрен төрле юллар белән сакларга тырышулары аркасында, жирле халык аларны хөрмәт иткән, хәтта изгеләр дип санаган (Аллаһияр, 2002, б. 7).

Суфи Аллаһиярның Казанга килүе турында да билгеле. Ул хаж кылырга ниятләп, Казан ягына таба юл тотта. Болгар шәһәрнән һәм жирләрен зыярат итә, Казанга килеп татар укымышлылары, галимнәре белән очраша. Риваятьләрдән аңлашылганча, канкардәшләрен дә таба. Казанда Суфи Аллаһияр үзенең «Собәтел-гажизин» әсәрнән калдырып китә (Аллаһияр, 2002, б. 12). Шуңа сәбәпле, без бу әсәргә автор нәкъ менә татарларның авыр хәлен белеп, аларга мораль яктан ярдәм итү йөзәннән язгандыр, дигән карашта торабыз.

«Собәтел-гажизин» әсәрендә әдип, беренче чиратта, халыкны вәгазыләү, иманнарын ныгыту максатын куя, шуңа күрә иманлы булуның өстенлекләре хакында бик күп яза, мөселман булган килеш дөньядан үтүнең ни дәрәжәдә мөһим икәнлеген күрсәтә. Бу, нигездә, ахирәт белән бәйле нәрсәләр турында язганда чагыла. Кеше үлеп кабергә куелгач, аннан сорау алуларын сурәтле автор. Менә шунда инде имансыз кеше кабер газабын татый башлаячак икән, чөнки ул сорау алучы фәрештәләргә сорауларына мәңгә җавап бирә алмаячакларын яза (Аллаһияр, 2002, б. 243).

Инде шушы юллардан ук Суфи Аллаһияр укучыда имансыз килеш үлүдән көчле курку тудыра. Монда аның гаять оста итеп язу таланты күренә. Язганы, туры атылган ук кебек, көчәя һәм төз очып, йөрәкләргә барып җитә.

Дәрәс, кайбер гөнаһлы мөэминнәр дә кабер газабына дучар була алуларын таныса да, автор Аллаһы Тәгаләне бер дип таныган кешенәң никадәр гөнаһлары күп булса да, кабер газабыннан котылу форсаты бар икәнлегенә ышандырырга тырыша. Чөнки иманлы кешене Аллаһ ташламый, киресенчә, Үз рәхмәте астына алачак һәм кыямәт

дэхшэтлэрен жиңел үтэргэ булышчак икэнлеген белдерэ (Аллаһияр, 2002, б. 248).

Мэхшэр көнөндө бәндәлэргә гамәлләре язылган китаплары я уң яктан, я сул яктан, я аркасыннан бирелүлэрен дә автор тәфсилләп яза. Уң яктан китабы бирелгән кеше бик нык сөенәчәк, чөнки аның урыны жәннәт булачак. Әгәр дә китабы сул ягыннан яки аркасыннан бирелсә, ул кеше кара йөзле булып оятка калачак, муенына богаулар салынып, чылбырлар белән уралып йөзтүбән тәмугка атылачак икән. Суфи Аллаһияр әсәрәндә Аллаһтан бу гамәлләр китабын үзенә уң ягыннан бирелүен үтенә, чөнки ул Аның каршында үзенәң кол булуын таный һәм иң мөһиме, ул Мөхәммәд пәйгамбәрнең өммәтеннән (Аллаһияр, 2002, б. 248). Димәк, автор фикеренчә, Мөхәммәд галәйһиссәлам өммәтеннән булган кеше генә газаплардан имин булып, жәннәткә кертеләчәк, ә бу өммәттән булмаган кеше, киресенчә, газапланачак, тәмугка кертеләчәк. Шул рәвешле, Мөхәммәд пәйгамбәр һәм аның өммәтенәң башка өммәтләрдән өстенлеге ассызыклана.

Суфи Аллаһияр кыямәт көнөндә кешенәң гамәлләрен үлчиләр икәнлеген дә яза. Белгәнәбезчә, әгәр дә бәндәнең яхшы гамәлләре авыр булса ул оҗмахлы булачак, начар гамәлләре авырга килсә, тәмуглы булачак. Шагыйрь яхшы гамәлләрнең фәкәть иманы сәламәт булган кешеләрдә генә авыр булачак икәнлеген белдәртә (Аллаһияр, 2002, б. 249).

Кыямәт көнөнәң дэхшәтле моментларын да Суфи Аллаһияр бик куркыныч буяулар белән оста итеп тасвирлый. Шундый авыр һәм куркыныч вакытта мөселманнарга ярдәмгә Мөхәммәд пәйгамбәрнең килүе сурәтләнә. Ул үзенәң өммәте өчен шәфәгатьче, яклаучы булачак, башка пәйгамбәрләр исә фәкәть үзләре өчен генә кайгыртачаклар. Шул сәбәпле, иманлы булу аркасында Мөхәммәд галәйһиссәлам яклавы астына керүен белгәч, әлбәттә, укучы кыямәт дәһшәтен жиңел үтәр өчен бу дөнъяда иманы хақында бик нык кайгырта башлаячак. Әдип нәкъ менә шуңа омтыла да инде.

Жәннәт белән тәмуг бәяһинда Суфи Аллаһияр имансызларның урыны тәмуг булуын (әсәрдә автор тәмугны «дузах» дип бирә), анда бик каты газапланачакларын сурәтли. Мөэмин бәндә никадәр гөһаһлы булса да, ахыр чиктә иманлы булганлыгы аркасында оҗмахка кертеләчәге ассызыклана (Аллаһияр, 2002, б. 256).

Шулай итеп, Суфи Аллаһияр иманның никадәр дәрәжәдә кадерле һәм кирәк икәнлеген укучы күңеленә сәндәрә. Иманның фазыйләтләре турында язу борынгыдан ук бер традиция буларак формалашып китә

һәм һәр әдип нинди генә эсәр язса да, бу теманы яктыртмыйча кала алмый.

Суфи Аллаһияр яманлыкка һәрвакыт яхшылык белән жавап бирергә кирәк дигән идеяне алга сөрә. Халыкны төрлечә мәсхәрәләгән, рәнжеткән, жәзалаган залимнәргә карата яхшылык белән жавап биргәндә генә жинүгә ирешә алачагын ассызыкый автор (Аллаһияр, 2002, б. 371). Шул рәвешле, Суфи Аллаһияр дошманыңа яхшылык күрсәтсәң, сабыр итсәң һәм аның өчен дога кылсаң, ул синең дуһтыңа әверелер дигән идеяне алга сөрә.

Автор фикеренчә, мәэмин бәндә өчен залим кеше бернинди куркыныч тудырмый, чөнки ул аның золымына түзеп, фәкәт әжер-саваплы гына була икән (Аллаһияр, 2002, б. 284). Мондый фәлсәфә ислам динендә киң чагылыш тапкан. Мөселман өйрәтүләре буенча, мәэмин кеше рәхәтлек күрсә, ул моңа шөкер итеп, әжер-саваплар ала; миһнәт, золымлык күрсә, сабыр итеп, әжер-саваплар ала, бу гына түгел, авырлыклар сәбәплә газәпланса, аның хәтта гөнаһлары бетә. Болар турында Мөхәммәд пәйгамбәр хәдисләрендә өйрәтеп калдырган (Саһих аль-Бухари, 2002, с. 313–314).

«Сөбәтел-гажизин» эсәрен аңламаган кеше, әлбәттә, шагыйрьнең киңәшләрен, идеяләрен дә аңламыйча кала. Чөнки «Сөбәтел-гажизин» эсәрендә аз сүз белән күп мәгълүмат бирелә һәм ул шактый хәзерлелек һәм акыл белән фикерләү таләп итә. Шуна күрә аңа шәрехләп, аңлатмалар язылган. Мәсәлән, Тәжеддин Ялчыгол исемле кеше дә аңа шәрех яза һәм бу хезмәтен «Рисаләи Газизә» дип атый. Ул да халыкта бик популяр була, аны руһи яктан азыкландыруда мөһим роль уйный. Тәжеддин Ялчыголның бу эсәре «Сөбәтел-гажизин» эсәренең эчтәлеген биреп кенә калмый, аны күңел казанында кайнаткан, зиһене аркылы уздырган, үзенең күп кенә белем-мәгълүматын, фикер күзәтүләрен, уйлануларын бәян иткән (Баруди, 1998, б. 44).

Атаклы дин галиме Галимжан Баруди Суфи Аллаһиярның бөек эсәре хақында үз фикерләрен язып калдырган: «Бу китапның һәр бәетендә бер хикмәт бар, фикер һәм игътибар белән укыганда бер тәәсир төрә бар. Үзе хуш табигәтле шагыйрь, суфи, заһид, дәрәс ниәт иясә, тәкъва адәмдер. Раһимәһүллаһү Тәгалә (Аллаһ Тәгалә аны рәхим кылсын)! Бу китапны күп сәфәрләремдә янымда йөртәм, буш вакытларда укыйм, файда алам, кайбер иптәшләргә укыйм, гыйбрәтләндерәм» (Баруди, 1998, б. 44).

Г. Баруди буш вакытларында хатыны Гайшәнең «Сөбәтел-гажизин» китабын укыганын тыңларга яраткан. Шулай ук әлегә галим-

мөфтинен элекке хатыны Бибимаһруй Исхак кызының да бу китапка мэхәббәте зур булган, яхшы аңлаган, ятган белгән, «Минем шәехем «Сөбател-гажизин»» – дип әйтә торган булган.

«Сөбател-гажизин» әсәре тиз арада татар халкының яратып укылган әсәренә әверелә. Чөнки ул татарларның зәвык-ихтыяжларына нигезләнеп язылган. Авторның максаты халыкка динен, милләтен саклап калуда мораль ярдәм итү, үзенен моңа карата фикерләрен, киңәш-нәсыһәтләрен бирү була.

ӘДӘБИЯТ

1. *Аллаһияр С.* Сөбател-гажизин (Гажизләргә терәк) / Суфи Аллаһияр, басмага әзерләүче һәм кереш мәкалә авторы Ф.З. Яхин. – Казан: ТаРИХ, 2002. – 397 б.
2. *Баруди Г.* Памятная книжка // Казань. – 1998. – № 1. – Б. 40–50.
3. *Сахих аль-Бухари* / Пер. В.Нирша. В двух томах. Т. 2. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим бин Абдулазиз аль-Ибрагим», 2002. – 443 с.
4. *Ялчыгол Т.* Рисаләи Газизә / Тажеддин Ялчыгол; төзүче Х.Й. Миңнегулов. – Казан: Иман, 2001. – 480 б.

Информация об авторе

Гайнутдинов Айдар Марселевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); aydargm@yandex.ru

Gaynutdinov Aydar Marsilevich, the candidate of philological sciences, senior staff scientist of Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (с. Kazan); aydargm@yandex.ru

УДК 94(57)+94(574)

**ИЗ СТАМБУЛА «ПО ДОРОГЕ В АЛТАЙ»:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТУРКЕСТАНУ****© 2015 г. Генч Осман Гечер, Гёкхан Эшел**

Халим Сабит Шибай, как и некоторые казанские татары, в 1903 году отправился в Стамбул, чтобы продолжить свое образование. За время обучения он имел возможность познакомиться со многими выдающимися лицами своей эпохи. Среди них были представители Партии единения и развития в г. Харсе Хамдуллах Супхи Танрыовер, Джелаль Сахир Эрозан, Мехмет Фуат Копрюлю и др. Халим Сабит обращался к идеям ислама, исламского единства, тюркизма, а также российской проблематике. Он проводил конференции, посвященные тюркизму и вопросам Туркестана, исполнял обязанности секретаря Исламского отделения Турецкого информационного общества, участвовал в деятельности организации «Тюрк Оджагы». Выехав из Стамбула, он отправился в путешествие по северному Туркестану, пересек Сибирь, Приуралье, Казахстан и Алтай. Свои наблюдения и впечатления он изложил в серии статей под заголовком «По дороге в Алтай», печатавшихся в журнале «Тюрк Юрду» со 2 мая 1912 г. по 27 сентября 1917 г. Данное произведение Халима Сабита является ценным источником сведений об истории, географии, быте, торговле, населении, образовании, верованиях и фольклоре северного Туркестана. На сегодняшний день была исследована лишь часть этих путевых заметок. Между тем, как север тюркского мира, в особенности Казань, представляет собой крупный центр общественной мысли. Важность путешествия, предпринятого Халимом Сабитом, заключается в том, что благодаря ему были зафиксированы неизвестные стороны жизни казанских татар. Помимо этого, особый интерес представляет тот факт, что временные рамки путешествия совпали со временем распространения джадидизма на территории, населенные другими тюрками и мусульманами.

Ключевые слова: Халим Сабит Шибай, по дороге в Алтай, путешествие, журнал «Тюрк Юрду».

**FROM ISTANBUL «ON THE WAY TO ALTAI»:
TRAVEL ACROSS TURKESTAN****Gench Othman Gecher, Gyokhan Eshel**

Halim Sabit Shibay, as well as some Kazan tatars, in 1903 went to Istanbul to continue the education. During training it had opportunity to get acquainted with many outstanding persons of the era. Among them there were representatives of Party of a unification and development in Harse Hamdullakh Supkhi Tanryover, Dzhelal Sahir Erozan, Mehmet Fuat Kopyulyu, etc. Halim Sabit addressed to ide-

as of islam, islamic unity, a tyurkizm, and also the Russian perspective. He held the conferences devoted to a tyurkizm and questions of Turkestan, fulfilled duties of the secretary of islamic office of the Turkish information society, participated in activity of the «Turkoman Odzhagy» organization. Having left Istanbul, it went to travel across northern Turkestan, crossed Siberia, Cisural area, Kazakhstan and Altai. He stated the supervision and impressions in a series of articles under the heading «On the way to Altai» published in the «Türk Yurdu» magazine from May 2, 1912 to September 27, 1917. This work of Halim Sabit is a valuable source of information on history, geography, life, trade, the population, education, beliefs and folklore of northern Turkestan. Today only the part of these traveling notes was investigated. Meanwhile, as the North of the Turkic world, in particular Kazan, represents the large center of social thought. Importance of the travel undertaken by Halim Sabit is that thanks to it unknown aspects of life of the Kazan tatars were recorded. In addition, is of special interest that fact that time frames of travel coincided with time of distribution of jadidism for the territories occupied by other turkic peoples and muslims.

Keywords: Halim Sabit Shibay, on the way to Altai, travel, the «Turk Yurdu» magazine.

Биография Халима Сабита.

Халим Сабит родился в 1883 году в деревне Кече Тарханлы Лабит Симбирской губернии Российской империи. Отец Сабирджан эфенди принадлежал к мирзам, некогда правившим в Волго-Уральском регионе, мать – Хаят ханум. К начальному образованию он приступает в 1890 году в школе-интернате, преподающем по новой методике, расположенной в городе Самара. Среднее образование получил здесь же. В 1897 году обучался в медресе Халимия в с. Большие Тарханы Симбирской губернии. В это же время он посещает начальную русскую школу и оканчивает ее. Позже он некоторое время занимается преподаванием в медресе «Хусаиния» (г. Оренбург). Халим Сабит Шибай, как и многие его казанские друзья, в 1903 году отправился в Стамбул, чтобы продолжить свое образование и поступил в школу Мерджан. Брал уроки у известного ученого своего времени Дагынстанлы Абдульфеттах эфенди в мечети Фатих. После окончания школы Мерджан, в 1906 году он окончил Дар аль-Фунун*. Кроме того, сдал экзамены и получил право преподавать в школах.

Халим Сабит совершил путешествие по северу Туркестана, посетил Сибирь и Алтай. Начиная с 1912 по 1917 год, в 144 номерах жур-

* Дар аль-Фунун – Стамбульский университет (*Прим. переводчика*).

нала «Тюрк Юрду» он публикует свои путевые заметки под названием «По дороге в Алтай». Не смотря на то, что по различным причинам эти заметки прерываются на некоторое время, они содержат взгляд и наблюдения Халима Сабита, отразившиеся в его интеллектуальном багаже, относительно такого широкого спектра тем, как география северных тюрков, их быт, язык, образование, школы, медресе, экономика, источники производства, поклонение и места совершения поклонения, возможности путешествия.

14 сентября 1912 года, его, как преподавателя Улум-у Динийе, назначают в школу Геленбеви. В марте 1914 года он начинает работать помощником преподавателя Махмуд Эсад эфенди на теологическом факультете Стамбульского университета, по предметам история ислама и история религий. В том же году, когда Махмуд Эсад Эфенди назначается Председателем отдела Танзимата Государственного Совета, Халим Сабит становится преподавателем. В ноябре 1915 года, во время реформирования Стамбульского университета, по рекомендации Зия Гёкальпа Халим Сабит оказывается среди молодых преподавателей, приглашенных на разные кафедры Литературного факультета. Здешняя его работа продолжается до 24 марта 1919 года, вплоть до отмены уроков. В марте 1925 года, после смерти Сейид Бея, он отвергает приглашение снова вернуться в Стамбульский университет в качестве преподавателя исламского права. В 1933 г. его обращение в Министерство образования с целью вернуться в Стамбульский университет осталось безрезультатным.

В течение 20 лет (1919–1939), с момента, когда ему пришлось оставить преподавательскую деятельность, Халим Сабит занимался торговлей. В этот период, хотя он время от времени и появлялся в Турции, но большую часть времени проводил в европейских городах, особенно в Прибалтийских странах. Совершал путешествия в такие страны, как Германия, Австрия, Болгария, Англия, Италия, Венгрия, Румыния и Россия. В начале Второй мировой войны, в 1939 году, он возвращается в Турцию. В том же году он начинает работать в Исламской Энциклопедии, которая была издана в Европе и готовился ее перевод на турецкий язык, сначала в качестве сотрудника по подготовке, а потом, до августа 1944 года, в качестве секретаря издательского бюро. Последним местом работы Халима Сабита стало Управление по делам религии, куда он был назначен членом консультативного совета 19 августа 1944 года. Последние годы своей жизни Халим Сабит часто

болел, умер 27 декабря 1946 года в Анкаре, похоронен на кладбище Джебеджи Асри (Sebeci Asrı) (Karabacak, 2001, s.1).

Произведения.

Наряду с такими произведениями как «Эмели Ильмихаль» (для школ), «Реформа медресе», написанными в форме трактата, привлекают внимание такие произведения, как «Касательно Иджтихада», опубликованное в 16 статьях под одноименным заголовком в журнале «Сират-ы мустакийм», выпускаемом Эбуль-Уля Мардином и Эшрефом Эдипом (Ферган), а также 20 статей под названием «Хадж и Кааба», опубликованных в журнале «Себиль ур-Решад». Среди произведений Халима Сабита есть такое произведение, как «Каблель-Ислам религия и общественная жизнь арабов», опубликованное в журнале «Иджтимаият Меджмуасы» и восемь статей, написанных для Исламской Энциклопедии. Кроме этого, другие его труды были опубликованы на страницах различных газет и журналов. Наверное, одними из самых важных его произведений являются путевые заметки «По дороге в Алтай», которые в виде статей были опубликованы в журнале «Тюрк Юрду».

Цели и значение путешествия «По дороге в Алтай»

О целях путешествия и о необходимости, которая послужила первоосновой для написания Халимом Сабитом путевых заметок «По дороге в Алтай», можно узнать из содержания заметок. При внимательном прочтении этих путевых заметок можно предположить, что целью, возможно, было исследование жизнедеятельности казахов, проживающих в предгорье Алтая, ведущих кочевой образ жизни и с каждым днем теряющих свои традиции и осмысление того, что в этой связи можно будет сделать в Стамбуле. Конечно же, это предположение должно на что-то опираться. Одной из таких опор может послужить то, что в этих путевых заметках центральное место занимают казахи, и они описаны более объемно и детально. Это мы понимаем из следующего выражения Халима Сабита: «Если все это поможет лучше узнать наших тюрко-казахских братьев, которые являются исконными жителями этих мест, то можно считать, что хотя бы одна часть моей задачи выполнена» (Türk Yurdu, S. 51, s. 58). Второе, как отмечает Гёкчек (Gökçek, 2008, s. 115), Халим Сабит с тех пор, как приехал в Стамбул в 1903 году, не ездил на родину. Это путешествие должно было успокоить его тягу к родине и дать возможность навестить родных. Тот факт, что он женился на Зелиха ханум во время этого путешествия, показывает, что это объяснение логично. Другой причиной того, что Халим Сабит отправился в

путешествие «По дороге в Алтай», возможно, послужили серьезные изменения в политической, интеллектуальной и социальной сфере, которые имели место в Стамбуле после 1911 года. Как известно, самое важное изменение произошло 11 апреля 1911 года, мысли о родине, нации, народе и турецком языке, выраженные такими тюркистами, как Омер Сейфеттин, Зия Гёкальп и Али Джанип Йёнтеп, начали претворяться в жизнь. Параллельно этому процессу, возможно, проявил себя идеал, который нашел свое выражение в следующих строках стихотворения под названием «Туран», которое Зия Гёкальп опубликовал в 1911 году журнале «Генч Калемлер»:

«Родина не Турция для тюрков и не Туркестан;

Родина – это большая и могущественная страна: Туран»

и вызвал новое представление о родине у тюрков Османской империи, и тюркисты начали путешествовать по разным местам, где живут тюркские народы и стараться создавать мосты между тюрками, проживающими в Османской империи, и теми, кто проживал за пределами этих территорий.

Не смотря на то, что ради служения этой цели Халиму Сабиту, который, начав свой путь со Стамбула и двигаясь в направлении казахских степей на предгорье Алтая, нужна была серьезная экономическая поддержка, в путевых заметках мы не встречаем упоминания об этом. Данное положение заставляет нас вспомнить предложение «Наверняка кем-то была обеспечена данная поддержка». Мустафа Гёкчек отмечает, что редакция журнала «Тюрк Юрду» поддержала Халима Сабита в этом путешествии (Gökçek, 2008, s.115). Вероятность того, что редакция журнала «Тюрк Юрду» поддержала данное путешествие, весьма высока. Кроме спонсорской помощи, возможно, «Тюрк Юрду» даже оказывал содействие в подготовке. Тот факт, что Халим Сабит в Стамбуле был в контакте Зия Гёкальпом, Хамдуллах Супхи Танрыювером и другими тюркскими просветителями, понимавшими значение этого путешествия для идеалов Тюркского мира, делает данный подход весьма уместным. Если смотреть с этой точки зрения, то можно вынести на обсуждение и то, что Халим Сабит был направлен в эти края с особой задачей: посетить места проживания тюрков на севере и записать свои наблюдения в виде отчета. Так как практически во всех деревнях и селах, которые посещал, Халим Сабит говоря: «... сев в повозку я называл адрес уважаемого лица, которого собирался навестить», встречался с людьми, имена которых он не называл. То, что люди, имена которых не упоминаются, интересуются Халимом Сабитом

том с большим волнением, укрепляет данную мысль. Этот и подобные подходы не умаляют ценность путешествия «По дороге в Алтай», а напротив, увеличивают его. Эти подходы являются частицами мыслей, направленные на открытие некоего «окошка». Конечно же, необходимо искать и находить документы, если таковые имеются.

Значение путешествия и путевых заметок «По дороге в Алтай» очень велико. Во времена после Второй Конституции* в образовавшейся свободной среде мысли очень быстро развивались и находили площадку для распространения. В этот период, тюркские просветители Османского государства, отвлекшись от внутренних политических противоречий, начали смотреть в даль. Конечно же, можно сказать, что ссылка оппозиционеров времен Абдулхамита II или же их бегство открыло дорогу для этого взгляда. То есть тюркские просветители Османского государства, хоть и с опозданием, но начали осознавать необходимость выхода за пределы Стамбула. Именно в этот период, когда Вторая Конституция предоставляла свободную среду, тюркские просветители Османского государства начали совершать путешествия сначала в Европу, а потом на Балканы, в Африку, Арабский полуостров и в Азию. Однако это путешествие, совершенное на север, в Алтай, было первым в своем роде. С этой точки зрения путешествие Халима Сабита отличалось от других путевых заметок. Особое значение этому путешествию придает то, что оно было совершено на территорию Туркестана и, конечно же, посвящено казахским тюркам, о которых братья тюрки из Османского государства знали довольно мало.

Как было сказано, путевые заметки «По дороге в Алтай» последовательно в качестве статей были опубликованы в журнале «Тюрк Юрду». Так как эти заметки были написаны арабской графикой, не все могли их читать, но после перевода на латинскую графику заметки вызвали большой интерес. Увеличение количества трудов, связанных с путевыми заметками «По дороге в Алтай» после перевода на латинскую графику, свидетельствует о росте интереса к произведению.

География путешествия.

Путевые заметки Халима Сабита «По дороге в Алтай» включают в себя весьма обширную географию. По тексту невозможно определить то, как долго продлилось это путешествие, совершенное по морским, желез-

* Период после 1908 года, когда была принята Вторая Конституция Османской империи.

нодорожным и сухопутным путям. Отследить географию путешествия можно следующим образом. 30 июня, в четверг, в районе трех часов Халим Сабит начинает свой путь из Стамбула на австрийском пароме «Карлсбад». Выйдя в Одесском порту, он садится на поезд и добирается до Харькова. Из Харькова снова на поезде едет до Пензы, оттуда добирается до Самары, где Халим Сабит провел несколько лет своего детства. Из Самары на одном из красивых волжских паромов добирается до города Симбирск. Отсюда ночным поездом добирается до Мелекесса*. Из Мелекесса на тройке лошадей добирается до мусульманской деревушки, название которой Халим Сабит обозначает буквой «В». Отсюда после получасового перерыва также на тройке он направляется в деревушку «Б», которую называет своей родной деревней. По этому же пути Халим Сабит возвращается в Самару и на поезде продолжает свой путь. Халим Сабит, проезжая на поезде через Уфимскую губернию, объясняет историю Башкортостана и расчерчивает его границы. Поезд достигает Уфы. Однако Халим Сабит решил остановиться в Уфе на обратном пути, что и сделал. Из Уфы на поезде он продолжает свой путь и после побережья Агиделя через леса достигает Уральских гор. Проезжая Уральские горы, Халим Сабит пишет следующие строки: «В моем сердце пробудило глубокое впечатление то, что мы не смогли остаться среди этих гор, которые, являясь родиной нашего народа, занимают важное и яркое место» (Türk Yurdu, S. 16, s. 272). Не смотря на то, что билеты у нашего путешественника куплены до Омска, он на один день решает остановиться в Челябинске. Отсюда снова на поезде он добирается до Петропавловска и Омска. Здесь путешественник впервые признает, что ему наскучила поездка на поезде и, что он устал и хочет продолжить свое путешествие на пароме. Это выражается в следующих строках: «Меня утомила жизнь на железной дороге, скорее бы добраться до Омска, увидеть Иртыш и сесть на один из паромов этой реки». Добравшись до порта, где река Омь впадает в Иртыш, он заезжает в город на семь-восемь часов. По мнению Халима Сабита, город Омск является административным центром Сибири. Сев на паром в Омске, он направляется вверх по течению реки Иртыш. Прибывает в Кереку (Павлодар). Отсюда снова на пароме добирается до Семипалатинска. Утром третьего дня он из Семипалатинска добирается до Усть-Каменогорска. После того, как оказываешься между горами Калбы, по всему руслу реки Иртыш вдали начинают виднеться Алтай-

* Мелекесс – старое название современного города Димитровграда (*Прим. переводчика*).

ские горы. Продвигаясь по Иртышу, останавливаешься на пристани, где река Бухтарма впадает в Иртыш. Здесь прибываешь в городок Кызылжер, откуда начинается Катон-Карагайская дорога. Немного побывав в русском городке под названием Баты, ближе к полуночи можно добраться до озера Зайсан. Затем до последней пристани, который называется Таба Мост. Отсюда по суше на фаэтоне можно добраться до города Зайсан, расположенном на расстоянии 80 км от Таба Моста. Далее можно проследовать в близлежащие казахские деревни. Можно удить рыбу на реке Кенгир. В этой местности верхом на коне посетить деревню Чубар Агач, расположенную возле Черного Иртыша. Из Чубар Агача проследовать к берегу Черного Иртыша. В этом разделе путевых заметок дается подробная и длинная информация об Алтае, истории казахов, их литературе и жизнедеятельности, после чего начинается обратный путь, и автор добирается до Уфы. Из Уфы до Самары, по мосту через Волгу на поезде до Сызрани продолжается путь автора. В Сызрани наш путешественник выходит на малоизвестной станции и, запрягая двух лошадей, на экипаже направляется в одну деревню, которая известна своей фабрикой по производству тонкого сукна.

В маршруте, который был озаглавлен как «Спустившись с волжского парома», автор рассказывает о том, как в дождливую ночь на экипаже добирался до одной далекой деревни. В здешних записях фигурируют такие названия, как «В городе известном своими медресе» и «В большой деревне».

По дороге Казань-Москва он добирается до станции, названной в честь семьи промышленников Акчуриных, расположенной в 30 км от деревни Зия. Здесь он посещает процветающее поселение, расположенное недалеко от станции.

На обратном пути Халим Сабит посещает Казань, в которую он не заезжал в начале своего пути. Здесь он останавливается в гостинице «Булгар». Посещает Чеченский рынок*. Из Казани он без остановок направляется в Одессу. Высадившись из поезда в Одессе, после двухдневного путешествия на пароме он оказывается в Стамбуле. Таким образом, после длительного путешествия Халим Сабит, ступая в Стамбул в районе Галатского дока, записывает следующие строки: «Когда мы приблизились к Галатскому доку, был слышен азан ночной молит-

* Скорее всего, имеется в виду знаменитый Сенной рынок Казани (*Прим. переводчика*).

вы. Я спустился с парома. Поблагодарил Всевышнего, что в целостности и сохранности ступил на родную землю» (Türk Yurdu, S. 144, s. 229).

Язык путевых заметок.

Путевые заметки «По дороге в Алтай» написаны в соответствии с понятиями того времени простым турецким языком. В произведении преобладают записи, ласкающие тюркскую гордость и самосознание. Отражения национально-романтического мышления дают о себе знать практически во всех разделах. Обращает на себя внимание мысленная работа и восприятие истории, уходящая в далекие времена, особенно, когда речь идет о древней тюркской географии. Сознание, возникающее в результате переплетения географии и истории, встречается с реальным положением дел и в этот момент возникает конфликт между мечтой и реальностью. Халим Сабит совершает путешествие в Туркестан, исходя из почвеннического понимания родины. Однако, эта мысль все еще не утвердилась и то, что тюрки на этой территории, вследствие кочевого образа жизни, не воспринимают территорию проживания в качестве родины, вызывает у Халима Сабита чувство боли. Это чувство заставляет находить прибежище в чувственных высказываниях и, как это происходит у национальных романтиков, в золотом веке истории. В форме изложения путевых заметок «По дороге в Алтай», за исключением раздела о Казани, от начала и до конца можно сказать, что преобладает положительный взгляд, надежда и симпатия относительно данных мест и их жителей. Причины разочарования в разделе о Казани связаны с тем, что Халим Сабит не увидел свои родные места достаточно процветающими, как он себе это представлял и, ему казалось, что Казань утратила позиции центра северных тюрков.

Вместо заключения.

То, что путевые заметки «По дороге в Алтай», опубликованные разрозненно в журнале «Тюрк Юрду», отчасти препятствует пониманию ценности произведения. Следовательно, необходимо в ближайшее время издать эти путевые заметки в виде книги, с необходимыми дополнениями и разъяснениями. Также необходимо перевести все материалы Халима Сабита об этой местности, которым больше ста лет, в визуальную среду и снять документальный фильм под названием «Тюркские очаги по следам Халима Сабита». Исходя из верности пословицы, что «Мысли тюрка, находятся в глазах», в нашу обязанность входит то, чтобы тюркский глаз еще лучше воспринимал «По дороге в Алтай».

Приложение

Труды о Халим Сабит Шибаяе

О жизни и деятельности Халим Сабит Шибаяе были опубликованы следующие труды:

1. KARABACAK, Mustafa (2001), «Halim Sâbit Şibay'da Din Sosyolojisi», Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Felsefe ve Din Bilimleri Anabilim Dalı Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Isparta, 145 s.

2. İŞLER, Anılcan (2013), «Halim Sabit Fikri ve Sosyal Yaşamı, -The Life and Works of Halim Sabit Şibay- Eserinin Tenkidi», 9 Mart 2013. http://www.academia.edu/3025143/Halim_Sabit_Sibay_Degerlendirme_Islam_Turkculuk (16.5.2014)

3. GÖKÇEK, Mustafa (2008), A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Sibay, Las Vegas, NV, U.S.A., 296 s.

4. GÜRSOY, Nevnihal (1999), «Halim Sabit Şibay Hayatı, Eserleri, Görüşleri» Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi.

5. DİKME, Mehmet (1995), «Kazanlı Halim Sabit'in Sırat-ı Müstakim'deki İctihad'a Dair Makaleleri», Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi.

6. ERK, Esra (1998), «Altaylara Doğru Halim Sabit'in Hatıraları», Mimar Sinan Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi.

7. KARA, Haşim (1988), «Altaylara Doğru», Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi.

8. BİRİNCİ, Ali ve Tuba ÇAVDAR (1988), «Halim Sabit Şibay», T.D.V. İslâm Ansiklopedisi, C. XVII, T.D.V.Y., s. 336.

9. UYANIK, Necmi (1999), «Sarıklı Bir Türkçü Olarak Halim Sabit (Şibay) ve Türk Milliyetçiliğindeki Yeri (1883–1946)», Türkiyat Araştırmaları Dergisi, nr. 5, Konya, s. 89–111.

10. YILDIRIM, Dursun, «Çok Yönlü Aydın Modeli: Kazanlı Âlim Halim Sabit Bey[Simbir, 1883- İstanbul,1946]», Sempozyum Bildirisi.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Gökçek, Mustafa (2008), A Kazan Tatar Contribution to the Late Ottoman Debates on Nationalism and Islam: The Life and Works of Halim Sabit Sibay, Las Vegas, NV, U.S.A., 296 s.

Karabacak, Mustafa (2001), «Halim Sabit Şibay'da Din Sosyolojisi (1883–1946)», Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Isparta.

Özdemir, Emin ve Mehmet Yusuf ÇELİK (2013) «Osmanlı'dan Cumhuriyet'e Türk Basınında Rusya Türkleri Konulu Haber Ve Makaleler Bibliyografyası (1908–1923)», *Turkish Studies*, Volume 8/11 Fall 2013, p. 247–277, ANKARA-TURKEY.

Şibay, Halim Sabit, «Altaylara Doğru», Türk Yurdu, Yıl 1, S. 12, 2 Mayıs 1912 ile Yıl 6, S. 144, 27 Eylül 1917 tarihleri arası.

Yıldırım, Dursun, «Çok Yönlü Aydın Modeli: Kazanlı Âlim Halim Sabit Bey [Simbir, 1883- İstanbul,1946]», Sempozyum Bildirisi.

Информация об авторах

Гечер Генч Осман, доктор, Университет Нигде (г. Нигде, Турция);
speedyg@europe.com.

Эшел Гёкхан, доктор, Университет Гиресун (г. Гиресун, Турция);
gesel@diplomats.com

Gecher Gench Othman, doctor, University Nigde (с. Nigde, Turkey);
speedyg@europe.com

Eshel Gyokhan, doctor, University Giresun (с. Giresun, Turkey);
gesel@diplomats.com

УДК 94(47).07

**ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ
НА ТЕРРИТОРИЮ КАЗАХСТАНА
И ОСОБЕННОСТИ ИХ РАССЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX вв.**

© 2015 г. Э.М. Гибадуллина

Переселения поволжских татар в Казахскую степь во второй половине XVIII – середине XIX вв. стали следствием комплекса причин, отражавших внутреннюю и внешнюю политику Российского государства: они были связаны с бегством на окраины из-за нежелания быть подвергнутыми насильственной христианизации, проводимой в Среднем Поволжье после падения татарских ханств, службой в казачьих войсках, желанием избежать рекрутчины, самовольной и организованной правительством миграцией с целью торговли, ремесленной деятельностью.

На территории Казахстана татарская диаспора находилась в зависимости от протекции российского правительства, которое, в свою очередь, нуждалось в посреднической деятельности татар, отличавшихся наличием социокультурной идентичности с коренным населением степи.

Протекционистская торговая политика на юго-востоке Российского государства, отличавшемся фронтирным положением между его оседлым и кочевым населением, указы о строительстве мечетей, слабый административный контроль служили катализаторами процесса переселения поволжских татар, ставших конкретным инструментом реализации геополитических и геоэкономических планов правительства.

Особенностью расселения татарской диаспоры в Казахстане было преимущественное проживание в городах и поселениях городского типа, среди наиболее распространенных видов экономической деятельности – различные виды и формы торговли с номадами, торговое посредничество, ремесло.

Ключевые слова: протекционизм, социокультурная идентичность, протекторат, номады, геополитика, геоэкономика.

**RELOCATION VOLGA TATARS IN KAZAKHSTAN
AND ESPECIALLY THEIR SETTLEMENT IN THE REGION
IN LATE XVIII – THE MIDDLE OF XIX CENTURIES**

E.M. Gibadullina

Resettlements of Volga region Tatars in the Kazakh steppe in second half to XVIII – middle of XIX centuries became a consequence of a complex of the reasons reflecting internal and foreign policy of the Russian state: they have been

connected with flight on suburbs because of unwillingness to be subjected violent christianization, spent on the average the Volga region after falling of the Tatar khanates, service in the Cossack armies, desire to avoid a recruitment, the migration autocratic and organised by the government for the purpose of trade, craft activity.

On territory of Kazakhstan the Tatar diaspora was in dependence from the patronage of the Russian government which, and the turn required intermediary activity of the Tatars, differing presence sociocultural identity with steppe indigenou population.

Protectionist commercial policy in the southeast of the Russian state, decrees about building of mosques, the weak administrative control served as catalysts of process of resettlement of the Volga region Tatars who have become by the concrete tool of realisation of geopolitical and geoeconomic plans of the government.

Primary residing at cities and settlements of city type, among the most widespread kinds of economic activities – various kinds and trade forms with nomads, trading intermediary, craft was feature of moving of the Tatar diaspora in Kazakhstan.

Keywords: protectionism, sociocultural identity, protectorate, nomads, geopolitics, geoeconomy.

Политика Российского государства в отношении Казахстана трансформировалась от политики протектората над вассальными ханствами к прямой колонизации казахских земель, установлению их полной зависимости и прямого управления. Традиционным для России способом закрепления на новых землях являлось строительство казачьими войсками системы военных линий с крепостями, фортами, форпостами, кордонами и пикетами, при которых развивалась посредническая торговля с «азиатцами» и казахами, происходил процесс приобщения кочевников к оседлому образу жизни.

В этой важнейшей сфере восточной политики Российского государства традиционно специализировались выходцы из тюрко-язычных народов Среднего Поволжья и Сибири.

Переселения поволжских татар в Казахскую степь начались еще до включения обширного края в состав империи и стали следствием комплекса причин, отражавших внутреннюю и внешнюю политику Российского государства.

Протекционистский характер торговой политики, нашедший отражение в тарифах 1757, 1766, 1782, 1799 гг., указы о строительстве мечетей, слабый административный контроль привлекали поволжских татар, ставших конкретным инструментом реализации геополитических и геоэкономических планов правительства.

Ранее других территорий Казахской степи, в силу своего географического положения включенных в орбиту российско-казахского взаимодействия, оказались современные Западно-Казахстанская и Атырауская области, расположение которых совпадает с землями бывшего Младшего жуза. До XVIII в. здесь было только два русских города: Уральск и Гурьев, основанные соответственно казаками и рыбопромышленниками.

Первые упоминания о татарах в современной Западно-Казахстанской области, наиболее значительными по своей численности и степени интегрированности в российские общественные отношения, стали казаки г. Уральска. По мнению современных исследователей, не меньше одной трети или даже около половины казаков являлись по происхождению тюрко-язычными выходцами, среди которых – татары из бывших Казанского и Астраханского ханств, мишари, выходцы из Ногайской орды, Кавказа и Крымского ханства, которые упоминаются в источниках того периода под общим собирательным термином «татары» (Сдыков, 2009, с.89). Данное предположение подтверждается и архивными материалами, позволяющими сделать вывод о том, что татарское население региона формировалось из «казанских», «уфимских», «касимовских» татар, мишарей из Нижегородской и Саратовской губерний (ЦГИА РБ, ф. 295, оп.4, д.8715, л.1).

На ранних этапах формирования г.Уральска, кроме татар-казаков, формировалась и группа невойсковых татар, принадлежавших к ногайцам, поволжским и крымским татарам, мишарям, поселившимся в Старой Татарской слободе, появившейся в Уральске в первой половине XVII в., где действовал Татарский продуктовый базар, само название которого свидетельствует об этнической принадлежности большинства торговцев. Здесь торговали зерном, мукой, печеным хлебом, рыбой, арбузами, дынями, тыквой, яблоками. Базар доходил до Казанской площади, с давних времен здесь располагался Караван-чай, в котором останавливались караваны из Бухары, Хивы с шелками, хлопком, сладостями, следовавшие по северной ветви Шелкового пути (Абузяров, 2003, с.20).

Побывавший в Яицком городке в 1769 г. П.С.Паллас отмечал наличие здесь «великого числа» иностранных купцов, державших множество приказчиков и работников, среди которых было много некрещеных татар. Исследователем был отмечен факт изготовления татарами Уральска из некрашеной верблюжьей шерсти весьма крепкого и дешевого камлота – плотной шерстяной ткани, которая бы несколько

не уступала по качеству брюссельскому, если бы еще ткали более широкие куски. Степные татары, кочевавшие поблизости города в войлочных кибитках, содержали много баранов и гоняли скот на Волгу и далее; так же продавали много сала и кожи в те места, где есть кожевенные и мыльные заводы – в Казань, Ярославль, Арзамас и другие города (Паллас, 1773, с.412–420).

Территория г. Гурьева оказалась разделенной рекой на две части: «европейскую» или «самарскую» и «азиатскую» или «бухарскую», где жили приезжие торговцы из числа мусульман, в том числе и татары. Большинство домов в городке представляли собой саманные мазанки, купеческие дома были построены по типу, сходному с астраханскими: первый этаж – каменный полуподвал, где располагались торговые лавки, а второй – деревянный, жилой.

На меновой двор Гурьева пригоняли скот казахи Меньшей орды, мена скота производилась с первых чисел августа по март. Среди татарских торговцев г. Гурьева начала XIX в. были известны Р.Темирбулатов – выходец из д. Бегеевой Кузнецкой округи Саратовской губернии, М.Аббязов – крестьянин из д. Меньшие Менгеры Казанской губернии, торговавший в Гурьеве в качестве приказчика от отставного есаула Л. Мизинова, яшашный крестьянин д. Клявлино Кузнецкой округи Саратовской губернии Х. Шафеев – работник есаула А. Александра (ГАОО, ф.222, оп. 2, д.2185а, лл.1–2).

Начальник Гурьевской таможенной заставы в 1807 г. отмечал, что почти во всех крепостях и форпостах Уральской линии производят торг с казахами приказчики из татар, нанимаемые чиновниками Уральского казачьего войска.

Торговля на линии шла теми товарами, которые нужны были казахам и пользовались спросом в ежедневном быту. Татарские торговцы способствовали приезду казахов в поселения пограничных линий, пригону ими скота и привозу изделий экстенсивного кочевого хозяйства. Так, например, в 1820 г. казахи Меньшей Орды согласились обменивать скот на товары у гурьевских торговых татар, при этом было решено, что татары будут выдавать необходимым казахам товары в долг, а затем выезжать в кочевья для сбора розданных прежних долгов (ГАОО, ф.222, оп.2, д.2185а, лл.1–2).

География торговых связей Гурьева с российскими городами была довольно обширной. В Гурьев приезжали для торговли торговые люди из Астрахани, Саратова, Казани, Самары, Сызрани, Мензелинска и других городов. Российские купцы привозили муку разных сортов,

чай, табак, ткани, юфтовую кожу, посуду, украшения. Часть торговцев постоянно или временно проживала в городах. Так, активную торговлю с казахами на меновом дворе города вели казанские татары С.Ахметов, И.Кушаев, крупный скотовод из казахов Т.Идильбаев и др. (Мухаметов, 1972, с.105).

После основания г. Оренбурга и Оренбургской губернии торговля в северо-западных пределах Казахстана, характеризовавшаяся собирательным понятием – оренбургская, получила новый импульс для своего развития и расширения контактов с азиатскими владениями. Среднеазиатские ханства и казахи через Троицк вели обмен с Уралом, а через Оренбург – с Центральной Россией.

Посредниками в торговле между российскими и азиатскими торговцами, казахами, как правило, были татары. Как справедливо отмечал оренбургский военный губернатор П.К.Эссен, «киргизская торговля никогда не была в руках зажиточного российского купечества, ибо вымен скота, мягкой рухляди и других ордынских произведений, как то шерсти, пуху и прочего, всегда производится мелочным набором, и самый образ сей мены требует великой навычки иметь дело с сим полудиким, недоверчивым народом, знать совершенно их язык и свойства...» (Цит. по: Банникова, 2002, с.182).

Вторая половина XVIII – начало XIX вв. стали для татар важнейшим периодом в процессе развития торговли и мануфактурной промышленности, формирования купеческого капитала. Торговый обмен в казахской степи в условиях отсутствия какой-либо конкуренции приносил им огромную прибыль, что усиливало приток татар преимущественно в города и оседлые поселения.

Налаживанию и активному развитию международной торговли был призван служить возведенный в 1745 г. близ Оренбургской крепости на берегу р. Яик меновой двор. По сведениям 1764 г. первое место в торговле (всего 109 купцов и 77 приказчиков) в Оренбурге принадлежало татарам Сеитовской слободы (38 купцов), казанским (20 купцов и 20 приказчиков) и касимовским (13 купцов и 27 приказчика), что составляло 65% всех купцов и 58% приказчиков. Преобладание татар на меновом дворе сохранялось и в последующие десятилетия. О значимости для отечественной экономики Оренбургского менового двора свидетельствует тот факт, что во второй половине XVIII в. он был признан самым крупным российским «торжищем» (Загидуллин, 2006, с.173).

Следствием включения Казахских жузов в орбиту российских общественных отношений стало государственное стимулирование и регулирование перемещения сюда людских потоков. В XVIII в. Российское государство начинает законодательно стимулировать и регулировать на различном уровне перемещение людских потоков на территорию Южного Урала, Зауралья и Западного Казахстана.

Архивные документы красноречиво свидетельствуют о том, что увеличение численности татар в Оренбургской губернии происходило и в результате бегства татар на окраины государства из-за нежелания быть рекрутированными в армию и участвовать в военных экспедициях против мусульманских народов; через Казахстан пролегли и пути бежавших в Среднюю Азию (ЦГА РК, ф. 4, оп.1, д.522, 523, 586, 719, 720, 722, 1598, 4605).

В результате комплекса причин численность населения только в Оренбургской губернии с 1719 по 1857 г. увеличилась в 13 раз (Султангалиева, 2002, с.39).

Правительственные мероприятия обозначили направления миграционных потоков населения, привели к уплотнению населения Степи, чересполосному и совместному проживанию в одной местности различных этнических групп, между которыми устанавливались тесные контакты, расширялись границы хозяйственного и культурного общения. Следует отметить, что в первой половине XIX века в российском пограничье увеличилась численность татарского населения. Так, если в Оренбургском уезде по данным 5-й ревизии в 1795 году проживало 14,6 тыс. татар, в 1834 г. – 25,7 тыс. чел., то в 1858 г. – 46,9 тыс. чел.

В 1801 г. была создана Внутренняя (Букеевская) орда. Поселившиеся в 20–30-е гг. XIX в. в Ханской Ставке по приглашению хана Джангира «томские» и «казанские» татары занимались исключительно торговлей шелковым и бумажным товаром, сукном обыкновенным и верблюжьим, хлебом, чаем, сахаром, сарачинским пшеном, овсом, кожевенным товаром, посудой, железным товаром; торговцы не только продавали товар киргизам, которые плохо ориентировались в ценах, но и меняли его на верблюжью шерсть, кожи, кошмы, сало, которые затем сбывали с двойной выгодой на ярмарке (Букеевской орде 200 лет, 2001, с.89).

Как отмечал М.Я.Киттары, в 1846 г. в ставке Букеевского ханства, хану принадлежало 6 домов, султанам – 4, оренбургским чиновникам – 4, русским – 10, казанским татарам – 13, армянам – 2, мещанам аст-

раханским – 5, киргизам – 41, у Уральского казачьего кардона было 2 здания, а всего – 89 зданий.

Самое большое число домов в ставке с 2 или 3 лицевыми окнами составляли собственность «казанских» и «оренбургских» татар и казахов и были выстроены в «азиатском стиле». Они были без фундамента и не обнесены тесом. Многие из них имели перед лицевыми окнами небольшое место, огороженное деревянной решеткой. Внутри таких домов – 2–3 комнаты, выкрашенные зеленой или голубой масляной краской, с разноцветным шахматным полом, в 2-х меньших комнатах устраиваются обширные нары. Двор «снабжен» банею и амбаром. Значительная часть казахов и татар, постоянно живущих в Ставке, летом оставляла свои дома и вела жизнь кочевую (Букеевской орде 200 лет, 2001, с.124).

Меновая торговля, являвшаяся основой первых торговых операций российских купцов с казахами-кочевниками и проводившаяся в широких масштабах вплоть до учреждения официальных ярмарок, а в отдаленных от торговых центров местностях сохранилась до начала XX в. и требовала участия российских торговцев, знающих языка, религию, понимающих особенности традиций и менталитет казахов. В связи с этим на меновых дворах Оренбурга и Троицка Департаментом мануфактур и внутренней торговли было рекомендовано расширить социальную базу российских торговцев, разрешив торговлю купцам 3-й гильдии, мещанам, крестьянам и «вообще людям всякого состояния», которые могли бы вести торговлю, всесторонне учитывая особенности местного населения. Купцу 3-й гильдии предоставлялись права розничной торговли в городе и уезде, собственности на речные суда, владения трактирами, питейными заведениями, ограниченным набором фабрик и заводов, 3-мя открытыми лавками или магазинами – эти виды экономической деятельности и были наиболее востребованными на ранних этапах налаживания российско-казахских экономических отношений.

Среди татарских торговцев на Оренбургской пограничной линии преобладали наиболее активные и предприимчивые выходцы из крестьян, мещан, служилых, наладившие взаимовыгодные торговые отношения с азиатскими и казахскими торговцами; приказчиками русских купцов, вступавшими в различные формы взаимодействия со среднеазиатскими народами и казахскими аулами, реально осуществлявшими торговые операции, как правило, также были татары, хорошо знавшие язык, быт и нравы казахов. Затем в меновую торговлю включились предприимчивые российские крестьяне и казаки.

Ко второй половине XVIII в. в Казахской степи сложились основные центры меновой торговли: казахи Большой орды приезжали для мены в Туркестан, Ташкент, Бухарию, казахи Средней орды приезжали торговать на Уилскую линию, в Троицкую и Ямышевскую крепости на р. Иртыше, а иногда и в Оренбург. Меньшая орда приезжала торговать в Оренбург (История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2005, с.388–389).

Организованная правительством торговля на Оренбургской линии, постепенно проникающая вглубь Степи, была малодоступной для казахов восточных районов Среднего жуза, хотя еще в 1740 г. хан Абулмамбет и султан Аблай во время принятия подданства в Оренбурге договорились с командиром Оренбургской экспедиции В.А.Урусовым о торговле казахов Среднего жуза в крепостях Иртышской линии.

Приблизительно тогда же стали складываться татарские слободы при городах Сибирской пограничной линии, где вблизи крепостных стен и меновых дворов селились тюркоязычные уроженцы из Поволжья, Западной Сибири, Средней Азии и Восточного Туркестана («татары», «сибирские бухарцы», «бухарцы», «ташкентцы», «кашгарцы», «шалаказахи» и пр.), традиционно занимавшиеся посреднической торговлей с азиатскими торговцами и казахами.

Считая, что большое воздействие на развитие прогрессивных форм ведения народного хозяйства смогут оказать крестьяне, принадлежавшие к одному с казахами вероисповеданию, правительство решило переселить на линию крестьян из татар, позволить выходцам из Средней Азии образовывать селения.

Жители татарских слободок вели обширную меновую торговлю как со странами Средней Азии, так и с казахскими аулами. Среди первых татарских поселенцев Семипалатинска были выходцы из Вятской и Казанской губерний и Тюменского уезда Тобольской губернии (Абрамов, 1861, с.144). С 60-х гг. до середины 90-х гг. XVIII в. они расселялись на территории Меновой слободки, находившейся на острове Полковничьем (РГИА, ф. 821, оп.8, д.624, лл.70–71).

В 1776 г. в Семипалатинск был командирован капитан И.Г.Андреев для заложения крепости по новому проекту. Вместе с Андреевым сюда прибыло 40 работников, 25 солдат Семипалатинского батальона, 50 тюменских и тобольских служилых татар и 200 ссыльных колодников. В новую крепость стали переселяться жители старой крепости, военнослужащие, а также часть торговых людей. Таким образом, та-

тарское население Семипалатинска пополнилось за счет представителей служилого сословия и военнослужащих.

По сведениям 1795 г. среди проживавших на левом и правом берегу Иртыша татар упоминаются владельцы домов – крестьяне А.Валитов, Т.Монасыпов, Н.Нигматуллин, Н.Габитов, В.Абдулфеизов, У.Абдулаев, мещанин А.Аббасов, а также владельцы лавок – служилые и ясачные крестьяне, «арские купцы» и их сыновья, «казанские татары» и их сыновья, мещане и их наследники, купеческие жены, что указывает на места выхода переселенцев и их социальный статус. Среди татар, владевших одной лавкой, были Н. Сейфуллин, Х.Забилов, Ф.Байназаров, А.Салихов, М.Ягофаров, Н.Хайбуллин, М.Абдишев, В.Абдулгазизов, И.Муртазин, Х.Забилов, М.Рахимкулов, М.Махмутов, Х.Мусагитов, Г.Монасыпов, Н.Габикеев, Г. и Т. Абдрашитовы, М.Абдулвагапов, У.Батукаев, Б.Мукминов, Г.Галикеев, А.Сагитов, Б.Рафиков, А.Хамитов, И.Исхаков, Х.Ибатуллина, М.Хамитова, А.Зубаиров, Х.Измаилов, А.Сулейманов, В.Тагиров, А.Музафаров. По две лавки имели А. и Н.Габитовы, А.Габитова, У.Абубакиров, Ш.Нигматуллин, Ф.Абдулфеизов, М.Абдикеев, С. и Т.Сейфуллины, А.Амиров, Ш.Абдышев, М.Бикчентаев, Х.Халитова, Ш.Нигматуллин, владельцами трех лавок являлись Х.Ибетуллин, Х.Измаилов, М.Ишимов, Ф.Баязитова, Р.Исхаков, по 4 лавки было у А.Рахматуллина, И.Каримова, пятью лавками владел А.Абдикеев, а М.Абдышев являлся владельцем шести лавок (ЦГА РК, ф.478, оп.1, д.1, лл.33–100).

Правительственная протекция, удобное географическое и экономическое положение Семипалатинска на пересечении торговых путей, выгодные торговые операции с жителями степи, Средней Азии вызвали приток населения в Семипалатинскую крепость. Согласно «Уставу о сибирских киргизах», право вести торговлю в крепостях, других селениях предоставлялось не только казахам, но и поселявшимся вблизи пограничной линии узбекам, татарам, другим «иногородцам» и русским крестьянам. Этим воспользовались казанские, ташкентские и другие среднеазиатские купцы, которые переезжали на постоянное жительство в крепости Сибирской пограничной линии.

Однако численность проживавших в Верхнеиртышских крепостях купцов даже в первой четверти XIX в., когда торговля здесь заметно оживилась, была невелика. По данным 1834 г., в Омске проживало 23 купца, в Семипалатинске – 127, в Усть-Каменогорске – 25, всего – 175 купцов. Из них 168 купцов 3-й гильдии и 7 купцов 2-й гильдии. Не-

значительная численность купцов, постоянно проживавших в городах торгового назначения, объяснялась тем, что меновой торговлей здесь занимались главным образом приезжие купцы, привозившие промышленные товары из России и Западной Сибири, связанные торговыми операциями с Ирбитской и Нижегородской (Макарьевской) ярмарками.

В целях стимулирования переселения купцов и мещан в города Семипалатинской области (Аягуз, Кокпекты и Копал) было обещано наделение переселенцев в городской черте приусадебной землей для постройки жилых домов, хозяйственных помещений, ремесленных мастерских и промышленных предприятий. Разрешалось переселение в города Семипалатинской области и приписка в купцы, мещане и ремесленники всем лицам «свободного состояния» и «азиатским выходцам», принявшим российское подданство. В качестве поощрения переселения казахов было обещано освобождение от платы ясачной подати (100 лошадей, 100 быков и 100 баранов) в течение 10 лет со дня утверждения этого постановления (Аполлова, 1976, с.272).

Из «Ведомости» о сборе податей, недоимках, состоянии казны, числе купцов и мещан в Семипалатинске 1834 г. видно, что татары Семипалатинска были преимущественно купцами 3-й гильдии, чаще всего это были крестьяне – наиболее активные, предприимчивые выходцы из Казанского и Царевококшайского уездов Казанской губернии, Малмыжского уезда Вятской губернии и Тюменского уезда Тобольской губернии. Среди них выделялись Шафей Ишимов, Халит Абдрахманов, Абдул Рахматуллин, Хусаин Ибетуллин, Рафик Исхаков, Абдрахман Мурсалимов, Монайбет Рамиулов, Ахтям Абдикеев, Мухаметрахим Абдикеев, Баязит Усманов, Сагит Салихов, Абдрашит Сагитов, Мухаметъяр Ишмухаметов, Гайнулла Шарипов, Габайдулла Абдрашитов, Нигматулла Хайбуллин, Абдрахман Халитов, Рамей Тазиев, Усман Нигматуллин, Зайни Исхаков, Пулат Смаилов, Фаткулла Абдулкаримов, Мухаметюсуф Сейфуллов, Хайрулла Абдикеев, Хайбулла Хузесеитов, Абдрахман Мухтаров, Сейфулла Валитов (ЦГА РК, ф.480, оп.1, д.8, лл.288–296 об.).

Среди татарских купцов Семипалатинска наибольшей коммерческой активностью в торговле с Казахской степью и соседними государствами в конце XVIII – первой половине XIX в. выделялись поволжские купцы Салиховы, Исхаковы, Рафиковы, Усмановы, Габитовы, Иштерековы. Династия Усмановых в 1861 г. была в списке самых многочисленных в крае, в ее составе было 5 семей общей численно-

стью 33 человека. Крупный торговый оборот имела семья И.Иштеркова – официально 99 тыс. руб. серебром в год.

В 1782 году татары Нижегородского и Казанского наместничеств ходатайствовали о месте для заселения в 20 верстах от Петропавловской крепости при урочище Темная Лука. Записанные в Петропавловской крепости как мещане, они не могли использовать в полной мере привилегии сословия. Занятие крестьянским делом, по их мнению, могло дать большие выгоды для жизни. К 1786 году прошение было удовлетворено, и в 40 верстах от крепости Петропавловск была основана татарская деревня Мавлютова (Мамлютка), где шестой ревизией (1792 г.) было зарегистрировано 176 душ м.п. В татарских слободах проживали не только постоянные, но и временные жители из числа татар. Например, сибирские татары, которые издавна торговали с хивинцами, ташкентцами, бухарцами и казахами. Предметами их торговли были бухарские шелковые ткани, бумажные и шерстяные материи, чай, изюм, урюк, киргизские лошади, бараны, шерсть, войлок, кожи и сало.

Сбывали они все это на ярмарках или в постоянных небольших торговых помещениях (кибет), каковые имелись в Петропавловске, Семипалатинске и др. городах. Как и между волжскими татарами, так и между сибирскими, было множество особого рода мелких разносчиков (базурганов). Летом во многих, даже самых отдаленных городах можно было встретить не одного татарина-базургана, у которого находилось его небольшим узелке первым делом – чай, а затем серные спички и вакса, духи, помада, мыло, зеркальца, стальные перья, перочинные ножики, мелкие вещицы из дамского туалета, иглы, нитки, наперстки, свежие и сушеные фрукты, не растущие в Сибири (Народы России, 1878, с.267–268).

Начальник сибирских линий генерал-майор Штрандман в 1792 году разрешил перевести на новое место купеческую, Меновую, слободку, так как жители ее – купечество и мещане страдали от разливов Иртыша. Здесь купцы построили гостиный двор. Среди первых поселенцев были проживавшие в слободе татары, занимавшиеся в основном торговлей, и другие азиатские купцы.

В начале XIX в. Петропавловск становится центром международной торговли, местом, к которому по преимуществу перед прочими направлялся товар степного происхождения, потому что это было по дороге в Ирбит (Красовский, 1868, с.216). Торгующие в степи купцы губерний европейской России и сибирские проживали в Петропавловске, как в таком торговом центре, который притягивал к себе все степ-

ные и застепные произведения, не исключая в последнем случае и китайские, подходящие сюда, частью из Семипалатинска, частью прямо из Чугучака и Кульджи, через область сибирских киргизов (Красовский, 1868, с.298). Превращению Петропавловска в ведущий экономический центр Приишимья в северо-восточной части Казахстана способствовало то, что он находился на стыке двух важных торговых артерий – сибирской (вдоль Горькой линии) и туркестанской (через Акмолинск и Ташкент). В городе строились склады, в которые свозился в течение года промышленный товар, а с них промышленный товар вывозился для обмена и продажи в глубь степи.

По сведениям 1808 г. число мусульман, имевших в Петропавловске дома, вместе с работниками составляло 500 душ. В деревянной мечети, построенной к этому времени торговцами, молились бухарцы, ташкентцы и татары (РГИА, ф.1285, оп.8, д. 386, л. 34, 41).

Однако вплоть до середины XIX в. население «татарских слободок» отличалось определенным непостоянством и неоднородностью этнического состава и формировалось, главным образом, за счет внешних миграций. В 1836 г. в Петропавловске проживало 459 татар, в Семипалатинске – 1451 и в Усть-Каменогорске – 210 человек. Торговцы из Петропавловска были преимущественно купцами 3-й гильдии, число их с 1854 по 1862 гг. выросло с 82 до 176 человек.

В 40–60-х гг. XIX в. по мере проникновения российских войск и гражданского населения на территорию Казахстана, формировались новые центры торговли. Так, крупными торговыми пунктами внутри степи являлись гг. Акмолинск, Верный, Каркаралы, Атбасар и Кокчетав. При каждом почти приказе или степном городке была татарская слободка, населенная специально торгашами, скупщиками скота, кож и прочих товаров (Красовский, 1868, с.169–184).

В конце 40-х гг. XIX в. Татарская слобода существовала на территории Акмолинска, основанного в 1832 г. и расположенного на одном из узловых перекрестков караванных путей. В 1864 г. в слободке насчитывалось 105 жилых домов и около 1471 жителя, в числе которых было 130 российских татар, 245 оседлых казахов и 1319 среднеазиатских купцов. Здесь же находились мечеть и при ней «татарское училище», в котором мулла обучал 40 мальчиков разных «восточных национальностей» (История Казахстана, 2001, с.234).

Татары-предприниматели стали селиться в районе Усть-Каменогорска в первой четверти XIX в., где они размещались на левом берегу Иртыша ниже крепости, вблизи менового двора. В 1826 г. там прожи-

вало 37 татар. Их численность, с учетом приезжавших с целью торговли и проживавших в городе временно, значительно увеличивалась, в связи с чем с 1827 г. между Омским областным правлением и ОмДС велась переписка по вопросу о назначении муллы (ЦГИА РБ, ф.И-295, оп.4, д.500, лл.15–32).

Несмотря на незначительную долю среди населения степных городов, татарские купцы на Сибирской линии нередко занимали доминирующее положение. Как отметил отечественный исследователь В.Н.Разгон, накануне 1861 г. доля торговцев-мусульман («казанских», «касимовских» и «сибирских» татар, «сибирских» и «новоприезжих» бухарцев и т.д.) в общей численности гильдейского купечества составляла: в Семипалатинске – 83% (63 из 76 семей), в Усть-Каменогорске – 67% (28 из 42 семей) и в Петропавловске – 35% (17 из 48 семей) (Разгон, 1998, с.93).

После занятия русскими в 1853 г. территорий за рекой Или, согласно высочайшему повелению от 8 февраля 1854 г. были организованы переселения в укрепление на речке Алматинке. В течение 1855–1856 гг. сюда было выслано две сотни казаков Сибирского линейного казачьего войска и 200 крестьянских семей.

Крестьяне, вызванные из Западной Сибири и назначенные к переселению за реку Или, с зачислением их в казаки, были переведены в 1855 г. в станицы Сибирского линейного казачьего войска и уже весной 1856 г. с открытием подножного корма отправлены к месту водворения партиями от 50 до 100 семейств. Назначенные в укрепление Верное крестьянские семейства пришли туда своевременно и вместе с казаками основали две станицы – Большую Алматинскую и Малую Алматинскую. Среди жителей этих станиц было 46 католиков, 1 лютеранин, 44 иудея и 33 мусульман. В это число жителей не вошли проживавшие в Верном для торговли по билетам купеческие приказчики разных городов – татары и ташкентцы, которые проживали в Татарской слободке, основанной рядом с Большой и Малой слободками. Названия улиц, сохранившиеся в бывшей Татарской слободе (современное название «Татарка» – Э.Г.) «Алматы», указывают на места выхода переселенцев: Астраханская, Казанская, Оренбургская, Татарская, Уфимская. Известно, что с 1858 мулла г. Верного – Мустафа Амингалимбаев – был родом из урочища Докутара, расположенного около Самарканда, предки его являлись выходцами из д. Новый Тазлар Казанской губернии (ЦГА РК, ф.21, оп.2, д.95, л.115).

Балансируя между протекционизмом и фритредерством, российское правительство снимало ограничения, стоящие на пути развития отечественной торговли и промышленности, способствовало открытию предприятий мануфактурного типа и фабрик в селениях, переселению государственных крестьян в города. Участие татар в торговле с Казахской степью в XVIII – 60-х годах XIX вв. и сопредельными государствами осуществлялось в условиях наибольшего благоприятствования развитию торговли, созданных российским правительством на юго-восточных окраинах империи.

В результате успешного ведения меновой торговли в городах и поселениях Сибирской пограничной линии, поволжские и сибирские татары не только сконцентрировали в своих руках значительную долю внутренней торговли степного края, но и сыграли важную роль в установлении постоянных российско-азиатских и российско-казахских торговых связей. Меновые и гостиные дворы, привлекая из года в год торговцев из Казахской степи, внутренних губерний и из сопредельных стран, способствовали нормализации политического климата в регионе, установлению обстановки доверия между приезжими российскими и иностранными торговцами с местным населением. Торговля через российские укрепления приносила значительные доходы как казне, так и купцам, удовлетворяла потребности скотоводов в мануфактурных товарах и в хлебе, показала общность и близость экономических интересов торгующих сторон.

Буржуазия Казани и Каргалы контролировала экономическую жизнь татар, ведя оптовую торговлю с Казахской степью и Средней Азией, развитие татарской мануфактуры напрямую зависело от монопольного положения татарской буржуазии на рынках Казахстана и Средней Азии.

Организация и активное участие татар в различных видах и формах торговой деятельности, создание здесь разветвленной торговой сети способствовали активизации процесса накопления купеческого капитала, формированию национальной буржуазии.

Данные по Татарским слободам г.Казани и о татарском промышленном производстве говорят о периоде 1800–1810 гг. как пике экономического роста. В 1800–1805 гг. налогооблагаемый капитал членов Казанской Татарской ратуши возрос с 552 934 до 910 526 рублей. В 1814 году 14 татарских фабрик Казани и Заказанья производили 75,2% всего кумача России, имея только 55,3% станков. В 1812 году в Казанской губернии татары обладали 20,8% занятых на производстве, 49%

производств и создавали 25% продукции. Производство тканей опиралось на хлопок, привозимый из Средней Азии.

По подсчетам А. Дж. Рибера, в 1851 году в губерниях Волго-Уральского региона мусульманские торговцы составляли следующее количество: в Вятской – 123 (0,6%), в Тобольской – 87 (9%), в Пензенской – 189 (11,6%), в Самарской – 608 (12%), в Казанской – 762 (34%), в Оренбургской губернии – 1752 (57%). Характерно, что большая часть татарских торговцев (2759 из 3521) размещалась уже вне пределов Казанской губернии, зато практически половина – в Оренбургской губернии. Таким образом, к середине XIX века татарская торговая буржуазия сосредоточилась в Оренбургской губернии. Через три ее основных пункта – Оренбург, Орск и Троицк – шла торговля с казахскими степями и государствами Средней Азии. Здесь татары обладали абсолютным большинством среди торговцев. В середине XVIII века прибыль от торговли в Оренбурге составляла 100%, позднее конкуренция снизила ее до 40% (Хабутдинов, 2007, №2–3).

Татарские купцы, проживавшие преимущественно в городах и поселениях городского типа, создавая самостоятельные слободы для удобства ведения торговой деятельности, занимали главенствующее положение на среднеазиатском и казахстанском направлениях торговли России. Динамично развивавшиеся во второй половине XVIII – середине XIX вв. российско-казахские торгово-экономические связи способствовали постепенному включению казахских степей в активную экономическую жизнь и вовлечению местного населения во все-российский рынок.

Посредническая роль татар в развитии российской торговли на территории Казахской степи во второй половине XVIII – 60-х гг. XIX вв. оказала огромное влияние на российскую торговлю в целом, так как регион представлял собой емкий рынок для сбыта российской мануфактурной продукции, хлеба, металлических и галантерейных изделий. Большое значение для российского рынка имела доставка из казахских степей живого скота и продукции скотоводства. Поступление дешевого сырья способствовало активному развитию кожевенного, обувного, суконного, придельного, мехового, мыловаренного производств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Н.А.* Областной город Семипалатинск. Краткий исторический взгляд на места, занимаемые Семипалатинской областью / Н.А.Абрамов. –

Записки РГО. Кн.1 / Под ред. А.Н.Бекетова. 1861. – СПб.: Тип-я В.Безобразова.

2. *Абузяров Р.А.* Уральск – поэтическая родина Габдуллы Тукая / Р.А.Абузяров. – Уральск: ТОО «Оптима», 2003. – С.20–49.

3. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. / Н.Г.Аполлова. – М.: Наука, 1976.

4. *Банникова Е.В.* Торговля и купечество в феодальной России / Е.В.Банникова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002.

5. *Букеевской орде 200 лет* / Глав. ред. М.Кулькенов. – Алматы: Изд-во Өлке, 2001.

6. *ГАОО.* Ф. 222. Оп. 2. Д. 2185а.

7. *Журналы и служебные записки* дипломата А.И.Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том 3. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С.388–389.

8. *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.

9. *История Казахстана: народы и культуры* / Под ред. Н.Э.Масанова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

10. *Красовский М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область Сибирских киргизов, Т.16, ч.2, СПб., 1868.

11. *Мухаметов Х.А.* Дореволюционный город Гурьев и его регион: дис. ... к. и. н. / Х.А.Мухаметов. – Алма-Ата, 1972.

12. *Народы России.* Живописный альбом. Выпуск III. – СПб.: Тип-я Тов-ва «Общественная польза», 1878.

13. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1 / П.С.Паллас. – СПб.: Тип-я при имп. Академ. наук, 1773.

14. *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа / В.Н.Разгон. – Барнаул, 1998.

15. *РГИА.* Ф. 821. Оп. 8. Д. 624.

16. *РГИА.* Ф. 1285. Оп. 8. Д. 386.

17. *Сдыков М.Н.* Уральск: древний и современный (очерки по истории Уралска и городской культуры Западного Казахстана) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2009. – №1.

18. *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002.

19. *Тетеревников А.Н.* Очерк внутренней торговли Киргизской степи / А.Н.Тетеревников. – СПб: Тип-я Майкова, 1867.

20. *ЦГА РК.* Ф. 4. Оп. 1. Д. 522.

21. *ЦГА РК.* Ф. 4. Оп. 1. Д. 523.

22. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 586.
23. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 719.
24. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 720.
25. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 722.
26. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1598.
27. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4605.
28. ЦГА РК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 95.
29. ЦГА РК. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1.
30. ЦГА РК. Ф. 480. Оп. 1. Д. 8.
31. ЦГИА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 500.
32. ЦГИА РБ. Ф. 295, Оп. 4. Д. 8715.
33. Хабутдинов А.Ю. Бухарское образовательное влияние на татарскую элиту в XVIII–XIX вв. // Минарет. – 2007. – № 2–3.

Информация об авторе

Гибадуллина Эльза Маратовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин БФ ЧОУ ВПО ИЭУП (г. Бугульма); gibelza@yandex.ru

Gibadullina Elza Maratovna, the candidate of historical sciences, assistant professor, Department of philosophy, social and political Sciences of Bugulma branch of the PEI of higher professional education Institute of Economics, management and law (с. Bugulma); gibelza@yandex.ru

УДК 94(47):29"17/18"

**ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ (ОМДС) КАК ИНСТРУМЕНТ
ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ В КОНЦЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

© 2015 г. Д.Р. Гильмутдинов

Исторические судьбы народов современной России почти тысячелетие определяются принадлежностью к крупному государству многонационального, имперского типа. Геополитическую ориентацию «содружества наций» определяли на самом верху. Со времени правления императрицы Екатерины II власть создаёт свой «исламский проект», выраженный в форме Оренбургского Магометанского Духовного Собрании (ОМДС). Это был ответ мудрой императрицы на «вызов времени». Ассимилировать огромное количество мусульман за более чем двухсотлетний период истории правящие круги не сумели. Однако империя вынуждена была входить во всё более тесные торговые и политические отношения с исламским миром. Новые земли, которые могли быть присоединены империей, были заселены, как правило, мусульманским населением. Начало этого процесса было положено присоединением Крыма в конце XVIII в. Около этого же времени вошли в российское подданство большинство казахов. Крупнейшие и сильнейшие исламские регионы в виде Османской империи и среднеазиатских (в первую очередь, Бухарского) ханств стали соседями. «Рубикон» был пройден! Необходимо было выстраивать собственную «исламскую» политику. В статье мы попробуем выделить основные ориентиры этого «российского исламского проекта».

Ключевые слова: ислам, внутренняя колонизация, татаро-бухарские отношения, исламская политика Российской империи, Марджани, персидское наследие.

**MUSLIM SPIRITUAL ASSEMBLY (OMDS)
AS AN INSTRUMENT OF INNER COLONISATION
IN THE END OF XVIII – FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY**

D.R. Gil'mutdinov

Historical fates of peoples of modern Russia almost a millennium are bound with the history of the largest imperial state. Its elite determined the geopolitical features of the multi-ethnic «community of nations». Since the reign of Catherine II imperial power creates its own «Islamic Project», that came into being in the form of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMDS). It was a response of the wise Empress to «Call of the Time». The policy of assimilation of a huge amount of Muslims during the period of more than two hundred years after the territory of the first Tatar khanate was merged with Russia, had failed. However, the Empire was

engaged in increasingly close commercial and political relations with the Islamic world. New lands, that could be attached, as a rule, were inhabited by Muslim population. This process begins with the occupation of the Crimea in the end of the 18th century and continues with the subordination of the most of the Kazakhs. The largest and strongest Islamic regions – Ottoman Empire and Central Asian (primarily Bukhara) Khanates – turned into neighbors. «Rubicon» was crossed! It was necessary to build its own «Islamic» policy. In that article, we will try to identify the main guidelines of the «Russian Islamic Project» as we think it was.

Keywords: Islam, inner colonization, tatar-bukharian relations, Islamic policies of Russian Empire, Marjani, Persian heritage.

Исторические события столь же живы, сколько здравствующие люди. Они играют не менее важную роль на каждый текущий момент, чем конкретные исторические личности. Правящая фигура должна чувствовать «дух времени» и понять своё место и роль в конкретной исторической обстановке для того, чтобы успешно (то есть адекватно и дальновидно) проводить свою политику. Включение зоны обитания татар в состав Московского, а затем Российского государства, стало причиной того, что последнее было вынуждено взять на себя роль «гегемона», которую на этой территории когда-то играла Золотая Орда. Орда враждовала с родственными чингисидскими Чагатаидами в Средней Азии и Хулагуидами в Иране, воюя с ними из-за территории, а опиралась на Ближний Восток в лице египетских мамлюков, а затем их преемников – тюркских правителей Малой Азии. В условиях конца XVIII века Россия создаёт похожую систему взаимоотношений...

Исламская составляющая является основной отличительной особенностью татар-мусульман. Главнейший политический элемент болгаро-татарского ислама связан с тюркским единством – он на тюрко-татарском языке и с местными суфийскими, образовательными, родовыми и общественно-политическими особенностями. Когда говорят об исламе у татар, внимание в первую очередь обращается на ненасильственный характер принятия ислама. Однако ненасилие не означает духовно-интеллектуальную автаркию, автономию. Наоборот, добровольно и сознательно сделавшее выбор в пользу ислама население оказывается в большей степени ориентированным на источник принятия религии, чем вовлечённое силой. Таким образом, в 922 году, году официального принятия волжскими булгарами ислама, произошла «духовная колонизация». Фактом принятия ислама занимались многие учёные. Искандер Измайлов считает, что ханафитский мазхаб, которого придерживаются татары, оформился здесь в связи с тем, что после принятия ислама со стороны посольства багдадского халифа

(где официальным мазхабом был и остаётся шафиитский) больше контактов в религиозной сфере было со среднеазиатскими подданными государства Саманидов (Измайлов, 2011, с. 38). Саманиды же, хоть и являлись ханафитами, были персоязычными. Таким образом, начиная с X века, Среднее Поволжье находилось в орбите исламского мира. Это ещё более справедливо для государственных преемников Волжской Булгарии Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства, повествование о которых находится за рамками излагаемой темы.

После включения территории Казанского ханства и начала доминирования русской православной цивилизации проследить культурные и политические связи мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири со Средней Азией и Османской империей сложнее. Известно о поддержке татаро-башкирских бунтов XVIII века со стороны среднеазиатских ханств, об интеллектуально-духовных связях и предпочтениях отдельных татаро-мусульманских учёных и обращениях мусульманского населения России османскому султану с жалобами на притеснения. Эти обстоятельства действительно имели место, однако, в силу отсутствия опоры на структуру государства, являются очень разноплановыми, создают калейдоскопичную картину. Их изучение приводит к единственному конструктивному выводу – доказывается факт недовольства мусульманского меньшинства превращением себя в «диаспору». Оно было естественным ответом на понижение статуса. В этих рамках происходило существование татар и ислама до времени правления императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которые, наконец, «признали» факт существования иных, кроме православной, конфессий в России. С этого времени можно говорить о возрождении системности ислама, но не мусульман. В России появляется исламский сектор, который являлся проектом, тесно связанным с властью и геополитикой.

О существовании этого направления в российской имперской политике свидетельствует Шигабутдин Марджани. Повествование о первых председателях ОМДС связано у него в единый рассказ не только личными качествами, вызванными принадлежностью к власти, но и единым геополитическим заданием – борьбой с персидско-бухарским влиянием (Маржани, 1900, б. 288–289). Первый муфтий Мухаметжан Хусаинов был назначен для противодействия «победоносному шествию персидского языка». Другие муфтии менее рьяно, но также продолжали эту линию. До Великих реформ середины XIX века государство, по-видимому, было заинтересовано в облегчении, модернизации исламской сферы (в первую очередь, для собственного понимания), что означало «тюркизацию» мусульманской составляющей им-

перии, и не видело в этом опасности для себя. В дальнейшем победу одержала другая тенденция – из модернизационных элементов был оставлен только русский язык, а ставка делалась исключительно на религиозную сферу, причём в самых устаревших формах. Средняя Азия была территориально присоединена. Мусульман в империи стало больше за счёт самых консервативных регионов. Завоевание Средней Азии и заинтересованность в ней были связаны с торговыми и геополитическими (противодействие Англии) целями. Это была классическая колонизация большого региона, который не собирались ассимилировать. Этим было вызвано пренебрежение к исламской сфере вплоть до краха Империи. «Джадидизм» же виделся в форме «панисламизма» и «пантюркизма». Его корни действительно растут из Турции. Об этом писал и Мурад Рамзи (Рэмзи, 1903, 5 б.). Однако направление, турецкий вектор внутреннему татарскому исламу был задан самой властью ещё в период Екатерины Великой, что мы проиллюстрируем ниже, основываясь на османских архивных источниках.

Во второй половине XIX века Российская империя достигла максимальных естественных границ. За её пределами остались лишь крупные восточные державы, многие из которых контролировались европейцами. Перед правительством стояла цель сохраниться в этих границах. Во время Екатерины Великой стояла противоположная задача – поэтому и полномочия, и задачи личного плана были значительно более обширными. Термин «внутренняя колонизация» впервые использован в середине прошлого века и тесно связан с теорией мир-системного анализа и колониальной теорией вообще. В данном материале он употребляется в двух значениях. Первое (развиваемое Николасом Томасом (Thomas N. Colonialism's Culture: Anthropology, Travel and Government (1994) или Islanders: The Pacific in the Age of Empire (2012)) и Робертом Пекхамом (Peckham R. Internal Colonialism: Nation and Region in Nineteenth-Century Greece in Maria Todorova. Balkan Identities: Nation and Memory, pp. 41–59 (2004)) понимает под ним модернизацию, считая, что она представляет собой навязываемую европейскую гегемонию. Второе, самым ярким представителем которой является российско-британский социолог Александр Эткинд (Эткинд, 2013), успешно применивший этот термин по отношению к истории России, понимает под ней не экономическую, а культурную, ментальную колонизацию. Идейным вдохновителем обеих теорий является французский философ и социолог Мишель Фуко. Российская власть через указание направления исламского развития пыталась облегчить, модернизировать татаро-мусульманское общество – таким образом эти значения в нашем контексте взаимосвязаны. Необходимо под-

черкнуть, что речь идёт не о крещении или завоевании (например, Средней Азии), а о позиционировании «иног», воображении. Было ли это долговременной стратегией по отношению к исламу или же случайно сложившейся системой? Российской власти периода Екатерины II эту тактику подсказали сами исторические события.

Тему «пролога» российского завоевания Средней Азии и начала «Большой игры» между Российской и Британской империями учёные касались только вскользь. Например, в книге, посвящённой «персидскому фронту» «Большой игры» «Борьба за влияние России в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии», известный американский учёный Фируз Казем-Заде уделяет «персидскому фактору» до середины XIX века буквально несколько абзацев. Однако они очень информативны, причём Хива, Бухара и Персия объединены в один рассказ. Пётр I практически одновременно посылает агентов в Хиву и Персию. Хивинский отряд Бековича-Черкасского был уничтожен. Посланец в Персию Артемий Вольтский сообщил об анархии, царившей там и призывал Петра её завоевать. После победы в Северной войне Пётр захватил кавказские территории, принадлежащие Персии. Однако эти приобретения оказались эфемерными: «Его непосредственные преемники, столкнувшись с возродившейся мощью Ирана во главе с Надир-шахом, не имея никаких интересов на Востоке, уступали пядь за пядью земли, за приобретение которых Пётр Великий заплатил чрезвычайно дорого – не только человеческими жизнями, но и казной» (Казем-Заде, 2004, с. 5). Только в конце первой четверти XIX века Россия победила Персию, навязав персидскому шаху свои условия торговли. Граница с Персией по Туркманчайскому мирному договору 1828 года не пересматривалась до 1917 года. После заключения этого договора Британская империя считала, что шах будет помогать российской экспансии на востоке, перестав поддерживать продвижение Персии в направлении Афганистана. С началом «Большой игры» российская власть «делала вид», что «не может понять взаимосвязи между Центральной Азией и персидской монархией», связь, которую «чувствовали» англичане (Там же, с. 8). Дальнейшему продвижению в Персию помешала Кавказская война с имамом Шамилем. В это же время (1840 год) произошла катастрофа экспедиции оренбургского военного губернатора В.А. Перовского в Хивинское ханство. Таким образом, Россией Персия союзником не воспринималась. Военная победа над ней, а потом и обещание помощи шаху Аббасу-Мирзе по результатам Туркманчайского договора, действительно сделало

Персию достаточно зависимой от России. Сама же Персия балансировала между двумя гегемонами, пытаясь вести независимую политику.

Главными источниками данного материала, в силу специфики темы, являются материалы зарубежных архивов. Геополитические планы не формулировались чётко. Их можно лишь проследить по деталям, фактическим данным. Более того, колонизовать, основываясь на местном опыте, было нельзя, поскольку этого опыта просто не существовало – ислам практически не изучался. Это была бы христианизация и русификация. Необходима была полезная (или, как минимум, нейтральная) исламская традиция, связанная со спецификой присоединённых и присоединяемых мусульманских областей и народов. Для выяснения отношения близлежащих мусульманских регионов к России и между собой мы воспользуемся архивными внутригосударственными источниками, перепиской среднеазиатских правителей и османских султанов. Очень важна и российская позиция, которую можно проследить по мемуарам, путевым заметкам, отчётам «агентов», отправляемых из России в Бухару. Историческую канву помогли проследить опубликованные исторические труды на русском языке того периода: хроника Абу-л-гази Багадур хана (Абулгази Баядур-хан, 1768), монографии дореволюционных (Вамбери, 1873) и современных учёных-востоковедов (Джурабаев, 2014), (Саидов, 2010), (Матякубова, 2015).

Для Османской империи «отрезвляющим», эпохальным во внешней политике было поражение у Вены в 1683 году. В 1688 году хивинский (хорезмский) хан предлагает ему военную помощь. От неё султан отказывается, доверяя своему дальнему союзнику отвлекать Россию от Крымского ханства, пока оно будет воевать на европейском фронте (XVIII. Yüzyılda Narezm...). В 1710 году от Бухары отделяется Хокандское ханство. Возможно, именно с этим было связано то, что в 1716 году враг Хоканда казахский хан Гаиб Мухаммед-хан, воюющий против калмыков, пытался подбить на сопротивление против России российских мусульман (татар?) округа Эсnek(?). Однако те радовались победе русского оружия в Прутском походе. В ходе переписки османский султан не выразил заинтересованности в действиях казахского хана, сказав, что тот может делать что захочет (4). К концу века большинство казахов входят в подданство к России. Турция же, терпя поражения в войнах с ней, пытается строить интриги. В конце 80-х годов XVIII века Османская империя отправляет своего «агента» в Бухару. Мухаммад Беди'-бей должен был исследовать положение в Бухаре. Он 17 месяцев живёт там. Выводы посла очень интересны. Он говорит, что Бухара очень зависима от Стамбула. Москва сумела поднять

под себя казахов и те стали готовы воевать за неё (Belgelerle, 2005, s. 69). Она воздействует на них и Бухару через Стамбул. Беди'-бей пытается изменить мнение казахов о России, пытаясь создать конфликт (XVIII. *Yüzyilda Buhara...*). Однако в 1797 году пишет, что казахи связаны с Россией торговыми отношениями и, если Стамбул заключит долговременный мир, то и они будут довольны (Там же). Однако Селим III, султан-реформатор, прислушавшись к голосу главного везира Джазаирлы Гази Хасан-паши, пытается натравить на Россию саму Бухару (Там же). В 30-е годы XIX века русский посланник П. Демезон пишет, что казахский хан Тимур Султан объявляет, что он доволен ногайскими (татарскими) купцами, но не чувствует того же по отношению к бухарским, от которых получает только следы от телег (Записки..., 1983, с. 128).

Турецкий исследователь Абдулла Маджит говорит, что Бухара была самым сложным для османов государством («Osmanlı Devleti ile münasebetlerde en büyük ağırlığı olan devlet olmuştur») (Macit, 2009, s. 70). Стамбул всегда опирался на Бухару. Признание других акторов в Средней Азии происходит только в середине XIX века. Это стало причиной охлаждения отношения соседей Бухары к султану. С конца XVII века османы были больше озабочены сохранением близлежащих территорий, а иногда помогали и персидским шахам. Например, в 1561 году шах Тахмасп заключил союз с султаном Сулейманом. В 1736 году Хива призывала султана к войне с шиитами, но тот не хотел нарушать мир с Ираном. Таким образом, альянс османов и ханств не был очень прочным. Иран, как угроза, не сближал их так близко. Интересная, много раскрывающая дискуссия проходит между бухарским и османским правителями в во втором десятилетии XIX века (Belgelerle, 2005, s. 14–15). В 1816 году бухарский эмир (эмиры в это время были реальными правителями ханства) Мир-Хайдар пишет султану, что тот является защитником шариатских норм. Он говорит, что вышедшие из Бухарского лона регионы Мавераннахра, Дешт-и-кипчака, Балха, Бадахшана и другие перестали это признавать. Особо «неподчиняющимися» названы Казань и Хорезм. Они откололись от верного пути («*tarîk-ı müstakîmden udûl ve inhirâfları meshûd oldugundan*») и требуется приказ султана для смены их руководства. Далее говорится о необходимости добиваться «присяги» («бай'ат») у иранского шаха и запрашивается о возможности совершения молитвы в Мекке, какое-то время контролировавшейся «ваххабитами». В 1820 году султан отвечает, что Персию возвеличивает его неконформизм, когда «вокруг одни враги». А Бухаре султан говорит, что шариат для

неё не является обязательным («zarûret-i ser'iyue dahi olmamak» (Там же, s.22)), так как по соседству сильное христианское государство – Россия. Из этого диалога можно сделать несколько выводов. Бухара этого времени чувствовала враждебность России. Это замечается по отношению к казанским татарам, олицетворением которых, наверное, был первый председатель ОМДС, являющийся оппонентом бухарских имамов по многим вопросам. По-видимому, Стамбул видел в Бухаре лишь возможность строить пакости на границах с Россией, а не равно-го партнёра в религиозно-богословских и политических делах.

Средняя Азия была очень тесно связана с Ираном. В XVIII веке по обе стороны Аму-Дарьи возникают сильные национальные правительства – каджарское в Иране и мангытское – в Бухаре. Тюрк Надир-шах, основатель каджарской династии в Иране помогает эмирам мангытов укрепиться в Средней Азии. Несмотря на то, что третий правитель из этого рода Шахмурад рвёт все связи с Персией и объявляет ей священную войну, он не мог сохранить данную политическую линию надолго. Его внук Насрулла вновь сделал Персию главным союзником. Сам же Надир-шах считается персами скрытым суннитом, поскольку пытался собрать всех исламских богословов в Багдаде и объединить два исламских лагеря. Таким образом, к концу XVIII века на юге Азии формировался интересный национальный исламский проект во главе с Надир-шахом.

Важные события происходят и на средиземноморском побережье, начало которых было связано с заключением российско-османского мира в местечке Кючук-Кайнарджи. Помимо изгнания турок из Крыма Россия признавала османского султана халифом близлежащих к нему татарских племён (например, буджакских татар). Стамбульский падишах впервые использовал возможности политического ислама, то есть свой титул духовного главы мусульман, но реальной властью над этими мусульманами не обладал. Россия распространила эту политику «миллетизации» – разделения мира по регионам по конфессиональному признаку – на весь мир, причём за ислам «отвечал» османский султан. Он не осознавался конкурентом – был слабым и «ненациональным» (халиф «не имеет» национальности). Россия не только позволяла султану быть халифом. Она ставила условием заключения мира с Портой успокоение им среднеазиатских ханств, в первую очередь Бухары (Belgelerle, 2005, s. 71). Формально, по Кючук-Кайнарджийскому миру султана халифом признавали мелкие татарские анклавные по границам обеих империй, однако российской властью султан виделся как «надзиратель» за исламом вообще.

Однако, когда такие две силы, два гегемона начинают дружить, то возникает вопрос – против кого? На наш взгляд, главная угроза в евразийском регионе для российской власти в конце XVIII века виделась в Иране. Он не был колонизован. Имел тесные связи с Европой, хотя не граничил с ней. Являлся центром второго по числу приверженцев направления в исламе. Шииты же были ещё в период Аббасидского халифата главной антихалифской силой и временами контролировали халифа, были распространены в Африке, Саудовской Аравии, Ближнем Востоке, Кавказе, Средней Азии... В самой же Бухаре не особо чувствовалась разница между персидским и шиитским. Об этом свидетельствует история Бухары в послемонгольское время. История Средней Азии в средние века (особенно с начала XVI века, с появлением маленького Бухарского ханства) – это история постоянных междоусобных конфликтов за пограничную территорию. Очень редко хан был настолько силён, что война соседей против него стихала (например, в правление хана Абдуллы в середине XVI века). Иранский шах всегда с радостью принимал представителей династии ханов Бухары, Хорезма и других, которые становились «его армией». Иран был единственным конкурентом Российской империи по ассимиляции тюркоязычных племён. Причём шиизм делал эти племена очень фанатичными и независимыми. Таким образом, шиитский Иран – *alterego* России с «исламским лицом»!

Попробуем проследить отношение к Ирану в заметках русских путешественников о Средней Азии того периода... Главной целью одного из первых путешественников, питомца Казанского университета Петра Демезона, было установление прочных торговых отношений. Однако, торговля со Средней Азией была жизненно важна для России в первой половине XIX века потому, что выпускаемые товары не могли конкурировать с европейскими аналогами. Россия боялась допустить проникновение европейского рынка и в Среднюю Азию. Таким образом, речь идёт о «чувстве незащищённости», о котором писал А. Эткинд в своей книге: «На протяжении большей части российской истории невротический страх правителей, смешанный с желанием, обращался не к внешним врагам, но к пространству внутри страны и к её населению. Это огромное пространство было населено великим разнообразием подданных, русским и другими народами, от которых российские правители не чувствовали себя защищёнными» (Эткинд, 2013, с. 14).

В чём была разница между российскими колониями в Средней Азии и землями колониальной Британии немного южнее? Российские владения представляли собой «платоновскую сущность, которую не-

возможно изменить». Британские же владения представлялись «констелляцией образов, людей и территорий» (Эткинд, 2013, с. 61). В Британской Индии, которая была преемницей империи Великих Моголов, официальным языком был персидский. Ислам занимал привилегированное положение. Более того, товары в Среднюю Азию английское правительство научилось отправлять через Иран (Записки..., 1983, с. 94). Они были лучшего качества, чем российские. Таким образом, это был некий единый англо-персидский мир, который грозил перекинуться и на территорию Мавераннахра.

На самом же британо-русском пограничье в первой половине XIX века циркулировали слухи о союзе России и Ирана. Бухара распространяла слухи о том, что Иран и Россия вместе нападут на Хиву, держа соседа в постоянном напряжении (Там же, с. 71). Англичане были обеспокоены распространяющимися в Индии слухами о том, что персидский шах Аббас вместе с русскими нападёт и завоюет Хиву, Бухару и Герат (Там же, с. 82). Повод для этих слухов, по мнению Демезона, дали русские пленные, участвующие в армии иранского шаха. Однако, это был не русский корпус, предоставленный Россией для взятия Герата, а обычные пленные русские солдаты, которым шах очень доверял (Там же, с. 97–98). Таким образом, слухи о союзе России и Ирана были безосновательными.

Итак, все страны – «околоевропейские гегемоны» (Османская, Персидская и Российская империя) смотрели «с завистью» на европейский прогресс, понимая, что победа лежит в заимствовании европейских достижений. Однако, также, как и сейчас, беспорядочное заимствование грозило превращением в колонию, зависимую территорию. Этим странам было, что терять! Необходимо было понять, что из имеющегося терять нельзя ни при каких обстоятельствах. Османская империя так и не определилась с этим и, поэтому, была безжалостно расчленена. Россия и Иран были более древними цивилизациями, хотя состояли из разных составных элементов. Иран представлял собой монолитный (трудно сказать национальный) исламский проект, который, благодаря своей связи с древностью, имел свои «ментальные осколки» в удалённых странах (например, название города «Мекка» имеет персидские корни). История Ирана напоминает историю Волжской Булгарии. Аббасидский халифат, который контролировался в X веке персами-шиитами, затем тюрками-сельджуками, испытавшими громаднейшее влияние персидской культуры, был разгромлен монголами. Монгольское владычество было поглощено местной исламской культурой. Тюрки и арабы были деморализованы. В контакт с европейцами первыми

вступили персоязычные регионы. Османы и среднеазиаты, располагающиеся по границам Персидской державы, не могли им ничего противопоставить. Однако они могли отказываться от их наследия. Этот процесс мы наблюдаем у османов. У их предшественников сельджуков полностью доминировал персидский язык. Османы знали персидский язык, но намеренно от него отказались. Это замечает и Ш. Марджани (Маржани, 1900, б. 302). В XVIII веке выходят известные сборники фетв, которые написаны на тюрко-османском (например, сборники фетв «Fetava-yı Ataullah» Минкаризаде Яхьи-эфенди, «Behcetü'l-fetâva» Абдуллы Енишехирлы, «Bağr al-fatâwâ» Мехмеда Кадизаде). Таким образом, османы начали свой «исламский проект», который, на наш взгляд, стал клониться к закату с появлением «духовной сети Халифата» в конце XVIII века. Став Халифатом, по «опыту предшественников», османы перестали «жалеть» свою территорию – брали займы, отдавали отдельные регионы, народы, конфессии в «духовную аренду» (т.н. «капитуляции»). Произошло разделение государства на реальное (находящееся в кризисе) и виртуальное (Халифат). Инициативу по заботе о тюрках-мусульманах перехватила Российская империя. Именно под лозунгами возвращения к Исламу, отходу от чингисидского наследия Россия шла в Среднюю Азию. Естественно, это была тактика, рассчитанная на грядущий успех, а не долговременная стратегия. Политика «исламского фундаментализма» поменялась уже в середине XIX века. Россия опиралась и изучала Европу, а на восточные народы направляла опыт Стамбула (до пантюркистских и панисламистских проектов последних крупных султанов Абулмаджида и Абдулхамида во второй половине XIX века). Стамбул и Бухара оказались направляемы Петербургом в плане политизации и «миллетизации». Однако обвинения в глобализме российских мусульман стали обычным делом, когда Россия достигла своих максимальных естественных границ. Российская власть уже знала, как и имела возможности реализовать свой ставший «внутренним» Исламский Проект.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Belgelerle Osmanlı-türkistan ilişkileri* (XVI–XX. Yüzyillar). – Ankara, 2005. – 197 s.
2. *Macit A. Osmanlı Devleti ile Hokand Hanlığı Münasebetleri*// İlem, Yıl 4, S. 4, 2009, s. 67–81.
3. *XVIII. Yüzyılda Buhara Hanlığı ile İlişkiler* (Взаимоотношения с Бухарой в XVIII веке) [Электронный ресурс] // *Osmanlı Tarihi* (Османская история). – *Diplomatik İlişkiler* (Дипломатические взаимоотношения). –

Osmanlıların İslâm Devletleriyle İlişkileri (Взаимоотношения османов с исламскими государствами). – Режим доступа: <http://www.osmanlimedeniyeti.com/Bilgi/XVIII.%20Y%C3%BCzy%C4%B1lda%20Buhara%20Hanl%C4%B1%C4%9F%C4%B1%20ile%20%C4%B0li%C5%9Fkiler> – 14.10.2015 г.

4. *XVIII. Yüzyılda Harezmi (Hive) Hanlığı ile İlişkiler* (Взаимоотношения с Хорезмом (Хивинским ханством) в XVIII веке [Электронный ресурс] // *Osmanlı Tarihi* (Османская история). – *Diplomatik İlişkiler* (Дипломатические взаимоотношения). – *Osmanlıların İslâm Devletleriyle İlişkileri* (Взаимоотношения османов с исламскими государствами). – Режим доступа: [http://www.osmanlimedeniyeti.com/Bilgi/XVIII.%20Y%C3%BCzy%C4%B1lda%20Harezmi%20\(Hive\)%20Hanl%C4%B1%C4%9F%C4%B1%20ile%20%C4%B0li%C5%9Fkiler](http://www.osmanlimedeniyeti.com/Bilgi/XVIII.%20Y%C3%BCzy%C4%B1lda%20Harezmi%20(Hive)%20Hanl%C4%B1%C4%9F%C4%B1%20ile%20%C4%B0li%C5%9Fkiler) – 14.10.2015 г.

5. *Абулгази-Баядур-Хан*. Родословная история о татарах: в 2 т.; т. 2. – СПб., 1768. – 480 с.

6. *Вамбери Г.* История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего: в 2 т. Т. 2. СПб., 1873. – 228 с.

7. *Джурбаев Д. Х.* Бухарский эмират во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в письменных источниках. – Душанбе, 2014. – 429 с.

8. *Записки о Бухарском ханстве*: отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича. – М.: Наука, 1983. – 149 с.

9. *Измайлов И.Л.* Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // *История и современность*. – 2011. – № 2. – С. 34–51.

10. *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2004. – 544 с.

11. *Матякубова М.* Из истории государственного управления в Бухарском эмирате в период правления династии Мангытов / М. Матякубова, Р. Атамуротова // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 574–576.

12. *Мәржани Ш.* Әл-кыйсем ас-сани мин китаб мустафад аль-ахбар фи ахвал Казан ва Болгар. – Казан, 1900. – 365 б.

13. *Рәмзи М.* Инсаф. – СПб., 1903. – 61 б.

14. *Саидов А.* Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVII – первой половине XVIII вв. – Душанбе: Дониш, 2010.

15. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

Информация об авторе

Гильмутдинов Данияр Рустамович, кандидат исторических наук, заведующий отделом источниковедения ГБУ «Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань); ascold@bk.ru

Gil'mutdinov Daniyar Rustamovich, the candidate of historical sciences, Chief of the Department of Source Studying of the Center of Islamic Studies of Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (с. Kazan). – ascoldan@gmail.com

УДК 94 (47)

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2015 г. Е.В. Годовова

В статье дается обзор экономического развития Оренбургского казачьего войска в первой половине XIX века. Автор отмечает, что благодаря усилиям местной администрации в хозяйстве казаков произошли существенные изменения: расширились земельные наделы, увеличилось производство продукции сельского хозяйства, на землях войска стали добывать полезные ископаемые, начала развиваться торговля. Однако власти не только способствовали развитию экономики, но и сдерживали ее, т.к. стремились сохранить замкнутый патриархально-корпоративный уклад казачества.

Ключевые слова: казачество, Оренбургское казачество, экономика, хозяйственные отрасли.

THE ORENBURG COSSACKS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: ECONOMIC ASPECT

E.V. Godovova

The article provides an overview of the economic development of the Orenburg Cossack troops in the first half of the nineteenth century. The author notes that thanks to the efforts of the local administration in the economy Cossacks have been significant changes: expanded land holdings, increased agricultural production on land troops began to extract minerals, began to develop trade. However, authorities have not only promoted the development of economy and held back her because sought to preserve the closed patriarchal corporate way of Cossacks.

Keywords: Cossacks, Orenburg Cossacks, economy, household sector.

Казачество – уникальное явление в истории России XV–XX вв. как в социокультурном, так и в экономическом отношении. Главная повинность казаков заключалась в несении сторожевой службы, а экономической основой службы являлись земельные участки, которые выделялись для всей казачьей общины.

Основу благополучия оренбургских казаков составляла земля, пожалованная им указами 1736, 1743, 1744 гг. «за разные заслуги во время башкирских бунтов» (Историческая записка, с.65), а также право пользоваться озёрной и речной водой, право охотиться и добывать полезные ископаемые.

Важным шагом в упорядочении землепользования ОКВ стало Положение об Оренбургском казачьем войске, принятое 12 декабря 1840 г. Оно закрепило за войском «в вечное пользование сплошную территорию». Общая численность земель составляла около 7 749 644 десятин и включала в себя:

- 1) земли по всему протяжению Оренбургской линии от границы Сибири до пределов Уральского казачьего войска глубиной не менее пятнадцати вёрст;
- 2) часть казённых прилинейных земель, причисленных к войску для избежания чересполосности;
- 3) земли Илецкого района;
- 4) земли, заключающиеся между новой и старой линиями в прирезанном от киргизской степи участке;
- 5) земли Переволоцкой станицы с участком, отведённым для предназначавшихся к причислению в казаки 500 малолеток (ПСЗ II. Т.15. № 14041).

Определяя и закрепляя земельные права ОКВ в целом, Положение от 12 декабря 1840 г. не содержало чёткой регламентации в отношении отдельных его членов и административных единиц. Указывалось лишь на тридцатидесятинный душевой надел как исходный при расчёте количества земли для каждого из образованных 10 полковых округов, а также на назначенные служащим и отставным чиновникам войска «особых пожизненных участков» (Столетие, с.261).

В соответствии с Положением повышался статус землепользования войсковых офицеров. Параграф 61 Положения указывал: «Служащим и отставным чиновникам войска назначаются за заслуги... особые пожизненные участки». Правда, оговаривалось, что «мера сих участков и все дальнейшие по сему предмету правила имеют быть особым положением» (ПСЗ II. Т.15. № 14041). В 1842 г. проект о наделении офицеров и чиновников пожизненными земельными участками был представлен в Департамент военных поселений и в 1843 г. поступил в Военный Совет и Сенат. Сенат его отклонил, и только спустя двадцать лет, 21 октября 1862 г., после вторичной переработки законопроект был одобрен.

Положение о наделении чиновников ОКВ земельными участками пожизненно закрепляло право всех без исключения служащих и отставных чиновников на единовременное получение земли. Генералы получали участок в 1600 десятин, штаб-офицеры – в 400 десятин, обер-офицеры – в 200 десятин, а чиновники, получившие чины при

увольнении в отставку, наделялись участками следующих размеров: полковникам, уволенным в чине генерал-майора, давался земельный надел в 800 десятин, есаулам, уволенным войсковыми старшинами, – 200 десятин, урядникам, уволенным в чине хорунжего, – 100 десятин (Положение, с.5).

Этим же Положением устанавливался порядок наследования полученных офицерами участков. После смерти обоих родителей дети мужского пола пользовались всеми отцовскими участками от 19 лет, а женского пола – до замужества, причём дочь генерала и штаб-офицера половиной, а обер-офицера – целым участком. Вдовы бездетных чиновников пользовались участками своих мужей до нового замужества или своей смерти: вдовы генералов владели 1/3 участка, штаб-офицеров – половиной, а обер-офицеров – полными участками. Вдовами, имеющими детей мужского пола, наследовался весь участок, который оставался в её пользовании до достижения младшим сыном 19 лет. Вдовы, имеющие дочерей, получали право владеть земельным участком до замужества младшей дочери, причём вдовам генералов и штаб-офицеров назначалась половина участка мужа, а обер-офицеров – целый участок.

Вдовы, имеющие малолетних детей, лишались права на пользование участками покойного мужа при вступлении в новый брак, в то время как дети их владели отцовскими участками, будучи приравнены по Положению к круглым сиротам.

В потомственную собственность, путём покупки у войска, чиновники могли приобрести только то количество земли, которое им было положено по чину, но распоряжались им без всякого ограничения и вмешательства со стороны войскового начальства.

Как правило, под офицерские участки отводились земли, более пригодные для возделывания, нередко в ущерб станицам и посёлкам, получавшим взамен «неудобья, дальнотемелье, чересполосицу».

От невыгодно расположенных или малопродуктивных наделов офицеры отказывались, хотя сами редко вели хозяйство на своей земле, в основном сдавая участки в аренду (ГАОО, ф.37, оп.3, д.186, лл.200, 204). По сведениям С.Н.Севастьянова, размер получаемой офицерами арендной платы (за участки штаб-офицеров платили в среднем 400 – 500 рублей в год, обер-офицеров – 200 – 250 рублей в год) определялся средствами арендаторов, что, в свою очередь, зависело от удачного ведения хозяйства и хорошего урожая (ГАОО, ф.169, оп.1, д.38. л.89).

Сдача земли в аренду достаточно широко практиковалась в Оренбургском казачьем войске. Арендатор, желающий заняться обработ-

кой земли, обязан был взять ярлык и внести необходимую денежную сумму. В ярлыке отмечалось имя контрагента, число десятин арендуемой им земли, срок содержания и поземельная плата. Ревизия засеянных площадей должна была производиться по распоряжению полковых командиров в конце июля или в начале августа каждого года, т.е. во время жатвы, чтобы с самовольно засеявших лишнее количество десятин можно было взыскать двойную арендную плату. Присутствие арендатора при ревизии было обязательным, а с неявившихся взимался штраф (3 рубля серебром) в пользу войскового капитала.

С целью увеличения дохода Войсковое правление признало возможным допустить распашку арендной земли желающими при соблюдении следующих правил:

1) «оброчные статьи», предназначенные под распашку, разделить в 1, 5, 6 полковых округах на 4, а в 8, 11, 12 на 3 части (поля) и затем разрешить распашку каждой части поочередно – первых трех полей по три года подряд, а последних трех – по шесть лет; при соблюдении этого порядка земли в первом случае будут отдыхать девять, а во втором – двенадцать лет;

2) распашку производить с разрешения полковых командиров и начальника Второго военного округа – заведующего оброчными статьями. Причем в 1, 5 и 6 полковых округах заложную (т.е. целинную – Е.Г.) землю сдавать по 1 руб. 25 коп., залежную (поле, покинутое по истощению почв – Е.Г.) – по 1 руб., а в 8, 11 и 12 округах – по 1 руб. 50 коп. серебром в год с десятины. В последних трех полках распашка должна была производиться так, чтобы одна половина земель была под посевом, а другая – под паром;

3) если будут желающие взять под распашку всё очередное поле, то на его отдачу назначить торг, определяя срок содержания в полках 1, 5, 6 в три года, а в 8, 11 и 12 в шесть лет;

4) если при торгах предложенная цена будет больше вышеназначенной, то полковой командир заключает с контрагентами контракты в законном порядке (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2523, л.16 – 17 об.).

Земли в Оренбургском казачьем войске делились на следующие категории: войсковые, станичные, или юртовые, офицерские и чиновничьи. Но характер землепользования и землевладения на этих землях был различный. Верховным собственником казачьих земель была казна. Земли отдельных казачьих войск, в том числе и Оренбургского, находились в их «вечном пользовании» (Футорянский, с.64). Субъектами права собственности на такие земли считались сословные обще-

ства и учреждения, например «общество сельских обывателей», во многом аналогичное «станичному обществу» (Махрова, с.26). Однако, признавая войско собственником земли, государство не допускало полного и самостоятельного распоряжения землёй и её недрами со стороны войсковой администрации. Не совпадали и земельные права различных категорий граждан. Рядовой казак не имел права приобретать земельный участок в собственность. А офицеры и чиновники не только имели большие по размеру участки, но и по Положению 1862 г. получили право на «потомственное владение ими» с правом выкупа и отчуждения. Причём, большинство офицерских участков сдавалось в аренду (по данным профессора Л.И.Футорянского, в ОКВ их было 62%) (Футорянский, с.66). Особое положение занимали земли, отведённые под золотые прииски, когда в качестве собственников земли выступали разные субъекты, что являлось источником многочисленных конфликтов, препятствующих эффективному использованию земельных ресурсов.

Развитие хозяйственных отраслей на территории Оренбургского казачьего войска было обусловлено как природными факторами, так и особенностями казачьей службы. Опыт использования казачьих войск убеждал правительство в том, что их боеспособность и эффективность в немалой степени зависят от уровня благосостояния казаков. Разорившиеся казачьи хозяйства не могли поставлять хороших воинов (Зобов, с.216). Стремясь преодолеть серьёзный недостаток казачьей войсковой системы, заключавшийся в крайне слабом использовании земельных богатств, правительство принимает меры для развития хозяйства казаков.

Одним из первых заставил казаков заниматься земледелием оренбургский военный губернатор П.К.Эссен. Исходя из собственных убеждений он в 1822 г. установил правила, по которым местное начальство обязано было следить за тем, чтобы каждая казачья семья ежегодно «сеяла ржи озимой или яровой одну десятину казённой меры и полдесятины ячменя, овса, полбы да четвертак картофеля» (Материалы, вып.8, с.436), а также направлять в Войсковую канцелярию донесения о нарушениях и принятых к ним мерах. Но при П.К.Эссене был введён налог с каждой распаханной десятины земли: по 1 руб. – с нижних чинов, по 1 руб. 80 коп. – со штаб- и обер-офицеров и по 2 руб. – с разночинцев, проживавших на линии. Таким образом, местная власть не только поощряла, но и сдерживала развитие земледелия на казачьих землях.

Для обеспечения населения Оренбургского казачьего войска продовольствием в неурожайные годы 16 февраля 1835 г. оренбургским военным губернатором В.А.Перовским была учреждена общественная запашка полей. По Положению об общественной запашке каждый казак должен был ежегодно посеять на общественном поле пуд зернового хлеба. Для хранения полученного урожая создавались склады и запасные магазины. Излишки продавались в казну по низким ценам – 1 руб. 80 коп. серебром за четверть; четвертая часть вырученных денег поступала в хлебный капитал, который до введения общественной запашки пополнялся денежным сбором в размере 25 коп. с человека. Оставшиеся деньги расходовались на содержание лиц, следивших за проведением общественной запашки, и выдавались в качестве премий за большие посевы (ГАОО, ф.6, оп.11, д.2170, л.4). С целью подготовки из числа казаков специалистов для контроля за производством, умножением и улучшением сельского хозяйства на казённых землях в г. Оренбурге в 1836 г. было учреждено училище земледелия и лесоводства (РГВИА, ф.330, оп.2, д.170, л.2), а при нём создана образцовая ферма (ГАОО, ф.6, оп.7, д.494а, л.1).

Следует отметить, что большого желания участвовать в общественной запашке у казаков не возникало, что приводило к конфликтам. Так, весной 1835 г. станицы 4-го и 5-го кантонов отказались производить общественную запашку. Прибыв на место, В.А.Перовский убедился, что волнение незначительно и может быть усмирено без применения армии. Для порядка 46 человек были наказаны шпицрутенами и переселены на новую линию, где образовали станицы Новоорскую и Кумацкую (История казачества, с.138). Причину нежелания казаков заниматься общественной запашкой генерал-майор И.В.Чернов объяснял тем, что «эта благая мера не была разъяснена казакам... они видели в ней что-то новое, напоминавшее барщину, не поверили, что государь требовал от них сверх службы ещё обязательной работы... труда для наград наблюдающих» (Чернов, с.73). И действительно, посев одного пуда хлеба не требовал много времени, но в одной казачьей семье было по два – три мужчины. Если один казак находился на службе, другой был стар, то третьему приходилось сеять и убирать три пуда, что занимало до двух недель, а, следовательно, было ушербно для собственного хозяйства.

Положение об Оренбургском казачьем войске 1840 г. внесло некоторые изменения в дело общественной запашки: от неё были освобождены малолетки до 16 лет, старики по достижении ими 60 лет; ка-

заки, находящиеся на действительной службе, казаки торгового общества и нижние чины, занимавшие канцелярские должности по внутреннему управлению войском, а также был прекращен посев «за умершими после ревизии» (ГАОО, ф.6, оп.12, д.179, л.33).

Сменивший В.А.Перовского на посту оренбургского военного губернатора В.А.Обручев посчитал общественную запашку «далеко не вознаграждающей труд казаков», прекратил выдачу наград, передал дела по общественной запашке из канцелярии военного губернатора в Войсковое правление и ходатайствовал о её отмене (ГАОО, ф.6, оп.11, д.2170, л.4 об.). 18 января 1844 г. он доложил военному министру о необходимости изменения денежного и хлебного сбора для обеспечения продовольствия в казачьих войсках Оренбургского корпуса, находя неудобства в существующем порядке сбора (Материалы, вып.11, с.572). Считая, что главная цель общественной запашки в ОКВ была почти достигнута, т.к. во многих станицах казаки уже имели определенный запас хлеба – по 15 пудов 20 фунтов на душу населения, В.А.Обручев предложил ввести особые правила, подобные установленным в Донском войске, чтобы обеспечить казаков хлебом на будущее (Годовова, с.24). 10 июня 1853 г. последовало Высочайшее повеление: в Оренбургском казачьем войске общественную запашку прекратить и ввести установленный в Донском войске порядок сбора и засыпки хлеба в магазины, к устройству которых приступить немедленно, а деньги от продажи излишков хлеба оставить запасными на обеспечение продовольствия в неурожайные годы (ПСЗ II. Т. XXVIII. № 27339).

Спустя год генерал-адъютант В.А.Перовский вновь ходатайствует перед военным министром о восстановлении общественной запашки в Оренбургском казачьем войске, показывая в сравнении, как легче достигнуть установленной законом пропорции запасного хлеба для обеспечения ОКВ. Во-первых, для пополнения недостающих запасов по 1 ½ четверти на душу путём сбора зерном понадобится 11 лет, а общественной запашкой, исходя из опыта 1835–1842 гг., 7 лет, независимо от продажи излишков в этот период времени. Во-вторых, взыскание хлеба, розданного казакам в ссуду, легче проводить при общественной запашке, т.к. при сборе зерном казак должен выплачивать со своего поля не только занятый им хлеб, но и вносить в магазины годовую запасную порцию. В-третьих, устройство магазинов потребует новых денежных сборов с казаков, да и сдача зерна в магазины каждым домохозяином будет занимать много времени. И наконец, «излишки общественной запашки составляют единственное средство к увеличению

капиталов Оренбургского казачьего войска, без усиления которых оно не только не выйдет никогда из необходимости пользоваться настоящими от казны пособиями, но в известных случаях будет даже нуждаться в новых значительных со стороны её вспомоществованиях» (Материалы, вып.12, с.64 – 68).

В.А.Перовский пожелал узнать мнение казачества относительно общественной запашки, поручив объехать станицы наказному атаману И.В.Падурову. Тот, опросив на сходах казаков 98 станиц и отрядов, отмечал в докладной записке, что им выгоднее продолжать общественную запашку полей, а денежный сбор на строительство запасных магазинов будет для них обременителен (Материалы, вып.12, с.68).

Военный совет 24 января 1854 г., вновь обсудив этот вопрос, пришёл к выводу, что, хотя общественная запашка полей существует только в Оренбургском казачьем войске, она является мерою не только полезною, но и необходимою, вследствие чего было решено её восстановить на основании Положения, утверждённого 16 февраля 1835 г. (Материалы, вып.12, с.69).

В 1859 г. общественная запашка в ОКВ была ликвидирована. Вместо неё для создания общественных хлебных запасов установили сбор с казаков определённого количества хлеба – по 10 гарнцев ржи, пшеницы или ядрицы, а для заведования делами по этой части было предложено, по примеру Донского войска, учредить Комитет народного продовольствия (ГАОО, ф.6, оп.12, д. 2087, л.103 – 116).

Особое внимание на развитие хлебопашества в ОКВ войсковое начальство обратило в 40-е гг. XIX в. Войсковое правление приказом от 17 июля 1842 г. предписало всем полковым правлениям поработать над усовершенствованием земледелия у казаков, возложить обязанности по надзору за улучшением и увеличением хлебопашества на полковых командиров, которые «должны были предоставлять казакам средства для распашки земли, посева хлеба и его уборке, а также заботиться об увеличении скотоводства, побуждать казаков к трудолюбию и порядку» (ГАОО, ф.6, оп.11, д.2158, л.14). Эти меры способствовали росту хлебопашества у оренбургских казаков.

Таким образом, система землепользования, сложившаяся, благодаря усилиям местной администрации, в Оренбургском казачьем войске к 1865 г., в значительной степени обеспечивала потребности населения в хлебе и способствовала экономическому развитию войска.

Огородничество большого распространения в станицах ОКВ не получило и развивалось главным образом для удовлетворения семейных

потребностей. Основными огородными культурами были капуста, горох, репа, редька, картофель, огурцы, морковь, свекла и лук. В 40-е г. XIX в. войсковое начальство пыталось принудительно внедрить посадку картофеля, но казаки, считая малоизвестную культуру «чёртовым яблоком», сопротивлялись, чему значительно способствовала старообрядческая пропаганда (Махрова, с.32). Однако данные отчёта Оренбургского и Самарского генерал-губернатора свидетельствуют, что в 1851 г. казаками Оренбургского казачьего войска было посажено 31558, а собрано 164899 пудов картофеля (РГИА, ф.1263, оп.1, д.2340, л.94). Чтобы побудить казачье население к разведению овощей, в 1851г. по распоряжению генерал-губернатора около г.Оренбурга на войсковой земле был создан образцовый огород с теплицей, где казаков учили пользоваться семенами и ухаживать за растениями (РГИА, ф.1263, оп.1, д.2340, л.85). В этом же году жителям Бердской и Павловской станиц были розданы семена лучших колосовых, луговых и овощных сортов, привезённых в Россию из Англии Санкт-петербургским купцом 1-ой гильдии Лаутоном. Из двадцати видов семян, посаженных казаками, взошло десять; особенно хорошим был урожай американского проса и кормовой кукурузы (Материалы, вып.11, с.328–329). В некоторых станицах 1-го военного отдела оренбургские казаки сеяли арбузы и дыни (ГАОО, ф.6, оп.8, д.169, л.33). В посёлках Илецкого района бахчи давали от 200 до 1000 рублей дохода на семью в год.

Оренбургские казаки имели право заниматься промыслами – извозом, пчеловодством, рыболовством, охотой и другими. Специальных промыслов в войске не существовало, они лишь служили подспорьем сельскому хозяйству. В 1842 г. в ОКВ было 350 ульев, больше всего в станицах Городищенской – 58, Урлядинской – 42 и в деревне Изяк-Никитинской – 77 (Материалы, вып.10, с.226). Рыболовство было развито на реках Тобол, Уй, Миасс и Илек. В реке Урал, в пределах войска, ловилась только чёрная мелкая рыба в небольшом количестве (История казачества Урала, с.120 – 121). К 60-м гг. XIX в. весьма важную отрасль «промышленности» ОКВ, особенно в полках I-го военного округа, стал составлять извоз. Оренбургские казаки принимали на себя от казны перевозку тяжёлых грузов на Сырдарьинскую линию и в степные укрепления, а от частных лиц – в Самару, Уфу, Казань и даже в Москву (ГАОО, ф.6, оп.8, д.169, л.37).

Развитие хозяйственных отраслей в ОКВ было обусловлено как естественными природными факторами, так и особенностями казачьей службы. Скотоводство и коневодство как отрасли казачьего хозяйства

имели вполне самостоятельное значение. Казаки разводили коров, лошадей, овец, в меньшей степени – коз, свиней.

Особое внимание в Оренбургском казачьем войске уделялось разведению коневодства. При существующих в казачьих войсках правилах отбывания воинской повинности эта отрасль хозяйства была необходима. Почти все казаки выходили на службу на доморощенных конях, заранее приобретая и воспитывая лошадь для строя.

В 1831 г. был учрежден войсковой конный завод, на который оренбургскими казаками было пожертвовано 115 плодовых маток и 2307 руб. 50 коп. ассигнациями (Материалы, вып.11, с.279). В 1837 году в войске учредили общество табунщиков. С 1840 г. по примеру Донского войска в станицах были заведены конно-плодовые табуны, получавшие с войскового завода жеребцов из числа тех, которые назначались на продажу вследствие каких-либо недостатков, но это не могло улучшить породу в табунах. По свидетельствам К.Герна и С.Васильева, в 1845 г. в войсковом конном заводе ОКВ было 743 лошади, среди которых преобладали жеребцы Донской, Горской, Персидской, Арабской, Датской и Английской пород. Причём лошади, выращенные на заводе, не поступали в продажу, а раздавались казакам и башкирам в косяки для улучшения пород их лошадей (Военно-статистическое обозрение, с.64). В 1847 г. военный губернатор генерал В.А.Обручев ходатайствует о преобразовании войскового конного завода в систему случных конюшен, поскольку считал, что «это дело не имело никакого устройства и порядка, зависело от одного произвола, не подчинялось никакой отчётности и потому не приносило существенной пользы ни в размножении, ни в улучшении пород лошадей» (Материалы, вып.11, с.203).

2 июля 1850 г. на пять лет (в порядке опыта) Высочайше было утверждено Положение о случных конюшнях и конных заводах в иррегулярных войсках отдельного Оренбургского корпуса. По этому Положению на конном заводе ОКВ, размещавшемся около г. Оренбурга, полагалось иметь 6 жеребцов и 100 маток, на конюшне – 40 жеребцов. Лучшие жеребцы и кобылы оставались на заводе и назначались в случные конюшни, а «негодные по статьям и росту» раздавались бедным казакам, потерявшим лошадей при командировках в степные укрепления, а также продавались за умеренную цену. С 1851 по 1861 гг. в войске действовала система «товариществ», разделявшая станичных жителей на 3 разряда по состоятельности: самые неимущие получали ссуду из войсковых или станичных сумм на приобретение породистых

лошадей, сюда погашалась из денег, полученных от продажи приплода (Стариков, с.90–92).

Управляющий случной конюшней и конным заводом назначался Войсковым наказным атаманом преимущественно из войсковых штаб и обер-офицеров, имеющих опыт работы и знания по коневодству. На содержание конюшни и завода из войсковых средств ежегодно выделялось 6160 рублей 66 копеек серебром, а на первоначальное устройство было выделено 16976 руб. 35 коп. серебром (Материалы, вып.11, с.200–203).

Для улучшения войскового конезаводства в 1853 г. с разрешения Военного Совета большие лошади прежнего конного войскового завода в числе 357 голов были проданы или пристрелены. В 1854 г. на месте старых конюшен были возведены большие здания конюшни и рассадника (РГИА, ф.1263, оп.1, д.2631, л.25). Новый войсковой завод находился в семи верстах от г.Верхнеуральска и имел всё необходимое для разведения хороших пород лошадей и увеличения их поголовья: весьма удобные помещения, выстроенные из плетня на каменном фундаменте, для жеребцов рассадника, случной конюшни, для маток и приплода, аптеку, конный лазарет. Кормили жеребцов и приплод до двухлетнего возраста овсом и сеном, а маток и прочий приплод одним сеном. На службе при заводе «для наблюдения за ходом действий и указания порядка» состояли письмоводитель, ветеринар-коновал и простой неученый конский лекарь. Но, к сожалению, завод не окупал затрат на него и не оправдывал ожиданий начальства (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1868а, лл.6об.–7). По данным отчёта генерал-губернатора за 1859 г., к началу 1860 г. на конском заводе и случной конюшне ОКВ было всего 213 лошадей, т.е. на 144 меньше, чем в 1853 г. (РГВИА, ф.330, оп.4, д.138, лл.15об.–16).

В 1861 г. в ОКВ были учреждены скачки, которые способствовали улучшению пород лошадей. «Казачи, соревнуясь против друг друга для получения призов, тщательнее замечают способных лошадей, выдерживают их для предстоящего состязания, а также стараются приобрести бойких лошадей из казачьих косяков», – отмечал в своём отчёте за 1863 год Наказной атаман П.В.Зворыкин (ГАОО, ф.6, оп.8, д.169, л.34).

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А.Катенин упразднил систему конных заводов, считая нецелесообразным их устройство вблизи местонахождения табунов малорослых, но крепких и неприхотливых киргизских лошадей, более доступных для населения

по цене. В 1865 г. у оренбургских казаков в 835 конно-плодовых косяках, действовавших в войске с 1851 г., числилось 1029 плодовых жербцов и 10670 маток (РГИА, ф.1281, оп.7, д.59, л.88об.).

Особое место в хозяйственной жизни оренбургских казаков занимало лесное хозяйство. Это были войсковые боры и сплошные земельные участки; рощи, разбросанные на войсковых «оброчных статьях»; лесные площади Новолинейного района и леса, находящиеся на станичных и поселковых землях. Лес был основным строительным материалом, использовался как топливо, служил подспорьем в хозяйстве, а также являлся существенным источником пополнения войскового бюджета.

Основные отрасли казачьей экономики – земледелие, скотоводство, лесное хозяйство – формировались на протяжении 1800–1865 гг. под жёстким административным контролем, целью которого было добиться самообеспечения казаков, предполагавшего и содержание казачьей администрации. Передовые приёмы и методы хозяйствования, активно внедряемые правительством, способствовали повышению эффективности казачьих хозяйств, укреплению и развитию экономики ОКВ.

Начиная с 30-х гг. XIX в. в среде оренбургского казачества начинают проникать рыночные отношения. На всем протяжении земель, занимаемых ОКВ, более важными торговыми пунктами были города Оренбург, Орск и Троицк, и менее важными – Илецкая Защита, Верхнеуральск и Челябин (ГАОО, ф.6, оп.11, д.710, л.5). Наряду с хлебом главными предметами торговли были скот, кожа, масло, сало, рыба, соль, фабричные товары и разные домашние изделия. К последним относились замечательные платки из козьего пуха и армячина из верблюжьей шерсти. Пуховые изделия преимущественно принадлежали казакам Орского и частично Оренбургского уездов. С середины 1840-х гг. в ОКВ начинает расширяться ярмарочная торговля. К 1863г. ежегодно на территории ОКВ проводилось до 50 ярмарок и торгов.

Оживление торгово-предпринимательской деятельности в ОКВ вызвало так называемое Пятисотенное торговое общество. Оно было образовано в 1836г. по инициативе военного губернатора В.А.Перовского. Казаки, вступившие в это общество, в течение 30 лет должны были ежегодно вносить в войсковой капитал по 200 руб. ассигнациями (57 руб. 50 коп. серебром) (ПСЗ II. Т. XV. № 14041).

За это они получали личное освобождение от службы и право заниматься торговлей и промыслами. Таким образом, торговое общест-

во казаков не только приносило доход в войсковой капитал (в среднем до 30 тыс. руб. серебром в год), но и развивало торговлю в пределах войска (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2120а, л.13об).

Итак, благодаря усилиям местной администрации, направленным на улучшение экономического развития Оренбургского казачьего войска, в первой половине XIX в. в хозяйстве казаков произошли существенные изменения: расширились земельные наделы, увеличилось производство продукции сельского хозяйства, на землях войска стали добывать полезные ископаемые, начала развиваться торговля. Вместе с развитием и ростом торговли, промышленности и хлебопашества улучшилось и само производство сельскохозяйственной продукции, так что в 1862 г. на всемирной Лондонской выставке по решению международной комиссии Оренбургское казачье войско было награждено двумя медалями с надписью «Honoriscausa»: одна – за «коллекцию льна, пеньки, марены и других земледельческих произведений», а другая – «за интересное и поучительное собрание хлебов превосходного качества» (Историческая записка, с.116–117).

Однако строгая хозяйственная регламентация преследовала одну цель – сохранить замкнутый патриархально-корпоративный уклад казачества и свести к минимуму влияние капитализма на казачьей территории. Поэтому правительство, с одной стороны, пыталось сдерживать развитие экономики ОКВ, а с другой, надеялось сохранить его как боеспособное формирование и воспитать из казака предприимчивого хозяина.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. 14. Ч. 2 / Сост. К.Герн и С.Васильев. – СПб., 1848.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 494 а.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д.169.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 710.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп.11. Д.2158.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 2170.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 179.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1868а.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 2087.
10. ГАОО. Ф. 6. ОП. 12. Д. 2120а.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 2523.
12. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 186.
13. ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 38.

14. Годовова Е.В. Развитие хозяйственных отраслей Оренбургского казачьего войска (1800–1865 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1(31)/2003.

15. Зобов Ю.С. Развитие рыночных отношений в Оренбургском казачьем войске во 2-ой трети XIX века. // Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1996.

16. *Историческая записка* об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И.Авдеевым. – Оренбург, 1904.

17. *История казачества азиатской России*. Т.1. – Екатеринбург, 1995.

18. *История казачества Урала: Учебное пособие для казачьих воскресных школ*. – Оренбургское казачье войско / Ред. В.Ф.Мамонов. – Оренбург – Челябинск, 1992.

19. *Материалы* по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. – Оренбург, 1907.

20. *Материалы* по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 10. – Оренбург, 1910.

21. *Материалы* по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 11. – Оренбург, 1911.

22. *Материалы* по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 12. – Оренбург, 1915.

23. *Махрова Т.К.* Казачье хозяйство Оренбургской губернии. – Челябинск, 1999.

24. *Положение* о наделении чиновников Оренбургского казачьего войска пожизненными участками из войсковых земель. – СПб., 1862.

25. ПСЗ II. Т. XV. № 14041.

26. ПСЗ II. Т. XXVIII. № 27339.

27. РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 170.

28. РГВИА. Ф. 330. Оп. 4. Д. 138.

29. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631.

30. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 59.

31. РГИА. Ф. 1263. Оп.1. Д. 2340.

32. *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знамёнами и карты. – Оренбург, 1891.

33. *Столетие* Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч.IV. – СПб., 1911.

34. *Футорянский Л.И.* Казачество России на рубеже веков. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 1997.

35. *Чернов И.В.* Записки // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Выпуск XVIII. – Оренбург: Паровая Типолитография «Т-ва Печ. Дела Каримов, Хусаинов и К», 1907.

Список сокращений

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ОКВ – Оренбургское казачье войско

ПСЗ – Полный свод законов Российской империи

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

Информация об авторе

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Оренбургский филиал) (г. Оренбург); godovova@mail.ru

Godovova Elena Viktorovna, the candidate of historical sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg branch) (c. Orenburg); godovova@mail.ru

УДК 94(47):29"18"

**«ОТГОЛОСКИ ВОСТОЧНОЙ ГРОЗЫ НАЧИНАЮТ
ПРОНИКАТЬ В ЗДЕШНИЙ КРАЙ» (НАСТРОЕНИЯ
МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ И БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ
В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ)¹**

© 2015 г. Ю.Н. Гусева

Представленные материалы освещают настроения, характерные для татаро-мусульманской среды России в годы Крымской войны. Анализ слухов и конкретных действий местных мусульман свидетельствует о наличии протурецких настроений, идей мухаджирства (переселения в Османскую империю) не только в пределах Оренбургской, Самарской, Казанской губерний, но и на смежных территориях современного Казахстана (во «Внутренней Киргизской», Букеевской Орде). В сознании части верующих закрепляется стереотип восприятия Турции как покровительницы ислама в противовес негативному образу России, якобы стремившейся к постоянному насильственному крещению мусульман. Сравнительный анализ с материалами иных волгоуральских регионов также позволяет раскрыть специфику мироощущения верующих и имперской политической практики в отношении мусульман этих ареалов; выяснить причины и обстоятельства, формировавшие у российской правящей элиты образ верующих как «фанатиков-мусульман».

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, Букеевская Орда, мусульмане Поволжья, ислам в России.

**SENTIMENTS OF TATAR-MUSLIM'S IN VOLGA REGION
AND KAZAKH'S (BUKEY HORDE) DURING THE CRIMEAN WAR**

Yu.N. Guseva

Article is devoted to study of Volga region Tatar-Muslim's and Kazakh's sentiments during the Crimean War. Analysis of archival documents is demonstrated the presence of pro-Turkish sentiments, ideas migration to the Ottoman Empire, not only in the Orenburg, Samara, Kazan province, but also in territories of modern Kazakhstan, in Bukey Horde. In the minds of the believers fixed stereotypes about of Turkey as a patron of Islam, as opposed to a negative image of Russia, which try to baptize to Muslims. Comparative analysis of materials other Volga-Ural region also allows to reveal the specifics of the imperial attitude of believers and political

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-11-63007.

practices against Muslims these areas; find out the reasons and circumstances that have shaped the image of the Russian elite about believers as «fanatical Muslims».

Keywords: Volga-Urals region, Bukey Horde, Muslims of the Volga region, Islam in Russia.

Общественная атмосфера российских мусульман в период Крымской войны в тех регионах, которые не были затронуты военными действиями, нечасто попадает в поле зрения историков. Как и во многих иных случаях, источниковые лакуны не позволяют уверенно и однозначно анализировать происходящее. И уже совсем не уверенно чувствует себя историк, сталкиваясь со слухами, которые вкупе с предубеждением и невежеством чиновников «образуют густой туман, через который трудно, почти невозможно, разглядеть прошлые события» (Моррисон, 2013, с.51).

Тема, выбранная нами для освещения, на первый взгляд имеет в современной российской исторической науке обширную историографию. Появился целый пласт трудов, посвященных влиянию слухов, как специфического коммуникативного феномена, на мировоззрение россиян, на историю российского социума. Исследователи неоднократно отмечали регулярность появления в мусульманской среде региона слухов об обращении в христианство (Кобзев, 2004; Кармышева, 1997). Оригинальные материалы о слухах, циркулировавших в Волго-Уральском регионе в последней четверти XIX века, относительно Турции приведены в работах И.К.Загидуллина (Загидуллин, 2000, 2015).

Постепенно разрабатывается и тема мухаджирства – вынужденного переселения местных мусульман в Османскую империю под влиянием различных социально-экономических, идейных обстоятельств (Гусева, Тюркоглу, Загидуллин, 2012). Различные аспекты деятельности правительственных и общественных институтов Российской империи в XIX веке в Поволжье и смежных регионах неоднократно попадают в поле зрения исследователей (Исповеди в зеркале, 2012; Весна народов, 2002; Islam, 2013; Crews, 2006; Frank, 2001 и др.).

Особый интерес для нас вызывают работы, анализирующие «татарский» фактор как элемент имперской политики: влияние татар Волго-Уральского региона на общественные настроения казахов (Гибадуллина, 2011; Франк, 1993; Ремнёв, 2006; Султангалиева, 2000). Используя наработки российских и зарубежных ученых, можно сложить определенное, но не исчерпывающее, представление о методах и формах проводимой имперскими чиновниками политики на террито-

риях «Внутренней Киргизской Орды» или Букеевской орды (сейчас – районы современного Казахстана). Так, отдельные исследователи в духе марксистско-ленинских идей обнаруживают сомнительную «революционную проповедь» казанских татар среди кочевников Средней Азии в период Крымской войны, вызванную тяжестью «антитатарской политики царизма» (Литвинов, 1995, с.370).

«Мусульманский вопрос» в имперской политической практике широко освещен в научной литературе, однако научная проблема – формирование имперского дискурса о «мусульманском фанатизме» и ее преломление в конкретной деятельности правительственных чиновников в XIX веке – далека от разрешения. Методы, подходы и уровень осознания рядовыми и крупными чиновниками «мусульманской» проблемы в кризисный, военный, период; движение информационных потоков в исламской среде – темы, которые нуждаются в более глубоком исследовании.

* * *

22 марта 1854 года управляющий Бузулукским округом А.Дроздов докладывал управляющему Самарской палаты государственных имуществ Н.А.Кояндеру о непростой ситуации, сложившейся на подотчетной ему территории. В докладе, в частности, содержались следующие строки: «Отголоски восточной грозы начинают проникать и в здешний край чрез воззвание Турецкого султана ко всем исповедователям (так в ист. – Ю.Г.) ислама. Татары Бузулукского округа получили будто бы из Константинополя письменное повеление поднять меч во имя Магомета. Теперь муллы, под влиянием их фанатизма и страха, употребляют самую хитрую осторожность, зазывая к себе лиц, наиболее доверенных стариков, для таинственных совещаний... Второе подобное воззвание есть к мещерякам и башкирцам, а также к киргизцам²» (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, лл.1,1об.).

«Частные слухи» со временем распространялись, муссировались и обрастали новыми подробностями. Через месяц на уровне Оренбургского и Самарского генерал-губернатора обсуждались весьма тревожные факты: «...какие-то неизвестные два человека из азиатцев разъезжали во Внутренней Киргизской Орде, разглашая между киргизцами нелепые вести насчет войны России с Турциею, как то, что Турецкий Султан, глава всего мусульманского народа, желает, а с ним

² В изучаемый период в официальной российской документации казахи именовались «киргизами»: в цитатах источника сохранена оригинальная терминология, в остальных случаях используются корректные термины.

и прочие Европейские державы, чтобы все мусульмане были под его властью, что на сем основании и киргизы должны отказаться от подданства России и действовать заодно с кокандцами противу русских. Внушения эти произвели в некоторых аулах сильное волнение, выражающееся в намерении перейти с исходом зимы через Урал в Малую Орду, к чему будто бы уже и приготавливаются» (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, лл.4–5).

По сведениям волостных голов Бузулукского уезда в некоторых селах даже составляли «уговоры бежать за границу к народам магометанского вероисповедания, если бы на самом деле стали принуждать их к принятию христианства», а в молодежной среде ходили разговоры о возможности выступления на стороне турок, «если турецкое войско приблизится к их жилищам» (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, л.13).

Не меньшее напряжение российских чиновников вызывала дезинформация, идущая от казахов, о «недавнем будто бы взятии кокандцами прежде бывшей Акмечетинской крепости, что ныне /по силе Русского Оружия и Божьей помощи/ (так в ист. – Ю.Г.) Форт Перовский³». Чрезвычайно любопытен комментарий управляющего Бузулукским округом Дроздова: «Последнее обстоятельство (информация шла от казахов – Ю.Г.)... служит доказательством, что и полудикие народы магометанского исповедания с особенною, почему-то, энергиею настроены к наблюдению за ходом политических дел и, по-видимому, находятся в деятельных между собой сношениях» (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, л.14).

Отметим, что чиновники не обнаружили «возмутительный документ» с воззванием от турецкого правительства. Расследование началось «проверкой важных частных слухов» нелегально, без афиширования и привлечения сторонних лиц. Обратим внимание на ремарку Дроздова, почему он не стал предавать свои действия огласке: дабы «не повредить делу в самом его начале, и по неимению надежных свидетелей, и по незнанию татарского языка» (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, л.1об.).

³ Крепость Ак-Мечеть, давшая начало городу Перовск (ныне Кзылорда, Республика Казахстан) была заложена Омар-ханом, правителем Кокандского ханства в 1820 году как кокандский форпост в казахских степях. 28 июля 1853 года крепость, обороняемая кокандцами во главе с ее правителем Якуб-беком, была штурмом взята русскими войсками под командованием генерала, командира Оренбургского корпуса, Оренбургского и Самарского генерал-губернатора (1851–1857) Василия Алексеевича Перовского и переименована в Форт Перовский (Кзылорда// Режим доступа: <http://www.tarih-begalinka.kz/ru/capital/kyzylorda/>, дата обращения 1 сентября 2015).

Самарскому управляющему палатой государственных имуществ Н.А.Кояндеру было также рекомендовано наблюдать за «государственными крестьянами магометанского закона», но при этом «не делать никаких (подчеркнуто в ист. – Ю.Г.) письменных распоряжений и чтобы вообще Вы действовали с особенной осторожностью, дабы не дать повода к распространению» слухов (ЦГАСО, ф.112, оп.141, д.1, л.5). Из МВД в адрес губернских властей пришло распоряжение воздержаться от «всяких письменных сношений и административных распоряжений», которые «могут принести более вреда, чем пользы и укрепить татар в нелепых опасениях» (Там же). Предлагалось делать ставку на сведения, добытые «скромными и благонадежными людьми», а наблюдение вести скрытно через волостных голов.

Сложность момента состояла не только в том, что все это происходило в военное время. Слухи о насильственном крещении в начале 1854 года рождали волнения и пораженческие настроения в части мусульманских общин Казанской губернии, Бузулукского, Ставропольского уездов Самарской губернии, Оренбургской, Нижегородской губерний. В феврале 1854 года были зафиксированы похожие «нелепые толки» и волнения в селах Ставропольского уезда Самарской губернии (Теплый Стан, Филипповка, Татарские Выселки). Здешние последователи Пророка, «наслышавшись о возникших между Россией и Оттоманскою империею несогласиях и о том, что христиане претерпевают в Турции гонение, вообразили себе, что и наше правительство точно также будет поступать с последователями исламизма» (Материалы, 1936, с.156, 158–159, 161). Толки о насильственной христианизации, по данным чиновников, были завезены в татарские селения Ставропольского уезда в январе 1854 года татарами-купцами из Казанской и Симбирской губерний. Главными подстрекателями к волнениям были признаны мулла деревни Бритовки Дусалалов, а также татарин деревни Сускан Зюрхетдинов (Лобанова). Только в июне волнения и слухи прекратились (Материалы, 1936, с.163). Случаи отказа выполнять рекрутскую повинность и сложности, связанные с этим, отмечались и на татарском юго-востоке Нижегородской губернии (Сенюткин, 2009, с.360–361).

В случае с событиями в Ставропольском уезде исполняющий обязанности гражданского губернатора К.Грот, «опасаясь раздражить еще более впадших в заблуждение мусульманам, ... не признал нужным в настоящее время делать формального следствия обо всем этом деле», ограничившись наказанием крестьян, оскорбивших приказного голову. Было предписано секретно наблюдать за мусульманами, действуя

«со всею осторожностью и благоразумием» (Материалы, 1936, с.157). Управляющий самарской удельной конторой статский советник Манжос распорядился немедленно отменить учреждение в татарских селениях кружечный сбор пожертвований, чтобы не раздражать мусульманское население. Более весомая мера, способствовавшая нормализации обстановки в Оренбургской и смежных губерниях, – приостановка в июне 1854 года миссионерской деятельности РПЦ в этом регионе (Материалы, 1936, с.163).

Инициаторам волнения в самарском регионе (мулле, ахуну и оставшему подпоручику-татарину) сделали «надлежащее строжайшее внушение о несообразности их заблуждения и о непозволительном их поведении» (Материалы, 1936, с.157). Власти воздержались от устранения муллы К.Фахретдина и ахуна Ибрагимова от должностей, хотя первоначально ОМДС и Самарской губернской правление приняли радикальное решение, но за мятежников вступился статский советник Манжос, который после объезда селений удельных крестьян Ставропольского уезда доложил, что это может привести к «особо дурным последствиям» (ЦГАСО, ф.1, оп.1, д.908, л.1об.).

Анализируя общую картину, следует признать напряженность и сложность обстановки в «мусульманском» Среднем Поволжье в годы Крымской войны. Отмахнуться или списать на действия внешних врагов было затруднительно: выявились системные проблемы, связанные, в том числе, с неумелыми, непродуманными, излишне жесткими действиями РПЦ, действовавшей под покровительством властей, что доказывают многочисленные современные исследования.

В противовес этому в массовом сознании части мусульман Турция приобретала еще большую привлекательность, как место религиозной свободы и процветания, спасения от экономических и социальных проблем. Задолго до событий Крымской войны, под влиянием отзывов хаджи, информации от переселенцев-мухаджиров, рисовался гипертрофированный и имевший немного общего с реальностью образ Османской империи как земли обетованной для мусульман: «Житье в Турции очень хорошее, землю дают даром, выбирай – где угодно, лишь придется заплатить за работу землемеру. Вообще никакой жизни нельзя лучше найти. Кормят бесплатно белым хлебом, изюмом, сорочинским пловом, сабзой (разновидность изюма – Ю.Г.) и дают кофе, даже и собак наших кормят белым хлебом; на обработку полей дают быков, овец, все принадлежности хозяйства и даже мельницы» (ЦГАСО, ф.3, оп.233, д.1498, лл.194–195). Виделся переселенец, Ахунзян Усманов, с «Османским пашой и халифом, которые крайне сожалеют об их татарском положе-

нии, ... а потому примут их в свое подданство сколько угодно, даже сам халиф подарил ему денег...»⁴.

* * *

В ряду неоднократных военных противостояний России и Турции Крымская война стала очередным испытанием российского общества на прочность. Помимо иных проблем она продемонстрировала неоднозначность и неустойчивость социального мира в мозаичном поликонфессиональном Волго-Уралье, регионе, который уже несколько веков находился в орбите российской государственности, и считался относительно беспроблемным с точки зрения «мусульманского» вопроса. Война стала дополнительным дестабилизирующим внутривнутриполитическим фактором, осложнившим обстановку в мусульманской среде не только Волго-Уральского региона, но и Центральной Азии. Местные мусульмане в который раз были поставлены в ситуацию морального выбора: с Россией или без России.

Как в этот, так и в позднейшие периоды, существовала питательная почва для распространения в мусульманской среде слухов и фобий. Основаниями для этого обычно называют: религиозную и национальную политику Российской империи; специфику татарского национального характера; правовую неграмотность и незнание русского языка; компактную локализацию общин; антитаатарские и антимусульманские заявления и решения низовых чиновников, не учитывавших специфику среды. Если к этому добавить и незнание татарского языка, обычаев и традиций российскими чиновниками разных уровней, отсутствие кадров, способных объективно оценивать процессы, мы получим отсутствие прочного идеологического базиса для выстраивания конструктивных взаимодействий.

Известный казанский специалист И. Загидуллин констатирует: «В периоды военных кампаний России с мусульманскими государствами татары-мусульмане воспринимались властью как «неблагонадежные»

⁴ Из письма переселенца в Турцию из с. Урсалыбаш Бугульминского уезда Самарской губернии в родную деревню (ЦГАСО, ф. 3, оп. 233, д. 1498, лл. 194–195). Попутно отметим, что в 1857–1865 годах из сел Самарской и Саратовской губерний отмечалось переселение молокан (государственных и удельных крестьян) в Закавказье (Эриванскую губернию) и Турцию (г. Карс). Случаи неофициального переселения фиксировались и в более ранний период: в 1851 году в Турцию бежали крестьяне из с. Тяглое Озеро и Канаевки Николаевского уезда, из части селений Бугурусланского уезда Самарской губернии. Мотив переселения – преследование по религиозным убеждениям и земельные проблемы. Число мигрантов, осевших в Турции, исчислялось сотнями (ЦГАСО, ф. 112, оп. 21, д. 3, лл. 1–20).

поданные, а духовные лица – как «фанатики»... Так случилось в годы Крымской войны. Татары подозревались в содействии турецкому султану – халифу всех мусульман мира» (Загидуллин, 2012, с.84). Следует отдавать себе отчет, что мы имеем дело с взаимным недоверием, коренящимся в отсутствии знаний друг о друге и корректной, объективной, информации.

События этого периода также стимулировали рост протурецких настроений и, как следствие, стали прологом позднейших движений за переселение в Турцию, закрепили туркофильское реноме волго-уральских тюрок-мусульман.

Александр Моррисон справедливо отмечает, что «угрожающие или тревожные слухи всегда обладали способностью порождать гипертрофированную и ошибочно направленную реакцию государства», которая усиливается «в колониальном контексте, где администрация испытывает дефицит персонала и плохо разбирается в обществе, которое она пытается контролировать» (Моррисон, 2013, с.51). В нашем случае, очевидно, что российские чиновники в центре и на местах подошли к решению «мусульманского» вопроса с определенной долей осторожности, предприняли ряд усилий, способных снизить градус недовольства. Они были далеки от топорного и грубого силового решения возникавших проблем.

Принципиально важно, что проанализированные свидетельства не содержат утверждений о «природном мусульманском фанатизме» последователей Пророка в волго-уральском ареале. При этом сюжеты периода крымской кампании косвенно усиливают представления российских управленцев, реализовывавших правительственные задачи в Центральной и Средней Азии, «об опасности распространения мусульманского фанатизма, оказавшегося столь враждебным русской власти в Поволжье, на Кавказе и в Крыму, и среди казахов – через татарских и башкирских мулл...» (Ремнев, 2006, с.8–9).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Весна народов: этнополитическая история народов Волго-Уральского региона: Сборник документов / Под ред. *К.Мауузато*. – Саппоро, 2002. – 207 с.

2. *Гибадуллина Э.М.* Поволжские татары в Уральске в XVIII – начале XX в. (Западный Казахстан) // Фаизхановские чтения. Материалы восьмой ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» / РНКАТНО, ДУМНО, НИИ им. Х. Фаизханова; под общ. ред. *Д.В.Мухетдинова*. – Н.Новгород: Издательский дом «Медина», 2012 (Режим

доступа: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5107>, дата обращения – 1.09.2015).

3. *Гусева Ю.Н.* Миграции средневожских мусульман на рубеже XIX–XX веков: причины, обстоятельства, последствия // *Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.)*. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. – С. 239–251.

4. *Загидуллин И.К.* Движение вынужденного переселения татар Среднего Поволжья в Османское государство в 1860-е гг. // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 2*. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С. 81–92.

5. *Загидуллин И.К.* Обращения татар-мусульман Среднего Поволжья к османскому государству в последней четверти XIX века // *Казанский педагогический журнал*. 2015. №2 (Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrascheniya-tatar-musulman-srednego-povolzhya-k-osmanskomu-gosudarstvu-v-posledney-chetverti-xix-veka>, дата обращения 1.09.2015)

6. *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.

7. *Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.)*. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. – 482 с.

8. *Кармышева Б.Х.* К вопросу об участии татарского духовенства в джадидском движении // *Язык, духовная культура, история тюрок: традиции и современность*. Т.3. – М., 1997.

9. *Кобзев А.В.* Татары-мусульмане Среднего Поволжья: этническая идентичность и слухи о насильственном крещении // *Вестник Евразии*. 2004. №3. С. 89–98.

10. *Литвинов П.П.* Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // *Материалы по истории татарского народа*. – Казань, 1995. – С. 367–387.

11. *Лобанова Н.Г.* Выселки Ставропольского уезда // Режим доступа: <http://www.tgl.ru/history/p/vyselki/> (дата обращения – 10 мая 2015).

12. Материалы по истории Татарию второй половины XIX века. Часть первая. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // АН СССР. Труды историко-археографического института. Т. XVI. Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Татарская АССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

13. *Мориссон А.* Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия Андижанского восстания / пер. с англ. *О.Берард* // *Tartaria Magna. Гуманитарная картография*. 2013. №2. С. 44–81.

14. *Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. – СПб.: «Питер», 2004.

15. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография. 2-е изд. – М.: Медина, 2009. – 475 с.

16. Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории. Сб. статей / под ред. *И.В. Нарского* и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2011.

17. *Ремнёв А.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4. С. 5–31.

18. *Султангалиева Г.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4 (11). С. 20–36.

19. *Тюркоглу И.* Переселение из Волго-Уральского региона в Османскую империю и его причины (1876–1914 гг.) // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 467–478.

20. *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. – Казань, 1993. С. 124–131.

21. *Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).* Ф.1. Оп.1. Д.908. О мулле Теплового Стана Камалетдине Фахретдине и исправляющем должность ахуна – муллы д.Филипповки Ибрагимове. 1854.

22. *ЦГАСО.* Ф.3. Оп.233. Д.1498. О волнении татарского населения Ставропольского у. по поводу всеобщей переписи населения. 1896.

23. *ЦГАСО.* Ф.112. Оп.141. Д.1. О распространении слухов среди киргиз, татар и башкир о войне России с Турцией. 1854.

24. *ЦГАСО.* Ф.112. Оп.21. Д.3. О бежавших государственных и удельных крестьянах из Самарской губернии в Турцию. 1857–1865.

25. *Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th – early 20th centuries).* Vienna, 2013.

26. *Crews, Robert D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press, Cambridge, MA, 2006.

27. *Frank, Allen J.* Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. Leiden, 2001.

Информация об авторе

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г.Самара); j.guseva@mail.ru

Guseva Julia Nikolaevna, Doctor of History, Samara branch of Moscow city pedagogical university (c. Samara); j.guseva@mail.ru

УДК 94(01)"450"

ГУБЕРНАТОР НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ: И.Г. ЖЕВАНОВ

© 2015 г. Е.Б. Долгов

Статья посвящена изучению жизни и деятельности И.Г. Жеванова на посту казанского гражданского губернатора. При его губернаторстве был наведен относительный порядок в губернии и немало сделано для благоустройства Казани. Особенно необходимо отметить его усилия по реорганизации полиции, борьбе с коррупцией среди чиновников, борьбе с эпидемической болезнью холеры в 1829–1830-х гг., от которой он сам и скончался.

Ключевые слова: казанский гражданский губернатор, чиновничество, благоустройство Казани, XIX век, холера.

GOVERNOR OF THE NIKOLAY ERA: I.G. ZHEVANOV

E.B. Dolgov

Article is devoted to studying of life and I.G. Zhevanov's activity on a post of the Kazan civil governor. At its governorship the relative order was brought to the province and is much made for improvement of Kazan. It is especially necessary to note its efforts on reorganization of police, fight against corruption among officials, fight against an epidemic illness of cholera in the 1829–1830th from which he also died.

Keywords: Kazan civil governor, officials, improvement of Kazan, XIX century, cholera.

И.Г. Жеванов родился в 1770 г. и происходил из выслуженных дворян. Будучи старшим сыном (имел еще трех братьев), он получил домашнее образование. В 1787 г. Иван Григорьевич поступил в Екатеринославскую казённую палату, где прослужил более 7 лет и заработал в 1790 г. первый классный чин губернского регистратора. В 1794–1796 гг. он находился на службе в канцелярии правителя Екатеринославского наместничества И.И. Хорвата, в 1795 г. награжден чином коллежского регистратора, а в 1796 г. отличился в борьбе с эпидемией моровой язвы. И.Г. Жеванов организовал карантинные посты и заставы на границах наместничества, в результате чего целый край был «предохранен от впускания во внутрь оногo сей ужасной заразы» (РГИА, ф.1286, оп.4, д.761, лл.4–4 об.). В 1797 г. он определен в Одесский карантин, через несколько недель прикомандирован «к отправлению пограничных дел» к генерал-губернатору Н.М. Бердяеву, а за-

тем до 1798 г. служил под руководством новороссийского губернатора И.И. Селецкого. «По усмотрении в нём расторопности и отличных познаний» его начал выдвигать местный вице-губернатор Д.С. Казинский, который после назначения казанским гражданским губернатором добился в начале 1798 г. перевода своего любимца в Казань чиновником губернского правления и канцелярии губернатора. Здесь И.Г. Жеванов оказался в числе лиц, принимавших 24–30 мая 1798 г. императора Павла I, и, по словам математика Н.И. Лобачевского, был свидетелем того, «каким образом покойный государь... отдал словесный приказ... генерал-губернатору Деласси называть гимназию императорской» (Модзалевский, с.262). 29 мая «за особые труды» Иван Григорьевич получил чин губернского секретаря, а с 12 июля 1798 г. по 15 декабря 1799 г. занимал должность казначея Императорской первой Казанской мужской гимназии, добившись благоволения начальства «за устройство ея и сбережение сумм» (РГИА, ф.1343, оп.21, д.1726, л.3об.). В 1799 г. Д.С. Казанский оставил свой пост и переехал в Санкт-Петербург. Туда же он вызвал и И.Г. Жеванова. Последний 28 марта 1800 г. был определён в канцелярию генерал-прокурора Сената, успешно служил до мая 1801 г. под руководством П.Х. Оболянинова и А.А. Беклешова и награжден чинами титулярного советника (4 июля 1800 г.) и коллежского асессора (22 января 1801 г.). В мае 1801 г. он поступил в Комиссию по составлению законов, в 1802 г. являлся секретарём директора 2-го кадетского корпуса В.А. Зубова, а в сентябре того же года временно вышел в отставку с чином надворного советника. Однако уже с марта 1803 по август 1812 г. Иван Григорьевич занимает различные посты в Министерстве военно-сухопутных сил (Указатель, с.8): до августа 1806 г. он – столоначальник департамента, с августа 1806 по февраль 1811 г. контролёр счетной экспедиции; одновременно, с января 1810 по май 1811 гг. правитель канцелярии Комитета об образовании военного департамента при Военной коллегии, с февраля 1811 по март 1812 г. чиновник особых поручений при министре М.Б. Барклае-де-Толли, с мая 1811 по март 1812 г. работал под руководством М.Л. Магницкого в Комиссии для составления военных уставов и уложений, в марте-августе 1812 г. начальник 4-го отделения провиантского департамента. В июле 1810 г. император одобрил «по комиссариатской части образ ведения приходных и расходных книг по вновь сочинённым... Жевановым формам, которые в предмете достижения скорости и точности ревизии оных признаны полезными» (ПСЗ–1. Т. 31. № 24310. С. 281–302). Именно он стоял у истоков фор-

мирования Департамента (Канцелярии) военного министра, разрабатывал проекты образования как самого Военного министерства, так и его Инженерного департамента, а также Положения «для полевых военных госпиталей» (Исторический очерк, С. 40, 90, 93, 115, 122, 161, 166, 168, 171, 200). За выполнение ответственных поручений, требовавших «отличных познаний и немаловажных трудов», он заслужил чины коллежского советника (1 января 1806 г.) и статского советника (21 марта 1812 г.), а также награждён орденом Св. Владимира 4-й степени (5 мая 1810 г.). 22 августа 1812 г. И.Г. Жеванов назначен правителем канцелярии Адмиралтейств-коллегии, где проработал до декабря 1823 г. Находясь в «сей должности», он был произведен в действительные статские советники (12 декабря 1816 г.), получил давно желаемые герб и диплом на потомственное дворянство (1817 г.), пожалован орденами Св. Анны 2-й и 1-й степени (22 января 1813 г. и 31 июля 1821 г.), Св. Владимира 3-й степени (2 сентября 1814 г.). В 1816 г. он женился, у него родилось двое сыновей. Его карьера, казалось, складывалась удачно. Однако 19 декабря 1823 г. указом императора Александра I И.Г. Жеванов уволен от службы «без просьбы», т.е. без жалованья и пенсии. Начались годы унижений и обиваний порогов влиятельных вельмож, составление записок «на высочайшее имя» с просьбами о реабилитации. Проведенное по поручению нового самодержца Николая I расследование окончилось благополучно для Ивана Григорьевича. Император повелел причислить его «к герольдии» и ждать «определения к месту». Только в начале 1829 г. открылась вакансия в провинции.

Дело в том, что в 1828 г. на посту начальника Казанской губернии оказался А.М. Тургенев, который предпочёл не появляться во вверенном ему крае и дожидаться более заманчивых предложений в Петербурге. В результате 7 января 1829 г. И.Г. Жеванов был назначен казанским гражданским губернатором (прибыл в Казань 1 марта и вступил в должность 2 марта 1829 г.) (НА РТ, ф.977, Совет. д.1381, л.1).

Следует отметить, что передовая часть местного общества еще помнила о деятельности Ивана Григорьевича по восстановлению Казанской 1-й мужской гимназии в 1798 г. и потому возлагала на него определенные надежды и в будущем. Об этом свидетельствует переписка ректора университета Н.И. Лобачевского с попечителем Казанского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным (Модзалевский, с. 262, 267). Приятное впечатление о личности нового губернатора оставил в своем дневнике знаменитый путешественник и ученый

А. Гумбольд, который посетил Казань 23–28 мая 1829 г. и встретался с И.Г. Жевановым.

С другой стороны, мемуарист А.А. Малышев дает нам следующий словесный портрет начальника губернии: «Человек пожилой, до фанатизма религиозный, святой честности, беспристрастно правдивый и до беспредельности кроткий; он неизменно держался домашней семейной жизни и чуждался общества, официальные поздравления в торжественные дни принимал обыкновенно в церкви, куда постоянно являлся очень рано, а у себя принимал только лиц, являвшихся к нему по делам службы или с прошениями. День у него начинался очень поздно, а оканчивался очень рано, начинались сумерки и занимаемый... старинный ханский дворец уже дремал во мраке. Супруга его Марья Петровна, сравнительно молодая особа, ... еще принимала кой-кого из дам высшего казанского общества, но приемы эти были редки и кратковременны» (Малышев, с. 188).

Впрочем, воспоминания представляют собой источник достаточно субъективный и не всегда достоверный. Так и в нашем случае «казанский старожил» называет И.Г. Жеванова генерал-лейтенантом, тогда как последний никогда не состоял на военной службе и прошел путь сугубо гражданского чиновника, а данная ему характеристика более соответствует описанию военного губернатора Е.П. Толстого (Долгов, с. 66–71). Архивные документы, напротив, свидетельствуют об активной и целеустремленной деятельности Ивана Григорьевича, проявившего немалую энергию в наведении порядка в губернии. Да это и не удивительно! Николай I сделал ставку на поддержание бюрократического начала, и в провинции чиновник стал важнейшей фигурой, оттеснив на второй план сословную знать за исключением ее представителей, находившихся на государственной службе.

Современники свидетельствовали: «Казань и в то время уже была большим многолюдным городом, но из многочисленного казанского дворянства там проживали очень немногие, кроме тех, которые там служили. Царившая в Казани утомительная скука не манила помещиков в губернский город, из которых некоторые жили в Москве или Петербурге, а большая часть прозябала в своих поместьях. ... Общество Казани было чрезвычайно разнохарактерное и до крайности разьединённое; оно состояло из бесчисленного множества отдельных кружков; карты и вакханалия составляли главное их развлечение, а у помещиков, не говоря о повсеместной шумной охоте по пороше и летом, затевались буйные охоты на одичавших свиней..., да еще катанье

на самодельных больших лодках по Волге, но преимущественно по не менее просторной Каме» (Русская Старина, с. 189).

Весной и летом 1829 г. И.Г. Жеванов провел подробное обследование положения губернии, объездил вдоль и поперек всю территорию края и обревизовал местные административные, судебные и иные учреждения. В своих «отношениях» в Казанское губернское правление, Казенную палату, губернскую прокуратуру он подробно описал впечатления об увиденном, заметив «между чиновниками» в уездах «раздор и разногласия» (НА РТ, ф.14, оп.18, д.97, лл.1–1 об.). Так, в журнале губернской казённой палаты от 30 июля 1829 г. появилась запись о том, что при осмотре в уездных городах соляных и винных магазинов губернатор нашел многие из них «в самом ветхом и опасном состоянии» и потребовал их «немедленной перестройки или поправки» (НА РТ, ф.14, оп.18, д.97, л.16). Крестьяне Мамадышского и Козмодемьянского уездов лично приносили ему жалобы на злоупотребления лесничих и членов земских судов, которые брали взятки по 40 копеек с топора и в случае отказа платить заводили дела на обывателей о самовольной порубке леса. Зато в некоторых уездах, «изобилующих лесом, – отмечал Иван Григорьевич, – множество срубленного леса... остается без всякого употребления и... согнивает, а в иных местах леса загромождены валежником до такой степени, что препятствует произрастанию молодых деревьев..., между тем жителям... не дозволено им пользоваться» (НА РТ, ф.14, оп.18, д.97, л.18).

В земских судах следственные дела разбирались заседателями произвольно, из-за чего возникали разные споры и «одна запутанность» (РГИА, ф.1263, оп.1, д.618, л.689).

30 августа того же года И.Г. Жеванов известил губернское правление о «чрезвычайной неисправности» дорог во многих уездах Казанской губернии и предписал «строжайше подтвердить тамошним земским исправникам» заняться укреплением дорожного полотна и мостов. Иван Григорьевич также распорядился «озаботиться и употребить всемерное старание» к сбору накопившейся недоимки в Казанском, Мамадышском, Цивильском, Ядринском, Чебоксарском и Царёвококшайском уездах. За «беспорядки в делах и накопление оных» получили выговоры члены мамадышского, ядринского, чебоксарского земских и уездных судов и городских дум, а тетюшский городничий, который «оказал себя... участником... распрей и кроме того замечен в притеснениях обывателей», был предан суду. Кроме того, гражданский губернатор «во многих местах нашел тюремные замки и град-

ские больницы ветхими и о некоторых сделал со своей стороны распоряжения» (НА РТ, ф.14, оп.18, д.97, лл.71–72 об.).

В 1828–1829 гг. упали цены на зерно, что привело к кризису крестьянского хозяйства. По свидетельству И.Г. Жеванова, цена за пуд хлеба снизилась с 12 до 5 рублей. Уклонение от податей приняло массовый характер. В своём отчёте правительству Иван Григорьевич писал, что при сборе налогов сельские жители «убегают в леса, по обширности коих отыскать их нет никакой возможности, почему и не производится ни малейшей к успешному взысканию остающей за ними недоимки» (РГИА, ф.1263, оп.1, д.618, л.692). Причина падения платёжеспособности населения заключалась в неурожаях, непосильных повинностях, злоупотреблениях администрации, а также в «дикости и необразованности крестьян».

Много времени заняло расследование дела «о чиновниках и прочих людях, преданных суждению... за лихоимство и поборы с лашман», которое началось в феврале 1827 г. при его предшественнике О.Ф. Розене и продолжалось при нём. Губернский стряпчий М.И. Свечников провел «исследование» о комиссионерах Низового округа корабельных лесов и доложил прокурору Г.И. Солнцеву и губернатору И.Г. Жеванову о затруднениях и препятствиях, возникших на пути к выявлению обстоятельств «лихоимственных сборов» адмиралтейских служителей. Правление Низового округа отказывалось подвергать допросам заподозренных чиновников и жалобщиков «по причине отлучек... из мест их жительств... по нахождению в лашманской работе» (НА РТ, ф.168, оп.2, д.165, лл.50–53). В мае 1830 г. Сенат поручил Ивану Григорьевичу «иметь строгое наблюдение за ходом сего дела» (НА РТ, ф.168, оп.2, д.165, лл.56 об.–57). Однако последнее тянулось несколько лет и после смерти И.Г. Жеванова.

Более обстоятельно начальник губернии занялся налаживанием работы местной полиции, поскольку нашёл её дела «в беспорядке..., само же течение их чрезвычайно медленно, так, что даже указы и определении губернаторские о предметах важнейших остаются без движения и ответов по несколько месяцев» (НА РТ, ф.18, оп.19, д.85, л.8об.). Сначала он обвинил полицейских чинов в «недеятельности» и обязал их «осугубить старание» в несении службы. «При самом приезде моем в Казань, – писал Иван Григорьевич в Министерство внутренних дел, – распорядился я, чтобы навоз на улицах был счищаем и свозим за город, а улицы метены были бы ежедневно, и исполняется в... точности; но за сим нельзя дойти до совершенной исправности,

как по чрезмерной и густой пыли, так и потому, что многие дома, принадлежащие... частным жителям и состоящие на самых лучших улицах после пожаров, не исправляются» (НА РТ, ф.1, оп.1, д.148, лл.5об.–6). Заслужой губернатора оказалось и то, что за первые семь месяцев его правления в более чем 46-тысячном городе не было зафиксировано «ни одного убийства, ни грабежа, ни явного буйства» и резко уменьшилось воровство и мошенничество. Наводить дисциплину и закручивать гайки он умел! Вскоре выяснилось, что «скопление дел и неуройства по полиции» вызваны не только нерадением чиновников, но и скудным финансированием, кадровым дефицитом и непомерным количеством «вступающих бумаг распорядительных, дел следственных, вексельных, разных просьб и предъявлений». И.Г. Жеванов скрупулёзно подсчитал общее число поступающих в полицейские органы Казани ежегодно документов: «уголовных до 300, о взысканиях по вексельным, заёмным письмам и контрактам до 250, указов, предложений и от разных присутственных мест требований до 10 тыс., донесений от частей тоже до 10 тыс., следовательно, всех вообще дел и бумаг до 20500, в каждую часть города, кроме производства следствий, поступает к исполнению входящих бумаг до 4 тыс. и выходит исходящих до 5 тыс. ... Далее в состав полиции входят требования из команд нижних чинов, довольствие их амунициею и провиантом, а подъемных пожарных лошадей фуражом; выдача на строение фасадов, составление такс на продаваемые припасы, переписка о устройстве принадлежащих разным ведомствам домов и против оных дорог, взыскание недоимок, наблюдение вообще за устройством, чистотою, опрятностию и безопасностию в городе, нахождение... для тишины и спокойствия в разных публичных местах, освещение жителей о подрядах, продажах и других случаях, посредничество при описи имений и весьма многие другие предметы» (НА РТ, ф.14, оп.19, д.85, лл.11об.–12). А между тем, с 1825 г. на содержание казанской полиции каждый год выделялось более 82888 рублей, причем «из сей суммы производится жалованье полицмейстеру, 5 частным приставам и всем квартальным надзирателям, издерживается на канцелярские расходы, на содержание и обмундирование 423 человек нижних служителей, покупаются и содержатся пожарные инструменты... 120 лошадей, освещение города фонарями» и пр. (НА РТ, ф.1, оп.1, д.148, лл.4об.–5). Иван Григорьевич приложил значительные усилия и добился от МВД увеличения полицейского штата в Казани на более чем

25сотрудников. Император Николай I утвердил это решение 18 июня 1831 г., когда губернатора не было в живых.

И.Г. Жеванов немало потрудился и для благоустройства губернского города, для чего весной 1829 г. разработал целую программу. В поручении архитектору П.Г. Пятницкому он перечислил следующие задачи по благоустройству: 1) проведение подземных водопроводных труб в съездах гор и на торговых площадях Рыбная и Сенная; 2) мощение камнем этих площадей; 3) очищение Булака; 4) укрепление набережной Булака; 5) проведение подземных труб по Воскресенской и Проломной улицам; 6) очищение Черного озера и устройство вдоль берега канавы и тротуаров (НА РТ, ф.1, оп.1, д.160, лл.1–1об.). Хотелось бы подчеркнуть, что вышеизложенная программа была выполнена только в советский период.

По его распоряжению в Казани впервые стали мостить улицы камнем. Сначала была замощена Рыбнорядская площадь, пользовавшаяся репутацией места невылазной грязи. 6 октября 1829 г. во время крестного хода по ней проехали местный архиепископ Филарет и гражданский губернатор. После торжества Иван Григорьевич предложил жителям вымостить улицы напротив своих домов, а также приступил к отделке Булака за счёт городских доходов. В 1829–1833 гг. камнем замостили «Крепостную» в Кремле, Проломную, Георгиевскую, Рыбнорядскую, Поперечно-Воскресенскую, Петропавловскую и Гостинодворскую улицы (НА РТ, ф.1, оп.1, д.160, лл.17–22 об.).

Не сложились отношения Ивана Григорьевича с сотрудниками Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Да это и неудивительно, т.к. местный начальник политической полиции являлся своеобразным противовесом его влиянию на все учреждения и вообще дела в губернии, наряду с епархиальным архиереем и губернским предводителем дворянства. Офицеры данного ведомства доносили своему начальству о тех губернаторских поступках, которые «выходили из пределов нравственности, справедливости и законности» (Шампулев, с. 261). Когда жандармский подполковник Новокщенов сообщил ему данные о произволе чиновников из губернаторского окружения, то И.Г. Жеванов посчитал это клеветой, выражая возмущение методами сбора информации подчиненными А.Х. Бенкендорфа. В Казани вообще «размножились люди, вредящие славе правительства, – писал руководитель губернии в С.-Петербург, – порицающие и перетолковывающие по своему всякое доброе действие оного» (ГА РФ, ф.109, 1 экспедиция, 1829, д.223, л.2). Между тем,

штаб-офицер Третьего отделения Новокшенов докладывал: «Казанский губернатор вместо того, чтобы содействовать общими силами, остался на меня в неудовольствии. Разглашает то, что секретно ему от меня сообщается прежде нежели доносит Вашему Превосходительству /т.е. А.Х. Бенкендорфу – Е.Д./..., при личном же моем с ним свидании у него на дому заметил я, что он как бы подозревая меня в личности против себя, сказал мне, что я опасен, что мне будет худо, за то, что я окружаю себя будто бы дурными людьми, и что я от сего много потеряю. Сии его слова меня немало удивили, тем более как бы угрожал мне вашу благодетельною для меня особою. Но г. губернатор того не знает, что мне для узнания в подробностях все злоупотребления во вверенной ему Казанской губернии все люди наготове» (ГА РФ, ф.109. оп.3а, д.1171, л.6об.).

По воспоминания А.А. Мальшева, доверенным лицом И.Г. Жеванова являлся его личный адъютант А.К. Оливей, который «ловко пользовался своим вполне благоприятным положением и, прибыв в Казань налегке, через шесть лет уехал оттуда в изящном, тучно нагруженном тарантасе» (Мальшев, с. 188–189).

В 1830 г. Николай I ознакомился с доносом бывшего дворянского заседателя Ядринского уездного суда И. Мисаилова. В нем говорилось о «свирепых» и «наглых» злоупотреблениях, совершающихся в Ядринском уезде Казанской губернии со стороны земского исправника Лукомского и чиновников земского суда. В мае того же года в рапорте штаб-офицера Третьего отделения подтверждались сведения И. Мисаилова «об отягощениях излишними поборами бедных поселян Ядринского и прочих уездов». Жандарм передал губернатору все обстоятельства дела: «Лукомский находится в тесных связях с губернским секретарем Дороховым и советником губернского правления Межуевым, с которыми и делится пополам» (ГА РФ, ф.109, 1 экспедиция, 1830. д.186, л.4). В других донесениях от апреля 1830 г. в Третье отделение сообщалось об окружении И.Г. Жеванова: «Секретарь при губернаторе Дорохов – чиновник пристрастный к интересу, игрок в карты, обыкновенно занимается сим ремеслом с приезжающими в губернский город исправниками. Весьма близок к своему начальнику и живет в губернаторском доме. Чиновника для особых поручений Москатильникова держит губернатор за отменный слог письма, невзирая, что он человек без нравственности, отпавший от религии и был под судом. Он занимается сочинением разных просьб. Советник губернского правления Межуев пьет запоем и пристрастен к лихоим-

ству. Исправник Ядринского уезда Лукомский чиновник совершенно не благонадежный для службы, делает поборы с казенных крестьян, но пользуется расположением начальника губернии. ...Губернский прокурор Солнцев слишком явно предан слабости к пьянству, затмевающей его природные способности и препятствующей ему обращать строгое и беспрепятственное внимание на действия Уголовной палаты, от чего часто он пропускает неправильные журналы, составляемые по произволу советника Иванова, руководимого самым алчным лихонимством» (ГА РФ, ф.109, 1 экспедиция, 1830, д.148, лл.1–1, 4–5).

Самым трагическим фактом в правление И.Г. Жеванова стало появление в Казани эпидемии холеры. Впервые в России азиатская «холера морбус» зафиксирована в 1823 г. в Астрахани. Впрочем казанские инфекционные заболевания обращали внимание врачей с начала XIX столетия. Еще в 1807 г. инспектор врачебной управы И.Ф.Лангель отмечал: «Улицы (Казани – *Е.Д.*) имеют местами низкое, частью болотистое местоположение и бывают осенью и весною весьма грязны. ...Испорченный воздух от таких болотистых мест и неопрятность улиц и домов; заводы, в жилых домах или вблизи оных находящиеся, ... содержат в городе многие источники болезней. ... Жители ... терпят величайший недостаток в чистой и здоровой воде, и ... в разные времена года случаются местные болезни, сему городу только свойственные» (Лангель, с.2, 28–29). А авторы статей в «Прибавлениях» к «Казанскому Вестнику» 1829 г. прямо настаивали на необходимости проведения радикальных санитарных мер для борьбы с эпидемией. С осени 1829 г. холера уже свирепствовала в Оренбурге. Тогда же инспектор казанской врачебной управы Тиле составил, а губернатор И.Г. Жеванов утвердил особое, опубликованное в местной газете «Наставление, как содержать себя при открывшейся в Оренбургской губернии болезни, холерою называемой». Основываясь на рекомендациях, предписаниях и указаниях Медицинского совета МВД России, Иван Григорьевич вместе с представителями ведомств и медицинскими работниками принял решение прекратить всякое сообщение с Оренбургом, на всех дорогах учредить пикеты, установить кордон внутренней стражи на границе Чистопольского, Мамадышского и Спасского уездов (НА РТ, ф.1, оп.1, д.165, лл.133–138). Вскоре министр внутренних дел А.А.Закревский выслал казанскому губернатору новые наставления: «Оцеплять места, пораженные холерой; офицеров и солдат воинских частей направлять для содержания кордонов при оцеплении зараженных мест и ухода за больными в лазаретах; снаб-

жать медикаментами ..., истреблять бродяжничество; заболевших помещать в больницы, не допускать скопления людей» и пр. (Степанова, Галлямов, Морозов, с. 33–34). Сведения о начале и развитии страшного заболевания содержатся в статье профессора Казанского университета К.Ф. Фукса и краеведа И.Я. Чернобровина. В первых числах сентября 1830 г. на Бакалдинской пристани заболело и умерло несколько бурлаков, а 9 сентября холера перекинулась в Казань, вызвав панику у её жителей. «Ужас разлился по всем улицам, – писал К.Ф. Фукс. – Многие зажиточные люди оставляли город; другие, менее достаточные, старались, по крайней мере, запастись съестными припасами на полтора месяца. Цена на потребности жизни возвысилась. ... 10 сентября не видно было ни одного экипажа; ворота были повсюду заперты и только одна чернь, не предвидя опасности, занималась еще на улицах» (Казанский Вестник, с. 223). 12 сентября холерные случаи участились, хотя И.Г. Жеванов и успокаивал обывателей, пытаясь развеять их страхи разъяснениями о «благополучном состоянии» города. Но все могли видеть, как заболевающие холерой люди «падали и коченели на улицах». 13 сентября гражданский губернатор распорядился «об оцеплении Казани и прекращении всякого сообщения благополучных мест с зараженным городом» (Модзалевский, с.284). По его приказу все присутственные места и учебные заведения закрылись, а в Ямской, Подлужной, Татарской слободах учреждены 5 холерных больниц. 14 сентября А. А. Закревский поручил Ивану Григорьевичу «употреблять проживающих в ... губернии штаб- и обер-офицеров, состоящих по армии или по кавалерии» для борьбы против холеры (НА РТ, ф.1, оп.1, д.198, л.51). Казань оказалась в незавидном положении. «Повсеместная тишина и безлюдье производили странное, горестное впечатление в сердце», – вспоминал очевидец (Спутник по Казани, с. 492). Город был оцеплен кордоном, на улицах дымились «курева» из навоза и тянулись мрачные фуры, вывозившие умерших на холерное кладбище за Подлужной улицей. Продажа продовольствия, привозившегося крестьянами, осуществлялась следующим образом: «Продавцы клали на земле товар, а покупатели – деньги, избегая этим путем взаимного соприкосновения» (Спутник по Казани, с. 493). В конце октября холера прекратилась. Всего от неё в Казани умерло, по словам К.Ф. Фукса и И.Я. Чернобровина, более 1500 человек. Согласно архивным данным, только в сентябре и октябре в губернии умер от холеры 721 человек (НА РТ, ф.1, оп.1. д.197, л.30). Жертвой эпидемии стал и гражданский губернатор И.Г. Жеванов. 3

октября «за болезнью» он передал управление губернии вице-губернатору Е.В. Филиппову, а 21 октября 1830 г. в 3 часа пополудни скончался (Агафонов, с.71). 23 октября Иван Григорьевич был похоронен на кладбище Зилантова монастыря в Казани.

Таким образом, закончилась жизнь казанского гражданского губернатора И.Г. Жеванова, немало сделавшего в наведении относительного порядка в губернии и для благоустройства Казани. Однако его кратковременное правление не внесло необходимой стабильности в работу губернской администрации, чья деятельность существенно пострадала из-за частной смены ее начальников на протяжении 1820-х годов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафонов Н.Я.* Казань и казанцы. – Казань, 1906. – Вып.1.
2. *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).* Ф.109. 1 экспедиция. 1829. Д. 148, 186, 223.
3. *ГА РФ.* Ф.109. Оп. 3а. Д. 1171.
4. *Долгов Е.Б.* Казанский военный губернатор Е.П. Толстой // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2004. №1.
5. *Исторический очерк деятельности канцелярии Военного министерства и Военного совета / Сост. Н.А.Данилов // Столетие Военного министерства. 1802–1902. – СПб., 1907. – Т. 3. – Ч. 1.*
6. *Казанский Вестник.* 1831. Апрель.
7. *Лангель И.Ф.* Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани. – Казань, 1829.
8. *Мальшиев А.А.* Губернатор доброго старого времени: Воспоминания старожила // Русская Старина. – 1907. Т. 131.
9. *Модзалевский Л.Б.* Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. – М.; Л., 1948.
10. *Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).* Ф.1. Оп.1. Д.148, 160, 165, 197, 198.
11. *НА РТ.* Ф.14. Оп.18. Д.97.
12. *НА РТ.* Ф.14. Оп.19. Д.85.
13. *НА РТ.* Ф.18. Оп.19. Д.85.
14. *НА РТ.* Ф.168. Оп.2. Д.165.
15. *НА РТ.* Ф.977. Совет. Д.1381.
16. *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание 1. – СПб., 1830. (ПСЗ–1). – Т. 31. № 24310.
17. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.618.
18. *РГИА.* Ф.1286. Оп.4. Д.761.
19. *РГИА.* Ф.1343. Оп.21. Д.1726.

20. *Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В.* Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике 1797–1934: Очерки истории. – Казань, 2000.

21. *Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города* / Под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1895.

22. *Указатель биографических сведений*, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно / Сост. Н.М.Затворницкий // Столетие Военного министерства. 1802–1902. – СПб., 1909. – Т. 3. – Отд. 5.

23. *Шампулев В.А.* Из дневника жандарма 30-х годов: Записки старого помещика // Русская Старина. – 1897. Т. 90.

Информация об авторе

Долгов Евгений Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); dolgov-istor@mail.ru

Dolgov Evgeny Borisovich, the candidate of historical sciences, the leading researcher, associate professor of Institute of the tatar encyclopedia and regional studies of Academy of sciences of the Republic of Tatarstan (с. Kazan); dolgov-istor@mail.ru

УДК 94(470)"18"

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА «ПРАВИЛА О МАГОМЕТАНСКИХ СУПРУЖЕСКИХ ДЕЛАХ» 1822 г.

© 2015 г. И.К. Загидуллин

В статье анализируются причины и предпосылки разработки руководством Оренбургской губернии проекта «Правила о магометанских супружеских делах» и содержание этого документа.

Ключевые слова: Семейно-брачные отношения мусульман, оренбургский военный губернатор П.К.Эссен, мусульманские духовные лица.

FROM HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE PROJECT «RULES ABOUT MOHAMMEDAN MATRIMONIAL AFFAIRS» 1822 year

I.K. Zagidullin

In article the reasons and prerequisites of development by the management of the Orenburg province of the project «Rules about mohammedan matrimonial affairs» and contents of this document are analyzed.

Keywords: family and marriage relations of muslims, Orenburg military governor P.K.Essen, muslim clergy.

В отличие от средневолжского региона, где официальное признание приходского духовенства произошло после учреждения ОМДС, в Приуралье действовала иная модель государственно-конфессиональных отношений: на «внутренней окраине» имперские власти успешно сотрудничали с имамами еще до образования Оренбургской губернии. В Приуралье ахуна избирали духовные лица и старшины местности, и он представлял перед администрацией интересы мусульман. Указом от 11 февраля 1736 г. для каждой даруги (административная единица) был определен один ахун. После принятия ахуном присяги на верность российскому государю, губернатор утверждал его на должности и выдавал соответствующее свидетельство. Однако администрация стала пренебрегать принципом избрания ахуна местным духовенством, предпочитая единолично назначать на эту должность «удобное лицо». В наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. башкиры просили восстановить численность и выборность ахунов (Азаматов, 1996, с. 16–17; Фархшатов, 2006, с. 282–293; Гвоздиков, 1999, с. 190).

До учреждения ОМДС в Оренбургском крае ахуны экзаменовали будущих духовных лиц на предмет знания основ ислама, давали уста-

новленные в исламском мире духовные звания, решая «дозволять или не позволять» проведение пятничной полуденной молитвы, участие в разрешении постройки новых мечетей (Ответы капитана Стрижевского, 1909, с.166).

После учреждения ОМДС оренбургская губернская администрация делегировала право назначения ахунов муфтию Мухамеджану Хусаинову (РГИА, ф.821, п.150, д.408, л.162 об.).

Важно отметить, что изначально один из главных инициаторов учреждения ОМДС симбирский и уфимский наместник О.А.Игельстром комплексно подходил к формированию правовых основ качественно новой модели государственно-церковных отношений в регионе. Хотя высочайшим указом от 22 сентября 1788 г. ОМДС был объявлен всероссийским правительственным учреждением по мусульманским делам, его компетенция распространялась на все губернии, где проживали единоверцы (за исключением Таврической губернии), в своем проекте «Положения о компетенции Духовного магометанского собрания» от 5 декабря 1789 г. О.А.Игельстром, конечно, имел в виду, прежде всего, ситуацию в Оренбургском крае.

Отказ императрицы от утверждения «Положения о компетенции Духовного магометанского собрания» сыграл роковую роль для мусульманского сообщества Волго-Уральского региона и Западной Сибири – регламентация компетенции религиозного учреждения затянулась на несколько десятилетий и производилась от случая к случаю, не получил утверждения рекомендованный О.А.Игельстромом институт ахунов. Возможно, Екатерина II считала, что на данный момент вопрос для национальной безопасности империи решен (изоляция духовенства от участия в антиправительственных выступлениях народных масс и противодействие идеологическому воздействию со стороны мусульманских государств), остальные проблемы мусульман будут рассмотрены по мере поступления.

В «Положении о компетенции Духовного магометанского собрания» были прописаны основные компетенции религиозного учреждения. Это – проведение испытаний для кандидатов на духовные звания, решение дел «до духовной части магометанского закона принадлежащие» (обрезание, бракосочетание, развод и «мечетное служение», наблюдение за тем, чтобы в ритуалы «не вкралось суеверия и другие злоупотребления, не могущие быть терпимы») (Материалы по истории Башкирской АССР, 1960, с.564).

«Положение о компетенции Духовного магометанского собрания» от 5 декабря 1789 г. – важный документ, раскрывающий перспективу государственно-исламских отношений в регионе. В нем выстраивается новая схема государственного контроля над всей общественной жизнью и умонастроениями мусульман посредством взаимодействия трех строго выделенных на иерархические лестницы институтов: ОМДС (муфтий), окружные ахуны и приходское духовенство, которые подчинялись оренбургской администрации. Здесь нужно учитывать, что кандидаты на духовные звания после успешной сдачи экзамена в ОМДС давали присягу на верность российскому монарху в качестве чиновников и получали при вручении «указа» установки и устную инструкцию по взаимодействию с администрацией и полицией.

Большое внимание в осуществлении надзора уделялось семейно-брачным отношениям. В проекте «Положения о компетенции Духовного магометанского собрания» этой теме уделено значительное место. В статье 2 отмечалось буквально следующее: «Поелику в вере магометанской бракосочетание и разводы браков совершаются каждым званием духовного чина носящим; особливо же последнее, то есть развод, по согласию обеих сторон, разведенными быть желающими, делается тем ахуном или муллою, которого избирают они к тому, и многие обнаружили, что не всегда наблюдается в том справедливость и законоположение, то для отвращения впредь таковых последствий, чтоб всякий магометанского закона духовный чин, когда утвердит развод брака, сделал о том Духовному собранию донесение с обстоятельным объяснением всех причин, оправдывающих развод, дабы Духовное собрание могло видеть, что им наблюдаены справедливость и законопредписание, а в случае не сохранения оных уничтожить решение его. По установлении же сего порядка, чтоб вольно было всякому, кто не доволен решением муллы или ахуна, объявить неудовольствие Духовному собранию и просить оное о чинении по делу его разбирательства» (там же, с.565). Как видно, О.А.Игельстром планировал вторжение в автономию сельских обществ и на поле мусульманского прихода планировал выстраивать, новые, приоритетные и понятные (как у других признаваемых в империи конфессий) для имперской власти отношения.

Учитывая большую запутанность разводных дел, О.А.Игельстром прописал порядок их рассмотрения на местном уровне и механизм апелляции на несправедливое решение духовного лица. Примечательно, что разводящиеся могли обращаться к любому в данной местности духовному лицу, решение которого обе стороны признают для себя

обязательным. Ахун со своей стороны уведомлял ОМДС о причинах развода. Получается, что ОМДС призвано было знать о каждом случае развода и при необходимости выступать в качестве высшей апелляционной инстанции.

Эта тема нашла продолжение в 3-й статье проекта А.О.Игельstroma: «Течение дел открыло, да и беспрерывно почти входят жалобы, чтобы между здешними магометанами у мужа жену, а у родителей дочь увозит жених, и скрытно совокупаются браком. Для пересечения сего зла, чтоб Духовное магометанского закона собрание чрез посредство наместнического правления в рассуждение бракосочетания завело такой же порядок, какой наблюдается между европейскими народами и магометанскому закону ни мало противен быть не может, то есть о всяком в браке вступающем за 3 недели до совершения брачного обряда в том месте, где его невеста находиться будет. 3 пятницы сряду в мечеть при полудневной молитве чрез отправляющего в оной богослужении обнародовать, что такой-то вступает в брак с такою-то девицею или женою. Когда же сей порядок не будет соблюден и обнаружится сие, то чтоб Духовное собрание не только уничтожило брак, но и преступившего сие постановление сослало к суждению по законам в то место, куда следует» (там же, с. 564).

Как видно, здесь дается откровенный наказ ОМДС, что оно совместно с наместническим правлением (читай: и с местной полицией), с одной стороны, и с приходским духовенством, с другой, выстроило в семейно-брачных отношениях единоверцев прозрачность, придавая через духовенство акту бракосочетания самую широкую огласку путем трехкратного оглашения на пятничной полуденной молитве, когда в мечети находилось все мужское население поселения, о предстоящем браке. Таким путем, привлекая уже местное сельское общество, чиновник пытается пресечь случаи насильственных бракосочетаний, рассматривая их миной замедленного действия, приводящей к неминуемым разводам.

Как видим, в тандеме «местная администрация и ОМДС (приходское духовенство)» должна была быть решена данная социальная проблема. Увеличение численности разводов негативно сказывалось на социально-экономическом благополучии семей, способствовало росту численности неполных семей, социальной незащищенности оставшихся без матери детей (в разведенных семьях дети оставались в доме отца – *И.З.*), мужей и самих разведенных женщин, самое опасное –

порицавшиеся обществом и шариатом поведение людей в некоторой степени становилось нормой.

Принадлежность семейно-брачных отношений мусульман в ведение исламских религиозных институтов у чиновников не вызывала сомнения. И православная церковь, и признаваемые в империи конфессии официально курировали эту сферу жизнедеятельности своих прихожан. И хотя закон о компетенции ОМДС в области семейно-брачных отношений отсутствовал, было очевидно, что эти вопросы должны находиться в ведении ОМДС. Тем более, после аннексии Крымского ханства в 1783 г. появился новый регион, в котором крымско-татарское духовенство монопольно рассматривало бракоразводные дела единоверцев. Изначально муфтий М.Хусаинов руководствовался и, при возникновении вопросов со стороны властей, ссылался на сенатский указ от 28 мая 1767 г., составленный в качестве ответа на жалобу мусульман Оренбургского края. Указ Сената гласил: «В дела не принадлежащие светских правлений яко то: в женитьбы мужей от своих жен, и в выходе жен за других мужей, светским командам отнюдь не мешаться и никакого к тому в свое ведомства не забирать, и просителям объявлять о том, чтобы они били челом в надлежащих духовных правительствах, так как и в партикулярных между мужей и женами несогласия не мешаться, разве каковое при том произойдет грабительство и кража, что, однако, производить по установленным на то законам» (там же, л.166 об.). Хотя указ был издан еще до учреждения ОМДС, в нем были четко прописаны границы компетенции гражданских учреждений в этой сфере.

В 1791 г. Духовное собрание разослало во все наместнические правления письма о том, что берет под свой надзор разбор всех брачных и имущественных споров мусульман (Азаматов, 1996, с.123).

В сенатском указе от 5 мая 1811 года, изданном в ответ на апелляционную жалобу мусульман Оренбургского края, были определены пределы дозволенного для духовной власти: «Посему Духовное Оренбургской губернии магометанского закона собрание, по Высочайшему 22 сентября 1788 г. указу учреждено только для духовных сего закона дел; а потому следственное и тяжёбное в светских обстоятельствах сих дела должности того Собрания принадлежат не могут. Для того, согласно представленному от Оренбургского губернского правления положению, все таковые светского роду дела кои с духовными сопряжены, как то: насильственное удержание мужем женяго имения, похищение женою мужняго и тому подобные наглости и обиды пре-

доставлять разбору и решению учрежденных для сего особо их присутственных мест» (там же, л. 166–166 об.). Этот указ также стал правовой основой для рассмотрения муфтием и ОМДС споров по бракоразводным делам мусульман.

Оренбургский муфтий разработал перечень компетенций приходского духовенства, которыми, видимо, члены ОМДС знакомили всех пребывающих для сдачи экзамена в знании исламских наук кандидатов на духовные звания. В частности, М.Хусаинов в своем донесении от 26 августа 1811 г. за №33 следующим образом объяснял оренбургскому начальству обязанности муллы: «Имам и хатип в храме и мечети при собрании народа должен отправлять пятивременное и соборное богослужение, положенное по обрядам магометанского закона, без отлучки из своего прихода, новорожденным читать молитвы и присваивать имена, совершать браки, похоронить, умерших, учить маленьких наукам» (там же, л. 166 об.).

Вышеуказанные указы Сената не определяли механизм рассмотрения спорных семейно-брачных дел мусульман. Этой ситуацией успешно пользовались некоторые мусульмане, стремясь обойти принятое приходским духовным лицом решение о разводе, обращаясь к другому имаму или ахуну, или еще до рассмотрения дела приходским имамом заявлялись к самому муфтию, который лично выносил решение. Недовольные решением приходской духовной власти по разводным делам мусульмане адресовали жалобы местному губернатору, отвлекая его от прямых обязанностей и вовлекая в неизвестную ему сферу.

Назначенный в 1817 г. военным губернатором и управляющим гражданской частью Оренбургской губернии П.К.Эссен обратил внимание на многочисленные жалобы мусульман по семейно-брачным вопросам. Фиксируя превышение муфтием М.Хусаиновым своих должностных полномочий при разборе семейных споров, П.К.Эссен рапортом от 4 декабря 1817 г. просил Министерство духовных дел и народного просвещения о передачи разборов супружеских и разводных дел мусульман в исключительную компетенцию ОМДС (там же, л.166). В другом своем рапорте, от 31 марта 1819 г. за №1038, он выразился еще определеннее: «Поелику из поступаемых в Губернское правление от магометан просьб усматривается, что не только по совершенному несогласию ... мужей с женами и содержанию их в противность правил, сколько подстрекательством родственников со стороны жен расстраиваются семейства, которые, т.е. родственники, вос-

пользуясь успехом вредного преднамерения своего, увозят тайно и явно от мужей жен с имуществом, приобретенным по обыкновению сего народа на калымные деньги, сокрывают у себя, и вымышляя жены, клеветующие мужей, заносят просьбы муфтию и с дозволения его выдают их из одного пристрастия в замужество за других; то, чтобы злу сему разрушающему во множестве семейств магометан с оставлением мужей в бедственном положении с малолетними детьми сделать преграду, необходимо нужным признается установить и проч.» (там же, л. 166–166 об.).

Чиновники местной канцелярии по указанию П.К.Эссена провели анализ поступивших жалоб и выявили целый перечень правонарушений¹, сделав вывод о том, что разводы случаются чаще от вмешательства в семейные дела супругов родственников, «нежели от собственного несогласия супругов» (там же, л. 161).

Главную проблему власти видели в необходимости разработки механизма рассмотрения спорных вопросов трехступенчатой иерархии исламских институтов и системных мер, соответствующих нормам шариата и одновременно не противоречащих имперскому законодательству. Не ставя в известность муфтия М.Хусаинова, по указанию П.К.Эссена Оренбургская губернская канцелярия разработала в 1819 г. проект «Правила о магометанских супружеских делах». Отказ от сотрудничества в этом вопросе с ОМДС для П.К.Эссена, кажется, имел принципиальное значение. Сообщив о «расстройстве супружеских дел» мусульман в Оренбургском крае, П.К.Эссен предложил высшей власти разработанный проект в качестве альтернативной меры по предотвра-

¹ Оказалось, что нередко мусульмане без приглашения официального утвержденного приходского духовенства сами проводили обряд бракосочетания, тем самым вносили «замешательство в супружеских делах». «Магометане увозят насильно девицу и замужних женщин, и сами девицы и замужние женщины покидают тайно свои дома, чтобы выйти замуж по своей склонности... При увозе девиц и замужних жен или при их побеге бывают: похищение имущества, личные обиды и другие беспорядки, законами запрещенные... Родственники по расчетам корысти и по видам дружбы или ненависти, подстрекают жен к побегу или сами увозят их и отдают за других... Жены, отлучающиеся из дому магометан, не имея права по своему закону располагать собою, заключают новое супружество, и прежний супруг, по возвращении находит свое семейство расстроенным... При разводах между противными сторонами часто возникают споры о калыме... Супруги их родственники, надеясь получить от Муфтия или от Ахунов, им назначаемым, решение выгодное, заводят и продолжают дела, несмотря на несправедливость оных, и расстраивают семейственное и домашнее благосостояние» (там же, л. 160 об.–161).

щению и пресечению негативных явлений. В нем четко выделяются две части. 1) регламентация деятельности институтов духовенства, как административных лиц и учреждений, и 2) перечень норм, нарушение которых предполагает наказание.

В этот период религиозно-догматические вопросы всех признаваемых в империи конфессий курировало Министерство духовных дел и народного просвещения (1817–1824 г.), продукт либерального внутривластного курса правительства Александра I. При нем впервые в административном ведении одного ведомства оказались дела всех конфессий, в том числе и Русской православной церкви. Это обстоятельство способствовало формированию у чиновников департамента духовных дел системного подхода в регулировании государственно-конфессиональных отношений.

Политическая воля руководителя министерства князя А.Н.Голицына сыграла исключительную роль в поддержке проекта П.К.Эссена. Поскольку военный губернатор не желал сотрудничать с М.Хусаиновым по этому вопросу, взоры министра обратились таврическому муфтию Аджи Абдрашит эфенди. Нуждаясь в компетентной экспертизе на предмет соответствия проекта нормам шариата, князь А.Н.Голицын 6 августа 1819 г. предписал ему внести в документ соответствующие изменения. Таврический муфтий в своей депеше от 21 ноября 1819 г. в целом одобрил документ и высказал некоторые уточнения, которые были учтены чиновниками Министерства духовных дел и народного просвещения (РГИА, ф.821, оп.150, д.408, л.153–154). Более того, «для отвращения беспорядков в магометанских супружеских делах» князь А.Н.Голицын «усилил» дополнительными параграфами предложенные оренбургским губернатором и таврическим муфтием меры. Чиновники министерства, прежде чем направить обновленный документ на повторную экспертизу таврического муфтия, провели огромную поисковую и аналитическую работу. Практически на каждый параграф проекта они сделали примечания трех видов: «Общее объяснение о поводе и об основании прилагаемых правил» (под знаком *A*); информация, на чем именно основаны и какую цель имеют параграфы проекта (под буквой *B*); источники, из которых были почерпнуты эти объяснения (под буквой *C*).

Сам князь в письме таврическому муфтию от 25 августа 1822 г. назвал в качестве главных приоритетов нового проекта три сегмента, которые между собой согласуются: 1) мусульманский закон, 2) народные обычаи и 3) российское законодательство (там же, л.153

об.). Первые два из них утверждались муфтием, последний отслеживался министерством.

Таврический муфтий Аджи Абдурашит эфенди в своем экспертном заключении нашел статьи проекта «во всех отношениях приличными и удовлетворительными к отношению магометанского закона и сходными с обычаями сего края», по сути, утвердив их. Он также высказался за перевод текста на крымско-татарский язык, намереваясь сделать правила достоянием духовенства и грамотных прихожан².

Целями составления проекта³ были указаны: прекращение разстройства семейных дел «в самом начале» и предоставление супружеским делам, требующим судебного решения, механизма, облегчающего их рассмотрение и направленного на предупреждение недоразумений или злоупотреблений духовной власти в этой сфере.

«Правила о магометанских супружеских делах» были разработаны для введения в Оренбургском и Таврическом духовных округах. Статус ахуна в округе ОМДС приравнивался должности уездного кадия в Таврической губернии.

Согласованный с таврическим муфтием проект⁴ был представлен на рассмотрение императора Николая I и 1 декабря 1826 г. по нему состоялось высочайшее повеление (РГИА, ф.821, оп. 150, д.408, л.154). Он не вошел в «Свод законов Российской империи», потому что не был утвержден.

² Таврический гражданский губернатор, также поддерживав проект, все же высказался против его перевода на крымско-татарский язык, под предлогом не знания членами ТМДП и муллами русского языка и указывая на опасность неверного перевода и толкования официального документа (там же, л.154).

³ Во время работы в архиве Таврического магометанского духовного правления в 1891 г. обнаружил этот документ чиновник особых поручений при министре внутренних дел В.В.Вашкевич, командированный силовым ведомством в Таврическую губернию с целью изучения исламских религиозных институтов на предмет их реформирования (Загидуллин, 2015, с.25–28).

⁴ «Правила о магометанских супружеских делах» состоят из 36 параграфов и имеют следующие разделы: «Вообще о власти Магометанского духовенства в сих делах»; «Обязанности Мулл и Имамов при совершении обрядов сочетания»; «О предварительном рассмотрении магометанских супружеских дел»; «О судебной власти в магометанских супружеских делах»; «О судебной власти Ахунов и Кадиев»; «О правилах, относящихся к магометанам простолюдинам»; «О мерах, в случае нарушения сих правил»; «О наказании за нарушение правил. а) Духовным магометанам; в) со стороны простолюдинов»; «О наблюдении за исполнением настоящих правил. а) со стороны духовного начальства; в) со стороны гражданского начальства».

Одним из главных достоинств проекта является четкое разграничение функций светской и духовной власти. С подачи таврического муфтия в проекте появился § 1, декларирующий, что «Супружеские дела магометан в отношении к религии, как то: к совершению обрядов сочетания, к рассмотрению законности, незаконности супружества, разводов, – и, во всяком случае, изъясняемом по их учению, и не имеющем гражданских следствий, – предоставляются магометанам, которые почитаются их духовными начальниками». Чиновники министерства, со своей стороны, сочли нужным сделать примечание о том, что «Во всех случаях гражданское начальство не принимает на себя рассмотрения никаких просьб или жалоб» (там же, л.155).

На основании авторитетного мнения таврического муфтия о том, что муллы и имамы являются учителями детей в приходе, было заявлено, что они должны стараться о примирении недовольных супругов (там же, л.161 об.).

Запретив простолюдинам рассматривать супружеские дела, семейно-брачные отношения были делегированы исключительно в компетенцию муллам, кадиям, ахунам и муфтиям, т.е. официально назначаемым властью лицам.

Обязательными условиями совершения муллой бракосочетания были определены: предоставление ему удостоверения о согласии родителя и девицы на брак; о наличии у женщины, желающей вступить в новый брак, соответствующего документа о разводе, сделанного согласно шариату и утвержденного духовною властью, не оставляющего места спорам; сделки о калыме и других взаимных обязанностях сторон, вступающих в брак (§ 5, 6, 20) (там же, л.155, 157).

Жалобы членов семей, поступающие приходским духовным лицам, должны были решаться устно (§ 18), однако, в случае приобретения жалобы характера судебного разбирательства и передачи дела ахуну и выше, религиозному управлению, составлялся письменный документ с заключением (§ 19). Решение местного ахуна (судящиеся могли обращаться и к другому ахуну – *И.З.*) по бракоразводному делу, если оно соответствует шариату, призвалось не подлежащим дальнейшему рассмотрению (§ 13). Муфтии, в качестве высшей апелляционной инстанции по мусульманским делам, рассматривали жалобы на ахунов (кадиев) и выносили решение – издавали фетвы, которые признавались прихожанами (§ 16) (там же, л.156 об., 157).

Меры наказания были также согласованы с духовным начальством и должны были восприниматься как «шариатские». Скажем,

наказания девицы, ушедшей тайно из дома родителя, или женщины, самовольно оставившей дом мужа, были основаны на мнении оренбургского губернского начальства, и приняты по согласованию с таврическим муфтием. В результате виновные должны были подвергаться наказанию, положенному бродягам (§ 28).

Лица, предоставившие им убежище и прятавшие их, наказывались как держатели притона (§ 29). Виновные в похищении девицы или замужней женщины подвергались суду и наказанию как нарушители гражданского порядка (§30) и такой брак признавался недействительным (§31). Также гражданским судом должен был наказываться духовное лицо, совершавший обряд бракосочетания с украденной девицей или увезенной из дома замужней женщиной (§ 26) (там же, л.157 об.–158).

За не соблюдение «Правил о магометанских супружеских делах» духовные лица подвергались суду Духовного собрания, и, в случае признания вины, лишались духовного звания (§ 25), а правонарушения муфтия рассматривались Сенатом (§ 27).

В целом, основными элементами воздействия на прихожан были признаны: убеждение муллы со ссылками на аяты Корана о неправомерности такого поступка и необходимости его исправления; создание духовенством эффективного контроля над семейно-брачными отношениями единоверцев и система наказания виновных (прихожан и самих мулл).

Таким образом, «Правила о магометанских супружеских делах» 1822 г. являются репрезентативным источником по изучению эволюции государственно-конфессиональных отношений в Приуралье в период правления Александра I и позволяют реконструировать посылы власти по интеграции механизма рассмотрения семейно-брачных дел мусульман в общеимперскую модель, используя для этого институт мусульманского духовенства и «согласованные» между собой положения шариата, обычного права и российского законодательства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: изд-во «Гилем», 1996. 194 с.

2. *Загидуллин И.К.* В.В.Вашкевич – первый российский исследователь крымско-татарского духовенства нового времени // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-

Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С.25–28.

3. *Гвоздиков И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа: «Китап», 1999. 512 с.

4. *Материалы* по истории Башкирской АССР. Т.V. Под ред. С.М.Васильева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 783 с.

5. *Ответы* капитана Стрижевского (о башкирах) на программу В.Н.Татищева // Известия Общества археологии, этнографии истории. – Т. XXV. Вып. 6. Казань, 1909. С. 167–175.

6. РГИА. Ф.821. Оп.8. Оп.150. Д.408.

7. *Фархитов М.* Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М.: Восточная литература, 2006. С. 282 – 293.

Список сокращений

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

РГИА – Российский государственный исторический архив

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (г.Казань); zagik63@mail.ru

Zagidullin Ildus Kotdusovich, the doctor of historical sciences, the head of the Department of Modern history of Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (с. Kazan); zagik63@mail.ru

УДК 266:94 (470.47)

**К ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ
КАЛМЫКОВ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ
(ПО ЭПИСТОЛЯРНЫМ МАТЕРИАЛАМ
ЕПИСКОПА САРАТОВСКОГО ИАКОВА)**

© 2015 г. Н.Н. Зуб (Руденко)

В статье автором рассматриваются рукописные материалы, которые хранятся в архивных фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Особое внимание обращено на документы, повествующие об истории христианизации калмыцкого народа. Интересным в этом отношении является эпистолярный Иакова, епископа Саратовского и Царицынского (I половина XIX в.), ярко характеризующий религиозную и административную политику Российской империи в регионе. Миссионерская деятельность епископа Иакова, его старания и стремления развивать и продвигать процессы христианизации калмыцкого населения Саратовского края имели успех и поддержку в Синоде. Письма епископа Иакова к обер-прокурору Синода С.П. Нечаеву отражают методы и реалии процесса христианизации и просвещение среди калмыков.

Ключевые слова: калмыки, христианизация, просвещение, епископ Иаков Саратовский и Царицынский.

**TOWARDS THE HISTORY OF THE CHRISTIANIZATION AND
ENLIGHTENMENT OF THE KALMYKS IN SARATOV DIOCESE
(BASED ON THE EPISTOLARY MATERIALS
OF THE BISHOP OF SARATOV JACOB)**

N.N. Zub (Rudenko)

In this article the author studies the archival manuscript materials which are kept in the funds of the Institute of Manuscripts of the V.I. Vernadsky National Library of Ukraine. Particular attention is drawn to the documents that tell about the history of the Christianization of the Kalmyk people. Interesting in this regard are the epistolary materials by Jacob, Bishop of Saratov and Tsaritsyn (the first half of the 19th century), which characterize the religious and administrative policies of the Russian Empire in the region. Missionary activity of Bishop Jacob and his effort to develop and promote the processes of Christianization of the Kalmyk population of Saratov region met support on the part of the Synod. The letter of Bishop Jacob addressed to the Procurator of the Synod S. Nechayv display techniques and realities of the process of Christianization and enlightenment among the Kalmyks.

Keywords: Kalmyks, Christianization, enlightenment, Jacob Bishop of Saratov and Tsaritsyn.

Первая половина XIX века – это начало нового витка преобразований, нововведений и, соответственно, изменений в жизни многих народов Российской империи. Государство крепло, приобретая статус сильного и непобедимого соперника на международной арене. Вместе с тем, набирали активность и многие процессы внутри империи. Таковыми можно назвать христианизацию, просвещение, а также русификацию в среде «нерусских народностей», которые проходили при тесном взаимодействии государства и церкви. В этих реалиях калмыцкий народ не стал исключением. Вмешательство государства в извечный уклад жизни кочевого народа с каждым годом становилось все более явственным. Из года в год законодательная база Российской империи пополнялась новыми уложениями, которые всесторонне регулировали и направляли в нужное русло бытие калмыков. Влияние государства на духовную жизнь и верования постепенно усиливалось, начиная от всевозможных поощрений для тех, кто принимал христианство, и до прямого вмешательства на выбор духовно-религиозного лидера для тех, кто оставался верен обычаям и религии предков.

На церковь, как идейного представителя православной веры в государстве, были возложены, главным образом, поставленные правительством задачи для выполнения христианско-просветительской миссии.

Вопросы истории христианизации калмыцкого народа занимают особое место в трудах многих исследователей. Большое значение для изучения исторических событий имеют архивные источники – письменные материалы – свидетельства прошлого. В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранятся письма и рукописные материалы, принадлежащие Иакову, епископу Саратовскому и Царицынскому (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204).

Епископ Иаков (светское имя – Иосиф Иванович Вечерков) (1792–1850) пребывал на указанной должности довольно длительный период – с 1832 по 1847 год. Одной из его должностных обязанностей была переписка с обер-прокурором Святого Синода. В 1833 г. Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) был назначен на эту должность, которую занимал до 1836 г. А письма, хранящиеся в фонде, охватывают более короткий период времени – от 4 сентября 1833 г. до 27 октября 1835 г. Таким образом, они характеризуют лишь начальный период пребывания епископа Иакова в Саратове.

Описывая исследуемые документы, необходимо отметить, что материалы, основу которых представляют письма епископа Иакова, подшиты в одну архивную единицу хранения. В структурном плане, архивный документ сформирован на основе хронологического принципа. Поскольку сами письма, как равно и все другие бумаги, которые прилагались непосредственно к ним или представляли их составляющую, размещены в соответствии с датами написания.

Обращает на себя внимание тот факт, что письма и материалы, собранные воедино, написаны на листах разного формата – условно «квадратных» и «прямоугольных» по форме, а также различными почерками. Большая часть писем, написана епископом Иаковым, это преимущественно листы почти квадратного формата. Они же и содержат информацию о «калмыцких делах» в Саратовской епархии. Есть и письма от имени Иакова, и им же подписанные, но по всей очевидности, написанные писарем-канцеляристом, о чем свидетельствует каллиграфический почерк. Содержание этих писем, касается, главным образом, темы раскольников и обзора старообрядческих монастырей, совершенных епископом Иаковым, и т.д.

Также в подшивке присутствуют письма и сообщения губернского секретаря Василия Кудрявцева, которые Иаков прилагал к своим письмам, посылая в Синод. Здесь же хранится и копия прошения владелицы Жижене Хапчиновой к «командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, начальнику Кавказской области и разных орденов Алексею Александровичу Вельяминову» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 31–39). Эту копию для Иакова, также «доставил» В. Кудрявцев.

Оригинальность писем определялась путем сопоставления почерка епископа Иакова с другими единицами документов, хранящихся в фондах ИР НБУВ, где присутствуют другие оригинальные и подтвержденные автографы епископа Саратовского (ИР НБУВ, ф. ДА 683 Л (муз. 562), № 105).

Деятельность епископа Иакова, как просветителя среди калмыков, имела значимые результаты в проведении христианизации. Не случайно, его жизнь и деятельность всегда интересовали исследователей. Изыскания об Иакове начались с середины XIX века. Авторство этих работ принадлежит современникам Иакова, в том числе знавшим его лично. Не угас интерес к жизни и миссионерскому труду этого клерикального деятеля и в последующие десятилетия.

Настоящим «летописцем», биобиблиографом епископа Иакова, по праву можно назвать А.А. Лебедева (1886 – 1930). Свой интерес к

изучению деятельности и творческого наследия Иакова, он выразил в своих исследовательских работах, изданных в начале прошлого века. С ними знакомо не одно поколение краеведов, в первую очередь, Саратова и Поволжья. Еще в 1910 г., будучи студентом, во время учебы в Киевской духовной академии он отстоял у профессора протоиерея Ф.И. Титова, члена правления академии, право на тематику своей выпускной работы: «Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский, его учено-литературная деятельность» (ИР НБУВ, ф. 304, дис. 2157; Зуб (Руденко), с. 116). Аргументируя свой выбор, А. Лебедев объяснял Ф.И. Титову, что уже некоторое время работает над темой о наследии Иакова: «...Материал я несколько уже изучил, и теперь, живя в Саратове, могу восполнить собранное поисками в разных архивах. К тому же, недавно я напечатал новые материалы по иаковскому вопросу... я могу сейчас же начать работу по этому интересному для меня вопросу» (ИР НБУВ, ф. III, № 59975, лл. 1 об.–2). Это было начало и основа для его дальнейших изысканий в выбранном направлении. По сути, студенческая работа, объемом в 881 страницу (!), стала началом большого пути. Поскольку, тема о епископе Иакове – имела для него особое значение (имеется в виду в досоветский период), несмотря на разнообразие его исследований.

Необходимо отметить тот факт, что в своей выпускной работе А. Лебедев указывает на всевозможные места, куда, по его мнению, могло попасть, и где могло храниться эпистолярное наследие Иакова. Вместе с тем, он акцентирует внимание на сохранности указанных материалов, отмечая большие утраты от течения времени и просто исчезновение таковых. (При этом важно отметить, что работа по их выявлению приходилась на начало XX столетия. С тех пор архивные коллекции претерпели и пережили ряд колоссальных испытаний в ходе исторических событий, таких как революционное и военное лихолетье, и преобразований в виде переформирования и перекомплектаций архивных фондов и хранилищ). Работа имеет указания и на уже опубликованные источники, а также имена исследователей, которые пользовались собранными Иаковым материалами, как в его бытность (с подачи самого Иакова), так и в последующие десятилетия.

Несмотря на привлечение к себе широкого внимания со стороны ученых и исследователей, как отмечает сам Лебедев (ИР НБУВ, ф. 304, дис. 2157, с. 127–128), не все стороны деятельности епископа Иакова получили полноценное осмысление, а равно как и изучение его наследия.

Появляющиеся в последнее время новые наработки и материалы об Иакове (Майорова; Клейтман), выступают свидетельством постоянного интереса ученых к этой многогранной в своей деятельности фигуре церковно-просветительского мира.

Письма, написанные епископом Иаковым на имя обер-прокурора Святого Синода С. Нечаева, отображают действенность и всю важность, возложенной на него миссии. Несмотря на то, что эпистолярному жанру в целом свойственна определенная доля субъективности, тем не менее, на правдивость и объективность влияют многие параметры, а также обстоятельства, которые послужили прямым поводом для их появления. В этом случае, необходимо учитывать тот момент, что письма являются как бы отчетным материалом о проделанной работе и описывают ситуации, влияющие на её непосредственное исполнение. Важно и то, что письма не являются сухим и сдержанным образцом «канцелярского отчета», поскольку лица, между которыми велась переписка, были связаны между собой, по сведениям современников, не только профессиональной деятельностью на уровне «начальник-подчиненный», а действительно дружественными (Клейтман, с. 110) и доверительными отношениями. Этот фактор не только читается между строк в общем смысловом содержании писем, а также и открыто указывается и подчеркивается в строчках одного из посланий, в котором Иаков, со всей присущей ему прямоотой характера и душевной откровенностью пишет: «Простите за многословие! У меня только с Вами откровенная беседа для Ваших соображений в деле Божиим» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 47 об.).

Места в письмах о калмыках всегда сопряжены с переживаниями, и здесь можно констатировать, что Иаков действительно беспокоился об их будущем: «Почти нечем похвалиться перед Вашим Превосходительством. Дела калмыцкия, оставленные всеми здешними, сами собою, или правильнее сказать таинственным перстом Божиим подвигаются тихо вперед. На сих днях приняли святое хрещение пять душ калмыков. Одного из них можно назвать исповедником» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 1–1 об.).

Действительно, письма зачастую описывают меры, которые предпринимались в епархии по искоренению раскола. А информация о результатах миссионерской деятельности и о калмыках носит отрывочный характер, которой, иногда посвящается всего несколько строчек. Не единожды, заканчивая свое послание, уже в постскриптуме, указывает: «Поток обращения калмыков, благодарение Господу, не совсем изсяк. 28-го Ноября крещены: дева Арил, мальчики Бурсук и Бууль-

ден. Арил названа Варварою, Бурсук Иоанном, а последний Амвросием» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 16).

Особой болью и беспокойством пронизаны строки писем, в которых Иаковом сообщается, что уже наступили холода, а год выдался неурожайным. Это означало, что в голодной степи калмыков ожидали большие трудности. К тому же, только в 30-е годы XIX века, таких периодов было несколько.

Так, в письме от 2 октября 1833 г. Иаков отмечает, что у них уже началась зима. Далее сообщает Нечаеву: «Калмыцкую церковь Бог благословляет приращением. На сих днях обратились к Христу 8-м человек калмык. Полиция распорядилась выслать калмыков из Саратовской епархии, как угрожающей падением идолопоклонству между калмыками, а голод, посланный Богом, гонит калмыков в Саратовскую губернию. Надеюсь, что Бог поможет Вашему превосходительству и в калмыцком деле.» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 4–4 об.). Объясняет свои действия и чаяния преисполненные чувством долга и призвания: «...Что касается до меня, то я не боюсь тюрьмы и слегка действую в пользу обращения калмыков. На сих днях произвел я для калмыцкой колонии священника, изучившегося читать и говорить по-калмыцки единственно из соревнования к делу обращения калмык. Сей священник отлично добр, кроток, любовен и смыслен. Он прежде был причетником при Царицынском Соборе» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 6 об.).

Непростые отношения, очевидно, сложились у епископа и с представителем администрации в лице астраханского военного губернатора. В начале пребывания Иакова в Саратове, эту должность в 1831–1834 гг. занимал Василий Гаврилович Пяткин (1780–1847). «Назад тому с неделю посетил меня неожиданно Астраханский военный губернатор Г. Пяткин, под предлогом осторожности, не благоприятствующий делу калмык. Я удивился, что такой религиозный человек, каков Г. Пяткин, решился затворять дверь Евангелия, отверзаемую для калмыков Богом и Монархом. По мирной беседе со мной Г. Пяткин, по-видимому, смягчился и согласился, что время приняться за обращение калмыков, если будут поданы к тому все средства» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 4 об.). Встречи с губернатором по этому вопросу проходили еще не единожды, каждый пытался, очевидно, отстаять свое мнение в непростой ситуации. Свидетельством их борьбы и твердости намерений каждого в решении вопроса о калмыках служит, к примеру, следующее извещение от В. Кудрявцева: «13-го числа сего месяца получил предписание Его Превосходительства Г. Пяткина, прибыть в Астрахань для личных объяснений по делу крещенных калмыков. Душевно радуюсь сему неужи-

данному обороту, приговляю План о соединении всех крещено калмыков в едино – на основании Указа 1743 года Сентября 28-го, но какой буду иметь успех, о том священной обязанностью считал для себя доводить до сведения Вашего Преосвященства из Астрахани...» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 8–8 об.).

Однако через весьма непродолжительное время В.Г. Пяткина сменил на этой должности Иван Семенович Тимирязев (1790–1867), который возглавлял Астраханскую губернию с 1834 по 1844 г. (Курапов, с. 204). Теперь уже совсем иную характеристику губернатору дают строчки письма от Василия Кудрявцева, которое Иаков прилагал к своему письму, посланному в Синод. Эта разница усматривается в первую очередь в отношении нового административного лица по «делам калмыков», в отличие от его предшественника: «Сего мая 7-го числа имел счастье представляться Его Превосходительству Господину исправляющему должность Астраханского Военного Губернатора Ивану Семеновичу Темерязеву, которым был принят и выслушан благосклонно, по окончанию аудиенции изволил изъявить свое покровительство калмыкам, обращающим в христианство!» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 27). А далее повествует следующее, очевидно, как результат предшествующей беседы: «21-го числа получил от Его Превосходительства открытый лист объехать астраханский и красноярский уезды по предмету крещеных калмыков, по обозрению коих, священной обязанностью поставлю себе представить Вашему Преосвященству, что найду достойным внимания Вашего» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 28). Несомненно, что объединенные усилия вскоре дали результат в их устремлениях.

Среди единомышленников и помощников епископа Иакова есть еще имена священнослужителей и чиновников, которых он также отмечает в своих письмах, как старательных и ответственных миссионеров. Это уже упомянутый губернский секретарь Василий Кудрявцев, а также Петр Лугарев – протоиерей Царицынской Успенской церкви и Гавриил Чернышевский – протоиерей Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви (послужные списки последних приложены к письму) (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 11). Он неоднократно упоминает об их заслугах в распространении православной веры среди калмыков, как то «...протоирея Лугарева, известного Святейшему Синоду своим подвигом в обращении калмык» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 10 об.). Поэтому об их успехах епископ всегда сообщал с воодушевлением, Нечаеву: «Протоиерей Лугарев подвизается, а св. церковь между калмыками распространяется. Из числа, по некоторым причинам не вы-

сланных из Саратовской губернии калмыков, около 40-ка душ, по убеждению Лугарева приняли христианскую веру. Это случилось в прошедшем ноябре месяце» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 42 об.).

Похвала епископа выражалась не только на словах. Принимая во внимание заслуги миссионеров, он оказывал всяческое содействие и ходатайствовал перед Синодом об их награждении: «Церковь калмыцкая, по благодати Божией, увеличивается. Из числа калмыков, которых не успела полиция выслать из Саратовской губернии, многие принимают святое крещение. Орудием сего святого и утешительного дела промысл избрал протоиерея города Царицына Лугарева... Лугарева я имел честь представить Св. Синоду к награждению наперстным крестом в поощрение его к дальнейшим подвигам и для побуждения подобных ему охотнее трудиться...» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 44–44 об.). Именно он, чья просветительская миссия среди калмыков была наиболее плодотворной, был автором рукописи «Исторические сведения о калмыках и в особенности об их обращении» «с ведомостью о крещенных за 1800 – 1839 гг.» (Лебедев, 1909, с. 10).

С благосклонностью и добротой отзывался епископ Саратовский и о В. Кудрявцеве. Лишь сожалел, что В. Кудрявцев отклонил предложение С.Д. Нечаева поступить в духовное звание, не помогли и убеждения епископа Иакова. Рассуждая о причине отказа, епископ вынужден согласиться с его аргументами, и при этом отмечает: «По моему замечанию мундир успешнее в обращении полудикого народа, нежели ряса. На простых блеск сильнее действует, нежели скромность» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 2). Действительно, время от времени, успехи чиновника были очевидными, о чем непременно уведомляли обер-прокурора Синода: «Дела калмыцкия, при помощи Божией, мало по-малу подвигаются вперед. На сих днях окрещены два человека калмыков. Сверх сего я получил приятное сведение от Г. Кудрявцева о новом движении означенных дел, вне Саратовской Епархии» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 13).

Затрагивает переписка и проблемы существования калмыцкой колонии вблизи Царицына, на Сарпинском острове, где проживало 29 семей калмыков, крещенных в 1832–1833 гг. (Орлова, с. 87). В. Кудрявцев писал епископу о сложностях сего поселения и его обитателей: «В бытность Начальника Губернии докладывал, что есть ли нынешней осенью не будет введен во владение Остров калмыками, то должны они быть и нынешнее и будущее лето без земли; поелику весной заливаются полой водой. Хоть и обещала приказать, чтобы нынешней осенью нарезать, но не имею надежды! Ибо чрез меру благосклонное об-

ращение с совершенным злодеем крещенных калмыков исправником, исполнение данного обещания полагает решительную преграду» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 8).

С приходом зимней стужи для оседлых калмыков вставал вопрос элементарного физического выживания, поскольку малоземелье и неурожаи лишали их пропитания: «Дети голода и холода, Благодарение Всеведущему и Милосердствующему о них Богу теперь снабжены пропитанием. Первостатейный купец Алексей Петрович Сапожников, вняв прошению моему, приказал отпустить 10 мешков хлеба крещеным калмыкам без денег» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 8 об.).

Согласно государственному указу калмыки, которые принимали крещение и поселялись на казенных землях, получали значительные льготы (Орлова, с. 89). Однако на деле, все обстояло иначе, о чем сообщал Иакову Кудрявцев: «О калмыцких казенных участках я навещивался и оказалось, что нет таковых по Саратовской губернии» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 42 об.). Отрадно, что проводя христианизацию калмыков-кочевников, которые затем были поселены вблизи Царицына, миссионеры не потеряли их со временем из виду и не оставили на произвол судьбы. Архипастыри и чиновники продолжали заботиться о них, хотя и встречали на своем пути различные препятствия и невзгоды.

Понимание важности владения калмыцким языком, как основы для успеха миссионерской деятельности среди калмыцкого населения послужило прямым руководством для епископа Иакова в его действиях. Преисполненный заботами о воспитании и обучении калмыцких детей в процессе их подготовки к работе миссионерами и переводчиками, он писал в Синод к Нечаеву: «Калмычата, поступившие в здешнее Духовное приходское училище, с Высочайшего утверждения, учатся хорошо. Опыты их письма русского и калмыцкого при сем прилагаю для благоусмотрения. Священник, произведенный для колонии новокрещенных калмыков, самоучкою изучившийся калмыцкому чтению и письму, теперь уже говорит по-калмыцки и переводит, при помощи своих жученных прихожан, с российского языка на калмыцкий» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 13–13 об.).

Известна ему была и важная роль книг на родном языке новокрещенных народов, доступном для понимания и восприятия тех истин, которые приносились православными священниками. И это тоже было его заботой: «...Кроме сего я послал для безденежной раздачи новокрещенным калмыкам 10 Евангелий и 20-ть экземпляров молитв на калмыцком наречии. Сии калмыки, по отзыву священника, говорят:

Мы приняли в себе Христа: так нам надо с ним говорить посредством Евангелия. Господь да будет с ними! Число обращенных умножается» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 6 об.).

В письме от 26 ноября 1833 г. он поднимает вопрос о необходимости переводной литературы религиозного характера. Отсутствие на месте квалифицированных кадров значительно затрудняло эту работу, но не останавливало Иакова: «При сем прилагаю опыт такового перевода молитв и исповеди и прошу покорнейше (если непротивно и уместно будет Вашему Превосходительству) показать сей перевод переводчикам калмыцкого языка Исааку Г. Шмиду и Г. Лебедеву и потом возвратить ко мне с их отзывом о сходстве или не сходстве русского текста с калмыцким. Желательно, чтобы сии Г.Г. переводчики поправили недостатки. Желательно также, чтобы они взяли перевести послание к римлянам, к понятию язычников приспособленное и Псалтырь. Здесь ученых калмыков нет. Вот почему осмеливаюсь послать перевод упомянутый в Питер. Переводчики живут, как говорит Г. Кудрявцов, в С.П. Бурге, в Корпусе Иностранной Коллегии» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 13 об.–14).

По прошествии полугода, то есть, в апреле 1834 г., уже были получены желаемые переводы, о которых ранее епископ спрашивал у Преосвященного, выражая просьбу о содействии и поддержке: «Преблагодарен я Вам и Г. Лебедеву за перевод исповеди и за пропись. Петербургские пишут лучше Саратовских. Сего наши не ожидали, за то более обрадовались увидеть неожиданное превосходное» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 24).

Еще одним способом влияния на процесс ускорения продвижения христианизации населения была прямая связь между их владельцами, а также религиозными представителями. Поскольку они, имея большой авторитет среди масс собственных подданных, принимая христианство сами, зачастую служили прямым примером для подражания. Именно их индивидуальные решения были решающими в процессе идеологической борьбы за массовое крещение населения. Епископ Иаков делился такими успехами: «Калмыцкая Церковь мало по малу возрастает. Недавно пожелал креститься и гилюн (поп) и прислал мне свой патент» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 17). Вследствие этого не нужными ставали атрибуты религиозного культа калмыков. Епископ Иаков, был известен и собиранием не только рукописей, но и предметов старины местного населения. В одном из писем он сообщает: «Трофеи победы над калмыцким идолопоклонством при сем посылаю. Это род священнической грамоты или антиминов. Вещи сии получе-

ны мною от калмыцкого гилюна (калмыцкого попа) недавно принявшего святое крещение. Гилюнам дают сии знаки калмыцкие ламы при посвящении в гилюны» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 23 об.).

В. Кудрявцев сообщал епископу следующее: «14-го числа от Владелицы Абугунуров получено письмо, коим извещала меня, что она прикочевала к самой границе Царицынского уезда для того, что бы видеться со мной, хоть и сумнительно было положиться на совесть идолопоклонницы, однако ж истинно ведаю, что живой в помощи Вышняго! 16-го числа был у нее в стане и целья сутки провел друженственно, освещая о многом, наконец обещалась одного из детей ея отдать в Питер, для определения в Корпус, дозволяя присоединить его к Православной Церкви» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 8 об.).

Главными законодательными уложениями для калмыцкого народа в I половине XIX в. были «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г. (Орлова, с. 83–84). Именно они действовали на момент перевода епископа Иакова в Саратов. Уже в его бытность там, были разработаны новые уложения «Положение об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. и от 23 апреля 1847 г. Святой Синод в лице С.Д. Нечаева на своем поприще разрабатывал планы для основания миссии среди калмыков. В 1832 г. императору была подана докладная записка по этому поводу (Орлова, с. 89). Епископ Иаков также принимал деятельное участие в этом процессе и питал большие надежды на ее учреждение: «Когда исполниться Ваше благое предположение о калмыках: тогда удобнее будет им оставлять идолопоклонство» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 23).

Однако время шло, а дело не продвигалось: «Г. Кудрявцев давно уже перестал ко мне писать. Натиски, непредполагаемые по делу святому, видно стеснили его ум и обезсили руки. Все озлились и за что же? За иерейскую ревность к вере под кафтаном и за сношения с высшими при малом чине. Будь на месте Кудрявцева генерал, и я уверен, что дело, им начатое, не встретило бы таких пререканий. Впрочем, надобно побеждать злое благим, крик молчанием, натиски терпением. Сие у нас и делается. Изредка, изредка встретиться слово о калмыках» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 22 об.).

Однако, доброго слова миссионера-проповедника и желания калмыка для принятия христианства было недостаточно. Существовали и иные механизмы, задействованные в этом процессе, они же зачастую выступали и препятствием в осуществлении задачи. Именно на это и указывает Кудрявцев в мае 1834 г.: «Не лишите Милостивейшаго Архипастырского представительства обращающихся в христианство

калмыков изходатайствованием у Его Превосходительства – Стефана Дмитриевича Нечаева предписания Астраханской духовной консистории, дабы она руководствовалась тем же порядком, какой установлен – Вашим Преосвященством по Саратовской епархии. Сдесь калмык не прежде года изсходытайствует себе св. крещение; поелику должен подать просьбу о желании своем в консисторию, сия сообщает губернскому правлению спросить Калмыцкую комиссию нет ли препятствующих причин к допущению принятия христианской религии такомуто, тут владельцы, желая удержать у себя калмыка в подданстве клеветуют на него, а он получает отказ в консистории, а в Орде в страхе прочим мучительное истязание от владельца, от чего многия соделались жертвою не ограниченной власти владельцев! Я же не надеюсь убедить но сие Его Высокопреосвященство, которой отзвана тем, нет у них никакого предписания и правил в обращении калмыков» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 28–28 об.). Свои переживания и чаяния он резюмирует: «Жатва здесь обильная, но к сердечному прискорбию замечено мною, что собиратели имеют серпы притупленные» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 28), – тем самым показывая всю несостоятельность системы, отсутствие единого принципа взаимодействия церкви и государства, и соответственно, напрасные старания одних и бездействие, вызванное безразличием других.

Посылая копию прошения владетельницы Хапчиновой, Иаков отмечает: «По видимому, калмыки очень расположены к принятию христианства. По Саратовской епархии церковь калмыцкая возрастает и укрепляется. Недавно крещены три человека, подающих добрую надежду. Новокрещенные наши калмыки наделены прекрасною землею и в довольном количестве. Теперь они должны быть довольны земными благами, благодарны Богу, Монарху и Святейшему Синоду, покровительствующему всех прибегающих под кров православных веры» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, лл. 29–29 об.).

Несмотря на всевозможные препятствия, епископ Иаков был верен своему делу, и каждое прибавление к православной церкви было ему в радость: «Калмыцкое обращение, слава Богу, быстро идет» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 54). Он жил этим и непреклонно продолжал свою миссионерскую деятельность. Свои переживания разделял с главным наставником С.Д. Нечаевым: «Знаю сколь многих хлопот стоят Вашему Превосходительству христиане калмыки, но что делать, надобно продолжать. Конец дело венчает. Для сих христиан не обходим попечитель, руководитель, защитник. Иначе они разбредутся и доброе начало не будет иметь хороших последствий. Не войдет ли в

состав Вашего проэкта, о обращении калмыков, назначение такового попечителя?» (ИР НБУВ, ф. XIII, № 2204, л. 84 об.).

По письмам епископа Иакова отчетливо прослеживается связь между государственными законами и действиями на местах по их исполнению. Все ситуативные зарисовки религиозной политики, направленной на социум калмыков, с ее успехами и поражениями, прогрессивными или недостойными действиями по отношению к народу, нашли отражение в этом источнике из прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского* (далее – ИР НБУВ). Ф. 304, дис. 2157. Лебедев Александр. Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский, его учено-литературная деятельность. Киев, 1911. – 881 с.

2. ИР НБУВ. Ф. XIII, № 2204. Письма епископа Саратовского Иакова на имя [обер-прокурора Синода Нечаева Степана Дмитриевича] и записка о раскольниках и о принятии христианства калмыками с приложением писем [Кудрявцева и Хапчиновой по этим вопросам]. Оригиналы, копии и списки. 99 лл.

3. ИР НБУВ. Ф. ДА 683 Л (муз. 562), № 105. Инструкция Викарию Саратовской Епархии, Епископу Волгскому. Лл. 44–47.

4. ИР НБУВ. Ф. XIII, № 2367. Записка о беглопоповской секте в Саратовской губернии, составленная епископом Саратовским Иаковым с препроводительным письмом на имя [...] графа. 19 марта 184[3] года. Оригиналы. 36 лл.

5. ИР НБУВ. Ф. III, № 59975. Лебедев А[...] – [Титову] Федору Ивановичу. Письмо из Саратова в Киев 11 июня 1910 г. 2 л.

6. *Российский государственный исторический архив* (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 114. Д. 600. По рапорту Саратовского епископа Иакова об обращении стат. губернским секретарем Василием Кудрявцевым 19 душ калмыков в христианство. 27 июня 1833 г.

7. РГИА. Ф. 796. Оп. 113. Д. 1277. О принятии в Саратовскую семинарию двух мальчиков из калмыков. 1832 г.

8. *Зуб (Руденко) Н.М.* До історії створення однієї книги: життя і творчість О.О. Лебедева (1886 – 1930) // *Східний світ*. – 2012. – № 4. – С. 113–122.

9. *Лебедев А.* Архиепископ Иаков (Вечерков) // *Русский архив*. – 1916. – Кн. 1. – С. 179–208, 452–468.

10. *Лебедев А.* Рукописные собрания в Саратове. – Саратов, 1909. – 18 с.

11. *Лебедев А.* Материалы для истории калмыков. – Казань, 1910.

12. *Клейтман А.Л.* Епископ Саратовский и Царицынский Иаков (Вечерков) в церковной и общественной жизни России первой половины XIX века. – Волгоград, 2014. – 231 с.

13. *Клейтман А.Л.* Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского (Иакова) в российских архивах // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 109–114.

14. *Курапов А.А.* Деятельность и предложения астраханского губернатора И.С.Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830–1840-е гг. // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 204–216.

15. *Майорова А.С.* Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847 гг.) // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Вып. 5. – Саратов, 2010. – С. 101–113.

16. *Орлова К.В.* История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. – М., 2006. – 207 с.

17. *О способах* обращения иноверцев к православной вере // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной Академии. – 1857. – С. 451–482.

Информация об авторе

Зуб (Руденко) Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина); rudenkonatalie@yahoo.com

Zub (Rudenko) Natalia Nikolaevna, the candidate of historical sciences, the research associate of department of the Euroasian steppe of Institute of oriental studies of A.E. Krymsky of National academy of sciences of Ukraine (с. Kiev, Ukraine); rudenkonatalie@yahoo.com

УДК 94(47)"17/18"

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОСЕЛЕНИЙ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

© 2015 г. Э.Ш. Идрисов

В статье освещается процесс расселения ногайцев-карагашей в Астраханской губернии с конца XVIII века. Подробно рассмотрен вопрос наделения указанной общности земель в Красноярском уезде, описаны даты административного образования поселений. Рассмотрен вопрос о возникновении спорных ситуаций при формировании Внутренней Букеевской орды между обществом ногайцев-карагашей и казахами. На основании анализа архивных документов показаны проблемные аспекты сентентаризации и направленности трансформации хозяйственно-культурного комплекса ногайцев-карагашей в условиях Астраханского края.

Ключевые слова: Астраханская губерния, ногайцы-карагаши, казахи, Внутренняя Букеевская орда, Красноярский уезд, поселения, административная граница, размежевание земель, ареал кочевания, сентентаризация, этнос, этнокультурная характеристика.

THE QUESTION ABOUT ORGANIZATION OF NOGAI-KARAGASH'S SETTLEMENT IN ASTRAKHAN REGION AT THE END OF XVIIIth – THE MIDDLE OF XIXth CENTURY

E.Sh. Idrisov

In the article, explained the process of nogai-karagash's resettlement in Astrakhan province at the end of 18th century. Particularly, reviewed the question of empower land to special communion in Krasnoyarsk province, described dates of settlements' administrative formation. Reviewed the question about the beginning debatable situation of organization Interior Bukeyev Horde between nogai-karagash's communion and kazakhs. On the basis of analysis archival documents, shown problematic aspects of senterarizatsiya and transformation economic-cultural complex of nogai-karagash in Astrakhan region.

Keywords: Astrakhan province, nogai-karagashes, kazakhs, interior Bukeyev Horde, Krasnoyarsk province, settlement, administrative border, delimitation lands, nomadism area, senterarizatsiya, ethnoses, ethno-cultural characteristic.

Астраханский край – историческая территория активного социального и этнокультурного взаимодействия различных народов. Поселяясь на территории Нижнего Поволжья, каждый этнос привносил

свою специфику в культуру и хозяйственную деятельность региона, таким образом, складывался пестрый конгломерат народов с разными этнокультурными характеристиками и уровнем социального развития.

До революции основным содержанием полярных отношений являлись отношения между оседло-земледельческими народами и номадами. Исторически в народонаселении Астраханского края большое место занимали кочевые и полукочевые народы. Все государственные образования Нижнего Поволжья прошлого были основаны кочевниками. Увеличение численности оседло-земледельческих народов происходит после присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству в середине XVI века.

Интересна проблема последующего расселения по территории Астраханского края этносов номадного способа производства. Оседание кочевых народов происходило постепенно, этот процесс сопровождался забвением основ прежнего образа жизни, в свою очередь характерные черты номадной жизнедеятельности сохраняли свое влияние, еще долгое время образуя сложный комплекс с заимствованными устоями и нормами жизни стационарных обществ.

В данной публикации рассмотрим вопрос о поселении одной из групп полукочевников, связанных с ногайскими этнополитическими образованиями. Процесс распада Ногайской Орды с середины XVI века привел к складыванию нескольких этно-территориальных групп ногайского этноса, развитие которых происходило в разных условиях. В Астраханском крае первоначально локализовались ногайские кочевые группы, составившие основу общности, получившую определение в документах как «юртовские татары». Другой крупной общностью, образованной позже, стали ногайцы-карагаши, к которым применялось официальное название «кундровские татары»¹. Об этой ногайской этнической группе речь и пойдет в нашей статье.

По имеющимся исследованиям принято говорить, что ногайцы-карагаши являются потомками, так называемой Малой Ногайской Орды (Казыев улус), обитавшие на Северном Кавказе, потом в начале XVIII века, попавшие в зависимость от Калмыцкого ханства и посе-

¹ В дореволюционной литературе и архивных документах ногайцы-карагаши обозначаются как «кундровские татары» или «кундровцы». П.И. Небольсин трактует этот термин как «ногаец-припущеник», в связи с подчинением их калмыкам. Об этом см.: (Небольсин, 1851, с. 8). В то же время, название «кундровцы» используется как самоназвание у другой группы ногайского населения Астраханского края, которая сегодня проживает в с. Тулугановка Володарского района.

лившие на окончательное место жительства с конца XVIII в. в Красноярском уезде Астраханской губернии (Опросные листы).

После ликвидации Калмыцкого ханства 19 октября 1771 года в связи с побегом большинства калмыков подвластных наместнику Убаши 5 января 1771 года в Джунгарию были сразу же освобождены «припущенники-ногайцы» т.е. ногайцы-карагаши (Викторин, 1983, с. 178). Как пишет П.И. Небольсин, «Вслед засим они близко познакомились с Астраханью, были подчинены исключительно заведыванию русского начальства, обложены натуральной повинностью и, с 1771 года, в течение не то 15-ти, не то 20-ти лет, отправляли почтовую гоньбу от Астрахани по кизлярской дороге на пространстве четырех перегонов, отчего и назывались они в актах «подводными татарами» (Небольсин, 1851, с. 3).

Управителем над обществом ногайцев-карагашей был поставлен «капитан мулла Абдулла Жангуршин»². Как он отмечал в своем рапорте в «Деле о побеге кундровских татар из России» за 1777 г.: «В 1771 году по определению тогдашнего губернатора ... Я за отменное с Российской стороны усердие табунным головой над большей частью после калмыцкого побега оставшихся от них татар прозываемых кундровских...» был поставлен (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 1).

Ситуация с расселением ногайцев-карагашей в Красноярском уезде Астраханской губернии приобрела затяжную форму. В апреле 1774 г. было принято административное решение в отношении ногайцев-карагашей «разделить их на две части и развести кочевание в разные места, одну половину оставить в том месте где ныне находятся, а другую перевести на двадцать бугров, состоящие между рек Рычи и Бузана, где до сего кочевья имели новокрещенные калмыки» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 17).

Но в ходе выполнения административного указания исполнитель, секунд-майор Е.Л. Медведев их разделил не на две, а на три части: «Первую оставил яко главную в том месте, где они находились, а другую отправил с подпоручиком Переводчиковым и с командой с данным ему повелением на те двадцать бугров, третью емеков, ... в ведомство и послушание мулле Жангуршину» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 17). Вторая часть следовала трактом до вышеперечислен-

² Абдулла Жангуршин является потомком последних представителей династии астраханских ханов, пытавшийся сделать карьеру на службе Российской империи.

ных бугров, когда 6 мая 1775 г. подпоручик Переводчиков дал рапортом знать в Астраханскую губернскую канцелярию, что остановился у Рычи из-за плохой дороги (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 17). Вторым рапортом от 7 мая после осмотра местности донес, что: «за густотой леса, не только арба с кибиткой, но и пешему с большим трудом едва пройти можно, да и переправ чрезвычайно по усиленной нынешней прибыльной воды сделалось довольно, и время от времени прибавляется больше, також и полежащему тракту ... много лесу и его прорубить в скорости невозможно» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 17). С изложением этих обстоятельств подпоручик Переводчиков попросил перевести ногайцев-карагашей на другое место, в ведомство кочующих татар Нурали Урусова (т.е. пригородных юртовцев-едисанцев – прим. автора), где они могли бы временно укрыться от постигших их неурядиц (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 18).

8 мая 1774 г. подпоручик Переводчиков получил ордер, что он может временно перейти на указанное в рапорте место. А 14 мая был дан следующий ордер: «В пресечении могущие быть со обеих сторон оттягущихся ссор ... в самом скором о нынешней прибыльной воды недоведа их до крайнего разорения перевести к Караузятской ватаги, однако ж на то место откуда они возымели сначала тракт и по прибытию в комиссию рапортовать» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 17). 17 мая подпоручик Переводчиков рапортовал, что перекочевал с ногайцами-карагашами по ту сторону реки Бузана, где нашел до исхода полной воды способное для временного кочевья место, это был остров, на который, правда, они отказывались переходить, по наущению и поощрению старшины первой части Али и высказывали намерение присоединиться к первой части ногайцев-карагашей в урочище Берекет (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 18). Однако он «до сего ... не допустил, дабы между ними не учинилось какого России побега или злоумышленного вреда, а как они известились о наказании мною того старшины Алиа за его противные предо мною речи, то в скором времени на сей остров и переправились, и состоят в кочевье на нем со всем своим скотом, о чем Астраханской губернской канцелярии сим рапорту во известие» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 18).

В связи с общим неустройством возник конфликт между Абдуллой Жангуршиным и ногайцами-карагашами. В Астраханскую губернскую канцелярию на имя секунд-майора Е.Л. Медведева в июне 1774 г. поступила жалоба от общества ногайцев-карагашей о том, что их «скот в самом тесном месте заперт, приказать выпустить на удоб-

ные корма, ибо из-за него несколько померло..., а которые наши старшины при комиссии содержаться под караулом приказать выпустить, а для наших нужд и надобностей дозволить нам поездить в город Красный Яр и в Астрахань, а показанных переводчика Танкачеева, муллу Абдуллу Жангуршина допрежнего их властительства над нами не допускать» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 25). В октябре 1776 г. уже Абдулла Жангуршин жаловался на них, что они «кроме меня никого, не только из других табунных голов, но из мурз начальниками над собою иметь не желают» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 1).

Возникла даже угроза бегства ногайцев-карагашей в Казахскую степь, о чем рапортовал Абдулла Жангуршин, а подтверждал калмыцкий владелец Дондуков, а затем посланники от казахского хана будучи в г. Астрахани в губернской канцелярии «на вопрос торжественно о сем объясняли, что кундровцы действительно его хана о принятии их просили под его протекцию» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4372, л. 1).

Таким образом, вопрос о поселении ногайцев-карагашей на территории Красноярского уезда Астраханской губернии оказался долгим. По П.И. Небольсину, это произошло в 1785 г., когда ногайцев-карагашей «поставили в зависимость от уездного начальства Красного Яра, обязали платить земскую повинность, определили им места за Волгой для кочевков, как зимой, так и летом и, в видах устройства зимовок и приюта на зиму для людей и для скота, надоумили положить начало двум нынешним селениям (Сеитовка и Хожетаевка)» (Небольсин, 1851, с. 3–4).

Анализ архивных документов дает другие даты подчинения ногайцев-карагашей уездной администрации г. Красный Яр и основания селений Сеитовки и Хожетаевки. Так, в Государственном архиве Астраханской области имеется именная ведомость кочующих кундровских татар в окрестностях города Красный Яр за 1781 г. с росписью старшин и подчиненных им в управление людей: всего 15 старшин, с подчиненными им людьми в количестве 1630 мужчин и 1431 женщин (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 5293, л. 12–53).

Относительно уточнения даты основания селений Сеитовки и Хожетаевки и вопроса наделения землей в Астраханской губернии ногайцев-карагашей имеется «Дело о исключении из оброка земли в Красноярском уезде для удовлетворения оною кундровских татар», которое велось с декабря 1787 г. по май 1793 г. (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819). Впервые его анализирует в своей статье В.М. Викторин, по данным которого установлена дата основания Сеитовки и Хожетаев-

ки 1788 г. (Викторин, 1983, с. 158). Эти события на основании указанного документа развивались следующим образом.

В процессе поселения ногайцев-карагашей в Красноярском уезде возникли спорные вопросы по поводу разметки границ. От общества ногайцев-карагашей было составлено несколько писем-прошений о скором окончании дела и решении их вопроса земельного пользования.

В первом письме, поступившем в декабре 1787 г. на имя правителя Кавказского наместничества Л.С. Алексееву, указывалось, что генерал-губернатор Н.А. Бекетов «с верхней стороны от Красного Яра по реке Бузану, Ахтубе» дал возможность вести зимовку, «а назад тому года три или четыре (т.е. 1784 г. или 1783 г. – прим. автора) взыскавшиеся на те места хозяева с нас берут лошаадьми и немалое число денег в таком случае ныне сиж просим нам под поселение, хлебопашество никем незанимаемые казенные места отвести по урочищам, а именно Львовичеву пашню, Огусь Могусь, Тепленки, Мохамарь и Кизил Бурун, а и в продовольствие зимнего времени скота и сенокосения острова: первый меж Бузана и Ахтубы с Вятского ерика, второй Берекетской, третий казенных виноградных садов, четвертый от бывшей Милановской ватаги, по самый Берекет, а в летнее время для таковой пастьбы от урочища Жиланного ерика вверх по Ахтубе реке по обеим сторонам по открытой степи до урочища Селитренного городка и Сасыколей, а на низ от Жиланного ерика подле морских черней по степи ж до урочища Касалгана кои за нами закрепить» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 2).

Далее в прошении указывалась необходимость измерить вышеуказанные земли и отдать их в вечное владение ногайцам-карагашам, по их словам, «дабы мы более в исправление государственной службы, то есть почтовой гоньбы и прочих тягостей так же и в содержание собственного домостроительства не могли нести более крайней нужды и разорения» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 2).

Дело о размежевании земель получил красноярский уездный землемер В. Новицкий, который сразу не смог приступить к выполнению обязательств, вопрос получил задержку (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 9). Вскоре поступило предложение от самого правителя Кавказского наместничества Л.С. Алексеева не отдавать обществу ногайцев-карагашей Львовичеву пашню и Кизил Бурун (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 14), а также возникли споры с жителями города Красный Яр по поводу острова казенных виноградных садов (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 19), потом с государственными поселянами ведомства Красно-

ярского уезда, именовавшимися бобыли и болдыри по поводу острова Берекетского (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 56).

В следующем письме на имя Екатерины II за февраль 1791 г. от всего общества ногайцев-карагашей указывалось, что «а в прошлом 1788-м г. находившийся тогда в городе Астрахани господин правитель Кавказского наместничества статский советник и кавалер Ларион Спиридонович Алексеев повелел нам поселиться двумя слободами под кои приказал землемеру Новитскому отвести угодные места кое отведено, где мы постройка деревянные дома имеем жительство поныне» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 61).

Далее в документе указывался перечень отмежеванных земель, отведенных обществу ногайцев-карагашей под сенокосы и огородничество, это земли «между рек Бузана и Ахтубы с верхнего Ерика остров называемой Самарской, второй Берекетской начиная от урочища Сухаго ерика, где казенных виноградных садов кончились рубежа. Третий, от сказанного рубежа бывшей виноградных садов остров, четвертый от самой Мултановской ватаги по самой ровне и по степи до Жиланского ерика, а для кочевья вверх по Ахтубе реке, по обоим сторонам до Селитренного городка и Сасыколя, а на низ от Жиланского ерика подле морских черней до Касалгану» и говорилось, что землемер В. Новицкий, отмежевав эти земли: «для владения плана и никакого письменного укрепления не дал», вследствие чего, возникают спорные вопросы с местными красноярскими жителями, так и состоящими в близи на кордонной заставе, «которые как сена скашивают так и скот свой подножным кормом довольствуют», через что «мы бедные не имеем сенокосных для зимнего продовольствия скота своего мест несем крайнее изнуреннее...» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 61).

Во второй части письма говорилось, что: «Для хлебопашества и всякого овощеводства удобные, хотя и были назначены места, именуемые Огусь Могузь, Тепленки, Мохамырь и Львовичева пашня точно неведомо по какой причине не обмежеваны и нам не отведены и оставлены поныне...», «отчего неминуемо можем прийти во всекрайнее разорение и бедности, что и службы Вашего императорского величества исправлять будем не в состоянии» и следовало прошение об отводе прежде отведенных для сенокоса и пастбы на подножном корму земель» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 62).

В июле 1792 г. в аналогичном письме на имя Екатерины II общество ногайцев-карагашей опять жаловалось на халатность землемера и неоконченном отмежевании земель. И вновь просило о наделенных

землях: «все без остатку на законом основании отмежевать и в беспрепятственное владение отдать нам коими бы мы, пользуясь, так как и прочия потданные вашего императорского величества поселяне могли бы исправлять свои службы без изнурения» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 67).

Далее в представлении Кавказского наместничества кавказскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу от декабря 1793 г. указывалось: «По учиненному в прошлом 792 году прожектору вышеописанным кундровским татарам назначены земли на тысячу сот тридцать душ в Красноярском уезде вверх по реке Ахтубе по Селитренной городок. А на низ покряже Каспийского моря до Касалгана в которую окружность выходит и остров Берекетский, но отводу еще не учинено; для того сочиненю по сему назначению для кундровских татар скопировку Вашему высокопревосходительству на Кавказское наместническое правление при сем представляет на благорассмотрение, и благоугодно ли будет для означенных татар повелеть отвести показанную землю. И утвердить им оную в вечное владение с выдачей планов и межевых книг. Испрашивает в резолюцию вашего высокопревосходительства предложения» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 72).

В ответ от 6 мая 1793 г. в Кавказское наместническое правление из Кавказской казенной палаты поступил указ, в котором предписывалось, что «на каждую душу по 15 десятин повыдать им на оную землю планов и межевых книг...», «с прописанием того представления, в Кавказское наместническое правление сообщая требовать дабы благовелено вышеописанным кундровским татарам по предложенным урочищам и другие для хлебопашества земли на основании прописанного высочайшего рескрипта через землемера совсеми угодыями и рыбными ловлями отмежевать и для вечного и спокойного того землею владения выдать им план владений и межевую книгу» (ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 819, л. 74).

Поселившись в Астраханском крае, ногайцы-карагаши так и не получили достаточной земельной площади. Уже в 1799 г. Сеитовский и Ходжетаевский старшины Джамбет Алиев и Жамбет Токбердиев подавали в Красноярский нижний земской суд прошение о выделении дополнительных пастбищ для выпаса скота на подножном корму (ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 1345, л. 3–4).

Региональные власти, в целях повышения эффективности управления, всячески пытались проводить в это время политику обоседления на землю ногайцев-карагашей. Это вступало в противоречие с ус-

тоями жизни карагашского общества. Так, в 1795 году управителю Кавказского наместничества П.М.Скаржинскому поступил рапорт от Красноярского нижнего земского суда о том, что ногайцы-карагаши Ходжетаевского селения продают свои дома, построенные им в 1788 году, «каковой поступок совсем противен прежде заведенному для них в заселении старанию господина бывшего правителя губернии, и кавалера Лариона Спиридоновича Алексеева» (ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 792, л. 1). Смысл ее заключался в том, что государство вело на свои средства строительство домов ногайцам-карагашам, «дабы они сим возчувствуя спокойствие и земледелием занимались» (ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 792, л.1).

В ответ поступило повеление, в котором говорилось, что ногайцы-карагаши не только продавать дома не могут, но их старшины должны всех других «обселять» в дома. Далее следовало указание все проданные дома отобрать и вернуть их прежним владельцам и впредь продажу домов ногайцами-карагашами другим лицам воспретить, кроме как внутри общества ногайцев-карагашей (ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 792, л. 2).

Но, как видно из последующих документов, численность стационарных жилищ ногайцев-карагашей возросла незначительно. По данным на 1865 год, в селении Ходжетаевском было 169 домов и 930 кибиток, а Сеитовском селении – 83 дома и 507 кибиток (ГААО, ф. 32, оп. 1, д. 108, л.58).

В начале XIX в. происходит обострение земельного вопроса, когда к Астраханской губернии была присоединена Внутренняя Букеевская орда казахов. В силу увеличившегося контингента кочевых подданных земельные вопросы, связанные с разделом территории кочевков, были заново отрегулированы Положением от 19 мая 1806 года «О землях кочевых народов Астраханской губернии». Но, как всегда, возникли конфликты из-за земельных споров, которые напрямую затронули и общество ногайцев-карагашей.

В деле «О возвращении кундровских татар с земли хана Букея» от весны-лета 1812 г. казахский хан Букей просит местные власти убрать с земли в районе Рын-Песков, отведенной для кочевий его подданных, группу кочующих на ней ногайцев-карагашей из селения Ходжетаевки. В ответ старшины карагашей доказывают свою правоту тем, что они кочевали в этом направлении уже много лет (ГААО, ф. 1, оп. 3, т. 2, д. 450, л. 6). При этом они откладывают свою откочевку с чужих земель, ибо «к возвращению ныне принадлежащей нам земли никаких мер и способов принять невозможно, потому что в Кочетаевском се-

лени у жителей состоит скота конного, рогатого, бараньего, козьего, верблюдов пятьсот сорок восемь тысяч... <...> Для оною безмерная жара и мучительность от насекомых да от Рын-Песков, дачи наши состоят не в близком расстоянии ... исполнение сего повеления к кочеванию обратно можно как чрез один месяц, посему просим» (ГААО, ф. 1, оп. 3, т. 2, д. 450, л. 9).

Вопрос об окончательном размежевании земель между ногайцами-карагашами и казаками Букеевской орды решался еще в течение нескольких лет. По предложению генерал-губернатором А.П. Ермолова в 1818 г., линия разграничения земель между ними стала проходить «от горы Чапчачей до Телепневой ватаги» (ГААО, ф. 1, оп. 11, д. 192, л. 36).

В начале XIX века управление над обществом ногайцев-карагашей находилось в ведении Астраханской палаты государственных имуществ, оно основывалось на общих основаниях со всеми государственными крестьянами (Небольсин, 1851, с.1).

Здесь надо рассмотреть вопрос о численности ногайцев-карагашей на тот период. Как пишет П. Любомиров, «В 1780 году им были предоставлены для летних кочевий места в Красноярском и частью в Енотаевском уездах по левую сторону Волги. Кундровских татар в ведомости казенной палаты на 1 января 1800 года показано почти 2000 душ мужского пола, в справке Красноярского нижнего земского суда 1803 г. 3500 человек обоего пола» (Любомиров, с.64–65).

Согласно данным Н.М. Васькина, «по 4 ревизии 1782 года ногайцев-карагашей насчитывалось 2155 человек обоего пола. К концу 90-х годов XVIII века, кроме Ходжетаевки и Сетовки ими были основаны аулы Берекет, Аралык, Найма, Ак Мечеть, Хариван и Канялы и общая численность достигла 11390 человек» (Васькин, с.33)³. Эти возникшие укрепленные поселения не имели официального статуса, так как процесс формирования новых аульных административных центров начался только после середины XIX в.

По ревизии 1834 г. ногайцев-карагашей числилось 6281 мужчин и 4876 женщин (Военно-статистическое обозрение, с. 107). Свою цифру на середину XIX в. приводил П.И. Небольсин. Он опирается на под-

³ Но вместо употребляемых Н.М.Васькиным ойконимов «Найма» и «Каняль», скорее всего, правильнее будет писать «Найман» и «Куянлы», поскольку указанные населенные пункты у ногайцев-карагашей возникли довольно рано, а село Куянлы с 1860 года получило административный статус.

счет волостных голов и сельских старшин, и приводит цифру 6950 душ мужского пола (Небольсин, 1851, с. 7–8).

Весь XIX век ногайцы-карагаши продолжали вести полукочевой образ жизни: «зиму проводили, по примеру оседлых жителей, в двух обширных селениях Красноярского уезда: Сеитовке и Ходжетаевке, на реке Ахтубе и на протоке или рукаве ее, речке Берекет, выходящей из Ахтубы и в Ахтубу же впадающей.

Летом выходят они на кочевку и занимают неплодородные степи берега Волги...» (Небольсин, 1852, с. 76–77).

Весной перекочевки начинались в конце марта – начале апреля и продолжались примерно до октября. Выход на новую кочевку считался важным событием в жизни как общества в целом, так и каждой семьи в отдельности, и поэтому отмечался в торжественной обстановке: «семья зарежет лишнего барана, мужчины побольше напьются ойрына, ребятишки набьют желудки, девки и молодые бабы покрасивее оденутся» (Небольсин, 1852, с. 91).

Фото В.И. Трофимова, начало 30-х гг. XX века, перекочевка карагашей, фонд Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника

В сезон летних перекочевок аул часто дробился на мелкие части, по несколько кибиток в каждом. Число кибиток группировалось вместе, находилось в зависимости от условий выпаса скота, наличия воды, близости населенных пунктов, с которыми ногайцы-карагаши поддерживали хозяйственные связи.

Ногайцы-карагаши кочевали по степной левой стороне Ахтубы. На летних пастбищах они по мере использования свежей травы скотом меняли место стойбища: «Во время кочевок, они большую частью стоят на одном месте недели по две, по три и по четыре, пока далеко кругом не исправят всей травы. Поэтому пока кибитки стоят неподвижно, кундровцы (имеется в виду карагаши – *прим. автора*) скот свой пасут постоянно все далее и далее.... Когда на одном урочище все луга будут истравлены, кочевники поднимаются, складывают кибитки и переносятся на новое место» (Небольсин, 1852, с. 91).

В течение сезона карагаши, то соединялись по несколько кибиток вместе, то напротив, разъединялись. Осенью же, как правило, собирались всем аулом вместе. Расстояние между летними и зимними кочевьями у разных аулов составляло 15–20 км и более.

Кочевому образу жизни соответствовало и состояние жилищного комплекса. «Юрты их ... при переноске не могут ни разбираться, ни раскрываться. И на арбах или телегах лежат они некоторым образом на подпорках или на перевес, так что одна пара волов может очень легко перевести целую юрту с всею семьей» (Георги, с. 40). Около таких жилищ карагаши из тростника или плетня делали забор для скота.

Я.Потоцкий отмечает употребление ими «гильдерга, род тележки с дышлом, которое они ставят возле палатки и который служит им сундуком» (Потоцкий, с. 215). Как отмечает позже П.И.Небольсин: «Реки переплываются вплавь (бык с запряженной арбой спокойно совершает переправу вплавь). Домашний скарб по устройству самой арбы, подмокнуть в воде не может» (Небольсин, 1852, с. 91).

Путем выселения из Сеитовки и Ходжетаевки в течение XIX века образуются другие аулы карагашей. Как мне представляется, это происходило по местам летовок. Так, уже в конце XVIII века Ян Потоцкий пишет о том, что у карагашей было значительное число разбросанных по большому пространству аулов (Потоцкий).

Административный статус они стали получать со II половины XIX века. Здесь можно назвать некоторые даты их оформления: из Сеитовки образовались следующие аулы как: Лапас в 1850 г., Куянлы в 1860 г., Ясын-Сокан в 1885 г., из Ходжетаевки такие аулы, как Малый

Арал в 1881 г., Большой Джанай в 1870 г., Малый Джанай 1885 г., Подчалык в 1885 г. и др. (Опросные листы). В памяти старожилов сохранились названия множества мелких аулов, которые ныне исчезли: Тоермалы, Кажгыр, Бакыр-Баш, Игынше, Карт-Кешув и др.⁴

Список аулов карагашей на начало XX века приводит и Владимир Пятницкий, в частности, он, пишет о том, что в это время образуются выселки карагашей поближе к городу, такие как Кири-Кили, Янго-Аул и Иш-Тамак (Пятницкий, с. 156).

Как было отмечено в начале статьи, у карагашей административным путем изначально стало развиваться деревянное домостроительство. Возникшие поселения были привязаны к водным источникам, отличались небольшим количеством дворов, но при распыленном пространстве усадебных комплексов. Это, как и отсутствие отгороженности двора, было связано с влиянием прежнего кочевого образа жизни (Гаджиева, с. 17).

Другими типами жилищ, характерными для астраханских ногайцев, были шалаши и землянки. Первые из них служили временным жилищем, например, для пастухов или работников на бахчах и огородах, а вторые сезонным или постоянным жилищем в селах. Бытование землянок, как сезонных жилищ в зимний период у карагашей хорошо прослеживается по материалам В.А.Мошкова: «Землянку кундровцы (карагаши – *прим. автора*) строят в ноябре, а разбирают в марте или в апреле.... Все деревянные и железные части землянки заготовлены раз и навсегда и по окончанию зимы, когда землянку разбирают, складывают на воз и отправляют в ближайшее поселение оседлых ногайцев, где за небольшую плату сдают на хранение» (Мошков, с. 13–14).

Распространенными видами сельских наземных жилищ были каркасно-столбовые мазанки из камыша или из самана. Для раннего периода этих жилищ у карагашей было характерно отсутствие потолка, таковыми являлась собственно кровля. Также у таких жилищ отсутствовала ромбовидная крыша, и характерное название таких домов было «тукаляк уй», что значит «лысый дом»⁵.

Поселение ногайцев-карагашей в Астраханском крае сопровождалось процессом постепенной сентентаризации. Это было связано как с административными мероприятиями, так и с естественным развитием этнокультурного сообщества. Возникающие противоречия внутренних

⁴ Информатор: Утебалиева Ракия Ажмухамедовна 1928 г.р.

⁵ Информатор: Уразмухамедов Исмаил Хасанович, 1927 г.р.

устоев общества ногайцев-карагашей с постановлениями региональной власти приводили к конфликтам, но сдерживались на ранней стадии и не принимали кризисную форму с открытым сопротивлением. Актуальным для разрешения довольно долго оставался земельный вопрос, который еще более обостряется в связи с пересмотром территориальных границ, отданных для полукочевых и кочевых народов после вхождения в состав Астраханской губернии Внутренней Букеевской орды.

В течение всего периода, с момента поселения ногайцев-карагашей в Астраханской губернии, в этнокультурном плане происходил процесс трансформации полукочевого быта и заимствования элементов культуры оседлой жизни. В то же время, данное этнокультурное сообщество сохраняло полукочевой образ жизни до начала XX века и было полностью обоседлено только в период Советской власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный архив Астраханской области* (далее – ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 4372.
2. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 5293.
3. ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 819.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1345.
5. ГААО. Ф. 476. Оп. 3 Д. 792.
6. ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 108.
7. ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 450.
8. ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 192.
9. *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973.
10. *Викторин В.М.* К этнической истории карагашей // Поволжский край. Межвузовский сборник. Вопросы социально-экономического развития и общественного движения в крае. Саратов, 1983. Вып. 8. С.147–162.
11. *Викторин В.М.* Российское государство и кочевые народы // История России. Россия и Восток. СПб., 2002.
12. *Военно-статистическое обозрение Российской империи.* Астраханская губерния. СПб., 1852. Том 5. Часть 5.
13. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев XIX – начала XX века. М., 1976.
14. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российской империи народов. Ч.II. СПб., 1777.
15. *Любомиров П.* О заселении Астраханской губернии в XVIII веке // Наш край. 1926. №4.
16. *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волго-Камского края: мелодии оренбургских и ногайских

татар // Известия общества археологии и этнографии при Императорском Казанском университете, 1894. Т. XII. Вып. 1.

17. *Мухаметишин Ю.Г.* Этнографическое обозрение поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Сборник статей. Казань, 1992.

18. *Небольсин П.И.* Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1851. Часть 2. Кн. 4.

19. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852.

20. *Опросные листы* о селах Астраханского статистического комитета. Астрахань, 1905.

21. *Потоцкий И.* Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахани и окрестные страны в 1797 г. // Исторические путешествия, извлеченные из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге IX–XVIII вв. Сталинград, 1936.

22. *Пятницкий.* Карагаши (по материалам поездки 1927 г.). Землеведение. Географический журнал им. Д.А. Анучин. Том 32. Вып. 3–4. М., 1930.

Информация об авторе

Идрисов Эльдар Шамигуллович, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Астрахань); idrisel@mail.ru

Idrisov Eldar Shamigyllovich, the candidate of political science, Associate Professor, substitute of director Russian Academy of National Economy and Public Administration by the President of Russian Federation (с. Astrakhan); idrisel@mail.ru

УДК 947:392.3

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЕМЬИ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

© 2015 г. А.Г. Иванов, Г.Н. Кадыкова

В данной статье, базирующейся на массовых статистических материалах десятой ревизии 1858 г. по Царевококшайскому уезду Казанской губернии, рассматриваются важнейшие демографические аспекты крестьянской семьи луговых мариЙцев середины XIX в.

В рассматриваемое время семейная структура луговых мариЙцев отличалась большим разнообразием, где почти в равной степени были представлены семьи с прямым и боковым родством, и где две трети от общего числа семей приходилось на «большие» – неразделенные семьи («отцовские» и «братские»), а на долю «малой семьи» немногим более одной трети. Свыше половины больших семей были двухпоколенными, а треть – трехпоколенными. Удельный вес однопоколенных, и в особенности, четырехпоколенных семей, был незначительным. Средняя населенность семьи составляла 8 человек. В основном преобладали семьи численностью в 6–10 человек. Семьи в 20–30 человек были редкостью, как и семьи некрещеных луговых мариЙцев, где его глава имел двух жен.

На долю трудоспособных приходилась половина семейного состава. Преобладание женщин трудоспособного возраста над мужским населением объяснялось помимо рекрутских наборов и тем, что мужчины помимо основных сельскохозяйственных работ, нередко были заняты на отхожих и лесных промыслах. Численность детей редко превышала 7 человек. Чаще всего встречались семьи с 4 детьми. МариЙская крестьянская семья, как форма кровно-родственной кооперации рабочих рук и имущества, в условиях натурального хозяйства и господства ручного труда являлась определяющим элементом жизнедеятельности.

Ключевые слова: мариЙская крестьянская семья, состав, структура, тип, луговые мариЙцы, историческая специфика.

COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE FAMILY OF MEADOW MARIS OF THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

A.G. Ivanov, G.N. Kadykova

In this article which is based on mass statistical materials of the tenth census of 1858 on the Tsarevokokshaysky district of the Kazan province the most important demographic aspects of a country family of meadow Maris of the middle of the XIX century are considered.

In the considered time the family structure of meadow Maris differed in a big variety. Almost families with direct and side relationship were equally presented. Two thirds of total number of families were the share on «big» – undivided families («fatherly» and «brotherly»), and of a share of «a small family» a little more than one third. Over a half of big families were two-generation and a third – three-generation. Specific weight of one-generation and in particular, four-generation families, was insignificant. Average density of population of a family made 8 people. Generally families numbering 6–10 people prevailed. Families in 20–30 people were a rarity, as well as families of non-Christian meadow Maris where his head had two wives.

A half of family structure fell to the share of the able-bodied. Prevalence of women of working-age over the man's population spoke besides recruitments and that men besides the main agricultural works, were quite often occupied on the forest crafts. The number of children seldom exceeded 7 people. Most often families met 4 children. The Mari country family as a form of kinship cooperation of working hands and property, in the conditions of a subsistence economy and domination of manual skills was the defining activity element.

Keywords: Mari country family, composition, structure, type, meadow Maris, historical specifics.

В изучении истории семьи и ее особенностей применительно к различным периодам, регионам и народам России, имеются несомненные достижения. В известной мере, это относится и к народам Поволжья и Приуралья, и в частности, к марийской крестьянской семье. По утверждению известного специалиста К.И.Козловой, в XIX в. у марийцев бытовали в основном два типа крестьянских семей – «малая семья» (муж, жена, дети в их первом поколении, иногда престарелые родители) и «большая семья» (отец, его женатые сыновья, то есть «одна ветвь близких родственников», разраставшаяся «обычным путем из малой семьи»), численность которой колебалась от 12 до 40 человек (Козлова, 1978, с.189–190). По мнению этнографа И.Н.Смирнова, во второй половине XIX – начале XX в. структура марийских крестьянских семей на современной территории Марий Эл «была довольно разнообразной», где наряду с большими (сложными) неразделенными семьями (включали несколько брачных пар одного, двух и трех поколений), имелись «отдельные малые семьи». По его наблюдениям, «людность больших неразделенных семей была значительной – от одного до трех-четырёх десятков человек; чаще же они состояли из 16–24 человек» (Смирнов, 1991, с.94–95). Как и профессор К.И.Козлова, он утверждал о численном преобладании в Марийском крае в XIX в. малых семей над большими (неразделенными) семьями. При

этом размеры малых семей у марийцев И.Н.Смирновым определяются в 5–7 человек и не превышают 10–12 человек (Смирнов, 1991, с.97). По данным историка А.Г.Иванова, в предшествовавшем в XVIII в. среди марийцев преобладал тип малой семьи, состоявший «из супружеской пары с их малыми и неженатыми детьми или без них» и включавший 1–2 поколения родственников по прямой нисходящей (иногда боковой) линии от 2 до 7 человек. Распространение сложной по составу неразделенной большой семьи у марийцев в основном объясняется им «особой ценностью рабочих рук в крестьянском хозяйстве» и необходимостью «концентрации совместных хозяйственных и фискально-податных усилий». В неразделенной семье у марийцев установлено наличие «отцовской неразделенной семьи», включавшей 2–4 супружеские пары (супруги и 1–3 женатых сына, иногда внуки) численностью от 6 до 32 человек, а также «братской» неразделенной семьи, в которой женатые братья проживали в одном и том же дворе (5–24 человек). Значительно более редкими были большесемейные коллективы, где во дворах совместно проживали дяди и племянники (иногда женатые), где иногда семьи дополнялись дальними родственниками и свойственниками, и где семьи не состояли в прямом родстве. В XVIII в. «сложным составом отличались редко встречавшиеся семьи некрещеных марийцев, где глава семьи имел двух жен» (Иванов, 1995, с.131–133, 322–323). Примечательно, что средний размер марийской семьи («людность» или «населенность» крестьянского двора) по данным вышеназванных исследователей в конце XVIII в. составляли в различных уездах Казанской, Вятской и Нижегородской губерний от 4,8 до 6,1 человек (Иванов, 1995, с.132), а в конце XIX – начале XX вв. соответственно от 5,3 до 5,9 человек обоего пола (Смирнов, 1991, с.98). Как видно из вышеприведенных данных, для составления более целостной характеристики марийской крестьянской семьи, в том числе луговых марийцев, необходимо более углубленное использование сведений середины XIX в.

В данной статье сделана попытка определить тип, структуру, поло-возрастной, родственной и поколенной состав и выявить средний размер крестьянской семьи в середине XIX в. Для этого нами привлечены массовые статистические материалы «ревизских сказок» 10-й ревизии 1858 г. по Царевококшайскому уезду Казанской губернии, где проживало преобладавшее большинство луговых марийцев. Данные этой ревизии хранятся в фонде Царевококшайского уездного казначейства Госархива Республики Марий Эл (ГА РМЭ, ф. 15, оп.1, д.535,

л.1–1234, д.536, л.1–584, д.537, л.1–760, д.539, л.1–778) где в поданных «сказках» мирскими выборными властями перечислены члены крестьянской семьи марийцев – вначале все лица мужского пола с указанием их возраста, а затем – лица женского пола с отметкой степени родства по каждому из селений (Кадыкова, 1999, с 36–37).

Для изучения типологии крестьянской семьи луговых марийцев нами был использован выборочный метод «равномерного интервала в 5 селений», успешно использованный в соседних регионах, в частности, Удмуртии (Гришкина, 1985, с.5). В ходе проведенной нами выборки в нее попали все разновидности сельских поселений луговых марийцев рассматриваемого времени – села, деревни, починки. Конкретно, с учетом степени сохранности материалов ревизских сказок, выборкой были охвачены 5 волостей Царевококшайского уезда – Петъяльская (1 село, 4 деревни), Себе-Усадская (1 село, 2 деревни, 1 починок), Кулле-Киминская (1 село, 2 деревни, 1 починок), Петриковская (2 деревни, 2 починок), Аленкинская (5 деревень) с общей численностью в 25 селений, где по ревизии 1858 г. числилось 1009 семей марийских крестьян.

Проведенный анализ данных ревизских сказок свидетельствует, что в середине XIX в. у луговых марийцев по родственному составу бытовали семьи как по прямому родству, так и боковому (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Родственный состав семьи луговых марийцев
в середине XIX в. (прямое родство)**

Тип семьи	Число	
	абс.	%
Одинокие	55	5,45
Супруги без детей	41	4,06
Супруги с неженатыми детьми	175	17,34
Супруги или вдовцы с внуками	3	0,30
Супруги с 1 женатым сыном, иногда с младшими детьми	27	2,68
Супруги с 1 женатым сыном и внуками	36	3,57
Супруги с 1 женатым сыном, внуками и младшими детьми	59	5,85
Супруги с 2 женатыми сыновьями	2	0,19
Супруги с 2 женатыми сыновьями и внуками	15	1,49
Супруги с 2 женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	15	1,49

Супруги с 3 и более женатыми сыновьями и внуками	10	0,99
Супруги с 3 и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	8	0,79
Супруги или вдовцы с женатыми сыновьями, внуками и правнуками	9	0,89
Мать или отец с неженатыми детьми	39	3,87
Мать или отец с 1 женатым сыном	8	0,79
Мать или отец с 1 женатым сыном, внуками	18	1,78
Мать или отец с 1 женатым сыном, внуками и младшими детьми	26	2,58
Мать или отец с 2 и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	31	3,07
Прочие	4	0,40
Всего	581	57,58

Таблица 2

**Родственный состав семьи луговых марийцев
в середине XIX в. (боковое родство)**

Тип семьи	Число	
	абс.	в %
Неженатые братья и незамужние сестры	32	3,17
Женатые братья без детей, иногда с младшими детьми	24	2,38
Женатые братья, иногда со снохой (вдовой брата) и неженатыми детьми	140	13,88
Женатые братья с женатыми детьми	14	1,39
Женатые братья с детьми и младшими братьями	10	0,99
Женатые братья с женатыми детьми и внуками	40	3,96
Женатые братья, родные и двоюродные, с детьми	14	1,39
Женатые братья с детьми или без них и холостые (женатые) племянники	38	3,77
Супруги или вдовцы с детьми и холостые (женатые) племянники	66	6,54
Супруги или вдовцы, с детьми и снохой-вдовой с детьми	12	1,19
Супруги с детьми и родственниками мужа	2	0,20
Сложные семьи с неродственными включениями (приемыши)	30	2,97
Прочие	6	0,59
Всего	428	42,42

При этом в крестьянских дворах преобладали семьи, связанные прямым родством; в процентном соотношении они составляли 57,58% к 42,42% семей с боковым. Заметим, что приблизительно такая же картина наблюдалась и в удмуртской семье середины XIX в., где 51% составили семьи с прямым и 49% с боковым родством (Гришкина, 1985, с.5).

Для рассматриваемого времени представляется весьма характерной незначительный удельный вес малой семьи, как у удмуртов, так и у марийцев. По наблюдениям удмуртского историка М.В.Гришкиной, удельный вес малой семьи в удмуртской деревне за 1762–1858 гг. упал с 51% до 21,9% (Гришкина, 1985, с.10). То же самое, у марийцев, у которых в XVIII в. в основном преобладала малая семья, где к середине XIX в. по нашим подсчетам ее удельный вес составил всего 33,20% (см. табл. 3).

Таблица 3

**Структура крестьянской семьи луговых марийцев
в середине XIX в.**

Тип семьи	Количество учтенных дворов	
	абс.	в %
1. Малая семья (отец с малолетними или холостыми сыновьями или без них)	335	33,20
2. Неразделенные семьи:		
а) отцовская (отец – женатые сыновья, возможно, внуки)	317	31,42
б) «братская» (женатые братья, в т.ч. с сыновьями)	261	25,87
в) дяди – племянники (возможно с сыновьями)	47	4,66
3. Прочие	49	4,85
Всего	1009	100

Как свидетельствуют материалы ревизских сказок, в середине XIX в. у луговых марийцев преобладающей являлась неразделенная (большая) семья (61,95%). По структуре этот тип семьи подразделялся на «отцовскую» (отец – женатые сыновья – внуки), удельный вес которой составлял 31,42%; «братскую» (женатые братья, в том числе с сыновьями), – занимавшую 25,87% и вариант семьи «дяди – племянники» (возможно с сыновьями), на долю которого приходилось 4,68%. Для сравнения отметим, что у удмуртов в это время преобладающей была братская семья (45,5%).

Заметим и такую особенность у луговых марийцев, связанную с редко встречающимися у некрещеных марийцев в семьях двух жен. В частности, при описании одного из крестьянских семей некрещеного марийца деревни Варангуш Кулле-Киминской волости 1858 г. отмечается такой ее состав: во дворе «Миквай Миквышев (60), Миквая Миквышева жены: первая Лыстай Тойкина (80), вторая Питький Муслаева (35). Его от первой жены первый сын Микай (42). Микая Микваева вторая жена Пибачь Якупова (31). Микая Микваева сыновья: Игибай (16) отдан в рекруты в 1855 г., Иргибай (16), Микай (6 месяцев) умер в 1851 г., Идон (4), Экимбай (3). Миквая Миквышева от первой жены другой сын Микита (17). Его же от второй жены третий сын Микит (12). Его же дочери от второй жены: Пекынай (12), Пикен (8), Пикюй (1); Его же сноха солдатка Татави Юкичева (47). Ее дочь Савика (16)» (ГА РМЭ, ф. 15, оп. 1, д. 539, л. 146об–148).

Для составления более полного представления о структуре крестьянских семей необходимо рассмотреть также и их поколенный состав (см. табл. 4).

Таблица 4

Поколенная структура семьи луговых марийцев в середине XIX в.

Поколения	Тип семьи	Число	
		абс.	%
Одно	Супруги и одинокие	96	9,51
	Неженатые братья	32	3,17
	Женатые братья без детей, иногда с младшими братьями	8	0,79
	Прочие	3	0,3
	Итого	139	13,77
Два	Супруги или вдовцы и неженатые дети	242	23,98
	Супруги или вдовцы и неженатые сыновья, иногда младшие дети	36	3,57
	Супруги или вдовцы с детьми и племянниками	42	4,16
	Женатые братья с неженатыми детьми	163	16,15
	Женатые братья с женатыми детьми, иногда с младшими детьми	21	2,08
	Женатые братья с детьми и племянниками	33	3,27
	Прочие	2	0,20
	Итого	539	53,41

Три	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки, иногда младшие дети	241	23,88
	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и женатые племянники с детьми	23	2,28
	Женатые братья, женатые сыновья и внуки	49	4,86
	Женатые братья с женатыми сыновьями и женатые племянники с детьми	6	0,60
	Прочие	3	0,30
	Итого	322	31,92
Четыре	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки	9	0,90
	Итого	9	0,90
Всего		1009	100

В отличие от XVIII в., где у марийцев были широко распространены семьи с 1 и 2 поколенным родством (Иванов, 1995, с. 132), в середине XIX в. большинство составляли двух (53,41%) и трехпоколенные (31,92%) семьи. К середине XIX в. заметно снизился удельный вес однопоколенных семей (13,77%). Четырехпоколенные семьи типа: супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки составляли всего лишь 0,9%. Свидетельством этого является следующая семья: во дворе «Павел Никитин (63). Павла Никитина дочь Марфа (16), Павла сын Захар (33). Захара Павлова жена Авдотья (37). Захара сыновья: Никита (8), Василий (5). Его дочери: Анисья (11), Орина (2). Павла Никитина внуки: Илья Осипов (22). Ильи Осипова жена Фекла Иванова (22). Его дочь Федосья (2). Павла Никитина внуки: Михаил Осипов (19), Максим Осипов (13), Федор Осипов (13), Степан Осипов (9), Яков Ефимов (19), Максим Ефимов (13)» (ГА РМЭ, ф. 15, оп. 1, д.537, л.731 об–732). У удмуртов соответственно четырехпоколенные семьи были распространены немного больше и составляли 3,3% (Гришкина, 1985, с.11).

Сведения о численном составе семьи луговых марийцев в середине XIX в. приведены в таблице 5.

Из нее следует, что в это время в основном преобладали семьи, численностью в 6–10 человек. Удельный вес таких семей составлял 42,12%. Немного меньше было марийских семей численностью в 1–5 душ (31,71%). Количество семей с числом их членов в 11–15 душ обоего пола занимал 16,85%. Семьи с численностью 20–30 человек были редкостью. В источнике зафиксирована всего 1 семья с численностью 36 человек обоего пола. Заметим, что в удмуртской семье в это

время удельный вес семей в 16–20 и 20–25 человек составил 13%, в то время как соответственно у луговых марийцев он составлял 10,85%.

Таблица 5

**Численный состав крестьянской семьи луговых марийцев
в середине XIX в. (Себе-Усадская волость)**

Название поселений	Все-го	в том числе							
		1–5	6–10	11–15	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40
с.Богоявленское Морки тож	170	63	62	25	16	4			
д.Туранча	12	4	5	2	1				
д.Б.Мушарань	49	15	20	9	5				
поч.Апанаево	7	1	2	3	1				
д.Черемисские Чедроялы	17	4	8	3		1	1		
д.Кудошнур	3		2	1					
Всего по волости	258	87	99	43	23	5	1		
в %	100	33,72	38,37	16,67	8,92	1,93	0,39		
Всего по Царевококшайскому уезду	1009	320	425	170	77	15	1		1
в %	100	31,71	42,12	16,85	7,63	1,49	0,10		0,10

Средняя населенность семьи луговых в середине XIX в. по нашим подсчетам составляла 8 человек обоего пола. Вместе с тем, средняя населенность двора в различных селениях была неравномерной. В частности, об этом свидетельствуют данные табл. 5.

Несомненный интерес представляет вопрос и о поло-возрастном составе семьи (см. табл. 6) луговых марийцев в середине XIX в.

Из данных этой таблицы видно, что в выборочных нами 25 селениях Царевококшайского уезда проживало 8219 душ обоего пола (4326 душ женского пола – 52,63% и 3893 душ мужского пола – 47,37%). Преобладание в крестьянских семьях женского населения над мужским объясняется различными причинами. В частности, отправкой крестьянских юношей рекрутами в армию. По нашим наблюдениям за 1850–1858 гг., из выше перечисленных селений 156 человек были взяты в армию. От рекрутских наборов страдали как малые, так и неразделенные

семьи. Так, по данным 1858 г. в селе Тушак (Шиньши) отмечалось об этом следующее, во дворе: «Исай Никифоров (70) умер в 1851 г. Его первый сын Иван (24) отдан в рекруты в 1855 г. Ивана Исаева жена Елена Ефимова (34). Ивана Исаева сын Алексей (8). Его же дочери: Марфа (11), Марья (5). Исая Никифорова другой сын Степан (22) отдан в рекруты в 1855 г. Степана Исаева жена Аксинья Игнатьева (28). Его же дочь Александра (1). Исая Никифорова третий сын Василий (28). Василия Исаева жена Авдотья Ивановна (29). Василия Исаева сын Иван (4). Его же дочь Орина (неделя). Исая Никифорова четвертый сын Герасим (22)» (ГА РМЭ, ф. 15, оп.1, д.539, л.12 об–13).

Таблица 6

Поло-возрастной состав крестьянской семьи луговых марийцев по переписи 1858 г.

Возрастная группа в годах	Мужчины		Женщины		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0–5	716	18,39	743	17,18	1459	17,75
6–10	547	14,05	534	12,34	1081	13,15
11–15	457	11,74	491	11,35	948	11,53
16–20	418	10,74	401	9,27	819	9,97
21–30	547	14,05	680	15,72	1227	14,93
31–40	472	12,12	643	14,86	1115	13,57
41–50	361	9,27	452	10,45	813	9,89
51–60	272	6,99	265	6,13	537	6,53
61–70	86	2,21	88	2,03	174	2,12
71–80	15	0,39	22	0,51	37	0,45
81 и выше	2	0,05	7	0,16	9	0,11
Всего	3893	100	4326	100	8219	100

По нашим наблюдениям в середине XIX в. у луговых марийцев главы крестьянских семей, иногда женатые сыновья и братья были второбрачными. Удельный вес таких семей составлял 23,09%. Приведем пример: в починке Березовой проживал дворохозяин: «Тарас Никитин (45) умер в 1852 г. Тараса Никитина вторая жена Огафья Ефимова (33). Его от первой жены первый сын Андрей (20). Андрея Тарасова вторая жена Хевронья Михайлова (21). Андрея Тарасова от первой жены сын Дмитрий (10 месяцев). Тараса Никитина от второй жены другой сын Ефим (7). Его же брат Фрол Никитин (45). Фрола Никитина вторая жена Афросинья Васильева (22). Фрола Никитина сын

Степан (20). Степана Фролова жена Прасковья Кузьмина (23). Фрола Никитинна от первой жены дочери: Дарья (15), Ольга (11)» (ГА РМЭ, ф. 15, оп.1, д.539, л.278 об.–279). Данное явление, видимо, объясняется тяжелыми условиями хозяйственной работы марийской женщины и отсутствием необходимой медицинской помощи.

Характеризуя поло-возрастной состав крестьянской семьи, важно выявить наличие трудоспособного населения и младших ее членов. По нашим наблюдениям у луговых марийцев в середине XIX в. удельный вес детей до 5 лет составлял 17,75%, от 6 до 10 лет – 11,53% (см. табл. 6). По данным этой же таблицы, трудоспособное население от 16 до 60 лет в целом составлял 4511 душ обоего пола, в том числе мужчин 2070 человек (46,18%) и женщин 2441 (56,43%). Преобладание женщин трудоспособного возраста над мужским населением, видимо, объясняется помимо рекрутских наборов тем, что мужчины помимо основных сельскохозяйственных работ нередко были заняты на отхожих и лесных промыслах. Не случайно долгожители мужчины в возрасте от 80 и выше были буквально единицы.

Несомненно, что хозяйственная перспектива дальнейшего развития крестьянской семьи во многом была связана с наличием в них детей (см. табл. 7).

Таблица 7

Численность детей в семье луговых марийцев на 1858 г.

Кол-во детей в 1 дворе	Количество дворов								Всего по Царевкокшайскому уезду	
	с.Богоявленское Морки тож	д.Туранча	д.Б.Мушарань	поч.Апанаво	д.Черемисские Чедраялы	д.Кудошнур	Всего по волости			
							абс.	%	абс.	%
1	21	1	4	–	2	–	28	10,85	116	11,50
2	26	2	7	–	3	1	39	15,12	156	15,46
3	28	3	10	2	3	1	47	18,22	163	16,15
4	25	3	7	–	3	1	39	15,12	139	13,77
5	10	–	7	1	1	–	19	7,36	99	9,81
6	13	1	3	–	1	–	18	6,98	78	7,73
7	6	–	1	1	1	–	9	3,49	37	3,67
8	7	–	1	2	–	–	10	3,87	32	3,17
9	5	1	–	–	–	–	6	2,32	19	1,88
10	1	–	3	–	1	–	5	1,94	12	1,19
11	2	–	1	–	1	–	4	1,55	9	0,89

12	1	–	–	–	–	–	1	0,39	5	0,50
13	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,30
14	1	–	–	–	–	–	1	0,39	2	0,20
15	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,10
Без де- тей	24	1	5	1	1	–	32	12,40	138	13,68
Всего	170	12	49	7	17	3	258	100	1009	100

Как видно из таблицы 7, в середине XIX в. в семьях у луговых марийцев численность детей редко превышала 7 человек. Чаще всего встречались семьи с 4 детьми. Были и такие, где в семье проживало до 14 детей, а в некоторых было 2 или не было вообще.

Особо следует сказать, что в марийской деревне Царевкокшайского уезда в это время встречался тип семей с «бессемейной структурой» (одинокие, неженатые братья и сестры). Исключением не являлись и бездетные семьи. В общей сложности удельный вес неполнокровных семей занимал 13,68%.

В целом, марийская крестьянская семья, как форма кровно-родственной кооперации рабочих рук и имущества, в условиях натурального хозяйства и господства ручного труда являлась определяющим элементом жизнедеятельности, в том числе и у луговых марийцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *ГА РМЭ*. Ф. 15. Оп. 1. Д. 535; Д. 536; Д. 537; Д. 539.
2. *Гришкина М.В.* Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. – Устинов, 1985. С. 3–17.
3. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. – Йошкар-Ола, 1995.
4. *Кадыкова Г.Н.* Ревизские сказки как источник по изучению марийской крестьянской семьи первой половины XIX века // Материалы круглого стола, посвященного 80-летию декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Йошкар-Ола, 1999. С. 36–37.
5. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978.
6. *Смирнов И.Н.* Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. Вып. 20. – Йошкар-Ола, 1991. С. 94–122.

Список сокращений

ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл

Информация об авторах

Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола); anani@marsu.ru

Кадыкова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры и искусств, ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола); kadukova_galina@mail.ru

Ivanov Ananiy Gerasimovich, the doctor of historical sciences, professor, head of Russian History Chair, the Mari State University (с. Yoshkar-Ola); anani@marsu.ru

Kadykova Galina Nikolaevna, the candidate of historical sciences, associate professor of Culture and Arts Chair, the Mari State University (с. Yoshkar-Ola); kadukova_galina@mail.ru

УДК 339.5:94

**АСТРАХАНСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ТАТАР ТРЕХ
ДВОРОВ – ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-
ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.**

© 2015 г. М.М. Имашева

В статье рассматриваются ключевые моменты этнической, социально-правовой и экономической идентификации Бухарского, Агрыжанского и Гиланского татарских дворов Астрахани на рубеже XVIII–XIX веков. Возникшие как опорные пункты для осуществления российской внешней восточной торговли в Астрахани, к 1780-м гг. эти гостиные дворы и их население попадают в орбиту внимания центральных властей Российской империи. В короткие сроки государство поставило задачу ввести тюрко-мусульманское население дворов в рамки социально-правового законодательства страны. В связи с этим были проведены переписи численности жителей дворов, сделана попытка выяснения истории возникновения восточных колоний и анализа их торгово-предпринимательской деятельности. Неудачная попытка включения населения в существовавшие на тот момент русские социальные группы городского населения привели к созданию особенного общества – татар Трех дворов с собственной специфической системой управления, Астраханской Татарской Управой. Кроме того, оказалось, что в рамках рассматриваемых десятилетий происходит постепенный упадок коммерческих операций татар Трех дворов, объемы внутренней торговли сокращаются, а внешняя – практически сходит на нет. Особенно следует отметить, что статья написана на основе обширного круга архивных источников из фондов Государственного архива Астраханской области.

Ключевые слова: предпринимательство, Гостиный двор, татары, купечество, внутренняя торговля, товарно-денежные отношения, торговая лавка.

**URBAN SOCIETY THE ASTRAKHAN TATARS THREE YARDS –
THE PROBLEM OF ETHNIC, SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL IDENTIFICATION AT THE END OF XVIII – FIRST HALF XIX CENTURIES**

M.M. Imasheva

The article discusses the key points of ethnic, socio-legal and economic identification of Bukhara, Aryankavu and Gilaki yards Tatar of Astrakhan at the turn of XVIII–XIX centuries. Emerged as strongholds for the implementation of the Eastern Russian foreign trade in Astrakhan, 1780s these bazaars and their populations fall into the orbit of attention of the Central authorities of the Russian Empire. In

the short term the state has set an objective of the Turkic-Muslim population of households in the frame of social and legal laws of the country. In this regard, we have carried out the census of population households, an attempt is made to clarify the history of the Eastern colonies and analysis of their trade and business activities. Unsuccessful attempt of inclusion of the population in the existing Russian social groups of the urban population led to the creation of a special society – the Tatars Three yards with their own specific control system, Astrakhan Tatar Government. In addition, it was found that in these decades there is a gradual decline of the commercial operations of the Tatars Three yards, the volume of domestic trade is reduced, and the external is approaching zero. Especially it should be noted that the article was written based on an extensive range of archival sources from the collections of the State archive of the Astrakhan region.

Keywords: Entrepreneurship, Gostiny dvor, Tatars, The Merchant Class, Internal trade, Commodity-money relations, Commercial shop.

В середине XVI века появилась русская Астрахань, и с первых же лет своего существования стала не только значимым в военно-стратегическом отношении пунктом, но и главными торговыми воротами России на Восток. Уже в 1558 г., когда еще русскую Астрахань только собирались строить, как зафиксировали летописи, к первому астраханскому воеводе, Ивану Черемисинову, приехало множество среднеазиатских и персидских купцов. Воевода принял их благосклонно, и с этого времени, собственно, и началась активная русско-азиатская торговля.

Одним из выражений политики Ивана Грозного в отношении восточных торговцев в Астрахани стало строительство гостиных дворов за счет казны: Гилянское, для персидских («кызылбашей», как их называли на Руси) и Бухарское для среднеазиатских («тезиков»). За постройкой в этих дворах с иностранных купцов собирали в пользу казны деньги (Гусарова, с.58–59).

Как следует из самих названий, основателями Гилянского двора стали торговцы из Ирана и Закавказья, Бухарского – купцы из Средней Азии. В 1673 г. кроме этих двух дворов, в результате реконструкции, появляется новый двор – Агрыжанский (Голикова, с.160–165). Жителями Агрыжанского двора стали потомки от браков купцов-индусов с местными татарками, которые и назывались «агрыжанские татары» или «агрыжане» (Небольсин, с.113).

В XVII в., как пишут автор Ключаревской летописи и авторитетный знаток астраханской старины XIX века А.Н. Штылько, торговые подворья стали содержаться за счет иноземцев «в складчину». Так, за

счет азиатских купцов, были выстроены торговые ряды, лавки подво-
рья караван-сараев, а также мечетей при них (Зайцев, с.202).

Конечно же, максимально точно датировать время основания трех «татарских» дворов нам не представляется возможным. Более того, эта задача представлялась неразрешимой уже в начале XIX века. Так, на запрос астраханского губернатора, в сентябре 1808 г., астраханский полицмейстер, весьма расплывчато отвечал: «...означенных Трех дворов татары жительствоуют в городе Астрахани с давних лет, а когда именно и на каком положении они были поселены, полиция сведения никакого не имеет, а должно оно находится в губернском архив». Но и в архиве никаких сведений не было обнаружено (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.27). Интересно, что и сами жители дворов, в том числе и старосты дворов, опросившие самых «старейших и достойнейших», не могли назвать даже приблизительно время появления дворов в Астрахани (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.19–20). «Отыскать твердого и утвердительного сведения» о том, когда и как прибыли жители дворов «для поселения в Астрахани», губернатор, несмотря на несколько раз повторившиеся запросы, так и не смог (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.2об.).

На наш взгляд, следует особо остановиться на особенностях употребления этнонима «татары» в отношении причисленных к этим дворам жителей и отметить то обстоятельство, что все-таки этнически, татарами в современном понимании этого слова, населявшие три двора жители, не были. Как известно, «татарами» до революции именовали практически все тюрко-язычное население империи. Не исключением стали и представители различных среднеазиатских народов, приезжавших в Астрахань с караванами и оседавших здесь на постоянное жительство (Исхаков, с.7).

На конец XVIII – начало XIX вв. приходится законодательное оформление статуса населения Бухарского, Гилянского и Агрыжанского татарских дворов города Астрахань и его хозяйственно-экономических занятий. Отдельно стояла проблема сословной приписки населявшего дворян населения.

До 1786 г. татары Трех дворов жили «на своем собственном положении, издавна вступив в подданство России». Это означало, что на основании законодательства Петра I и Елизаветы Петровны, числясь российскими подданными, жители дворов пользовались правами своего самоуправления, подчиняясь специально созданному в Астрахани Азиатскому Магометанскому суду и платя казне незначительные пошлины.

Основным занятием их в этот период была торговля и мена со средне- и ближневосточными государствами (Бухарой, Хивой, Персией, туркменскими и казахскими аулами) русскими товарами, а также торговля «азиатскими» – в небольших лавочках в самой Астрахани: «С первых времен переселения на жительство в Астрахани сих трех дворов татар были они люди купеческого звания и жители персидских шахских и бухарских владений. При посредстве вывезенных ими достаточных капиталов, заводили здесь коммерцию, упражняясь в заграничной и отчасти во внутренней торговле, имели заведенные фабрики, платили повинности и за торговый промысел и с привозных заграничных товаров установленную тогда пошлину» (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.3об.).

Торговля была не очень значительная, как впрочем, и численность населения самих дворов, которое в 1797 г., по сведениям губернского правления, составляло 312 человек мужского пола. В пользу государства все три двора ежегодно, с 1746 г., исправно платили «по тарифу и сверх того» 500 рублей пошлины (земских повинностей). Налог составил из следующих сумм: за торговый промысел, сверх платимой с привозных и отпускных товаров, платили 150 рублей; «в помощь российскому купечеству», на содержание военных казарм – 300 рублей, на иные военные потребности – 50 рублей. Раскладкой этого налога по дворам и душам ведали сами татары. Торг, несмотря на свою мало-значительность, был «достаточным», на бедность татары не жаловались, недоимок за дворами не числилось (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.5–6об.).

Как известно, в 1785 г. была проведена губернская реформа, которая обязала городское население записаться в мещанское или купеческое звание. В 1786 г. было создано Кавказское Наместничество, и, в том же году, руководствуясь положениями «Городового положения», генерал-губернатор граф Г.А. Потемкин, «принудил» общество Трех дворов записаться в российское купечество и мещанство, «не уважая даже незнания ими языка, законов и правил благоустроенного российского общества». Большинство жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов предпочли записаться в мещанство, что в свою очередь обусловило увеличение налогов. Само население дворов попало в ведение Городового магистрата. Тогда же, на рубеже 1780–90-х гг., в силу ряда объективных причин (о чем будет сказано ниже. – *М.И.*), торговые обороты татар окончательно приходят в упадок. Это обстоятельство вынудило последних искать новые источники существ-

ования, которые они нашли в найме в качестве рабочих и приказчиков у астраханских рыбопромышленников и купцов. Доходы жителей дворов резко упали. Налоги, наоборот, выросли. С новыми пошлинами жители дворов справиться оказались не в силах, и к началу 1799 г. недоимка составила 6304 руб.24 коп. (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.6).

Тяжелое финансовое положение вынудило общество Трех дворов командировать в начале 1797 г. в Санкт-Петербург поверенного, некоего Абдула Абишева, который представил Павлу I и Сенату прошение «о сложении накопившейся недоимки и об исключении татар трех дворов из российского мещанства и купечества», и об оставлении их «на прежнем», бывшем до 1786 г., «положении», ввиду их «чрезвычайного обеднения» (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.1).

Павел I, который целенаправленно искоренял «екатерининское» наследие, не замедлил откликнуться на просьбу астраханских татар. По его поручению генерал-прокурор А.А. Беклешов и фактический руководитель коллегии иностранных дел граф Ф.В. Ростопчин провели «дознание» по делу татар Трех дворов. Кавказскому наместнику графу И.В. Гудовичу и астраханскому губернатору А.В. Алябьеву было предписано собрать сведения об астраханских татарах Трех дворов, об их «прошлом и нынешнем состоянии».

Сведения, предоставленные Гудовичем и Алябьевым, содержали следующее: «...татары Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов, по бедности своей, так и по незнанию языка и законов российских не в состоянии несть мещанского и тем паче купеческого звания». Но, тем не менее, добавлял Гудович, «...к званию сему, они уже несколько привыкли, а со временем могут сделаться и совсем способными, исключиться же из оного желают единственно для того, чтобы избежать общественной тягости». В результате, 16 июля 1797 г. Сенат решил оставить татар Трех дворов в мещанстве, а недоимку с них сложить, «по причине, что они записались в мещане не по собственному желанию» (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.6об.).

Посланник общества астраханских татар Абишев, тем не менее, не довольствуясь этим результатом, продолжил деятельность, направленную на «сложение тягостного и неудобноносного бремени», связанного с запиской в российское городское сословие, и продолжал «утруждать» государя Императора «всеподданнейшею просьбой о возвращении их в первобытное положение, как ближайшее к азиатским обычаям и образу жизни». Просьбы нашли отклик, и 11 ноября 1799 г. вышел именной указ Павла I. На основании этого указа татары Бухар-

ского, Гилянского и Агрыжанского дворов были выписаны из мещанского звания в самостоятельное сословие, в дальнейшем именовавшееся «татары Трех дворов». К числу татар Трех дворов были присоединены еще, «бывшие в Астраханском Армянском обществе таковые же татары (речь идет о персах, предпочитавших до 1799 г. числиться в Армянском обществе, из-за торговых и окладных льгот, предоставленных астраханским армянам правительством – *М.И.*) – 116 душ мужского пола, что и составило всего 428 душ мужского пола», платящих одни только земские повинности (ГААО, ф.480, оп.1, д.604, л.10). На начало 1802 г., по сведениям астраханского губернского правления, в обществе татар Трех дворов насчитывалось 350 душ мужского пола (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.4об.). В 1824 г. в обществе числилось: Бухарского двора – 391 душа, Гилянского – 147, Агрыжанского – 117. Всего 665 душ (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.1).

В 1800 г. по тому же указу была образована Астраханская татарская управа, как учреждение сословного самоуправления татар Трех дворов Астраханской губернии. Она выполняла функции судебного учреждения по разбору хозяйственных и торговых дел, в том числе, на основании указа Сената от 9 ноября 1804 г. выдавала паспорта числившимся в дворах татарам для осуществления различных торгово-хозяйственных операций. Создание управы и передача ей перечисленных функций было следствием определенного отношения властей к не совсем понятной, иноязычной и неправославной диаспоре: «...некоторая по обыкновениям азиатцев производимая ими торговля, встречающая по одной друг на друга неудовольствие, но даже и самый разбор их торговых дел по образу их жизни имеют против российских и европейских купцов совсем другую положенность», и действительно «требуют создания особого и специального органа» (ГААО, ф.488, оп.1, д.245, л.18об.). Управа просуществовала до 1879 г., когда функции ее были переданы мировым судьям.

В первое десятилетие XIX в. татары Трех дворов вступают в серьезное противостояние с местными властями. Вызвано это было попыткой включить татарское население города в общегосударственную сословную систему и упорядочить систему сбора налогов, связав с принятием Манифеста от 1 января 1807 г. (ПСЗ РИ. Собрание Первое. Т.29. № 22178), содержавшего положения новой гильдейской реформы. На его основании, 20 ноября 1807 г., вышел Указ Астраханского гражданского губернатора в адрес Астраханской татарской управы о «понуждении» татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов

к записке в торговые гильдии. В случае невыполнения этого требования, управе предписывалось не выдавать татарам Трех дворов паспортов «для торгу» без донесения губернскому правлению.

Это распоряжение губернских властей вызвало у торговой верхушки дворов недовольство. В начале февраля 1808 г. в Санкт-Петербург прибыла делегация, состоявшая из представителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов: Абду Фатташиха Ходжаева, Султана Мавлюмбердиева и Абубекира Жумагельдиева. В прошении, поданном в Сенат, на высочайшее имя, посланцы просили отменить «принуждение» записываться в гильдии, так как, это противоречило предыдущим указам, да и капиталов в 50, 20 и даже 8 тысяч рублей, необходимых для записки, соответственно, в 1, 2 и 3 гильдии, у населения дворов не имелось: «...татары эти – народ бедный, и пропитание имеют в работе, а не от торга, а как ныне капиталы предложено объявлять преимущественно прежнему, то они никак не в состоянии быть в купечестве».

Татары Трех дворов, и после 1807 г., желали «...оставаться по дарованной им милости и при городе Астрахани производить мелочный торг, дабы удобно было отправлять, как и прежде отправляли, наравне с российским мещанским обществом по городу разные повинности, а если кто пожелает производить торг внутри государства, тот обязан записаться в гильдии», но руководствуясь в данном случае, исключительно личными соображениями (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.1–1об.).

Они считали, что их мелочная коммерция нисколько не составляла конкуренции коммерции астраханского гильдейского купечества. Просители отмечали: «сколько им известно производят торг товарами весьма маловажный, ибо они вообще занимаются рыбной промышленностью, и отправляя оттуда суда на промыслы, состоящие в Персии, хотя нагружают их товаром, но для продажи в тамошних местах». И, следовательно, «...по таковым оборотам тамошних купцов очень вероятно, что продажа мелочных товаров производимая ...татарами, никакого влияния на их капитал не сделает, и потому и нельзя ожидать неудовольствия людей гильдейского звания, тем более, когда татарская мелочная продажа включает в себя малозначащие товары и единственное их пропитание». В крайнем случае, жители дворов были даже согласны на ограничение со стороны властей ассортимента товаров, которыми им будет дозволено торговать, чтобы не составлять конкуренцию гильдейскому купечеству (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.9об.).

В своем Указе о необходимости записки в российские сословия, ставшем причиной посылки депутации в Санкт-Петербург, губернское правление преследовало, прежде всего, цели увеличения налоговых поступлений. Ссылаясь на 10 статью, уже упоминавшегося нами Манифеста от 1 января 1807 г., местные власти обязывали записаться в гильдии торгующих татар на правах иностранцев: «...иностраннный гость или заезжий чуждый прав гильдии ничем не торгует в розницу, в доме своем, или в квартире или в Гостином дворе, и не открывает для того ни лавки ни магазина, или подобного тому заведения».

К этому времени ни российским властям, ни самим приписанным к Трем астраханским «татарским» дворам жителям так и не было ясно, к какой социальной категории все-таки они относятся. Более того, не было ясно и то, относятся ли они к российским подданным вообще.

Местные власти решили, что причисленные ко дворам «татары» все же являются иностранцами и распространили на них действие вышеуказанной нормы: «...Астраханское губернское Правление сделало повсеместное предписание, чтобы упомянутое, Его Императорского Величества постановление объяснить всем живущим в Астраханской губернии». Власти запретили жителям Трех дворов покидать Астрахань по торговым делам в других городах Российской Империи без разрешения Правления и лишили Астраханскую Татарскую Управу права выдавать «от себя паспорта татарам ея не состоящим в гильдиях», с тем чтобы «...и продажа мелочных товаров, производимая татарами должна быть пресечена в то же время» (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.9–9об.).

Но сами жители дворов рассудили, что это положение «до них не относится», так как они есть не приехавшие какие-нибудь вновь азиатцы, а из давних времен состоят в подданстве России». И, надо сказать, вышли победителями в этом споре победителями. Сенат, указом от 19 октября 1809 г. «...во уважение жалобы их», постановил «...помянутых Трех дворов татарам предоставить равное с казенными поселянами право по мере их торговли и промыслов вступить в мещанство и по капиталам в купечество, на предписанных вообще о казенных поселянах неупражняющихся в хлебопашестве правилах» (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.10).

Но даже и после вступления в силу данного указа, власти не оставили попыток урегулировать мелочную торговлю представителей общества Трех дворов в пределах города и губернии. Руководствуясь 11 статьей Городового Положения: «Кто в городе в мещанство не запи-

сан, промыслом да не промыслять, под опасением, что за то в законе записано», Губернское правление настаивало на соблюдении гильдейского законодательства. Противостояние продолжилось.

Одним из вариантов решения проблемы сословной «приписки» татар Трех дворов, стала попытка переселить их в сельскую местность, с определением в государственные крестьяне. Так, в 1800 г. губернатор И.С. Захаров вознамерился переселить жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов вне пределы города и привить им интерес к «хлебопашеству». Казенная палата, по распоряжению губернатора, назначила татарам Трех дворов землю под поселение в Астраханском уезде, по тракту, ведущему к городу Кизляру. Но татары «по несклонности к сему роду жизни» пользоваться землей и переселиться не согласились. Земля была передана калмыкам (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.5).

Татары по-прежнему настаивали на своем праве не подчиняться положениям Манифеста и губернаторского указа. Доказательством их правоты, по мнению делегатов, являлся все тот же указ Павла I от 11 ноября 1799 г. и последовавший за ним указ Сената от 17 ноября 1799 г., которые оставляли, как нам уже известно, татар Гилянского, Бухарского и Агрыжанского дворов на «прежнем положении», то есть на положении до проведения губернской реформы 1785 г. (ГААО, ф.880, оп.1, д.236, л.2).

Татарская управа писала губернатору: «...Трех дворов татары по жительству своему близ города, соответствие имеют, ныне всех городских тягостей облегчает сограждан города. Торг же, хотя и малейшую часть производят, малоченными товарами торгуют, и здешнее купечество обращается в рыбопромышленности, Городовое Положение и Манифест 1807 года от них не нарушается, как Астраханское губернское Правление в насланном в сию управу Указе предполагает, и приводит 11 статью Городового Положения, которая единственно относится до мещан, а не до гильдейских купцов, коим торг особенным правом предложен и в 10 статье оного Положения, упомянуто разве особою статьею о свободе столь ясно, означаящее Узаконение оправдывает и упомянутых татар потому, что оные быв в сословии мещанского и купеческого звания, но по удостоверению местного начальства, высочайшим повелением оставлены на прежнем основании, как до введения Городового Положения» (ГААО, ф.1, оп.1, д.4202, л.23об.–24).

Последовало новое разбирательство экономического и сословного положения общества Трех дворов. По ведомости Астраханской казенной палаты, на 1808 г. 428 душ мужского пола, причисленных к «об-

шеству Трех дворов», «...кроме земских и по имению в городе домов полицейских повинностей никаких в казну податей не платили, в обязанности по Городовому Положению они не входили» (ГААО, ф.488, оп.1, д.105, л.7об.–8).

На самом деле, осуществляя весьма скромную коммерцию, население Трех дворов, платило весьма существенные подати, особенно в сравнении с периодом до 1786 г. Так, в 1807 г., обществом Трех дворов было уплачено: земских и почтовых сборов – 1098 руб. 17,5 коп.; полицейских и пожарных – 320 руб.; на военные казармы – 568 руб. 16 коп.; на наем военным служителям квартир – 375 руб. 33 коп.; на содержание Татарской управы – 431 руб. 10 коп.; за ежегодную починку валов на р. Царев – 430 руб.; на наем в 4 и 5 частях города для полиции домов и их обустройство – 175 руб. 99 коп. Сверх того, на обустройство милиции, «во изъявление своей, монаршему престолу, преданности, и в споспешествовании пользам и благосостоянию Империи, добровольно и с общего согласия». Ежегодные платежи в 1800-х гг. составляли от 3000 до 4000 рублей (ГААО, ф.488. оп.1, д.315, л.22–22об.).

В октябре 1809 г., правительство, видимо обратив внимание, на уменьшающиеся подати с татар Трех дворов, направило в Татарскую управу представление экспедиции советника хозяйственной части Астраханской казенной палаты о том, что Сенат предписал ему собрать сведения:

- 1) когда в городе Астрахани поселились татары Трех дворов Бухарского, Гилянского и Агрыжанского;
- 2) сколько их по настоящей ревизии числится душ, в каком состоянии и окладах, и в чем они упражняются;
- 3) какими были обязаны они повинностями до 1786 г.;
- 4) сколько во владении земли и прочих угодий имеют.

Губернатор сумел собрать следующие сведения: «по настоящей ревизии, считалось в городе Астрахани татар означенных Трех дворов 312 душ мужского пола, которые по 1799 г. состояли в астраханском мещанстве, до того времени, когда по высочайшему подтвержденному докладу Господам бывшего генерал-майора Беклешова и действительного тайного советника графа Раstopчина оные трех дворов татары обращены в прежнее состояние, и когда Астраханская Казенная палата, получа о том Указ из Правительствующего Сената от 17 ноября 1799 г. приступила к выписке их из мещанского звания, тогда в числе народа, платящего одни только земские повинности, по присоединении к ним еще бывших в Астраханском Армянском обществе таковых же татар

116 душ м.п., что и составило всего 428 душ, кои все теперь и числятся в оном обществе» (ГААО, ф.488, оп.1, д.720, л.21об.). Из всех этих обстоятельств губернатор Алябьев заключил, что «вышесказанные татары в мещанском звании как бесполезны для общества, так и безвыгодны для казны» (ГААО, ф.1, оп.10, д.266, л.5).

Что касается хозяйственно-экономической деятельности татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов, то анализ отложившихся в Государственном архиве Астраханской области документов показывает, что на протяжении рассматриваемого периода происходит постепенное сворачивание торгово-предпринимательской деятельности населения дворов.

В июне 1806 г., исполняя предписание астраханского губернатора Л.А. Кожевникова, Татарская управа направила рапорт в губернское правление, в котором содержались сведения о том, «в чем состояло упражнение сих татар, то есть в торговле ли, скотоводстве, хлебопашестве или других каких промышленностих». Старосты татарских Трех дворов: Мамбет Кадырбердиев, Нурай Шабанов и Сафар Ваискулов, доложили, что «...с первых времен переселения на жительство в Астрахань, предки тех татар, будучи купеческого звания и обитатели торговых персидских, шахских и бухарских владений, при посредстве вывезенных ими достаточных капиталов заводили здесь коммерцию, и упражнялись в заграничной, и, частию, во внутренней торговле» (ГААО, ф.1, оп.1, д.4204, л.19).

К 1780-м гг., по свидетельству тех же старост, «торговое, оных татар, состояние, разрушили разные несчастные приключения, как-то: неоднократно караваны их, шедшие в Бухарию, на пути разграблены были киргиз-кайсаками; торговые лавки их, с товарами, в 1766 г., во время бывшего в Астрахани большого пожара, до основания сгорели; в 1770 г., бежавшие в Тибет калмыки, увели у них капитала знатную сумму; также многократно подвергали их бедственному разорению, бывшие в Астрахани, большие наводнения, затоплением разоряя дома и погубляя без возврата разное их имущество». Этими несчастьями «быв приведены те татары в крайнюю бедность, и, потеряв все меры к восстановлению заграничной торговли, бывшей коренным их основанием». В 1786–1799 гг., в бытность свою «в записке» в российских мещанстве и купечестве, жители Трех дворов стали изыскивать различные способы «искания себе пропитания», и «не имея кроме торга к другим изворотам способности, старались в городе мелочною,

по крайней мере разных вещей, продажею, поддержать свое расстроенное состояние» (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.20).

Для торговли внутри города требовалось восстановить лавки, сгоревшие в пожаре. И в 1791 г. население Трех дворов обратилось к генерал-губернатору Г.А.Потемкину с просьбой разрешить выстроить деревянные лавки за свой счет. Г.А.Потемкин решил, что городу нужны не деревянные, а каменные лавки, которые и повелел выстроить. Татары к тому времени настолько обеднели, что вынуждены были взять на строительство кредит в Астраханском коммерческом банке. Лавки были выстроены «с пожертвованием последнего имения», а затем выплачивали до конца 1790-х гг. Вместе с тем, осуществляя платежи по кредиту, «общество Трех дворов», оказалось не в состоянии платить государственные пошлины. Тогда-то и образовалась недоимка в 6304 руб. 24 коп., которую «сложил» в 1799 г. Павел I. Несмотря на успешное завершение строительства каменных торговых лавок, татары Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов, так и не смогли уже вернуть прежних «значительных» торговых оборотов и капиталов (ГААО, ф.1, оп.1, д.4202, л.20).

По свидетельству гражданского губернатора Кожевникова, в 1808 г. жители дворов, имели «по большей части недостаточное состояние, некоторые упражнялись в работах у армян астраханских и купцов, с торгами их, исправляя из найма прикащицы должности, некоторые и сами переторговывали вещами малоценными в городе и улусах калмыцких» (ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.5об.).

В начале XIX в. у татар Трех дворов капиталов, «потребных для купеческого гильдейского состояния», не было. Впрочем, капиталов в 20–50 тысяч рублей не было и в предыдущие десятилетия, «во время свободного действия здешней коммерции». К 1810-м гг. торговые обороты и вовсе были «доведены до совершенного упадка», и никто уже «ни с заграницею, ни внутри России торгова не производил». Да и в самом городе промышленные предприятия «общества» практически никакой роли не играли, и на торговлю российского купечества никакого влияния не имели.

В 1808 г. из 235 семейств Трех дворов мелочной лавочной торговлей «промышляли» только 23 семейства. 11 из них занимали лавочки на Татарском базаре, торговали лекарственными растениями, употреблявшимися только мусульманами Астрахани, и имели в годовом обороте от 100 до 200 рублей.

Восемь семейств в разных частях города арендовали по одной, каждое, лавке. Они торговали в небольших количествах холстом и другими «бумажными, низкой доброты, азиатскими и на простонародный вкус материями, как то: выбойки, крашенные бязи или кумачи, бурмети». У этих торговцев в обороте находилось от 500 до 1000 рублей.

Еще шесть семейств занимались продажей у Белой мечети (мечеть прихода Гилянского двора. – *М.И.*) разных местных «вещей и припасов. 5 семей занимались мясной торговлей; 2 выпечкой хлеба для татар; 4 – крашением пряденой бумаги; 4 – выделыванием в собственных домах ковров на «азиатский вкус»; 4 – продажею в калмыцких и татарских улусах табака и прочих мелочей.

И все эти, 45 семейств, «не для торговых интересных выгод и своего обогащения занимаются теми промыслами, а для доставления токмо себе ежегодного пропитания», – заключает Астраханская татарская управа. Остальные 190 семейств, за исключением, 10, избравших кочевой образ жизни и занимались выпасом скота, нанимались в черную работу, на рыбные промыслы и на суда на Каспийском море (ГААО, ф.1, оп.1, д.4202, л.21об.–22).

Таким образом, к началу 1810-х гг. о былых успехах на ниве коммерции, когда производился «знатный торг бухарскими и персидскими товарами», оставалось только вспоминать. Во всяком случае, такого мнения придерживался астраханский полицмейстер (ГААО, ф.1, оп.1, д.4202, л.29об.). С этого времени жители Трех дворов предпочитают не вести самостоятельную коммерцию в рамках гильдейской записки, а наниматься приказчиками к купцам-татарам, прежде всего астраханским и казанским.

Если говорить о количестве татар, приписанных к обществу Трех дворов, числившихся в описываемый период в астраханском гильдейском купечестве, то мы с уверенностью можем констатировать тенденцию к уменьшению их числа. Более того, даже те, кто в купечество записывались (и во вторую гильдию) делали это отнюдь не из желания развивать свои торговые операции. Татарин Бухарского двора Асан Курбанов в 1845 г. так объяснял Казенной палате свое желание записаться в купцы: «...большие и богатые семьи ... входят в купечество, а потому и избегают от рекрутства сыновей своих» (ГААО, ф.488, оп.1, д.1070, л.5об.).

Если в 1792 г. во второй гильдии числилось 3 купца, в третьей гильдии – 17 выходцев из Трех дворов (ГААО, ф.880, оп.1, д.236, л.8об.–10); в 1828 г. – 7 (ГААО, ф.480, оп.1, д.604, л.2–26об.), в 1841 –

4 и только в третьей гильдии (ГААО, ф.542, оп.1, д.6, л.10). Из среды торговых людей, приписанных к Трех дворам, в 1860-е гг. только Измаилу Кутлаевичу Кардашеву (из татар Бухарского двора) удалось записаться в купцы 2-й гильдии, основать собственную династию и достаточно стабильный бизнес, просуществовавший до революции (ГААО, ф.542, оп.1, д.6, л.10).

Вместе с тем, некоторых татар Трех дворов несытая жизнь в городе вынуждала искать занятия вне его пределов. В 1855 г. из 171 семейства, числившихся по 8 ревизии в дворах, 34 (почти 20%) – кочевали по калмыцкой земле. Причем почти все они скота или совсем не имели (то есть батрачили) или имели от 3 до 10 коров, от 1 до 5 лошадей, до 50 баранов, от 2 до 5 верблюдов, по 10–15 коз. Значительным поголовьем скота смогли обзавестись только две семьи: татарина Бухарского двора Мусы Алиева (20 верблюдов, 100 лошадей, 30 коров, 1000 баранов, 100 коз) и татарина Гилянского двора Мавлют Али Идяева (10 верблюдов, 50 лошадей, 10 коров, 400 баранов) (ГААО, ф.488, оп.1, д.1379, л.15–15об.).

С 1810-х гг. жители Трех дворов воздерживались от коммерции в рамках гильдейской записки, а нанимались приказчиками к купцам-татарам, прежде всего астраханским и казанским. Также татары Трех дворов все еще поддерживали торговые отношения с торговцами иных национальностей, и, прежде всего, с индусами и армянами. Так, татарин Бухарского двора Ильяз Курманалиев 14 мая 1802 года обратился с прошением в Управу с просьбой, не взыскивать с него долги покойного брата Мамбета Курманалиева, с которым он состоял в разделе, но вел его дела, в качестве приказчика. Умерший был должен достаточно крупную сумму – 1000 рублей, индийскому купцу Могандасу Теридасову, и до восьмисот рублей, разным купцам – армянам и мусульманам (ГААО, ф.488, оп.1, д.42, л.1–3).

И все же, весной 1819 г. Астраханское губернское правление вновь обратилось к Татарской управе с требованием, чтобы торгующие в Астрахани татары, не имеющие узаконенного права на торговлю, «впредь отнюдь этой торговли не производили бы, и те, как не записались в гильдии и не имеют узаконенных свидетельств ныне занимающиеся торговлей», обязаны в течение четырех месяцев, то есть к 1 июля 1819 г., «непреренно или приобрести право на торговлю или торговлю прекратить и товар свой распродать» (ГААО, ф.488, оп.1, д.245, л.13).

Городские и губернские власти в 1810–1820-е гг. не спешили сбрасывать со счетов значимость предпринимательской деятельности татар Трех дворов в масштабах региона. В эти годы Городская дума неоднократно обращалась к Татарской управе с просьбой направить выборных депутатов на свои заседания с целью выяснения мнения дворов о тех или иных мероприятиях Правительства, «касающихся до коммерции».

После окончания Отечественной войны и заграничного похода против наполеоновской армии, в июне 1814 г., делегация астраханских татар от общества Трех дворов и юртовских была принята губернатором. Татары, «известясь о повелении Верховного Правительства насчет отправления в Петербург депутатов к приезду Императора и быв движимы усердием к Государю, желали отправить и от себя депутатов в звании коих назначили Хажы Шафер Ажиева и Рамазана Исикаева». Губернатор одобрил эти кандидатуры, «приемля столь похвальное усердие помянутых обществ с особенным уважением».

Так как «предмет для которого избраны от татарского общества депутаты, заключал в себе особенную важность», Татарской управе было предписано «тотчас сделать распоряжение, чтобы депутаты сии приличнейшим образом были экипированы, имели пристойное звание их содержание и во время пребывания в Санкт-Петербурге поступали во всяких случаях с учтивостью и благоразумием, имея при том похвальное поведение». От губернатора С. Андреевского депутатам была выдана подорожная (ГААО, ф.488, оп.1, д.235, л.1–2).

12 мая 1828 г. городской голова просил «для исполнения предписания управляющего здешним краем и требования ...приискания способов к улучшению состояния городов, касательно доставления подробнейшего и статистического описания городов Астраханской губернии с объяснением какого рода торговля и промышленность по местному сих городов положению жителям коих прилична и приносит каковые пользы», направить в специально созданное по этому вопросу, по распоряжению Астраханского губернатора, Присутствие, двух выборных депутатов от татарского общества. В состав присутствия вошли астраханский полицмейстер, уездный судья стряпчий, земский исправник, городской голова, почетные граждане и представители от сословных обществ. Делегатами были избраны Бухарского двора татарин Исмаил Юсупов и Агрыжанского – Мирветали Берды Сафаров, которые и приняли участие в заседании 15 мая (ГААО, ф.488, оп.1, д.720, л.1, 5).

20 октября 1828 г. Городская дума вновь обращается в Татарскую управу с просьбой направить на заседание Думы двух «достойных делегатов» для выборов Мануфактурного корреспондента в Астрахани, который бы наблюдал в Астрахани успехи мануфактурной промышленности, «мог в случае нужды, излагать свободно на бумаге мысли и замечания свои, исполнительного». О своих выводах корреспондент должен был сообщать во вновь учреждаемый при Департаменте мануфактур и внешней торговли, по распоряжению Министра финансов, Мануфактурный совет в Москве (ГААО, ф.488, оп.1, д.721, л.1, 13об.).

Обращение по поводу мануфактурного корреспондента к татарам Трех дворов не случайно. В течение всего XIX в. Министерство финансов собирало ежегодные отчеты о количестве фабрик и заводов в губерниях и городах. Сводные ведомости по Астрахани описываемого периода показывают, что представителям Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в 1825 г. принадлежали 7 из 21 хлопчатобумажных фабрик (т.е. 1/3 часть) (ГААО, ф.488, оп.1, д.1070, л.70–71). Но и здесь прослеживается процесс сокращения участия татар Трех дворов в предпринимательской деятельности. В 1860-м году из 7 хлопчатобумажных фабрик ни одна им уже не принадлежала (ГААО, ф.1, оп.8, д.530, л.49–50об.).

Конечно, несмотря на общий упадок коммерческих дел, не все причисленные к дворам оказались неспособными вести сколько-нибудь серьезную торговлю. Ежегодно на общих собраниях дворов избирались судьи в Астраханскую татарскую управу. Понятно, что таковыми могли стать только уважаемые и состоятельные люди, так как эта общественная должность никак не оплачивалась, и позволить себе ее занимать, могли только люди состоятельные. В судьи баллотировались люди, имевшие деньги и заслужившие хорошую репутацию своей коммерческой деятельностью, последнее обстоятельство считалось самой хорошей рекомендацией.

17 июня 1829 г. 1-й судья Управы Абдулкерим Джакаев на заседании просил отпустить его в отпуск, так как он «...имеет самую необходимую надобность по коммерческим обстоятельствам, производимым на Макарьевской ярмарке на немалую сумму, к соблюдению оборотов и капиталов своих от непредвиденных расстройств за настоящим отсутствием его, отправится на днях на упомянутую ярмарку на 3 месяца». На место отъехавшего на ярмарку судьи А.Джакаева был поставлен кандидат, не менее состоятельный, мулла Шариф Абдуллаев (ГААО, ф.488, оп.1, д.812, л.1). И такое прошение судьи упра-

вы к обществу об отлучке по коммерческим делам, являлось правилом, а не исключением.

Торговые обороты некоторых предпринимателей, причисленных ко дворам, распространялись не только на Макарьевскую ярмарку. В августе 1810 г. в Москве, находясь по торговым делам, умер персиянин Магмет Керим Джафаров, приписанный к обществу Трех дворов. С Джафаровым было наличными около 19000 рублей, вырученных с продажи привезенных товаров, кроме того, им были куплены в Москве разные товары, предназначенные для отправления в Астрахань. В «немалой сумме», как оказалось, состояло и выморочное имущество: в Астрахани – большой деревянный дом; купленное в июне 1809 г. дворовое место, с каменными и деревянными строениями на нем, оцененное в 9000 руб.; дом на Екатерининской улице, против Индийского Гостиного двора множество закупленного материала; в гостином дворе, у здешнего купца Калуста Алабова, лавка с товарами, имуществом и дорогими вещами (ГААО, ф.488, оп.1, д.147, л.1).

С уверенностью можно констатировать, что с конца 1830-х гг. татары Трех дворов перестают играть какую-либо значительную роль в коммерческой жизни города. Во второй половине века население дворов начинает считаться частью татарского населения Астрахани, они ассимилировались юртовскими татарами, с которыми охотно вступали в браки (Исхаков, с.14). Стремительно падало их благосостояние и участие в торговых делах.

В 1856 г. из 72 семейств, приписанных к населению дворов, только 7 занимались торговлей и имели большие деревянные (даже не каменные – *М.И.*) дома в собственности, остальные в большинстве своем были заняты в «черной работе» (ГААО, ф.488, оп.1, д.1417, л.1–44). В 1876 г. была закрыта Татарская управа, а население Трех дворов было переписано в астраханские мещане. Былая слава искусных и оборотистых торговцев канула в лету.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

2. *Государственный архив Астраханской области* (далее – *ГААО*). Ф. 1. Оп.1. Д.1070.

3. *ГААО*. Ф. 1. Оп.1. Д.4202.

4. *ГААО*. Ф. 1. Оп.1. Д.4204.

5. *ГААО*. Ф. 1. Оп.8. Д.530.

6. *ГААО*. Ф.1. Оп.10. Д.266

7. *ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.604.*
8. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.42.*
9. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.105.*
10. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.147.*
11. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.235.*
12. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.245.*
13. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.315.*
14. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.720.*
15. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.721.*
16. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.812.*
17. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.1070.*
18. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.1379.*
19. *ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.1417.*
20. *ГААО. Ф.542. Оп.1. Д.6.*
21. *ГААО. Ф.542. Оп.1. Д.13.*
22. *ГААО. Ф.880. Оп.1. Д.236.*
23. *Гусарова Е.В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2009.*
24. *Зайцев В.И. Астраханское ханство. М., 2004.*
25. *Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и оценка численности в XVIII – нач. XX вв. // Астраханские татары. Казань, 1992.*
26. *Небольсин П.И. Очерки Волжского понизовья. СПб., 1852.*
27. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание Первое. Т.29. № 22178.*

Информация об авторе

Имашева Марина Маратовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Астрахань); imaschewa@yandex.ru

Imasheva Marina Maratovna, the candidate of historical sciences, associate professor, Department of state and legal disciplines, the Astrakhan branch of the Saratov state legal academy (с. Astrakhan); imaschewa@yandex.ru

УДК 314.5

**БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ с. НИЖНИЕ КОКИ
ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ 1783–1918 гг.¹**

© 2015 г. А.В. Кобзев

В статье рассматриваются брачные отношения крестьян с. Нижние Коки Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Источниковая база исследования – метрические книги Государственного архива Ульяновской области. Исследование кроссбрачных отношений с. Нижние Коки охватывает период 1783–1918 гг. В статье анализируются динамика и удельный вес внутриселенческих и внешних браков жителей села Нижние Коки, формирование и изменение брачного рынка, иерархия кроссбрачных отношений, динамика и удельный вес межэтнических браков. В ходе исследования было выяснено, что во второй половине XIX – начале XX вв. в селе Нижние Коки наблюдается положительная динамика численности населения. В системе брачных отношений жителей села преобладали внутриселенческие браки. Структура брачных кругов охватывала 34 населенных пункта, включая русские и чувашские поселения. Но, при этом абсолютно преобладали моноэтнические браки среди мордвы. Основу брачного рынка с. Нижние Коки (по линии женитьбы) преимущественно составляли села Верхние Коки, Томылово, Тумкино, Аleshкино и Еремкино.

Ключевые слова: мордва, русские, чуваша, брачный рынок, Нижние Коки, Сенгилеевский уезд, Симбирская губерния, внутриселенческие и внешние браки, кроссбрачные отношения.

**MARITAL RELATIONSHIP OF CITIZENS FROM LOWER KOKI
ACCORDING METRIC BOOKS 1783–1918 YEARS**

A.V. Kobzev

The author examines in Article marriage peasants of the village Lower Koki Sengileyevsk County of Simbirsk province. Source base study were the metric books of the State Archive of the Ulyanovsk region. Research krossbrachnyh relations. Lower Koki covers the period 1783–1918 years. The article analyzes the dynamics and the share of foreign marriages and vnutriposelencheskih residents Mordva with. Lower Koki, the formation and change of the marriage market, hierarchy krossbrachnyh relationship dynamics and the proportion of inter-ethnic mar-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14–11–73005 «Стратегии социо-культурного и демографического воспроизводства устойчивых малых социумов нетитульных этносов в русской среде (на примере сёл Симбирской губернии XVIII – начала XX вв.)».

riages. In the second half of XIX – early XX centuries. Mordva in the village of Lower Koki positive dynamics of the population. In the system of the marital relationship of the villagers prevailed vnutriposelencheskie marriages. The structure of the marital community covered 34 settlements, including the settlement of Russian and Chuvash. This completely dominated by mono-ethnic marriages among Mordva. The basis of the marriage market of Lower Koki (through marriage) were mostly villages Upper Koki, Tomylovo, Tumkino, Aleshkino and Eremkina. The study was performed under a grant RGNF № 14–11–73005 «Strategy of socio-cultural and demographic reproduction sustainable small societies of non-titular ethnic groups in the Russian media (for example, villages Simbirsk XVIII – early XX centuries)».

Keywords: Mordva, Russian, Chuvash, the marriage market, Lower Koki, Sengileysk County, Simbirsk province, vnutriposelencheskie and outside marriage, relationships krossbrachnye.

Село Нижние Коки расположено у реки Коки. Этнический состав села – мордва. По данным Списков населенных мест 1863–1913 гг. (далее Списки) село входило в Горюшкинскую волость Сengилеевского уезда Симбирской губернии. В этническом отношении в волости преобладало русское население. На 12 русских сел приходилось одно мордовское село Нижние Коки. В численном отношении в 1884 г. в волости проживало 6949 русских (75%) и 2604 мордвы (25%). К 1911 г. удельный вес русского населения уменьшился на 3,2%, и их численность составила 8505 человек. В то же время удельный вес мордвы и их численность выросли, составив 28,2% и 3333 человек (Список населённых мест, 1884, с. 30; Подворная перепись, 1914, Выпуск 7, с. 4, 10).

В селе на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. наблюдается положительная динамика численности населения. По данным Списка на 1859 г. в селе проживало 1633 человека, из них 809 мужчин (49,5%) и 824 женщины (50,5%). К 1913 г. их численность выросла в 1,9 раза и составила 3155 человек. Из них мужчин было 1498 человек (47,4%) и женщин 1657 человек (52,6%) (см. табл. 1).

Сохранившиеся в Государственном архиве Ульяновской области метрические книги села Нижние Коки охватывают период с 1783 по 1918 гг., исключая лакуны за 1784, 1805–1807, 1815, 1817, 1841–1857, 1866–1874, 1876–1880, 1887–1888, 1910 и 1915 гг.

Для реконструкции брачных отношений жителей села были использованы данные метрических книг о месте жительства жениха и невесты. Как правило, в метрических книгах отмечалось из каких деревень, волостей, уездов и губерний были родом жених и невеста.

Фиксировалась их сословная принадлежность, возраст брачующихся, первый или повторный брак. Сопоставление данных метрических книг о месте жительства жениха и невесты с данными списков населённых мест об их этническом составе позволяет реконструировать не только брачные круги, но и межэтнические брачные отношения.

Таблица 1

Динамика численности населения в с. Томылово в 1859–1913 гг.*

Сенгилеевский уезд	Нижние Коки при р. Коке				
	1859	1884	1897	1913	
Волость	Горюшкинская				
	12 русских и 1 мордовское		13 русских и 1 мордовское		
Статус населенного пункта	село				
Культовые постройки	Православная церковь				
Этнический состав села	Мордва				
Количество дворов	182	338	415	650	
Численность жителей	Мужчины	804	1372	1255	1498
	Женщины	829	1232	1329	1657
	Всего	1633	2604	2584	3155

* Составлено автором по материалам: Список населённых мест Симбирской губернии по сведениям 1859 года. СПб., 1863, 99 с.; Список населённых мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884, 194 с.; Список населённых мест Симбирской губернии в 1896 году, Симбирск, 1897, 470 с.; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг., Симбирск, 1914, выпуск 7. Сенгилеевский уезд, 156 с.

За 1783–1918 гг. было зарегистрировано 1466 браков, из них 968 браков – это внутриселенческие браки между жителями с. Нижние Коки. Их удельный вес составил 66%. Остальные 498 браков – это внешние браки крестьян с. Нижние Коки по линии жениха с жителями других сел и деревень Симбирской губернии. Их удельный вес составил 34% (см. табл. 2, рис. 1). Практически все внешние браки крестьян с. Нижние Коки были заключены с жителями Симбирской губернии. Лишь в одном случае из 498 браков невестой крестьянина с. Нижние Коки была жительница д. Пищальниковой Судогодского уезда Владимирской губернии. Они были повенчаны в 1885 г. в церкви с. Нижние Коки (ГАУО, ф. 134, оп. 15, д. 36, л. 34 об.).

Таблица 2

Динамика браков в с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.*

Годы	с. Нижние Коки											Итого	Всего
	1783	1785	1786	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794		
кол-во браков	10	10	11	10	11	5	5	2	8	9	9	90	1466
кол-во внутриселенческих браков	6	5	4	9	11	4	4	2	4	4	2	55	968
кол-во внешних браков	4	5	7	1	0	1	1	0	4	5	7	35	498
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1795	1796	1797	1798	1799	1800	1801	1802	1803	1804	1808		
кол-во браков	5	4	7	3	5	8	12	9	6	10	14	83	
кол-во внутриселенческих браков	2	2	4	3	2	1	5	1	5	6	7	38	
кол-во внешних браков	3	2	3	0	3	7	7	8	1	4	7	45	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1809	1811	1812	1813	1814	1816	1818	1819	1820	1821	1822		
кол-во браков	20	14	7	8	3	6	11	8	5	8	6	96	
кол-во внутриселенческих браков	7	9	3	6	2	2	6	5	5	5	3	53	
кол-во внешних браков	13	5	4	2	1	4	5	3	0	3	3	43	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1823	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833		
кол-во браков	5	9	8	6	13	6	13	11	10	7	22	110	
кол-во внутриселенческих браков	4	7	2	4	5	4	11	9	6	2	10	64	
кол-во внешних браков	1	2	6	2	8	2	2	2	4	5	12	46	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1858	1859	1860	1861		
кол-во браков	18	9	6	10	10	20	18	17	14	25	14	161	
кол-во внутриселенческих браков	7	5	4	6	7	14	9	9	5	13	6	85	
кол-во внешних браков	11	4	2	4	3	6	9	8	9	12	8	76	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1862	1865	1875	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1889	1890		
кол-во браков	28	8	18	14	13	27	19	14	26	16	16	199	
кол-во внутриселенческих браков	18	4	11	9	4	17	11	8	16	11	13	122	
кол-во внешних браков	10	4	7	5	9	10	8	6	10	5	3	77	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1905		
кол-во браков	34	28	33	38	21	17	30	35	22	52	32	342	
кол-во внутриселенческих браков	26	22	23	31	15	15	29	28	15	42	24	270	
кол-во внешних браков	8	6	10	7	6	2	1	7	7	10	8	72	
Годы	с. Нижние Коки											Итого	
	1906	1907	1908	1909	1911	1912	1913	1914	1916	1917	1918		
кол-во браков	27	54	37	26	26	27	34	40	29	27	58	385	
кол-во внутриселенческих браков	19	38	24	22	20	16	29	29	28	21	35	281	
кол-во внешних браков	8	16	13	4	6	11	5	11	1	6	23	104	

* Составлено автором по материалам: ГАУО, ф. 134, оп. 6. д. 289; оп. 11. д. 401, 502; оп. 13. д. 2, 22; оп. 15. д. 36; оп. 14. д. 440–442; оп. 21. д. 59–62; оп. 38. д. 5, 31, 46, 66.

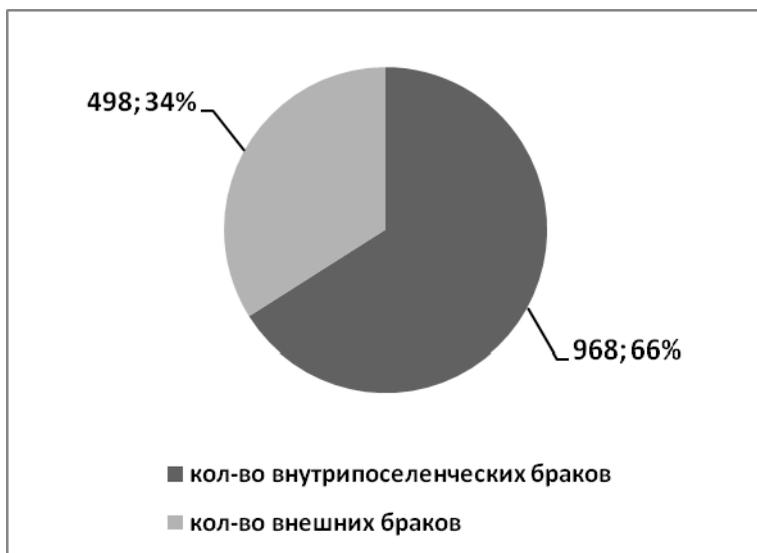

Рис. 1. Удельный вес внутриселенческих и внешних браков с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Браки крестьян с. Нижние Коки с жителями других сел и деревень Симбирской губернии прослеживаются на протяжении всех 88 лет, не считая временные лакуны за остальные 47 лет. За этот период можно зафиксировать всего четыре случая, когда не было внешних браков. В 1788, 1791, 1798 и 1820 гг. женихи с. Нижние Коки взяли в жены своих односельчанок. В остальные годы удельный вес внешних браков значительно колебался в пределах 2,8 – 88,8%. Наименьшее количество внешних браков, всего один, были зарегистрированы в 1787, 1789–1790, 1803, 1814, 1823 и 1897 гг. Удельный вес этих браков в 1787 г. составил 11,1%. В 1789, 1790 и 1823 гг. их доля равнялась 20%, но при этом и браков в церкви с. Нижние Коки было зарегистрировано всего пять. В 1814 г. при трех зарегистрированных браках, доля внешних браков составила 33,3%. На 1897 и 1916 гг. приходится наименьший удельный вес внешних браков – 2,8 и 3,3%. Соответственно доля внутриселенческих браков в эти годы составляла 97,2 и 96,7% (см. таблица 2).

Наибольшее число внешних браков по отношению к внутриселенческим бракам было отмечено в 1794, 1800, 1802 и 1825 гг. Их удельный вес в эти годы составил: 1794 г. – 77,7%, 1800 г. – 87,5%, 1802 г. – 88,8%, 1825 – 75%. Правда, и всех браков в эти годы было

заключено не так уж и много. Их общее количество варьировало в пределах восьми – девяти бракосочетаний в год. В 1809, 1833–1834, 1860, 1862, 1883, 1886, 1893, 1900, 1912 и 1914 гг. количество внешних браков колебалось в пределах 10 – 13 бракосочетаний. Действительно сравнительно много браков крестьян с. Нижние Коки с жителями других сел и деревень Симбирской губернии было заключено в 1907 г. – 16 и в 1918 г. – 23 браковенчания. Этот год стал рекордным и по общему количеству заключенных браков – 58 (см. таблица 2).

Соотношение динамики внутриселенческих и внешних браков в с. Нижние Коки в 1783–1918 гг. носили разнонаправленный характер. Динамика внутриселенческих браков в целом развивалась по восходящей линии. До начала 1860-х гг. их общее количество не превышало значения в 15 браковенчаний в год. Затем восходящая тенденция при всех колебаниях в 1865, 1882 и 1885 гг. приобретает ярко выраженный характер, и количество внутриселенческих браков в год начинает превышать это значение, варьируя в пределах 15–42 браков в год (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика внутриселенческих браков с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Динамика численности внешних браков в селе в наблюдаемый период не имела ярко выраженной восходящей или нисходящей тенденции. Скорее можно вести речь о стабильном варьировании общего количества внешних браков в коридоре значений от одного до десяти браковенчаний в год. В этом коридоре как раз и прослеживаются периодические восходящие и нисходящие колебания внешних браков. Как отмечалось выше, выход за пределы этого коридора приходился на 1809, 1833–1834, 1860, 1862, 1883, 1886, 1893, 1900, 1912 и 1914 гг., что отчетливо видно на графике (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика внешних браков с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Всего в структуре брачных связей с. Нижние Коки в 1783–1918 гг. было задействовано 34 населенных пункта. Из них мордовских сел и деревень, пять чувашских и 16 русских населенных пунктов, включая г. Сызрань и одно мордово-чувашское село. Доля браков между мордвой абсолютно преобладала и составляла 93%, доля браков с русскими составляла 6% и с чувашами 1%. Следует обратить внимание, что в этих брачных парах женихи были из мордвы, а невесты – русские и чуваша. В численном выражении из 498 браков 464 были заключены

между жителями мордовских сёл и деревень, 28 браков между мордвой и русскими, и шесть браков между мордвой и чувашами (см. таблица 3, рис. 4).

Таблица 3

Иерархия брачных связей с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Браки жителей села Нижние Коки Сенгилеевского уезда (по линии женитьбы)	Кол-во браков	Этнический состав	Волость	Уезд	Губерния
<i>Нижние Коки - Верхние Коки</i>	170	Мордва, чуваш	Собакинская	Сенгилеевский	Симбирская
<i>Нижние Коки - Тумкино</i>	88	Мордва	Тереньгульская		
<i>Нижние Коки - Томылово</i>	83		Мало-Борлинская		
<i>Нижние Коки - Алёшкино</i>	58		Старо-Рачейская	Сызранский	
<i>Нижние Коки - Ерёмкино</i>	57				
<i>Нижние Коки - Кузоватово</i>	6		Кузоватовская	Сенгилеевский	
<i>Нижние Коки - Еделево</i>	1		Никольская	Сызранский	
<i>Нижние Коки - Мордовская Бектяшка</i>	1		Сенгилеевская	Сенгилеевский	
Итого	464				
<i>Нижние Коки - Байдеряково</i>	2	Чуваши	Троицкая	Сызранский	
<i>Нижние Коки - Смолькино</i>	1		Старо-Рачейская		
<i>Нижние Коки - Малячкино</i>	1		Усинская	Сенгилеевский	
<i>Нижние Коки - Елаур</i>	1		Сенгилеевская		
<i>Нижние Коки - Байдулино</i>	1		Тереньгульская		
Итого	6				
<i>Нижние Коки - Гладчиха</i>	7	Русские	Тереньгульская	Сенгилеевский	
<i>Нижние Коки - Большая Борла</i>	3		Мало-Борлинская		
<i>Нижние Коки - Назайкино</i>	2		Собакинская		
<i>Нижние Коки - Ерыкла</i>	3				
<i>Нижние Коки - Доможирова</i>	1		Горюшкинская		
<i>Нижние Коки - Тереньга</i>	1		Тереньгульская		
<i>Нижние Коки - Горюшки</i>	1		Горюшкинская	Сызранский	
<i>Нижние Коки - Михайловка</i>	2				
<i>Нижние Коки - Елшанка</i>	1		Никулинская		
<i>Нижние Коки - Елшанка</i>	1		Горюшкинская	Сенгилеевский	
<i>Нижние Коки - Демидовка</i>	1		Заборовская	Сызранский	
<i>Нижние Коки - Надеждино</i>	1		Троицкая		
<i>Нижние Коки - сельцо Красное поле</i>	1		Горюшкинская	Сенгилеевский	
<i>Нижние Коки - Сызрань</i>	1			Сызранский	
<i>Нижние Коки - Мачкас (Сабур-Мачкас)</i>	1		Медаевская	Ардатовский	
<i>Нижние Коки - Пищельникова</i>	1	Мошенская	Судоходский	Владимирская	
Итого	28				

Рис. 4. Этнический состав брачующихся пар с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Иерархия брачных кругов жителей с. Нижние Коки выглядит следующим образом. В пятерку ведущих селений, с которыми крестьяне села поддерживали устойчивые брачные отношения на протяжении длительного времени, входят Верхние Коки (170 браков), Тумкино (88 браков), Томылово (83), Алешкино (58) и Еремкино (57). Совокупная доля браков, приходившаяся на эти сёла, составила 92% по отношению к внешним бракам мордовского населения с. Нижние Коки (см. таблица 3, рис. 5).

Сёла Верхние Коки и Тумкино располагались к северу от Нижних Кок и входили в состав Собакинской и Тереньгульской волостей Сенгилеевского уезда. Деревня Алешкино и село Еремкино находились к югу от Нижних Кок и располагались вдоль северной административной границы Сызранского уезда. Оба селения входили в состав Старо-Рачейской волости. Наконец, село Томылово располагалось юго-западнее Нижних Кок и относилось к Мало-Борлинской волости Сенгилеевского уезда. Все эти населенные пункты находились от Нижних Кок в 10–22 км и составляли небольшой мордовский этнический анклав, разделённый административными границами Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губернии. Ближе всего, в трех кило-

метрах к северу по течению р. Кок располагалось мордово-чувашское село Верхние Коки (см. рис. 6).

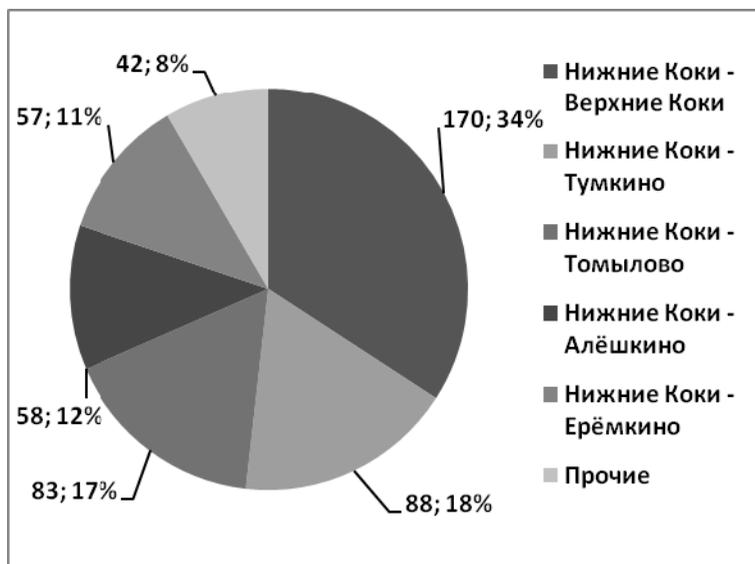

Рис. 5. Количество и удельный вес внешних браков жителей с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

В демографическом отношении самым крупным селом, с которым крестьяне Нижних Кок имели общий брачный рынок, было село Томылово. В нем по данным Подворной переписи Симбирской губернии 1910–1911 гг. (далее Перепись) проживало 4173 человека. Однако более интенсивные брачные отношения были характерны для бинарных пар Нижние Коки – Верхние Коки, Нижние Коки – Тумкино. В селах Нижние и Верхние Коки численность населения была примерно одинаковой – 3333 и 2981 человек. В селениях Тумкино, Еремкино и Алешкино жителей было в 1,7 – 2,6 раза меньше, чем в с. Нижние Коки – 1902, 1408 и 1258 человек (Подворная перепись, 1914, выпуск 7, с. 2, 42, 58; Подворная перепись, 1914, выпуск 8, с. 2).

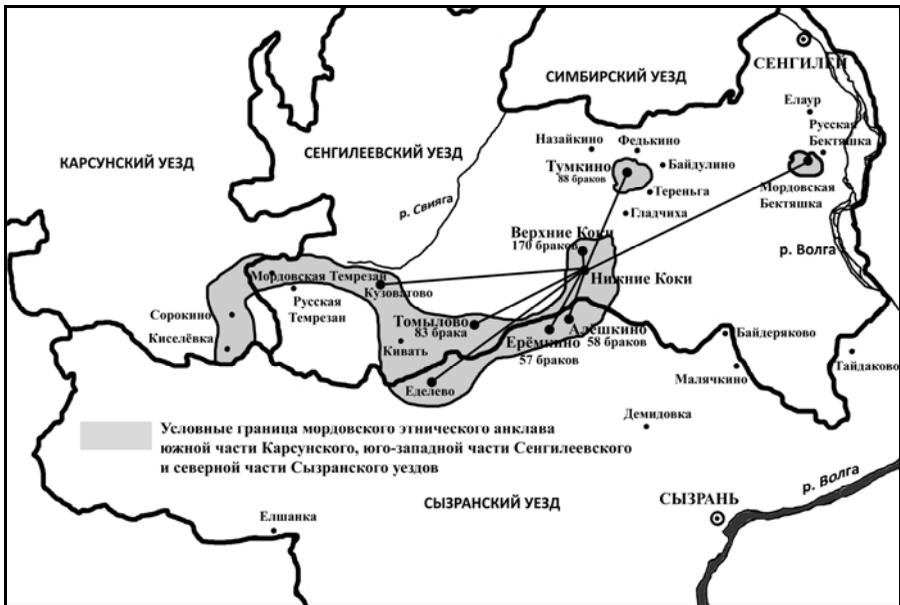

Рис. 6. География брачного рынка с. Нижние Коки в 1783–1918 гг.

Об устойчивости кроссбрачных отношений говорят следующие данные. Браки между жителями с. Нижних Кок и Томылово (линия женитьбы) с учетом временных лагун прослеживаются на протяжении 40 лет, при этом в остальные годы (1788–1792, 1796, 1798, 1803, 1808, 1811, 1813, 1820, 1828–1830, 1835–1836, 1839, 1860–1861, 1865, 1875, 1881–1885, 1889–1890, 1892–1899, 1905–1906, 1908–1918) не было заключено ни одного брака. Браки между жителями Нижних и Верхних Кок за наблюдаемый 88-летний период были зафиксированы в продолжительности 53 лет. Ни одного брака не было в 1785 – 1789, 1791 – 1793, 1795 – 1796, 1798, 1800, 1804, 1808, 1812 – 1814, 1816, 1819 – 1822, 1823 – 1825, 1830 – 1835, 1838, 1883 г. В бинарной паре Нижние Коки – Томылово браки между крестьянами фиксировались в течение 45 лет, а не заключались в 1783, 1787 – 1791, 1795 – 1795, 1801 – 1803, 1808, 1813 – 1820, 1822 – 1823, 1826, 1828 – 1829, 1834 – 1836, 1838, 1865, 1890 – 1891, 1894 – 1895, 1897, 1906, 1909 – 1913, 1916 – 1917 гг. В бинарной паре Нижние Коки – Еремкино браки в общей сложности фиксировались 38 лет, и не было ни одного брака в 1783, 1785 – 1791, 1796 – 1800, 1802 – 1804, 1809, 1811 – 1814, 1820, 1823 – 1824, 1826,

1829 – 1832, 1834, 1836 – 1837, 1860, 1865, 1875, 1881, 1884 – 1885, 1889, 1891 – 1892, 1896 – 1897, 1905, 1907 – 1909, 1916 – 1917 гг. Наконец в паре Нижние Коки – Алешкино браки наблюдались 36 лет, и также не было браков в 1783, 1785, 1787 – 1788, 1790 – 1795, 1798 – 1799, 1802 – 1804, 1812, 1814, 1818, 1820 – 1826, 1828, 1836, 1838 – 1839, 1859, 1861 – 1862, 1875, 1881 – 1882, 1884 – 1886, 1889 – 1891, 1896 – 1897, 1899, 1906 – 1907, 1909 – 1911, 1916 – 1917 гг.

Следует обратить внимание на то, что во всех приведённых случаях речь идёт о браках, когда жених был из с. Нижние Коки, а невеста извне (Верхние Коки, Томылово, Тумкино, Еремкино и Алешкино). Для получения более полной картины интенсивности брачных отношений необходим анализ метрических данных в обратном порядке, когда невесты были из Нижних Кок, а женихи – из Верхних Кок, Томылово, Тмукино, Еремкино и Алешкино. Поэтому можно вести речь о степени интенсивности брачных отношений только по линии жёньбы (жених из Нижних Кок).

Рис. 7. Динамика кроссбрачных отношений:
Нижние Коки – Томылово в 1783–1918 гг.

В конце XVIII – первой трети XIX вв. наиболее интенсивными и тесными по линии жениха были брачные отношения между жителями сел Томылово и Нижние Коки. В период с 1783 по 1834 гг. было зарегистрировано 69 браков из 83. В среднем за 45 лет, не считая временные лакуны по метрическим книгам, каждые два года заключалось по три брака между женихами из Нижних Кок и невестами из Томылово. В 1834 г. было зафиксировано рекордное для этой бинарной пары количество браков – восемь. В последующие десятилетия интенсивность кроссбрачных отношений заметно уменьшилась. В 1835–1918 гг. между крестьянами было заключено всего 14 браков. В среднем в течение 83 лет один брак заключался раз в пять лет. Нисходящая тенденция интенсивности кроссбрачных отношений хорошо прослеживается на следующем графике (см. рис. 7).

Рис. 8. Динамика кроссбрачных отношений:
Нижние Коки – Верхние Коки в 1783–1918 гг.

В бинарной конструкции Нижние Коки – Верхние Коки, наоборот, интенсивность кроссбрачных отношений начинает возрастать с начала 1840-х гг. В 1783–1839 гг. несмотря на территориальную близость поселений (на расстоянии трех км) было зафиксировано в мет-

рических книгах всего 26 браков. В течение этого времени в среднем между жителями сел брак заключался один раз в два года. Затем ситуация кардинальным образом меняется. С 1840 по 1918 гг. было заключено 144 браков. В среднем каждые три года заключалось по пять браков между женихами из Нижних Кок и невестами из Верхних Кок. Максимальных значений кроссбрачные отношения в этой паре достигали в 1891 и 1914 гг. – семь браков, в 1860 и 1907–1908 гг. – восемь браков, и в 1918 г. – 16 браков (см. рис. 8).

Практически аналогичную динамику кроссбрачных отношений мы наблюдаем в бинарной конструкции Нижние Коки – Тумкино. Интенсивность браков между жителями сел начинает возрастать с конца 1870-х гг. Прежде в 1783–1875 гг. было заключено 35 браков. В среднем каждые три года заключался один брак. С начала 1880-х гг. и вплоть до 1918 г. было заключено 53 брака. В среднем каждые два года заключалось по три брака (см. рис. 9).

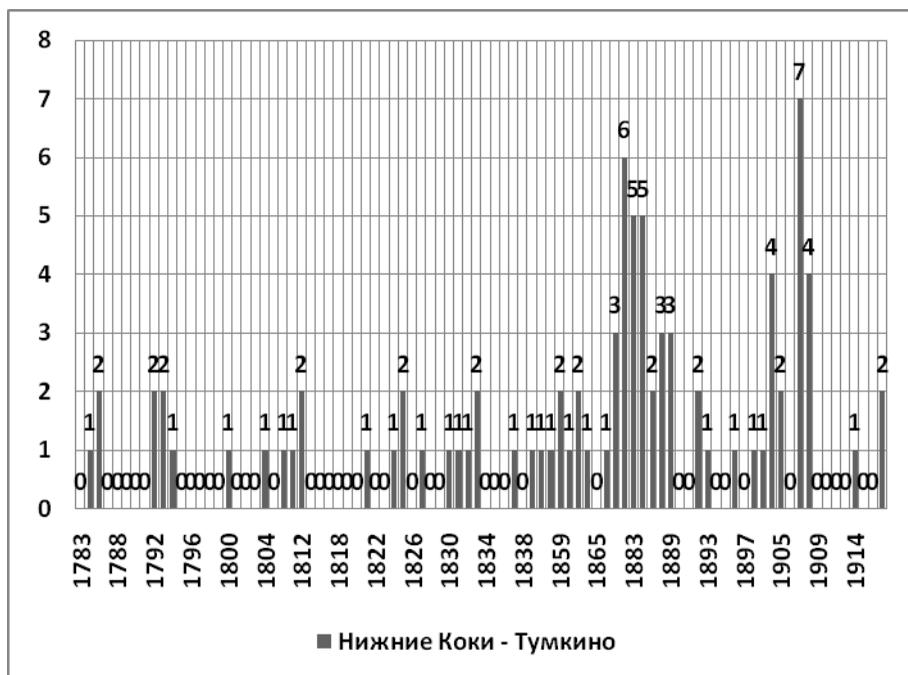

Рис. 9. Динамика кроссбрачных отношений:
Нижние Коки – Тумкино в 1783–1918 гг.

Второй эшелон мордовских поселений, с жителями которых крестьяне с. Нижние Коки поддерживали брачные отношения, составляли деревня Алешкино и село Еремкино. Динамика интенсивности кроссбрачных отношений в бинарной конструкции Нижние Коки – Алешкино имеет ярко выраженный циклический характер, и на протяжении 1783–1918 гг. можно выявить три волны, когда интенсивность брачных отношений возрастала и снижалась. Первая волна приходится на 1786 – 1819 гг., когда был заключен 21 брак. Затем следует фаза длительностью шесть лет с 1820 по 1826 гг., когда не было заключено ни одного брака, и с 1827 г. начинается вторая волна интенсивности кроссбрачных отношений. Хронологически она охватывает период с 1827 по 1883 г., и за эти 56 лет было заключено 20 браков. После этого вновь в течение 1884 – 1891 гг., то есть, на протяжении семи лет вновь нет ни одного брака, и с 1892 г. начинается третья волна. Она длится с 1892 по 1918 гг., и за это время было заключено 17 браков (см. рис. 10).

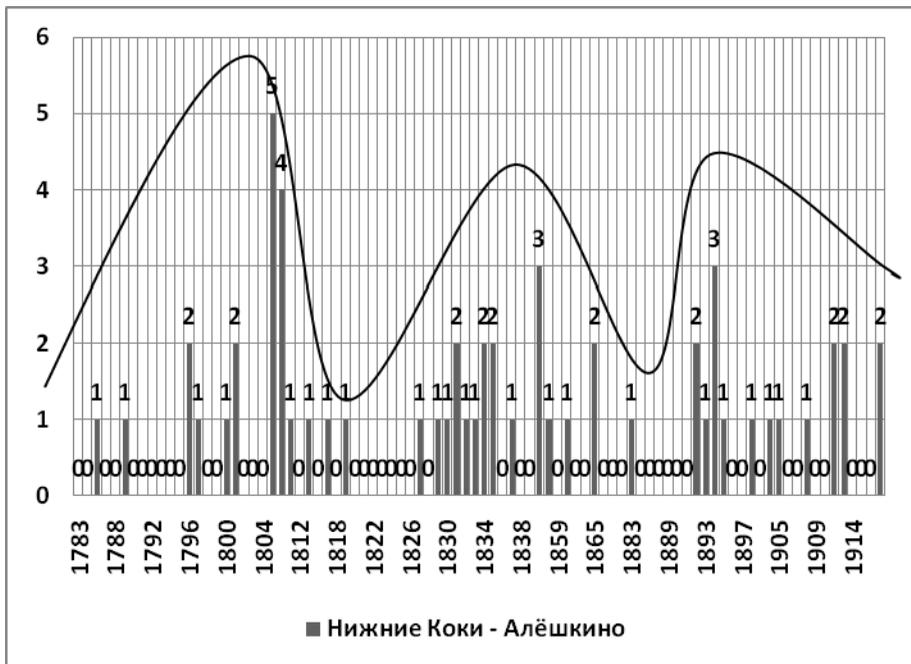

Рис. 10. Динамика кроссбрачных отношений: Нижние Коки – Алешкино в 1783–1918 гг.

Наконец бинарная конструкция Нижние Коки – Еремкино не похожа ни на один из выше описанных типов кроссбрачных отношений. На протяжении длительного времени в разные годы заключалось один-два брака. Только в 1839, 1883 и 1899–1900 гг. количество браков несколько возросло, достигнув значений в три-четыре брака. Ярко выраженная динамика отсутствует. Мы не наблюдаем отчетливых восходящих и нисходящих процессов. Скорее, можно вести речь о том, что отношения между жителями сел по линии женитьбы были стабильными на уровне одного – двух браков, периодически прерываемых временными отрезками, когда не было ни одного брака (см. рис. 11).

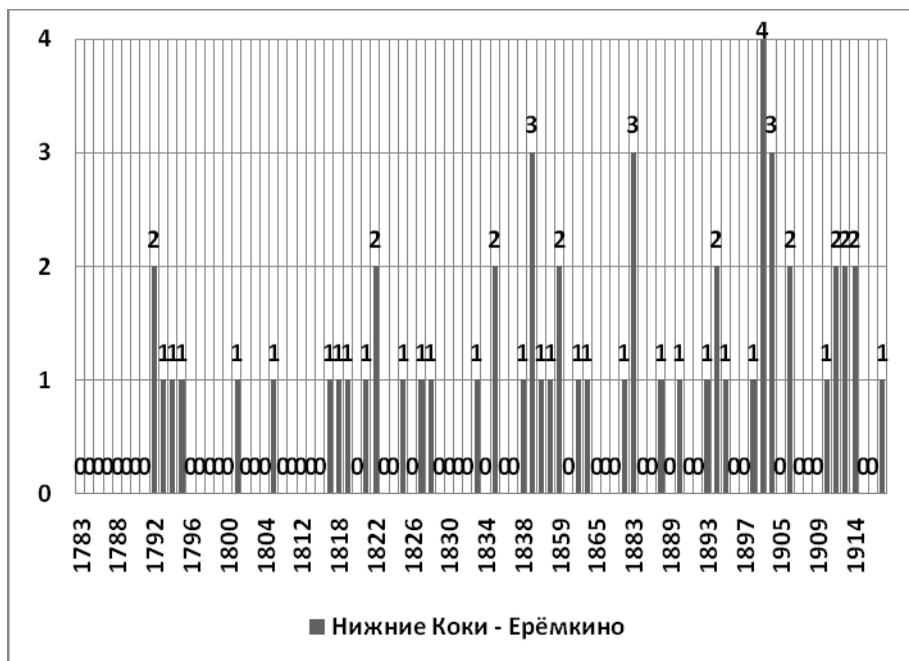

Рис. 11. Динамика кроссбрачных отношений:
Нижние Коки – Еремкино в 1783–1918 гг.

На брачном рынке с. Нижние Коки в конце XVIII – первой трети XIX вв. приоритетными для его жителей были отношения (по линии женитьбы) с крестьянами с. Томылово, затем, вплоть до 1918 г., интенсивность брачных связей резко снижается. Примерно с начала 1840-х гг. первым по важности селом в брачных отношениях становятся Верх-

ние Коки. При этом томьловцы теряют свои позиции на брачном рынке не только по отношению к ним, но и по отношению к крестьянам с. Тумкино. Интенсивность их брачных отношений с крестьянами из Нижних Кок начинает возрастать с начала 1880-х гг., и к 1918 г. по общему количеству браков пара Нижние Коки – Тумкино сравнялась с бинарной конструкцией Нижние Коки – Томылово. В это же время с середины 1880-х гг. все чаще женихи из Нижних Кок начинают брать в жены невест из д. Алешкино Сызранского уезда. Несколько в стороне от этих процессов были кроссбрачные отношения в паре Нижние Коки – Еремкино, интенсивность которых редко достигала значений в три-четыре брака, и на протяжении всего изучаемого периода оставалась стабильной в пределах одного-двух браков.

Брачные связи крестьян с. Нижние Коки с мордовским населением не выходили за пределы Сенгилеевского и Сызранского уездов. Не было зафиксировано ни одного брака по линии женитьбы с мордовским населением Ардатовского уезда, в котором, к слову, доля мордвы в 1859–1911 гг. варьировала в пределах 39–41,1% от общей численности населения уезда (Кобзев, 2007, с. 323). Не было браков с мордвой, населявшей другие уезды губернии – Симбирский, Буинский, Курмышский, Алатырский и Карсунский.

Брачные связи с чувашами также ограничивались территорией Сызранского (Елаур и Байдулино) и Сенгилеевского (Байдераково, Смолькино, Малячкино) уездов. Всего за весь период было зафиксировано шесть браков между чувашами и мордвой. Все они были заключены в течение 11 лет в 1802–1813 гг. В последующие десятилетия XIX века браки мордовского населения с. Нижние Коки с чувашами окрестных сел и деревень не зафиксированы (ГАУО, ф. 134, оп. 13, д. 2, лл. 81, 123 об., 141, 146, 152 об.). Не было зафиксировано браков с чувашами, проживавшими в бизтничном мордово-чувашском селе Верхние Коки.

Брачные связи с русским населением охватывали 16 поселений Сенгилеевского, Сызранского и Ардатовского уездов. Однако об устойчивости этих связей с оговорками можно вести речь лишь только в случае с селами Гладчиха (семь браков), Большая Борла и Ерыкла (три брака)², Назайкино и Михайловка (два брака). Все эти села входили в

² В Сенгилеевском уезде было два села с названием Ерыкла – Старая и Новая. Оба села русские. Их пришлось объединить под общим названием Ерыкла, так как в метрических книгах эти села не всегда дифференцировались, и нет возможности отнести браки к Старой Ерыкле или к Новой Ерыкле.

состав Сенгилеевского уезда. Временной разброс заключенных браков достаточно большой. Это характерно для брачных связей с поселениями Ерыкла, Большая Борла и Назайкино. Невесты из Ерыклы трижды за 135 лет выходили замуж за женихов из Нижних Кок – в 1786, 1911 и 1914 гг. Промежуток между первым и вторым браками составляет 125 лет. Еще больший временной промежуток характерен для брачных связей с с. Назайкино. Первый брак был заключен в 1783 г., а второй – спустя 134 года, в 1917 г. Разрыв между двумя браками с невестами из с. Михайловка составляет полвека. Первый брак был заключен в 1862 г., а второй в 1912 г. Невесты из с. Большая Борла трижды выходили замуж за крестьян из с. Нижние Коки. Сначала браки были заключены в 1783, 1804 гг. и затем, по прошествии 114 лет, в 1918 г. Пожалуй, наибольшей устойчивостью отличались брачные связи мордвы с русскими из с. Гладчиха. Первый брак был заключен в 1797 г., а остальные шесть в течение 1861–1909 гг. (ГАУО, ф. 134, оп. 13, д. 2, лл. 13 об., 17 об., 23, 60 об., 90; оп. 6, д. 289, лл. 190 об., 242 об.; оп. 11, д. 502, л. 114 об.; оп. 14, д. 441, л. 29 об.; оп. 21, д. 60, л. 34 об.; д. 61, л. 49 об.; оп. 38, д. 46, лл. 131 об., 277 об., 344 об.; оп. 38, д. 66, лл. 59 об., 263 об., 335 об.).

Таблица 4

Количество браков жителей с. Нижние Коки с крестьянками русских поселений Сенгилеевского и Сызранского уездов

Русские поселения	Годы									
	1786	1858	1860	1883	1884	1885	1893	1911	1912	1918
<i>Елшанка Сызранского уезда</i>	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>Доможировка</i>	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>Тереньга</i>	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
<i>Мачкас</i>	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
<i>Демидовка</i>	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
<i>Горюшки</i>	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
<i>Пищельникова</i>	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
<i>Сызрань</i>	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
<i>Красное поле</i>	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
<i>Елшанка Сенгилеевского уезда</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
<i>Надеждино</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Что касается брачных связей мордвы с. Нижние Коки с русским населением других поселений, то прослеживается следующая тенденция. В конце XVIII – первой половине XIX века был зарегистрирован всего один брак с русской невестой из села Елшанка Сызран-

ского уезда. Остальные 10 браков были заключены в 1858–1918 гг. (см. табл. 4).

Следует полагать, что с отменой крепостного права в России и расширением возможностей для горизонтальной и вертикальной социальной мобильности крестьян, межэтнические браки мордовского и русского населения стали чуть более распространенными.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в мордовском селе Нижние Коки наблюдается положительная динамика населения. В системе брачных отношений жителей села преобладали внутриселенческие браки. Амплитуда колебаний удельного веса внутриселенческих и внешних браков в отдельные годы была достаточно большой. На протяжении ряда лет удельный вес внутриселенческих браков достигал рекордных значений – 97,2 и 96,7% в 1897 и 1916 гг. В конце XVIII – первой четверти XIX вв. своих рекордных значений достигла доля внешних браков. В 1794 г. она составила 77,7%, в 1800 г. – 87,5%, в 1802 г. – 88,8% и в 1825 – 75%. С начала 1860-х гг. и вплоть до 1918 г. динамика внутриселенческих браков устойчиво шла по восходящей линии, чего нельзя сказать о внешних браках жителей с. Нижние Коки. Их динамика на протяжении 135 лет не имела ярко выраженной восходящей или нисходящей тенденции. Скорее, можно вести речь о стабильном варьировании общего количества внешних браков в коридоре значений от одного до десяти браковенчаний в год. В этом коридоре как раз и прослеживаются периодические восходящие и нисходящие колебания внешних браков.

Таким образом, структура брачных кругов с. Нижние Коки охватывала 34 населенных пункта, из которых было семь мордовских сел, пять чувашских, 16 русских поселений, включая г. Сызрань и одно мордово-чувашское село. Моноэтнические браки в мордовской среде абсолютно преобладали, и их доля составляла 93%. В то же время доля браков с русскими составляла 6% и с чувашами 1%. Следует отметить, что поддержание брачных связей с русскими пользовалось большим приоритетом, чем с чувашами. Во второй половине XIX века в пределах Сенгилеевского и Сызранского уездов расширяется не только география русских сел, с которыми мордва поддерживала брачные связи, но и увеличивается количество заключенных браков. В случае же с чувашами, брачные связи, имели место лишь только в начале XIX века и не получили своего дальнейшего развития в последующие десятилетия.

В брачный рынок с. Нижние Коки (по линии женитьбы) преимущественно входили села Верхние Коки, Томылово, Тумкино, Алешкино и Еремкино. Все они располагались в относительной территориальной близости, примерно на расстоянии 3–25 км. Динамика брачных связей крестьян с. Нижние Коки с жителями этих сел носила разнонаправленный характер, хотя общая тенденция шла в направлении роста, как количества самих браков, так и их интенсивности в отдельные периоды. Положительная динамика брачных связей была характерна для отношений с жителями сел Верхние Коки, Тумкино, Алешкино и Еремкино, которая, в общем и целом возрастает с 1840 г. В то же время, нисходящая динамика кроссбрачных отношений была свойственна бинарной конструкции Нижние Коки – Томылово, в которой и общее количество браков и их интенсивность резко снижаются с конца 1830-х гг. Видимо, здесь имели место два взаимосвязанных процесса, переориентирование брачных рынков сел Нижние Коки и Томылово на другие мордовские поселения Сенгилеевского и Сызранского уездов. Выяснение социально-экономических и историко-культурных факторов, влиявших на формирование, развитие и изменение брачного рынка с. Нижние Коки, требует дальнейшего историко-этнографического исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кобзев А.В.* Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 430 с.
2. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911 гг. – Симбирск, 1914. Выпуск 7. Сенгилеевский уезд. 156 с.
3. *Подворная перепись* Симбирской губернии 1910–1911 гг. – Симбирск, 1914. Выпуск 8. Сызранский уезд. 196 с.
4. *Список населённых мест* Симбирской губернии по сведениям 1859 года. – СПб., 1863. 99 с.
5. *Список населённых мест* Симбирской губернии. – Симбирск, 1884. 194 с.
6. *Список населённых мест* Симбирской губернии в 1896 году. – Симбирск, 1897. 470 с.
7. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 6. Д. 289.
8. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 11. Д. 401.
9. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 11. Д. 502.
10. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 13. Д. 2.
11. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 13. Д. 22.
12. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 14. Д. 440.
13. *ГАУО.* Ф. 134. Оп. 14. Д. 441.

14. ГАУО. Ф. 134. Оп. 14. Д. 442.
15. ГАУО. Ф. 134. Оп. 15. Д. 36.
16. ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 59.
17. ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 60.
18. ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 61.
19. ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 62.
20. ГАУО. Ф. 134. Оп. 38. Д. 5.
21. ГАУО. Ф. 134. Оп. 38. Д. 31.
22. ГАУО. Ф. 134. Оп. 38. Д. 46.
23. ГАУО. Ф. 134. Оп. 38. Д. 66.

Информация об авторе

Кобзев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; старший научный сотрудник, НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина (г. Ульяновск); alkobzev@yandex.ru

Kobzev Alexander Viktorovich, the candidate of historical sciences, Associate Professor, Department of History, Faculty of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University; Senior Research Fellow, N.M.Karamzin Research Institute of History and Culture (c. Ulyanovsk); alkobzev@yandex.ru

УДК 336.71

**РОЛЬ КАЗАНСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
БАНКА В СИСТЕМЕ КОММЕРЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА
В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

© 2015 г. Н.А. Кореева

С открытием в 1848 году Казанского общественного банка (первого банка города) возможности кредитования для купцов были значительно расширены. Банк выполнял три основные операции: прием вкладов, учет векселей и производство ссуд под залог движимого и недвижимого имущества. Купцы города, в том числе мусульмане, были постоянными клиентами банка. В статье рассматривается значение городского общественного банка в системе коммерческих операций казанского купечества.

Ключевые слова: общественный банк, учет векселей, ссуда, кредит, залог, татарские купцы, Казань, ростовщичество.

**THE ROLE OF KAZAN CITY PUBLIC BANK IN COMMERCIAL
OPERATIONS OF TATAR MERCHANTS
IN THE PRE-REFORM PERIOD**

N.A. Koreeva

By opening of Kazan public Bank (the first city Bank) in 1848, lending opportunities for merchants were greatly expanded. The Bank complied with three basic operations: accepting deposits, bill discounting and taking of loans secured by movable and immovable property. The merchants of the city, including Muslims, were the loyal customers of the Bank. The article discusses the importance of the city public Bank in the system of commercial operations of Kazan merchants.

Keywords: Public Bank, bill discounting, loan, credit, deposit, Tatar merchants, Kazan, usury.

История городских общественных банков в Российской империи восходит к началу XIX века, а в 1848 г. такой банк открылся в Казани. Современные исследователи отмечают, что идея создания банка для финансирования на благотворительных началах приютов, учебных заведений, социальных проектов, была уникальна, и общественные банки не имеют аналогов в современной экономической системе, поэтому важно изучать опыт их деятельности (Свердлова, 2011, с. 129–135).

Вместе с тем историки уделили достаточное внимание участию общественных банков в финансировании межрегиональной торговли (Гибадуллин, 2010, с. 73, №1), правовым аспектам их деятельности (Ганжов, Мошкин, Касаткин, 2012, с. 152–157, № 1 (120), т. 21). Рассмотрен также вопрос о благотворительной деятельности общественных банков Прикамья (Ермаков, 2011, с. 174–176, №6). Большое внимание уделено истории зарождения, становления и развития системы городских общественных банков в России (Чумакова, 2010).

Историография банковского дела появилась в первой половине XIX в. Так, например, экономист и общественный деятель Н.С. Мордвинов еще в 1829 г. опубликовал «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (Рассуждение о пользах, 1829, с. 1–27). Автор пришел к выводу о том, что «богатство народное исчисляется количеством и великостью капиталов, собранных в запасы и превращенных в имущества постоянные и неиждиваемые» (Рассуждение о пользах, 1829, с. 15).

Тем не менее, остался неизученным вопрос о влиянии общественного банка Казани на развитие коммерческих операций городского купечества, о его роли в развитии вексельных обязательств, системе кредитных отношений. В данной статье мы попытаемся устранить этот пробел.

В 1847 г. было издано «Высочайше утвержденное Положение об общественном банке Казани» (ПСЗ–2, 1848, с. 386–393, т. XXII, №21160). Банк открылся 2 января 1848 г., значительно расширив возможности кредитования и пользования вексельным правом для купцов, также как увеличилась возможность удачно сбыть продукцию собственного производства или покупной товар. Общественный банк был учрежден с целью «производством ссуд доставить местным гражданам вспомоществование в торговых их оборотах, а на получаемые от того проценты содержать Дом Призрения неимущих, престарелых граждан» (Положение об общественном банке в г.Казани // Журнал мануфактур и торговли, 1847, с. 13–34, №7).

Банк выполнял три основные операции: прием вкладов, учет векселей и производство ссуд под залог движимого и недвижимого имущества¹.

¹ Вклады принимались в размере не менее 10 рублей серебром от частных лиц и 30 рублей – от казенных мест, процентная ставка составляла 4% в год (при сроке вклада не менее года). При востребовании денег раньше этого срока про-

В первый год открытия банка поступило вкладов 101 001 рубль 7 копеек, учтено векселей на 97 940 рублей 79 копеек и выдано ссуды под залог каменных строений 13 094 рубля 57 копеек. Учетный процент по кредиту составлял 6%, по вкладам – 4%, а с 1858 г. – 3% (Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка...», 2005, с. 352–364).

В структуре активов банка преобладали вексельные операции. Все коммерческие операции с использованием векселя регламентировались Вексельным уставом 1832 г., который действовал до 1882 г. (ПСЗ–2, с. 405–420, т. VII, №5462). В 1859 г. было учтено векселей на сумму 604 200 рублей, в 1869 г. – 2 238 200 рублей (Операции Казанского городского общественного банка, 2005, с. 380–381). Данные за 1861 год расходятся – из отчета Общественного банка видно, что векселей было принято на сумму 995 128 рублей (Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка...», 2005, с. 352–364), однако при подсчете сумм, указанных на векселях и записанных в книгу «Алфавит заемщиков банка», обнаружена сумма в 2 669 885,6 рублей (НА РТ, ф. 144, оп. 1, д. 139). Однако это расхождение не оказывает существенного влияния на общую картину: в дореформенный период наблюдалась положительная динамика кредитования купцов и мещан «под учет векселей».

В России отдавалось предпочтение простым векселям, предусматривавшим отношения «заемщик-кредитор». Общественный банк Казани принимал также переводные векселя. Фабрикант, не желая допустить остановки производственного цикла, для оплаты сырья брал деньги в долг, оформлял вексель, но оплачивать его должен был крупный оптовик. Последний, в свою очередь, передавал вексель мелким торговцам. Например, почетный гражданин Казани, купец 3-й гильдии Арсаев Фаткулла Юсупович в 1861 г. передал банку вексель на Якупова Хасана Исхаковича, с «бланковой надписью» от Лебяжина (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 139, л. 1 об.–2).

Отныне, отдав на ярмарке товар за вексель, купец не ждал срока, указанного для погашения векселя, а в ближайшие дни отправлялся в банк и получал сумму, указанную в этой ценной бумаге. Векселедавец становился должником не купца, а банка. В 1848 г. таких коммерсан-

центы не выплачивались. Существовали определенные правила при востребовании денег: сумма менее 10 тысяч рублей могла быть выдана в течение 7 дней, свыше – в течение месяца.

тов-заемщиков банка насчитывалось 76 (НА РТ, ф.144, оп.1, д.5), в 1855 г. – уже 562 человека (НА РТ, ф.144, оп.1, д.18). В 1861 г. банк выдал кредит под залог векселей 527 коммерсантам (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139).

Банк мог принимать векселя только от купцов и мещан Казани и губернии, производивших торговлю, имевших недвижимую собственность, или содержавших заводы или фабрики, и выдавать кредит. Среди заемщиков подавляющее большинство составляли казанские предприниматели, отмечено лишь несколько человек из других городов Казанской губернии. Например, свияжский купец Рахматуллин Ахметъян Файзуллович взял кредит в 1861 г. на сумму 9116,92 рублей (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139). Среди заемщиков банка – арские, чистопольские, лаишевские, царевококшайские и чебоксарские купцы. Банк был известен и за пределами губернии – имелись случаи кредитования купцов и мещан Малмыжа, Сарапула (Вятской губернии), Нижнего Новгорода (Нижегородской губернии), Ирбита (Пермской губернии), Севастополя (Таврической губернии), Ялуторовска, Ишима (Тобольской губернии). Это не означает, что банк нарушал требования законодательства – во всех случаях кредит выдавался под залог векселей, а они, в свою очередь, должны были погашаться купцами и мещанами Казанской губернии. Так, севастопольский купец Криваксин Яков Прокофьевич в 1861 г. занял в банке под залог векселя 3000 рублей (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139, л.52 об.). Сарапульский 3-й гильдии купец Ижболдин Григорий Львович взял кредит на сумму 5000 рублей под залог векселя на имя казанского купца Унженина Степана (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139, л.46 об.). Малмыжский 2-й гильдии купец Ишмуратов Шагиакбер взял кредит на сумму 14500 рублей, предоставив векселя на имя казанских купцов Абдуллина Губая Абдулловича, Чукина Валея Юсуповича (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139, л. 45 об. – 46).

Векселя, принимаемые к учету, должны были соответствовать определенным требованиям: иметь законную форму, быть сроком не более 12 и не менее 1 месяца, суммой не выше 1500 рублей серебром. В реальности эта норма не соблюдалась – уже в первый год работы банка заемщики предъявляли векселя на сумму 2000 и 3000 рублей серебром (НА РТ, ф.144, оп.1, д.5, л. 2 об.–3).

Банк был обязан следить за тем, чтобы кредит участвующих в вексельном долге лиц, т.е. как предъявителя, так и векселедателя, в совокупности не превышал следующих размеров: для купцов 1-й гильдии 4000 рублей, 2-й гильдии – 3000 рублей, 3-й гильдии – 2000

рублей, и для мещан 500 рублей серебром (ПСЗ–2, 1848, с. 389, т. XXII, №21160). Однако на практике было совсем иначе. Сумма кредита, по нашим подсчетам, для татар-мусульман простиралась от 400 до 26600 рублей в год, для других этноконфессиональных групп – от 100 до 69000 рублей. Интересно отметить, что между социальным положением человека, бравшего кредит, и суммой, которую ему выдавал банк на один год, связи в источниках не просматривается. Так, например, мещанин мог взять вдвое, втрое больше кредита, чем купец. Казанский мещанин Свешников Абдюшит Апсаламович, владелец свечно-сального предприятия в Ново-татарской слободе, в 1861 г. взял в банке кредит на сумму 2550 рублей, предъявив два векселя – 2000 и 550 рублей (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 139, л. 113 об.).

Купцы 3-й гильдии кредитовались зачастую на сумму гораздо большую, чем купцы первых двух гильдий. Купец 3-й гильдии Абдуллин Губай Абдуллович взял кредит на сумму 16500 рублей, а купец 1-й гильдии Батулин Игнатий Ульянович (сын владельца солодовенного предприятия Казани) – 8200 рублей (НА РТ, ф.144, оп.1, д.139, л.1 об.–2, 11 об.–12). Эти сведения позволяют утверждать, что сословные ограничения, установленные законодательством, не соответствовали потребностям коммерсантов и препятствовали развитию капиталистических отношений, поэтому все участники кредитной операции стремились к обоюдному обогащению вопреки требованиям Положения. В книге «Алфавит заемщиков банка» лишь в единичных случаях указывается купеческая гильдия, в которой состоял заемщик. Из 44 заемщиков-мусульман в 1861 г. указана гильдия лишь у 10 купцов (23%). В 20% случаев социальное положение заемщиков вообще не указывалось – за 1861 г. отсутствуют сведения о 103 заемщиках из 527, из них 5 мусульман (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 139)².

При выдаче денег по векселю банк вычитал из выдаваемой суммы 0,5% за каждый месяц, остающийся до срока погашения, а также предлагал сделать пожертвование в пользу Дома призрения. В случае согласия клиента, в специальную прошнурованную книгу записывалась сумма пожертвования.

Ежегодно банк должен был отчитываться перед городской думой и городским обществом о проведенных операциях, после этого чистая прибыль банка распределялась следующим образом: 1/3 часть присоединялась к общему оборотному капиталу, для его увеличения, 2/3 –

² Подсчитано нами.

отчислялись на содержание Дома призрения и другие расходы по усмотрению думы. В случае полного обеспечения Дома призрения всем необходимым допускалось тратить средства на другие благотворительные мероприятия с согласия военного губернатора.

Городское общество проверяло достоверность отчетов, предоставляемых банком, посредством назначения двух-трех купцов для организации сверки отчета и банковских книг (предусматривалось заведение шести книг: журнальной, кассовой, главной, курантной – с общим счетом каждого заемщика, книга для записки предъявления векселей и залогов, о жалованной и расходной банковской сумме).

Чтобы определить роль Казанского общественного банка в системе торговых операций купечества, следует учитывать общее количество купцов, зарегистрированных в Казани, и сумму их объявленного капитала: в 1848 г. было объявлено 232 капитала на сумму 799800 рублей (Материалы для географии и статистики России, 1861, с. 399, т. 8), системой банковского кредита «под учет векселей» воспользовалось 76 человек (33%) (Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка...», 2005, с. 352–364).

Следует учесть, что размер объявленного капитала в реальности был намного больше, чем сообщали купцы, так как для вступления в ту или иную гильдию требовалось наличие минимальной суммы, в пределах, установленных законодательством³. Истинные суммы торговых оборотов были известны лишь самому купцу, оставались на его совести и могли быть преданы огласке в случае признания виновности купца в «злонамеренном банкротстве» (Свердлова, 2014, с. 176–183).

За десятилетие с 1848 по 1858 г. число купцов Казани увеличилось в полтора раза, был объявлен 351 капитал на сумму 1224000 рублей серебром. Количество татарских купцов увеличилось примерно на 1/4, и было объявлено 83 капитала. В дальнейшем наблюдается положительная динамика пользования банковским кредитом. В 1861 г. уже 44 татарских коммерсанта взяли кредит под залог вексельных обязательств (11% от общего числа заемщиков). Среди заемщиков Казанского общественного банка преобладали купцы (36 человек, или 82%), затем мещане (3 человека, или 7%). Социальный состав 5 человек установить не удалось (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 139).

³ Например, с 1807 г. и на протяжении первой половины XIX века для вступления в 1-ю гильдию купцу требовалось указать наличие капитала в размере 50000 рублей, во 2-ю – 20000 и в 3-ю – 8000 рублей.

Среди наиболее крупных заемщиков-татар следует назвать казанского купца Лебяжина Муртазу Мустафича (получил в 1861 г. от банка 26600 рублей в обмен на векселя), Чукина Хусаина Юсуповича (21900 рублей), его братьев Чукина Абдулвалея Юсуповича (14000 рублей) и Чукина Якупа Юсуповича (15500 рублей), Козлова Абдулвалея Измайловича (15500 рублей), Усманова Зиганьшу Мухаметовича (10000 рублей), Мусина Гайсу (8000 рублей), Бигаева Вафу Галикеевича (8000 рублей) и других (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 139).

Общественный банк сыграл роль катализатора в процессе становления нового слоя торгово-промышленной буржуазии. Гайса Мусин, например, перешел в казанское купечество в 1856 г. из мещан в возрасте 40 лет. Он являлся купцом 3-й гильдии, был женат, имел троих детей (НА РТ, ф. 144, оп.1, д. 18, л. 60 об.). С 1859 г. – активный заемщик банка, брал кредит сначала по 2000 рублей, а в 1861 г. – 8000 рублей. Мещанское происхождение замечено также у Бигаева Вафы, который в 1850 г. в возрасте 28 лет перешел в купечество. С 1855 г. – активный заемщик банка, до 1858 г. брал кредиты каждый год на сумму 6000 рублей, а в 1861 – 8000 рублей (НА РТ, ф. 144, оп.1, д. 18, л. 98 об. – 99).

Усманов Зиганьша стал купцом 3-й гильдии в 1851 г. в возрасте 35 лет, происходил из крестьян. Был женат, но детей не было (НА РТ, ф.144, оп. 1, д. 2823, л. 20–21).

Чукин Абдулвалей Юсупович, купец 2-й гильдии, торговал с 1839 г. сырьем, салом, воском. Являлся активным заемщиком банка до 1883 г., сумма кредита составляла от 10 000 до 15000 рублей в год (НА РТ, ф.144, оп. 1, д.380, л.1об.–124). Необходимо отметить, что все они являлись представителями торгового капитала. Промышленников и фабрикантов среди нового поколения коммерсантов-заемщиков банка обнаружено не было.

Вся процедура получения денег в банке в обмен на векселя занимала всего сутки. Так, например, получив заявку на проведение операции обмена 25 октября, банковские работники совещались 26 октября, и, приняв положительное решение, тут же выдали деньги в размере, соответствующем сумме, указанной в векселе. Отчет процентного роста начался с 25 октября (НА РТ, ф.144, оп. 1, д.380, л.1об.–124).

В 1848 г. лишь один татарский 3-й гильдии купец Хусаин Юсупович Чукин воспользовался правом продать вексель своего должника стоимостью 2000 рублей банку (1% от общего числа заемщиков банка). Должник – казанский купец Измаил Юсупов – взял товар на указанную сумму 20 января 1848 г., а через год должен был заплатить

серебром, но в этот же день вексель был «продан» в банк за 2000 рублей серебром (НА РТ, ф.144, оп. 1, д.5, л.2 об.–3). Эта сумма составляла всего 2% от общего размера кредитов, выданных банком под учет векселей.

Купечеством Казани был найден интересный способ получения банковского кредита без фактического залога имущества. Согласно Положению об общественном банке Казани, запрещалось принимать к учету обоюдные векселя, то есть данные взаимно двумя лицами в одно и то же время (ПСЗ–2, 1848, с. 389, т. XXII, №21160). Однако архивные источники свидетельствуют, что данная мера на практике не соблюдалась: купцы писали друг на друга векселя на одну и ту же сумму, со сроком погашения в один и тот же день, и получали в банке кредит. Так, взаимно окредитовали друг друга на сумму 4000 рублей казанский 3-й гильдии купец Муса Шатунов и казанский купец Мухамет Арсаев. Срок погашения вексельного долга у обоих должен был наступить 25 мая 1857 г. Взаимные векселя в период с 1855 по 1860 г. выдали 23 татарских коммерсанта из 30 (то есть 77%) (НА РТ, ф.144, оп.1, д.18, л. 1 об., 116 об.). Целью юридического оформления фактически несуществующего долга, с нашей точки зрения, было получение кредита в банке для осуществления торгово-промышленной деятельности.

В 1851 г. общественные банки должны были работать в новых условиях: для выдаваемых на срок менее года кредитов устанавливалась 6%-ная ставка, а для остальных – 5% (ПСЗ–2, 1860, с. 574, т. XXXIII, №33116). Лишь только 26 июня 1861 г. городским банкам было разрешено самим определять проценты как по вкладам, так и по ссудам, с требованием предупредить за месяц своих клиентов (ПСЗ–2, 1863, с. 995–996, т. XXXVI, № 37150).

Получивший в обмен на векселя ссуду от банка обязан был предупредить векселедателя, своего должника, что отныне он – должник банка. В случае желания погасить долг заранее, уплаченные вперед проценты клиенту не возвращались.

Предъявитель векселя мог заблаговременно рассчитаться с банком и забрать вексель, чтобы самому взыскать с векселедателя необходимую сумму. Второй вариант развития ситуации – банк разыскивал векселедателей и применял к ним допустимые законом меры. Для возврата долга был установлен определенный срок – 10 льготных дней (дни «грации», как их называли). По истечении этого срока вексель протестовали у нотариуса или маклера, обращались в ратушу или магистрат с целью опечатать движимое имущество должника, либо наложить на имение секвестр (арест). После истечения двухнедельного срока секвестр

строванное имущество продавалось с аукционного торга, и сумма долга отдавалась банку. Банку предписывалось иметь специально для записи таких должников «черную книгу», с целью не допустить в дальнейшем их кредитования. Вексельные операции относились к числу самых надежных – в 1861 г. всего в 3% случаев векселя приходилось протестовать, т.е. требовать взыскания задолженности по закону.

Вклады в банк являются пассивной коммерческой операцией. В дореформенный период наблюдалась положительная динамика роста вкладов. В 1858 г. была предпринята попытка накопления средств со стороны Татарской мещанской конторы, однако вложенные деньги пришлось забрать через 2 месяца без выплаты процентов со стороны банка. Сумма вклада была весьма незначительной – 125 рублей (НА РТ, ф.144, оп.1, д.21, л.180 об.–181). Зачастую вклад делали по решению сиротского суда, в рамках решения дел об опеке над имуществом купцов. Среди татарских купцов вкладчиков Казанского общественного банка не было.

В целом по губернии коммерческие операции проходили по следующим направлениям: арендное содержание и наем недвижимых имуществ (в 1858 г. составило сумму 25067 руб. 96 коп.), займы по векселям и заемным письмам (458774 руб. 90 коп.), торговые договора и сделки на продажу разных товаров (849165 руб. 8 коп.), перевозка товаров в разные места и с разных пристаней (640188 руб. 45 с коп.), личный найм (2227 руб. 14 с коп.) – всего на сумму 1975423 рубля 55 копеек. Кроме того, в структуре коммерческих операций учитывались купчие на недвижимые имущества, дарственные записи, отдельные акты, духовные завещания (всего в 1858 г. на сумму 1266502 руб. 12 с коп.) (Материалы для географии и статистики России, 1861, с. 577–578).

Для развивающихся товарно-денежных отношений, промышленного производства необходимо было иметь капиталы. Купечество Казани имело возможность обращаться к многочисленным ростовщикам, имевшим право взимать в 1786 г. не более 5% годовых (ПСЗ–1, 1848, с.614, т. XXII, №16407), а с 1808 г. – 6% годовых (ПСЗ–1, 1830, с. 653–654, т. XXX, №23317). Но к началу XIX века они уже не могли удовлетворять потребности предпринимателей в наличных средствах.

В банковской системе первой половины XIX века роль кредитного учреждения выполняли Приказы общественного призрения. Они осуществляли две банковские операции: принимали вклады на срок не менее трех лет от частных лиц с уплатой 4% годовых и выдавали ссуды под залог недвижимых имений (Свердлова, 2011, с.130). В Казани

Приказ общественного призрения действовал с 1781 по 1870 год. В 1858 г. Приказ имел вклады на сумму 5043422 руб. 30 с коп., в том числе в ссудах 2362328 руб. 94 с коп., в разных кредитных учреждениях 2 679 725 руб. 57 с коп. В 1849 г. при Приказе была открыта сберегательная касса с оборотом 115212 руб. 4 коп. (Материалы для географии и статистики России, 1861, с.577–578).

Первый период деятельности Казанского общественного банка (1848–1862 гг., с момента открытия первого операционного года до появления Положения о городских общественных банках) характеризовался отсутствием конкурентов не только в Казани, но и во всем Поволжье. В Чистополе городской общественный банк был открыт в 1864 г. (Ермаков, 2011, с.174).

Получив от Приказа общественного призрения в 1848 г. 30 744 руб., банк смог увеличить собственный капитал в 1862 г. до 132,6 тыс. руб., т.е. в 4,3 раза, а прибыль – с 6,5 до 88,4 тыс. рублей (13,5 раза); вклады возросли с 65, 5 до 1089,5 тыс. руб. (в 16,6 раза); учет векселей – с 91,7 до 1179, 2 тыс. руб. (12, 8 раза) (Гибадуллин, 2010, с.74).

Открытие первого и единственного акционерного банка, являвшегося настоящим коммерческим кредитным учреждением Казанской губернии, состоялось 26 января 1873 г. Это был Казанский купеческий банк (Саетгараев, 2008). Следует сказать, что на первое место в активных операциях этого банка, по аналогии с Казанским общественным банком, был поставлен учет векселей (Саетгараев, 2007, с.10–14).

В рассматриваемый период купцы Российской империи могли брать кредит не только у частных лиц, но также в государственном заемном банке, сохранной казне воспитательных домов под залог недвижимых имений.

Казанские жители всех сословий имели право получать кредит под залог своих мануфактур и каменных городских строений. Для этого необходимо было предъявить купчую крепость и свидетельство казанского городского магистрата по форме, специально изданной для кредитных учреждений. Затем присяжные оценщики в письменной форме должны были уведомить банк о стоимости имущества. Банк выдавал только половину от суммы оценки. В момент открытия банка, то есть в 1848 г., максимально возможный кредит под залог недвижимого имущества мог составлять 2000 рублей серебром. Срок кредита не мог превышать 3-х лет, причем проценты за первый год (6% годовых) взимались сразу же при выдаче кредита, а остальные заемщик был обязан вносить за каждый год вперед. Казенная палата гражданского суда делала распоряжение о запрете на продажу заложенного

имущества. Кредит выдавали и под залог драгоценностей (золотых, серебряных, жемчужных вещей, свинца, поташа, шадрика, железа, меди). Эти вещи также подвергали оценке, и банк выдавал ссуду, равную половине их стоимости, на срок 6 или 8 месяцев под 0,5% за каждый месяц. Громоздкие вещи, которые нельзя было разместить в кладовой банка, заемщик мог хранить у себя в кладовых, перевезти в гостинный двор или амбар (аренда помещения и перевоз за собственный счет). Несмотря на то, что вещи были заложены, и на дверях склада должны были стоять замки и печати банка, все же хозяину разрешалось их продать, но перед передачей покупателю обязательно уплатить банку всю ссуду. По истечении срока платежа можно было перезаложить вещи в течение одного месяца и заплатить банку проценты за просрочку и проценты за следующий период кредитования.

Часть ссуды предписывалось выдавать кредитными билетами. Кредитные билеты имели право хождения по всей Российской империи наравне с серебряной монетой. Однако одновременно можно было обменять на серебро не более 100 рублей. Процентная ставка за ссуду кредитными билетами составляла 5%, из которых 1% разрешалось тратить по усмотрению кредитной организации, а оставшиеся 4% использовались исключительно для приращения фонда (Постановления и распоряжения правительства. Об учреждении кредитных билетов // Журнал мануфактур и торговли, 1841, №7, с. 1–7).

В 1841 г. были открыты сберегательные кассы при сохранных казнах воспитательных домов, в которых была установлена ставка 4% годовых. Однако сумма вкладов от одного лица не могла превышать 300 рублей серебром, что было невыгодно для крупных вкладчиков (Постановления и распоряжения правительства. Об учреждениях сберегательных касс // Журнал мануфактур и торговли, 1841, с. 161–172, №11). Главной функцией сберегательных касс являлось сохранение мелких сумм временно свободных средств для осуществления крупных покупок в будущем. В Казани такая сберегательная касса существовала при Казанском приказе общественного призрения, минимальная сумма вклада должна была составлять 50 копеек серебром, максимальная – 750 рублей (Гибадуллин, 2005, с. 345–351).

В России указ, гарантирующий банковские вклады, был издан сразу же после открытия депозитной операции для «партикулярных» лиц. С конца XVIII в. и до 1830 г. процентная ставка в кредитных установлениях неизменно составляла 5%, а с 1830 г. по 1857 г. – 4% годовых (Английский банк, для сравнения, в этот период гарантировал

частным сберегательным кассам примерно 4,6% годовых) (Абдулкадиров, 2000, с. 49).

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что Общественный банк сыграл важную роль в финансировании торговли и промышленности, ускорил процесс становления нового слоя предпринимателей, которые могли получить свободные денежные средства для организации торговли как в Казанской губернии, так и за ее пределами. Средства, выдаваемые банком предпринимателям, позволяли организовать непрерывный производственный процесс и расширить производство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулкадиров М.Х.* Государственная политика России в становлении и развитии сберегательного дела в стране в XIX – начале XX вв.: Исторический аспект исследования: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Марат Хамзяевич Абдулкадиров. – М., 2000. 255 с.

2. *Ганжов Е.А.* Из истории городских общественных банков (на материалах Положений о городских общественных банках и Полного свода законов Российской империи) / Е.А. Ганжов, А.Н.Мошкин, В.П.Касаткин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. XXI. 2012. № 1 (120). С. 152–157.

3. *Гибадуллин М.З.* Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли / М.З.Гибадуллин // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. №1. С.73–83.

4. *Ермаков В.В.* Городские общественные банки и благотворительная деятельность в Прикамье / В.В. Ермаков // Власть. 2011. №6. С. 174–176.

5. *Из «Отчета о деятельности Казанского городского общественного банка за пятьдесят лет с 1848 по 1898 год»* // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллина. – Казань, 2005. С. 352–364.

6. *Материалы* для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба // Казанская губерния / Сост. М.М.Лаптев. – М., 1861. Т. 8. 616 с.

7. *НА РТ.* Ф.144. Оп.1. Д.5.

8. *НА РТ.* Ф.144. Оп.1. Д.18.

9. *НА РТ.* Ф.144. Оп.1. Д.139.

10. *Операции* Казанского городского общественного банка в 40–90-е годы XIX в. // История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллиной. – Казань, 2005. С. 380–381.

11. *Положение* об общественном банке в г.Казани // Журнал мануфактур и торговли. 1847. №7. С. 13–34.

12. *Постановления и распоряжения правительства. Об учреждении кредитных билетов* // Журнал мануфактур и торговли. 1841. №7. С. 1–7.
13. *Постановления и распоряжения правительства. Об учреждениях сберегательных касс* // Журнал мануфактур и торговли. 1841. №11. С. 161–172.
14. *ПСЗ–2.* – СПб., 1833. Т. VII. №5462. С. 405–420.
15. *ПСЗ–2.* – СПб., 1848. Т. XXII. №21160. С. 386–393.
16. *ПСЗ–1.* – СПб., 1830. Т. XXII. №16407. С. 614.
17. *ПСЗ–1.* – СПб., 1830. Т. XXX. №23317. С. 653–654.
18. *ПСЗ–2.* – СПб., 1860. Т. XXXIII. №33116. С. 574.
19. *ПСЗ–2.* – СПб., 1863. Т. XXXVI. № 37150. С. 995–996.
20. *Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков* / Сост. адмирал Мордвинов. – СПб., 1829. С.1–27.
21. *Саетгараев И.И.* Из истории создания и деятельности Казанского купеческого банка / И.И.Саетгараев // Вестник ТГГПУ. 2007. №1 (8). С. 10–14.
22. *Саетгараев И.И.* Становление и развитие финансового капитала в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саетгараев Ильдар Искандарович. – Казань, 2008. 210 с.
23. *Свердлова Л.М.* Из практики правового регулирования случаев банкротства в Казани в конце XVIII – начале XIX веков / Л.М.Свердлова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 4. – Казань, 2014. С. 176–183.
24. *Свердлова Л.М.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XIX в.) / Л.М.Свердлова. – Казань, 2011. 318 с.
25. *Чумакова А.С.* Зарождение и развитие системы городских общественных банков в России второй половины XIX – начала XX в. (на материалах Симбирской губернии): монография / А.С. Чумакова. – М., 2010. 208 с.

Список сокращений

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи, Собрание 1-е.

ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи, Собрание 2-е.

Информация об авторе

Кореева Наталья Анатольевна, преподаватель истории Государственного автономного профессионального образовательного учреждения «Колледж малого бизнеса и предпринимательства» (г. Казань); KoreevaNata@mail.ru

Koreeva Nataliya Anatolievna, teacher, State autonomous professional educational Institution «College of small business and entrepreneurship» (с. Kazan); KoreevaNata@mail.ru

ПРИПУСКНЫЕ ЗАПИСИ XVIII ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАШКОРТОСТАНЕ¹

© 2015 г. Е.С. Косых

В статье рассматриваются припускные записи – гражданско-правовые акты, регулирующие сделки с землей на территории Башкортостана в XVIII веке. Припуск осуществлялся путем сдачи в аренду башкирских вотчинных земель отдельному лицу или группе лиц на определенных условиях: уплаты ясака, денежного или натурального оброка, выполнения ряда повинностей в пользу владельца земли. В числе припущенников были представители всех сословий: мурзы, князья, мусульманское духовенство, служилые люди и крестьяне разных национальностей, безземельные башкиры. Сдачей земли в аренду занимались как башкиры, так и пришлое население.

Соглашение о припуске чаще составлялось письменно на русском языке, допускался и старотатарский – язык тюрки. Договор регистрировался в административных органах – Уфимской приказной избе (позже Уфимской провинциальной канцелярии).

В аренду сдавались пахотные земли, сенокосы, рыбные ловли, мельничные места, реже – бобровые гоны, что особо оговаривалось при заключении сделки. За нарушение предусматривались штрафные санкции. Были случаи самовольного захвата земли. Жалобы башкир в административные органы не всегда удовлетворялись. К началу башкирского восстания 1735 г. между башкирами и их припущенниками накопилось много спорных вопросов, не решенных к началу XIX века.

Документы позволяют охарактеризовать масштабы развития и территорию распространения земледелия среди башкир, поземельные отношения между башкирами, их припущенниками, а также русским населением. Припускные договоры свидетельствуют о широком распространении частноправовых сделок с землей.

Ключевые слова: Уфимская приказная изба, подъячий, припуск, припущенник, вотчинное право на землю; волость; ясак; оброк.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ №В15–40.

**PRIPUSKNYE RECORDS OF THE EIGHTEENTH CENTURY
AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF LAND RELATIONS
IN BASHKORTOSTAN**

E.S. Kosykh

In this article the pripusknye records are discussed – civil-legal acts which were regulating land transactions on the territory of Bashkortostan in the 18th century. The pripusk was carried out by letting the Bashkir patrimonial land to an individual or a group of individuals on certain conditions: the payment of tribute, in cash or in kind handling certain duties in favour of the land owner. The pripushchenniks were representatives of all classes: Murza, princes, Muslim clergy, service people and peasants of various nationalities, landless Bashkirs. The Bashkirs and migrants were rented the land lease. Lease agreement often drawn up in writing Russian, and old Tatar language was allowed – a Turkic. The contract was registered in the administration – Ufa's Writ House (later the Ufa's Provincial Office).

The arable land, hayfields, fishing, mill place, at least – beaver gons that specifically stated in the transaction were rented. The penalties were provided for violation. There have been cases of an unauthorized takeover of the land. The Bashkirs' complaints to the administrative bodies had not been satisfied. By the beginning of the Bashkir uprising at 1735 there had been accumulated lots of issues between the Bashkirs and their pripushchenniks, which were not resolved by the beginning of the 19th century. The documents allow us to characterize the scale of development and the geographical distribution of agriculture among the Bashkirs, the land relationships between themselves, their pripushchennik, and the Russians. Pripusknye contracts show us a wide spread of private land transactions.

Keywords: Ufa's Writ House, clerk, pripusk (leasehold), pripushchennik (migrants), patrimonial right to land, volost, yasak (tribute), servage.

После присоединения к Русскому государству в середине XVI в. башкиры получили вотчинное право на землю. Монопольным собственником всей земли было государство, а право владения имели племена и роды, что было закреплено в жалованных грамотах. Башкиры-вотчинники имели право владения, пользования и распоряжения землей. Башкирская община (волость) являлась коллективным собственником земли, при этом каждый общинник формально имел равные права (Башкортостан, 1996, с. 214).

Вотчинное право осуществлялось в форме права распоряжения своим индивидуальным участком кочевья – *повытьем*. Хозяин повытьем мог припустить в свою вотчину посторонних людей, сдать ее в аренду (в кортому), оставить по наследству своим детям, отдать в качестве калыма тестю, продать. Распоряжение отдельного лица своим участком почти не отличалось от права собственности, но в целом вся башкир-

ская волость сохраняла право на общинную землю (Очерки по истории БАССР, 1956, с. 92). Всеми законными правами участия в вотчинном землевладении обладал только *асаба* – полноправный член общины, ведущий собственное хозяйство (Башкортостан, 1996, с. 129). Лицо, лишенное вотчинного права на землю и вытесненное из своей общины, переходило в разряд *припущенников*.

Вотчинники-асаба могли разрешить представителям различных сословий поселяться в своих владениях на условиях аренды и вести хозяйство, могли требовать выселения тех арендаторов, которые не выполняли условий припуска, хотя это право не всегда соблюдалось.

Институт припуска стал широко распространенной формой земельных отношений по мере притока крестьян из центральных районов страны и Среднего Поволжья. Припуск осуществлялся путем сдачи в аренду башкирских вотчинных земель (пашенных, сенокосных, рыбных, рудных) отдельному лицу или группе лиц на определенных условиях: уплаты ясака, денежного или натурального оброка, выполнения ряда повинностей в пользу владельца земли. К числу припущенников относились ясачные татары, чуваша, мари, мордва, удмурты, русские, служилые татары и мишари (История Башкортостана., 1996, с. 200). Припущенники сохраняли прежнюю сословную принадлежность, кроме беглых крестьян, которых, как правило, записывали в разряд казенных (Асфандияров, 1987, с. 62). Служилые татары и мишари, получив надельные земли от государства, дополнительно арендовали у башкир и были обязаны выполнять условия припуска.

В числе припущенников были как представители феодальной верхушки – мурзы, князья, мусульманское духовенство, так и служилые люди – мишари, казаки, но в большинстве своем припущенниками становились ясачные, государственные и беглые помещичьи крестьяне разных национальностей. На общинные земли вотчинниками припускались также отдельные башкиры или их группы. Часто это были те, кто лишился своих земель в результате захватов заводами, а также участники восстаний (Асфандияров, 2006, с. 134). Сначала припущенники заселяли северные и северо-западные районы Башкирии – Осинскую и Казанскую дороги. С 20–30-х гг. XVIII века переселенцы стали заселять внутренние районы Ногайской и Сибирской дорог.

С 90-х гг. XVI в. управление территорией Уфимского уезда осуществлялось Приказом Казанского дворца (Азнабаев, 2010, с. 181). Договоры об аренде-припуске были в ведении воеводской канцелярии – Уфимской приказной избы (Ерошкин, 2008, с. 72). В подчинении вое-

воды находились дьяк, подъячие, целовальники, таможенные головы, годовальщики, толмачи и переводчики. Делопроизводством занимались подъячие, преимущественно из русских служилых людей (Хайбуллин). Основу административного аппарата составляли подъячие, занимавшиеся делопроизводством. Подъячие занимали почти равное с воеводой положение (Лезина). Поступая на службу, подъячий давал письменную присягу на верность и честность государю. В Уфимской приказной избе хранились государевы грамоты Приказа Казанского дворца, печати, приходные и расходные документы, отказные книги на поместья, ввозные и раздельные грамоты, спорные дела: земельные, имущественные, уголовные (Хайбуллин). В приказных избах рассматривались управленческие и крепостные дела, не требующие судебного разбирательства. В Уфимской приказной избе фиксировались и заверялись припускные договоры, они имели сложный состав сторон, что вносило в крепостной порядок региональную специфику.

Частноправовые договоры по оформлению сделок с землей наиболее полно представлены в Записных книгах г. Уфы (Материалы..., 1949, с. 5). Часть этих документов включена в третий том «Материалов по истории Башкирской АССР» (Материалы..., 1949). Из документов следует, что припускали как для наживы, так и в помощь в уплате ясака – поземельного налога. Ясак платили деньгами, шкурками куницы, медом. В 1709 г. башкир Сибирской дороги Елдяцкой волости Калы Кусякин оформил поступную запись на свое повытье общей вотчины башкиру той же волости Кинзибею Акчувашеву. Калы «от скудости своей» уступил Кинзибею «пашенныя земли», «звериныя ловли и сенные покосы» и бортные угодья. Взамен он получил «лошадь за 4 руб. да 2 руб. денег, да капканное железа, да шубу овчинну, да 20 копен сена» (Материалы..., 1949, с. 54). В 1711 г. Калый Кусякин, опять припустил земляков, башкир Челжеутской волости Сеита Кемеева с братьями, в свое повытье. Условия несколько изменились: Сеит Кемеев с родственниками могли «в лесу борти делать, зверя всякого и птицу ловить. А бобров им... в той вотчине не ловить», «...бревна и дрова рубить и лубья снимать, и сено косить, и пашня пахать, и в мирские поборы и в оманаты давать нам обща». Калы Кусякин уступил часть своего жеребья на условиях уплаты ясака в размере 2 гривен в год (Материалы..., 1949, с. 77). По содержанию припускных записей мы можем судить, что и вотчинник Калы Кусякин и припущенники башкиры занимались земледелием.

Соглашение об аренде-припуске чаще составлялось письменно, хотя допускалась и устная форма. Письменный договор мог составляться как на русском языке, и тогда он регистрировался в административных органах, так и на старотатарском – языке тюрки, в этом случае регистрации он не подлежал, но сохранял силу нормативно-правового акта. Если возникали спорные вопросы, он мог быть переведен на русский и зарегистрирован. В договоре указывалось: «Толмачил Максим Погорской. Свидетели: площадные подъячие Филип Басов, Григорий Лузгин» (Материалы..., 1949, с. 94). Если припущенниками были русские или мордовские крестьяне, служилые люди разных национальностей, чиновники, то запись составлялась сразу на русском языке. Один экземпляр хранился в административном учреждении, другой выдавался припущенникам (Рахматуллин, 1988, с. 137).

В 1706 г. башкир Казанской дороги, Иланской волости Балты Алметев дал запись припущеннику своего отца ясачному татарину Ишкине Иштерекову о возобновлении его припуска, так как «запись ... у него, Ишкини, згнила». Условия припуска за прошедших семь лет не изменились: «зверя побивать», «борти делать», «дупленницы искать», «сена косить», «пашня пахать». Ишкиня же должен платить «по кунице в год» (Материалы..., 1949, с. 18).

В качестве свидетелей в большинстве случаев записаны сами приказные подъячие, зарегистрировавшие сделку. Благодаря такой прорехе в законодательстве, установить факт злоупотребления подъячих было трудно. Должность подъячего была прибыльной, служили целыми семьями. В «Материалах по истории Башкирской АССР» указаны Протопоповы Иван, Данил, Василий, Андрей, Аврам и Борис; Алмазовы Алексей и Иван; Ногаевы Василий, Илья, Наум, Никифор и Яков и др. (Материалы..., 1949, с. 586, 620, 622). Все они занимали различные должности – подъячих, писцов, толмачей, копиистов, канцеляристов – в Уфимской приказной избе и Уфимской провинциальной канцелярии.

В 1709 г. башкиры Казанской дороги Шамшадинской волости Русай Иванаев «и все тое волости башкирцы з братьями и с племянники своими» дали запись бирскому толмачу Любиму Кондакову на вотчинную землю за рекой Белой. В записи упоминаются семь озер и «мелкие озерки», за которые толмач Л. Г. Кондаков должен был платить «по семи куниц в год беспереводно». К записи приложены тамги семи родов, свидетелями значатся четверо подъячих (Материалы..., 1949, с. 51). Также тщательно оформлена сделка башкир Енейской волости Казанской дороги Сулея Ногашева с родственниками с подъячим Каракулин-

ской приказной избы Степаном Арзамасцевым (Материалы..., 1949, с. 48–50). В других случаях в документах «руку прикладывал» толмач и заверяли подписями обычно два, реже – три свидетеля.

Если земля уступалась русским, особенно служилым людям, то бортные угодья, бобровые гоны сохранялись за башкирами. Они являлись собственностью общины, а не принадлежали отдельным общинникам. Но припущенник сам мог подготовить «дельные деревья» для помещения пчел. Исключение – договор с бирским священником Дмитрием Сергеевым, который получил право «дупленницы в той вотчине с медом и со пчелами искать» (Материалы..., 1949, с. 50). Не ограничивался и срок владения землей. Платить священник должен был немало – по 9 руб. в год.

В припускной записи 1701 г. башкир Казанской дороги, Бюлярской волости Ишкой Карманов уступает свое повытье в общей с родными вотчине татарину той же дороги Салтанаю Исакову по причине своей дряхлости и бездетности. Припущенник Салтанай отныне может «угодья владеть и службу служить и ходить в той вотчине вместо меня, и вновь борти делать, и зверя всякого побивать, и птицу и рыбу ловить, и хмель щипать; а которые мои старые борти со пчелами и пустыя, и до тех бортей ему, Салтанаю, дела нет, владеть мне, Ишкею. И ясак в казну великого государя с той вотчины вместо меня и службы служить ему, Салтанаю... А мне, Ишкею, впредь до той моей вотчины до моего повытья дела нет...» (Материалы..., 1949, с. 11). Предусматривались и штрафные санкции, если бывший владелец захотел бы предъявить претензии. В данном случае Ишкой должен был бы заплатить Салтаная за «насильство и утеснения» 70 рублей в качестве неустойки. В записи башкир Казанской дороги, Гишки-Иланской волости Сюрметея Маметкулова с товарищами о припуске башкир той же волости Бердыметея Камаева с товарищами фигурируют штрафы «за простую борть по гривне, а со пчелами по рублю за борть» (Материалы..., 1949, с. 18).

О ценности бортных деревьев может свидетельствовать интересный случай. В 1707 г. башкир Осинской дороги, Ваньшской волости Девлет Савин предъявил иск к мари Игнату Бекбатыреву, припущенному в их общую с башкиром Бекбулатом Тоишевым волость. Суть иска состояла в следующем: Игнат нашел дупленницу с медом в липе и поставил на нее тамгу. Об этой дупленнице Игнат сказал Бекбулату. Затем Девлет нашел то же дерево в их общей с Бекбулатом вотчине и поставил свою тамгу, утверждая, что не видел «Игнатовой тамги». Бекбулат же срубил дерево и мед взял себе, а Девлет «черемисина вя-

зал», обвиняя, в том, что дуPLEнницу срубил без него, Девлета. В конечном счете, все закончилось мирно: Девлет обещал больше «не бить челом» на Игната и Бекбулата и «дела не вчинять», а иначе ему следует заплатить неустойку 10 рублей (Материалы..., 1949, с. 40).

Изготовление бортей было работой достаточно квалифицированной и неплохо оплачиваемой. В 1716 г. татарин Казанской дороги, Иланской волости Баймурза Булатов заключил договор с земляком Юмаем Исенеевым на изготовление ему бортей и косьбу 50 копен сена. За 600 бортей Баймурза должен был получить 9 рублей, епанчу, а также «пить и есть ево, Юмаево» (Материалы..., 1949, с. 137).

В третьем томе «Материалов по истории Башкирской АССР» есть документы о припуске русских в башкирские земли. В 1679 г. правительство запретило все формы аренды башкирских вотчин, обеспокоенное большим количеством челобитных с жалобами башкир на самовольный захват и нарушение условий договоров о припуске. В документах Уфимской приказной избы зафиксировано несколько договоров башкир с русскими казаками об отдаче в оброчное владение вотчинной земли на два-три года за полтора рубля в год; на пять лет караулинскому крестьянину Ивану Золотухину отдавалось в оброк озеро Курга по 11 руб. в год (Материалы..., 1949, с. 46–47, 90, 108). Башкиры охотнее пускали в свои вотчины служилых новокрещен, татар и мещеряков, чем русских. Дворянам редко удавалось добиться припуска (Угодья, промыслы...).

Русские поселенцы также занимались припуском и сдачей земли в оброк. В 1710 г. уфимец Д. Ю. Артемьев припустил холопа Ивана Пермякова на свою оброчную землю за р. Уфой при условии совместной уплаты ясака в размере 8 гривен в год башкиру Минской волости Уркешу Кутлушеву с товарищами (Материалы..., 1949, с. 56). В 1714 г. уфимский служилый человек Иван Пушкарев дал поступную запись на свою вотчинную землю уфимскому отставному стрельцу Василию Колокольцеву. В. Колокольцев, его жена и дети могли «старыми бортьями владеть, також и вновь борти делать, и всякого зверя побивать, и птицу ловить». Плата за пользование угодьями не указана (Материалы..., 1949, с. 110–111).

Сделки регистрируют также операции по сдаче земли под строительство мельниц (№ 47, 93, 94, 100, 118 и др.). Документы 78, 80, 93, 94 дают представление об условиях припуска, а также об отношении башкир к русским. 29 мая 1710 г. башкир Казанской дороги Иланской волости Сармаш Курманаев отдал служилому татарину Мусею Кинзе-

баеву в постоянное оброчное владение мельничное место и пашенную землю с угодьями на р. Гарейке. Мусею разрешалось поселиться 4-мя дворами, пахать землю, косить сено, ловить рыбу, рубить лес для мельницы и для других построек. Условие: платить 3 руб. в год бессрочно и молоть 80 четвертей хлеба Сармашу с родственниками (Материалы..., 1949, с. 57).

1 июня 1710 г. предприимчивый Мусей Кинзебаев припустил служилого человека Сергея Власьева для строительства мельницы на р. Гарейке. Оброк башкирам М. Кинзебаев и С. Власьев должны были платить совместно и держать мельницу на паях вечно. Также на Власьева возлагалась обязанность Мусея «от ... башкирцов Сармаша с товарищи очищать» (Материалы..., 1949, с. 59). Вотчинники потребовали расторгнуть договор. Из записи от 3 февраля 1711 г.: «А которого русского человека уфинского иноземного списку Сергея Власьева припустил было я, Мусей, в тое вотчины строить мельницу, и ево, Сергея, мне, Мосею, ис той вотчины выслать и от построенной мельницы ему, Сергею, отказать». Мусею было запрещено поселять и других русских (Материалы..., 1949, с. 68–69). Мусей Кинзябаев нашел возможность заработать. 4 февраля 1711 г. он припустил во владение мельницей Асана-мурзу Киреева. По договору 9/10 прибыли от помола забирал мурза Киреев, Мусею Кинзябаеву оставалось 10%. Асан-мурза мог построить усадьбу и пользоваться угодьями. Расчеты с башкирами возлагались на него же. За мельницу и угодья М. Кинзябаев получил с Асана-мурзы 120 руб. (Материалы..., 1949, с. 70)

Последний документ, заверенный печатью Уфимской приказной избы, датируется 21 декабря 1714 г. (Материалы..., 1949, с. 120). В январе 1715 г. крепостные акты стала выдавать Уфимская провинциальная канцелярия. Реорганизация была связана с преобразованием Уфимского уезда в Уфимскую провинцию (Буканова, 2010, с. 483). Характер припускных записей в целом не изменился. Чаще стали заключаться договоры с русскими служилыми людьми и дворцовыми крестьянами, особенно об отдаче в аренду озер и рыбных ловель. Нередкими стали уступки бортных угодий (№ 508, 510, 515).

Припущенники продлевали ранее заключенные договоры. В 1746 г. дворцовые крестьяне Каракулинской волости И.А. Токарев и И.Н. Шапошников продлили на 20 лет арендный договор, заключенный их родителями с башкирами Казанской дороги, Енейской волости Асаном Усейновым с товарищами (Материалы..., 1949, с. 434–435).

Документы свидетельствуют, что припущенники от владения вотчиной порой отказывались. В 1726 г. вдова уфимского дворянина Прасковья Куравская отказалась от вотчины, взятой в оброк у башкир Ногайской дороги Минской волости, по причине ее вдовства и невозможности платить оброк (Материалы..., 1949, с. 241). В 1734 г. выразил желание съехать с арендованной земли припущенник башкир Сибирской дороги Ермухаметь Биметев (Материалы..., 1949, с. 327). Причины не указаны.

Наиболее многочисленной частью пришлого населения была тептяро-бобыльская группа, весьма пестрая по своему национальному составу. Часть припущенников принадлежала к феодальной верхушке – мурзам, князьям, мусульманскому духовенству, часть – к служилым людям – мишарям, казакам. В большинстве своем припущенниками становились ясачные, государственные и беглые помещичьи крестьяне. Став арендаторами башкирских земель, все они не меняли своей сословной принадлежности, кроме беглых крестьян, которых, как правило, записывали в разряд казенных. После переписи 1734 г. из припущенников образовались особые тептярское и бобыльское сословия, позже слившиеся в одно, тептярское, существовавшее до 1866 г. (Башкортостан, 1996, с. 565).

Основными местами «сходцев» были северные и северо-западные районы Башкирии – Осинская и Казанская дороги. С 20–30-х гг. XVIII века переселенцы стали заселять внутренние районы. Одновременно с ростом числа припущенников происходила правительственная и монастырская колонизация (Васильев, 1958, с. 131).

Башкиры в целом положительно относились к переселенцам, укрывали у себя беглых крестьян. Но большинство переселенцев составляли не беглые, а дворцовые и государственные крестьяне (Рахматуллин, 1988, с. 88). Так, много дворцовых крестьян пользовалось землями башкир Гайнинской, Уранской, Салжаутской, Кудейской и Кущинской волостей Осинской и Сибирской дорог на условиях припуска, краткосрочной и долгосрочной аренды. Большая часть «сходцев» заключала договоры с башкирами, хотя имелись случаи захвата земель и самовольного поселения. Это вызывало многочисленные жалобы башкир в административные органы, хотя далеко не всегда такие споры решались в их пользу (Демидова, 1958, с. 57).

В 1759 г. башкир Темир Мутин с товарищами обратился в Сенат с просьбой о запрещении захвата башкирских земель и о скреплении купчих только при согласии всей волости: «Напередь сего на старин-

ных наших жалованных землях без покупок и без дозволения по оброку от нас селиться и силою завладеть не дерзили. А ныне некоторые, сверх покупных и в оброк отданных урочищей, не только в наших угодьях сильно причиняют обиды, но и селиться начинают» (Материалы..., 1949, с. 24–25).

Тептяри оформляли свое положение письменным договором, бобыли пользовались башкирскими вотчинными землями без письменного оформления, нередко селясь на башкирских землях без ведома и согласия башкир. Наиболее распространенным видом припуска была отдача земель в постоянное или временное оброчное владение, в то время как князья и мурзы превращали припуск в фактическую продажу земель.

На ранних этапах переселения – в XVII – начале XVIII вв. – преобладали бобыли, затем они стали переходить в тептярское сословие, а вновь прибывшие преимущественно заключали договор в письменной форме. В противном случае они могли подпасть под действие указа от 31 марта 1734 г. и подлежали высылке. По ясачной книге Уфимского уезда 1674 г., значилось 1299 бобылей, а тептяри в ней не упоминаются (Рахматуллин, 1988, с. 153). Принадлежность к бобыльскому, а тем более к тептярскому сословию, узаконивало право ведения хозяйства и владения башкирской землей.

Русское правительство было заинтересовано в исправном поступлении ясака и требовало от местной администрации «не жесточить» ясачных людей. Уфимским властям предписывалось следить за порядком в ясачных волостях и не допускать произвола и насилия, захвата ясачных земель. Ясачные угодья не могли быть залогом по долговому обязательству, сделки признавались недействительными. Правительство не было заинтересовано в переходе ясачных земель в частные руки. За нарушения этого требования, говорилось в наказе стольнику Ф.И. Сомову, отправленному на уфимское воеводство в 1664 г., виновным угрожала смертная казнь (Очерки..., 1956, с. 102–103). Вместе с тем само правительство не раз нарушало эти требования, раздавая ясачные земли, разрешая строительство слобод и крепостей. Чтобы лишить нерусское население возможности выступить против правительства, ясачному населению запрещалось иметь оружие (История государства и права..., 1996, с. 79).

К началу башкирского восстания в 1735 г. между башкирами и их припущенниками накопилось много спорных вопросов. Во время восстания 1735–1740 гг. правительству удалось привлечь на свою сторону часть башкирских припущенников. Указ 11 февраля 1736 г. пре-

доставил возможность покупать земли внутри Башкирии. Мишари по этому указу получали в вечное и безоборочное владение занятые ими башкирские земли, а «верных» «тептярей и бобылей, по примеру мещеряков, от башкирского послушания отрешить» и освободить от платежа оброка вотчинникам, оставить только ясак (История государства и права., 1996, с. 79).

Тяжба между башкирами и их припущенниками тянулась до конца XVIII века. У башкир было общинное землевладение, и определить, где земли «верных» башкир и где земли «бунтовщиков» было очень трудно. С годами земельный вопрос еще больше запутался. После смерти участников восстаний, земли приходилось конфисковывать у их наследников, что вызывало новый поток жалоб.

К середине XVIII века между башкирами и их припущенниками накопилось много спорных вопросов. Земельный вопрос все больше запутывался. Проблемы должно было решить Генеральное межевание, проведенное в Оренбургской губернии в 1798–1832 гг. Но оно проводилось медленно и сопровождалось бесконечными земельными спорами и тяжбами. Необходимо было представить документы. Если ни одна из сторон ими не располагала, то земля отходила в государственную собственность. По указам 1797–1802 гг. башкиры наделялись землей в собственность, а припущенники – в пользование. Землевладение и землепользование башкир-вотчинников и припущенников и в XIX веке оставалось запутанным и сложным.

Документы, характеризующие поземельные отношения, свидетельствуют о стремлении государства контролировать переход земли от одного владельца к другому. Это связано с фискальной политикой, так как припущенники платили ясак и несли государственные повинности (строительные и земляные работы, подводная повинность и др.). Эти сведения также позволяют охарактеризовать масштабы развития и территорию распространения земледелия среди башкир, поземельные отношения между самими башкирами, башкирами и их русскими и нерусскими припущенниками, а также русского населения различных сословий между собой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Азнабаев Б.А.* Приказ Казанского дворца // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 5. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2010. 576 с.
2. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006. 504 с.

3. *Асфандияров А.З.* Тептяри // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. 202 с.
4. *Башкортостан.* Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. 672 с.
5. *Буканова Р.Г.* Уфимская приказная изба // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 6. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2010. 544 с.
6. *Васильев С.М.* К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения Башкирии в конце XVII – начале XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1958. С. 127–146.
7. *Демидова Н.Ф.* Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1958. С. 23–67.
8. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: РГГУ, 2008. 710 с.
9. *История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века.* – Уфа: Китап, 1996. 520 с.
10. *История государства и права Башкортостана.* – Уфа: Китап, 1996. 224 с.
11. *Лезина Е.П.* Воеводское управление пограничных территорий Российского государства в XVII веке [Электронный ресурс]. URL: <http://ipp.kursksu.ru/pdf/003-016.pdf> (дата обращения: 20.03.2015)
12. *Материалы по истории Башкирской АССР.* Т. III. Социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 691 с.
13. *Очерки по истории БАССР.* Т. I. Ч. 1 / Под ред. А.П. Смирнова. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1956. 303 с.
14. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1988. 186 с.
15. *Угодья, промыслы и припуск дворянства в башкирские вотчины //* Генеалогия и архивы [Электронный ресурс]. URL: <http://ufagen.ru/node/8054> (дата обращения: 23.03.2015)
16. *Хайбуллин А.Р.* Нотариальная деятельность подьячих в Уфимском уезде в XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vipusk2122011/9-2010-12-01-13-31-58/-2-12-2011/109-2011-2-6> (дата обращения: 20.03.2015)

Информация об авторе

Косых Елена Семеновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак); kossES@yandex.ru

Kosykh Elena Semyonovna, the candidate of historical sciences, Associate Professor Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak (c. Sterlitamak); kossES@yandex.ru

УДК 94(470.4)"18"

**ТАТАРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И РУССКИЕ
КАЗАКИ, ПРОЖИВАВШИЕ В ПРОВИНЦИИ
ХУДАВЕНДИГАР (БУРСА) В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА**

© 2015 г. Арзу Кылыч

В статье по источникам и исторической литературе на турецком языке освещается история переселения, процесс адаптации, хозяйственный уклад, образ жизни и традиции татар-мусульман из Волго-Уральского региона и казаков-старообрядцев, прибывших в Османское государство в середине XIX века.

Ключевые слова: Османская империя, татар-мусульмане Волго-Уральского региона, некрасовские казаки-игнатовцы.

**TATARS OF THE VOLGA-URAL REGION AND RUSSIAN COSSACKS,
LIVING IN THE PROVINCE HUDA VENDIGAR (BURSA)
IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY**

Arzu Kylynch

The resettlement history, adaptation process, economic way, conduct of life and traditions of muslim tatars from the Volga-Ural region and the old believers cossacks who arrived to the Ottoman state in the middle of the XIX century is covered in article on the basis of sources and historical literature in the Turkish language.

Keywords: Ottoman Empire, muslim tatars of the Volga-Ural region, nekrasovsky cossacks-ignatovtsy.

Введение.

В 1326 году Бурса была завоевана Орхан Бейем, который соперничал с Византийской империей, и стала первой столицей Османского государства. Много труда было вложено в город, который обладал не только геополитическими, но и духовными особенностями: были построены мечети, приюты, медресе и казармы. Строительные работы были продолжены и во времена войн. Город, который был основан на древней вулканической почве в бассейне Южного Мраморного моря, знаменит своими равнинами, лесами, горами и такими озерами как

Изник и Улуабат (Apoloyont)¹. Этот город был известен своими водами, которые брали начало в Улудаге, плодородными равнинами и, особенно, горячими источниками, которые посещали византийские императоры (Vasileios I. Kandes, s. 71–73).

В административной структуре Османов Бурса сначала был центральным поселением санджака* Худавендигар, который принадлежал Анатолийской провинции. В XVI веке санджак Худавендигар состоял из порядка тридцати поселений, включавших в себя Михалич (Караджабей) и Гёнен (Zekerîya Özdemir, s. 46). Такое административное положение с некоторыми изменениями сохранялось до XIX века (Halil İnalçık, s. 449). В 1867 года Бурса становится постоянным центром. До Первой мировой войны провинция Бурса представляла собой большой административный район, состоящий из таких санджаков как Эртугрул (Биледжик), Кютахья, Афьон Карахисар, Караси (Балькесир) («Bursa», s. 809).

Санджак Кареси, немного примыкающий к сегодняшним границам Балькесира, на протяжении пяти веков находился в составе Анатолийской провинции. Санджак, центральным поселением которого был Балькесир, после 1000-го года хиджры (1591/1592) включал в себя такие поселения как Бигадич, Сындыргы, Башгеленбе, Кемер, Бурханийе, Аязмент, Эдремит, Козак, Ивринди, Манйас и Фыртма, а также Шамлы (Kâmil Su, s. 10). Сначала санджак был привязан к провинции Худавендигар-Измид (Коджаели), образованный в 1818 году, а после к провинции Худавендигар, отделившийся от Измида в 1841 году.

В 1840-е годы там было 20 махалле и 47 деревень. В махалле, кроме турков, проживали греки и армяне (Tacetin Akkuş, s. 17). Хотя в 1845 году санджак Кареси вошел в состав ставшей провинцией Манисы, но позже вновь был привязан к провинции Худавендигар (İbrahim Nakki Uzunçarşılı, s. 102).

До сегодняшнего дня провинция Бурса стала местом наибольшего скопления переселенцев из зарубежа. Начиная с 1200 года хиджры

¹ Озеро Улуабат (Apoloyont) имеет площадь в 156 км², имеет болотистые берега. Внутри озера есть остров Гёльйазы. Вода пресная, в большом количестве водятся карп, сом и пресноводные раки. Содержит множество островов. Озеро Изник имеет площадь в 208 км². Воды голубые, напоминают море, южный берег песчаный, вода пресная, много карпов и других пресноводных рыб. Вокруг растут оливковые деревья, сосны и платаны. Mesut Halûk Kosifoğlu, *Geçmişten Günümüze Bursa Tarihi, Zikir* уау., Bursa, 2000, s. 24–25.

* Санджак – административно-территориальная единица в Османской империи (*Прим. переводчика*).

(1785/86), из-за различных сражений сюда из Крыма, Кавказа, Боснии, Румели прибыло множество переселенцев – татары, лазы, грузины, боснийцы и другие тюрки. Во многих махалле этой провинции переселенцы образовали маленькие деревеньки и жили, соблюдая обычаи своих родных мест (Bursa Vilâyeti Tarihçesi, s. 90–91).

На самом деле из-за увеличения числа переселенцев в XIX веке провинция Худавендигар с центром Бурса стал местом поселения большого количества людей. Включение провинции в железнодорожную сеть, которая обладает выходом в море, значительно облегчило перевозку переселенцев. Наличие озер и лесов рядом с плодородными землями позволило переселенцам успешно поддерживать жизнедеятельность. Известно, что лесоматериалы, полученные из лесов Маньяс, в османский период использовались при судостроении. В источниках указано, что османские султаны охотились близ озера Маньяс, которое давало тонны рыбы.

После потери Крыма согласно Кючук-Кайнарджинскому мирному договору, подписанному в 1774 году, Османское государство подверглось массовым переселениям. В этот же период христианские казаки, проживавшие в царской России, нашли убежище в Османском государстве. После Крымской войны (1853–1856) из Волго-Уральского региона и побережья Черного моря татары-мусульмане тоже переселились, и все эти эмигранты были поселены в одну провинцию – в Худавендигар.

Переселенцы, прибывшие в провинцию Худавендигар из Волго-Уральского региона в XIX веке.

Приезд казанских татар-мусульман, проживавших в Волго-Уральском регионе России, с целью поселения на территории Румели и Анатолии, приходится на середину XIX века. В архивных записях Османского государства тех лет нет открытой информации о причинах того, почему переселенцы оставили свою страну. Но с увеличением количества переселенцев к концу столетия уже был возможен доступ к более детальной информации. Приблизительное начало этих переселений приходится на конец Крымской войны и переселение крымских татар. Установлено, что некоторые группы переселенцев из Казани приезжали из Румынии, которая в тот период зависела от Османского государства.

Известно, что во время получения османского подданства некоторые имели при себе российские паспорта, а некоторые были без пас-

портов. Привлекает внимание тот факт, что некоторые семьи определенное время прожили в столице – в Стамбуле. Из поданных заявок, в которых говорилось о желании жить вместе со своими родственниками, становится понятно, что у некоторых были соотечественники, прибывшие сюда гораздо раньше. Эти требования переселенцев были приняты во внимание уполномоченными лицами.

В 1867 году было принято решение о размещении группы казанских переселенцев состоящих из 40 человек и 11 семей² в Михаличе и Тепеджике³, принадлежащих провинции Худавендигаре. По этой группе известно, что они желали жить вместе со своими родственниками, и их паспорта были с собой (MVL., 726/53, 01 Safer 1283/14.06.1866). 4 семьи из 18 человек казанских переселенцев изъявили желание поселиться рядом со своими родственниками в деревне Тепеджик, близ деревни Яманлы (MVL., 738/6, 13 Rebiülevvel 1284/15.07.1867).

Группа переселенцев из 22 человек, которая сначала уехала в Стамбул, предпочла переселиться в Анатолию и жить вместе с родственниками. Лица, известные под именами Мухаммеджан и Абдульгани, в своей заявке просили направить их в Чанаксуьу Эскимезар, который входит в деревню Яманлы и санджак Измит, где проживали их ранее приехавшие родственники. Этот запрос на поселение был решен положительно (MVL., 721/88, 11 S 1283/24.06.1866).

Одна часть казанских переселенцев, также как и казаки, была размещена вдоль берега озера. Если казаки в большинстве своем селились возле озера Маньяс⁴, то казанские переселенцы селились возле озера Изник (А.МКТ. МНМ. 278/90, 1280. R. 17/01.10.1863 ve А.МКТ. МНМ. 278/96, 1280. R. 17; Кылыч, 2012, 47–48 б.). В последующие годы близ озера Маньяс возникли многочисленные сообщества⁵.

² Омер Лютфи Баркан считает, что одна османская семья состоит 5 человек. Однако, установлено, что у переселенцев, особенно у казанцев, в общем, одна семья состояла из 4 человек.

³ Эта деревня, входящая в состав района Мустафа Кемалпаша, находится между Маньясом и озером Улуабат.

⁴ Озеро Маньяс находится в районе Балыкесир Турецкой Республики в 15 км от южного побережья заливов Бандырма и Эрдек, внутренняя площадь – 192 км². Одноименная равнина находится к югу от озера, занимает площадь в 110 км².

⁵ Казанские переселенцы, размещенные возле озера Маньяс, приехали в Турцию из Румынии. Группа из 61 семьи, размещенная в южной части района Мармара рядом с озером Маньяс Бандырма, запросила помощи в постройке жилища, а именно разрешить использовать для строительства тростник и осоку, растущую

Кроме того, было предусмотрено основание новых деревень для поселения. Было решено о создании мелиорации на озере Изник, использовании воды, превращение территории в плодородные земли, осушении болота и организации деревни для размещения до 400 семей казанских переселенцев (А.МКТ. NZD. 402 /101, 1280. R. 22/ 06.10. 1863. Osmanlı Belgelerinde Kazan, s. 73). Однако нет других сведений о размещении этих переселенцев в упомянутый район. К тому же из-за переполнения озера и затопления территорий осушение болота в этом широком районе было осуществлено в более позднее время⁶.

Войны, в которых участвовала Османская империя в последние годы своего существования, заметно ослабили ее экономическое положение. Это, в свою очередь, в большей степени повлияло на сельское хозяйство. Отсутствие удобных путей доставки продуктов сельского хозяйства в Анатолию приводило к лишениям среди населения. Казанский переселенец Хаджи Абдульазиз, проживавший в деревне Эльмалы, входящего в состав поселения Изник провинции Худавендигар, жаловался на то, что ему зерна дали меньше, чем односельчанам. Район на протяжении нескольких лет испытывал трудности с посевными (MVL., 713/103, 24 Zilhicce 1282/ 09.05.1866). Там же, недалеко от деревни Эльмалы, были размещены 42 семьи казанских татар. Эти люди, дата приезда которых неизвестна, жаловались на то, что вот уже больше одного двух лет не могут получить достаточную продукцию, и что у них не осталось семян для посева. Они хотели получить семена у государства. Как стало понятно из запроса, который они передали через своего представителя Макаддерюддина, жизнедеятельность этих людей была связана только с сельским хозяйством (MVL., 528/ 58, 1283 Zilkade 14 / 21.03.1867). Мы можем сказать, что эти переселенцы занимались сельским хозяйством, которое было основным источником жизнеобеспечения в Анатолии.

В тоже самое время было решено разместить группу из 18 семей казанских татар, находившихся на территории Османского государства, вместе с переселенцами из Крыма и Дагестана (MVL., 875/13, 18

на берегу озера и освобождение от государственных налогов (ВЕО 1316/98692, 1317 М. 19/ 30.05.1899).

⁶ В документе ВЕО 2228/ 167063/ 1321 N 10 / 30.11.1903 говорится о предоставлении концессии некоторым лицам, для осушения болота в районе озера Изник, а в документе ВЕО 3900/292464/1329. С. 03 / 01.06.1911 о том, что воды озера Изник затопили сотню домов и о том, что проекты по осушению болот озера все еще сохраняют свою актуальность.

Rebiülevvel 1283/ 31.07.1866). Казанские переселенцы Шериф и Мухаммед Алим были размещены в Михаличе (MVL 509/7/1283 Ca 29/ 09.10.1866).

В другом документе упомянуто, что группе из 7 семей казанских переселенцев будет предоставлено место в Измите. Выбор этого места был обусловлен тем, что там проживали их родственники. Известно, что у этих людей были в наличии паспорта для использования в оформлении подданства (MVL.,738/22, 19 Rebiülahir 1284/ 20.08.1867 (Belge tamire muhtaç olduğundan orijinali görülmemiştir).

Русские казаки.

Русские казаки, исповедовавшие православие, проживали на широкой территории от сегодняшней Молдовы до Кавказа и Прикаспийского региона. Они занимались рыболовством на реках и озерах, добывали соль и обеспечивали свое пропитание лесной добычей.

Термин казак содержит в себе некие запутанные обстоятельства. Так, например, северные и южные казаки отличались друг от друга по условиям жизни и экономики, по хозяйственному строю, также отличие состояло в близком или далеком расположении от московской метрополии. К тому же существовали различия между элитой казаков и деревенскими казаками, а также между реестровыми казаками и «вольными» (Bruno Voissavit, p. 2, 13).

В основном казаки были объединены вокруг трех больших групп. Это запорожские казаки (возле реки Днепр), донские (возле реки Дон) и терские (возле реки Терек). Днепровские казаки были связаны с Польшей, а остальные – с Россией. Самой сильной казачьей группой были запорожские казаки под предводительством Гетмана (Halil İnalçık, s. 59).

Известно, что донские казаки в XVI веке «прогуливались» вплоть до Каспийского моря, а позже по приказу Екатерины II их видели возле реки Яик, которая позже стала именоваться как «Урал». Поначалу, из-за пастбищных земель они враждовали с кочевыми татарскими племенами, которые отделились от Золотой Орты, но со временем помирились. Казаки попросили подданства у московского царя Михаила Романова (1613–1645), царь своим указом дал им разрешение селиться и принимать на поселение людей на территории от истока до устья реки. Но когда донские казаки начали нападать и разорять иранские торговые суда, царь переселил в Польшу и окрестности Риги. Петр I (1696–1725) в 1720 году передал Яицкое войско в подчинение ведом-

ству обороны. Хотя и было объявлено в 1740 году о реформе Яицкого войска, но до правления Екатерины II (1762–1796) это решение не было осуществлено (Puşkin, s. 13–16).

Выдающиеся военные способности казаков были использованы Россией и Польшей в борьбе против Османской империи. Так как они применяли огнестрельное оружие, для поставок пороха казаки были связаны с польским и царским правительством.

Богдан Хмельницкий, который был атаманом «диких героев» Днепра, коих эксплуатировали польские правители, грабили евреи и которые в связи со сменой религии, находились под постоянным наблюдением католических священников, взял на несколько лет под свое господство Украину и объявил ее своим княжеством (Nicolaie Jorga, s. 25). В 1654 году запорожские казаки признали царя, а Россия по Переяславскому договору заполучила такую большую страну, как Украина (Akdes Nimet Kurat, s. 230).

До подписания Карловицкого мирного договора 1699 года Польша, как самый важный северный сосед Османского государства, проводила политику подстрекательства среди казаков, и провоцировала воеводу Богдана. Все же в XVIII веке Османское государство оказывало покровительство ослабевшим полякам. Причиной этому служило стремление взять под защиту свои границы в виду укрепления позиций русских в Средней Европе и их продвижение к границам Турции (İsmail Hakki Uzunçarşılı, s. 189).

Нападения русских казаков на территории Османского государства.

В XVII веке проявились некоторые недочеты в административной, военной и экономической структуре Османского государства. Со второй половины столетия за превосходство в Восточной Европе османы воевали с Австрией (Габсбургами), за остров Крит и за суверенитет над Средиземным морем с Венецией. Долгие годы государство было занято решением этих задач. Не будет ошибкой, если мы свяжем украино-казакское противоборство, которое продолжалось все XVII столетие, с проблемой суверенитета над Черным морем, возникшей между Россией и Польшей в северо-степном регионе (Halil İnalçık, s. 11). Первое нападение запорожских казаков на территорию Османского государства произошло в конце XVI века и с тех пор нападения на черноморское побережье приняли постоянный характер.

В 1605–1606 годах, завладев городами Аккерман и Кили в результате атаки, была захвачена Варна, расположенная на восточном побережье Черного моря. В 1616 году запорожские казаки бесчинствовали в окрестностях Стамбула. Не смотря на то, что турецкий флот столкнулся с ними в порте Дона и Днепро-Бугском порту, казаки разрушили Трабзон и Синоп. Казаки, в составе 350 легких лодок именуемых чайками, направившиеся в Стамбул в июле 1624 года, в проливе сожгли деревню Буюкдере, а на восточном побережье Черного моря деревню Зенике (Джаник, сегодня деревня Йигитгёзю входит в состав Трабзона Араклы) и вернулись обратно. На следующий год 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 лодках направились из Азова в Синоп, но потерпели тяжелое поражение, потеряли 270 лодок, 780 казаков попало в плен (А.В. Şirokorad, s. 53, 55). Блокирование Азовского гарнизона турками на какое-то время воспрепятствовало походам казаков. Но, как это было и раньше, в 1651 году донские казаки разоряют окрестности Синопа, захватывают 600 пленников и возвращают некоторые лодки. В 1653 году, ведя наступление от Судака до Балаклавы, они сжигают Трабзон (А.В. Şirokorad, A.g.e., s. 61).

В середине XVII века донские казаки, находившиеся под покровительством Великого князя Московского, постепенно выходили на передний план как постоянные враги турков (в 1637 году был захвачен Азов). Они должны были стать первыми, кто почувствует на себе османскую силу, тем более это было клятвой Султана Мурада IV (1623–1640) (Nicolae Jorga, A.g.e., C.V, s. 25).

В это же время находились и те, кто проявлял рвение, чтобы попасть на турецкие территории. Например, казачий гетман Мазепа, который в 1700-ых годах поддержал короля Швеции Карла XII (1682–1718) в войне с Петром I, нашел убежище в Османском государстве (M. Münir Aktepe, s. 23).

Опасность, порожденная русскими походами с середины XVIII века, в 1769 году приводит к строительству двух береговых батарей на северном сходе пролива (Wolfgang Müller-Wiener, s. 55). В этом же году флот донских казаков, достигнув островов Мраморного моря, разграбил Монастырь Святой Троицы на Хейбелиаде (Halil Gökman, s. 45).

Известно, что 8 июля 1833 года между Российской и Османской империями было подписано Ункяр-Искелесийский договор. Bilindiği gibi 8 Temmuz 1833'te Rusya ile Osmanlı İmparatorluğu arasında Hünkâr İskelesi anlaşmasıyla imzalanmıştı. Натуралист Мориц Вагнер в своих кавказских воспоминаниях рассказывает о том, как встретил одного

капитана в Екатеринодаре, который жил в Стамбуле в те времена, когда русский флот стоял в проливе. Этот капитан рассказывал о том, что большинство прибывших в пролив вместе с русским флотом, который был послан Николаем I дабы помочь Падишаху Махмуду II подавить восстание Египетского губернатора Мехмед Али Паша, были казаками (Moritz Wagner, s. 112).

Казаки, размещенные в северо-западной Анатолии.

Существует общее мнение о том, что православные казаки, оставив свое государство, нашли убежище на территории Турции и начали жить в окрестностях Гёнена, Маньяса и Михалича в силу того, что во времена русского царя Петра I (1672–1725) было предписание сбрить бороды. Рассказывают о том, что большое казачье сообщество с окрестностей реки Дон, привязанное к своей религии и не желающее брить бороды, нашло убежище в Османском государстве. В основном эти сведения опираются на исследования социолога Хилми Зийа Улкена, который лично встречался с жителями Коджакёйа (Казаки), входящий в состав Гёнена. Согласно этим сведениям, казаки вышли из России, разделившись на две ветви. Одна ветвь была размещена в Кочхисаре (в XIX веке входил в состав Коньи), а вторая ветвь – в Гёнене и Маньясе (Hilmi Ziya Ülken-Ayda N, s. 146).

Самый пожилой член единственной казачьей семьи, оставшейся в деревне Коджакёл, Володя Дегирменджи в интервью, проведенном с ним, повторил, что казаки начали переезжать в Турцию во времена Петра I (Zekeriyâ Özdemir, A.g.e., s. 92).

Существует несколько различных версий относительно переезда русских казаков на территорию Османского государства. Первая связана с восстанием Пугачева и заставляет задуматься о вероятности переселения казаков Волго-Уральского региона на территорию Османского государства. Во времена Екатерины II Емельян Пугачев объявил себя царем Петром III и возглавил большое восстание, охватившее обширную территорию Волго-Уральского региона в 1773–1774 годы. Еще в 1772 году, прибывший в Яик (Урал) Пугачев, подвигнул яицких казаков бежать на турецкие земли. Пугачев старался обмануть казаков, сказав им, что донские казаки сразу же последуют за ними и, что он приготовил на границе 200 тысяч рублей и товара на 70 тысяч рублей, а также сказал, что после того, как казаки перейдут на турецкую землю, какой-то паша сразу же выдаст им денег около 5 миллионов (Aleksandr Puşkin, A.g.e., s. 24). Ранее Пугачев ездил в Киев, оставался там в качестве бег-

леца около года, а потом уехал в Стамбул и тайно участвовал в Русско-Турецкой войне среди русских пленников (A.g.e., s. 28).

В летописях указано, что датой прибытия казаков в провинцию Худавендигар является 1855 год (Zekeriya Özdemir, A.g.e., s. 89). С середины XIX века в Османских архивах увеличивается количество документов, связанных с казаками. Для их обозначения используются такие термины, как İğnat, Ağnat и Ağnak (HR. SYS 1347/66/24.04.1854). Это напоминает нам, что они были последователями Игната Некрасова*. Это же обозначение применяется для казаков, проживавших в Эфлаке, Измаиле и на берегу Дона⁷.

В одном из официальных документов говорится, что в 1787 году казаки, последователи Игната Некратова⁸, переселились в Османское государство, часть из них была размещена в низовьях Дона, а другая – в окрестностях озера Маньяс (DH. MUİ 402/13/1328 Ra 05/17.03.1910). Казацкие сообщества, ранее проживавшие в Восточной Европе на территории современной Румынии, по Айналы-Кавакской конвенции 1779 года, заключенной с Россией, перешли на Турецкую сторону. Было принято решение, что если казаки не согласятся вернуться к своей царице, которая была их прежним правителем, то они будут размещены на островах Кили, Сулина, Карахарман, что близ

* Игнат Фёдорович Некрасов (1660, Голубинская – 1737) – донской атаман. Последователи Игната Некрасова образovali общность, в которой бывшие донские казаки называли себя некрасовцами. На протяжении своей истории некрасовцы получили от своих соседей ряд экзотонимов (внешние наименования): «кара-игнат» («чёрные Игнаты», так прозвали их ногайцы за чёрные кафтаны); «игнат-казаки» (в честь их атамана так называли их турки); «ин'ат-казаки» («упрямые казаки» – часть некрасовцев в Малой Азии в XIX ст.) – *Прим. переводчика.*

⁷ Документ, в котором говорится об оказании помощи казацкому атаману и налаживании дел игнат-казаков, находящихся в Эфлаке и Измаиле (HR. MKT. 173/ 83/ 1273 Ca 22/ 19.01.1857).

⁸ В 1708 году несколько тысяч казаков во главе с атаманом Игнатом Некрасовым переселились из Дона на Кубань, чтобы войти под протекторат Крымского хана. Позже к ним присоединилось еще несколько тысяч казаков вместе со своими семьями... В 1735–1739 годы эти казаки воевали в рядах Османской армии. Игнат Некрасов погиб в одном из сражений в 1739 году. Турки перевезли людей Некрасова в Анатолию и поселили близ озера Маньяс. Малая часть казаков переселилось в Добруджу. Последователи Некрасова приняли участие практически во всех войнах до 1854 года. Они сохранили чистый русский язык, казачьи обычаи и христианскую религию. В 1962 году значительная часть казаков разместилась в Ставропольской, Ростовской и Волгоградской областях Советского Союза (A.B. Şirokead, A.g.e., s. 80–81).

Силистра, в отдалении от русских границ (Nicolae Jorga, A.g.e., C. V, s. 33).

Кемал Карпат полагает, что эти люди были военными казаками второго полка, не желавшими возвращаться в Россию после Крымской войны 1853–1856 годов. Вопрос об их размещении встал на повестку дня в конце 1856 – в начале 1857 годов. Тем военным, кто принял Османское подданство и согласился жить по законам империи, было разрешено селиться в таких европейских провинциях, как Селаник, Тырхала и Янья и в азиатской провинции Бурса. Большинство этих казаков было крестьянами и занималось сельским хозяйством, многие из них успели найти работу на фермах Главного Везиря Решит паши, расположенных в провинции Тырхала. На судне под названием Tahgiri Bahrit они прибыли в Селаник и по суше продолжили свой путь. Информации о том, как сложилась судьба этих казаков, которые поселились на территории современной Греции, нет. Наряду с этим известно, что одна часть военных, которая была размещена в деревнях (Эскиказлар) Маньяса, после 1910 года вернулась в Россию, но, по крайней мере, 27 семей там осталось (Kemal H. Karpat, s. 106).

Было установлено, что казаки проживали не только в вышеупомянутых районах, но также жили в окрестностях озера Теркос, что на Фракийском полуострове, вместе со своими семьями. Группа казаков, поселившихся в деревне Codilika (?) в Румели, хотели заниматься рыболовством в окрестностях озера Теркос и ждали помощи государства (A. }DVN 108/53, 1272.M. 29/ 11.10.1855). После того, когда русские дошли до Эдирне, некоторая часть казаков в массовом порядке сбежала в Добруджу. Позже, по причине того, что эта территория стала граничить с Россией, казаки захотели вернуться в окрестности Ипсалы и просили разрешения у Министерства финансов для строительства монастыря (A. }MKT. NZD 154/26, 1271.L. 25/10.07.1855). Есть сведения о том, что некоторые из них жили напротив пролива Чанаккале на острове Бозджаада, что в Эгейском море⁹. Эти сведения подтверждены и официальной перепиской. В период возвращения казаков в Россию официальный запрос Министерства иностранных дел был направлен и в провинцию Айдын (MV 136/11, 14. Z. 1327/27.12. 1909).

⁹ Гражданин Османского государства из казачьей группы проживающий в Бозджаада Гаврил сын Атнаша прибыв в Стамбул запросил помощи для личных дел на острове (HR. MKT. 370/61/1277. §. 29/ 12.03.1861).

Известно, что после вступления в Османское подданство казаки получили некоторые привилегии, сохранили свою религию (старообрядство), язык и обычаи, занимались рыболовством и были довольны. Те, кто жили на побережье низовьев Дона после 1878 года, перешли в подданство Румынии. Из них около 30 тысяч человек вернулись в Россию по соглашению, заключенному между Россией и Румынией (ДН. МУІ 402/13/1328 Ra 05/ 17.03.1910).

В середине XIX века на территории Турции казаков можно было встретить, начиная с запада в таких местах, как окрестности Эдирне во Фракии, в Кючукчекмедже, на островах рядом с проливом Чанаккале, в окрестностях Маньяса, Гёнена и Михалича в Южной Мармаре. Позже были переселенцы, которые поселились в районе озера Бейшехир в Анатолии. (Это место нынче известно как район озер. Установлено, что некоторые поселились в Акшехире, входящем в состав Коньи). К тому же у них была привилегия перемещения на большие территории по своим делам.

Понятно, что после Русско-турецкой войны 1877–1878 года, казаки, которые имели Османское подданство и жили на территории современной Румынии имели возможность выбора: взять подданство этой страны или вернуться в Россию. Так как наше исследование ограничивается территорией Худавендигар, сведения о казаках, переселившихся или нашедших убежище в восточной Анатолии в тот же период, не включены в данную статью.

Сначала государство давало некие преференции казакам, размещенным в Гёнене, Маньясе и Михаличе, в частности, освободило их от налогов на вылов рыбы (Tacetin Akkuş, A.g.e., s. 39). Когда переселенцы приступили к производству продукции, их начали вводить в записи.

В документе от 1835 года на запрос казаков был дан следующий ответ: «В ответ на заявления некоторых из упомянутых «Игнат-казаков», размещенных между поселениями Маньяс и Михалич, входящими в состав санджака Худавендигар в виду того, что им не были указаны земли для занятия сельским хозяйством и в следствие того, что они обеспечивают свое пропитание рыболовством, их облажили налогом на вылов рыбы из озер Аполйонт и Мермер, что в поселении Акхисар и озера Теркос, что во Фракии, сообщаем, что в необходимые инстанции были направлены письма с просьбой перевезти и разместить часть вышеуказанных заявителей в Румели, а другую в Маньясе, Михаличе и Гёнене и за проявленную верность да бы не обидеть их

истребованием выплат, освободить от прочих налогов» (С. ДН. 31/ 1534, 1251 S 27/ 24.06.1835).

Отсюда становится понятным, что по началу освобожденным от налогов казакам разрешалось вести охоту на довольно обширных территориях. Однако освобождение от налогов продлилось не так долго и в 1841 году было объявлено, чтобы все, независимо от того освобождены они от налогов или нет, зарегистрировали свое имущество и облагались налогами. Территория, на которой проживали казаки, была частью фермы Акдоган. В тот период ферма Акдоган входила в состав деревни Байрамич, а сегодня входит в состав деревни Дейдин, что в Маньясе (Tacetin Akkuş, A.g.e., s. 39). Было решено, чтобы группа казаков, проживавших в окрестностях фермы Акдоган, которая входит в состав деревни Байрамич, что в поселении Гёнен, независимо от того, освобождены они от налогов или нет, зарегистрировали свое имущество и облагались налогами (С. МЛ. 668/ 27383/ 1258 R 29/ 09.06.1842).

Официальная переписка, связанная с налогами, была продолжена и в последующие годы. В этой связи по следующим строкам становится понятно, что казаки, проживавшие на территории Румынии, тоже облагались налогами: «Казацкую деревню, расположенную в поселении Маньяс облагать таким же налогом, как и их соотечественников в Бабадаге. Размер налога будет установлен в подобающем размере в соответствии с их положением и состоянием, и никакая военная помощь с них не будет истребована (А.}МКТ. MVL 143/30/ 1278 N 22/ 24.03.1862).

Казаки не хотели платить налоги и в своих заявлениях соответствующим инстанциям указывали, что у них нет иных доходов, получаемых кроме занятий рыболовством. Однако эта переписка не дала результата, и в 1844 году был заведен реестр имущества и земельных участков казаков, и все они начали облагаться налогом. Размещение казацких групп продолжало вызывать проблемы на местах, были сложности по выделению земель под пастбища на длительный период времени. Так как в регионе находились фермы Ферик Решит паша, возникали проблемы с крестьянами. В конечном счете, государство обеспечило согласие между жителями деревень и казаками, и проблема была решена (Tacetin Akkuş, A.g.e., s. 40).

Мужское население казаков Маньяса, жившее рыболовством, во время Крымской войны воевало в рядах Османской армии, по этой причине более 200 семей оставалось без кормильцев. В виду того, что у них не осталось сил заниматься сельским хозяйством и рыболовст-

вом, они потребовали, чтобы им были предоставлены территории между Коркут Байыры (Склон Коркута) и Осман Ырмагы (Река Османа). Однако для этого сначала нужно было выяснить сведения о форме собственности и о принадлежности упомянутых территорий (HR. SYS 1347/66/ 24.04.1854).

Хотя существуют различные сведения об общей численности казачьего населения, мы можем сказать, что эта цифра была в районе 2000–2500 человек. Жители этого немногочисленного сообщества заключали брачные союзы только между собой и не смешивались с другими народами. Короче говоря, казаки сначала заключали браки только между жителями двух деревень, а позже и с жителями поселения Акшехир (Servet Somuncuoğlu, A. g. e., s. 88). В период, когда жителей этого сообщества хотели обложить налогом, их численность состояла из 500–600 семей (A. }MKT. MVL 143/30/ 1278 N 22/24 03 1862).

Сообщается, что в 1906 году общая численность казачьего населения в регионе составляла 1856 человек (Zekeriya Özdemir, A.g.e., s. 89–92). К 1910 году, когда речь шла о возвращении казаков на историческую родину, предполагалось, что в Маньясе проживает 200 семей, то есть численность женщин, мужчин и детей вместе взятых равнялась приблизительно 1000 человек (DH. MUI 402/13/1328 Ra 05/ 17.03.1910).

Жизнь казанских и казачьих переселенцев в Турции.

Большая часть казаков, которые жили по берегам рек и озер и занимались рыболовством, была размещена в деревнях Коджагёл и Берекетли, которые находятся в окрестностях озера Маньяс. Казаки, которые занимались рыболовством, на берегу озер выращивали «казачью фасоль»¹⁰, также они занимались жатвой в окрестных селах (Zekeriya Özdemir, A.g.e., s. 89–92).

Казаки обладали определенной свободой передвижения внутри страны. Они занимались рыболовством практически во всех реках и озерах Турции, таких как Ссеке (Река Бюйюк Мендерес), Чылдыр, Энез и Акшехир. Женщины, у которых не было детей, помогали своим мужьям разделять рыбу и следовали за ними (Servet Somuncuoğlu, A.g.e., s. 84).

Бурса, как и в те долгие годы, когда была центром провинции Худавендигар, так и сегодня продолжает носить особенности торгового и

¹⁰ Крупная фасоль, изветная как казачья фасоль, до сих пор выращивается в Турции на берегу озера Маньяс (Yeniasir, 24.12.2014).

производственного центра. В 1830 году, когда была произведена первая перепись населения, европейские купцы, воспользовавшись дешевой рабочей силой, инвестировали в развитие в Бурсе шелковой промышленности. По этой причине немусульманское население, лидирующее в торговле и ремесле, было широко представлено в этой провинции. Население, состоящее из евреев, армян и католиков в большинстве своем проживало в центре (Raif Kaplanoğlu, s. 95, 28). На морских побережьях располагалось множество греческих деревень.

Хотя и складывается впечатление о том, что казаки занимались исключительно озерным рыболовством и пользовались преимуществами болотистой местности, время от времени можно заметить, что некоторые из них предпринимают попытки включиться в торговую жизнь. Эти попытки или же купля-продажа осуществлялась с упомянутыми немусульманами. К примеру, в деревне Тирилье¹¹, когда казак Апостол захотел стать управляющим кофейни, принадлежащей Христу, с трехлетним контрактом, то местное население не разрешило и воспрепятствовало этому. По этой причине атаман написал Губернатору провинции с просьбой оградить от вмешательства (HR. MKT 187/41, 1273.Ş. 24/ 19.04.1857).

У россиянина по имени Аракил, который был арендатором на ферме у одного еврея по имени Долсе бинт-и Исак, возникли проблемы юридического характера¹². Есть даже запись о том, что Аракил ранее обанкротился (HR. MKT, 74/58, 1270. В. 18/ 16.04.1854).

Христианское население Османского государства не могло строить или ремонтировать церкви вопреки установленным правилам. За несоблюдение этого порядка церкви разрушались, а ответственные наказывались. Эти правила были применимы как для немусульманского населения Стамбула, так и для Анатолии. К примеру, воздвигнутая в Балыкесире вопреки правилам церковь на земле, принадлежащей мусульманину, стала предметом жалобы в Стамбуле (Kâmil Su, s. 99).

Однако государство не вмешивалось в строительство церквей казачками и соблюдение ими обрядов и обычаев. Считалось, что их связь

¹¹ Городок Тирилья, округ Муданья. Сюда входят такие деревни, как Тирилья, Ялы Чифтлиги, Эшкел, Махмудийе, Рахман и Веледлер (Bursa Coğrafyası, (haz. Mehmet Fatih Birgül-Levent Ali Çanaklı), Bursa İl Özel İdaresi yay., Ankara, 2009, s. 82).

¹² Россиянин Аркаил, который был арендатором на ферме в Бандырма у еврея Долсе бинт-и Исака прятал имущество и животных и не хотел их передавать. Было принято решение изъять у Аркаила имущество и животных по описи и вернуть их владельцу (HR. MKT, 74/ 37, 1270. В. 14/ 12.04.1854).

с Россией поддерживалась на религиозном уровне. По материалам проведенных интервью установлено, что только настоятели церквей раз в несколько лет ездили в Россию. Во время этих поездок производился обмен иконами. Некоторые иконы, оставшиеся от казаков, нынче хранятся в музеях Турции (Servet Somuncuoğlu, A.g.e., s. 78).

Существуют две народные церкви православия, принадлежащие одной ветви. Даже среди жителей одной деревни две одинаковые православные церкви оставались закрытыми друг для друга, одна часть жителей деревни относилась к одной церкви, вторая – к другой. По силе их верования доходили до уровня истового фанатизма, также они крепко накрепко были привязаны к своим религиозным обычаям. По воскресеньям каждый житель регулярно посещал службу в своей церкви (Hilmi Ziya Ülken-Ayda N. Tanyeli, A.g.m., s. 149).

В 1953 году во время землетрясения в Йенидже (округ Чанаккале) и Гёнене пострадали церкви, принадлежащие казакам (Servet Somuncuoğlu, A.g.e., s. 87). Однако за короткий срок обе церкви были восстановлены, к тому же, связавшись с Греческим Патриархатом в Стамбуле, была привлечена помощь Патриархата. Одна из церквей гораздо больше других. В большой церкви находится исторический колокол, согласно записи на этом колоколе он был привезен из Москвы в 1879 году (Hilmi Ziya Ülken-Ayda N. Tanyeli, A.g.m., s. 149).

Кроме того, во время Русско-турецкой войны 1877–78 годов (Войны 93-го года*) большая часть казаков уехала в Болгарию и Россию. Казаки, постоянно привлекавшие внимание своей оригинальной одеждой и фольклорными особенностями, жившие в дружбе с жителями окрестных турецких деревень, участвовали в битвах при Чанаккале, среди них были шехиты**, а некоторым семьям выплачивалась пенсия шехита (Zekeriya Özdemir, A.g.e., s. 89–92).

Размещение казаков в Конье и возвращение в Россию.

Время от времени у казаков возникало недопонимание с другими группами переселенцев. В некоторые моменты население, которое только начало вести оседлый образ жизни временами виделось как конфликтующее с тем населением, которое уже вело оседлый образ жизни. Эта проблема проявилась в поселении Маньяс, и во взаимоотно-

* По хиджре война 1877–1878 годов приходится на 1293 год, поэтому ее иногда называют Война 93-го года. (Прим. переводчика).

** Шехиты – герои войны, погибшие мученической смертью. (Прим. переводчика).

ношениях размещенных здесь казаков с другими переселенцами и местным населением начала возникать непереносимость. Поэтому казаки были вынуждены оставить те территории, на которых они были размещены, и переехать в другой регион в Акшехир (санджак Конья). В документах причины переезда увязывались с их «дикой природой и непереносимостью других групп переселенцев» (MVL 525/ 137/1283. Za. 5/ 12.03.1867). Хотя это положение относилось не только к казакам. Время от времени подобные случаи повторялись и с черкесами, ранее размещенными в этом регионе. К примеру, размещенные в Михаличе дагестанские черкесы причиняли вред христианскому населению. С целью препятствования данному инциденту эти семьи были переселены в другое место (HR. MKT 17/19/ 1263. S. 12/ 29.01.1847).

В виду того, что казаки, проживающие в Маньясе, не могут найти места пастбищ для своих животных, они обращаются в санджак Бурса. В этом обращении указано, что, так как они живут рыболовством, то не могут заниматься сельским хозяйством, однако у них есть около 1500 голов скота и они нуждаются в соломе. Но земли фермы в деревне Акдоган принадлежали члену Государственного Военного Совета Ферику Рашид паша. А казаки вышли за пределы 106 акров, выделенных для них, и пасли свой скот в неразрешенных территориях (А.}MKT. UM 392/ 79, 1276 B 04/ 28.01.1860). Было начато расследование для разрешения данного спора (А.}MKT. UM 395/ 3, 1276 B 14/ 06.02.1860).

Димитрий и Иван, которых казаки назначили своими представителями, в своих обращениях сообщали о том, что острова Мил и Кыр на озере Бейшехир подходят для размещения и спрашивали о том, где и каким образом им строить дома. Они согласились уплатить налоги за занятие сельским хозяйством и рыболовством в тех местах, где будут размещены (MVL 525/ 137/1283. Za. 5/ 12.03.1867). В конечном счете, из-за того, что казаки не смогли найти общий язык с переселенцами, проживающими в Маньясе, было принято решение, согласно их обращению, перевезти их на остров Мил в озере Бейшехир (А. MKT. MNM 383/37/ 1284. M. 24/ 28.05.1867). Таким образом, казачьи группы, проживавшие в Маньясе, были размещены на пустующих островах Мада¹³ и Мил, входящих в состав поселения Йенишехир Конья, и им было выделено определенное количество земли. Причины этого

¹³ Остров Мада является единственным жилым островом из 33 островов Озера Бейшехир, расположенного между Спартой и Коньей. На сегодняшний день остров носит название Узанада.

переселения связаны с проблемами, которые возникли с черкесскими переселенцами (они препятствовали их торговле) (ŞD. 1701/7/ 1285 Ra 20/ 11.07.1868).

После Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, которая стала поворотным моментом в истории Турции, переселенцев, прибывших из Румели, старались разместить на территории сегодняшнего округа Балыкесира. Было уделено особое внимание следованию определенного плана размещения, чтобы местное население, будучи в меньшинстве, не оказалось лицом к лицу с переселенцами. Земли для размещения принадлежали государству, фермам султана. Земля, находящаяся в собственности государства, была в пользовании местного населения. В особенности из-за того, что среди земель Гёнена, Маньяса и Сусурлука были широкие государственные земли и фермы, большая часть черкесских переселенцев была размещена на этих территориях. Другие группы казаков, в основном, были распределены по деревням и, в особенности, по старым общественным фермам (Aydın Ayhan, s. 193).

В последующие годы переселения казаков в Конью продолжились. Считалось, что казаки из Бандырма, часть, которых прибыла из Румынии, а другая – из Йенишехира (Чанаккале), начали селиться в Акшехире, в махалле под названием Учал. Здесь они построили 54 дома. Переименование мест, где проживали казацкие переселенцы, считалось уместным (ДН. МКТ 1149/ 46/ 1325. М. 14: 27.02.1907). Согласно пожеланию падишаха было принято решение именовать махаллю Учал в Акшехире, где разместились казаки, Джедидией (А. МКТ. МНМ. 530/29, 1325 R 02/ 15.05.1907).

Переселенцы, вернувшиеся в Россию.

Начавшиеся и разгоравшиеся войны на Балканах в середине XIX столетия приводили к потере земель Османским государством и стали причиной больших трудностей для возвращения граждан в Анатолию, которые спокойно жили на этих территориях на протяжении более 500 лет. В это же время с овладением Россией Крымом и Кавказом мусульманское и христианское население этих земель начало переселяться в Анатолию. Спасшиеся от войны, эти группы вели самую настоящую войну за выживание, семьи были разделены, часть из них в пути, другие погибли, достигнув места размещения. В этом свою роль сыграли и условия путешествия, отсутствие еды и заразные болезни. Южная Мармара и ее плодородные земли стали причиной конфликтов между переселенцами. Для решения этих споров часто обращались к государству.

Прибытие крымских переселенцев в Бандырма и Гёнен продолжалось¹⁴, также как и размещение черкесов. Конечно же, не все казаки данного региона переселились в санджак Коньи, некоторая часть продолжила свое проживание в окрестностях озер Изник и Маньяс. Распределение земель между вновь прибывшими переселенцами порождало новые проблемы. К примеру, имело место недопонимание, возникшее между казаками из поселения Бандырма и переселенцами, размещенными в Гёнене в деревне Асмалыдере, из-за земли. В конечном счете, было установлено, что земля принадлежит казакам и приняты необходимые меры (ВЕО/ 1160/86971, 1316 S 29/ 18.07.1898).

Сколько бы не утверждалось, что казаки не имеют связей с Россией, внимание Османских властей привлекло сообщение, что двое представителей Российского Посольства и один священник встречались с казаками из Бандырма (У. МТВ. 255/263, 1321. За. 28/ 15.02. 1904).

К началу XX века на повестку дня встал вопрос о возвращении казаков в Россию. В 1909 году был составлен список казаков, проживавших в Бандырма и в окрестностях озера Маньяс, изъявивших желание вернуться в Россию или остаться на прежних местах, и передан Министерству иностранных дел. Так началась переписка по этому поводу (HR. ID. 19/18, 25.09.1909).

Из обращения, которое было сделано в 1900 году, установлено, что казанские татары, переехавшие в Турцию, изъявили желание вернуться обратно в Россию. Османские власти не разрешили 20 семьям казанских переселенцев, обратившимся в Российское консульство, вернуться в Россию и старались их переубедить (А. МКТ. МНМ 509/34/ 1318. S. 29/ 27.06.1900).

В официальных документах 1910 года есть сведения о том, что казачье сообщество, состоящее из 200 семей, с общим количеством около 1000 человек, которые в свое время были последователями Игната Некрасова и жили в Маньясе под протекторатом Османского государства, изъявили желание вернуться в Россию, и для этих целей связались с официальными властями (DH. MUI 402/13/1328 Ra 05/ 17.03.1910).

Среди казачьих переселенцев, изъявивших желание вернуться в Россию на свою исконную родину, было 87 молодых людей призыв-

¹⁴ В поселении Гёнен, входящем в состав санджака Кареси (Балькесир) было размещено 49 семей общим количеством 217 человек крымских переселенцев, входящих в группу Ходжи Тимушах Эфенди (А. } МКТ. МНМ. 235/42, 1278 Ra 13/ 19.09.1861).

ного возраста, им тоже было разрешено вернуться. К тому же было принято решение о передаче одного молодого человека в Российское консульство, который в это время нес службу в Ишкодре (ВЕО 3896/292193/1329. Са. 24/ 23.05.1911).

Группа из 120 человек, которым было разрешено вернуться, на русском пароме прибывает в Стамбул, и Стамбульский Департамент Полиции известил их о том, что в связи процедурами им придется некоторое время подождать на пароме (HR. ID. 10/70/ 10.08.1912).

Было известно, что на землях, оставленных донскими казаками, которые изъявили желание вернуться в Россию, будут размещены переселенцы ожидающие размещения в окрестностях Черного моря (M.V., 136/ 11/ 1327. M. 08/ 22.01.1909). Когда стало известно о том, что казаки, проживавшие в деревнях Маньяса, переедут в Россию, казаки Акшехира, что в Конье, продолжили жить в прежних местах (DH. ID 15/49/1331. Z. 04/ 04.11.1913).

Заключение.

В XIX веке казанские татары-мусульмане Волго-Уральского региона и казаки-христиане, жившие на севере Черного моря, были размещены в провинции Худавендигар (Бурса), который в Османском государстве принимал больше всего переселенцев.

Казаки были размещены в тех регионах, природа которых похожа на места их исконного проживания. Хотя существует информация о том, что они прибыли сюда во времена Петра I, сведения об этом в архивных документах относятся к первой половине XIX века. Поначалу, из-за своего покорного поведения, они были освобождены от налогов на доходы, которые они имели с рыболовства. В то время, когда в Османском государстве для посещения соседнего города требовалось разрешение, казаки могли свободно перемещаться по различным регионам Анатолии для решения своих дел и брать с собой жен.

С середины XIX века из-за большого потока переселенцев по причине нехватки пастбищ и т.д. в Анатолии начинается борьба за землю. Так как государство направляет черкесских переселенцев в Маньяс, Балыкесир и Чанаккале, то между ними и казаками возникают конфликты.

Не смотря на то, что в провинции Худавендигар, где проживало немусульманское население Османского государства, были грузины¹⁵, переехавшие из России и другие христианские элементы, русские продолжали там жить в качестве закрытого сообщества. По причине своего консервативного уклада они не заключали браки с кем-либо со стороны. Однако этот уклад не помешал их восприятию со стороны местного населения, особенно они стали известны в этой среде благодаря особенностям фольклора. Хотя и говорилось, что не осталось связей с их исконной родиной, известно, что их духовные лица посещали Россию, а также российские духовные лица посещали их.

С 1909 года казаки начали озвучивать свое желание вернуться в Россию, на свою исконную родину. Они возвращались в Россию и в период Османского государства, и в период после образования Турецкой Республики. Установлено, что среди тех, кто изъявил желание вернуться на родину в 1911 году, было большое количество молодежи.

Казанские татары-мусульмане, которые являются местным народом Волго-Уральского региона царской России, по причине религиозного давления, оказываемого на них, были вынуждены оставить родные места и переселиться на территорию Османского государства. Существуют доказательства того, что их переселение было начато в середине XIX века. Однако есть достоверные доказательства того, что эти переселения к концу столетия усиливаются (*Osmanlı Belgelerinde Kazan*, 2005; *Arzu Kılınc Ocaklı*, s. 896–906; Кылынч, 44–62 б.).

Казанские переселенцы были размещены в провинции Худавендигар, где в Анатолии жили казаки. Если казаки размещались по берегам озер, чтобы могли заниматься рыболовством, то мусульмане Волго-Уральского региона размещались на внутренних территориях вглубь страны и занимались земледелием. В этих группах часто наблюдается желание воссоединиться со своими соотечественниками, которые прибыли сюда ранее и жить вместе. Однако из-за невозможности без разрешения покидать места, указанные государством для размещения, они не могли переселиться в другие подходящие для себя места и тем более вернуться в Россию. Если переселение казаков было связано с определенным периодом, то переселение казанских поселенцев началось во времена Крымской войны и постепенно увеличи-

¹⁵ На сегодняшний день в Этнографическом музее Инеголь выставлены официальные документы, фотографии, музыкальные инструменты, принадлежавшие грузинам, которые переселились в окрестности Бурсы.

валось к концу XIX столетия и даже продолжалось в начале XX века. Они не вернулись на свою исконную родину.

Переселенцы Волго-Уральского региона по религиозным, этническим и культурным причинам смешались с местным населением. Они проживали больше на суше, чем на берегу моря. Казанские татары, которые в XIX веке жили в провинции Худавендигар, сегодня проживают в таких городах, как Бурса, Эскишехим, Афьонкарахисар и Кютахья.

После свержения самодержавия в России и начала Гражданской войны в 1920–21 годы тысячи казаков будут бежать из России в Стамбул.

Перевод с турецкого языка *Б.Р. Ногманова*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Akkuş, Tacettin*, Tanzimat Başlarında Balıkesir Kazası (1840–1845), Zağnos Kültür ve Eğitim Vakfı yay., Balıkesir, 2001.
2. *Akkuş, Tacettin*, Gönen ve Köyleri Tarihçesi, Ekin yay., İstanbul, 2001.
3. *Ayhan, Aydın*, Balıkesir ve Çevresinde Yörükler, Çepniler ve Muhacirlar, Zağnos Kültür ve Eğitim Vakfı yay., Balıkesir, 1999.
4. *Balıkesir Bir Kentin Kimliği*, Balıkesir Rotary Kulübü yay., Ankara, 1997.
5. *İnalcık, Halil*, «Karadeniz'de Kazaklar ve Rusya: İstanbul Boğazi Tehlikede», Çanakkale Savaşları Tarihi, (ed. Mustafa Demir), C. I., s. 59–64, Değişim yay., İstanbul, 2008.
6. *İnalcık, Halil*, Devlet-i Aliyye Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar II, İş Bankası yay., İstanbul, 2014, 512 s.+16 s. resim.
7. *İnalcık, Halil*, «Bursa», TDVİA, C. 6, s. 445–449.
8. *Jorca, Nicolae*, Osmanlı İmparatorluğu Tarihi, IV-V, (çev. Nilüfer Erçeli), (haz. Erhan Afyoncu), Yeditepe yay., İstanbul, 2005.
9. *Кылыч А.* Идел-Урал татарларының госманлы жирләренә XIX гасырның 70-нче елларына кадәрге күчешләре // Чын мирас. – 2012. – № 5–6. – 44–62 б.
10. *Kurat, Akdes Nimet*, Rusya Tarihi Başlangıçtan 1917'te Kadar, TTK yay., Ankara, 1993.
11. *Puşkin A.*, Pugaçev İsyanının Tarihi, MEB yay., İstanbul, 2000.
12. *Portal, Roger*, «Pugaçev: Une révolution manquée», Etudes d'histoire moderne et contemporaine», T. I, 1947, p. 68–98.
13. *Osmanlı Belgelerinde Kazan*, (haz.K.Gurulkan, R. Gündoğdu, M. Küçük, Y.İ. Genç) Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı yay., Ankara, 2005.
14. *Özdemir, Zekeriya*, Kaplıcalar Şehri Gönen, Gönen Belediyesi Kültür yay., Ankara, 1998.
15. *Kandes, Vasileios I.*, Kuruluşundan XIX. Yüzyıl Sonlarına Kadar Bursa, (terc. Dimitri Demirci- İbrahim Kelağa Ahmet), Gaye kitabevi, İstanbul, 2009.

16. *Somuncuoğlu, Servet*, Don Kazakları, (ed. Emine Eroğlu), Timaş yay., İstanbul, 2004.

17. *Su, Kâmil*, XVII ve XVIII inci Yüzyıllarda Balıkesir Şehir Hayatı, Resimli Ay Matbaası, İstanbul, 1937.

18. *Ülken, Hilmi Ziya – Tanyeli, Ayda N.*, «Gönen Bölge Monografisi», İ. Ü. Sosyoloji Dergisi, C. 2, S. 10–11, İstanbul, 1955, s. 115–154.

Информация об авторе

Кылынч Арзу, доцент, доктор, Университет искусств им. Мимар Синана (г. Стамбул, Турция); arzu.kilinc@msgsu.edu.tr

Kylunch Arzu, the associate professor, the doctor, Mimar Sinan Fine Arts University (c. Istanbul, Turkey); arzu.kilinc@msgsu.edu.tr

УДК 94(470.41)"16/18"

ТЯЖБА О ВОТЧИННЫХ ЗЕМЛЯХ ДЕРЕВНИ БИЗЯКИ

© 2015 г. А.Х. Махмутова

Деревня Бизяки расположена в Прикамье, на северо-востоке Республики Татарстан, и входит в состав Менделеевского района. Во владении бизякинского сельского общества издавна была вотчинная земля, что, несомненно, представляет интерес для изучения. История бизякинской вотчины отражает социально-экономические процессы, происходившие в Вятском крае в XVII–XIX веках, затрагивая вопросы расселения и взаимоотношения многонационального населения региона. На примере этой татарской деревни можно увидеть и политику властей, направленную на ограничение прав нерусских народов края, особенно, главного их права – права на землю.

Документы, свидетельствующие о вотчинном праве бизякинцев на землю, видимо, появились в XVI–XVIII веках. Главные из них – грамота царя Петра I уфимскому воеводе В.Ф.Леонтьеву от октября 7205 (1697) года и выпись уфимского воеводы от 1699 года, основанные на «старинной крепости», сгоревшей в 1651 году. В течение XVII–XVIII веков правительство стремилось ограничить размеры бизякинской вотчины. Основная же борьба, затянувшаяся на шесть десятилетий, развернулась в ходе межевания земель в XIX веке. Ходу тяжбы бизякинцев с местной администрацией за сохранение вотчинного права на свою землю и посвящена эта статья.

Ключевые слова: Бизяки, вотчина, вотчинное право, община, межевание, Елабужский уездный суд

LAWSUIT ABOUT PATRIMONIAL LANDS OF VILLAGE BIZYAKI

A.Kh. Makhmutova

The village of Bizyaki is located in Prikamye, in the northeast of the Republic of Tatarstan, and is a part of the Mendeleevsky district. In possession of bizyakinsky rural society long since there was a patrimonial land that, undoubtedly, is of interest to studying. The history of a bizyakinsky ancestral lands reflects the social and economic processes happening in the Vyatka region in the XVII–XIX centuries, raising the questions of moving and relationship of the multinational population of the region. On the example of this tatar village it is possible to see also the policy of the authorities directed on restriction of the rights of the non-russian people of region, especially, main right – the right for the land.

The documents testifying to the patrimonial right of bizyakinets for the land, probably, appeared in the XVI–XVIII centuries. Main from them – the manuscript of the tsar Peter I to the Ufa voivode V. F. Leontyev of october of 7205 (1697)

years and extracts to the Ufa voivode of 1699, based on the «ancient manuscript» which burned down in 1651. Within the XVII–XVIII centuries the government sought to limit the sizes of a biziakinsky ancestral lands. The main fight happened for six decades was developed during a land surveying of lands in the XIX century. This article is devoted to process of a lawsuit of biziakinets with local administration for preservation of the patrimonial right for the land.

Keywords: Biziaki, ancestral lands, patrimonial right, community, land surveying, Yelabuga district court.

Деревня Бизяки расположена в Прикамье, на северо-востоке Республики Татарстан, и входит в состав Менделеевского района. Она находится на берегу Нижнекамского водохранилища в 12 км к востоку от районного центра. Деревня тянется с севера на юг километра на два вдоль небольшой речки, которую жители называют просто «инеш (речка)», а в официальных документах она значится как речка Безяка. Точное время возникновения деревни Бизяки, как и у большинства населенных пунктов, неизвестно. О значительной давности появления этого поселения говорят как легенды и предания, известные мне с детства, так и документы XVII–XIX веков.

Во владении бизякинского сельского общества издавна была и вотчинная земля, что, несомненно, представляет большой интерес для изучения. История бизякинской вотчины отражает социально-экономические процессы, происходившие в Вятском крае в XVII–XIX веках, затрагивая вопросы расселения и взаимоотношения многонационального населения региона. На примере одной татарской деревни – маленькой ячейки общества – можно увидеть и политику властей, методично ставивших своей целью ограничение прав нерусских народов края, особенно, главного их права – права на землю.

Документы, свидетельствующие о вотчинном праве бизякинцев на землю, видимо, появились в XVI–XVIII веках. Однако обнаружены они были среди более поздних дел, относящихся к XIX веку. Главный из них – грамота (предписание) Петра I уфимскому воеводе В.Ф.Леонтьеву от октября 7205 (1697) года. Именно она в ходе всех споров предьявлялась бизякинцами как документ, дающий им неоспоримое право на свою землю. Приведу эту грамоту полностью.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца на Уфу стольнику нашему и воеводе Василью Федоровичу Леонтьеву да подъячему Федору Юрьеву.

Били челом нам, великому государю, Уфимского уезду Казанския дороги Ирминския волости башикирцы Агилдейко Тямов да Еманко Юскеев: старинная де вотчина за ними деда их Тогайки Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке. Нижняя межа Долгая гора, а сверху межа от горы Был-Караул, а вверх по речке Безяке по обе стороны. Да за ними ж рыбные ловли, что даны им во 151 году Ахбулатке Ихтееву на устье речки Безяка и два озера Шаранбур да Казанбур. И старинная де их крепость на тое их вотчину и рыбные ловли во 159-м году згорела. И в прошлом де 200-м году дана им выпись на Уфе за печатью города Уфы, и нам великому государю пожаловати бы их, велеть им дать нашу великого государя грамоту к вам на Уфу с прочетом, чтобы им тоєю своею вотчиною и рыбными ловлями и всякими угодьи владеть по-прежнему. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы бы тою их вотчиною со всеми угодьи и рыбными ловлями велели владеть по выписи, какова им дана на Уфе, и оброк и ясак платить им на Уфе. И оброчные ж платить им на Уфе сполна. А прочтя сю нашу великого государя грамоту, списав с нее список, дали им, челобитчикам, впредь для иных воевод и приказных людей.

Дана на Москве лета 7205 октября в день. . .

На обороте столнца в заглавии подписано тако: на Уфу стольнику и воеводе Василью Федоровичю Леонтьеву да подъячему Федору Юрьеву. По столнцу подписал дьяк Макар Молчанов. Спросил Мишка Васильев» (РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л.113).

Несмотря на небольшой размер, грамота эта весьма информативна. Начнем с того, что речь в грамоте идет о «старинной вотчине Тогаия Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке». Однако «старинная крепость на тое их вотчину и рыбные ловли во 159-м (1651) году згорела». В 1692 году наследники Тогаия Белякова и Акбулата Ихтеева получили «выпись на Уфе за печатью города Уфы» с подтверждением их права на эту вотчину и рыбные ловли. Для большего закрепления за собой этих земель они обратились к царю Петру I с просьбой подтвердить их права. Грамота (предписание) Петра I уфимскому воеводе В.Ф. Леонтьеву от октября 1697 года фактически явилась заменой сгоревшей в 1651 году жалованной грамоты. К вопросу о том, почему только в конце века понадобилось новое подтверждение вотчинных прав, вернемся чуть позже.

В грамоте Петра I есть только название речки Безяка, сама же деревня не фигурирует. Ответ на естественный вопрос – а была ли де-

рвеня Бизяки в то время находится в других документах этого же дела. Например, в приходной хлебной книге Приказа Казанского дворца 1650 года упоминается «*пашенная земля чювашевская деревни Безяков*» (РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 127, л. 92).

Очень важно, что документ указывает границы бизякинской вотчины. Южные границы ее проходили по Каме-реке на протяжении 15–20 верст: на западе они доходили до местности, которая расположена на крутом повороте реки Кама и поныне по-татарски называется – «Озын Тау» (можно перевести как «Долгая Гора»). Русское же название претерпело изменения – теперь это Тихие горы. Восточная же грань вотчины вверх по течению реки Кама, гора Был-Караул, – это возвышенный берег Камы, километрах в семи от речки Безяка, место, на самом деле, очень удобное для караула, ибо отсюда Кама хорошо просматривалась и вверх и вниз по течению. Сейчас на этом месте находится село Икское Устье. Стержнем – средней линией этого владения – являлась речка Безяка, которая на протяжении 15–20 верст текла с севера на юг среди лесов и впадала в одно из множества озер, находившихся на заливных лугах долины Камы (ныне эта территория занята Нижнекамским водохранилищем). Земли по обеим сторонам этой речки, от ее истока до устья, и входили в состав Тогаевой вотчины. Точные границы земель на восток и запад от речки Безяка четко не определены, указано лишь, что они расположены «по речке Безяке по обе стороны».

Такая недостаточная определенность границ бизякинской вотчины давала возможность царской администрации передвигать их по своему усмотрению, тем более, что эта территория в то время была покрыта лесами, учет которых в крае еще только начинался. Бизякинцы же, по житейской логике считая, что им принадлежит территория примерно на 7–10 верст по обеим берегам речки, видимо, до поры-до времени особо не задумывались о ее точных границах. Они лишь припускали на свои земли припущеников, как правило, на основе устных договоров. Так во второй половине XVII века на речке Безяка существовало уже три поселения. Кроме того, в разное время и на различные сроки бизякинцы сдавали в аренду жителям соседних поселений сенокосы и рыбные ловли (также, в основном, по устной договоренности).

В XVII веке царская администрация достаточно активно начала создавать новые поселения на неразмежеванных землях вокруг бизякинской вотчины. Так, на Азаевой пустоши между землями татарской деревни Бизяки и удмуртской деревни Игра (ныне расстояние между

ними – 21 километр) возникла новокрещенская деревня Сетяково. В начале XVII века на приграничных землях соседних татарских деревень Бизяки и Тураево, имевших жалованные грамоты на свои земли, Костромской Богоявленский монастырь заложил Камскую Богородскую пустынь. В середине века здесь «поселены были властями Костромского Богоявленского монастыря крестьяне». В 1656 году «по челобитью архимандрита Корнелия с братиею» была отдана «в оброк порозжая земля на реке Каме против устья Ик реки и сенные покосы Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею». Размер этой «порозжей» земли – «переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 33–33об.). Так появилась русское село Богородское (Икское Устье тож).

Однако оброчной земли им явно не хватало, и монахи пустыни не раз самовольно захватывали бизякинские угодья. Тяжбы, сведения о которых дошли до нас, начались еще в 80–90 годах XVII века. По поводу захвата сенокосов, вырубки и расчистки лесов бизякинцы не раз обращались с жалобами по инстанциям. Так одна из челобитных была направлена в 1699 году на имя казанского губернатора Кудрявцева. После тщательного разбирательства с участием елабужского воеводы права бизякинцев в 1700 году были признаны: «**Посему велено** тем санным покосам по крепостям и по розыскам и по чертежам быть за челобитчиками за башкирцы за Урусовым с товарищами, а ответчикам Костромского монастыря стряпчему отказать, для того что тех покосов за ответчиками не написано, а написаны те к монастырю покосы и именно за Камою рекою, а не в тех местах и урочищах» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 33–38).

Наступление на бизякинские земли шло и со стороны другой, западной границы бизякинской вотчины – Долгой горы. «Порозжие земли» к востоку от нее в 1673 году были пожалованы игумену Илариону с братиею из Седмиозерной пустыни, расположенной близ города Казани. На этих землях и возникли монастырский двор, ставший позже селом Богоявленским (Тихие Горы тож), и село Бондюга. В монастырском дворе, устроенном на Долгой горе, в 1681 году числилось 8 мужских душ. При нем состояли также 14 бобыльских дворов, где жили 15 бобылей и 14 их детей и племянников. Расчистив и распахав «порозжую землю» для монастыря, они «во время бытности за означенным монастырем обрабатывали часть на тот монастырь, а остальное на себя» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 50–50 об.). По пе-

реписи архиерейских и монастырских крестьян Казанской губернии в 1710 году «Дмитриевских вотчин Седмиозерной пустыни село Тихие Горы» насчитывалось уже 79 бобыльских дворов (История Татарии в материалах и документах. – М: Госэзгиз, 1937, с. 200).

Активное заселение окрестных земель в конце XVII века и возникновение новых поселений, во время которого нередко затрагивались интересы бизякинцев, и заставило их обезопасить свои владения официальными документами. Жалованная грамота, данная Тогаю Белякову, еще до пожара в 1651 году была «засвидетельствована на Уфе». Поэтому представители бизякинцев в 1692 году смогли получить «*выпись на Уфе за печатью города Уфы*», а в 1697 году – грамоту Петра I с подтверждением их права на эту вотчину и рыбные ловли. При описании этих документов упоминается грамота 7025 (1517) года, которая, предположительно, может быть «старинной крепостью» Тогаю Белякова (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д.489, л. 59). В этом случае вотчинное право на свои земли бизякинцы получили в 1517 году.

До середины XVIII века бизякинская вотчина ясачных татар, как и вообще «владеемая башкирцами и тептярями земля и уголья находились из платежа ясака деньгами, медом и зверьями». Когда «по указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления, г. Оренбургскому губернатору Неплюеву было предписано ясак с них снять», а «владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями», многие обладатели вотчинного права, в том числе и бизякинцы, поспешили закрепить свои вотчины, записавшись «в башкирцы» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 74об.–75).

Так ясачные татары-вотчинники Бизяков стали башкирцами. Но наступление на бизякинскую вотчину продолжалось. Местная администрация продолжала отбирать отдельные участки земли в казну. Как писали бизякинцы, даже «часть их сенных покосов, состоящая под самой их деревней по обе стороны речки Безяка из владения их с давних лет взошла в казенный оброк и по переоброчкам переходила разным частным людям». Новые переселенцы также захватывали части бизякинских земель, селились «на завлажденных у них землях целыми селениями да немалого числа душ и притом многократно не только на завлажденных местах, но и на неоспоримой по близости их деревни Безяков земле вырубали леса, о чем, как о самосильном их поселении, так и о вырубке лесов в 1784, 1794 и 1803 годах были поданы в Мен-

зелинский уездный суд явочные прошения» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 67 об.–68).

Вопрос о границах бизякинской вотчины вплотную встал в начале XIX века, когда проводилось генеральное межевание земель Башкирского войска. Межевание земель бизякинской вотчины было проведено 16 сентября 1805 года. В ходе оформления необходимых документов выяснилось, что немало участков, которые бизякинцы считали своими, не вошли в обмежеванную дачу. К тому же на часть территории бизякинской дачи претендовали жители сел округа, за давностью лет пользования ими привыкшие считать их своими. Вятская межевая контора, рассмотрев эти претензии, 2 января 1807 года подписала «решительное определение» о том, что «о показанных башкирских землях дело решено». 14 января 1807 года это решение было представлено в первый и шестой департамент Правительствующего Сената. 29 и 30 января копии «с решительного определения» были также отосланы в Вятскую казенную палату и Уфимскую экспедицию (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, лл. 72 об.–73). Так межевание было «по решению Вятской межевой конторы споров утверждением окончено в 1807 году» (НА РТ, ф. 324, оп. 727, д. 116).

Однако бизякинцы не удовлетворились этим решением и подали в Межевую канцелярию (Москва) апелляционную жалобу на решение Вятской Межевой конторы. «В сей жалобе писано, что деревня Безяк состоит на жалованной земле предкам их Агильдку Тямову да Яманку Юскееву по грамоте 7205 года и по выписи 207 года от стольника и воеводы Кудрявцова, что предки во время владения теми землями некоторую часть оных отдавали во владение на время из условленной платы живущим близ их деревни Безяков поселянам села Богородского Икское устье тож, села Богоявленского Тихие горы тож, селениям Сетяково, Такашево, Макаровой Тоймы, Сарсаз, Псеевы крестьянам, черемисам, татарам и тептярям, а деревни Старой Юмьи вотякам остров для расчистки (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 67 об.).

Пока апелляционная жалоба бизякинцев ожидала своей «очереди» на рассмотрение среди череды множества подобных жалоб в Москве, в Вятке нашелся особо ретивый чиновник, усомнившийся в праве бизякинцев на вотчинную землю. Старший чиновник лесного ведомства в Вятской губернии, усмотрев нарушение прав казенных (русских) крестьян, задался вопросом: «какое те башкирцы имеют право присваивать те земли?». Он обратился к гражданскому губернатору с представлением «приказать кому следует, права башкирцев и тептя-

рей по Елабужской округе рассмотреть и ежели они особливою привилегии не имеют, то сделать между ними и русскими крестьянами в этих правах уравниение на основании межевой инструкции, расчисляя всем им по 15 десятин на каждую душу, и просил Межевой конторе предписать, чтобы она выдачу башкирцам и тептярям планов на их владения по Сарапульскому и Елабужскому уездам удержала до точного рассмотрения прав их судебным порядком» (Там же, л.21–22).

Постановлением от 17 апреля 1812 года Вятское губернское правление предписало Елабужскому уездному суду разобраться в этом вопросе, для чего «выписать башкирцев деревень Безяков, Тураевой и Куразовой или их поверенного с документами на владенные ими земли». Началось новое расследование в Елабужском уездном суде с собиранием вновь документов, с привлечением поверенных и понятых претендующих на спорные земли сторон. Оно, таким образом, «возникло по одному протесту Вятского обер-форштмейстера, основанному на мнимом его предположении будто башкирцы, обитающие в Сарапульском и Елабужском уездах, не должны иметь земель более окружающих их казенных крестьян» (Там же, л.82). Материалы расследования показывают, что чиновники в разные годы взяли в казну 19 участков, которые бизякинцы считали своими. Так, уже говорилось о возникновении на этих участках деревень Сетяково, Икское Устье и Тихие Горы. Часть участков была отдана казной на различных условиях жителям других окрестных сел. В результате в спор оказались замешанными, кроме названных трех деревень, Куразово и Тураево, составлявшие вместе с Бизяками один юрт, Текашево, Псеево, Ахтиял, Ижевка, Мунайка, Тойма, Старая Юмья, неназванные деревни Алнашской и Камаевской волостей...

«Дело» бизякинцев прошло все этапы расследования и дошло до Межевого департамента Правительствующего сената, который, «возвращая в Межевую канцелярию при указе от 31 октября 1828 года за № 2388 дело, предписал решение канцелярии коим дававшее в том, чтобы деревни Безяков владения башкирцев оставить в границах бывшего до 765 года владения, и спорные отводы, отведенные той деревне из разных дач, уничтожить, и те спорные земли оставить в тех дачах, от коих оные отведены были, кроме одного места под знаком (знак тамги, похожий на «3») – А.М.» (Там же, л. 97). Так из 19 спорных мест Межевой департамент счел возможным вернуть бизякинцам лишь один участок.

Однако местные чиновники вновь и вновь находили новые причины для возобновления расследования. В 1832 году «...все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве» (Там же, л. 82). «В именном высочайшем указе, данном правительствующему Сенату 10 апреля 1832 года, помещенным в Полном собрании законов Российской Империи под № 5287-м, между прочим, изображено: мнения прекратить отныне все розыскания по владению башкирцами землями, дабы таким образом утвердить права башкирцев на принадлежащие им земли, и положить конец разорительным тяжбам, повелеваем: *признать башкирцев владельцами всех этих земель, кои отныне бесспорно им принадлежат*» (Там же, л.177–177 об.).

Хотя после этого указа бизякинцы и получили в 1834 году на руки план своей дачи и межевую книгу, спокойствие для них на этом не наступило: Елабужский уездный суд в 1841 году вновь возбудил дело о бизякинской даче.

Стряпчий 11-го башкирского кантона Скарятин 21 октября 1842 года подал в уездный суд объяснительную записку. В ней «стряпчий к защите прав башкирцев представляет на благоусмотрение суда: 1-е, – если башкирцы действительно имеют у себя противу прочих сословий превосходство в землях, то одно это нисколько не должно было вовлекать в сомнение вятского обер-форштмейстера, ибо все земли башкирцев, состоящие по реке Каме, прилежа к Оренбургскому краю, принадлежат им со времен древнейших и в последствии за верную службу их жаловано им в вечное владение; и 2-е, – все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве, и те из них, которые обмежеваны бесспорно, по именному Высочайшему указу от 10 апреля 1832 года признаны неотъемлемою собственностью башкирцев, следовательно теперь, за силою этого указа, по одному неосновательному протесту вятского обер-форштмейстера, из дач башкирцев Сарапульского и Елабужского уездов по трем – Исенбаевской, Безякейской и Тураевской, бесспорно обмежеванных земель назад тому несколько уже десятков лет, нет никакого резона пересматривать снова навеки утвержденные высочайшей властью права башкирцев» (Там же, л.82–82 об.).

Однако расследование продолжалось. Летом 1849 года Елабужский уездный суд решил провести выездное заседание суда в деревне Бизяки.

«Присутствие уездного суда открыто 20 июня 1849 года в деревне Безяках, а 24 того же июня, прибыв на место по чинимому пункту ге-

нерального плана литеры А депутата башкирской стороны, стряпчий Туленков словесно представил временному присутствию уездного суда Елабужского, что при этом пункте во владении башкирцев и тептярей не только нет излишне отмежеванной казенной земли, но противу грамоты 7205 года октября дня еще не вполне отмежевана земля, так как по грамоте Долгая гора должна быть границей башкирских владений, а она в сем месте в казенных владениях. Посему Туленков просил сделать до этой горы измерение или осмотр и записать оный в акт, и что подобно сему он, стряпчий Туленков, и в прочих, где из башкирских владений земля отошла в казенное ведомство, будет предъявлять и просить записывать в акт; например, впадение речки Безяка должно быть внутри башкирской дачи, но по межеванию впадение сей речки далеко уже в казенном владении».

Однако присутствие уездного суда заявило, что прибыло на место, чтобы «производить поверку внутри башкирских и тептярских дач только в том, не заключается ли в тех приписных отмежеванных противу актов казенных земель и лесов, а не отыскивать, как требует башкирский стряпчий за генеральною границей в казенных дачах земель, принадлежащих якобы башкирцам и тептярям». Поэтому окружной начальник и землемер Вятской палаты государственных имуществ не согласились на исполнение требования стряпчего Туленкова, «ибо всякие обыски после генерального межевания воспрещены статьею 712-ю и примечанием к 797ст. X-т. Св.зак. изд.1842 г.» (Там же, л.111–113). В результате «Елабужским уездным судом 25 июня 1849 года постановлено: присутствие сего суда в деревне Безяках закрыть, членам и канцелярии отправиться в г. Елабугу» (Там же, л.117). Для продолжения следствия суд запросил из Москвы межевые документы по Бизякинской даче, на что Межевая канцелярия указом от 7 ноября 1850 года за № 31630 дала Елабужскому уездному суду новое разъяснение: «За силою Межевой инструкции 12 главы 19 пункта владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями и уравнения землями с русскими казенными крестьянами делать не следует», советуя закрыть расследование (Там же, л. 74об.–75).

Елабужские чинуши с невероятным упорством продолжали сомневаться в достоверности права бизякинцев на земли. Новый выезд в Бизяки был назначен на 15июня 1851 года. По каким-то причинам он был отложен. Члены уездного суда прибыли в деревню 23 июня 1852 года. Здесь «Елабужский уездный землемер Титов объяснил уездному суду, что как видно из указа Межевой канцелярии, настоящее дело

межевым производством давно уже окончено, что производить поверку в натуре границ по выданным планам и межевым книгам, кроме того что она потребует продолжительного времени, он считает совершенно излишней, потому что с обеих сторон, т.е. башкирской и казенной никаких споров об этом не объявлено, а ежели и есть споры о границах, то дела об них производятся особо, и что означенную поверку производить он считает даже несогласным с 5-м пунктом указа бывшей Вятской палаты гражданского суда от 17 ноября 1841 г за № 2376». Стряпчий Хребтович же предложил все находящиеся при деле документы на земли башкирцев и тептярей представить в комиссию, высочайше утвержденную в городе Уфе для рассмотрения прав башкирцев и их припущенников. Уездный суд 25 июня 1852 года постановил: «... отослать все дело для рассмотрения в комиссию высочайше утвержденную в городе Уфе о наделении башкирских припущенников землями, а членам уездного суда и депутатам отправиться по своим местам и занятиям. Судебная палата указами от 19 ноября и 22 декабря 1852 года дала знать уездному суду, что это дело надлежит окончить сообразно сведениям в сенатском решении и по другим обстоятельствам» (Там же, л. 118–120).

12 августа 1859 года состоялось новое решение уездного суда «относительно разбора прав башкирцев на земли». В нем отмечалось, что «межевые судебные места решениями прекратили только споры о границах земель, но выданная на владение оными башкирцами беспспорной по 883 ст. 3ч. Св.зак. межевания, планы и межевые книги не могли за силою 884 ст. зак. межевания быть принимаемы» (Там же, л.177 об.–178). Следовательно, елабужские крючокотворы продолжали искать зацепки для ограничения прав бизякинцев. Их остановило только издание в 1863 году «Положения о башкирцах».

Статьями 15, 17 и 20 «Положения о башкирцах (приложение к 1-ст. II т. 24. Учрежд. Управл. инор. в продолжение 1864 г.) ... определено, что общественные вотчинные земли, в прежнее время пожалованные башкирцам или иначе им доставшиеся, обмежеванные за башкирскими обществами при генеральном межевании и состоящие в беспспорном их владении, принадлежат сим обществам на праве собственности, что такие земли предоставляется башкирским обществам продавать и отдавать в срочное содержание; и что каждый член общества может требовать, чтобы причитающуюся на его долю из вотчинной общественной земли участок был выделен ему в частную собственность» (Там же, л. 178–178 об.).

Таким образом, тяжба местных властей с бизякинцами продолжалась в XIX веке без малого шесть десятилетий. Было принято окончательное решение: «Такое точное определение прав башкирцев на обмежеванные за ними при генеральном межевании земли, как бы ни были им доставшиеся, разрешает предложенный вопрос тем, что настоящее дело в палате следует производством прекратить и неисполненную Елабужским уездным судом по указу гражданской палаты поверку земель по актам оставить без исполнения, равно и решение сего суда, состоявшегося 12 августа 1859 года относительно разбора прав башкирцев на земли, как не могущие ни увеличить, ни уменьшить тех прав, предоставленных положением о башкирцах, оставить без исполнения» (Там же, л. 178 об.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *История Татарии* в материалах и документах. – М.: Госэкиз, 1937.
2. *НА РТ*. Ф. 324. Оп. 727.
3. *НА РТ*. Ф. 986. Оп. 1. Д. 489.
4. *РГАДА*. Ф. 1306. Оп.2. Д. 127.

Информация об авторе

Махмутова Альта Хазеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Казань).

Makhmutova Alta Khazeevna, the candidate of historical sciences, independent researcher (с. Kazan).

УДК 929.7

ИЗ ИСТОРИИ КОКШАНСКОЙ ВЕТВИ ТАТАРСКИХ КНЯЗЕЙ ЯНБУЛАТОВЫХ

© 2015 г. Л.Р. Мифтахов

В данной статье на основе архивных источников раскрывается происхождение татарских князей Янбулатовых и, в частности, предыстория появления их кокшанской ветви, а также содержится краткая биография секунд-майора Стародубовского кирасирского полка Рахматуллы-мурзы князя Янбулатова.

Ключевые слова: князья Янбулатовы, татарские мурзы, Русско-турецкая война (1787–1791), Зюрейская даруга, Арская даруга, Казанский уезд, Елабужский уезд, деревня Малые Кибя-Кози, Сеитов Посад, деревня Татарский Кокшан.

KOKSHAN BRANCH HISTORY OF THE YANBULATOV'S TATAR DUKES

L.R. Miftakhov

This article is studied the origin of the tatar dukes on the base of archival sources, particularly a prehistory of kokshan branch appearance. The work also contains a potted biography of second-major Starodubovsky who was in the kirasirsky regiment of the duke Yanbulatov Rahmatulla-Murza.

Keywords: Yanbulatov's dukes, tatar murzas, Russian-Turkish War (1787–1791), Zureisk daruga, Arsk daruga, Kazan uyezd (district), Yelabuga uyezd, Little Kiba-Cosi country (patrimony), Seitov Posad, Tatar Kokshan patrimony.

Одной из актуальных тем национальной истории является исторические судьбы потомков тюрко-татарской средневековой элиты после падения Казани в 1552 г. Среди видных представителей этой социальной группы значится и князь Янбулат Шеманов, о происхождении которого пока не удалось обнаружить прямых указаний¹. Единственным

¹ Проведенные в 2014 году генетические исследования потомков князя Янбулата Шеманова показали, что они не являются родственниками по мужской линии ни одному из известных на сегодняшний день представителей татарских мурз. При этом они обладают редкой для татар гаплогруппой – G2a1a1a. Согласно этим исследованиям представители фамилии Ямбулатовых, проживающие в Саратовской области (гаплогруппа – G2a2b2a1a), не являются родственниками роду князей Янбулатовых. (В «Татарском ДНК-проекте» потомку князя Янбулата Шеманова присвоен № 307957, а представителю фамилии Ямбулатовых из Саратовской области № 344715) //familytreedna.com/public/Tatarlar/default.aspx?section=yresults

выявленным документом, где вскользь упоминается его имя, является межевая книга Казанского уезда 1565–1567 годов. В ней при описании поместья деревни Большие Кибя-Кози, принадлежавшего русским помещикам из г. Казани, упомянута межа (Писцовое описание 1565–1568 гг., 2006, с.483–484), отделявшая его от поместья деревни Малые Кибя-Кози², которым владели князь Янбулат Шеманов «с товарищи»³. В этой записи не указано, была ли эта земля пожалована русским царем или князь Янбулат с товарищами⁴ владел ею еще до 1552 г. Однако, очевидно, что после падения Казани Иван IV сохранил Янбулату высокий социальный статус.

В Писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 годов, где в качестве хозяев этого поместья указаны дети князя Янбулата – Байгул, Кадыргул и Аллагул Янбулатовы⁵ (Писцовая книга 1602–1603 гг., 1978, с.87–89, 100, 108–109) имеется запись о том, что, помимо земель, мельниц и кабака, они владели: «бортной ухажей отца их около Шунар деревни. А владеют тем ухажием по старине без грамот» (Писцовая книга 1602–1603 гг., 1978, с.89). Однако неясно о какой «старине» идет речь.

Обращает на себя внимание то, что пашни в поместье были разделены поровну между тремя братьями. У каждого из братьев было по 105 четвертей: Байгулу досталась часть поместья, принадлежавшая отцу, Кадыргулу часть поместья, ранее принадлежавшая князю Манату Кулчюрину, а самому младшему из них Аллагулу старшие братья «уделили» из своих земель (Писцовая книга 1602–1603 гг., 1978, с.87–89, 100, 108–109). В 1596 – 1597 гг. Байгул Янбулатов с братьями был жалован поместьем по р. Юграш⁶ в Зюрейской даруге Казанского уез-

² Ныне в Тюлячинском районе РТ. В межевой книге упоминается и второе название деревни Малые Кибя-Кози – Тереул.

³ Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов охватило только русских колонистов, в нем не были отражены земли, принадлежавшие местному коренному населению.

⁴ Одним из товарищей, вероятнее всего, был князь Манат Кулчюрин, чья часть поместья досталась впоследствии сыну Янбулата – Кадыргулу Янбулатову (Писцовая книга 1602–1603 гг., 1978, с.88).

⁵ В опубликованном тексте имена и фамилии сыновей Янбулата написаны искаженно: Байгульян Булатов, Каврагуел (Кадрагул) Булатов, Алигульян (Али-туль) Булатов.

⁶ На востоке бывшей Зюрейской даруги имеется три реки с названием Юраш (Юрашка). Все они берут свое начало на территории современного Елабужского муниципального района РТ. В данном случае вероятнее всего речь идет о речке Юрашка, берущей начало недалеко от деревни Брюшли (в прошлом Ибраш-Брюшли). Она заходит в Менделеевский муниципальный район (ММР) РТ, прохо-

да (НА РБ, ф.И–478, оп.1, д.175, л.57, 58). Таким образом, владения Ямбулатовых расширились. Но если деревня Малая Кибя-Кози существует и поныне, то о местонахождении усадьбы в поместье по р. Юграш ничего неизвестно. Примерно в 10 километрах от речки Юрашка, на территории современного Менделеевского муниципального района РТ, имеется деревня Татарский Кокшан⁷, но она была основана Рахматуллой-мурзой Ямбулатовым вместе со своим братом⁸ только в конце XVIII – начале XIX веков⁹. В этой деревне до сих пор проживают потомки Рахматуллы-мурзы, от которого и пошла так называемая кокшанская ветвь князей Ямбулатовых.

Рахматулла-мурза князь Ямбулатов (1750 – до 1831) является наиболее ярким представителем этого рода. Его дед Гумер-мурза в 1762 году переехал из Казанской губернии в Сеитовскую слободу, под Оренбург (РГИА, ф.1343, оп.46, д.1005, л.52–53 об.), что и открыло перед его потомками широкие возможности. Там он занялся торговлей. Его сын, отец Рахматуллы – «покойный князь» Абдюш Гумерович Ямбулатов – в ревизской сказке за 1795 год значится как мещанин «из прежде бывших сеитовских торговых татар» (ГА ОО, ф.98, оп.2, д.4, лл.381, 381 об.).

6 января 1774 года Рахматуллу Ямбулатова зачислили в Оренбургское казачье войско, где 15 сентября того же года он был произведен в сотники (РГИА, ф.1343, оп.46, д.1005, л.10). В других документах указано, что он поступил на воинскую службу только в 1785 году (ГА ОО, ф.98, оп.2, д.4, л.381). Разночтение можно объяснить его переходом из казачьего войска в регулярную армию. Дело в том, что в 1788 году ему присваивается уже не казачье, а армейское звание – поручик (РГИА,

дит через Граховский район Удмуртии, опять возвращается в ММР и впадает там в речку Тойма. Предположительно, поместье Ямбулатовых находилось по обе стороны именно этой Юрашки.

⁷ В выявленных документах наиболее раннее упоминание этого населенного пункта под названием «деревня Кукшан» относится к 1816 год (НА РТ, ф.3, оп.2, д.492, л.67–69). Однако использованное в ревизской сказке слово «деревня» не точно передает статус этого населенного пункта. На тот момент это было сельцо. Как сельцо Кокшан упоминается в Свидетельстве о рождении Абдуллы-мурзы князя Ямбулатова выданное в 1831 году (РГИА, ф. 1343, оп.46, д.1005, л.5).

⁸ У потомков Рахматуллы Ямбулатова сохранилось семейное предание о том, как Рахматулла вместе со своим братом выбирал место для своего дома на речке Кокшанке.

⁹ На тот момент эти земли перешли из Казанского уезда Казанской губернии в только образованный Елабужский уезд Вятской губернии.

ф.1343, оп.46, д.1005, л.10). И действительно, в этот период он служил в Черниговском карабинерном полку¹⁰ (Мартынов, 1908, с. 57).

Таким образом, Рахматулла-мурза успешно воспользовался возможностями, которые были дарованы указом от 1 ноября 1783 года (ПСЗ–1, т. 21, №15861), позволившим татарским мурзам поступать на военную службу и быть награжденными офицерскими званиями, а также последовавшим за ним именованным указом от 22 февраля от 1784 года (ПСЗ–1, т. 22, № 15936), позволявшим татарским князьям и мурзам пользоваться всеми преимуществами российского дворянства.

Рахматулла-мурза принял участие в русско-турецкой войне. Он «был в походах и в действительных сражениях»: в 1788 году – участвовал в штурме крепости Очаков, 13 сентября 1789 года – в сражении при местечке Мачине, 18-го – под Бендерами, 23-го – при взятии крепости Паланки, 25-го – под Белгородом, «в штрафах не бывал, к повышению аттестовался достойным» (РГИА, ф.1343, оп.46, д.1005, л.10).

За короткий срок он дослужился до штаб-офицерского чина: 12 августа 1788 года произведен в поручики и определен на службу в когорту пеших волонтеров, 11 ноября того же года произведен в капитаны. Звание секунд-майора ему было присвоено 25 января 1790 года (со старшинством с 6 декабря 1788 года). (РГВИА, ф.489, оп.1, д.2938, л.3, 10 об., 11). Судя по всему, последнее повышение в звании связано с взятием Очакова 6 декабря 1788 года. Стремительный взлет можно объяснить тем, что в XVIII веке присвоение очередных воинских званий являлось одним из видов поощрения, в одном из документов так и написано: «награждаем был чинами».

23 сентября 1795 года он был переведен в Черниговский карабинерный полк, а 5 июня 1796 году в Стародубовский кирасирский полк (РГВИА, ф.489, оп.1, д.2938, л.3, 10 об., 11; Мартынов, 1908, с.57). На следующий год указом Государственной военной коллегии от 18 сентября 1797 года секунд-майор Стародубовского кирасирского полка Рахматулла князь Ямбулатов получил отставку по собственному желанию. В соответствии с Высочайшим приказом от 14 сентября, участник русско-турецкой войны, 45-летний татарский мурза был отправлен «на собственное пропитание» с правом ношения мундира (РГИА, ф.1343, оп.46, д.1005, л.10). Так завершилась военная карьера одного из наиболее известных в Елабуге представителей старинного мурзинского рода Ямбулатовых.

¹⁰ В этом же полку числился и его родной брат – поручик Губейдулла-мурза князь Ямбулатов.

Стоит отметить, что присвоение первого армейского чина произошло после того, как 24 мая 1788 года семь членов семьи Ямбулатовых, проживавших в Сеитовом Посаде, в том числе Рахматулла-мурза с сыновьями, были включены в 4-ю часть¹¹ дворянской родословной книги Уфимского наместничества (НА РБ, ф.И-1, оп.1, д.1343, л.44 об.). При этом Высочайший указ об исключении родов, доказавших свое происхождение от татарских князей и мурз из подушного оклада, был подписан лишь 24 ноября 1796 года (НА РБ, ф.И-1, оп.1, д.1343, л.143–143 об.). Этот указ утвердил решение Дворянского собрания о включении Ямбулатовых в число представителей привилегированного сословия. Рожденный после этого указа «майорский сын» унтер-офицер Линейного Оренбургского батальона № 6 Абдулла-мурза князь Ямбулатов в 1841 году определением Оренбургского дворянского депутатского собрания был внесен в 3-ью часть дворянской родословной книги. В 1845 году он был утвержден в дворянстве «по чину отца» (РГИА, ф.1343, оп.46, д.1005, л.27 об.–28).

Что же касается представителей рода Ямбулатовых, проживавших в Казанской губернии, то они решением Дворянского собрания первоначально также были включены в родословную книгу, но «по указу Сената от 17 декабря 1796 г. Казанское губернское правление учредило особую комиссию для пересмотра уже принятых Дворянским собранием решений». 25 апреля 1797 года комиссия донесла правлению свое заключение, где имелся список фамилий, чьи доказательства благородного происхождения были признаны несущественными, там оказалась и фамилия Ямбулатовых (Хайрутдинов, 1996, с.90–91).

Как известно, в истории дворянских депутатских собраний период 1787–1828 гг. был временем относительной самостоятельности при оформлении принадлежности дворян к губернским обществам. Местная дворянская корпорация лояльно относилась к претендентам на дворянское достоинство (Корчмина), видимо зная на местах об их действительном происхождении. Однако в правительстве имелись силы, которые не желали уравнивать татарских мурз в правах с российским дворянским сословием. Относительный либерализм в этом вопросе в Оренбургской губернии был связан с колонизаторскими планами самодержавия (Хайрутдинов, 1996, с.94).

На сегодняшний день никто из известных мне представителей кокшанской линии князей Ямбулатовых не носит эту фамилию. Их

¹¹ В нее включались иностранцы, приехавшие в Россию, уже имея дворянское достоинство.

предкам при паспортизации населения в XX веке были присвоены «фамилии по отчеству». Таким образом, легендарная для Елабужского уезда фамилия вышла из употребления. Однако этот мурзинский род продолжает свое существование. Верные семейным традициям потомки князя Янбулата Шеманова, проживающие в городе Елабуга, прикладывают немало усилий для духовного возрождения нашего общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный архив Оренбургской области*. Ф.98. Оп. 2. Д. 4.
2. *Корчмина Е.С.* Дворянские родословные книги как источник для изучения деятельности дворянского депутатского собрания в первой половине XIX века (на примере Рязанской губернии) // <http://www.hrc.ane.ru/upload/medialibrary/462/hxsatngcysrkyem%20vkorapjhirzwlftcww%202009.pdf>
3. *Мартынов А.Г.* История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., 1908.
4. *Национальный архив Республики Башкортостан*. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 1343.
5. *Национальный архив Республики Башкортостан*. Ф. И–478. Оп. 1. Д. 175.
6. *Национальный архив Республики Татарстан*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 492.
7. *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1005.
8. *Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.* Публикация текста / Науч. ред. И.П. Ермолаев, М.А. Усманов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1978.
9. *Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг.* Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина. – Казань, 2006.
10. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 1-е., 1830.
11. *Хайрутдинов Р.Р.* Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: История и современность. Материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. Казань: Панорама-Форум, 1997.

Информация об авторе

Мифтахов Ленар Раифович, краевед, член Союза журналистов РТ (г. Елабуга); m4791@yandex.ru

Miftakhov Lenar Raifovich, local historian, member of the Union of Journalists of the Republic of Tatarstan (с. Yelabuga); m4791@yandex.ru

УДК 72.035

**ЗАБОТАСЬ О ХРИСТИАНСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ
ИНОРОДЦЕВ: ПРАВОСЛАВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ
(КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)**

© 2015 г. Г.Г. Нугманова

Статья посвящена неизученной теме строительства православных храмов в государственных селениях Российской империи. Она исследуется на примере Казанской губернии со значительным инородческим населением. Длительный период ориентации государства на общехристианские ценности привел к тому, что и в XIX веке подавляющее большинство крещеных российских инородцев оставалось далеким от православной культуры. С восстановлением со второй четверти столетия традиционных государственно-церковных отношений, христианское просвещение нерусского населения страны приобрело новую актуальность. Ремонт и возобновление существующих и строительство новых храмов стали одним из основных направлений архитектурно-градостроительной деятельности центральных и местных институтов власти в этот период. Исследование практики храмового строительства в Казанском регионе обнаружило проблемы, с которыми они столкнулись в беднейших приходах империи. В работе выявлен комплекс предпринятых правительством в 1850-х годах мер, обеспечивших государственную поддержку и создание благоприятных условий для сельского церковного строительства, и давших, как показал опыт Казанской губернии, свои результаты уже в ближайшие десятилетия. Представленная в статье картина вносит существенный вклад в историю русской провинциальной архитектуры.

Ключевые слова: Казанская губерния, государственная деревня, православное строительство, крещеные инородцы.

**TAKING CARE OF CHRISTIAN EDUCATION OF NON-RUSSIANS
(INORODTSY): CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES
IN THE STATE VILLAGE OF THE KAZAN PROVINCE
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY**

G.G. Nugmanova

The paper deals with the unexplored theme of the construction of Orthodox churches in the state village of Russian Empire. The subject is studied by the example of the Kazan Province with a great number of non-Russian population (inorodtsy). The great majority of the christened Russian inorodtsy stayed far from Orthodox culture even in the XIXth century. Since the restoration of the traditional

state and church relations in the second quarter of the century, the education of a non-Russian community gained a new significance. Repair of the existing churches and construction of new ones became the important line of architectural activity of the central and local authorities at the time. The research of the church construction in the Kazan region identified the problems they have faced in the poorest parishes of the country. This case study revealed a set of measures obtained by the government in 1850s, which provided the state support and favorable environment for church building in the country. They yielded the results as the Kazan experience showed in the nearest decades already. The picture presented in the paper contributes significantly to the history of Russian provincial architecture.

Keywords: Kazan Province, inorodtsy, state village, Orthodox churches.

Статья посвящена неизученной теме строительства православных храмов в государственных селениях Российской империи в середине XIX века, когда после длительного периода ориентации на общехристианские ценности в стране были восстановлены традиционные государственно-церковные отношения. Практика церковного строительства исследуется на примере Казанской губернии со значительным инородческим населением.

С 1837 года попечение о государственной деревне было возложено на Министерство государственных имуществ и подведомственные ему органы на местах – губернские палаты государственных имуществ, на которые легла в том числе и забота о постройке церквей в селениях, «в оных нуждающихся, и о содержании в приличном виде церковных строений уже существующих» (ПСЗ РИ, 1838, № 11189; НА РТ, ф.1, оп.2, д.200). При палатах имелся инженер, который занимался выбором места для будущих храмов, составлением проектов и смет.

Казанская палата государственных имуществ была в числе первых четырех, основанных «в виде опыта». Она начала свою деятельность в 1839 году. Однако только в 1846 году Палата сумела обратить внимание на положение православных приходов в своих селениях, рекомендуя Духовной консистории в трехлетний срок изучить вопрос и внести предложения по их улучшению (НА РТ, ф.91, оп.1, д.43, л.72). Проведенная ревизия обозначила проблемы и определила основные направления совместных усилий духовных и государственных учреждений на ближайшие десятилетия.

В первую очередь обнаружилось крайне неудовлетворительное состояние существующих церквей в селениях крещеных инородцев, в которых «уже с давних пор не проводилось богослужение». Подавляющее большинство из них, возведенное государством еще в период

кампании христианизации середины XVIII века в основном в дереве, к середине XIX столетия пришло в совершенную ветхость. Поэтому ремонт и восстановление существующих храмов в инородческих селениях стали одной из первоочередных задач.

Большинство крещеных инородцев лишь формально числились православными, однако среди них имелись и такие, которые «*обязанности христианские исполнять не отреклись*». Множество подобных селений имелось в Козьмодемьянском уезде с преобладающим марийским населением. Они первыми откликнулись на правительственный призыв. Почти одновременно изъявили желание отремонтировать свои храмы жители пятнадцати сел Козьмодемьянского округа – Большой и Малой Юнги, Пиятрино, Ильинской пустыни, Пернягаш, Шапкулей, Киняр, Малой Арды, Янгилдино, Ахмылове и др. Так, в своем приговоре крестьяне разных селений Больше-Юнгинской волости, «крещеные из черемис», сообщали: *«Будучи в общем собрании на мирском сходе приходской нашей села Вознесенского, Ценибекова тож, церкви имели рассуждение, что в означенной церкви находятся некоторые ветхости, которые необходимо дозволить исправить. А потому с общего всех согласия предположили на исправление тех ветхостей из ревности к благолепию храма пожертвовать денег серебром 123 рубля, производством от жертвующих сбора избрали мы из среди себя поверенных ... которым по хорошему их поведению и состоянию доверяем, и имеем на них в оном хорошую надежду ... с тем, чтобы они жертвуемую сумму хранили в церковном ящике впредь до разрешения г. окружного начальника, в чем учинили сей приговор, позарукоприкладствовали доверием означенным поверенным представить на рассмотрение в местное наше волостное правление»* (НА РГ, ф.91, оп.1, д.43, л. 9).

Другую важную проблему составляли обширность приходов и отдаленность деревень от приходских церквей. Именно в этом виделась главная причина массового отпадения крещеных инородцев от православной веры: *«важнейшим средством как прежде к предохранению новокрещеных от соблазнов и отпадения, так и ныне к утверждению оных в православии долженствовал и долженствует быть ближайший надзор»* (ПСПрВПИ, 1915, с.229). При существующих же расстояниях, которые в Казанской епархии в отдельных случаях достигали 70 верст, осуществлять должное наблюдение за всеми прихожанами было невозможно. Необходимость увеличения числа приходов в губернии становилась все более «ощущительной».

Образование нового прихода стало предметом *«обстоятельного дознания»*, учиненного в июле 1849 года благочинным Козьмодемьянского округа Кроковским в смежных между собой Ахмыловском и Ардинском приходах. Оно показало, что деревни Кумья, Кукмор и Тогашево отстояли от своей приходской Предтеченской церкви в с.Ахмылове на расстоянии 43, 45 и 50 верст соответственно. Еще дальше от своих храмов располагались деревни Тойдаково, Шорокундыш и Актуюжи – расстояния от них до с.Арды составляли 65, 59 и 47 верст соответственно. В своем отчете Кроковский подчеркнул, что именно отдаленность всех шести деревень от приходских центров являлась причиной того, что священники должного наблюдения за новокрещеными черемисами не имели. Кроме того, в весеннее и осеннее время во время разливов болот и рек Вятки и Кундыша сообщение с деревнями вообще прерывалось. Новую церковь решено было устроить в д.Тойдаково *«как центральной между прочими деревнями»*. Свою резолюцию Духовная консистория направила в Палату, попросив ее назначить через своего инженера удобное для сооружения церкви место, составить план местности, чертежи церкви, а также определить источники для постройки церкви и содержания причта (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.3–8).

Большую озабоченность местных властей вызвали обнаружившиеся случаи раскола среди русского населения губернии, появление которых также связывалось с отсутствием должного наблюдения со стороны священнослужителей и отдаленностью храмов. Поступившие в июле 1853 года в консисторию сведения о том, что жители д.Пролейкаша Тетюшского уезда не исполняют христианского долга и склонны к расколу, послужили основанием для проведения немедленного выяснения обстоятельств произошедшего (НА РТ, ф.91, оп.1, д.231, л.1–2). И, хотя оказалось, что уклонение жителей в раскол произошло всего несколько лет назад и коснулось лишь девяти человек, а прочие жители придерживались христианской веры, основания для беспокойства у консистории имелись. Сельчане жаловались, что в весеннее время по причине разлива воды сообщение с располагавшимся в 11-ти верстах приходским селом Сумароково прерывалось полностью. Выяснилось также, что в аналогичной ситуации находились и жители д.Урюм, отстоявшей от приходского центра на расстоянии 12-ти верст. Выявленный случай раскола, а также наличие значительного числа новокрещеных «из чуваш» в приписанных к селу Сумароково деревнях послужили безусловным основанием для принятия решения

об образовании двух самостоятельных приходов с центрами в Пролейкашах и Урюме, в которых предстояло возвести церкви.

К подобным «местностям, где предстоит ныне наибольшая ощущительная надобность в возведении тех церквей», относились и другие поселения новокрещеных инородцев Тетюшского и Мамадышского округов (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.15). Новые православные храмы было предположено возвести в Ново-Чурилине, Чуре, Ныре Мамадышского уезда и Кирельском Тетюшского уезда, где проживали крещеные татары. В Чуре и Кирельском существующие церкви совсем обветшали. Центр прихода из с. Отары, где церковь сгорела, был перенесен в д.Ново-Чурилино. Ныра также стала центром вновь назначенного прихода, образовавшегося в результате разделения Чурилинского прихода.

Таким образом, выявленные в процессе «дознаний» проблемы так или иначе были связаны с плохим состоянием, нехваткой и отсутствием храмов. Однако восстановление существующих и строительство новых церквей шли крайне медленными темпами. Сбор средств на церковные нужды затягивался по причине чрезвычайной бедности крестьян. Так, в 1853 году Казанская строительная и дорожная комиссия была вынуждена просить Казанскую палату государственных имуществ о выделении казенных средств на ремонт церкви в селе Ново-Югинск Цивильского уезда, поскольку «прихожане пожертвований не делали», а повреждения на храме, освидетельствованном ею три года назад, увеличивались (НА РГ, ф.91, оп.1, д.255, л.1.). В приведенном выше случае с д.Тойдаково палата сама предложила оставить исполнение решения «впредь до особого усмотрения», найдя возложение строительства на самих крестьян слишком обременительным ввиду малочисленности вновь создаваемого прихода, включавшего всего 362 души (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.3–8). Ситуацию усугубило введение с 1853 года в действие «Положения об обеспечении сельского православного духовенства в Казанской губернии землями и домами от прихожан». Отказывая в содействии, Казанская палата ссылалась на отсутствие имевшихся в ее распоряжении средств (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.7об.).

Типичная для всех губернских палат государственных имуществ картина объяснялась тем, что все внимание правительства в данный период сосредотачивалось на западных губерниях, где «состояние церквей требовало особого попечения», в особенности после воссоединения в 1839 году униатов. Императорским указом от 29 января

1832 г. повелевалось, чтобы в казенных селениях западного региона «церкви устраиваемы были на счет казны», с ассигнованием «каждо-годно известную довольно значительную сумму с тем, дабы в Министерстве Финансов составлены были церквам сим, соответственные пространству и населению приходов планы и фасады, а самое построение производилось таким образом, чтобы лет через пять или шесть оное приведено было к окончанию во многих уже местах» (ПСРВПИ, 1915, с.573). За казенный счет было предписано строить каменные церкви греко-русского исповедания и в казенных селениях Киевской епархии (Там же, с.583). С 1845 г. усилия по устройству православных церквей в казенных селениях Западного края, сосредоточились «для большего единства» целиком в Министерстве государственных имуществ. В 1852 г. последовало высочайшее повеление, чтобы все без исключения православные церкви в казенных селениях Западных губерний были исправлены и снабжены всеми церковными принадлежностями. Завершить исполнение предполагалось в десятилетний срок, начиная с 1855 года (Историческое обозрение, с.42–43).

В Казанской же губернии практически все начатые работы по восстановлению и строительству церквей находились в замороженном состоянии. Положение стало несколько меняться только с середины 1850-х годов, когда часть выделяемых по ведомству государственных имуществ на устройство храмов средств стала поступать и в великороссийские губернии. Так, в 1854 году эта сумма составила 8859 руб. (для сравнения – в Западные губернии для этих целей было направлено 68436 руб.), а в следующем 1855 году она возросла до 12146 руб., причем была отпущена из денег, предназначенных для Западных губерний. Выделенные деньги предназначались, главным образом, для предоставления крестьянам ссуд (Извлечение из отчета, 1855. с.7–9).

Однако появление сколько-нибудь заметных перемен в области церковного строительства в казенной российской деревне было связано с принятием правительством целого ряда мер, направленных на создание экономических возможностей для самостоятельного строительства и содержания крестьянскими общинами своих храмов.

«Облегчению государственных крестьян в постройке церквей» способствовала *Инструкция по управлению мирскими капиталами*, утвержденная министром государственных имуществ П.Д.Киселевым 30 декабря 1853 года. Согласно этой инструкции, вступившей в действие с 1854 года, крестьянам разрешалось производить специальный частный сбор на возведение церквей, употреблять на этот предмет до

половины мирских капиталов, а также ежегодно выделять на эти цели сумму из хозяйственного капитала. Губернским палатам государственных имуществ было дозволено безденежно отпускать крестьянам лес из казенных лесных дач (Историческое обозрение, с.41).

Государственное «*вспомоществование*» заключалось в предоставлении сельским обществам ссуд, с «*постепенным возвратом в более или менее отдаленные сроки от приписанных к приходу устрояемых церквей государственных крестьян*», либо на безвозвратной основе. Последнее, однако, было ограничено высочайшим повелением от 15 ноября 1854 года, постановившим выдавать «безвозвратно пособия только таким прихожанам, у которых по несостоятельности не может быть частного сбора и которые не имеют ни мирского капитала, ни общественных доходов» (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.95).

Крайне эффективной мерой стало удешевление самого строительства. Прежде всего, это касалось создания проектов дешевых зданий. Проекты, разработанные К.Тоном, оставались непосильными для бедных сельских приходов государственных крестьян даже после появления в 1844 году чертежей деревянных храмов. Две известные нам попытки возведения каменных церквей по «*тоновскому*» образцу 1838 года в Паратах и Абашево оказались безуспешными.

В 1842 году Министерство государственных имуществ издало собственный *Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству Министерства государственных имуществ* (Атлас нормальных чертежей, 1842). Его изданию предшествовала работа по сбору рисунков сельской архитектуры, которая велась в 1836–1840 годах по специальному предписанию П.Д.Киселева (Архив Министерства государственных имуществ, 1887, с. 22). Разработанные К. Тоном на их основе чертежи составили собрание, которое в архивных документах значится как *Атлас сельских построек*. Свое полное название Атлас приобрел после высочайшего утверждения чертежей в 1842 году в ходе его издания. Предназначенный для общего преобразования поселений государственных крестьян, он был разослан во все губернские палаты государственных имуществ.

Из одиннадцати представленных в нем проектов церквей только три предназначались для возведения в дереве. Каменные храмы в формах древнего византийского зодчества, поставленные в центре сельских площадей, служили идеалом, к которому следовало стремиться при обустройстве селений, однако они не соответствовали возможностям большинства сельских общин казенных поселений им-

перии. Проекты деревянных зданий отражали реальные направления усилий властей в данный период времени: один из них (№ 41) был высочайше подтвержден для применения в западных губерниях, два других (№№ 39 и 40) предназначались для временного устройства храмов во вновь образованных приходах. Нам не известно ни одного случая строительства временных храмов в Казанской губернии: очевидно, принадлежность к числу великороссийских губерний диктовала необходимость устройства постоянных церквей. Проекты временных церквей, по-видимому, предназначались, скорее, для южных губерний, где в большом количестве новые приходы появились ввиду прилива туда переселенцев в результате высочайшего указа 1839 года.

Работа по созданию дешевых и в то же время удовлетворительных в художественном отношении проектов церквей продолжалась. В 1850 году в министерстве «для возможного сокращения расходов на этот предмет» были составлены очередные «нормальные чертежи и сметы», дополненные в 1852 году «особыми наставлениями о сокращении расходов при составлении смет». В 1853 году был исправлен и дополнен чертежами *Атлас сельских построек* 1842 года (Историческое обозрение, 1888, с.92). За пределами ведомства государственных имуществ в этот период появились два собрания проектов храмов – *Атлас планов и фасадов деревянных приходских церквей на 250, 300, 350, 400, 450, 500 и 750 человек*, а также *Атлас фасадов, планов и профилей церквей, иконостасов и часовен*, оба составленные в 1857 году (Там же). Случаев их применения в этот период в Казанской губернии не выявлено.

Новые сведения об образцовых проектах дешевых храмов, созданных в Министерстве государственных имуществ, предоставляют архивные материалы по Казанской губернии. В 1859 году Казанская палата государственных имуществ внезапно вернулась к пересмотру дел, касающихся строительства пяти храмов в селениях Урюм, Ново-Чурилино, Чура, Ныра и Кирельское Тетюшского и Мамадышского уездов. Возбуждение нового ходатайства в министерство было вызвано введением в действие новых образцовых проектов.

Документы указывают, что источником для составления прежних проектов для всех пяти храмов послужили «нормальные чертежи Атласа сельских построек» (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.15). Речь шла об уже исправленном и дополненном в 1853 г. варианте известного нам Атласа сельских построек 1842 года. Именно этими чертежами, как явствовало из предписаний Палаты ее инженерам от 17 мая и

13 августа 1856 г. (НА РТ, ф.91, оп.1, д.231, л.59), им следовало руководствоваться при составлении проектов и смет. Стоимость каждой церкви при этом оценивалась в 8000 руб. (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.15).

Поступивший в 1858 году в Палату министерский циркуляр от 30 апреля упразднял все прежние проекты «сложной конструкции» и предписывал впредь руководствоваться новыми чертежами «упрощенной конструкции», высочайшее утвержденными 14 ноября 1857 года. Разработанные по инициативе самого министра, как сообщается в документе, они значительно удешевляли стоимость строительства. Именно это обстоятельство послужило поводом для замены проектов мамдышских и тетюшских храмов: «По присланным ныне, составленным по приказанию Вашего Высокопревосходительства чертежам упрощенной конструкции, таковые расходы значительно сократятся» (Там же).

В документах Казанской палаты государственных имуществ упоминаются семь разновидностей проектов деревянных церквей и часовен 1857 года, обозначенных номерами 1, 2, 3, 4, 5, 8 и 9 (Там же). Чертежи под номерами 6 и 7 не встречаются в практике местного церковного строительства. Для строительства в Мамдышском и Тетюшском уездах в качестве образцов были выбраны проекты 3 и 5. Новая стоимость храмов составляла: по проекту № 3 – 1648 руб. 45 коп. (д.Кирельское, с учетом устройства нового иконостаса и ограды вокруг церкви) и 2423 руб. 54 коп. (д. Урюм); по проекту № 5 – 1434 руб. 54 коп. (д. Ново-Чурилино), 1592 руб. 52 коп. (д. Чура) и 2293 руб. 52 коп. (д. Ныра) (Там же, л.20). Прежняя цена каждого храма, как помним, исчислялась суммой в 8000 руб., таким образом, удешевление было весьма существенным.

О внешнем облике храмов по новым, удешевленным чертежам 1857 года позволяют судить два обнаруженных к настоящему времени архивных проекта. Один из них, под № 3, предназначался для с.Ильинского Тетюшского уезда, а другой, под № 5, – для с.Лебедино Спасского уезда (НА РТ, ф.408, оп.3, д.52; там же, д.50). Обе церкви представляли собой обшитые досками срубные конструкции и относились к распространенному трехчастному типу с расположенными на одной оси храмом, трапезной и колокольной. Основной объем ильинской церкви завершался четырехскатной крышей, увенчанной небольшой луковичной главой. Над вытянутым по поперечной оси лебединским храмом по центру вторым ярусом возвышался восьмерик. В обоих случаях колокольни в виде восьмерика, поставленного на чет-

верик, имели шатровые завершения. Нам пока неизвестно, как выглядели другие сооружения, однако, без сомнения, что они также предназначались для возведения в дереве.

Таким образом, проектам церквей «сложной конструкции» из Атласа сельских построек 1842–1853 годов были противопоставлены чертежи более дешевых зданий «упрощенной конструкции», получившие высочайшее одобрение 14 ноября 1857 года. Разработанные уже при новом министре государственных имуществ М.И. Муравьеве, возглавившем ведомство 17 апреля 1857 года, они были разосланы по губерниям циркулярным предписанием от 30 апреля 1858 года «О постройке церквей» (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.72).

Циркуляр начинался словами: «Возведение церквей должно по возможности обеспечиваться местными способами», которые отражали его цель. В нем устанавливался размер ставки ссуд, которые отныне предоставлялись крестьянским обществам под 4% годовых. Безвозмездная денежная помощь со стороны министерства могла оказываться министерством лишь в самых исключительных случаях, когда «оных (т.е. местных способов – Г.Н.) не было бы достаточно, а между тем постройка церкви признавалась необходимою». К ходатайствам о предоставлении ссуд от управляющих требовалось прилагать приговоры крестьян с объяснением «какие имеются ввиду местные способы к покрытию расходов», а также сообщать, сколько и в какие сроки надлежало выдать ссуду по распоряжению министерства, сколько в приходе имелось государственных крестьян и на какое время «по состоянию их» надлежало рассрочить возврат ссуды. Непременным условием для их выдачи являлось отсутствие за крестьянами недоимок.

Сокращению издержек на строительство способствовал и другой циркуляр нового министра, последовавший 17 мая того же 1858 года. Он предлагал удешевление за счет изготовления крестьянами строительных материалов хозяйственным способом, а также закупку необходимых принадлежностей, входящие в состав построек, оптом (Там же, л.103).

Мысль о том, что «устройство храмов должно быть преимущественно обеспечено местными способами и добровольными пожертвованиями прихожан», составляла главное содержание циркулярного предписания министра от 16 февраля 1859 года. В нем М.И.Муравьев настоятельно призывал управляющих палатами государственных имуществ просить о выделении ссуд на постройку церквей «не по одному о том ходатайству крестьян, всегда склонных прибегать к ссу-

дам, но по внимательном соображении действительной потребности и убеждении в том, что устройство церкви не может быть отложено без существенно важных неудобств» (Там же).

Для наглядной иллюстрации общей правительственной политики в вопросе церковного строительства в казенных селениях министр привел пример Оренбургской губернии, где из 62 вновь образованных приходов ссуды с рассрочкою платежа на период от 10 до 20 лет были выданы на строительство лишь 8 церквей, и только в двух случаях возведение храмов полностью финансировалось государством, причем «единственно принимая во внимание исключительное положение означенных селений в крае, где язычники невзирая на принятие ими святого крещения продолжают исполнять языческие обряды, чему много способствует удаление их от надзора местного духовного начальства». Возведение остальных 52 церквей в губернии министерство возложило на самих прихожан, призвав местную палату государственных имуществ впредь не приступать «в одно время к значительному числу построек, ибо палата не в состоянии будет учредить надзора». Приведенный пример призывал управляющих палат государственных имуществ рассчитывать исключительно на местные силы, поскольку «на устройство церквей в Великороссийских губерниях ассигнуется ежегодно самая ограниченная сумма» (Там же, л.26).

Новый министр был решительно настроен на совершение поворота в церковном строительстве в государственной деревне: сведения о том, в каком положении находилось дело по устройству церквей и что именно было сделано со времени циркулярных предписаний от 30 апреля и 17 мая 1858, которыми вводились в действие новые проекты «упрощенной конструкции» и разрешалось изготовление крестьянами строительных материалов хозяйственным способом, министерство затребовало уже в конце года (Там же, л.1).

Предпринятые в конце 1850-х годов правительственные меры способствовали оживлению церковного строительства в казенных селениях Казанской губернии. В конце 1850-х – начале 1860-х годов были возобновлены и доведены до завершения дела по ремонту и строительству церквей, «оставленные впредь до особого усмотрения».

Отказав в ходатайстве о выделении казенных средств на постройку церкви в д.Тойдаково, Казанская палата государственных имуществ поручила благочинному Кроковскому провести среди жителей опрос на предмет их согласия построить храм на свой счет. Крестьяне, подтвердив, что в церкви «по отдаленности имеют крайнюю необходимость»,

вместе с тем сообщили о своей полной несостоятельности, поскольку «по бедности своей, зависящей от поселения их деревень на безлюдной песчаной земле, никаких не имеют к тому способов, а равно не имеют и средств к обеспечению содержанием духовенства, кроме руги, какую они доселе выделяли священно-церковнослужашим». В случае же признания правительством возможности построения для них особой церкви за казенный счет, добавляли тойдаковцы, «они обязаны будут чрез то казне благодарностью». При вторичном дознании крестьяне все же согласились взять на себя постройку церкви и содержание причта, предлагая, однако, ему вместо пашенной и сенокосной земли плату деньгами из расчета по 50 коп. серебром в год с каждого венца. Церковь они нашли более выгодным соорудить в д.Кумья, расположенной на тракте в город Вятку, «от чего может быть церкви доставлено больших способов к ея содержанию» (Там же, лл.8–9).

Приняв во внимание новые обстоятельства и найдя, что устройство деревянных домов и самой церкви будет не слишком обременительным для жителей, проживавших вблизи лесных дач, Казанская палата государственных имуществ согласилась ходатайствовать перед министерством о выделении ссуды «недавно просвещенным святым крещением из язычников черемисам» (Там же, л.10). Министерство предоставило из исчисленной по смете суммы в 3567 руб. только 2060 руб. в беспроцентную ссуду с рассрочкой платежа на 12 лет, а остальную часть – на безвозвратных основаниях «как необходимую для окончательного сооружения храма» (Там же, л.95). При этом, крестьяне приняли на себя доставку леса и кирпича, на содержание причта по скудости у них урожая хлебов вместо руги согласились платить по 50 коп. серебром в год, а также выделить священнослужителям положенное количество пахотной земли. Деревянная под железной крышей церковь строилась хозяйственным способом с учреждением особого строительного комитета в составе окружного начальника, инженера палаты и благочинного, и начала действовать с 1 июля 1863 года (Там же, л.103).

Ссуды с рассрочкой платежа от 8 до 12 лет получили в 1859 году жители упомянутых выше селений Мамадышского и Тетюшского округов – Ново-Чурилино, Чуры, Ныры, Кирельского и Урюма. Про урюмскую церковь в акте освидетельствования за 1861 год сообщалось, что построена она «во всем согласно с планом и фасадом из хорошего материала хозяйственным способом согласно циркулярного предписания от 17 мая 1858 года» (Там же, л.108).

Менее благоприятно сложились в 1861 году обстоятельства для государственных крестьян деревень Черемухово, Томба и Тояба Чистопольского и Тетюшского уездов, в которых храмы совершенно обветшали. Отметив, что «без оказания означенных пособий крестьяне те по бедности своей не в состоянии производить означенной постройки собственными средствами», управляющий палатой ходатайствовал перед министерством о предоставлении им ссуд на срок от 10 до 15 лет (Там же, л.67). Первый департамент министерства, однако, рассмотрев ходатайство, нашел указанную Казанской палатой сумму слишком большой, «тогда как сами крестьяне при значительности своей почти не оказывают со своей стороны никаких способов к постройке своих церквей», и если «означенные крестьяне признают возможным уплатить просимую ими ссуду без отягощения для себя, то их нельзя считать лишенными всех средств к устройству на свой счет церкви». Министерство ограничилось выделением лишь 5000 руб. вместо запрошенных 20158 руб. 4 коп., предложив Палате самой распределить сумму, «где крестьяне действительно будут нуждаться в пособиях». Сбор остальных денег предоставлялось сделать самим крестьянам посредством добровольных приношений или раскладкой на души, а также учреждением общественных запасек, доходы с которых могли бы быть употреблены на церковные постройки (Там же, л.75об.).

Жителям д. Аксубаево, где старая церковь была в 1855 году истреблена пожаром, предоставление ссуды вообще не полагалось по закону, поскольку размер мирского капитала там не достигал и 1 руб. на душу, в то время как его употребление разрешалось лишь по достижении 4 руб. на душу. Тем не менее, деньги для аксубаевских крестьян были выделены исключительно благодаря тому, что они испрашивались не на безвозвратной основе, а взаимобразно с уплатою 4% годовых. Рассрочка составляла 15 лет (Там же, л.76).

В 1860–1861 годах завершились работы по ремонту и восстановлению 15 старых храмов Козьмодемьянского округа, начатые еще в конце 1840-х годов. Два из них были каменными. Церковь в Ильинской Пустыни, в результате произведенных исправлений, получила новую колокольню, возведенную «вместо угрожавшей падением старой» (НА РТ, ф.91, оп.1, д.94, л.89). В Пихтулине старую церковь, «в которой уже с давних пор не проводилось богослужение», дозволено было сломать и употребить на устройство каменной ограды, окружившей вновь возведенную каменную церковь с колокольней (Там же, л.88). На ремонт деревянных храмов был отпущен из казенных

лесных дач лес по составленным инженерами палаты сметам (НА РТ, ф.91, оп.1, д.43, л.6.).

В одном из министерских предписаний управляющему Казанской палаты поставили на вид, чтобы там, где церкви приходили в ветхость, прихожанам внушалось «озаботиться составлением заблаговременно необходимой суммы на устройство новой церкви, предварив, чтобы на пособие по этому предмету со стороны казны они не рассчитывали» (РГИА, ф.383, оп.23, д.35139, л.26).

Проведенное исследование позволило заключить следующее. Православное строительство в государственных селениях Казанской губернии фактически возобновилось лишь с конца 1850-х годов и дало свои первые и пока еще единичные результаты лишь в начале следующего десятилетия. Большое значение для региона, значительную часть православного населения которого составляли крещенные нерусские народы, имела деятельность Министерства государственных имуществ. Инициированный им и принятый правительством комплекс мер позволил создать экономические условия для церковного строительства в беднейших приходах империи, обеспечившие в дальнейшем взрыв церковного строительства в селениях российских инородцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив Министерства государственных имуществ. Систематическая опись делам бывшего V отделения СЕИВ канцелярии. 1824–1856.* СПб., 1887.
2. *Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству Министерства государственных имуществ.* СПб., 1842.
3. *Извлечение из отчета Министра государственных имуществ за 1854 год.* СПб., 1855.
4. *Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837–1887.* СПб., 1888.
5. *НА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.200.*
6. *НА РТ. Ф.91. Оп.1. Д.43.*
7. *НА РТ. Ф.91. Оп.1. Д.231.*
8. *НА РТ. Ф.91. Оп.1. Д.255.*
9. *НА РТ. Ф.408. Оп.3. Д.52.*
10. *ПСЗ РИ. Собр. 2-е. № 11189 от 30 апреля 1838 г. Высочайше утвержденный проект о управлении государственными имуществами в губерниях. Раздел II. Наказ Палате государственных имуществ.*
11. *ПСРВПИ. Т.1. 1825–1835 гг. Петроград, 1915.*
12. *РГИА. Ф.383. Оп.23. Д.35139.*

Список сокращений:

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ПСПРВПИ – Полное собрание постановлений и распоряжение по ведомству православного исповедания

РГИА – Российский государственный исторический архив (СПб.)

Информация об авторе

Нугманова Гульчачак Гилемхановна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (г. Москва); gulchachak.n@gmail.com

Nugmanova Gulchachak Gilemkanovna, the candidate of art criticism, leading research associate, Branch FGBU «TsNIIP Minstroya Russia» of NIITIAG (c. Moscow); gulchachak.n@gmail.com

УДК 339.5:94

**БАНКРОТСТВО УЗБЕКСКИХ КУПЕЧЕСКИХ
ФАМИЛИЙ В АСТРАХАНИ В 1830-е гг.,
КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ
ТЮРКСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ**

© 2015 г. Э.М. Оздамирова

В течение нескольких столетий Астрахань оставалась центром российской торговли со странами Востока. Огромную роль в этой торговле играли торговцы азиатского происхождения. В силу исторических связей Нижневожского региона, сложившихся еще в период Астраханского ханства и значительного количества оседлого местного тюркского населения, одним из главнейших направлений этой торговли стали Среднеазиатские ханства. Соответственно, главными действующими лицами, осуществлявшими эту торговлю становится среднеазиатское купечество, при абсолютно доминирующих позициях узбекского купечества, выходцев из Хивы и Бухары. Приезжая в Астрахань для осуществления торговых операций, многие из них оседали в городе и принимали российское подданство. Основная масса этих торговцев была причислена в конце XVIII в. к обществу татар Бухарского торгового двора. К началу XIX века в астраханской внешней торговле лидирующие позиции начинают занимать персидские и азербайджанские купцы. Постепенно происходит процесс вытеснения узбекских предпринимателей с рынка. А в 1830-е гг. все сколь-нибудь значимые узбекские купцы в Астрахани вступают в полосу коммерческих неудач, что заканчивается их банкротством и практически уходом с астраханского направления русско-азиатской торговли. На смену узбекскому предпринимательству в астраханской торговле приходят татары, как местные уроженцы, так и выходцы из Средневожских и Приуральских губерний.

Ключевые слова: узбекское предпринимательство, купечество, внешняя торговля, внешняя политика, торгово-предпринимательская деятельность, подданство.

**BANKRUPTCY UZBEK MERCHANT FAMILIES IN ASTRAKHAN
IN the 1830s, AS A FACTOR OF CHANGES IN THE STRUCTURE
OF TURKISH ENTREPRENEURSHIP IN THE REGION**

E.M. Ozdamirova

For several centuries Astrakhan remained the center of Russian Commerce with Eastern countries. A huge role in this trade was playing traders of Asian

origin. Due to historical ties of the lower Volga region, formed in the Astrakhan khanate period and a significant number of sedentary local Turkic population, one of the main areas of this trade became Central Asian khanates. Accordingly, the main actors involved in this trade is becoming Central Asian merchants, at absolutely dominant positions Uzbek merchants, immigrants from Bukhara and Khiva. Arriving in Astrakhan for commercial transactions, many of them settled in the city and took Russian citizenship. The bulk of these traders was added in the late eighteenth century to the society Tatars Bukhara shopping yard. By the early nineteenth century in Astrakhan foreign trade leading position begin to take Persian and Azeri merchants. Gradually the process of displacement of Uzbek entrepreneurs from the market. In 1830 all any significant Uzbek merchants in Astrakhan entering the stage of commercial failures, which ends in their failure and almost leaving Astrakhan directions of the Russian-Asian trade. Replaced the Uzbek entrepreneurship in Astrakhan trade come Tatars, as the local natives, and natives of the middle Volga Uralic and provinces.

Keywords: Uzbek businesses, merchants, foreign trade, foreign policy, trade and entrepreneurship, citizenship.

Астраханское направление русско-азиатской торговли на протяжении длительного периода отечественной истории являлось ведущим. В силу пограничного положения региона и близости восточных территорий, с которыми и велась торговля через Астрахань, а также значительного мусульманского населения, основными агентами этой торговли становятся купцы – выходцы из азиатских стран. К началу XIX века одну из лидирующих позиций занимали узбекские предприниматели. Караванным и морским путем перемещались товары азиатского происхождения в Россию и молодой российской промышленно-сти обратно, в Азию.

В первые десятилетия XIX века среднеазиатские купцы составляли значительную конкуренцию персидско-азербайджанским купцам на астраханском внешнем рынке. Ежегодно к Астраханскому порту прибывало большое количество торговцев из Среднеазиатских ханств. Среднеазиатское купечество было представлено торговцами из Хивы, Бухары и Туркмении. Подавляющее преимущество в торговле выходцев из Средней Азии принадлежало хивинским купцам.

Для развития астраханского направления внешней торговли на протяжении очень длительного периода времени участие среднеазиатских торговцев было определяющим, что признавали и сами власти: «коммерция в Астрахани иначе не может быть в цветущем состоянии, когда в особенности хивинцы и бухарцы в значительном количестве

не будут наполнять оную своими произведениями» (ГААО, ф.1, оп.5, д.25, л.25).

Большой приток среднеазиатских купцов в Астрахань был обусловлен тем, что, во-первых, в городе проживало большое количество перекупщиков, и им можно было продать товары по выгодной цене (АВПР, ф.Миссия в Персии, оп.528а, д.287, л.15). Во-вторых, в случае даже каких-либо затруднений в реализации своих товаров в Астрахани, они могли отсюда отправить их по Волге на Нижегородскую ярмарку, где опять таки могли совершать оптовые сделки.

Доминирующую роль в русско-среднеазиатской торговле через Астрахань в первые десятилетия XIX в. играли хивинские купцы, на долю которых в среднем приходилось 80–90% торговых оборотов. Так, в 1804 г., хивинские купцы практически самостоятельно осуществили все внешнеторговые операции Астрахани со Средней Азией, на их долю пришлось 99,5% отпуски и 99,8% привоза товаров, в этом году бухарцы участия в торговле не приняли, что перекликается с 1756 г., когда на долю хивинских купцов пришлось 99,9% привоза и 100% вывоза. Однако в следующем 1805 г. хивинцы привезли лишь 62,5% и отвезли 88,5% товаров. Треть привоза (33%) пришлась на долю бухарцев (Рябцев, с.50).

Главной отличительной чертой торговли среднеазиатского купечества на астраханском направлении был преимущественно положительный баланс для России, тогда как остальные группы торговцев предпочитали больше вывозить, чем ввозить, что показывает крайнюю выгоду для России роста товарооборота со Средней Азией через Астрахань (Имашева, с.118). Кроме того, исторически, узбекские предприниматели стремились к контактам с местными группами населения, близкими им в этническом и конфессиональном отношениях. Практикой стали браки узбекских купцов с местными татарками, а осевшие на постоянное местожительство в Астрахани купцы образовали своеобразную сословную группу – общество татар Бухарского двора.

Но с расширением границ российского государства, происходит постепенное смещение акцентов социальной и экономической политики, носившей, в целом, покровительственный характер. Кризис в российско-хивинских отношениях 1830-х гг. незамедлительно сказался на узбекском предпринимательстве в регионе (Иванов, с.24).

Все описатели Астраханского края XIX века соглашались во мнении, что торговля среднеазиатского купечества в Астрахани носила эпизодический характер: «Хивинцы и Бухарцы приезжают в Астрахань временно и единственно для торговли» (Рыбушкин, с.72); «Хи-

винцы и Бухарцы не имеют здесь оседлости. Они проживают в Астрахани по несколько лет, единственно только для торговли» (Ермаков, с.71). 1820–1840-е гг. – время банкротств узбекских предпринимателей, что связано было, прежде всего, с падением цен на товары среднеазиатского происхождения. Их место занимали персияне – иранцы и азербайджанцы. Этот процесс стал следствием формирования нового типа российского предпринимателя. По словам П.Г. Рындзюнского: «Усилившийся кризис купеческих капиталов в первое десятилетие XIX в. нагляднее всего выразился в разорении ряда купеческих домов, наделавших большой шум» (Рындзюнский, с.63).

Астрахань представляла интерес для отечественного и иностранного купечества еще в том плане, что здесь торговые связи были отлажены еще в XVI в. Сложилась и свои традиции во взаимоотношениях с партнерами. При торговых операциях между купцами не последнее место занимало многолетнее сотрудничество и как следствие доверие своему торговому партнеру, вера на слово (Ватанина, с.26).

В сентябре 1824 г. на имя Императора Александра I поступило прошение от астраханского Бухарского двора татарина Аджи Ишниязова. Он писал о том, что «с начала своего происхождения и по сие время всегда занимался в круче торгового общества купеческой промышленностью и производил оную по разным в России городам и ярмаркам, и по Кизлярской степи с кочующими турхменцами и калмыками, в больших тысячах собственным своим капиталом, а частью занимался и на кредит у посторонних людей» (ГААО, ф.13, оп.1, д.39570, л.1).

В 1821 г. А. Ишниязов вошел в кампанию с крестьянином Лаврентием Ермолаевичем Гандуриным, от которого получил вклад деньгами и товарами на сумму 83529 руб. 35 коп. На эти и свои деньги купец закупил товары и отправил на судах и сухопутно на Макарьевскую Нижегородскую ярмарку.

Одно судно, на котором находился товар на сумму 21000 руб., утонуло вместе со всем имеющимся товаром около поселка Золотой Яр. На той же ярмарке убыток от непроданных товаров составил – 11000 руб. за коровьи кожи, 7000 руб. за чернильные орешки, 8000 руб. за перевод в ярмарку денег.

В том же 1821 г. «отправлено было в разных татарских расшивах для торговли в Кизлярскую степь пшеничной муки, овса, калмыцкого чаю и прочих товаров на сумму 60000 руб., а в числе прочих судов, одно было срезано льдом, отчего и понесено убытков на 20000 руб.». Кроме того, в это время произошло снижение закупочных цен на скот.

От чего купец потерпел убыток в 50000 руб. Упали цены и на персидские товары, убыток составил 13000 руб. Еще осталось по векселю «на казанском обанкротившемся татарине» 3000 руб. Всего же убыток составил в 1821 г. 118000 руб.

Подсчитав убытки, А. Ишниязов пишет, что «в собственности у него еще осталось: в разном скоте и товарах 151190 руб., в долгах на разных людях до 10000 руб.».

Л.Е. Гандурину купец остался должен 31676 руб. 25 коп., и «к тому еще следовало из потерянного 83529 руб. 55 коп. принять на себя половину». Но Л.Е. Гандурин утверждал, что «все он принял на себя» и А. Ишниязов «дал ему в 115205 руб. 80 коп. векселя и он обещал помогать в торговле наличными капиталами, сколько и когда потребно будет».

В 1822 г. А. Ишниязов уплатил приказчику Л.Е. Гандурину И.И. Самакову «скотом разным 29857 руб. 65 коп. и от Гандурина получил разным товаром и деньгами 35000 руб.». В 1823 г. А. Ишниязов заплатил разным скотом и товарами 69119 руб. 5 коп. (ГААО, ф.13, оп.1, д.39570, л.2–2об.).

Но здесь вновь произошла «остановка коммерции и постепенное положение на товары цен». Ишниязов понял, что рассчитаться в срок по векселям ему не удастся и попросил отсрочку на 26 месяцев, с тем, чтобы не платить проценты, а оплатить в два срока всю сумму. Первые 50% через 14 месяцев, остальную половину еще через 12. Те же, кто на эту отсрочку не соглашался, могли получить скотом: верблюдами по 100 руб. за голову, лошадьми по 55 руб., быками и коровами по 45 руб., баранами по 8 руб., калмыцкими мерлушками по 4,5 руб., юфтью по 3,6 руб. за штуку, и прочим лавочным товаром, «кому что угодно будет». О чем Астраханская татарская управа оповестила двумя объявлениями в октябре 1822 г. и в феврале 1823 г.

Кредиторы А. Ишниязова, посоветовавшись и подсчитав его торговый баланс, беспрепятственно согласились отсрочить долг. Кредиторами А.Ишниязова были «столпы» астраханского купеческого мира: А.П. Сапожников (2700 руб.); Д.А. Меликтанов (10000 руб.); Г.И. Абессалмов (3200 руб.). А также хивинец Курманияз Нуразисов (10000 руб.). Гилянские персияне Машады Ибрагим Аджи Тагиев (за 5595 руб. 45 коп.) и Шах Мамет Усейн Аджи Шах Багиров (за 2000 руб.) согласились взять товарами. Колежский ассессор К. Федоров (за 10000 руб.), И. Акулов (за 13000 руб.) и хивинец А. Ляпин (за 2000 руб.) «остались в молчании».

Чтобы расплатиться и вести коммерцию дальше, А. Ишниязов занял у Л.Е.Гандурина еще 11000 руб., у Д.А.Меликтанова 10000 руб. и

у хивинца Эмбетова 40000 руб. Но в это время персияне М.Багиров и Ш.Тагиев неожиданно представили в АТУ векселя ко взысканию, «а она не уважив столь великих сумм в отсрочке подписанных, равно не разочтя, что таковая многотысячная коммерция и сбор долгов без личного хозяйственного распоряжения не может иметь успеха, кроме как прийти в совершеннейшее расстройство, выездом из Астрахани Ишниязова остановила».

А между тем хозяина ожидала партия непроданного скота (80 лошадей, 90 быков и коров, 1200 баранов) на сумму 28450 руб. И важно было не пропустить время, так как именно в это время (начало весны) приезжали скупщики скота из центральной России. Это время года также было удобно для сбора долгов с «кочующего народа». Но А.Ишниязова с караулом казаков возвратили в Астрахань, и расторгнуться он не успел.

Ему ничего уже не оставалось делать, как отдать Л.Е. Гандурину оставшийся скот в уплату долга на 19950 руб. (оставшись ему должным 42279 руб. 5 коп.). Всем остальным кредиторам А.Ишниязов летом 1824 г. оставался должен 111295 руб. 45 коп. (всего 150574 руб. 50 коп.). Да и сверх того А.Ишниязовым было «употреблено на продовольствие скота, рабочих при нем находящихся людей, приказчиков, а равно и на собственное свое с семейством пропитание и содержание 15000 руб.».

В собственности купца на момент начала судебного преследования в сентябре 1824 г. сохранялся скот на сумму 107740 руб. Главная причина отказа в новой отсрочке по платежам состояла в том, что весной 1824 г. Л.Е. Гандурин умер, а его наследники предъявили векселя. Уже в декабре вся движимая и недвижимая собственность была описана, А. Ишниязова заключили в тюрьму под стражу. 11 декабря 1825 г. все имущество было продано с молотка (ГААО, ф.13, оп.1, д.39570, л.3, 19об., 67).

В мае 1823 г. с прошением к императору обратился татарин Гилянского двора Измаил Шарапов. Он писал, что татарин Бухарского двора Муса Ишниязов имел у себя «выданные ему по надписям у хивинцев три векселя» самого Шарапова: два векселя от Клычева в 10878 руб. и один вексель от Абдуджафара в 3517 руб. Итого – 14395 руб.

По словам просителя, уплату по этим векселям производил он. 11 августа 1820 г. его сын отставной подпоручик Ережеп Шарапов отдал брату А.Ишниязова Уразаю на Макарьевской ярмарке в счет долга красную пряденую бумагу 11 пуд. 36 фун. по 200 руб. пуд, т.е. на 2380

руб. Затем уже в Астрахани, в том же 1820 г. тому же Уразаю красной бумаги на 1723 руб. 80 коп.

После этого И. Шарапов «не мог со всеми своими кредиторами в написанные в актах сроки учинить расплаты, просил кредиторов в претензиях терпения, которое они и учинили в апреле 1820 г. на 4 года». Начало отсрочки решили считать с июля 1821 г. А.Ишниязов в числе других дал на это согласие.

Также с согласия М. Ишниязова «переведено было просителем Клычеву получить от купца Аит Мамбет Измаилова 500 руб.». Клычев эти деньги получил. Потом, в начале июня 1822 г. Клычев вторично получил переводом от хивинца Алла Кулай Бая 1500 руб. Всего же в уплату «означенной претензии» к А.Ишниязову было уплачено 6243 руб. 80 коп.

После всего, согласно отсрочке за Е.Шараповым оставалось 953 руб. 70 коп., а впереди, как он думал, у него было еще два года отсрочки. Но Ишниязов передал все векселя Клычеву и тот (как не участвовавший в соглашении об отсрочке платежа) начал требовать уплатить за два года. Причем не 953 руб. 70 коп., а 3900 руб. Для истребования долга он передал векселя в Астраханскую татарскую управу. Е.Шарапов вынужден был объявить себя банкротом, его заключили под стражу, имущество описали и выставили на торги (ГААО, ф.13, оп.1, д.39507, л.1–1об.).

Тот же Муса Ишниязов (астраханский купец 2 гильдии) в 1818 г. предъявил претензию к наследникам генерала Павла Попова, жившего в Астрахани. Генерал-майор в 1811 г. занял у М.Ишниязова 480 руб. Их возврата с процентами он теперь и требовал. Кроме того, купец утверждал, что через Баткалинскую станцию в течение 3 лет 2 месяцев он отправлял Попову товар, на общую сумму 3623 руб. Генерал из этой суммы остался должен еще 379 руб. 64 коп.

В 1809 г. П. Попов имел контракт в казенной палате на отправку почты по Кизлярскому тракту «своими лошадьми и упряжью», но не справился сам и передоверил М.Ишниязову в аренду Баткалинскую станцию, откуда М.Ишниязов уже своими силами отправлял почту в течении все тех же 3 лет и 2 месяцев. Договорились, что П.Попов будет отдавать М.Ишниязову деньги, которые будет получать от казенной палаты. Деньги были немалые – М.Ишниязов содержал 5 пар лошадей, за каждую пару Казенная палата платила 424 руб. в год (ГААО, ф.488, оп.1, д.312, л.1,5).

Неудачной оказалась и попытка астраханского купца первой гильдии Нияза Юсуповича Измаилова наладить регулярную торговлю мануфактурой и хлопком-сырцом с иностранными кампаниями, тор-

говавшими в Москве и на Макарьевской ярмарке – «Марк и К^о», «Давсон и К^о» и «Матисен и К^о». В течение 1818 г. Н. Измайлов выдал этим кампаниям векселей на общую сумму 39945 руб. 57 коп. ассигнациями, сроком от 6 месяцев до 1 года. Видимо, купец не рассчитал свои силы, и в 1820 г. векселя были предъявлены к оплате.

А затем векселя Н.Ю. Измайлова стали предъявлять и астраханцы. Вдова генерал-лейтенанта П.Ф. Левшина просила взыскать по векселю, выданному 4 июня 1818 г. на 12 месяцев, 5000 руб. (ГААО, ф.13, оп.1, д.35676. л.1. 17).

Сам Дауд Измайлов в это время, по решению Сиротского Суда состоял опекуном имущества умершего купца Джафарова. Д. Измайлов просит губернатора освободить его от этой обязанности, так как по делам опеки он выехать из Астрахани не может. Из-за этого пропустил Крещенскую ярмарку 1818 г., а теперь может пропустить и Ростовскую ярмарку, «а с тем вместе претерпеть важные по коммерции убытки». Губернатор прошение удовлетворил. Так как по делам опеки Д.Измайлов «оставил надежное обеспечение» (ГААО, ф.1, оп.6, т.1, д.350, л.1).

Так как купец Н.Измайлов «по торговым делам находился в верховых городах», Астраханская татарская управа постановила в апреле 1820 г. отложить взыскание до его возвращения, а к ответу пока призвать его братьев Кадрали и Ильяса, также состоявших в 1 гильдии астраханского купечества. Капитал братья имели общий, «доставшемся им всем вместе от предков их, торговыми делами заведенным еще родителем их». Так как Нияз был братом старшим, то он и распоряжался всеми делами, и «проживая в Москве перевел капитал в свои руки, а щетов им не доставляет». Также просили управу заставить старшего брата держать перед ними отчет и вести общую коммерцию (ГААО, ф.13, оп.1, д.35676. л.30).

Когда сам Н.Ю. Измайлов прибыл в Астрахань, он заявил в магистрате, что «торговля им производится с давних лет на довольно значительную сумму, которая им переведена в Москву, так как он жителство имеет в Москве почти без выезда, в собственном доме». На момент дознания у купца в Москве находились товары «в непродаже», да «большая сумма в долгах на разных людях по векселям и счетам». Также «есть по производству частью в Санкт-Петербурге, сверх того отправлено товаров за границу в Бухарию и Кашмир на немаловажную сумму». Счета же все оставлены купцом в Москве и не приведены в порядок, «а как он на сих днях управляется по коммерции вглубь России, а потом приедет в Москву и приведа там дела свои в порядок.

А уж затем вернется в Астрахань и обещает дать всем кредиторам удовлетворение и ввести в курс коммерции своих братьев».

В 1820 г. братья записались в купечество порознь, а не как прежде. В одном семействе: Кадрали и Ильяс во 2-ю, а Нияз в 3-ю гильдии купечества «с особым своим капиталом». Раздел произошел в январе 1820 г. Братья отказались отвечать по долгам Нияза и Астраханский магистрат признал, что они правы (ГААО, ф.13, оп.1, д.35676. л.31).

Интересна история и купца Дауда (Давыда) Измайлова. Первоначально он числился татаринном Бухарского двора. С течением времени разбогател и записался в 1-ю гильдию астраханского купечества. Самым знаменитым делом его стала постройка Белой мечети, которая до сегодняшнего дня является действующей. Это настоящий шедевр исламской культовой архитектуры.

Измайлов вел обширную внешнюю торговлю. Главным направлением ее стала Средняя Азия. В 1800–1810 г. купец на собственных своих расшивах переправлял товары и пассажиров с Мангышлакской пристани в Астрахань и обратно (ГААО, ф.13, оп.1, д.32149, л.1). С Мангышлака караваны переправляли товары в Хиву, Бухару и другие города. В Астрахани ему принадлежали мыловаренный и салотопенный заводы (ГААО, ф.1, оп.1, д.1070, л.71).

Первые неприятности начались в начале 1820-х гг. В 1823 г. Дауд Измайлов был привлечен к следствию по делу о фальшивых ассигнациях. Его уличили не только в том, что он расплатился фальшивыми деньгами, но и предупредил некоего Мустагима, торговавшего с казахами Букеевской Орды и приказчика казанского купца Апанаева Бикбая Шафиева. Тем не менее, в сентябре 1824 г. дело в отношении Измайлова возбуждено не было: «...от суда и следствия освобожден, как в делании фальшивых ассигнаций и в промене таковых не признавшийся и не уличенный, Измайлов по следствию оказался невинным, фальшивые ассигнации в полицию принес сам, добровольно» (ГААО, ф.1, оп.7, д.565, л.2540). Упомянутый выше Нияз, Кадрали и Ильяз, а также Аит Юсуповичи Измайловы были младшими братьями Дауда.

Дело о банкротстве многотысячного предприятия длилось десятилетия. В августе 1838 г. московская контора Коммерческого банка просила содействия астраханских губернских властей во взыскании долгов с родственников умершего Дауда Юсуповича. Сумма была внушительной – 230000 рублей. Но долгов, на самом деле, было гораздо больше.

Согласно рапорту Комиссии, «высочайше утвержденной для рассмотрения и решения дел о банковских должниках», в астраханском

губернском правлении: «... от Аита Измайлова представлен в контору Коммерческого банка долговой реестр на сумму более 500000 рублей». 15 сентября 1838 г. имущество Дауда Измайлова было продано с торгов (ГААО, ф.13, оп.1, д.43716, л.24, 47, 82).

В 1838 г. в палату Уголовного и Гражданского суда поступило дело о несостоятельности к платежу банковского долга татар Бухарского двора Уразали Ишниязова, Абубекира Мусаева, Яхьи и Султана Режеповых. Ко взысканию были представлены 6 векселей и 6 расписок на общую сумму 63204 руб. 70 коп. Для решения этого дела еще в 1830 г. была учреждена специальная комиссия (ГААО, ф.687, оп.1, св.155, д.14, л.3).

Расследование показало, что в 1830 г. Уразали Ишниязов взял кредит в астраханской Конторе Государственного Коммерческого Банка: 10 по поручительству его отца Мусы Ишниязова 29500 руб.; по поручительству Абубекера Мусаева 43600 руб.; по поручительству Яхья Режепова 16600 руб.; по поручительству Султана Режепова 18400 руб. Всего 108100 руб.

В уплату этого займа, «прежде протеста их обязательств» поступило: от Алибая Мусаева 14750 руб. 55 коп.; от Абубекера Мусаева 24249 руб. 34 коп.; от Яхья Режепова 8298 руб. 34 коп. и Султана Режепова 9200 руб. После «протеста обязательств, через продажу имущества» от Абубекира Мусаева 34 руб. 65 коп.; от Уразали Ишниязова 11726 руб. 82 коп. Всего 68259 руб. 70 коп.

Таким образом, к моменту начала судебного разбирательства на татарах числился долг в 39841 руб. Но тут еще поступила претензия Московской Конторы Государственного Банка и сумма долга составила 40637 руб. 89 коп.

Далее на Уразали Ишниязова поступили «частные деловые претензии», а именно: от купца Шалапутина на 71000 руб., от почетных граждан Посылиных на 3000 руб. (ГААО, ф.687, оп.1, св.155, д.14, л.4–5).

В обеспечение своего долга банку привлеченные к следствию «показали» в 1830 г. следующее имущество:

Уразали Ишниязов – красильный завод со всеми принадлежащими к нему строениями, четырьмя медными котлами и кубом, стоящие 20000 руб.; товары в Астрахани – чугунного литья, железа, юфти, бумаги пряденой красной кошенили, сандалу шпийтру, ситцевых выбоек, разных сортов золотых парчей, моржовых зубов, марены, золотых цевок и мерлушек на 200000 руб.; два мореходных судна, стоящих

15000 руб.; в Казани и Москве разного рода товаров – шелка, хлопчатой пряженной и непряженной бумаги на 60000 руб.

Алибай Мусаев – в разных российских ярмарках чернильных орешков, железа. Чугунного литья, бумаги красной и белой пряженной, белой хлопчатой непряженной на 43000 руб.

Муса Ишниязов – деревянный дом в 20000 и лавку с разными товарами на 25000 руб.

Яхья и Султан Режеповы – в Караногайской степи 2 лавки с разными товарами на 50000 руб. (ГААО, ф.687, оп.1, св.155, д.14, л.5).

Причины несостоятельности должниками были объяснены. Уразали Ишниязов объяснял так: «Когда я кредитовался в банке, то имел капитал до 1000000 руб. ...Ныне же, завод мой красильный описан и продается в обеспечение долга. Что касается до товара, выставленного в обеспечение и стоящего 250000 руб., то из числа этого товара часть мной продана, и деньги, вырученные за оные, поступили в оплату долга. А другая часть того товара была отослана родным братом моим Мусою в Бухарию через астраханскую таможду для продажи. Но какие товары были проданы здесь в Астрахани, а какие отосланы, объяснить не могу.

Два мореходных судна действительно у меня имеются. Они отправлены к Сладкоеричной пристани в Кизлярском округе нанимателями-армянами для перевозки их товаров. Показанные товары в Казани и в Москве во время дачи обязательств, действительно были, но в настоящее время проданы, а деньги поступили в казну. Сейчас доказать того, что они у меня были не могу.

Алибай Мусаев в 1838 г. умер и потому показать был ли у него какой товар, не могу. Именья после него никакого не осталось. Родной брат Муса Ишниязов был послан с товарами в Бухару, но на пути в Хиву караван его был разграблен разбойниками. Дом его деревянный уже описан, была ли у него лавка с товарами на сумму в 25000 сейчас сказать не могу.

Долг Режеповых принимаю полностью на себя, так как они всю сумму долга, причитающуюся Банку сполна мне заплатили. Режепов Султан в 1834 г. уехал с товарами на судне на Макарьевскую ярмарку и до сих пор не вернулся. Яхья Режепов находится в Астрахани, но сейчас отлучился из города по коммерции на короткое время, но куда не известно. Лавки с товарами в Караногайской степи у них действительно имелись, но ныне таковых они не имеют.

На обеспечение претензий казне ничего представить не могу, кроме долговых претензий по векселям, распискам и записей в долго-

вой книге, на разных людях состоящих, на сумму более 70000 руб.» (ГААО, ф.687, оп.1, св.155, д.14, л.8–9об.).

Также был опрошен Абубекер Мусаев, единственный, оказавшийся в Астрахани на момент проведения следствия: «Денег для покрытия долгов Ишниязова не имею и прежде не имел. Позволил Ишниязову кредитоваться за его счет, поскольку тот имел в то время капитала более че на 500000 руб. И считал это не противным закону, ибо требовалось только для кредитования в банке слыть лицом благонадежным, каковым тогда У. Ишниязов и представлялся».

При описи имущества У. Ишниязова у него были найдены денежные документы, написанные в разное время и разными лицами на его имя и на имя его брата Мусы. Это были векселя, заемные письма расписки татар, русских чиновников и купцов на общую сумму 60817 руб. 40 коп. Из их числа 14 документов на сумму 47380 руб. «оказались ко взысканию совершенно безнадежными, одни за побегами должников за границу, другие за смертью и неотысканием имени, и, наконец, третьи за подобною Уразаю Ишниязову несостоятельностью».

Астраханская таможня не смогла подтвердить выезд в Бухару с товарами брата Мусы Ишниязова. Но Департамент внешней торговли переслал копию с декларации на вывоз товаров из Астрахани в Бухару за 1832 г. на сумму 33000 руб. Также в декларации было показано, что 3800 руб. «были употреблены» Мусою Ишниязовым на оплату пошлин, а 74350 руб. он вез с собою наличными для закупки товаров в Бухаре и Хиве.

В итоге Комиссия сочла возможным назначить следующие наказания: Султана и Яхью Режеповых, Абубекера Мусаева посадить в холодную при полицейском участке на месяц и держать на хлебе и воде; У. Ишниязова признать должником «невинно упавшим, так как не мог предвидеть всех несчастий с его коммерцией приключившихся», всю оставшуюся его собственность и долговые документы разных лиц считать собственностью банка. Решение было принято 28 октября 1839 г. (ГААО, ф.687, оп.1, св.155, д.14, л.16, 19).

Вышеприведенные ситуации возникали не вследствие какой-то заранее подготовленной аферы, а следствием существовавших на тот момент в России условий осуществления предпринимательской деятельности: «Купец, лишенный непосредственной и органической связи с производством, мог свое благополучие строить лишь на основе ограбления продавца и покупателя; специфические условия феодальной системы делали этот грабеж «нормальным» и повседневным явлением и тем самым обеспечивали купцам их прибыль» (Рындзюнский, с.22).

Банкротство крупных узбекских предпринимателей привело, по сути, к свертыванию этого направления торговых отношений со стороны представителей среднеазиатских ханств. С 1840-х гг. караваны перестали приходить на восточное побережье Каспийского моря, чтобы переправить товары в Астрахань. А оставшиеся в городе несколько узбекских семей к 1870-м гг. вошли в состав астраханского мещанского общества и дополнили собой этническую группу астраханских татар.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив внешней политики России*. Ф.Миссия в Персии. Оп.528а. Д.287.
2. *Государственный архив Астраханской области* (далее – ГААО). Ф.1. Оп.5. Д.25.
3. ГААО. Ф.1. Оп.6. Т.1. Д.350.
4. ГААО. Ф.1. Оп.7. Д.565.
5. ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.32149.
6. ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.35676.
7. ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.39570.
8. ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.43716.
9. ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.312.
10. ГААО. Ф.687. Оп.1. Св.155. Д.14.
11. *Ватанина Л.И.* Восточное купечество в Астрахани XVII в.: Дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Саранск., 2004.
12. *Ермаков Н.* Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и политической жизни ее. – М., 1852.
13. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М., 1958.
14. *Имашева М.М.* Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань. Саратов, 2010.
15. *Рыбушкин Н.* Записки об Астрахани. – Астрахань, 1841.
16. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958.
17. *Рябцев А.Л.* Экономическое развитие Астраханского края в XVIII в. Астрахань, 2000.

Информация об авторе

Оздамирова Элиза Мусатовна, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет» (г. Грозный); eliza1976@mail.ru

Ozdamirova Elisa Musatovna, senior teacher, Department of Modern and Contemporary History, the Chechen State University (c. Grozny); eliza1976@mail.ru

УДК 398.3

МАГИЯ И ЗАГОВОРЫ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ-ЭРЗИ

© 2015 г. С.В. Пивкина

В статье рассматриваются заговоры, которые представляют собой архаический пласт духовной культуры мордвы-эрзи. Исследования показывают, что заговоры, прежде всего, связаны с мировоззрением и мировидением, обрядностью и обычаями, привычками и нормами поведения народа. Эрзянские знахарки, проживающие в разных регионах России, стараются оказать помощь человеку, в т.ч. при телесных и душевных болезнях с помощью заговоров, обращаясь к божествам-покровителям, природным явлениям и используя при этом средства биологического (травы), минерального (соль, вода, песок, металл) происхождения.

Ключевые слова: эрзя, заговор, знахарь, магия, слово, язычество.

MAGIC AND PLOTS IN SPIRITUAL CULTURE OF MORDVY-ERZI

S.V. Pivkina

The article deals with the plots, which represent archaic layer of the spiritual culture of the Mordva-Erzia. Studies show that conspiracies are primarily associated with Outlook and world view, rites and customs, habits and norms of behavior of people. Erzya herbalist, living in different regions of Russia, are trying to help the person, including physical and mental illnesses with the help of conspiracies, referring to the deities of the guardians, natural phenomena and using biological means (herbs), mineral (salt, water, sand, metal) origin.

Keywords: erzya, conspiracy, medicine man, the magic word, paganism.

На протяжении многих тысячелетий люди применяли лечебную магию. Наряду с профессиональной медициной, и в начале XXI в. люди ищут избавления как от телесных, так и от психологических недугов при помощи лечебных заговоров. По мнению С.А. Токарева, «знахарская практика один из самых устойчивых, мало меняющихся видов человеческой деятельности: она знакома всем народам и существует на всех ступенях общественного развития» (Токарев, 1956, с. 36). Общеизвестно, что «чудские племена были известны своими волшебными познаниями» (Блок, 1908, <http://maara.narod.ru/>).

У мордвы-эрзи знахарей называют «содыця (содый) ломань» («знающий человек»). Эрзянские знахари заговаривают от ушибов, от порчи, от сглаза, от ожогов, от испуга, от заикания, от рахита, от ячменя, от шишек, зубной боли, от мужского бессилия, от бесплодия и т.д. Заговаривают при помощи воды, дерева, металла и т.д. Самым же главным орудием знахарей было и остаётся слово. Слово выступает как нечто живое. От того, как оно произносится, как к нему относятся, зависит вся жизнь человека. Ждёт ли его успех или неудача, здоровье или болезни, добро или зло, богатство или недостаток. Эрзянка из Красноярского края Л.Д. Арискина считает, что сказанное от чистого сердца слово всегда поможет, даже если его скажет не сведущий в знахарских делах человек. Она помнит наказ местной знахарки бабушки Полинчихи, которая говорила: «Никогда не надо ругаться. Бывает минута, час такой нехороший или в месяце или в сутках, что человек сразу может погибнуть, если ругать его в тот момент» (НА НИИГН. 2758).

Заговор по эрзянски – «кортавтома». Несмотря на своё древнее происхождение, они дошли до наших дней и можно утверждать, что современный человек, как и его пращур, нуждается в них. Слова любого заговора имели магическое значение. Могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах (Афанасьев, 1995, с.43). Эрзянские знахари сразу могут определить, поможет тому или иному больному заговор или же недуг требует иного лечения. Например, если причиной болезни является не ушиб, а простуда, то знахарки рекомендуют лечение травами: «Простуда бывает от того, что земля притянула, – говорит знахарка М.А. Автаева – Тут заговором не поможешь, тут надо лечить (НА НИИГН. 2757. Ч.1). Некоторые знахарки в таких случаях обычно сразу говорят обратившемуся: «Болезнь твоя больничная. Иди к врачу». Кроме того, знахарка могла и «не подойти» больному. Видимо, по причине разной энергетики, разного биополя. Тогда знахари предупреждали, что помочь не смогут и советовали поискать другого.

В заговорах эрзянские знахари обращаются к богине земли – Мастораве, которая в древнюю эпоху выступала как богиня-покровительница, дающая плодородие земле и всему живому, обеспечивая мир и покой в стране. Масторава (м., э. мастор «земля, страна, государство», ава «мать, женщина») – богиня земли, заботящаяся о благоденствии народа, здоровье женщин, деторождении, плодородии полей и лугов, приплоде скота и др. (Шаронов, 2011, с. 168).

Заговорным словом лечили ушибы об землю. Если человек упал и долго не мог оправиться, считалось, что его «прамо тарка саизе», т.е. место, куда упал – притянуло. Особенно тяжёлым случаем считалось, если человек упал в погреб и оказывался как бы «между двумя землями». В таких случаях просили у земли прощения. К земле с просьбой о прощении при ушибах обращаются эрзяне, проживающие в Татарии. Знахарка Н.В. Понарёва применяет следующий заговор: «Масторава – матушка, Масторонькирди-корминець, Простик раба божиянь Мариянь. Можот мон покордытинь, Можот а ладс меринь, Можот а парсте думинь. Простямак» (НА НИИГН. 2756) – (Масторава – матушка, Миродержательница-кормилица, Прости рабу божию Марию. Может я попрекнула, Может неладно сказала, Может нехорошо подумала, Прости). Эрзянка Н.С. Ефремова из Республики Чувашия при ушибах ходит просить прощения на то место, где упала: «Так три раза хожу ночью к месту, где упала, прошу прощения. Стараться нужно, чтоб никто не увидел. Нужно говорить: Масторонь паз, Вере паз, простямак. Можо мон виновата, прынь тонь лангс, тонь томбитинь, Или тон виноватат» и т.д. (НА НИИГН. 2757. Ч. 2) – (Бог Земли, Верховный бог, прости, Может я виновата, упала на тебя, тебя ушибла и т.д.). Эрзяне из села Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия при ушибах просят прощения у Масторавы на восходе солнца (Личный архив). Таким образом, к Мастораве обращаются как к живому существу, которому поклоняются и боятся потерять её благоволение. Соседи эрзи и мокши, татары-мишари также считают, что причиной болезни может стать то, что человек не туда наступил. По мнению знахарки Г.С. Кутюшевой из с. Пензятки Лямбирского района Республики Мордовия, на таком месте могла быть «нечистая сила» (Никонова, 2012, с. 341).

При ушибах о дерево и об металл также просят прощения. Ушиб об металл лечат, например, следующим заговором, причём само слово железо некоторыми эрзянскими целительницами не произносится. Знахарка Н.С. Ефремова в начале молитвы-заговора обращается к железу, как к тяжёлому существу: «Стака Кшни, Тягостной Кшни, Простямак Христа ради» (Тяжёлое Железо. Тягостное Железо, Прости Христа ради) (НА НИИГН. 2757. Ч. 2). Заговор она сопровождает определённым действием: прикасается ушибленным местом к металлу. Таким образом, при ушибах эрзянские знахари просили прощения, милости, словно у живого существа, у того предмета или места, которое стало причиной недуга. Недаром эрзяне считали, что у каждого предмета есть душа. И если по-доброму, по-хорошему попросить о

чём-либо у любого божьего создания, то непременно любые проблемы уладятся мирным путём. Это говорит и о психологии народа, показывает его миролюбивый характер.

В знахарской деятельности прибегают к помощи деревьев, воды, зари, росы, солнца, луны и т.д. Вода – основа жизни на земле, она питает и очищает. Люди во все времена открывали для себя целебную силу воды и находили множество способов ее применения. По мнению эрзянских знахарок, вода обладает огромными целебными свойствами. В лечебной магии они используют родниковую, колодезную воду, а с принятием православия стали применять освящённую крещенскую. Так, знахарка И.М. Григорьева из Самарской области водой лечит осуду: «Осудонзо, апаронзо весе саевест, маштост. Можо раужо сельмеде, Можо серой сельмеде, Можо сэнь сельмеде, Можо тюжа сельмеде» (Осуда, зло, пусть всё возьмётся, закончится. Может от чёрного глаза, Может от серого глаза, Может от синего глаза, Может от карего глаза) (НА НИИГН. 2754). Водой лечит и знахарка из села Урусово Ардатовского района Мордовии Т. Юртаева. Она велит больному набрать воды из колодца, который находится во дворе знахарки. Заговаривает её и даёт пить и омываться ею. Водой лечит от сглаза эрзянка Н.С. Ефремова из Чувашии. Нуждающемуся в исцелении она велит тайком выйти к колодцу, набрать воду и сразу умыться. Это действие больному нужно проделать три раза, каждый раз произнося следующий заговор: «Ведень кирди сиякай, Источница Татьяна, исцели меня. Вымой с меня болезнь. Вымой с меня грязь, нечисть» (Держательница воды серебряная, Источница Татьяна, исцели меня) (НА НИИГН. 2757. Ч. 2). Знахарка из Мордовии А. Дорогайкина, по воспоминаниям сельчан, водой омывала дверные ручки и углы стола. Оставшуюся воду отдавала выпить больному (Личный архив). У эрзи не разрешается в бане трогать воду, в которой моется или мылся человек. Считается, что в ней талант, здоровье, удача человека и чужому запрещено трогать эту воду. Те, кто навел порчу на людей, старались чужой водой помыть лицо и тем самым притянуть удачу к себе, отняв у другого. Некоторые болезни, например, глазные лечились рано утром, когда только начинало светать. Знахарка выводила больную к реке, роднику или к колодцу и мыла ей лицо водой, которую ещё никто не трогал. Нетронутая утренняя вода в водоёме называется «ведьбря», т.е. «верхушка, голова воды». Некоторые знахарки, например, при лечении ячменя, при этом приговаривали: «Иневедь потс туеде» – (В пучину великой воды уйдите). Возможно, болезни отсылали Идемевсю, который и насылал их на людей. По мифу извест-

но, что Верховный бог низвергнул его в водную пучину. Под дно морское, в преисподнюю. «Ведьбрянь ознома» (Моление над водяной верхушкой) со слов своей матери Кемайкиной Пелагеи Игнатьевны, которая родилась и жила в селе Малое Маресево Чамзинского района Мордовии, записала эрзянская поэтесса, знаток эрзянских обычаев Маризь Кемаль: «Веденьгирди Ведява, Веденьгирди сияка! Пек васолдо тон лият, Пек васолов тон чудят. Сиянь покольть тонь кеветь, Парсей суреть тонь нулкот. Саить (лем) орманзо-тарвонзо и т.д.» (Держательница воды Ведява, Держательница воды серебряная! Очень издалека ты выходишь, Очень далеко ты течёшь. Серебряные комочки твои камни, Шёлковые ниточки твоя ряска. Возьми от (имя) болезни-трясучки» (Кемаль, 2013, с.36). Водой лечат не только знахарки, но и любая пожилая эрзянка может применить воду для избавления от того или иного недуга, например, чтобы успокоить расстроившегося взрослого человека, расплакавшегося ребёнка. Святая крещенская вода у многих хранится в течение года. Почитают эрзяне и святые источники. Бытует множество рассказов о появлении святых источников, об их целительном воздействии на человека. Лечение водой изначально сопровождалось заговорами, обращёнными к богине-покровительнице воды – Ведяве, которая по эрзянским мифам является покровительницей плодородия, а также любви, брака, деторождения. Татары-мишари, живущие по соседству с мордвой, некоторые заболевания также связывают с духом воды Су тоту. Он считается злым духом. При заболеваниях, приписываемых его влиянию, приносили искупительную жертву – крошки хлеба, соль и крупу бросали в воду (Никонова, 2012, с. 341).

Лечат эрзянские «содыця ломань» и с помощью металла. Слова «серебро, олово, медь» встречаются и в самих текстах заговоров. Известно, что серебро имеет очистительные свойства. Это металл, обладающий магическими свойствами, которые позволяют ему воздействовать на сверхъестественное. Серебряные пули способны поражать вампиров, домовых, оборотней, великанов, магов, колдунов и ведьм, а также духов, служащих колдунам и ведьмам. Серебро защищает также от колдовства, сглаза, дурных влияний и злых духов. Самарская знахарка И.М. Григорьева медью и серебром лечит различные болячки, шишки, нарывы. Знахарка сначала кружит вокруг шишек и нарывов «однюшкой» (медной копейкой), потом серебром, произнося при этом заговор. Следующий заговор женщина применяет от шишек: «Сиянь тетя, сиясо, пижесэ чарасынь-пирясынь шишкатнень-палкатнень, леметнень-панготнень ютавтсынъ» (Серебряный отец, серебром, медью окружу-

огорожу шишки-палки, болячки-грибки изведу). После произнесённого заговора женщина безымянным пальцем правой руки проводит против часовой стрелки, а затем по часовой стрелке (НА НИИГН. 2754).

Часто знахарки применяют нож, с помощью которого притрагиваются к больному месту, как бы оставляя метки. Действо это похоже на те моменты молений (озксов), когда с помощью ножа или торо проводили обряд огораживания от нечистой силы. Например, при молении Ведяве огораживали с помощью тора дары, принесённые богине. С четырёх сторон ставили «тешксы» (меты). Меты оставляли во время свадьбы в доме, где одевали невесту. Уредев (дружок) заходя в дом, делал тешксы на матице, таким образом, защищали новобрачную от сглаза и от проникновения злых сил. Болезнь, очевидно, также пытаются огородить, чтобы она, насланная нечистой силой, не распространялась дальше и благодаря «кортавтома» (заговору) вышла из больного.

Эрзяне поклонялись богине-покровительнице ветра – Вармаве. Она олицетворяет благотворные и разрушительные силы: в добром настроении приносит тучи на поля с благодатным дождем; в плохом, разбушевавшись, вихрями и ураганами губит посевы, разрушает дома, раздувает пожары и разносит болезни. Ветер способен сдувать, очищать. По этой аналогии знахарка пытается сдуть что-либо лишнее, ненужное. Некоторые знахарки советуют три раза подуть на ложку, если кто-то начнёт ругаться за столом во время еды, чтобы негатив не повлиял на здоровье человека во время принятия пищи. Часто в заговорах встречается слово «дуть» (пувамс): «Соломей бабушка Господня, Се пуви, се кортавты. Чулксетема орма пани Верьстэнзэ, сывельстэнзэ. Срадозо шумбрачизэ, Шумбрачи максозо век. Спаси. Аминь» (Соломея, бабушка Господня, Она дует, она заговаривает. Ломоту гонит из крови, из тела. Пусть наполняется здоровьем, Здоровья пусть даст на век. Спаси. Аминь) (НА ГУНИИГН. Л–29). Татары-мишари также считают, что болезнь, порча, нездоровье могут прийти от «больного» ветра (Никонова, 2012. с. 340).

Таким образом, лечебная магия не перестала быть востребованной и в наши дни. Болезни, которым подвержены современные люди, зачастую не поддаются медикаментозному лечению и человек, пытаясь помочь самому себе, обращается к народным целителям. Эрзянские знахарки стараются оказать помощь человеку, в т.ч. при телесных и душевных болезнях с помощью заговоров, обращаясь к божествам-покровителям, природным явлениям и используя при этом средства биологического (травы), минерального (соль, вода, песок, металл) происхожде-

ния. Следует отметить, что тексты заговоров на протяжении всего времени их существования видоизменялись: эрзянская лексика заменялась русской, наряду с языческими божествами знахари стали обращаться к христианским богам и православным святым. Но по сути своей они остались прежними, что говорит об их древности. Как жанр, заговоры представляют собой архаический пласт духовной культуры эрзян, который связан, прежде всего, с мировоззрением и мировидением, обрядностью и обычаями, привычками и нормами поведения народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1995. 400 с.

2. *Блок А.* Поэзия русских заговоров и заклинаний [Электронный ресурс] // История русской литературы под ред. Е. Аничкова и Д. Овсяннико-Куликовского. Т.1. – М., 1908. URL: <http://maara.narod.ru/> (дата обращения 18.01.2015).

3. *Кемаль Маризь.* Масторов нолдасыне сюкпрянок. – Саранск, 2013. 304 с.

4. *Личный архив. Ларькина М.Е.* с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия

5. *Личный архив. Юртаева Т.С.* с. Урусово Ардатовского района Республики Мордовия

6. *НА ГУНИИГН.* Л–29. Заговоры, записанные в Большеберезниковском районе Мордовской АССР Л.П. Тарасовым и Л.С. Кавтаськиным, Ф.М. Чесноковым в 1936 г. (перевод доктора филологических наук, профессора Раисы Николаевны Бузаковой). – 156 л.

7. *НА НИИГН.* 2754. Никонова Л.И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции: 17 – 31 июля 1996 г. Самарская область: с. Старая Бинарадка Красноярского района.

8. *НА НИИГН.* 2756. Никонова Л.И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции: 17 августа – 15 сентября 2000 г. Республика Татарстан: Мордовская Кармалка Лениногорского района.

9. *НА НИИГН.* 2757. Ч.1. Никонова Л.И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции: 17 августа – 15 сентября 2000 г. Чувашская Республика: Алтышево Алатырского района.

10. *НА НИИГН.* 2757. Ч. 2. Никонова Л.И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции: 17 августа – 15 сентября 2000 г. Чувашская Республика: Малые Кармалы Ибресинского района.

11. *НА НИИГН.* 2758. Никонова Л.И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции: 29 сентября – 29 октября 2001 г. Красноярский край.

12. *Народы Мордовии*: историко-этнографические исследования / Л.И.Никонова и др. НИИ Гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск. 2012. – 608 с.

13. *Токарев С.А.* Проблема происхождения и ранних форм религии // Вопросы философии. – М., 1956. № 6. – С. 36–40.

14. *Шаронов А.М.* Мифология мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2011. № 4 (20). – 226 с.

Информация об авторе

Пивкина Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, редактор, АУ «Мордовия – 7 дней» (г. Саранск); sve-pivkina@yandex.ru

Pivkina Svetlana Vasilievna, the candidate of philological sciences, associate editor, AU «Mordovia – 7 days» (c. Saransk); sve-pivkina@yandex.ru

УДК 94(470.51)

**ТАТАРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: НЕКОТОРЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

© 2015 г. Н.В. Пислегин

Статья посвящена изучению некоторых социально-экономических аспектов жизни татарского крестьянства Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. В первую очередь, рассматриваются особенности землепользования и налогообложения, а также хозяйство различных категорий сельского татарского населения. Можно говорить о медленном, поступательном прогрессе в социально-экономической сфере, как осложненном, так и подстегнутом государством.

Ключевые слова: крестьяне, татары, Вятская губерния, землепользование, система земледелия, подати, повинности.

**TATAR PEASANTRY OF VYATKA PROVINCE OF PRE-REFORM
PERIOD: SOME SOCIO-ECONOMIC ASPECTS**

N.V. Pislegin

The article comes to view some socio-economic aspects of the life of the peasants of Tatar in the end of XVIII – first half XIX. At first, it studies land use, taxation and economy of several categories of rural Tatars. We can speak about a slow steady progress in socio-economic sphere, which on one hand is complicated, on the other hand is accelerated by state.

Keywords: peasants, Tatars, Vyatka Province, land tenure, system of agriculture, taxes, duties.

Значительная часть казанских татар традиционно проживала на территории Вятской губернии, в первую очередь, в Малмыжском*, Уржумском, Елабужском, Сарапульском, Слободском и Глазовском уездах. Подавляющее большинство татар Российской империи, в целом, и Удмуртского Прикамья, в частности относились к крестьянскому сословию и являлись государственными крестьянами. Вплоть до преобразований государственной деревни (1837–1841) формально они, как правило, продолжали упоминаться в качестве ясачных или служилых (см.,

* В 1797–1817 гг. территория Малмыжского уезда делилась между соседними уездами.

например: Пислегин, 2010, с. 43–44). Особой частью государственного крестьянства следует считать лашманов, приписанных к Адмиралтейству для производства работ по заготовке леса для военно-морского судостроения. Наиболее важной льготой за выполнение этой работы было освобождение от поставки рекрутов. По всей видимости, именно поэтому значительная масса лашманов происходила из служилых татар. К вятским лашманам, кроме татар, первоначально, до 1817 г., принадлежали бесермяне, марийцы и удмурты. После же преобразования 1817 г. лашманы Глазовского и Сарапульского уездов были возвращены в казенное ведомство (История Удмуртии, 2004, с. 145). В вопросах трудовой повинности они были подчинены правлению Низового округа корабельных лесов в Казани, а по всем прочим вопросам – органам местного управления (Даишев, 1978, с. 57). Некоторая часть татарского крестьянства принадлежала к владельческой категории. Так, одним из крупнейших имений Вятской губернии являлась Терсинская волость (Елабужский уезд) помещиков Тевкелевых (первоначально принадлежала арским князьям Яушевым). В XVIII в. она являлась очагом постоянных волнений. Начиная с 1736 г. ее жители подавали челобитные, чтобы «не держать их насильно в крестьянстве». 1742–1743 и 1767 гг. отмечены здесь крупными волнениями, наконец, самое активное участие они приняли в крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (Гришкина, 1977, с. 170–172). Значительную долю тептярского сословия также составляли татары.

В области землепользования ситуация складывалась следующим образом. В результате Генерального межевания (1804–1835 гг.) нормы крестьянского землевладения были ограничены 15 дес. на ревизскую душу. С другой стороны, у тептярей эта норма составляла 30 дес. Кроме того, в случае наличия поблизости свободных земель с конца 1840-х гг. в государственной деревне проводились прирезки земли до 8 дес. на душу мужского пола бесплатно, при готовности же заплатить 9 коп. серебром за десятину – то и до 15 дес. Правда, результаты были не очень значительны. Так, среднедушевой надел государственных крестьян в 1850 г. составлял 7,02 дес. в Малмыжском уезде, около 7,5 – в Елабужском, около 8 – в Сарапульском и до 13,2 дес. – в Глазовском, и позже он вырос весьма незначительно. И это при том, что отмеченные наделы являлись одними из самых крупных по Вятской губернии (Пислегин, 2010, с. 116, 160, 171, 176–177). Сарапульский земский исправник Н. Рассихин отмечал в апреле 1861 г., что у жителей д. Агрыз Сарапульского уезда Вятской губернии наделы составляли около 3,5 дес.

(ГАКО, ф.576, оп.1, д.90, л.36–36об.). Негативные процессы нарастали в крестьянском животноводстве. Остро не хватало лугов и сенокосов: в Вятской (восточные и юго-восточные уезды) губернии это соотношение составляло 7:1 (История Удмуртии, 2004, с. 148).

В соответствии с ведущей системой земледелия, трехпольем, основными зерновыми культурами на полях татарских крестьян были озимая рожь, ячмень, овес. Возделывали также полбу, гречиху, просо, пшеницу, чечевицу, горох, отчасти – ярицу (яровую рожь). Среди технических культур преобладали конопля и лен (см., например: История Удмуртии, 2004, с. 149). Овощи сельские татары почти не выращивали, крайне редко встречались плодовые сады. Вместе с тем, следы инноваций имели место. Одной из них для рассматриваемого периода следует считать внедрение картофеля. В 1842 г. похвальным листом и премией в 15 руб. серебром был отмечен Самуил Мустаев, житель Сардыкбажской волости Малмыжского уезда Вятской губернии, засадивший картофелем весь свой огород (История Удмуртии, 2004, с. 151).

Особое, в какой-то степени подстегивающее значение на развитие крестьянского хозяйства имели подати и повинности. Они имели тенденцию к росту. Если в начале XIX в. подушная подать составляла 1 руб. 55 коп. ассигнациями с души муж. пола, то к середине столетия она возросла вдвое (95 коп. серебром с 1839 г.) (Неупокоев, 1987, с. 30–33, 35). Аналогично дело обстояло с оброчной податью (феодальной рентой): в Вятской губернии она выросла с 5 руб. ассигнациями в 1797 г. до 3 руб. серебром (10,5 руб. в переводе на ассигнации) в 1859 г. Денежный оброк государству не платили лашманы, тептяри, владельческие крестьяне, значительно представленные среди татар. Взамен первые две категории несли специфические натуральные повинности (лашманская повинность, тептярская служба) (Неупокоев, 1987, с. 89, 91, 94; Пислегин, 2010, с. 112–113). Обременительными и также все возрастающими были земские и общественные сборы. В начале XIX в. земские повинности делились на ежегодные и единовременные. Для ежегодных сборов вводились сметы на трехлетний срок, единовременные сборы допускались только на основе «высочайших повелений». В 1816 г. вводилось новое деление денежных земских сборов на общие (губернские) и частные (для казенных и помещичьих имений). К общим повинностям были отнесены: почтовая, дорожная, содержание воинских зданий и ремонт и охрана этих зданий. В статус частных земских денежных сборов для казенных и удельных крестьян включалась их обязанность содержать органы самоуправления, подводы для земского

суда и запасные магазины (Неупокоев, 1987, с. 165–166, 168). Сборы, таким образом, разнились от года к году, но в целом также наблюдалась тенденция к их возрастанию. В 1830 г. в Вятской губернии собиралось по 1 руб. $\frac{3}{4}$ коп. с ревизской души податного сословия, в том числе на устройство больших государственных дорог по 25 коп., усовершенствование судоходства – 5 коп., общие земские повинности – 50 коп., содержание волостных правлений – 20 $\frac{3}{4}$ коп. Помещичьи крестьяне и тептяри выплачивали по 80 коп. с души на эти же статьи, исключая расходы на содержание волостных правлений. За счет общих земских повинностей в указанном году происходило содержание 12 статей, в их числе – выплата фуражных и прибавочного жалованья чиновникам земской полиции, расходы на форпостных лошадей, этапные тюрьмы и военные лазареты по Сибирскому тракту, канцелярию Комитета о земских повинностях, военный постой, остроги и гауптвахты в г. Вятке, а также полицию, городские думы, почты, мосты и перевозки. Дополнительно ко всему этому производился сбор по 23 $\frac{1}{4}$ коп. с души на сдачу рекрутов по 95 набору (Пислегин, 2010, с. 116–117). 9 января 1835 г. был введен сбор на содержание земской полиции. Крестьяне всех ведомств облагались по 30 коп. с души (после переложения на серебро – 9 коп. сер.). В 30-х гг. XIX в. на земские сборы переложили ряд городских расходов «по недостатку собственных их способов». Вводились и многочисленные особые губернские сборы. Так, 14 ноября 1839 г. было утверждено положение о сборе на постройку присутственных мест и тюрем. С 1840 г. на государственных крестьян перекладывались не только административные расходы, но и финансирование попечительской политики в рамках реформ П.Д. Киселева (общественный сбор, хозяйственный капитал) (Неупокоев, 1987, с. 184, 188–191). По смете, утвержденной в Вятской губернии с 1844 г. на трехлетие, общественный сбор в год составлял 63 $\frac{1}{4}$ коп. ассигнациями с души. Из полученной суммы назначались расходы на содержание окружных управлений, стола народного продовольствия, волостных и сельских начальников, училищ, крестьянских мальчиков, «приготавливаемых к писарским должностям», и оспопрививателей, на «изготовление» книг, окладных листов, тетрадей, табелей, бланков для волостных и сельских учреждений и «указательных дощечек к домам», на постройку хлебных магазинов, на «Губернские ведомости» для волостных правлений. По донесению председателя Вятской палаты государственных имуществ Г. Круковского, в 1849 г. казенные крестьяне выплачивали по 43 коп. серебром с души земских повинностей. В их число входили сборы «для составле-

ния вспомогательного земского сбора» по 10 $\frac{1}{2}$ коп., на содержание земской полиции по 9 коп., постройку присутственных мест и тюрем по 4 коп., «на земские повинности на 3-летие с 1849 г.» по 15 $\frac{1}{2}$ коп., «на вспомогательный земский сбор... за 1848 г. по 4 коп. по случаю тому, что сей последний сбор не был включен в свое время в окладные листы за поздним получением распоряжения». Сбор в капитал продовольствия достигал 6 коп. сер., 62 коп. – общественный сбор и, наконец, по официальным данным, от 7 $\frac{3}{4}$ до 23 $\frac{1}{4}$ коп. составляли частные мирские сборы по приговорам сельских обществ (Пислегин, 2010, с. 120–121).

Особое значение имели так называемые мирские сборы (частные – в помещичьей деревне). В отличие от земских сумм, сданных в казначейство, мирские деньги хранились в волостных правлениях, а в помещичьей деревне ими обычно распоряжались помещики. По сути дела, мирские сборы дополняли частный земский сбор. На мирские сборы перелagались расходы за ремонт местных дорог и мостов и содержание всей сельской и волостной администрации. К 1840-м гг. насчитывалось от 20 до 25 статей, расходы по которым оплачивались из сумм частных и мирских сборов. Закон от 28 ноября 1833 г. разделял мирские сборы на обязательные – «для определенных законом потребностей» – и добровольные, которые зависели «от собственного произвола крестьян». Обязательный шел на содержание сельского и волостного управления, отыскание беглых, подлежащих рекрутской очереди, содержание сельских запасных магазинов, ремонт проселочных дорог и т.п.; добровольный сбор предназначался для ремонта церквей, на сооружение разных общественных зданий, выплаты в счет натуральных повинностей и проч. (Неупокоев, 1987, с. 185–186). Мирские сборы шли также на удовлетворение все возраставших запросов чиновничье-бюрократического аппарата, поставленного над крестьянской общиной. Как правило, эти сборы превышали подушную подать и имели тенденцию к постоянному возрастанию. Получить полное представление о размерах мирских сборов, по-видимому, невозможно, отдельные из них крестьяне могли попросту скрывать (Пислегин, 2010, с. 121). В систему крестьянских выплат входили также платежи за использование так называемых оброчных статей. Это была своего рода арендная плата за пользование не принадлежащими крестьянам землями, угодьями и др.

Основу натуральных повинностей составляли рекрутская, подводная, дорожная и квартирная. Из них, без сомнения, самой тяжелой была поставка рекрутов для царской армии. Этой повинности подлежали все сословия, отбывавшие подушную подать. Не подлежали рек-

рутскому набору государственные крестьяне, «беспорочно прослужившие по выборам своих обществ три трехлетия в земском или других судах», лашманы, а также мусульмане, принявшие православие, и ряд других категорий. Подводная повинность также требовала от домохозяйств значительных усилий, т.к. в самое необходимое для полевых работ время лишала крестьян тяглой рабочей силы. Подводы требовались по военному и гражданскому ведомствам. В первом случае они предоставлялись для передвижения войск и отдельных команд; во втором – для разъездов губернских чиновников и земской полиции, для арестантских партий и перевозки казенных грузов. По распоряжению «высшего начальства» подводы назначались и на другие потребности, не считаясь с раскладкой. Крестьяне поставляли подводы либо натурой, либо нанимали их за счет особого сбора. Внушительные силы и средства занимала дорожная повинность, заключающаяся в необходимости поддержания в порядке полотна дорог, мостов, гатей, перевозов, придорожных канав как на главных почтовых трактах, так и на второстепенных путях. Сюда же можно отнести обязанность жителей прибрежных селений на крупных реках содержать специальные переправы – бечевники. На 1728 верстах почтовых дорог Вятской губернии за счет земского сбора в 1839 г. были отремонтированы только 27 мостов и гатей, все остальное «поддерживалось починками поселянами»; из 100 перевозов, находящихся на территории губернии в 1861 г., 60 также содержалось за счет крестьянских отработок. Только с образованием Министерства государственных имуществ казенным крестьянам был окончательно разрешен найм в отправлении дорожной повинности. Крестьяне всех категорий были обязаны предоставлять квартиры проходящим воинским командам, представителям военной и гражданской администрации, находящимся на работах лашманам и т.д. Наибольшая нагрузка здесь выпадала на населенные пункты, лежащие вдоль больших дорог, каких было немало с татарским населением (Пислегин, 2010, с. 123, 125–127).

Для лашманов натуральная повинность была основной. По каждому селению и волости, которые были приписаны к адмиралтейству, составлялись семейные списки с учетом жителей, способных выполнять повинность (мужчины 18–55 лет). На основании этих списков соблюдалась очередность, и учитывался характер работы – отбывать повинность пешим или конным. Сроки работы в первой половине XIX в. несколько сократились, но, тем не менее, составляли 60 рабочих дней (с 1 октября по 18 декабря) для пешего и свыше трех месяцев

(с 10 декабря по 20 марта «или до окончания зимнего пути») – для конного работника (Даишев, 1978, с. 57). В основном лашманские работы выполнялись конными работниками (Пислегин, 2010, с. 130).

Подводя некоторые итоги, отметим, что дореформенный период характеризуется разнозначными процессами в социально-экономическом развитии татарского крестьянства Удмуртского Прикамья. Можно говорить о медленном, поступательном прогрессе, и осложненном, и подстегнутом государством. Для подавляющего большинства сельского населения края, в т.ч. и татарского, Великие преобразования были не столь эпохальны, как, например, для крестьян Центральной (в широком понимании) России, получивших освобождение от классического, помещичьего, крепостного права.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО. Ф.576. Оп.1. Д.90.
2. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск: Удмуртия, 1977.
3. Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 55–62.
4. *История Удмуртии*: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
5. *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1987.
6. *Пислегин Н.В.* Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.) / отв. ред. М.В. Гришкина. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010.

Информация об авторе

Пислегин Николай Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск); cpeg@rambler.ru

Pislegin Nikolai Viktorovich, the candidate of historical sciences, senior staff scientist, Udmurt Institute for Research in History, Language and Literature, Uralic Department, Russian Academy of Sciences (c. Izhevsk); cpeg@rambler.ru

УДК 340.153

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАРХАНСТВА В ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ XVIII–XIX ВВ.: ДРЕВНИЙ ТЮРКСКИЙ ИНСТИТУТ НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

© 2015 г. Р.Ю. Почекаев

В статье анализируется эволюция института тарханства в Башкирии в XVIII в. и в Казахстане в XVIII–XIX вв. Древний тюркский правовой и социальный институт в этот период стал использоваться властями Российской империи для обеспечения лояльности со стороны ее кочевых подданных и формирования «новой элиты» среди башкир и казахов. Автор предпринимает попытку проследить изменение правового оформления приобретения тарханства в имперский период, цели имперских властей по поддержанию этого старинного института в новых условиях, а со временем – и механизмы его вытеснения из употребления, а также изменение отношения к тарханству и тарханам в самих кочевых обществах в рассматриваемый период.

Ключевые слова: тархан, Казанское ханство, Сибирское ханство, Башкирия, Московское государство, Российская империя, Казахстан, Внутренняя Орда, национальные элиты.

TRANSFORMATION OF *TARKHANSTVO* IN VOLGA AND URALS REGION OF 18TH–19TH cc.: ANCIENT TURKIC INSTITUTION AT THE SERVICE OF THE RUSSIAN EMPIRE

R.Yu. Pochekaev

Article devoted to evolution of *tarkhanstvo* institution in Bashkiria of 18th c. and Kazakhstan of 18th–19th cc. Ancient Turkic legal and social institution during this period was widely used by the Russian Empire to provide loyalty of its nomadic subject and create «new elite among» Bashkirs and Kazakhs. Author attempts to analyze changes in legalization of acquiring of *tarkhanstvo* during imperial period, goals of imperial authorities in maintenance of this ancient traditional institution and, as time goes by, mechanisms of its ousting as well as changes of attitude of nomads themselves toward *tarkhanstvo* during examined period.

Keywords: *tarkhan*, Kazan Khanate, Siberian Khanate, Bashkiria, Moscow state, Russian Empire, Kazakhstan, Inner Horde, national elites.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14–03–00322 с использованием средств Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. по проекту № 15–09–0273.

Институт тарханства, впервые упоминающийся в памятниках древнетюркского и хазарского периода, в течение многих веков претерпел существенную эволюцию. Первоначально обозначая представителей тюркской знати, в империи Чингис-хана и государствах его преемников титул (или звание) тархана стал присваиваться, напротив, выходцам из низших слоев общества, которые за свои заслуги приобретали некоторые права и льготы, которыми аристократия обладала уже в силу своего происхождения.

Тарханство неоднократно исследовалось специалистами с точки зрения этимологии этого термина, его юридического содержания, статуса тарханов, изменения отношения к нему в тюрко-монгольских государствах. Специальные работы посвящались тарханству в Башкирии и (в меньшей степени) Казахстане (Асфандияров, 2006; Крафт, 1900). Однако, насколько нам известно, трансформация института тарханов, изменение отношения к нему со стороны властей и самих кочевников в имперский период не являлась специальным предметом исследования. Соответственно, ниже мы намерены рассмотреть в историко-правовом отношении процесс присвоения титула (звания) тарханов властями, последствия его приобретения для обладателей и причины, по которым тарханство со временем перестало быть актуальным для башкир и казахов.

Согласно дошедшим до нас тарханским грамотам (ярлыкам) эпохи Золотой Орды и пост-ордынских государств и проведенным на их основе исследованиям, можно свести права, жалуемые тарханам, к следующему: освобождение от уплаты налогов и несения повинностей (полностью или частично), частичный судебный иммунитет (неподсудность за ряд не слишком тяжких правонарушений и преступлений), право на выбор своей доли добычи на охоте и в военном походе (непривилегированные воины получали то, что выделяли им начальники при общем разделе добычи). Соответственно, тарханство могло быть индивидуальным или передаваемым по наследству: традиционно – в течение девяти поколений, но, как правило, в зависимости от ситуации, число поколений потомков первого тархана было либо меньше, либо (в редких случаях) больше.

Как можно увидеть, перечисленные права не имело смысла специально жаловать представителям родовой аристократии: они обладали ими изначально в силу своего происхождения. Соответственно, тарханство жаловалось представителям податного сословия, которые, таким образом, приобретали часть льгот, присущих знати и, тем са-

мым несколько сближались с ней по статусу. Естественно, поскольку статус тарханов целиком и полностью зависел от ханов, жаловавших этот титул, они сохраняли верность ему. Наибольшее число пожалований, что вполне логично, приходилось на периоды острой борьбы за власть: с помощью тарханных ярлыков различные претенденты на трон старались увеличивать число своих сторонников.

Наибольшее количество тарханных пожалований в различных их формах (в частности – в суюргальной) приходится в Золотой Орде на вторую половину XIV – начало XV вв., а затем после распада Улуса Джучи эта практика нашла широкое применение и в пост-ордынских государствах. И если в Крымском ханстве к концу XV – началу XVII вв. наблюдается сокращение числа тарханных пожалований и их постепенная замена денежным вознаграждением (Смирнов, 1913), то таких сведений о других джучидских ханствах у нас нет. Напротив, на основе сохранившихся (хотя и крайне немногочисленных) материалов и других исторических источников исследователи делают вывод, что тарханство было довольно широко распространено, в частности, в Казанском и Сибирском ханствах – вплоть до их завоевания Московским государством.

Собственно, и для русских этот институт отнюдь не являлся чем-то чуждым и неизвестным: под влиянием правовых традиций Золотой Орды русские князья уже с XIV в. сами стали выдавать тарханные грамоты как церковным, так и светским адресатам – начиная с бояр и высшего духовенства и заканчивая низшими представителями княжеской администрации. Тарханные (и, как их разновидность, тарханно-несудимые) грамоты выдавались русскими князьями десятками в XIV–XV вв., однако к началу XVI в. количество выдаваемых грамот сильно сократилось (Веселовский, 1926, с. 67–68), в 1547 г. была выдана такая последняя грамота, а в Судебнике 1550 г. тарханство как институт в Московском царстве было отменено (Судебник, 1956, ст. 43, с. 242).

Тем не менее, после вхождения в состав России Казанского ханства, Башкирии, а затем и Сибирского ханства российским властям пришлось пойти на частичное восстановление тарханства – в отношении своих новых подданных. Строго говоря, этот процесс не может считаться «восстановлением» в буквальном смысле – российские власти всего лишь сохранили в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири институт, который и не прекращал своего существования. Они признали права тарханов на налоговый иммунитет и особое положение среди остального населения, однако сам принцип пожалования тарханства уже вскоре после взятия Казани претерпел существенные изменения.

В империи Чингис-хана и государствах его потомков тарханство представляло собой награду за ранее оказанные хану или государству услуги. Т.е., лицо, получившее звание тархана, освобождалось от налогов и повинностей, приобретало ряд дополнительных льгот и при этом не несло никаких обязательств перед государством: если благосостояние позволяло, тарханы могли жить в своих владениях, за свой собственный счет и т.д., и лишь те из них, кто нуждался в средствах, поступал на ханскую или иную службу. В московский же период условием признания и сохранения тарханства стала именно государственная служба: исследователи вполне обоснованно отмечают, что большинство тарханов (признанных в этом достоинстве новыми московскими властями) стали именно служилыми татарами – как в Казанском, так и в Сибирском «царствах» (Габдуллин, 2010, с. 37–39; Тычинских, 2010, с. 35). Соответственно, статус служилых татар, поступавших на московскую службу «за многие привилегии» (Тычинских, 2010, с. 48), в какой-то мере поглотил понятие тарханства как в Поволжье, так и в Сибири: именно служилые татары противопоставляются «ясачным», т.е. податному сословию (см., напр.: Галлямов, 2001, с. 16 и след.). Само понятие тарханства, насколько можно судить, уже не имеет широкого применения на территории бывших татарских ханств в публично-правовой сфере и используется больше в вопросах частноправового характера – в случае споров о земельных владениях, определении социальной принадлежности конкретного лица или семейства и пр.

Тем не менее, сам факт тарханства, дарованного прежними правителями пост-ордынских государств, признавался московскими властями, и ханские ярлыки сохраняли свою силу, неоднократно подтверждаясь и российской администрацией. Наверное, самым известным таким примером является ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г., потомки получателя которого использовали его как доказательство в суде даже в 1823 г., ссылаясь также на его подтверждения 1680 и 1766 гг. (Vásáry, Muhamedyarov, 1987, p. 190–206).

Более широко тарханство использовалось на территории Башкирии, вероятно, в силу кочевого характера и консервативных правовых традиций местного населения оставаясь более востребованным, нежели среди служилых татар, ведших оседлый образ жизни и приписанных к определенным «десятиям». Как и татары, башкиры в обмен на признание тарханства должны были нести военную службу (как правило, по охране границы или в станицах), но, подобно и прежним тарханам, освобождались от налогов и повинностей – на это обращал

внимание еще первый историк Оренбургского края П.И. Рычков в 1750-е гг.: «Разумеется же тархан служилый башкир, а не ясачник...; и когда куда на службу наряд, то тарханы первые служить должны» (Рычков, 1896, с. 6). Соответственно, власти признавали и закрепляли за тарханами освобождение от налогов и повинностей – причем в некоторых случаях это приходилось делать и в индивидуальном порядке: так, в 1628 г. специальной «памятью» Приказа Казанского дворца уфимскому воеводу было предписано не взимать с семейств двух башкирских тарханов подводы (Документы, 2012, № 18, с. 29–30). На наш взгляд, подобная практика свидетельствует о том, что тарханы отнюдь не составляли сословия, на которое полностью распространялись определенные права и привилегии – их приходилось оговаривать специальными актами в каждом конкретном случае. Более того, государство принимало на себя обязательство гарантировать башкирским тарханам защиту и неприкосновенность их владений – об этом свидетельствует, в частности, ряд грамот из Приказа Казанского дворца уфимским воеводам 1680–1690-х гг. о защите земельных прав башкирских тарханов, ограждении их от посягательств со стороны сородичей и т.д. (см., напр.: Материалы, 1936, № 8, 11).

В результате на территории Поволжья и Приуралья к середине XVIII в. сформировались две группы тарханов: «старые», чьи привилегии были получены еще в эпоху Казанского ханства и впоследствии подтверждены московскими властями, и «новые», возведенные в тарханское достоинство уже находясь в российском подданстве. Права «старых» тарханов признавали все российские цари XVII – начала XVIII вв.: от Михаила Федоровича в 1620-е гг. до Петра I в 1701–1702 гг. (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 29–44).

Естественно, «старые» тарханы, в силу давности своих прав и привилегий, в меньшей степени связывали их с обязанностью военной службы и нередко воспринимали попытки властей привлечь их к охране границ и т.д. Неудивительно, что именно эти тарханы принимали активное участие в антиросийских восстаниях в Башкирии. Крайне негативную оценку башкирским «старым» тарханам дал И.К. Кирилов, первый начальник Оренбургской экспедиции: «старинные тарханы никакого ясаку не плачивали и не платят, но должны служить службы, однако служат они своему воровству, а не по указом, и затем сей их чин впредь весьма не надобен» (Материалы, 2002, № 52, с. 96). Несомненно, его мнение сыграло немалую роль в решении Анны Иоанновны лишить тарханного достоинства участников восстаний и

приостановить дальнейшее пожалование этого звания в Башкирии: «а тарханов, которые бунтовали и сообщниками бунтовщиков были, тех всех за их противности отрешить и впредь таких тарханов, без особых наших указов, не выбирать и не определять» (ПСЗ РИ, 1830, т. X, № 7876, с. 870).

Впрочем, возникали определенные проблемы правового характера и у «новых» тарханов. Первые из них получили тарханство еще в процессе присоединения Казанского ханства к Московскому царству: согласно башкирским родословным, Иван Грозный уже в 1552 или годом позже пожаловал тарханство предводителям четырех башкирских родов (Башкирские родословные, 2002, с. 8–9, 109, 149, 155). Надо полагать, связь пожалования с этим монархом позволяла обладателям тарханского звания претендовать на особый статус среди сородичей, причисляя себя к высшей башкирской элите. Это напоминает ситуацию со среднеазиатскими тарханами конца XV в., которые возводили свое происхождение к Кишлику, получившему тарханство от самого Чингис-хана (Козин, 1941, § 187, с. 141): это дало им право претендовать на полноту власти в своих владениях и проводить политику независимо от воли их номинальных сюзеренов – Тимуридов (Бабур-наме, 1992, с. 47–48). Практика пожалования тарханства российскими государями продолжалась вплоть до правления императрицы Анны Иоанновны, которая только за декабрь 1734 – май 1735 гг. даровала тарханство более чем 200 башкирским семействам (Вельяминов-Зернов, 1864, с. 9–26).

Одной из проблем «нового» тарханства являлось наследование прав и привилегий. По свидетельству П.И. Рычкова, «сей у них заслуженный чин вечно детям и внучатам, а другим – на одну персону» (Рычков, 1896, с. 6), т.е. речь шла о возможности наследования статуса тарханов потомками тех, кто их получил. И хотя, как отмечалось выше, уже в империи Чингис-хана и государствах его потомков практиковалось индивидуальное тарханство, потомки «новых» тарханов считали его преимущественно наследственным и старались в любом случае добиваться признания себя наследниками прав и привилегий своих предков. А между тем, российские власти целенаправленно жаловали преимущественно индивидуальное тарханство – чтобы и потомки прежде награжденных, в свою очередь, своей лояльностью и действиями в интересах Российского государства заслуживали соответствующую награду.

Впрочем, по-видимому, и «новые» тарханы к середине XVIII в. стали вызывать недовольство со стороны российских властей, которые

никак не могли с их помощью добиться полной лояльности населения Поволжья и спокойствия в регионе. В результате в 1754 г. оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев представил в Правительствующий Сенат свои предложения относительно тарханов, и сенатским указом в марте того же года все башкиры были освобождены от уплаты ясака, но должны были приобретать соль от казны, платя косвенный соляной налог – и тарханы не стали среди них исключением (ПСЗ РИ, 1830, т. XIV, № 10198, с. 42–44; Вельяминов-Зернов, 1864, с. 48). Так, не отменяя тарханство как институт, российские законодатели фактически нивелировали статус тарханов (Асфандияров, 2006, с. 97–99).

Впрочем, нельзя сказать, что указ императрицы Анны 1739 г. и сенатский указ 1754 г. поставили точку в существовании института тарханства в Поволжье: лица, получившие это звание до указа и не лишенные его за участие в восстании, продолжали признаваться тарханами – причем в ряде случаев и с правом передачи тарханства по наследству. Так, в 1776 г. оренбургский военный губернатор И.А. Рейнсдорп вел следствие по делу старшины Расуля Итжимясова, пустившего слух о том, что Е. Пугачев, якобы жив: подследственный во всех официальных документах фигурировал как тархан (Документы, 2012, № 185–189, с. 320–325).

Однако, как показывают вышеупомянутые правовые акты, российские имперские власти уже в середине XVIII в. признали нецелесообразность дальнейшего применения тарханства в своей правовой политике и стали использовать другие способы формирования национальной элиты, лояльной российской администрации. Во-первых, это было формирование местного самоуправления, в результате чего родоплеменными старшинами «выбирались» лица, в чьей лояльности российские власти не имели сомнений. Во-вторых, начался процесс интеграции башкирской элиты в имперскую чиновную иерархию путем присвоения служилым башкирам российских воинских званий.

В результате во второй половине XVIII в. можно увидеть, что отношение башкир к тарханству существенно меняется: потомки прежних тарханов по-прежнему стараются добиться признания своих прав на это звание еще и в 1770-е гг. (см., напр.: Вельяминов-Зернов, 1864, с. 1–2), однако понимают, что обладание только им уже не даст им прежних прав и привилегий. Так, например, в 1768 г. Ишмухаммет Абдулкаримов, внук Таймаса Шаимова, одного из первых «новых» тарханов, обратился к оренбургскому губернатору кн. А.А. Путятину с просьбой утвердить его в звании сотника – на основании того, что

обладает наследственным тарханским достоинством, многократно подтверждавшимся российскими властями: в 1735, 1736, 1740, 1743, 1756, 1758 и 1767 гг. (Документы, 2012, № 124, с. 208–209). А походный старшина Казаккул Казанбаев в 1781 г. обратился к генерал-губернатору И.В. Якоби, преемнику Рейнсдорпа с просьбой и награждения его званием потомственного тархана – и, вместе с тем, чином главного старшины (Документы, 2012, № 195, с. 341–344).

Что касается Казахстана, то институт тарханства в нем, в отличие от Поволжья, фактически был возрожден, поскольку накануне признания казахами российского подданства (в 1731 г.) в местной правовой практике не использовался.

По странному совпадению использование тарханского звания в Казахстане начинается как раз в то время, когда в Башкирии начался процесс его постепенного вытеснения. В 1739 г. императрица Анна Иоанновна лишила ряд тарханов звания за участие в антироссийских восстаниях и ввела своего рода «мораторий» на пожалование тарханства в дальнейшем – и именно в этом году влиятельный казахский бий Джанибек Кошкарыулы в своей переписке с начальником Оренбургской пограничной комиссии князем В.А. Урусовым впервые поднял вопрос о возможности получить звание тархана (Ерофеева, 2013, с. 120–121).

Возможно, именно в силу неопределенности позиции российских властей относительно судьбы этого института в Башкирии решение по просьбе Джанибека затянулось: он получил статус «первого тархана» лишь в августе 1742 г. на основе именного указа новой императрицы Елизаветы Петровны, а церемония возведения его в тарханы произошла вообще 11 июля 1743 г. (Ерофеева, 2013, № 28, с. 231; Крафт, 1900, с. 81–82). Весьма любопытной представляется следующая деталь: новый начальник Оренбургского края И.И. Неплюев, отвечая на очередной запрос Джанибека, заявлял, что сам он, в принципе, не против, но бию необходимо заручиться также и рекомендацией Абулхайра, хана Младшего жуза – впрочем, быстро и охотно ее давшего (Ерофеева, 2013, с. 129). По всей видимости, подобный шаг со стороны Неплюева объяснялся тем, что, в отличие от Башкирии, являвшейся частью Российской империи, Казахстан в тот период находился в вассальной зависимости от российских монархов, и именно с ханами представители российских властей формально осуществляли контакты. Соответственно, для возведения в тарханское достоинства подданных казахских ханов требовалось одобрение последних. Тем не менее, сам факт пожалования тарханства не ханом, а российской императрицей свидетельству-

ет о достаточно противоречивом характере российско-казахских отношений в XVIII в. и отсутствии четкого правового их регулирования.

Как бы то ни было, с присвоением Джанибеку звания тархана этот институт стал инструментом российского влияния и среди казахов. Обращает на себя внимание, что Джанибек официально именовался «первым тарханом» – и это не просто отражение факта, что он первым из казахов получил это звание: в случае появления в Казахстане и других тарханов он продолжал бы оставаться «знатнейшим» среди них и фактически по своему статусу в глазах как российских властей, так и самих казахов сравнился с ханами-Чингизидами (Ерофеева, 2013, с. 130). Изучение жизни и деятельности Джанибека Кошкарулы дает основание утверждать, что он фактически занимал такое положение и до получения тарханства. Однако российское правительство, официально закрепляя его фактический статус пожалованием звания «первого тархана», старалось показать, что именно благодаря его поддержке влиятельный бий закрепил свое влияние. Тем самым оно положило начало созданию в Казахстане «новой элиты» – аналогично формированию в Башкирии прослойки «новых» тарханов.

Также нельзя не обратить внимания на то, что И.И. Неплюев, сообщая императрице Елизавете Петровне о прошедшей церемонии возведения Джанибека в тарханы, упомянул, как «службу и верность» бия, так и тот факт, что благодаря новому званию, он свои обязательства по отношению к России «свободнее и ревностнее исполнять может» (Ерофеева, 2013, № 29, с. 232). Таким образом, тарханство в данном случае может рассматриваться, с одной стороны, как почетный титул – награда за прежние заслуги (в соответствии с чингизидскими традициями), с другой же стороны – как звание, предполагающее не только права, но и обязанности. Неслучайно и в вышеупомянутом указе Елизавета Петровна выражала надежду, что «Джанибек и его потомки... не оставят по верноподданнической своей к ея императорскому величеству должности верные свои службы и добрыя поступки вечно продолжать» (Ерофеева, 2013, № 28, с. 231). Таким образом, как и в Поволжье, в Казахстане тарханство виделось, прежде всего, не как признание прежних заслуг, а как залог последующей службы России. А поскольку казахи, в отличие от башкир, не привлекались на российскую военную службу (Зиманов, 1958, с. 202), речь шла, вероятнее всего, о продолжении защиты Джанибеком российских интересов в Казахстане.

Поскольку в эти годы Казахстан (в особенности его Средний жуз) являлся ареной борьбы между Российской империей и Джунгарским ханством, правители последнего также попытались использовать институт тарханства в своих интересах. В 1740–1750-е гг. несколько казахских батыров, придерживавшихся про-ойратской ориентации (Малай-Сары, Казак-Сары) получали от джунгарских хунтайджи звание тарханов. Однако, насколько можно судить по сведениям источников, они признавались в качестве тарханов и пользовались соответствующими правами и привилегиями лишь во время своего пребывания в Джунгарском ханстве, тогда как на территории Среднего жуза, подконтрольной России их тарханство не признавалось (Темиргалиев, 2009, с. 203).

Важно отметить, что со времен древнетюркских правителей и, тем более, империи Чингис-хана пожалование тарханского достоинства являлось исключительной прерогативой верховного монарха – хана (в качестве таковых действовали и вышеупомянутые джунгарские хунтайджи). Именно поэтому, как подчеркивает В.В. Трепавлов, «институт тарханства не практиковался и не мог практиковаться в Ногайской Орде», поскольку ее правители, бии не были равны ханам по своему статусу (Трепавлов, 1997, с. 15). Сохранив институт тарханов в Поволжье, и возродив его в Казахстане, российские власти в течение длительного времени сохраняли и этот принцип: тарханство жаловалось указами и грамотами московских царей, а затем – российских императоров. Так, Суфру-бий, родоплеменной предводитель казахского Младшего жуза, уже в самом конце XVIII в., в марте 1793 г. был возведен в тарханы жалованной грамотой самой Екатерины II (ПСЗ РИ, 1830, т. XXIII, № 17110, с. 414; Крафт, 1900, с. 82).

Но если в Поволжье такой порядок пожалования тарханства сохранялся вплоть до окончательного исчезновения этого института, то в Казахстане он существенно изменился. Уже в начале XIX в. права по присвоению звания тарханов казахам перешли к региональной администрации Оренбургского края: звание даровалось указами Оренбургской пограничной комиссии по представлению военного губернатора. Именно в пограничную комиссию обращались и потомки прежних тарханов, стремясь подтвердить свое звание и связанные с ним привилегии.

Совершенно уникальная ситуация сложилась с институтом тарханства во Внутренней Орде (Букеевском ханстве) на рубеже 1820–1830-х гг. Это небольшое казахское государство, было изначально создано как вассал Российской империи в междуречье Волги и Урала в качестве своеобразного «поля для экспериментов» российских вла-

стей в Казахстане. Однако так получилось, что хан Внутренней Орды Джангир, считавшийся верным вассалом России, благодаря покровительству со стороны центральных властей (включая самого императора Николая I) приобрел такие властные полномочия, каких не было и у ханов казахских жузов в прежние периоды. Одним из проявлений повышения его статуса стало и право самому жаловать звание тарханов своим подданным, чтобы возвысить своих сторонников незнатного происхождения, приблизив их по статусу к султанам-Чингизидам и родоплеменным биям (Зиманов, 1958, с. 203).

И если, например, еще в 1826–1827 г. Джангир, подобно правителям Младшего жуза, обращался к оренбургскому военному губернатору П.К. Эсену с прошением пожаловать звание тархана своим приверженцам (Иванов, 2001, с. 101; История, 2002, № 333, с. 449), то уже в 1828 г. впервые сам даровал это звание и в течение последующих лет многократно делал это «в силу прав, наследованных от предков» (Иванов, 2001, с. 102), ссылаясь, впрочем, в своих тарханских грамотах, что действует от имени российского императора (Харузин, 1889, стб. 53). В результате во Внутренней Орде количество тарханов исчислялось сотнями: в одной только из пяти частей ханства, Таловской, в 1850-е гг. насчитывалось 125 тарханов, среди которых было немало обладателей стад в 500 лошадей и 1 000 овец (Зиманов, 1958, с. 204–205). Надо сказать, что ко времени Джангира казахи уже не представляли себе достаточно четко в чем состоял статус тарханов, совокупность их прав и привилегий. Поэтому хан достаточно вольно определял «издревле принадлежащие права» самостоятельно, исходя из собственных интересов. В результате лица, пожалованные им в тарханское достоинство, не только освобождались от уплаты налогов и несения повинностей, но и имели приоритет на выбор пастбищ для скота, льготы в пограничной торговле (с Астраханью и Оренбургом), имели право на получение части налогов, собранных в ханскую казну и т.д. (Зиманов, 1981, с. 108–109; Иванов, 2001, с. 102). Неопределенность статуса тарханов неоднократно приводила к юридическим казусам. Так, в 1852 г. (уже после смерти Джангира, скончавшегося в 1845 г.), во время ревизии Внутренней Орды обнаружилось, что 173 казахских семейства объявляли себя тарханами, хотя хан в свое время всего лишь освободил их от уплаты двух основных налогов – согума и зякета (Иванов, 2001, с. 103).

Примечательно, что никакого официального акта российской администрации о делегировании Джангиру права даровать тарханство

своим подданным нам неизвестно. По-видимому, имперские власти просто закрыли глаза на самоволие хана по двум причинам. Первая – уже отмеченное выше покровительство ему со стороны центральных властей и императора лично за неизменную лояльность и проведение активно про-российской политики в своих владениях, реформ и т.д. Вторая же – постепенное снижение значимости звания тарханов (точно так же, как это произошло и в Поволжье во второй половине XVIII в.).

Как раз в 1820–1840-е гг. в Казахстане проводятся радикальные реформы, в рамках которых национальная элита активно интегрируется в российскую чиновную иерархию. Многие казахи отправляли своих детей получать образование в русских школах, после чего те имели возможность поступить на русскую службу, получить чин и, соответственно, претендовать на особое положение и среди самих казахов. Занятие административных должностей (старшин и пр.) автоматически влекло присвоение ее обладателю российского воинского звания – от поручика до майора. Участие в боевых действиях против среднеазиатских ханств или в подавлении беспорядков в самих казахских жузах также давало представителям «черной кости» возможность получить воинское звание или имперскую награду, что, в свою очередь, позволяло им претендовать на должности султанов – которые еще в первой половине 1820-х гг. могли занимать только потомки Чингисхан (султаны по происхождению). Одновременно и российская администрация предпринимала меры по ограничению привилегий тарханов, непризнанию прав потомков прежних тарханов и т.д., стимулируя казахскую элиту не «почивать на лаврах», а активно участвовать в политической, административной и военной деятельности в интересах империи (Харузин, 1889, стб. 54–56). Так, например, в 1842 г. тархан Бекболов обратился к российским властям с просьбой о передаче звания по наследству его потомкам, но Азиатский департамент МИД разъяснил, что тарханство присваивается «за... заслуги, оказанные правительству», а потомки Бекболова, насколько известно, таковых не оказывали (Зиманов, 1958, с. 203). В 1845 г. еще один тархан Чеген Мусин, правнук «первого тархана» Джанибека по старшей линии, за которой звание закреплялось указом императрицы Елизаветы Петровны, обратился в Оренбургскую пограничную комиссию с жалобой, что в правление Николая I его предки были лишены тарханства, а в ответ на просьбу самого Чегена о восстановлении его в этом достоинстве ему были пожалованы лишь медаль, кафтан и денежное вознаграждение 200 руб., и то придержанные султаном-правителем Млад-

шего жуза Ахмедом Джантюриным (Ерофеева, 2013, № 42, с. 265–266). Весьма примечательной представляется переписка служащих пограничной комиссии по поводу жалобы бывшего тархана: старший переводчик Н.Ф. Костромитинов довольно цинично писал председателю комиссии М.В. Ладыженскому, что если даже просьба Чегена не будет удовлетворена, вряд ли он и его потомки перестанут быть лояльными российским властям, поскольку этот род на протяжении ряда поколений демонстрировал поддержку российской политики и если попытается отказаться от нее, то его противники очень быстро расправятся с ними (Ерофеева, 2013, № 43, с. 269).

Поэтому, как и башкирские тарханы 1760–1780-х гг., казахские обладатели этого звания или их потомки в 1830–1840-х гг., претендуя на тарханство, старались не только добиться признания в этом достоинстве, но и получить какие-либо дополнительные звания или награды – уже в рамках имперской системы. Так, в июне 1830 г. Турсун Чингисов, султан Каркаралинского округа (Средний жуз), представляя на имя императора Николая I список своих подданных для награждения, просил пожаловать ряд биев российскими офицерскими званиями и медалями «и детям... тарханское достоинство» (ИКРИ, 2006, т. VIII, ч. 1, № 3, с. 31). Бий Младшего жуза Сулейман Кунгузов являлся наследственным тарханом (как внук вышеупомянутого Суфру-бия, получившего звание по указу Екатерины II в 1793 г.), однако в 1831 г. был произведен в зауряд-хорунжие и представлял интерес для российской администрации именно как офицер российской армии, а не бий и тархан (ИКРИ, 2006, т. VIII, ч. 2, № 214 с. 11–12).

Даже хан Джангир, своей волей возводивший подданных в тарханы и предоставлявший им права в объеме, в каком сам считал нужным, осознавал, что для укрепления их положения тарханства в изменившихся условиях будет недостаточно. Поэтому он старался «продвигать» тарханов перед российскими властями, испрашивая им российские воинские чины и награды (см., напр.: История, 2002, № 444, с. 579), вполне обоснованно считая, что это дополнительно укрепит их положение по сравнению с враждебными Джангиру султанами и биями, которые такими чинами и наградами не обладали.

Как и в Башкирии, в Казахстане не было принято какого-либо официального нормативно-правового акта, отменяющего тарханство: оно было сведено на нет постепенно. Тем не менее (опять же, как в Поволжье) фактическую отмену тарханства исследователи связывают с изданием указа Правительствующего Сената – в октябре 1859 г. Поводом

для появления этого документа стало обращение одного из тарханов – как ни странно, не казаха, а касимовца Файзулы Нагаева и его сыновей, обратившихся по поводу получения вида на жительство со ссылкой на свое особое положение, так как они, по положению Комитета Министров, 5 ноября 1821 года Высочайше утвержденному, возведены в «тарханское достоинство». В результате в указе было зафиксировано, «что с званием тарханов соединяются преимущества: а) свобода от подушного оклада и б) прав именоваться во всяких письмах тарханами». Сенаторы признали «сходство сих прав с правами почетных граждан», в результате чего было решено «звание тарханов почесть за один из многочисленных видов почетного гражданства», приравняв в этом отношении тарханов к почетным гражданам и в отношении паспортов (ПСЗ РИ, 1861, т. XXXIV. № 35063, с. 221–222). Указ 1859 г. сходен с указом 1754 г. тем, что в обоих нормативных актах нет нормы, упраздняющей тарханство, но их положения приравнивают тарханов к другим социальным группам, тем самым de-facto лишая особого статуса и, соответственно, привлекательности обладания этим статусом, попыток через него обосновать свои отличия от других сословий. Впрочем, тарханы фигурировали еще и в официальных актах 1860–1870-х гг., однако этот факт можно считать своего рода «переживанием права». Последние обладатели тарханского звания уже не пользовались никакими дополнительными привилегиями, и звание это, переставшее быть эффективным инструментом имперской правовой политики в отношении кочевых подданных, больше не жаловалось и на потомков прежних тарханов не распространялось.

Таким образом, мы можем констатировать, что институт тарханства в период Российской империи (XVIII – первая половина XIX вв.) широко применялся в отношении кочевых подданных и в целом сохранял свое содержательное значение (звание тархана влекло приобретение ряда прав и привилегий). Однако существенно изменились порядок (российскими властями, а не собственными правителями) и условия (не только награда за прежние заслуги, но и обязанность дальнейшей воинской службы) его предоставления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006.
2. *Бабур-наме* / Пер. М.А. Салье. Ташкент, 1992.
3. *Башкирские родословные* / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Вып. 1. Уфа, 2002.

4. *Вельяминов-Зернов В.В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Императорской Академии наук. № 6). СПб., 1864.
5. *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
6. *Габдуллин И.Р.* Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сб. статей. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 37–45.
7. *Галлямов Р.* После падения Казани... Казань, 2001.
8. *Документы* и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа, 2012.
9. *Ерофеева И.В.* «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы, 2013.
10. *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.
11. *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981.
12. *Иванов И.С.* Джангер, хан Внутренней киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 2. Алматы, 2001. С. 5–139.
13. *ИКРИ.* Т. VIII. Ч. 1: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Алматы, 2006.
14. *ИКРИ.* Т. VIII. Ч. 2: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Алматы, 2006.
15. *История* Букеевского ханства. 1801–1852: Сб. документов и материалов. Алматы, 2002.
16. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л., 1941.
17. *Крафт И.И.* Султаны, тарханы и бии // Крафт И. И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900. С. 80–82.
18. *Материалы* по истории Башкирской АССР. Т. I. М.; Л., 1936.
19. *Материалы* по истории Башкортостана. Т. VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Уфа, 2002.
20. *ПСЗ РИ.* Т. X СПб., 1830.
21. *ПСЗ РИ.* Т. XIV. СПб., 1830.
22. *ПСЗ РИ.* Т. XXIII. СПб., 1830.
23. *ПСЗ РИ.* Собр. 2. Т. XXXIV. Отд. 2. СПб., 1861.
24. *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
25. *Смирнов В.Д.* Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913.
26. *Судебник* 1550 г. // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. М., 1956. С. 227–350.

27. *Темиргалиев Р.* Эпоха последних батыров (1680–1780). Алматы, 2009.

28. *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

29. *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.

30. *Харузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889.

31. *Vásáry I., Muhamedyarov Sh.* Two Kazan Tatar edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's yarliks) // *Between the Danube and Caucasus: A collection of papers concerning oriental sources on the history of the peoples of Central and South Eastern Europe.* Budapest, 1987. P. 181–216.

Список сокращений

ИКРИ – История Казахстана в русских источниках.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи.

Информация об авторе

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург); ropot@mail.ru

Pochekaev Roman Yulianovich, the candidate of jurisprudence, associate professor, head of the department of the theory and history of the right and state, National research university «Higher School of Economics» (с. St. Petersburg); ropot@mail.ru

УДК 94.47.063 (=511.1/=512.1): 355.512

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ТАТАР, ЧУВАШЕЙ, МАРИЙЦЕВ К ГАРНИЗОННОЙ СЛУЖБЕ НА БАЛТИКЕ ВО ВРЕМЯ БАШКИРСКИХ ВОССТАНИЙ 1735–1740 гг.

© 2015 г. М.Е. Проскурякова

В статье исследована проблема резкого слома политики комплектования Остзейских гарнизонных полков во второй половине 1730-х гг. Начиная с 1735 г. центральные власти вынуждены были предпринять ряд мер по противодействию повстанческому движению, развернувшемуся в Башкирских землях. Стремясь свести к минимуму опасность распространения социальных волнений среди татар, чувашей, мариЙцев, удмуртов и мордвы, населявших регион, власти пошли на изменение всей системы комплектования гарнизонных полков русской армии. Рекруты, происходившие из тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья, а также участники Башкирских восстаний, стали зачисляться на службу в гарнизонные полки, расквартированные в крепостях Балтийского побережья. В представленной статье результаты этих нововведений исследованы по материалам Выборгского гарнизона. Установлено, что к 1740 г. около половины всех рекрутов, определенных на службу в Выборгскую крепость, происходили из числа иноверцев. Однако лишь единицы из них могли приступить к выполнению служебных обязанностей. Абсолютное большинство иноверцев умирало от тифа и цинги в первые месяцы службы в гарнизоне. Уровень смертности среди них в два раза превышал уровень смертности среди русских служащих. Результаты перевода иноверцев в Выборг автором статьи рассматриваются как проявление неэффективности тех решений, на которые были вынуждены пойти петербургские власти во время Башкирских восстаний.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII век, Башкирские восстания, гарнизонные войска, Выборгская крепость, татары, чуваша, мариЙцы, удмурты, мордва, башкиры.

THE PROBLEM OF ADAPTATION OF TATARS, CHUVASHS AND MARI PEOPLE TO A GARRISON SERVICE ON THE BALTIC SEA DURING THE BASHKIR REVOLTS OF THE 1735–1740

M.E. Proskuryakova

The paper investigates the issue of sudden change in policy of completing of the Ostsee garrison regiments in mid 1730s. Since 1735 the central powers were compelled to take measures for counteraction to insurgent movement in the lands of Bashkirs. Aspiring to minimise danger of spreading of social disorders amid

Tatars, Chuvashs, Mari, Udmurts, and Mordva people in named lands, the powers decided to alter the whole system of completing of the garrison regiments of Russian army. In spring months of 1735 ordinary recruits, who originated from Turkic and Finno-Ugric people of the Central Volga area and Central Ural area, as well as participants of the Bashkirs revolts, began to receive appointments on service in the garrison regiments billeted in Baltic fortresses. In the present paper the results of this change are investigated on the basis of the materials on history of the Vyborg garrison. It was revealed that in 1740 already half of the recruits assigned to service in the Vyborg fortress had been «gentiles» (people from other – non-Orthodox – religion). However, just a few of them were able to start military service. The absolute majority of gentiles had been dying from typhus and scurvy over the first months of service in the garrison. The death rate among them was higher in two times than among Russian military men. Author of the paper considers the results of appointment of gentiles in Vyborg as demonstration of inefficiencies of policy of the central powers in the period of the Bashkir revolts.

Keywords: Russian Empire, 18th century, Bashkir revolts, garrison troops, Vyborg fortress, Tatars, Chuvashs, Mari, Udmurts, Mordva, Bashkirs.

Среди опубликованных законодательных памятников второй половины 1730-х гг. содержится указ правительствующего Сената, вносивший принципиальные изменения в организацию исполнения рекрутской повинности представителями чувашского, марийского, удмуртского и мордовского населения Среднего Поволжья и Приуралья. Акт, обнародованный 20 апреля 1735 г., стал ответом властей на массовые выступления башкир и других народов тюркского и финно-угорского происхождения, населявших регион и вступивших в борьбу за сохранение прежних вольностей и условий подчинения русскому царю (ПСЗ РИ, собр. 1, т. IX, 1830, №6721, с. 508–510). По мысли законодателей, отныне рекруты, происходившие из чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, должны были направляться вместо Уфимского и Казанского гарнизонов, традиционных для них мест службы, в Остзейские гарнизонные и полевые полки. В указе об изменениях, вносимых в порядок комплектования гарнизонов, сообщалось следующее: «В полки Уфимского и Казанского гарнизонов рекрут из мордвы, чуваш, черемис, вотяков, по представлению [...] статского советника [Ивана Кирилова], не определять, а отправлять их для комплекта Остзейских гарнизонных и армейских полков по рассмотрению Военной Коллегии [...]» (ПСЗ РИ, собр. 1, т. IX, 1830, №6721, с. 509). Таким образом, служба в городах, географически близких к местам проживания рекрутов, должна была смениться на службу в далеких Балтийских крепостях и прибалтийских землях. Более того, стремясь удалить

из региона лиц, принадлежавших к нелояльным правительству кругам населения, и обескровить повстанцев власти приняли решение перевести в Остзею и тех иноверцев, что уже служили в Уфимском гарнизоне, заменив их на русских по происхождению служащих: «[...] а которые ныне из таких иноверцев есть в полках Уфимского гарнизона [...], тех отсылать в Казань, которых потому ж отправить в Остзейские или армейские полки, а вместо их толикое ж число на Уфу командировать из русских» (ПСЗ РИ, собр. 1, т. IX, 1830, №6721, с. 509). Отсылка рекрутов из Среднего Поволжья и Приуралья в Балтийские крепости стала одной из форм репрессий, обрушившихся на жителей региона в 1735 г. при подавлении восстания.

Примечательно, что петербургские сановники видели будущее чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, едва записанных на военную службу и невиновных в повстанческом движении, схожим образом с участью людей, уличенных в действиях «воровских шаек». Тем же указом от 20 апреля 1735 г. участники восстания из числа татар, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы карались определением на службу в Остзейские полки. Подводя итог решениям, получившим фиксацию в апрельском акте, следует отметить четко прослеживаемое стремление властей удалить из беспокойного региона молодых мужчин, принадлежавших к народам тюркского и финно-угорского происхождения, вне зависимости от степени их вовлеченности в нападения на Оренбургскую экспедицию Ивана Кирилова и основанные им укрепленные сооружения вдоль реки Яик. Спустя год в круг лиц, приговоренных к солдатской службе, были введены и башкиры, считавшиеся главными виновниками волнений. Именным указом от 11 февраля 1736 г. те из башкир, кто оказался уличен в противозаконных действиях, были приговорены к службе в Остзейских полках (ПСЗ РИ, собр. 1, т. IX, 1830, №6890, с. 741–743). На основании формулировок, введенных в текст указа, можно заключить, что искупление вины башкир петербургским властям виделось не в подведении их под пытку и не в телесном наказании, а именно в определении на службу в Балтийские крепости: «Башкирцев, кто пойман будет в воровствах, [...] ссылать всех, хотя б кто и в одном малом воровстве явился, не пытав и не наказывая кнутом, годных на службу в Остзейские гарнизонные полки в солдаты, а негодных, учиня наказание кнутом, в Рогервик в работу и в здешние места [Ингерманландию] на пашню» (ПСЗ РИ, собр. 1, т. IX, 1830, №6890, с. 743).

При изучении указов от 20 апреля 1735 г. и 11 февраля 1736 г. обращает внимание некоторая односторонность правительственных решений. Стремясь предотвратить новые волнения в Башкирских землях, власти игнорировали ситуацию с кадрами в воинских частях, расквартированных на Балтийском побережье. В законодательстве, посвященном мерам борьбы с Башкирскими восстаниями, ни единым словом не выражено беспокойство чиновников о положении Остзейских полков после доукомплектования их рекрутами из числа иноверцев. Власти считали перевод уроженцев Среднего Поволжья и Приуралья на службу в Балтийские крепости эффективным способом пополнения воинских частей, хотя в этом можно было сомневаться.

В целом установления второй половины 1730-х гг. означали для Остзейских воинских частей отход от всего прежнего порядка комплектования, сложившегося еще при Петре Великом. Статус Остзейских полков приобрели те части, что были расквартированы в крепостях Балтийского побережья, перешедших под власть России по итогам Северной войны, а также полки, определенные на службу в ключевой город региона – Санкт-Петербург. Вследствие высокой значимости приобретенных балтийских и ингерманландских земель Остзейские гарнизонные полки рассматривались как «суть наиважнейшие», а их служащие получали более высокое жалованье, чем военные из иных гарнизонных частей. Изучение истории трех из 20 Остзейских гарнизонных полков на уровне имен служащих убеждает в том, что со времени завоевания Прибалтики и Ингерманландии правительственная политика комплектования этих частей имела ряд специфических особенностей, также отличавших их от всех прочих полков.

Хотя до сих пор остается невыясненным на основании какого именно распоряжения действовали военные власти, ответственные за комплектование Остзейских гарнизонных полков, очевидно, что они строго придерживались правила пополнения названных частей из числа русских рекрутов. К такому заключению удалось прийти в рамках исследования личного состава Ивангородского, Корельского и Выборгского полков, расквартированных в Выборгской крепости со времени ее взятия российскими войсками в 1710 г. Так, в ходе работы со смотровым списком Ивангородского полка за 1735 г. было установлено, что 67% служащих из штата названной воинской части являлись уроженцами Новгородской и Архангелогородской губерний, еще 25% назвали местом своего проживания до зачисления в армейскую службу Московскую и Нижегородскую губернии и лишь 2% военных происходили из

Казанской и Сибирской губерний (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 54). Этническое единообразие достигалось также жесткой политикой в отношении иноземцев. Согласно данным исследователя петровских административных преобразований П.Н. Мрочек-Дроздовского, доступ к гарнизонной службе в Балтийские крепости для иностранцев был ограничен, сводясь к допуску их на позиции, требующие специальных знаний (например, знания инженерного дела) (Мрочек-Дроздовский, 1876, с. 208). И действительно, на протяжении 1710–1730-х гг. численность уроженцев Европейских государств в Выборгском гарнизоне не превышала десяти человек (РГВИА, ф. 412, оп. 1, д. 43; ф. 9, оп. 2, д. 75, 76). В большинстве своем это были артиллеристы и медики. Следовательно, можно предположить, что центральные власти, принимая в расчет статус Балтийских крепостей, как крепостей новозавоеванных и важнейших для обороны границ на северо-западе, стремились исключить всякую возможность предательства и перехода гарнизона на сторону врага. Вероятно, основание этой политики было заложено еще в годы Северной войны и власти строго придерживались установленного порядка вплоть до весны 1735 г., когда события, развернувшиеся в Башкирских землях, вынудили правительство внести существенные коррективы в систему комплектования Остзейских гарнизонных полков. Выразилось это в том, что на службу в Остзею стали направлять рекрутов, набранных из иноверцев Среднего Поволжья и Приуралья.

Кардинальные изменения в составе полков Выборгского гарнизона отразились в смотровых списках – материалах смотра Ивангородского и Корельского полков, который был проведен в августе 1740 г. (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199). Смотровые списки являлись главным документом по учету личного состава воинских частей. В них заносились сведения обо всех чинах полка, от командира до учеников школы (Калашников, 2000, с. 122). Особенностью смотровых списков является фиксация в них имен и тех военных, что продолжали службу в воинской части, и тех, что по каким-либо причинам прекратили ее, но еще числились в составе по предыдущему смотровому списку. Их имена могли быть исключены только после соответствующих разъяснений, внесенных в новый смотровой список. Таким образом, появляется возможность проследить движение кадров внутри одной воинской части за период между проведением смотров. По имеющимся сведениям, смотровые списки выборгских полков во второй половине 1730-х гг. – 1740 г. проводились не чаще одного раза в год.

Помимо имени, чина и места пребывания военных в смотровые списки включались данные об их возрасте, времени вступления в службу, а также принадлежности к той или иной социальной группе и прежнем месте проживания. Характерной чертой изучаемого источника является отсутствие стандартизации данных в графе, получившей название: «Ис каких кто чинов». В списки могли быть включены подробные сведения. Например, о мушкетере Ивангородского полка Аламе Адмееве известно, что он был взят на службу из «Казанского уезду Арской дороги Сапаровской сотни Агипова деревни Больево», а происходил «ис татар». Во многих иных случаях в списки внесены лишь краткие записи, среди которых встречаются и такие: «Казанского уезда из татар», «деревни Малакова из чуваш», «из башкирцев». Благодаря наличию в источнике данных о социальном происхождении каждого из рядовых и информации о точной дате его зачисления на военную службу становится возможной реконструкция истории пополнения Выборгского гарнизона иноверцами.

Как следует из приведенных выше цитат, уже первое знакомство со смотровыми списками Ивангородского и Корельского полков позволяет прийти к заключению о сломе установившейся традиции комплектования Остзейских полков. Согласно произведенным подсчетам, в августе 1740 г. в смотровые списки названных частей были внесены имена всего 2913 человек (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199). Из этого числа 406 человек могут быть отнесены к группе «иноверцев» – татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы и башкир. Среди них были как военные, продолжавшие действительную службу, так и те, кто не дождался очередного смотра, однако бюрократические приемы оформления смотровых списков требовали показать сведения о них. Все вместе иноверцы, зафиксированные в списках, представляли седьмую часть служащих двух изучаемых полков. Для сравнения в обоих названных полках Выборгского гарнизона служило лишь девять иностранцев, выходцев из немецких земель, Франции, Польши и Турции. В целом же процентное соотношение между русскими, иноверными и иностранными служащими составляло соответственно 84%, 14% и 0,3% (См. Таблицу 1). Таким образом, хотя русские занимали абсолютное большинство позиций в воинских частях, присутствие иноверцев было значительным. Во многих полковых ротах каждый пятый служащий происходил из числа иноверцев.

Таблица 1. Русские, иноверцы, новокрещены и иноземцы среди служащих Ивангородского и Корельского полков Выборгского гарнизона в 1740 г.

	Ивангородский полк (%)	Корельский полк (%)	Всего (%)
Русские	1232 (84,6)	1213 (83,3)	2445 (84)
Иноверцы	206 (14)	200 (13,7)	406 (13,9)
Новокрещены	1 (0,1)	2 (0,1)	3 (0,1)
Иноземцы	4 (0,3)	5 (0,4)	9 (0,3)
Сведения отсутствуют	14 (1)	36 (2,5)	50 (1,7)
Всего	1457	1456	2913

По всей видимости, первые рекруты из числа иноверцев появились в Выборге уже летом 1735 г., хотя массовое зачисление их на службу в местном гарнизоне следует отнести к 1737 г. Из смотровых списков Ивангородского и Корельского полков за 1740 г. известно, что из числившихся 406 иноверцев, трое начали службу летом и осенью 1735 г., пятеро были зачислены в 1736 г., 115 – в 1737 г., 33 – в 1738 г., 100 – в 1739 г., 149 – в 1740 г., и еще один служащий, происходивший «ис татар», служил в Ивангородском полку с 1734 г. (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199).

На основании имеющихся данных сложно прийти к определенному выводу о перипетиях судьбы выборгских иноверцев до их зачисления на службу в Ивангородский и Корельский полки. Остается невыясненным являлись ли они рекрутами, набранными из числа нерусских народов, населявших Башкирские земли, или же имели опыт участия в повстанческом движении. Возможность присутствия в Выборге лиц, найденных виновными в волнениях, полностью исключить нельзя. Однако анализ этнического состава служащих Выборгского гарнизона свидетельствует скорее о присутствии в регионе представителей тех групп населения Среднего Поволжья и Приуралья, что были обязаны отбывать рекрутскую повинность. Сохранились записи о происхождении 149 иноверцев из татар, 136 человек из чувашей, 35 человек из марийцев, 15 человек из удмуртов, 13 человек из мордвы. Из башкир происходило лишь десять человек. Данные о происхождении еще 48 человек не были включены в смотровые списки. В их случае составители списка ограничились указанием прежнего места проживания служащего (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199).

Наряду с общим числом иноверцев, чьи имена оказались включенными в смотровые списки, интерес представляет также соотношение русских и иноверных рекрутов, принятых на службу в Ивангородский и Корельский полки в течение 1740 г. Как было установлено, в первые восемь месяцев этого года всего 309 человек начали службу в названных полках. Из них 160 человек происходили из русских рекрутов и еще 149 человек – из иноверцев (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199). Следовательно, иноверцы составляли почти половину всех служащих, направленных в Выборг для занятия вакантных позиций и доведения численности полка до предписанной по воинскому штату.

Дальнейшая судьба и сложности, с которыми столкнулись как сами иноверцы, прибывшие в Выборг, так и местные власти, становятся известны в первую очередь из документов, посвященных медицинскому обслуживанию военных. Более того, необходимо отметить, что именно источники по истории Выборгского госпиталя и медицинских учреждений являются едва ли не единственными, в которых упоминаются иноверцы, оказавшиеся на службе в крепости. В материалах, касающихся иных сфер социальной жизни военных, свидетельства пребывания в Выборге иноверцев отсутствуют.

Наилучшее представление о положении иноверцев, прибывших на службу в крепость, дают слова главы Выборгской провинции и командующего местным гарнизоном – выборгского обер-коменданта генерал-майора Вилима Вилимовича Фермора. В рапорте от 8 апреля 1740 г. он констатировал: «Божеским посещением вседневно больных умножается и по нижеписанное число находится больных в гошпиталях пятсот тридцать пять да слабых при полках четыреста четырнатцать человек, и во вседневно от пяти до десяти человек умирают, а больше из присланных иноверцов и рекрут горячкою и цынготною болезнями» (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 185). Действительно, изученные материалы по истории личного состава Выборгского гарнизона убеждают в существовании проблемы адаптации иноверцев к условиям службы в крепости. И если проблему высокого уровня заболеваемости среди рекрутов и военных первого года службы следует рассматривать скорее как типичную для Выборга 1730-х гг., болезни и смерти иноверцев оказались новым явлением повседневной жизни местного гарнизона.

Уже при первом прочтении смотровых списков за 1740 г. обращает внимание частота использования составителями фразы «в гошпитале умре» в отношении иноверцев. Здесь необходимо уточнить порядок заполнения смотровых списков. Данный источник начинается с перечисления

имен старших офицеров, за которым следуют перечни служащих по ротам. Каждый такой перечень завершается именами лиц, недавно принятых на военную службу. Так, в конце списка служащих первой роты Ивангородского полка следуют имена 11 рекрутов, взятых на службу из иноверцев в феврале 1740 г. Смотр, проведенный через восемь месяцев после зачисления их в полк, показал, что осталось в живых лишь четыре человека. Местом смерти шестерых был назван Выборгский госпиталь (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 199, л. 16 об. – 18) (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Убыль служащих первой роты Ивангородского гарнизонного полка за 1740 г.

№	Чин и имя	Происхождение	Время поступления на военную службу	Место нахождения и состояние во время смотра
1	Мушкетер Савдерин Иручев	Из деревни Старых Ковален; из чувашей	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 27 марта 1740 г.
2	Мушкетер Молостов Бикмеов	Из Шаповоревской волости деревни Мачиковы; из чувашей	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 23 мая 1740 г.
3	Мушкетер Имак Сапаров	Из Хозесановской волости [деревни] Маскеевы; из чувашей	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 3 мая 1740 г.
4	Мушкетер Собанча Романов	Из деревни Азимовы; из татар	26 февраля 1740 г.	На службе в полку
5	Мушкетер Мурзабака Ивашкиров	Из деревни Азимовы; из чувашей	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 5 мая 1740 г.
6	Мушкетер Аика Мулдивякин	Из деревни Кибарова; из чувашей	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 5 июня 1740 г.
7	Мушкетер Ерема Якомов	Из деревни Чюбаркины; из чувашей	26 февраля 1740 г.	На службе в полку
8	Мушкетер Гомял Уткин	Из черемис (марийцев)	26 февраля 1740 г.	Умер в Выборгском госпитале 14 июля 1740 г.

9	Мушкетер Васка Аленбиев	Из чувашей	26 февраля 1740 г.	Бежал из Выборга
10	Мушкетер Яшутка Ма- тюшкин	Из татар	26 февраля 1740 г.	На службе в полку
11	Мушкетер Афонек Гостулатов	Из черемис	26 февраля 1740 г.	На службе в полку

Приведенные выше данные достаточно адекватно отражают общее положение дел в Ивангородском и Корельском полках Выборгского гарнизона. Смотровые списки фиксируют данные всего о 729 служащих двух полков, умерших за год (август 1739 г. – август 1740 г.). И хотя среди них абсолютное большинство представляли русские по происхождению служащие, в процентном отношении смерти в среде иноверцев случались гораздо чаще. Из числа 2445 русских служащих за год умерло 548 человек, что составляло 22%. В то же время из 406 иноверцев, упомянутых в источнике, напротив имен 171 человека были поставлены отметки «умре», то есть погибло 42% из числа всех лиц, относившихся к этой группе. Следовательно, уровень смертности среди иноверцев был в два раза выше (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Умершие среди служащих Ивангородского и Корельского полков в период с августа 1739 г. по август 1740 г.

	Ивангородский полк		Корельский полк		Всего	
	Все служащие	Умершие служащие (%)	Все служащие	Умершие служащие (%)	Все служащие	Умершие служащие (%)
Русские	1232	287 (23)	1213	261 (21)	2445	548 (22)
Иноверцы	206	93 (45)	200	78 (39)	406	171 (42)
Новокрещены	4	–	5	–	9	–
Иноземцы	1	1 (100)	2	–	3	1 (33)
Сведения отсутствуют	14	3 (21)	36	6 (17)	50	9 (18)
Всего	1457	384 (26)	1456	345 (24)	2913	729 (25)

Еще более значительными показатели смертности были в среде иноверцев, едва начавших службу в армии. Так, из 87 человек рекру-

тов, принятых на службу в полки в течение 1740 г. и не доживших до августовского смотра, 69 человек были иноверцами и лишь 18 человек русскими рекрутами (РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 198, 199). И если среди русских рекрутов умер каждый девятый человек, то среди иноверцев умер каждый второй (см. Таблица 4). Следовательно, абсолютное большинство иноверцев, присланных в Выборгскую крепость в течение 1740 г., почти сразу попали в лазарет и не смогли начать службу.

Таблица 4. Умершие среди иноверных и русских рекрутов Ивангородского и Корельского полков в период с января по август 1740 г.

	Все рекруты			Умершие рекруты		
	Русские	Иноверцы	Всего	Русские	Иноверцы	Всего
Ивангородский полк	85	90	175	10	43	53
Корельский полк	75	59	134	8	26	34
Всего	160	149	309	18	69	87

В целом потери, понесенные личным составом полков в весенние и летние месяцы, были предсказаны еще в начале марта 1740 г. главным доктором Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя Николаем Фридрихом Энгелертом. Он также прогнозировал высокий риск распространения болезней в среде иноверцев и рекрутов, что и подтвердилось в дальнейших рапортах обер-коменданта Фермора. Являясь одним из самых авторитетных специалистов в области военной медицины того времени, доктор Энгелерт был командирован в Выборг по указанию Военной коллегии с инспекцией гарнизонных медицинских учреждений и качества медицинского обслуживания. Инспекция больных служащих также входила в обязанности доктора Энгелерта. Он должен был уточнить диагнозы пациентов Выборгского госпиталя и сделать рекомендации относительно их лечения (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 162). Из рапорта, представленного Военной коллегии по окончании инспекции Энгелерта, особого внимания заслуживают наблюдения врача о личном составе Выборгского гарнизона и характере заболеваний, распространившихся в среде военных.

Согласно списку, приложенному к рапорту Энгелерта, в дни его инспекции на лечении в госпитале было оставлено 290 человек из трех выборгских полков (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 164–171). Следова-

тельно, при средней численности Выборгского гарнизона в 3400 человек примерно 8% служащих находились в лазарете. Такое соотношение здоровых и больных военных не вызвало особенного беспокойства доктора Энгелерта. Оценивая положение дел в гарнизоне, Энгелерт выразил озабоченность не столько текущей ситуацией, сколько вероятностью увеличения числа больных в ближайшем будущем. Неблагоприятными факторами, которые могли определить рост уровня заболеваемости, доктор назвал наличие в составе воинских частей рекрутов, направленных в Выборг из регионов с иным климатом. В рапорте Энгелерт писал: «Число больных [...] по числу в полках людей не весьма вяще великое имеетца, токмо, по мнению моему, к весне больных число прибавитца может, а особливо в молодых салдатах и рекрутах, которые из дальних правинцей и из другова воздуху перевезены, к здешному воздуху непривычны, ибо цынготная болезнь гораздо стало в салдатах начинать» (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 162). Таким образом, напрямую не называя чувашей, марийцев и представителей других нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья, Энгелерт предвидел повышение потерь именно в связи с тем, что на службе в Выборге оказалось большое число рекрутов, присланных из другого климата.

Доктор Энгелерт оказался прав в своем прогнозе. Рост числа заболевших пришелся как раз на весну, когда гарнизонные служащие были поголовно привлечены на фортификационные работы – труд для жителей Поволжья непривычный и тяжелый. Известно, что по состоянию на 20 апреля 1740 г., в трех полках Выборгского гарнизона 627 человек числились больными. Из них 450 человек были госпитализированы и еще 177 находились на лечении при полках (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 191). По всей видимости, сезонное падение иммунитета и возобновление работ на крепости становилось суровым испытанием абсолютно для всех гарнизонных служащих. Однако из процитированного выше рапорта Фермора известно, что болезни поражали преимущественно иноверцев и рекрутов. В большинстве своем выборгские служащие страдали от горячки, под которой, скорее всего, понимался тиф, и цинги, то есть болезней, которые принято связывать со скудным рационом питания и употреблением в пищу плохой воды. Всего в госпитале и при полках находилось 259 человек, страдавших от «горячки» и еще в 195 случаях было диагностировано заболевание цингой (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 191).

Как правило, медики первой половины XVIII века были склонны связывать распространение цинги с недостаточным потреблением в

пищу зеленых овощей и фруктов, а также частым отсутствием в рационе свежих продуктов (Bartlett, 1996, p. 24). Причина заболевания тифом также виделась в тяжелых условиях жизни, когда замкнутые сообщества людей испытывали проблемы с обеспечением качественным питанием и чистой водой (Alexander, 1974, p. 212; Семека, 1955, с. 25). Доктор Энгелерт, от которого ждали рекомендаций по улучшению содержания Выборгских военных, по-видимому, был также склонен искать спасения от болезней, поразивших гарнизон, в исправлении диеты. В первую очередь это касалось потребляемых военными воды и крепких напитков. Видя скверное качество воды и считая его одной из причин заболеваний, Энгелерт советовал отыскать источники вблизи от госпиталя. Другая рекомендация касалась «вина», термин которым, именовалась водка. Энгелерт советовал настаивать его на травах. Настоянное вино рассматривалось доктором в качестве лечебного и профилактического средства от цинги (РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 162 об.–163).

Такая мера противодействия высокому уровню заболеваемости в Выборгском гарнизоне, как удаление из крепости выходцев из региона Среднего Поволжья и Приуралья и замена их на уроженцев Русского Севера, не называлась доктором Энгелертом. Однако в его отчете можно найти несколько свидетельств, которые могли вызвать обеспокоенность петербургских властей и привлечь их внимание к политике комплектования гарнизона. Энгелерт не только назвал главных жертв болезней, поразивших Выборгский гарнизон, – людей, прибывших «из дальних провинций и из другова воздуху», но и указал на опасность содержания нескольких сотен военных в тесных помещениях Выборгского госпиталя. «Великая теснота» госпиталя и заполненность его больными поразила Энгелерта и навела на мысль об опасности для военных долгого нахождения в нем. И действительно, согласно полученным данным, процент людей, вернувшихся к исполнению служебных обязанностей после пребывания в госпитале, был крайне низок. Особенно тяжелой была ситуация с военными, у которых диагностировали горячку или цингу. Из числа тех лиц, что находились на излечении в госпитале в марте 1740 г. с диагнозом «горячка», к августа 1740 г. умерло 69%. В случае с цинготными больными этот показатель достигал 81%. Следовательно, присутствие в Выборге иноверцев таило и еще одну опасность. Скопление сотен больных в помещениях местного госпиталя и казарм способствовало распространению заболеваний среди гарнизонных служащих и увеличению числа летальных исходов.

В целом, как удалось установить в ходе исследования материалов по истории выборгских полков, решения российских властей середины 1730-х гг. по переводу иноверцев из Среднего Поволжья и Приуралья в Остзейские гарнизоны не учитывали специфики прохождения службы в северо-западном регионе. Анализ биографий иноверцев, определенных в Выборг, свидетельствует об отсутствии у абсолютного большинства из них даже возможности приступить к исполнению служебных обязанностей. Фактически едва попав в крепость, иноверцы оказывались в местном лазарете, где умирали, так и не начав службы. Однако вряд ли высшие петербургские сановники могли предполагать заранее подобный исход, определяя татар, чувашей и представителей других нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья в Балтийские крепости. Данная мера рассматривалась властями скорее в качестве предупредительной и ориентированной преимущественно на лиц, еще не вовлеченных в повстанческое движение, хотя отчасти она носила и репрессивный характер, будучи также рассчитанной на участников восстания. По всей видимости, потери личного состава выборгских полков стали непредвиденным и бесславным результатом новой политики комплектования Остзейских гарнизонных полков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Калашиников Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. №3 (12). С. 116–124.
2. Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века. До учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М., 1876. 350 с.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IX. СПб., 1830. №6721. С. 508–510.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IX. СПб., 1830. №6890. С. 741–743.
5. РГВИА. Ф. 9. Он. 2. Д. 75.
6. РГВИА. Ф. 9. Он. 2. Д. 76.
7. РГВИА. Ф. 19. Он. 1. Д. 798.
8. РГВИА. Ф. 412. Он. 1. Д. 43.
9. РГВИА. Ф. 490. Он. 1. Д. 54.
10. РГВИА. Ф. 490. Он. 1. Д. 198.
11. РГВИА. Ф. 490. Он. 1. Д. 199.
12. Семека С. А. Военно-медицинская организация вооруженных сил Российской дворянской империи XVIII века во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. М., 1955. 31 с.
13. Alexander J. T. Medical developments in Petrine Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1974. VIII. №2. P. 198–221.
14. Bartlett R. Britain, Russia, and scurvy in the eighteen century // Oxford Slavonic Papers. 1996. №XXIX. P. 23–43.

Список сокращений

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Информация об авторе

Проскурякова Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории РАН (г. Санкт-Петербург); m-proskuryakova@mail.ru

Proskuryakova Maria Evgenievna, the candidate of historical sciences, Researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (c. St. Petersburg); m-proskuryakova@mail.ru

УДК 94(470.4)

АЛШИНЫ (АЛЧИ-ТАТАРЫ) В ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В XIII–XIX ВЕКАХ

© 2015 г. **Ж.М. Сабитов**

В данной статье рассматривается вопрос об истории алшинов в XIII–XIX веках. Аргументирована точка зрения о тождестве алшинов и алчи-татар, живших в Монголии до XIII века. Причиной возвышения алшинов в Золотой Орде связаны с именем Боракчин, жены Бату. Боракчин происходила из данного племени. После ее казни, алшины на время отошли в тень, но уже при следующих ханах, они были представлены в политической элите. В XIV веке наиболее знаменит был Алау из рода Алшин. Судя по историческим данным, он жил в эпоху Золотоордынского хана Джанибека. Алау участвовал в событиях, связанных с дочерью Джанибека и Аметом, сыном Исы из рода Уйсун. Его сына звали Кыдуар тентек (разбойник, хулиган Кыдуар). Его можно отождествить с известным в русских легендах разбойником Кудеяром. Также его можно отождествить с Кудудом алшином, известным из сведений Абд ал-Гаффара Кырыми, а также Кудусбаем (Кудус, Кудуспай) алшином, известным из Казахских шежире. Алшины жили в Большой Орде в конце XV века, позже в Едиганской Орде (между Волгой и Уралом) в XVI веке. После кризиса в Ногайской Орде, часть алшинов (Алимулы) ушла на территорию современного Узбекистана. Другая часть (Байулы) после смерти правителя Ногайской Орды Ормамбет-бия в 1598 году присоединилась к казахам. Во второй четверти XVII века Алимулы вошли в состав казахов. После образования Букеевской Орды, часть Алшинов вернулась на территорию между нижними течениями Волги и Урала, где проживает до сих пор.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ногайская Орда, Алшины, алчи-татары, Алау, Кудуар, Жалантос, Жиёмбет, Боракчин.

ALSHYNS (ALCHI TATARS) IN HISTORY OF VOLGA-URAL REGION IN XIII–XIX CENTURIES

Zh.M. Sabitov

This article discusses the history of Alshyn tribe in XIII–XIX centuries. An opinion about the identity of Alshyn and Alchi Tatars is well reasoned. Alchi-Tatars lived in Mongolia before XIII century. The reason for the rise of Alshyn tribe in the Golden horde was associated with Borakchin, the wife of Batu. Borakchin was from this tribe. After her execution, Alshyns at the time moved into the shade, but in the epoch of the following khans, they were represented in the political elite. In the XIV century, the most famous representative of that tribe was Alau Alshyn. According to

historical records, he lived in an era of Janibek (1342–1357). Alau participated in events associated with the daughter of Janibek and Amet, (son of Isa) from Uysun tribe. His son was Kyduar Tentek (bandit Kyduar). It can be identified with the well-known in the Russian legends Kudayar, the robber. It can also be identified with Kudud Alshyn known in the book of Abd al-Ghaffar Kyrymi and Kudusbay (Kudus, Kuduspay) Alshyn known in Kazakh shezhire. Alshyns lived in the Great Horde in the late XV century. Later they lived in Edisan Horde (between the Volga and the Urals) in the XVI century. After the crisis in the Nogai Horde, part of Alshyn tribe (Alimuly) had moved to the territory of the modern Uzbekistan. Another part (Baiuly) after the death of the ruler of the Nogai Horde Ormambet-bi in 1598 joined the Kazakhs. In the second quarter of the XVII century Alimuly joined the Kazakhs. After the formation of Bukey horde part of Alshyns returned to the area between the lower reaches of the Volga and the Urals.

Keywords: The Golden Horde, The Nogai Horde, Alshyn, Alchi Tatar, Alau, Kuduar, Zhalantos, Zhiembet, Borakchin.

Вопрос об истории алчи-татар (алшин) еще не становился предметом широкого научного обсуждения, несмотря на большое количество сведений о них в разных источниках.

Впервые сведения об алчи-татарах пишет Рашид ад-Дин: *«Перед этим, тоже вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще [и поныне] в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башикур, в Дешт-и Кипчаке, в северных [от него] районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе] все тюркские племена называют татарами. Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулуйт, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулуйт – самое уважаемое из [всех] татарских племен»* (Рашид ад-Дин, 1952, с. 103).

Позже у него рассказан ранний эпизод из истории алчи-татар о битве с до Чингизхановскими кереитами: *«Рассказывают, что когда Куридай-Татир и Кумус-Синджан, [происходившие] из [племени] алчи-татар, оба отправились на войну с Сарык-ханом, государем кераитов, то Куридай-Татир шел в авангарде.... Сарык-хан сказал: «Среди алчи-татар имеется семьдесят колен, но не было мужа, кроме Кумус-Синджана! Теперь время таково, чтобы нам их прогнать!». Тогда он приказал своим кибитко-владельцам расположиться на реке Орхоне и при лунном свете втайне собрал войско. Один из его воинов убежал и известил [об этом] Куридай-Татира. Куридай-Татир, дви-*

нув войско, направился вверх по реке Орхону. Пройдя между кибиток [кераитов], он достиг [войска Сарык-хана] на той самой дороге, по которой они шли. Воины Сарык-хана посмотрели на них с презрением. Но войско [Куридай-Татира], внезапно атаковав Сарык-хана, обратило его в бегство, так что он [в конце концов] из сорокатысячного войска, которое имел, ушел с сорока человеками: всех же остальных поубивали» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 111–112).

Широко известным является тот факт, что Чингиз-хан проводил политику целенаправленного истребления татар, мстя за смерть отца и родственника Амбагай-кагана. Но здесь стоит отметить, что многочисленные татары (в том числе и алчи-татары) выжили. Как отмечает Рашид ад-Дин про алчи-татар в Иранском ильханате и Золотой Орде: *«Из племени алчи-татар в этом государстве [тоже] никого, кто бы был почтен, известен и был бы достоин записи. Однако в улусе Джочи-хана старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-Кутлук; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу-Тимура, также государя того улуса, из того же племени был старший эмир по имени Бек-Тимур» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 111).* Здесь мы наглядно видим, что в улусе Джучи эмиры и женщины из рода алчи-татар были широко представлены среди первого эшелона политической элиты Золотой Орды. Безусловно, Боракчин, жена Бату и мать его сына Улагчи, способствовала тому, что алчи-татары не были уничтожены и смогли не только выжить в Золотой Орде, но и выдвинуться на первые позиции. Одним из таких людей был ее родственник Ит-Кара. Но позже после смерти Бату из-за того, что Боракчин пыталась перейти на сторону Хулагу около 1262 года (Сабитов, 2015, с. 51), алчи-татары подверглись репрессиям со стороны Берке. Скорее всего, Боракчин, продвигавшая в ханы Туда-Менгу в период между 1259–1262 годами, женила своего пасынка Туда-Менгу (она была женой его отца Тудана) на Турэ-Кутлук, своей родственнице из рода алчи-татар. После смерти Берке алчи-татары стали возвращать свои позиции. Уже при Менгу-Тимуре одним из его старших эмиров был Бек-Тимур. Но позже источники по Золотой Орде не фиксируют словосочетание алчи-татар. Доминирующей точкой зрения является тезис о тождестве алчи-татар и алчинов, которые стали известны уже в XIV веке в Золотой Орде. Сторонники данной концепции апеллируют к сведениям Рашид ад-Дина: *«Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племе-*

ни, если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай и алчин; из племени куин-татар, – куитай и куичин, [из] племени терат – терати и тераучин» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 103).

Тезис о тождестве Алчи-татар и Алчинов (Алшинов) поддерживают Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов (Исхаков, 2007, с. 161).

Но есть исследователи, отрицающие данное тождество. К примеру, можно упомянуть работу Г.Баимбетова и его коллег: *«у этой гипотезы, есть много несоответствий. Согласно, Рашид-ад-Дину этноним «алчин» применялся исключительно к людям женского пола из племени алчи-татар.... Так же в исторических данных имя Алчин, Алчи, Алчун является далеко не редким, к примеру, существовал Алчин-нойон из племени хунгират, который был братом Бортэ, старшей жены Чингисхана. Рашид-ад-Дин в своих летописях так же упоминал об человеке по имени Алчи, имевшего звание тутгаул из кераитского племени тумгут. В «Сокровенном сказании монголов» в перечислении девяносто пяти тысячников-нойонов Чингисхана так же упоминается, помимо зятя хана, ещё один человек с именем Алчи. Во второй половине XIV века существовал Алчун-бахадур из племени канглы. В истории есть практика, когда племя утрачивала свой древний этноним, переходя на новый. К примеру, «во время завоевания Мавераннахра Туглук Тимуру ханом (1348–1363) во главе племени кангли стоял Бекджик, оказавший Туглук Тимуру значительные услуги, и после смерти последнего вместо этнонима кангли появилось название бекджик, бекчик, очевидно, по имени Бекджика». Так же, известно, когда ответвление какого-либо рода становилось самостоятельным племенем, неся в своём названии антропоним, т.е. имя либо прозвище родоначальника» (Баимбетов, 2014, с. 178–179). Таким образом, данные исследователи считают, что Алшин – это имя человека, основателя рода. А Алчи-татар и Алшин это просто созвучия. Отрицает тождество алчи-татар и алшинов также С. Даулетов (Даулетов, 2015, с. 7–8).*

Здесь стоит отметить потенциальную ошибку Рашид ад-Дина, который вряд ли мог знать все тонкости монгольского языка. Как известно, в монгольском языке 7 падежей и один из них «хамтархын тийн ялгал – совместный падеж». Окончаниями совместного падежа являются -тай, -тэй, -той (МЯ, 2015, с. 18). Таким образом, Алчитай здесь будет переводиться как «вместе с алчи-(татарами)» либо «возглавляющий алчи-(татар)». В источниках встречаются такие имена,

как Хуштай (из рода Хушин), Баритай (из рода Барын (Барин, Бахрин)) и т.д. Вполне можно предположить, что такое имя с частицей -тай означало предводителя племени. Алшины встречаются в списке 92 «узбекских» родов, при этом в списке нет такого рода как алчи-татар (Султанов, 1982, с. 40–44).

Это, в совокупности с тем, что алчи-татары с конца XIII века исчезают со страниц исторических хроник (параллельно появляются алшины) позволяет утверждать, что алшины тождественны алчи-татарам.

В XIV веке самым известным Алшином являлся Алау Алшин.

Он (Алчин Алав) входит в список эмиров, бывших в эпоху хана Джанибека (Мустакимов, 2009, с. 123). Кроме того, в ногайском фольклоре Алау Алшинский живет также в эпоху Ахмета, сына Айсы (Амет, сын Исы) и Джанибек-хана (Сикалиев, 1994, с. 127–132). В казахском фольклоре, Алау посвящен целый дастан (505 строк), входящий в цикл «сорок батыров Крыма». В этом дастане Алау также современник Айсы и его сына Ахмета (БС, 2008, с. 349–361).

Но здесь есть упоминание о Баташе, сыне Алчин Алава (ИКРИ, 2005, с. 42) под 1493 годом. Кроме того, в 1486 году упоминается некий Алов (ИКРИ, 2005, с. 35), в котором можно признать отца Баташа. Здесь, скорее всего, либо идет упоминание об отце Алау как прародителе рода, либо существовал второй менее известный Алау из рода Алшин.

Ранее мы писали, что согласно Казахскому шежире Алау родоначальником племени был Алшин. Он имел сына Кудуара (Үсенбаев, 2003, с. 456). Данного Кудуара мы отождествляем со старцем Кудудом алшином, советником Барак-хана (1423–1428) (Кляшторный, 1992, с. 210). Алау (Алав) вполне мог быть эмиром Джанибек-хана, так как в эпоху Барака его сын был уже старым человеком (Сабитов, 2014, с. 126).

Р.Д. Темиргалиев предположил, что Кудуар, сын Алау известен в русских легендах как разбойник Кудеяр, так как у Кудуара, сына Алау есть прозвище «тентек», которое также можно перевести как хулиган и разбойник (Темиргалиев, 2014, с. 124). Данные легенды о разбойнике Кудеяре распространены во всех южных и центральных губерниях России: от Смоленской до Саратовской.

Примечательно, что данный Кудеяр был отмечен Н.А. Некрасовым в его произведении «Кому на Руси жить хорошо»:

*«Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр – атаман.*

*Много разбойники пролили
Крови честных христиан».*

К сожалению, на данный момент из-за недостатка источников трудно идентифицировать потомков алчи-татар среди современных татар.

Интересным является факт присутствия в шежире рода Аргын Алшина Кудысбая (Кудыс, Кудаспай), чья дочь Нурфая (Нурпия) являлась женой Мейрам-сопы (Мейрам-суфи) из рода Аргын (сын Кара-ходжи) (БС, 2012, 176–178). В других шежире она также отмечена как байбише (старшая жена) Мейрам-сопы (Мейрам-суфи) (БС, 2012, 192).

Очень интересным источником по истории Алшин (алчи-татар) является Казахское Шежире. Но здесь стоит отметить, что в советское время в Казахстане был негласный запрет на научное изучение Шежире (Bustanov, 2015, с. 118–124). Из-за этого в исторической науке Казахстана сложилось довольно скептическое отношение к шежире как историческому источнику. Позже, в 90-е годы XX века, после обретения независимости, было опубликовано большое количество шежире разных казахских родов. При этом во многом шежире отличались по тем или иным моментам трактовки генеалогий. Это очень легко можно объяснить характером передачи информации (устная форма). При такой передаче информации возможно большое количество искажений. Но, несмотря на все это, шежире является историческим источником, который нужно изучать, применяя приемы внешней и внутренней критики источников. Внешняя критика должна применяться при сверке различных вариантов шежире. Кроме того, стоит упомянуть, что в Шежире необходимо отметить два слоя:

1. Мифическое родословие, возводящее весь народ к одному мифическому первопредку (Алаш, у которого было три сына: Акарыс, Бекарыс и Жанарыс).

2. Реальные генеалогии, которые начинаются с первопредка. В реальности очень трудно найти границу водораздела между двумя слоями, но при этом исторические данные из письменных источников позволяют проследить эту грань (Сабитов, 2011, с. 147).

Например, по шежире Алшинов Младшего Жуза три группы (Байулы, Алимұлы и Жетиру) считаются родственными (Үсенбаев, 2003, с. 456), в то время как в исторических источниках отмечено, что жетиру – это конфедерация 7 родов из Среднего Жуза, объединенных в эпоху хана Тауке. Таким образом, генеалогия от Алшинов к Жетиру

является домыслом, в то время как Алимұлы и Байұлы родственны между собой, что отмечается и историческими источниками.

Согласно Казахским Шежире, Алшины состояли из двух ветвей: Байұлы и Алимұлы. Байұлы состоит из 12 подродов: адай, бериш, ысык, тана, есентемир, маскар, кызылқурт, алаша, таз, жаппас, байбакты, шеркеш. Алимұлы – из 6 подродов: каракесек, карасакал, торткара, шекты, шомекей, кете (Үсенбаев, 2003, с. 458–459).

Согласно одному варианту шежире, Кыдуар имел двух сыновей Кайырбай (Каракесек) и Кыдырбай (Байлы).

У Кайырбая было три сына Байсары (Кете), Алим, Шомен. От Байсары происходят Бозаншар (родоначальник кланов Каракете и Ожрайкете), от Алима происходят 6 сыновей Жаманак (родоначальник клана Шекты), Карамашак, родоначальник клана Торткара), Уланак (родоначальник клана Каракесек), Айнык и Тегенболат (родоначальники клана Карасакал), Тойкожа (родоначальник клана Аккете). От Шомена три сына Шомекей и Дойт, Тумен (Туменкожа). Шомекей – родоначальник одноименного клана. Туменкожа – родоначальник кланов Сарыкете и Кулыскете (Бейсенбайұлы, 1994, с. 134–135).

У Кыдырбая было 12 сыновей: Кадырсиык (родоначальник клана Шеркеш), Баксиык (родоначальник клана Ысык), Султансиык (родоначальник кланов Кызылқурт, Алаша, Маскар, Тана, Байбакты), Таз (родоначальник одноименного клана), Адай (родоначальник одноименного клана), Бериш (родоначальник одноименного клана), Есентемир (родоначальник одноименного клана), Жаппас (родоначальник одноименного клана), Алтын (родоначальник одноименного клана), Ебейты, Ногайты, Мадияр (потомства не оставили) (Бейсенбайұлы, 1994, с. 134–135).

После распада Золотой Орды алчины (алшины) оставались на своей территории. Соратником последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда был Тохтамыш из рода Алчин. Причем в поздней Золотой Орде Алчиново место было аналогом Айдарову месту при Крымском хане (Зайцев, 2006, с. 65).

Упоминание Баташа и Тохтамыша из рода Алшин свидетельствует о том, что алшины в поздней Большой Орде занимали высокое социальное положение.

Позже, после распада Большой Орды, Алшины составляли часть Едисанской Орды (кочевала между Волгой и Уралом), в составе Большой Ногайской Орды. Как писал Д.М. Исхаков на основе Стамбульской версии Утемыш-хаджи: *«Вообще в связи с упомянутым объ-*

единением Едисан заметим, что оно состояло из кланов (уруг) Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, Алчы (Алчын), Мангыт, Кытай и Курлут)» (Kafali, 1976, с. 45; Исаков, 2009, с. 50).

Калмыцкое завоевание данного региона привело к тому, что большая часть Алшинов ушла к казахам.

Как отмечал М.Тынышпаев, Алшины ушли от ногаев и присоединились к казахам во времена Касым-хана (1513–1521). При Тахир-хане они обратно вернулись к ногаям целиком. Во времена Хак-назара пришли алшины из под Казани и Астрахани. Главная же масса алшинов присоединилась после смерти Ормамбета (бий Большой Ногайской Орды, умерший в 1598 году) во времена Есим-хана (Тынышпаев, 2009, с. 176–177).

При Есим-хане алшины (скорее ее часть Байулы) входили в состав казахов. Об этом свидетельствует ссора Жиембета из рода Байулы Алшин с Есим-ханом (Тынышпаев, 2009, с. 177), что отразилось в его гневных стихах, направленных в защиту родного брата и против Есим-хана (ЖГЖ, 2008, с. 39–42). Генеалогия Жиембета известна: сын Биртогаша, сына Таны, сына Султансиыка, сына Кыдырбая, сына Кудияра, сына Алау (Бейсенбайұлы, 1994, с. 146).

Другим аргументом в пользу присутствия алшинов среди подданных Есим-хана является свидетельство Махмуда Бен Вали, который под 1626–1627 годами пишет, что Есим-хан собрал «все войско алачинов» (Кляшторный, 1992, с. 301).

Третьим аргументом может служить карта «Nova descriptio geographica Tattariae magnaе» (Новое описание географии великой Татарии), составленная пленным шведским офицером Филиппом-Иоганном Страленбергом в 1730 году. На этой карте мы видим такие племена среди казахов как Алшин и Уйсун, которые живут возле реки Яик (Урал) уральских казахов и Большой Ногайской Орды (Nogai Maior и campus Mamai), чуть севернее каракалпаков и Аральского моря. Карта, по всей видимости, отражает реалии 1620–1630 годов, до прихода калмыков на Запад Казахстана (Сабитов, 2015, с. 1168).

Алимулы, по нашему мнению, вошли в состав казахов чуть позже. Как мы знаем, Жалантос-бахадур (Ялангтуш) был изначально бухарским эмиром, служившим узбекским ханам. В 1607 году он был назначен аталыком Ташкента (Кляшторный, 1992, с. 297). В 1643 году он ближайший союзник казахского Жангир-хана. При этом Жалантос возглавляет 20-тысячное войско (Галиев, 1998, с. 49).

Когда Жалантос и его род перешел на сторону казахов не понятно, но это произошло в 1630-х – начале 1640-х годов.

Жалантос имел следующую генеалогию: сын Сеиткула, сына Токбана, сына Ораза, сына Карамашака, сына Алима (Галиев, 1998, с. 121), сына Кайырбая, сына Кыдуара, сына Алау.

При этом часть племени Алшин осталась среди узбеков. В 1680-х годах Байата Кара Туксаба, предводитель племени Алшин восстал против узбекского хана (Ахмедов, 1982, с. 115), в итоге он был убит, а большая часть племени была истреблена в конце 1680-х годов (Ахмедов, 1982, с. 118).

Видимо, часть племени Алшин ушла еще во времена Жалантоса к казахам, а другая часть могла бежать к казахам после подавления данного восстания в 1690-х годах.

В XVIII – начале XIX вв. Алшины смогли закрепиться на территории Западного Казахстана и близлежащие районы. С тех пор границы проживания племени Алшин (алчи-татар) среди казахов не особо менялись. На данный момент география проживания казахских Алшинов обширна: Западный, юго-западный Казахстан (Мангыстауская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская области, западная часть Кызыл-Ординской области), Саратовская, Астраханская, Самарская области в России, Каракалпакстан.

Численность рода Алшин во второй половине XIX века по данным Н.Э. Масанова составляла 750–900 тысяч, из них численность Байулы 500–600 тысяч, численность Алимуды 250–300 тысяч (Сабитов, 2013, с. 31).

Судя по расчетам, Алшины (Байулы и Алимуды) в конце XIX века составляли 24,6% от всей численности казахов (Сабитов, 2013, с. 32). Если экстраполировать эти данные на современную численность казахов, то окажется, что Алшинов среди казахов было бы свыше 3,4 млн. человек.

Подводя итоги, стоит отметить, что изначально алчи-татары проживали на территории современной Монголии. После расширения границ Монгольской империи, большая часть алчи-татар переселилась в Золотую Орду, где благодаря Боракчин (жена Бату) эмиры из рода алчи-татар смогли занять ведущие позиции. Они обитали в Нижнем Поволжье и междуречье Волги и Урала вплоть до падения Большой Орды. Потом Алшины существовали в рамках Ногайской Орды, в составе Едиганской Орды. Во второй половине XVI – начале XVII вв. Алшины под натиском калмыков перешли к узбекским Аштарханидам

в Бухару и Ташкент (подразделение Алимуды) и Казахским ханам (подразделение Байуды), покинув междуречье Волги и Урала. Во второй четверти XVII века, узбекские алшины (Алимуды) под руководством Жалантоса перешли на сторону казахских ханов, объединившись с другим подразделением Байуды в Младшем жузе. После миграций калмыков и образования Букеевской Орды, Алшины (алчитатары) смогли вернуть себе междуречье Волги и Урала, где они проживают и поныне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Bustanov A. Soviet Orientalism and the creation of Central Asian Nations.* London: Routledge, 2015. – 144 p.
2. *Kafali M. Altin orda hanliginin kurulus ve yükseliş devirleri.* Istanbul, 1976.
3. *Ахмедов Б.А.* История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982. – 296 с.
4. *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры.* Астана: Фолиант, 2008. Т. 51. – 448 б.
5. *Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры.* Астана: Фолиант, 2012. Т. 83. – 448 б.
6. *Баимбетов Г., Баймуханов Н., Туремуратов И.* Гаплогруппа С-М48 [FTDNA: С3с; ISOGG: C2b2]. Субклады. Кластеры. Миграционные процессы // *Этногенез казахов: историко-генетический аспект.* Алматы, 2014. – С. 149–187.
7. *Бейсенбайұлы Ж.* Қазақ шежіресі. Алматы, 1994. – 160 б.
8. *Галиев В.З.* Хан Джангир и Орбулакская битва. Алматы, 1998. – 128 с.
9. *Дәулетов С.Т.* Алшын шежіресі (Жаңаша көзқарас). Тараз, 2015. – 93 с.
10. *Жеті ғасыр жырлайды.* Алматы: Жазушы, 2008. Том 1. – 400 с.
11. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. – 303 с.
12. *История Казахстана в русских источниках.* Том 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 704 с.
13. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 164 с.
14. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (3 – середина 16 вв.). Казань: РИЦ Школа, 2007. – 356 с.
15. *Кляшторный С.Г. Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. – 373 с.
16. *Монгольский язык.* http://vovaijangarska.narod.ru/Mongol_hel.pdf
17. *Мустакимов И.А.* Об одном списке Дафтар-и Чингиз-наме // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Вып. 1. Казань, 2009. – С. 122–131.
18. *Рашид ад-Дин.* Сборник Летописей. Том 1. Книга 1. М., 1952.– 198 с.

19. *Сабитов Ж.М.* Казахские жузы и клановая система Золотой Орды // Молодой ученый. 2015. №11. – С.1165–1170.
20. *Сабитов Ж.М.* Казахское шежире как источник по истории казахов // Акселеу Сейдимбек ғылыми мурасы жане тауелсиздик (Ауызша тарих маселелеры). Халықаралық ғылыми теориялық конференция. Астана, 2011. – С. 146–149.
21. *Сабитов Ж.М.* Политическая история Улуса Джучи в 1256–1263 годах // Золотоордынское обозрение. Казань. № 2. 2015. – С. 51–64.
22. *Сабитов Ж.М.* Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозрение. №2. 2014. – С. 120–134.
23. *Сабитов Ж.М.* Этногенез казахов с точки зрения популяционной генетики // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Volume 4, No 2 (2012). Volume 5, No 1 (2013). – С. 29–47.
24. *Сикалиев А. И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. – 328 с.
25. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII веках. М., 1982. – 136 с.
26. *Темиргалиев Р.Д.* Казахско-Ногайские отношения в XVII–XVIII вв. // GLOBAL-Turk. 2014. № 1. – С. 120–129.
27. *Тынышпаев М.* История Казахского народа. Алматы: Санат, 2009. – 288 с.
28. *Үсенбаев Т.* Алшин Шежіресі. Қызылорда: Тумар, 2003. – 464 с.

Информация об авторе

Сабитов Жаксылык Муратович, PhD, доцент кафедры политологии, Евразийский Национальный Университет (г. Астана, Казахстан); babasan@yandex.ru

Sabitov Zhaksylyk Muratovich, PhD, Associate Professor, Department of Political science, Eurasian National University (с. Astana, Kazakhstan); babasan@yandex.ru

УДК 930.2

К ИСТОРИИ МЕЩЕРЯКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2015 г. Г.Х. Самигулов

Статья посвящена истории сословной группы «мещеряки» («служилые мещеряки») в XVIII – начале XX века в Южном Зауралье. Показаны изменения, произошедшие в этот период: до конца XVIII в. мещеряки были одной из групп тюркского небашкирского населения, наряду с багарякскими и ичкинскими татарами. В 1798 г. эти три группы входят в единое служилое сословие «мещеряки» в рамках созданного Башкиро-Мещеряцкого войска. В 1855 г. Башкиро-Мещеряцкое войско было преобразовано в Башкирское, таким образом, мещеряки вошли в состав служилого сословия башкир. В 1863 г. вышло «Положение о башкирах», определявшее новый статус башкир – свободные поселяне. При этом в «Положении» было прописано, что мещеряки входят в состав башкир. Таким образом, мещеряки, оставаясь в одном сословии с башкирами, вместе с ними перешли из разряда служилых людей, в разряд крестьян. Правда, с одним большим отличием от обычных крестьян – сословие башкир сохраняло вотчинные права на землю. Обычные крестьяне вотчинными правами не обладали. В 1917 г. в России были отменены все сословные различия. Реально это произошло несколько позже – по окончании Гражданской войны. Значительная часть тех, кто раньше входил в сословие мещеряков, а затем в сословие башкир, в 1920-х годах перестали относить себя к башкирам. Идентичность этого населения и ее изменения в советское время требуют дополнительных исследований.

Ключевые слова: Мещеряки, татары, башкиры, сословие, изменение сословных признаков, Южное Зауралье.

TOWARDS THE HISTORY OF THE MESCHERYAKS OF THE SOUTHERN TRANS-URALS IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY

G.Kh. Samigulov

The article describes the history of the estate named «Meshcheryaks» («service Meshcheryaks») in the XVIII – early XX century in the Southern Trans-Urals. The changes that have taken place in this period are presented: until the end of the XVIII century Meshcheryaks were one of groups of Turkish speaking non-Bashkir population, along with Bagaryak and Ichkin Tatars. In 1798 these three groups became the single service class «Meshcheryaks» within the framework new established Bashkir-Mescheryak army. In 1855 it was transformed into the Bashkir army, thus Meshcheryaks were included into the service class of the Bashkirs. «The

Statutes about Bashkirs» (1863) defines a new status of Bashkirs – free settlers. According to the «Statutes» Meshcheryaks were introduced in the Bashkirs. Thus the Meshcheryaks, remaining in the same class of society with the Bashkirs, were moved with the Bashkirs from the category of service men in the category of peasants. However, they had one serious difference from ordinary peasants – Bashkirs class retained patrimonial rights to the land. Ordinary peasants did not have the patrimonial right. All class distinctions were canceled in Russia in 1917. Really it took place a little later – at the end of the Civil War. A considerable part of those who had entered the Meshcheryaks class (and then in the Bashkirs class) ceased to refer themselves to the Bashkirs in the 1920s. The identity of this population and its Soviet-era changes require further investigations.

Keywords: Meshcheryaks, Tatars, Bashkirs, estate, change of estate attributes, Southern Trans-Urals.

Мещеряки, которых зачастую называют в публикациях «мишарями»¹, одна из крупных групп тюркского населения Южного Зауралья XVIII – начала XX в. Почему я (и другие авторы) настаиваем на использовании термина «мещеряк», а не «мишар»? Потому, что понятие «мещеряк» (служилый мещеряк) является сословным или этносословным, а не чисто этническим. Иначе говоря, мишари выступили в качестве первоначальной основы формирования сословной группы «служилых мещеряков», но помимо них, в состав этой группы могли входить представители других этнических групп и этносов. На протяжении периода 1798–1863 гг. мишари даже не составляли большинства в сословной группе мещеряков в Южном Зауралье, что также будет продемонстрировано ниже. Эта тема уже рассматривалась в рамках одной из моих статей (Самигулов, 2013, С. 70–90), но здесь я постараюсь показать процесс изменения статуса и состава группы мещеряков Южного Зауралья более акцентированно и для большего временного отрезка. Сразу же приношу извинения за то, что большая часть ссылок в тексте – на мои публикации. Объясняется это тем, что работ, посвященных тем группам тюркского населения, о которых пойдет речь в статье, совсем немного.

На протяжении практически всего XVIII в. служилые мещеряки представляли собой одну из групп населения Южного Зауралья, относимого к «татарам». Помимо них можно указать еще следующие сооб-

¹ Сам допускал подобную ошибку в недавних публикациях: Самигулов Г.Х. О тюркских волостях Южного Зауралья XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 314–334.

щества: «татар Усть-Багарякских юртов» (позже – багарякских татар), ичкинских татар и ясашных татар команды Ильтебана Степанова. Ичкинские татары проживали на территории Шадринского дистрикта (позже Шадринского уезда), все прочие – в междуречье Течи и Багаряка.

Названия «ясачные татары» и «служилые татары», как и обозначение «мещеряки» носило, в первую очередь, сословный характер. В качестве примера приведу ту самую команду Ильтабана (Ильтебана) Степанова. Эта группа проживала в деревнях на оз. Кызылташ, рр. Багаряк и Синара в 1730-х – 1740-х гг., по крайней мере, в документах 1744 г. ясачные татары команды Ильтабана Степанова еще упоминаются (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а). Но уже в 1743 г. по их прошению им были отведены земли в нераздельной Кара- и Барын-Табынской волости, куда они впоследствии и переселились, образовав 13 новых деревень. Если в 1744 г. они значатся еще как ясачные татары, то в 1750 г., как пишет А.З. Асфандияров, в документах их называли уже тептярями (Асфандияров, 2009, С. 26). В письме Батырши Алеева императрице Елизавете Петровне приводятся слова старшины служилых мещеряков Муслюма (Муслима) Аширова: «...оглашен указ о том, чтобы старшина Ильтабан со всей своей командой, оставив веру ислама, перешли бы в русскую веру, или же вернулись в прежнюю, дедовскую свою веру – чувашскую» (Письмо Батырши..., 1993, С. 80). Следовательно, если и не вся команда Ильтабана Степанова, то большая ее часть, этнически относились к чувашам. При этом назывались они «ясачными татарами». Можно с уверенностью говорить о том, что это название носило сословный характер. А в сословие тептярей и бобылей, они перешли, очевидно, в 1747 г. – П.И. Рычков сообщает о мордве, черемисах, вотяках и чувашах, что они были положены в тептярский восьмигривенный ясак в 1747 г. (Рычков, 1887, С. 30–34). Этот сюжет практически никак не связан с темой мещеряков, поскольку люди из команды Ильтабана Степанова влились в сословие тептярей и бобылей, но он важен для понимания довольно непривычного обстоятельства – то, что мы в документах XVIII – начала XX в. воспринимаем как этнонимы, зачастую оказывается соционимами.

В течение XVIII в. расселение служилых мещеряков в Южном Зауралье несколько менялось. В 1730-х гг. они проживали, как минимум в 14 деревнях, причем число семей в разных деревнях сильно варьировало – от 1 до 30. Практически все служилые мещеряки этой территории входили в команду Муслюма Аширова. В 1740-х гг. Исетская провинциальная канцелярия отводит мещерякам команды Муслюма

Аширова землю по р. Теча и по левому берегу р. Чумляк. Происходит постепенное переселение большей части мещеряков в новые деревни, основанные на отведенных территориях. Здесь формируется новая Мещерякская волость, которая после ликвидации Исетской провинции и создания Пермского и Уфимского наместничеств разделяется на Мещерякскую (Верх-Теченскую) волость Шадринского уезда Пермской губернии и Мещерякскую (Карасевскую) волость Челябинского уезда Оренбургской губернии (Самигулов, 2013). При этом мещеряки, жившие в деревне Караболка (Карабулак) на одноименной речке, остались на прежнем месте, выкупив земли у башкир Мякотинской волости земли в 1744 г. Основу этой группы составляли, очевидно, мишари. Так, Батырша Алеев в своем известном письме называл их «мишер» (Письмо Батырши, 1993, С. 75–84). Но в состав мещеряков могли входить люди иного, не мишарского, происхождения. По крайней мере, в документах 1730-х – 1740-х гг. перечисляются следующие имена: Фалдар Степанов, Бектемир Петров, Бекбулат Тимофеев, Тимофей Мирясов, Алексей Байбулатов (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 131–132 об.), Терентий Ильин (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 695. Л. 287). В 1737 г. в состав служилых мещеряков команды Муслюма Аширова был включен клан калмыков – Ямар Зургатаев с семьей взрослыми сыновьями. Правда, пробыли они в составе мещеряков недолго. В 1747 г. аюкинским калмыкам (в число которых входили и сыновья Ямара Зургатаева) отвели земли по правому берегу р. Чумляк, сформировав Калмыкскую (Калмакскую) волость (Самигулов, 2015, С. 47–50).

Именным указом, данным 10 апреля 1798 г. генералу от инфантерии барону Игельструму, было одобрено создание Башкиро-Мещерякского войска (ПСЗ-1, Т. XXV, № 18.477). В Южном Зауралье в его состав вошли как служилые мещеряки, так и группы служилых татар – багарякских и ичкинских. Причем из мещеряков и части ичкинских татар, проживавших на территории Челябинского и Троицкого уездов, был сформирован 1-й мещерякский кантон. А вот в Екатеринбургском и Шадринском уездах в этом указе общее число мещеряков указано 224 души мужского пола, и они были включены в состав 2-го (с 1802 г. – 3-го) башкирского кантона (ПСЗ-1, Т. XXV, № 18.477, С. 195). При этом в 1850 г., по данным 9-й ревизии, число башкир и мещеряков в Екатеринбургском и Шадринском уездах было практически одинаково – 12472 и 12245 соответственно (Асфандияров, 2005, С. 189). Несмотря на то, что мещерякского кантона в Екатеринбургском и Шадринском уездах сформировано не было, группы, до 1798 г. известные как

служилые мещеряки, багарякские и ичкинские татары, стали носить общее название мещеряки. Это видно по материалам ревизских сказок и по отдельным делам, касающимся представителей этих групп, что нашло свое отражение и в публикациях (ГАПК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 496. Л. 51–54; Самигулов, 2014а; Асфандияров, 2005, С. 189). Довольно своеобразная ситуация – мещеряцкого кантона нет, тем не менее, мещеряками становятся все, кто не входит в сословие башкир. В материалах ревизий Усть-Багарякские деревни числятся в Мещерякской волости (Ревизские сказки, 1811). При этом население Усть-Багарякских юртов, на 1740-е гг. состояло, преимущественно из ясачных татар, значительная часть которых, возможно, была из местного тюркского населения (Самигулов, 2014б). То же самое можно сказать и об ичкинских татарах – это сложная по составу группа, включавшая в себя тобольских служилых татар, переселенцев из Поволжья, мещеряков и местное тюркское население (Самигулов, 2014в).

Таким образом, при создании Башкиро-Мещеряцкого войска словенная группа мещеряков в Южном Зауралье значительно расширилась, включив в свой состав большое количество не-мишарей. В такой ситуации сложно оперировать какими-то точными цифрами, но можно вспомнить, что для 1750-х гг. П.И. Рычков приводил следующие данные о численности рассматриваемых групп населения: «Да в той же провинции (Исетской – Г.С.) имеется служилых Мещеряков 166... Ичкинских татар по переписи 419, да Багаряцких 196, итого 615 душ» (Рычков, 1887, С. 370). Даже с учетом того, что группы багарякских и ичкинских татар в 1740-х гг. включали в себя также и некоторое количество мещеряков, в сформировавшейся после 1798 г. общности мещеряков не-мишари составляли, возможно, большинство.

В 1855 г. Башкиро-Мещеряцкое войско было преобразовано в Башкирское, при этом мещеряки остались в его составе (Асфандияров, 2005, С. 184–188). То есть сословие мещеряков было упразднено, а те, кто к нему относился, были включены в состав башкирского сословия. И именно этот процесс отражен в материалах Ревизских сказок 1859 г., где запечатлены «башкиры» тех деревень (ЦГИА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 768. Л. 430 – 450), которые в материалах прошлой ревизии были записаны как мещерякские (ЦГИА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 503. Л. 42–61, 204–213). На этом преобразование не завершилось, и следующим шагом правительства стало кардинальное преобразование сословия (словенной группы) башкир, с четким включением в ее состав людей, входивших ранее в сословные группы тептярей и бобылей и мещеряков.

В «Положении о башкирах», вышедшем в 1863 г., первый пункт гласил следующее: «Инородцы, известные под названием Башкир, Мещеряков, Тептярей и Бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство, как свободные сельские обыватели, на основаниях, в сем Положении определенных» (Положение о башкирах, 1863, С. 3). А основывалось это положение на указе, подписанном Александром II 14 мая 1863 г.: «...признав справедливым обитающих в губерниях: Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской Башкир и других инородцев, составляющих вместе с ними нынешнее Башкирское войско, уравнивать в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями и образовав общественное их управление на общих, указанных НАМИ для устройства сельских обществ началах с теми в применении их изменениями, кои необходимы по особому положению сих инородцев» (Положение о башкирах, 1863, С. 2). Из служилого сословия башкиры были преобразованы в сословие свободных земледельцев, оставаясь, однако, на особом положении. Одним из основных (если не основным) отличий башкир от других групп «сельских обывателей» было сохранение за ними вотчинных прав на землю (Положение о башкирах, 1863, С. 8–11, пп. 15–23).

Таким образом, те, кто входил до 1855 г. в сословие мещеряков (а также те, кто относился к сословию тептярей и бобылей) с 1855 г. вошли в состав Башкирского войска (т.е. служилого башкирского сословия). С 1863–1865 гг., с расформированием Башкирского войска, бывшие мещеряки были на основании указа Александра II включены в сословие башкир – свободных сельских обывателей. В 1860-х–1880-х гг. башкирами обозначались в документах в документах жители Ичкинской деревни (ГАПК. Ф. 238. Оп. 1. Д. 478. Л. 3–4 об.), мещеряки деревни Ахуновой (ОГАЧО. Ф. И–113. Оп. 2. Д. 1011. Л. 35 об.–36), мещеряки Челябинского уезда (в то м числе и ичкинские татары Альменевской волости) (Список населенных мест ..., 2006 С. 215, 244). А вот в Списке населенных мест Челябинского уезда население Карасевской волости было указано как «башкиры», а Ичкинской (Альменевской) – «татары». Но в этом случае составители сборника попытались обозначить «народность», а не сословное состояние, что и могло послужить причиной путаницы. В графе «разряд крестьян» и у тех, и у других значится «вотчинники» (Список населенных мест..., 1916, С. 39, 47–48).

После революции 1917 г., с ликвидацией сословного деления в России, в документах стали записывать этническую, а не сословную

принадлежность людей. Подавляющее большинство бывших тептярей и бобылей и мещеряков, входивших с 1850-х гг. в сословие башкир, после революции перестали писать себя башкирами, поскольку не восприняли башкирскую этническую идентичность. Но было бы ошибкой считать, что все те, кто входил в 1798 – 1855 гг. в сословную группу мещеряков, после 1917 г. продолжили называть себя мещеряками/мишарями. Ситуация далеко не так однозначна. Так, ичкинские татары в основной массе идентифицируют себя (и определяли в 1926 г.) именно как татар (Исхаков, 2002, С. 85). Как мы видели выше, они начали транслировать вовне татарскую идентичность еще до революции. А вот тюрки той группы, которая в XVIII в. носила название багарякских татар, в материалах 1926 г. называли себя мишарями, что дало основание Д.М. Исхакову дистанцировать их от ичкинских татар (Исхаков, 2002, С. 85). Но в целом история развития идентичности тюркского населения Южного Зауралья (и не только) в послереволюционный период должна стать предметом тщательного изучения, поскольку факторов, влияющих на эти процессы, было не так уж мало.

Представленная статья является своего рода «эскизом», схемой одного из подходов к изучению истории тюркского населения Южного Зауралья. Я полагаю, что растущий в последнее время интерес именно к социальной, сословной истории вполне оправдан. Такой подход дает возможность более непротиворечивой интерпретации «этнонимических» терминов из документации XVII – начала XX вв. Несомненно, слова «башкир», «татарин», «мещеряк» в документах этого времени могли использоваться (и использовались) и как именно этнонимы. Но в значительной части источников они выступают как раз таки в роли соционимов – терминов, обозначающих некую сословную группу, сословие. Именно в таком ключе я и постарался схематично изложить историю мещеряков Южного Зауралья XVIII – начала XX вв. Я не претендую на бесспорность изложенного, требуется более обширное изучение ситуации с разными группами населения, изменениями в их обозначениях в документации, анализ административных номинаций (волостей) этого периода и т.д. Несомненно, будут уточнения и поправки, возможно существенные. Но, на мой взгляд, сословный подход к изучению этнических процессов является достаточно перспективным, а изложенная схема сословной истории некоторых тюркских групп Южного Зауралья непротиворечивой и объясняющей ряд «больших» вопросов. Эти моменты я постараюсь рассмотреть в следующих статьях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.
2. *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). – Уфа: Китап, 2005. – 265 с.
3. *ГАПК.* Ф. 238. Оп. 1. Д. 478.
4. *ГАПК.* Ф. 278. Оп. 1. Д. 496.
5. *ГАСО.* Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.
6. *ГАСО.* Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а.
7. *ГАСО.* Ф. 24. Оп. 1. Д. 695.
8. *Исхаков Д.М.* Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. – Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. – С. 75–96, 110–130.
9. *ОГАЧО.* Ф. И–113. Оп. 2. Д. 1011.
10. *Письмо Батырши* императрице Елизавете Петровне. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – 250 с.
11. *Положение о Башкирах.* – СПб.: В типографии Управления Иррегулярных войск, 1863. – 117 с.
12. *ПСЗ-I*, Т. XXV.
13. *Ревизские сказки*, 1811. Д. Усманово Шадринского уезда (сайт ЦГИА РБ) [Электронный ресурс] <http://www.edoclib.gasrb.ru/#/?places=%D0%A3%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0&mode=0&tm=1444154210277&pNo=1&cnt=1&pSz=100&rc=54> – дата обращения: 23.09.2015.
14. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Оренбург: Оренбургское отделение ИРГО, 1887. – 436 с.
15. *Самигулов Г.Х.* К истории татар Южного Зауралья // Научный Татарстан, 2013а. – № 4. Серия: Гуманитарные науки. – С. 70–90.
16. *Самигулов Г.Х.* О тюркских волостях Южного Зауралья XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. – Челябинск: Рифей, 2013б. – С. 314–334.
17. *Самигулов Г.Х.* Ичкинские юрты: новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв. ред Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014а. – С. 92–97.
18. *Самигулов Г.Х.* Багарякские татары // Вестник Челябинского государственного университета, 2014б. – № 8 (337). Серия История. Вып. 59. С. 15–17.
19. *Самигулов Г.Х.* Формирование тюркских этнических групп в условиях сословного Российского государства (на примере ичкинских татар) // Ази-

атско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Сборник научных статей. – Владивосток: «Дальнаука», 2014в. – 275 с. – С. 228–229.

20. *Самигулов Г.Х.* Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. – № 14 (369). Серия История. Вып. 64. С. 45–50.

21. *Список населенных мест.* Часть II. Оренбургская губерния, 1866. – Уфа: Китап, 2006. – 260 с.

22. *Список населенных мест* Челябинского уезда. – Челябинск: издание уездного земства, 1916. – 215 с.

23. *ЦГИА РБ.* Ф. И–138. Оп. 2. Д. 503.

24. *ЦГИА РБ.* Ф. И–138. Оп. 2. Д. 768.

Список сокращений

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Выпуск I

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

Информация об авторе

Самигулов Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); gayas@mail.ru

Samigulov Gayaz Khamitovich, the candidate of historical sciences, the senior researcher of South-Ural State University (с. Cheliabinsk); gayas@mail.ru

УДК 94 (470.40/43)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ КАЗАНИ

© 2015 г. Л.М. Свердлова

Статья посвящена рассмотрению вопроса межнационального общения в полиэтнической среде казанского купечества, как основы развития торгово-промышленного капитала и создания условий для формирования общероссийского рынка.

Ключевые слова: Казань, купечество, предпринимательство, общероссийский рынок, ярмарки, межнациональное общение.

RUSSIAN LANGUAGE AS THE LANGUAGE OF INTERNATIONAL COMMUNICATION IN THE TRADE ENTERPRISE ENVIRONMENT OF PREREFORM KAZAN

L.M. Sverdlova

The article is devoted to consideration of a question of international communication the multiethnic environment of the Kazan merchants, as bases of development of the trade industrial capital and creation of conditions for formation of the all-Russian market.

Keywords: Kazan, merchants, business, all-Russian market, fairs, international communication.

Нашей жизнью правят стереотипы. Они укоренились и в истории. Одним из таких устоявшихся мнений является утверждение о том, что татары дореволюционной Казани не только не знали русского языка, но и сопротивлялись его изучению. Отчасти это верно. Все зависит от того, какую часть татарского населения рассматривают историки. Мы же сегодня поговорим о роли русского языка в предпринимательской деятельности казанских татар и речь будет идти о первой половине XIX в. Это был период, когда в России развивались товарно-денежные отношения и действовали беспощадные законы рынка, жесткая конкуренции в торгово-предпринимательской среде, независимо от национальной принадлежности ее членов, когда выжить мог только тот, кто приспособился к постоянно изменяющейся рыночной конъюнктуре и смог действовать в новых условиях, которые диктовал рынок.

Известно, что обособленности татарского населения Казани от влияния русского языка и русской культуры способствовало расселение татар за озером Кабан и протокой Булак, куда они были насильственно выселены после событий 1552 года. Запрет переступать водную границу привел к созданию в этой части Казани Старой и Новой татарских слобод, которые позднее стали рассматриваться как отдельная административная единица Казани. С 1781 г. она получила свой орган управления – Казанскую татарскую ратушу. Здесь же находился и хозяйственный центр – Сенной базар, с торговыми помещениями, гостиницами и постоялыми дворами, работали чайханы, действовали мечети, а при них мектебы и медресе. Сохранение относительной отчужденности от русского населения стало одной из основ развития татарской нации.

Но так ли уж был обособлен татарский предприниматель от влияния российской экономики, ограничивался ли он только территориально сравнительно небольшой частью татарских слобод для успешного развития бизнеса, конечно нет. Мы видим, что крупные татарские купцы имели лавки в Гостином дворе – центре торговой жизни города, на Хлебном базаре, а также на центральном городском торге – Рыбном базаре. Лавки татарских и русских купцов находились по соседству, что создавало возможность общения, основу экономических связей, взаимовыгодные предпринимательские отношения.

Например, наибольшее число лавок в Казанском Гостином дворе в первой четверти XIX в. имели Л. Крупеников и М. Юнусов. Примечательно, что они торговали в соседних лавках, общение приводило к завязыванию определенных экономических отношений. Оба купца занимались чайной торговлей на Кяхтинской ярмарке, вывозили на обмен чай, фаянс, шелк и др. продукцию со своих кожевенных предприятий. При провозе товара на Кяхту и вывозе его на иркутской таможене купцы обязывались уплачивать пошлину, причем разрешалось вносить деньги после реализации товара. Страхуясь от возможного разорения торговца, власти требовали поручительства имуществом от других купцов. Так, в 1826 г. Г.М. Юнусов должен был уплатить огромную сумму в 100 тыс. руб. пошлины, и за него поручились богатейшие купцы Казани, включая Л.Ф. Крупенникова (НА РТ, ф. 114, оп. 1, д. 593, л. 13–14; 18–19.).

В руках татар находилась городская мелочная разносная торговля фруктами, развоз питьевой воды, покупка и продажа так называемого «шурум-бурума», иными словами, разного рода старья.

Казанские предприниматели, и это общеизвестно, занимали лидирующие позиции на российских торжищах: Нижегородской и Ирбитской ярмарках, региональных ярмарках Поволжья, Приуралья и Сибири, устанавливали активные торговые связи со столицами государства.

В Нижний Новгород казанские купцы доставляли традиционные товары. Но к середине XIX в. на первое место выходят зерно, мука, ржаная и крупчатая, овес, различные крупы, семя льняное. Значительно увеличиваются поставки хлопчатобумажных тканей: китайки и кумача, валяной обуви, кулей, рогож, циновок, дорогих экипажей и дешевых телег, колес, поташа, шадрика. Казанцы закупали на ярмарке все, что пользовалось спросом на торгах Урала, Сибири и Средней Азии (Мельников, 1846, с. 31, 67, 87, 90, 99–100, 106, 116 и др.). Большинство сделок совершалось в кредит, за наличные реализовывалось не более 10–20% товара.

В 1804 г. мусульмане-торговцы, ставшие членами мусульманского ярмарочного прихода на Макарьевской ярмарке, составили 58 чел. или 5, 2% от числа торгующих. Они приехали из Казани и Казанской губернии (32 чел.), Арска (2 чел.) Астрахани (5 чел.), Касимово и Касимовской округи (6 чел.) Оренбурга и Каргалы (4 чел.), Бухары (2 чел.). У 7 чел. место, откуда приехал торговец, не названо. По социальной принадлежности половина из них – гильдейские купцы (28 чел. и 1 – купеческий сын). 9 чел. были выходцами из торговых татар, 4 чел. принадлежали к служилым татарам, 4 чел. – крестьянству, 2 чел. входили в сословие мещан. У остальных 10 чел. социальное происхождение не указано (Подсчитано по: Сенюткина, Загидуллин, 2006, с. 123–124). Свои лавки имели казанские купцы Ибрагим Мустафин, Мухмин Тагиров, Сулейман Надыров, московский купец Мустакаев, касимовский татарин Мурза Алымов (Сенюткина, Загидуллин, 2006, с. 24–25).

В конце 1850-х гг. из числа 15 тыс. торговцев, зарегистрированных на ярмарке, татары составляли 300 чел. или 2% (Подсчитано по: Богородицкая, 1989, с. 16).

На ярмарке существовали Татарский ряд, где товар предлагали азиатские и татарские купцы. В 1812 г. привоз «разного бухарского пушного товару, кумачей, китаек и юфти» составил 3 146 000 руб., а его реализация достигла 1 415 000 руб., т.е. 45% привоза. Оставшийся товар после закрытия ярмарки купцы направляли в Москву и на другие российские торжища (Подсчитано по: Макарьевско-Нижегородская ярмарка, 1997, с. 185).

Торговали татары и в Мыльном ряду. «Мыло, в красивых ящиках и ящичках, белое и желтое расположено шахматами по полкам и прельщает зрение; на прилавках покоятся огромные массы. Казанские татары здесь – главные действующие лица» (Погодин, 2000, с. 91). В 1812 г. сумма привезенного на ярмарку мыла составила 352 000 руб., а его продажа – 233 000 руб., т.е. 62,2% от привоза (Макарьевско-Нижегородская ярмарка, 1997, с. 186).

Мыло, произведенное на своих предприятиях, в 1822 г. предлагали казанские купцы Абдул Карим Юнусов, Ахмет Заманов, Юсуп Апанаев, Хусаин Апанаев, Мухмет Шатунов. В 1834 г. в том же Мыльном ряду торговали купцы Юсуп Арсаев, Сулейман Апанаев, Губайдулла Юнусов, Ибрагим Суеров, торговые мещане Мухамет Шабатырша Мемешев, Тазей Мукашев, Хайбулла Мукашев, «купецкие дети» Мухамет Валей и Тутиф Ахметовы, князя Замановы (Сенюткина, Загидуллин, 2006, с. 46–47).

«Казанские и астраханские татары, – писал один из современников в 1827 г., – привозят сюда более всего мыло, отменной доброты и весьма охотно здесь покупаемое, прекрасный сафьян и всякого рода товары, делаемые из этой кожи, наконец, овчинные и мерлушечьи тулупы. Количество мыла простиралось до 1000 пудов, продавалось от 7 руб. 75 коп. до 8 руб. 25 коп. за пуд» (Богородицкая, 2000, с. 61–62).

Значительную часть обслуживающего персонала Нижегородской ярмарки составляли татары Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний. «Татары отправляют все трудные работы на сей ярмарке, – писал современник в 1827 г., – они переносят тяжелые товары и служат в балаганах. Они трудолюбивы и без всякого ропота исполняют возлагаемые на них дела» (Сенюткина, Загидуллин, 2006, с. 48.). В начале XX в. А.П. Мельников отмечал: «И до сих пор на ярмарке чернорабочих и мелкой прислуги много татар, старину же здесь почти исключительно были татары, целыми толпами приходившие сюда к ярмарочному времени из пределов соседней Казанской губернии и из Сергачевского уезда Нижегородской ... Это были очень дешевые и самые выносливые работники, довольствовавшиеся самым ничтожным заработком и жившие почти под открытым небом...» (Мельников, 1993, с. 44).

А достаточно ли было для успешного ведения дела знание татарскими купцами только восточных языков? Конечно, без владения ими невозможно было наладить бизнес на Востоке, в Азии, а именно туда издавна устремлялись экономические интересы казанских предпри-

нимателей? Что изменилось для них в XIX в., особенно во второй его половине? Рынки Средней Азии, в результате присоединения среднеазиатских государств к России, оказались открытыми для российского бизнеса, неизмеримо возросла конкуренция и татарских предпринимателей стали вытеснять с восточного рынка, так как товары, произведенные на мануфактурах татарских предпринимателей, не выдерживали конкуренции с российскими товарами.

И вновь поставим вопрос, нужно ли было знание русского языка для успешной торгово-предпринимательской деятельности татарскому купцу? Ответ очевиден. Но его изучение, как известно, не было заложено в программу мектебов и медресе.

Прорыв в этом вопросе был осуществлен известными предпринимателями, благотворителями и общественными деятелями Юнусовыми. Они во многом были первыми: стали первыми миллионерами из татар, Ибрагим Юнусов получил высокое звание коммерции советника, благодаря которому был вхож в высшие эшелоны власти и вошел в предпринимательскую элиту страны, Юнусовы открыли двери своего дома для приема высоких российских и зарубежных гостей.

6 декабря 1844 г. братья Ибрагим и Исхак Юнусовы открыли первый детский приют для мальчиков-татар, выстроили для него дом с постройками и яблоневым садом, подарили приюту 14 родовых лавок при Сенной мечети, ими же построенной, поставляли приюту дрова, продукты питания. Ежегодно для содержания приюта татарские предприниматели Казани собирали до 2,5 тыс. руб. Это был единственный приют города, который не имел капитала в банке. Приют содержал до 40 мальчиков, которые получали не только религиозное образование. В приюте действовали русские классы, где дети осваивали программу российской начальной школы, а при выпуске из приюта сдавали экзамены. Это вызывало недовольство определенной части мусульманского духовенства и татарского населения. Но в этом вопросе Ибрагим Юнусов, как признанный авторитет в среде татар, и Ш. Марджани, видный религиозный деятель, ученый и педагог действовали очень слаженно. Последний придерживался позиции: татарин должен знать язык и законы страны, в которой он живет.

Выпускники юнусовского приюта распределялись приказчиками в лавки татарских купцов, и знание русского языка обеспечивало их работой.

В 1900 году в Казани действовали татарская учительская школа и 9 учебных заведений с обучением русскому языку, в которых обуча-

лось 457 учащихся. В то же время в городе работало 15 мектебов и медресе, в которых получали образование 1245 юношей. Иными словами, из всего числа получающих образование 1702 татарских юношей, 32% обучались русскому языку, а 73% получали религиозное образование без его изучения. Несколько позднее при медресе в Новотатарской слободе на Большой Симбирской улице действовал русский класс (30 мальчиков), а в русской городской школе для татарских мальчиков на улице Тихвинской обучалось 95 чел. (НА РТ, ф. 359, оп. 1, д. 340, л. 2–4 об.).

Рассмотрим сословный состав юношей трех учебных заведений, имевших русские классы в 1900 году:

Учебные заведения	духовных	купцов	мещан	крестьян
Русская городская школа для татарских мальчиков. Тихвинская ул., д. Мухутдинова	4	11	32	48
Русские классы в Юнусовском приюте. Екатериненская ул., д. Юнусова	15	2	9	13
Русский класс при медресе в Новотатарской слободе. Б. Симбирская ул., приходской дом	1	–	9	20
Итого	20 (12,2%)	13 (7,9%)	50 (30,5%)	81 (49,4%)

Купечество стремилось дать знание русского языка своим детям, понимая, что это может послужить развитию семейного дела, обеспечит полноценную работу на российском товарном и сырьевом рынках, расширит границы торговой деятельности, а, значит, может обеспечить более твердое положение на рынке, где господствовали законы конкуренции.

Мусульманское духовенство стремилось обеспечить своим детям возможность прокормить в будущем себя и семью. Занятие духовной должности предполагало получение иного образования, а получение начального образования в вышеназванных учебных заведениях готовило выходцев из семей мусульманского духовенства к поиску работы на рынке товаров и услуг.

Почти половина обучающихся были выходцами из среды крестьян, и почти треть – из мещанского сословия, т.е. дети крестьян и мещан составляли подавляющую часть обучающихся. Именно эти сословия поставляли на рынок труда тех, кто работал приказчиками в многочисленных торговых заведениях, вел закупочные операции, разъезжая по селам и деревням, пробавлялся мелочным развозным и разносным торгом, обслуживал посетителей в различных точках общепита и т.д., иными словами, входил в многочисленный слой «работников прилавка», непосредственно контактирующих с покупателями. А это предполагало хотя бы элементарное знание русского языка.

В начале XX столетия в среде татарских купцов стало достаточно распространенным явлением получение юношами, закончившими медресе, сдача экстерном экзаменов за курс гимназии с целью получения в дальнейшем высшего светского образования (Фатых Амирхан, Исмагил Апаков и др.).

Одной из особенностей общественной жизни Казани начала XIX в. было параллельное существование национальных сословных обществ. Татарское мещанское общество включало и ремесленников, в то время как русское податное сословие было разделено на мещанское и ремесленное. Купеческое общество было также разделено по национальному признаку. Для ведения дел купеческого и мещанского сословий Старой и Новой татарских слобод, выделенных в самостоятельную городскую единицу, была открыта Казанская татарская городская ратуша. Первые выборы в нее прошли в 1784 г.

Состав ратуш в российских городах и слободах определялся в каждом случае отдельно, исходя из местных условий. Руководство Казанской татарской ратуши составили бургомистр, два ратмана, купеческий и мещанский старосты и их помощники. Жители татарских слобод избирали судей в совестный и торговый словесный суды, посылали своих представителей для работы в Казанский губернский и городской магистраты, в палаты гражданского и уголовного суда. Вопросы, которые решались на собраниях жителей татарских слобод, во многом были сходны с теми, что ставились в повестку дня русского городского общества. Но были и отличия. Как пример можно привести выборы членов в мусульманское духовное собрание.

10 ноября 1834 г. следственные, гражданские и уголовные дела, заведенные в отношении татар казанцев и находившиеся в производстве городского магистрата, а вместе с ними и функции городского судебного органа, были переданы в ведение Казанской татарской ра-

туши. Результатом такого решения стало совмещение административных и судебных функций в деятельности ратуши. Татарская ратуша решала все уголовные и гражданские дела, наблюдала за раскладкой и сбором податей, отбыванием повинностей татарским городским населением, городским хозяйством и благоустройством, ограниченным рамками казанских татарских слобод. Отныне татары окончательно переходили в подведомственность этого органа местного самоуправления, что значительно повысило статус ратуши, сделало ее полновластным органом самоуправления, правда, ограниченного рамками двух городских слобод.

Одним из следствий решения о расширении функций Казанской татарской ратуши стало значительное возрастание числа дел, находившихся в ее производстве, что привело к увеличению штата этого городского органа управления и суда за счет столоначальников – повытчиков, возглавлявших подразделения ратуши, губернского регистратора и журналиста, в обязанность которого входило оформление журналов заседаний ратуши. Названные должности замещались из числа русских, так как вся документация велась на государственном языке Российской империи. Эти лица значились в штате губернского правления, им назначались, и им же увольнялись от должности. Так как дела велись на русском языке, то и проверить их оформление члены ратуши не всегда могли, как «не знающие российской грамоты». По сути дела, это означало, что выбранные от татарского общества члены ратуши оказались в зависимости не только от коронной администрации, но и от мелких служащих, введенных в состав местного органа самоуправления губернским правлением. И такое положение нельзя назвать нормальным. Подобное положение требовало подготовки национальных кадров, знающих русский язык и хорошо разбирающихся в российских законах.

Сословные старосты – важные общественные должности в системе городского сословного управления. Традиционно помощником городского старосты в Казани избирался татарин. Помощник старосты часто замещал его, работая самостоятельно. Корпоративных старост и их помощников избирали на один год на сословных собраниях и функции купеческого старосты были достаточно обширными. Старосты подготавливали корпоративные и общесословные городские собрания, подбирали повестку дня их работы, в соответствии с ней готовили документы, необходимые для принятия решений. На самих общественных сходах они председательствовали, отвечали за порядок,

выполнение общественных повинностей членами сословной корпорации. Старосты готовили ответы на многочисленные запросы различных служб и ведомств коронной администрации, составляли документы по запросам городской думы и городской управы. После введения буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. составляли списки ополченцев и кандидатов в присяжные заседатели, обязаны были отмечать и доводить по инстанции все изменения по податным спискам, например переход в другое сословие, перемена места жительства, поступление на постоянную военную службу или смерть ополченца. Старосты составляли и формулярные списки об общественной службе на лиц, выдвигаемых на получение званий коммерции и мануфактур советников, потомственных и личных почетных граждан, на получение правительственных наград за общественную службу или щедрую благотворительность, либо за выполнение производственных заказов правительства. Старосты обязывались доводить до сведения заинтересованных лиц извещения Казенной палаты о торгах на государственные и городские подряды, в том числе и по военному ведомству. И, исполняя должности помощника старосты, представитель татарского населения должен был не только знать русский язык, но и свободно им владеть.

К обязанностям старост относилось и составление явочных списков, для приглашения купцов на собрания. В этих списках существуют пометки, позволяющие определить уровень знания русского языка татарскими предпринимателями. Проанализируем данные, списка, составленного на 1 января 1870 г. (НАРТ, ф. 299, оп.1, д. 27, л. 3–9 об.). В него было внесено 433 фамилии казанских купцов, в том числе 110 татар (25,4% списочного состава). Отметка «по-русски читать и писать умеет» стоит рядом с 39 татарскими фамилиями, что составляет 35,5% от их общего числа, или, иными словами, более 1/3 купцов владели русским языком на достаточно высоком уровне. Отметим, зачастую и не все русские купцы были элементарно грамотными.

Если же рассмотреть эти данные по гильдиям, то окажется, что 13 татарских купцов-оптовиков и промышленников, из 19 чел., записанных в 1 гильдию, или 68,4%, владели русским языком. Во 2 гильдию был вписан 91 татарин, из которых 26 чел. (28,6%) читали и писали по-русски. При этом не бралось во внимание такое важное обстоятельство: понимают ли остальные купцы по-русски, владеют ли они разговорной речью, могут ли объясниться с русским покупателем.

Сделаем выводы: Несмотря на противодействие некоторых слоев татарского общества, русский язык как язык межнационального обще-

ния закрепился во второй половине XIX в. в среде татарского населения. Этому способствовало как экономическое развитие страны в целом, так и ее национальных регионов, вовлечение татарского населения в рыночные отношения, участие татар в органах городского самоуправления, необходимость подготовки национальных кадров татарской интеллигенции с целью сохранения татарской нации. Постепенно стали создаваться русские классы и городские учебные заведения с изучением русского языка для татарского населения, как важный шаг в деле межнационального экономического, культурного и бытового общения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка – крупнейший центр внутренней и международной торговли а первой половине XIX в.: Учеб. пособие. – Горький: Изд-во ННГУ, 1989.
2. *Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку воспитанника Московской практической академии Николая Тярина // Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. – Н. Новгород, 2000.
3. *Макарьевско-Нижегородская ярмарка.* Очерки истории. – Н. Новгород, 1997.
4. *Мельников П.* Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 годах. – Н. Новгород, 1846.
5. *Мельников А.П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. – Н. Новгород: Изд-во АО НКЦП, 1993.
6. *НА РТ.* Ф. 114. Оп. 1. Д. 593. Л. 13–14; 18–19.
7. *НА РТ.* Ф. 299. Оп.1. Д. 27. Л. 3–9 об.
8. *НА РТ.* Ф. 359. Оп. 1. Д. 340. Л. 2–4 об.
9. *Погодин П.М.* Дорожные записки // Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников. – Н. Новгород, 2000.
10. *Сенюткина О.Н., Загидуллин И. К.* Нижегородская ярмарочная мететь – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). – Н. Новгород, 2006.

Информация об авторе

Свердлова Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань); sverdlm@yandex.ru

Sverdlova Lyudmila Mikhaylovna, the candidate of historical sciences, associate professor, Kazan (Volga region) Federal university (с. Kazan); sverdlm@yandex.ru

УДК 94(470)"18"

**ЦЕРКОВЬ ДЛЯ МУСУЛЬМАН? ОРЕНБУРГСКОЕ
МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ В КАЧЕСТВЕ
ЗОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ИМПЕРСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ АКТОРОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***

© 2015 г. Е.Ю. Смоларц

В данной статье рассматривается деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания с учетом взаимодействия имперских и мусульманских акторов, их интересы и приоритеты, нашедшие воплощение в процессе становления института и в развитии институциональных механизмов. Исследуются центральные направления регулирования государственно-конфессиональных отношений, создание нормативной основы, модификация ритуальной стороны и образование новой системы взаимодействия между губернскими административными инстанциями и мусульманским духовенством. Кроме того, особое внимание будет уделено механизмам создания иерархии мусульманского духовенства. Каким образом такие нововведения как административное разграничение махаллей, локальная регистрация мусульман и укоренение верноподданничества повлияли на деятельность исламского духовенства? На основе данного анализа будет критически пересмотрен тезис Роберта Крюса, являлось ли Оренбургское Магометанское Духовное собрание церковью для мусульман.

Ключевые слова: Оренбургское магометанское духовное собрание, ислам в Российской империи, конфессиональная политика, улама, имам, муфти.

**CHURCH FOR ISLAM? ORENBURG MUSLIM SPIRITUAL
ASSEMBLY AS FIELD OF INTERACTIONS FOR IMPERIAL
AND MUSLIM ACTORS IN THE FIRST HALF OF XIXth CENTURY**

E.Yu. Smolarz

In this Paper, the Orenburg Muslim Spiritual Assembly will be analysed as interaction field of imperial and Muslim actors. Their interests and demands shaped the process of institutionalization and establishment of institutional mechanisms.

* Автор статьи благодарит федеральное министерство образования и научных исследований Германии за финансирование научного объединения «Crossroads Asia» и проекта «Mobility in the mobilized space: Interaction between autochthonous population and colonial power in the 19th century», в рамках которого была написана данная статья.

The research focuses on state regulations towards Islam, on modification of Islamic rituals, and on creation of new networks and interaction patterns between local administration and 'ulamá'. To which extent did processes of hierarchisation of 'ulamá', limitation of mahalla, local registration of Muslims, and embedding of sense of political loyalty under Muslims influence the position of 'ulamá'? Based on this analysis, the thesis of Robert D. Crews – Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly was the Church for the Muslims – will be a critical review.

Keywords: the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, islam in the Russian Empire, confessional policy, an ulama, the imam, muftis.

Основанное в 1788 году Оренбургское Магометанское духовное собрание¹ получает различную оценку в исторических исследованиях. В своей книге «За Пророка и Царя» Роберт Д. Крюс выдвинул следующий тезис: «Оренбургское Магометанское Духовное собрание было, своего рода, церковью для мусульман. Чтобы понять потенциальный вклад ислама в Империю, сподвижники Екатерины намеревались найти способ, который дисциплинирует веру и ее священнослужителей, а также вовлечет их в государственную службу. Они создали учреждение, по подобию русской православной церкви, со структурными элементами предполагаемых хранителей исламской традиции османов. Чиновники не стремились воссоздать точную копию османского религиозного учреждения. Все же они стремились создать институт, который, по их мнению, соответствовал бы подлинным религиозным нормам, которых придерживались их противники. С точки зрения царских сподвижников эти должности казались соответствующими духовным степеням в церкви. Эти сходства предполагали возможность, даже необходимость, организации централизованной духовной иерархии под руководством государства» (Крюс, 2006, с. 50).

Таким образом, Духовное собрание рассматривалось как инструмент имперской политики – модифицированная церковь, включающая элементы религиозной структуры Османской империи. Можно ли так однозначно оценивать предпосылки и модель создания Духовного собрания? Алан Фишер видит в качестве модели для Духовного собрания исключительно иерархические структуры уламы в Крымском ханстве (Фишер, 1970, с. 150). Михаэль Кемпер же придерживается мнения, что образцом могли послужить институт «Ильмие» Османской империи или иерархия мусульманского духовенства Бухарского эмирата (Кемпер, 1998, с.40). Кроме того, в качестве вероятных отцов-основателей рассматриваются симбирский и уфимский наместник ба-

¹ Далее в статье будет именоваться «Духовное собрание».

рон Осип Игельстром (Фишер, 1970, с.150), первый муфтий Мухаммеджан ибн аль-Хусаин (Азаматов, 1999, с. 22–23; Кемпер, 1998, с.53; Гарипов, 2003, с. 75) и советник наместничества Дмитрий Б. Мертваго (Азаматов, 1999, с. 20–21 и сноска 54), т.е. фигуры губернской величины. Это доказывает, что инициатива основания Духовного собрания исходила не из Санкт-Петербурга, как утверждает Крюс.

Чтобы избежать поверхностных суждений, нужно учитывать не только официальную позицию Российской империи, но и позицию мусульман, как вовлеченных в деятельность Духовного собрания, так и сторонних наблюдателей. Следовательно, имеет смысл использовать не только нормативные и административные документы, но и историографические тексты мусульманских авторов. Ведь только с учётом имперских, внутриинституциональных и мусульманских позиций можно достичь действительно глубокого понимания всей сложности институционной конфигурации и взаимодействия ключевых фигур.

После тщательного исследования исторических документов Духовного собрания² стало возможным воссоздать условия возникновения учреждения, сферы его компетентности, ключевые фигуры и конфигурации института, а также институциональную практику. Судебные акты и судебные иски позволяют составить представление о существовавших сферах проявления конфликтов и о стратегиях их решения. Оценка легитимности Духовного собрания и его деятельности дана в произведениях некоторых представителей мусульманской элиты, лояльной правительству Российской империи, например в мемуарах второго муфтия Абдессалама бин Абдаррахима (был муфтием в 1825–1840 гг.)³. Личности муфтиев и заседателей Духовного собрания и их деятельность отображена в коллективных биографиях улемов Волго-Уральского региона, представленных в трактате Шигабуддина Марджани (1818–1889) «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгара) и в историко-библиографической книге Ризаэтдина бин Фахраддина (1859–1936) «Асар». Помимо непосредственно биографий отдельных муфтиев и заседателей, они содержат тексты официальных документов (фетвы и письма), которые, с одной стороны, проливают свет на основные сфе-

² Данные акты хранятся в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦИА РБ) в фонде И–295.

³ Они были опубликованы в газете «Шура». Экземпляры копий находятся в Отделе рукописей Центральной государственной библиотеки Республики Башкортостан в г. Уфа.

ры интересов мусульманского духовенства, а с другой стороны, способствуют пониманию их мотивации, позиции и образа действия. Эти биографические источники содержат ценнейшую информацию о том, в какой мере признавалось и чем оправдывалось сотрудничество мусульманского духовенства с имперским правительством.

Становление отношений между государством и религией, точнее сказать, между государственными структурами и ключевыми фигурами, а так же мусульманскими религиозными иерархиями нуждается в рассмотрении прежде всего на структурном уровне. Поскольку инициатива в данном вопросе в Российской империи конца XVIII века исходила от внутривластных ключевых фигур, они и определяли способы этого взаимодействия. Как в католической, так и в евангелической церкви были произведены определённые изменения на уровне высших постов духовной иерархии (Амбургер, 1996, с. 178–182; Тихонов, 2007, с. 80–99). Религиозная элита мусульман и то, как мусульмане практиковали свою религию, также претерпевало изменения. При помощи Духовного собрания были реализованы следующие меры:

- более сильная иерархизация и структурирование «улемы» и её привязка посредством Духовного собрания к имперской системе управления;

- активное участие в исламском правовом диспуте на территории Российской империи;

- модификация исламских обрядов и использование их как медиума для закрепления политической лояльности мусульман;

- унификация положений по строительству и ремонту мечетей и разработка новых типов мечетей;

- введение новых положений по разграничению мусульманских общин, официальное признание их права в отношении выбора улемов и в отношении строительства мечетей, с одновременным нормированием процесса в соответствии с государственными установками;

- закрепление за мусульманским духовенством нотариальных функций: регистрация случаев рождения и смерти, бракосочетания и развода, оформление метрических справок и ведение статистического учёта мусульманских общин.

Анализ государственных требований, предъявляемых к Духовному собранию, показал, что в период основания данного института преобладала функция управления. В первые тридцать лет деятельности института превалировало стремление вовлечь мусульманское духовенство в сферу действия (юрисдикцию) Духовного собрания посредством проверки их компетентности и официального разрешения на исполнение

духовной должности (ПСЗ–1, т. XXII, № 16710). Традиционный способ проведения выборов улемов был институционализирован государством и дополнен новыми этапами проверки и официального утверждения в чине главой местного управления. В ходе нивелирующей политики Николая I был создан слой улемов, лояльных к правительству Российской империи. Следующим шагом послужило включение мусульманских общин в сферу деятельности Духовного Соборания и регулирование вопросов, связанных с религиозными обрядами. Концептуальная функция заключалась в укоренении общеимперских положений в форме религиозных ритуалов и религиозных наставлений. Институциональная конфигурация указывает на двойную функцию данного института: как административный институт, Духовное собрание подчинялось Оренбургскому губернатору (ПСЗ–1, т. XXII, № 16710). Как религиозное учреждение, в первой половине XIX века оно подчинялось Департаменту духовных дел иностранных исповеданий, а, следовательно, Министерству внутренних дел (ПСЗ–1, т. XXXIV, № 27106). Здесь следует отметить, что создание институциональной структуры для урегулирования религиозных дел на министерском уровне заняло несколько десятилетий, что указывает на отсутствие чёткой и последовательной имперской религиозной политики. В сущности, Духовное собрание было задумано как своего рода инстанция, для местного самоуправления автохтонного населения с учетом религиозной специфики на периферии империи (как *управа* и *консistorия*). В ходе становления института были учтены традиционные элементы иерархии (ср.: Духовное управление мусульман Крыма).

Постепенное становление сферы деятельности института следовало двум тенденциям: сохранению мусульманских традиций и адаптации светских образцов поведения. В сфере семейного права Духовное собрание могло выносить приговор в большинстве случаев самостоятельно, даже если в расследовании участвовали представители губернского управления и полиции (ПСЗ–1, т. I. № 386; т. V, ч. 1. № 3559). Однако же им было запрещено приговаривать осуждённых к телесным наказаниям. В некоторых сферах существовало своеобразное смешение традиционных и новых принципов решения. Регистрация актов гражданского состояния в мусульманских общинах в метрических книгах было совершенно новой задачей для мусульманского духовенства на местах, а опиравшийся на него статистический учёт мусульман Российской империи стал новой сферой деятельности Духовного собрания (ПСЗ–2, т. III, № 2296). Сфера воздействия института должна была включать в себя стабилизацию социального порядка

при помощи создания слоя лояльных посредников из среды мусульманского духовенства, а также за счёт интеграции мусульманских общин в государственную административную систему и укоренение политической лояльности в исламских обрядах и в правовом дискурсе, что подтверждают нормативные документы.

Главными имперскими требованиями, которые предъявлялись к муфтиям как центральным ключевым фигурам Духовного собрания, являлось принадлежность муфтия к числу улемов и его лояльность имперскому правительству, доказанная им в его работе (ПСЗ–1, т. XXII, № 16710). Тесные контакты с мусульманским духовенством и купечеством, а также с имперскими ответственными лицами содействовали назначению на должность. Значение должности муфтия с имперской точки зрения было неоднозначным. Если принимать во внимание жалование, муфтий мог бы быть приравнен к губернатору или епископу, то есть административному или религиозному главе местного масштаба (ПСЗ –1, т. XXIII, № 17174; ЦИА РБ, ф. И–295, оп.3, д. 114, л. 26 об., 32–34; оп. 4, д. 944, л. 55 об.). Однако его юридический статус имел двойственный характер: как иноземец, он должен был подчиняться юрисдикции губернатора, а как высшее духовное лицо, он пользовался своим особым положением, поэтому его дела должны были рассматриваться Сенатом (ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 661, л. 1, 15; ПСЗ–1, т. XXXI, № 24819). Тот факт, что правовой статус муфтия в начале XIX века не был точно определен, позволял повысить значимость позиции муфтия от локальной величины до имперской. Данное преобразование было умело проведено муфтием Мухаммеджаном ибн аль-Хусаином (ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 942, л. 3, 5). Создание должностной позиции муфтия и её включение в имперскую институциональную конфигурацию являлось лишь одной стороной медали. Помимо этого необходимо было добиться признания данного нововведения мусульманами. Мусульманские общины в составе Российской империи на протяжении почти двух столетий самостоятельно регулировали религиозные вопросы. Поскольку для их взаимодействий с государством была характерна асимметрия сил, что обычно выражалось в виде ограничений в отправлении религиозных обрядов, то готовность принять новый религиозный порядок была очень невысокой. В связи с этим фактом необходимо было убедить видных представителей мусульманского духовенства в легитимности нововведений. Для достижения этой цели центральную роль сыграли тесные контакты муфтия Абдессалама бин Абдаррахима с влиятельными купцами и улемами (Фахреддин, т. II, б. 377–379).

Усиление связей между мусульманскими общинами и местными органами власти, которое носило помимо всего прочего и контролирующий характер, привело к тому, что местные государственные инстанции (напр., земские суды) стали поддерживать соблюдение постановлений Духовного собрания, чем поощряли его номинальное признание среди мусульман. Кроме того, авторитет Духовного собрания был значительно повышен за счёт улучшения позиций заседателей, так как таким образом удалось привлечь к сотрудничеству влиятельных представителей мусульманского духовенства. Исполнение циркуляров Духовного собрания было достигнуто благодаря увеличению числа признанных, проверенных и лояльных правительству улемов. Помимо организационно-управленческой функции, которая заключалась в контроле за деятельностью мусульманского духовенства и за выполнением религиозных обрядов, а также в организации жизни общины, Духовное собрание, и прежде всего сам муфтий, должны были выполнять ориентационную функцию. Для этого политические установки были сформулированы в виде фетв, чтобы получить признание мусульманами.

Таким образом, муфтии действовали, как удачно заметил Кемпер, как переводчики ментальных концептов с внутриполитического имперского дискурса на традиционный исламский (Кемпер, 1998, с. 79). С помощью лояльных властям Российской империи улемов и под контролем региональных административных органов осуществлялся перенос новых концептов, которые должны были в свою очередь привести к изменению образцов поведения мусульман. Следование имперским установкам направляло и ограничивало деятельность муфтиев. Кроме того, сотрудничество с государственными органами власти принесло дополнительную весомость позиции муфтиев, что показали дебаты о ночной молитве (Мэржани, 1885, б. 290–292). Этот пример также чётко показал, что поддержка Российской империи распространялась лишь на дела, которые затрагивали внутриполитические интересы. Внутриисламский правовой дискурс мог, как и прежде, протекать автономно и в рамках традиций (Фахреддин, т. II, т. 7, б. 354–356, 374–375, документы 3 и 9).

Должность заседателя Духовного собрания (или кади) была с имперской точки зрения задумана как консультационно-ассистирующая и оплачивалась соответственно. Точное описание статуса данной должности в нормативных документах отсутствовало, что оставляло свободу для интерпретации. В исламской традиции должность кади пользовалась высоким авторитетом. Кади имел право самостоятельно выносить судебные решения, а также должен был исполнять админи-

стративные задачи, касающиеся мусульманских общин. Отсутствие единогласия между имперским и мусульманским взглядами на концепцию данной должности привело к тому, что сначала на должность назначались авторитетные учёные-правоведы, которые, однако, не хотели подолгу ее занимать (Фахреддин, т. II, т. 2, б.62, 74, 77; Мэржани, 1885, б.153–156, 314–315). Далее на эту должность стали назначаться менее известные улемы, которые использовали свою деятельность в Духовном собрании для расширения собственной профессиональной компетентности и для налаживания важных социальных связей (Мэржани, 1885, б.317–323). В некоторых случаях служба в Духовном собрании могла способствовать социальному подъёму и вела к назначению на пост имама казанской мечети (Мэржани, 1885, б.320) или Ярмарочной мечети в Макарьево (Мэржани, 1885, б.319). Благодаря повышению жалования авторитет должности заседателя возрос. Избранные на данный пост имамы оставались на посту по несколько сроков, были лучше образованы и уже на момент назначения имели далеко идущие социальные связи⁴. Данный факт указывает на то, что должность заседателя была институционально утверждена и признана улемами лишь спустя приблизительно 50 лет после её введения. Марджани перечислил биографии заседателей в отдельной главе, что свидетельствует о формировании в историографии новой категоризации (Мэржани, 1885, б. 313–332).

Взаимодействие между муфтиями и заседателями не всегда протекало гладко. Духовное собрание было задумано как коллегиальная инстанция, что было подтверждено впоследствии министерскими постановлениями (ПСЗ–2, т. VII, ч.2, № 5500).

На протяжении десятилетий за должностью муфтия закрепилось первенство. Баланс власти изменялся от муфтия к муфтию. Напряжённость этих отношений выражалась в форме судебных столкновений за разделение сфер деятельности при муфтии Мухаммеджане ибн аль-Хусаине (ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 8514, л. 1, 5–6) и в реформаторских предложениях со стороны муфтия Абдессалама бин Абдаррахима и муфтия Абдулвахида бин Сулеймана о процессе выбора заседателей

⁴ Среди них: мулла Таджиддин бин Максуд бин Курбан'али бин Адани Кул бин Муску ас-Салайиши аль-Хирбивай, мулла Таджиддин бин Муштари бин Мурад'али аль-Утамиши, мулла Аухди бин Искандар бин Са'ид ас-Симатбаши, мулла Сабгатуллах бин Фахриддин бин Валишах бин Мансур бин Алкайи аль-Мусульми бин Багдан и мулла Абдалвали бин На'матуллах бин Ибрагим аль-Атаки (Мэржани, 1885, б. 324–325, 327–329; Умедбаев, 1891, б. 46–47).

(ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 3, д. 114, л. 13–14, 27, 32–34). В качестве регулирующих инстанций выступали соответствующие министерства.

Наряду с созданием институциональной иерархии была преобразована региональная иерархия мусульманского духовенства. Создание слоя лояльных правительству улемов должно было стабилизировать социальный порядок среди мусульман. Духовные должности были лимитированы и привязаны к статусу мечети (ПСЗ–2, т. X, ч. 2, № 8663). Таким образом, государство стремилось ограничить географическую мобильность улемов. Созданная иерархия (соборный имам, пятничный имам и пр.) давала возможность вертикальной социальной мобильности. Ограничение духовных должностей и образование институциональной монополии для распределения должностей обострили борьбу за власть среди представителей духовенства. В этой связи часто применялись следующие стратегии: передача должности по наследству (от отца к сыну) (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 12, протокол заседания от 04.01.1840, запись № 2 и 13), изменение статуса мечети (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 21, протокол заседания от 27.01.1843, л. 355–356), что делало возможным получение дальнейших должностей и, наконец, доносы на коллег с целью снятия их с должности (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 8, д. 115, л. 1 и 25–26; оп. 26 д. 45, л. 290–293). Если имам не уделял должного внимания нововведениям в религиозной практике, это могло повлечь за собой снятие с должности. К таким нововведениям относились молитвы за благоденствие императорской семьи (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 49, протокол заседания от 06.09.1851 (запись № 15), л. 80 об.), соблюдение общеимперского положения о погребении умерших через три дня после смерти (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 36, протокол заседания от 08.04.1847, запись № 12), о возрастном ограничении при вступлении в брак (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 12, протокол заседания от 24.01.1840, запись № 6), а также безошибочное ведение метрических книг (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 49, протокол заседания от 12.09.1851, запись № 7, л. 152–155). Регулирование деятельности мусульманского духовенства, назначение их на должность и снятие с нее привело к изменению соотношения сил среди духовенства и созданию нового центра власти (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 45, протокол заседания от 08.02.1850, л. 290–293). Сохранение старых мусульманских традиций и следование новому образцу взаимодействия с представителями Российской империи привело к изменению социальных стратегий улемов.

Изменение мусульманских обрядов следовало, главным образом, двум основным тенденциям: укоренению политической лояльности

среди мусульман и изменении традиционного уклада жизни под влиянием общеимперских устоев (концептов). В обоих случаях процесс изменения сопровождался заложением ментальных основ посредством исламского юридического заключения, которое должно было подтвердить совместимость политических концептов с исламской традицией и таким образом легитимировать нововведение. Регулирующую функцию при этом исполняли как Департамент духовных дел иностранных исповеданий, так и губернские управления. Имамы должны были реализовывать соответствующие меры на местах. Органы местного управления контролировали процесс. Несоблюдение нововведений рассматривалось как нарушение не только религиозного, но даже политического и гражданского долга. Подобное нарушение расследовалось и каралось не только религиозной инстанцией, но и государственными судами (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 3, д. 1965, л. 176, 176 об.).

Чтобы претворять в жизнь постановления Духовного собрания на местном уровне и следить за их исполнением, были разработаны конфигурации, включающие местные ключевые фигуры. В качестве соответствующей заверяющей инстанции выступали начальники кантонов и губернаторы. Полицейские чиновники и судебные заседатели были задействованы в расследовании дел (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 11, д. 23, 31, 130; оп. 2, д. 9, протокол заседания от 09.08.1836). Только в случае подачи прошений о строительстве или перестройке мечетей, а также о выборе улемов, должен был соблюдаться определённый порядок. В остальном же, автономия в решении внутренних вопросов общины продолжала своё существование ещё несколько десятилетий.

Поскольку мусульманское духовенство оказывало большое влияние на жизнь общины, то при выборе кандидатов могли сталкиваться интересы нескольких влиятельных акторов, что выливалось в борьбу за подписи в общественном приговоре. В качестве аргумента в пользу назначения на должность рассматривалась воля большинства общины, а также высокая профессиональная квалификация и нравственность кандидата (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 9, протокол заседания от 22.07.1836, запись № 7; протокол заседания от 18.08.1836, запись № 4). В качестве стратегии в борьбе за власть между имамами преобладали обвинения действующему имаму в том, что он не исполняет надлежащим образом своих обязанностей (напр., не читает молитву о благополучии императорской семьи), из-за чего община выражала недовольство и просила назначить другого имама (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 45, протокол заседания от 10.02.1850, л. 382). При перечислении невыполненных обязанностей ссылались главным образом на имеющиеся государственные

постановления, исполнение которых контролировалось местными органами власти. Таким образом, включение мусульманских общин и духовенства в государственную систему управления Российской империи оказало влияние на изменение репертуара аргументации.

Благодаря введению метрических книг, имамы на местах регистрировали акты гражданского состояния мусульман и их изменения. Статистические сведения пересылались в Духовное собрание, а оттуда через губернское управление в Министерство внутренних дел. Таким образом, Духовное собрание координировало и контролировало сбор данных о мусульманских подданных, что являлось новым аспектом административной функции. Дополнительная нотариальная функция была связана с оформлением метрических справок (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 9, протокол заседания от 10.06.1836, запись № 24). Ориентированное на имперский лад ведение метрических книг являлось следующей задачей имамов, выполнение которой было решающим, когда речь заходила о дальнейшем нахождении на данной должности. Единоличным ведением метрических книг имамы пытались повысить статус своих духовных должностей, что влекло за собой повышение социального престижа и возможность дополнительных источников дохода (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 49, протокол заседания от 06.09. 1851, запись № 20, л. 83об–84 об.). Для того, чтобы ослабить позиции своих коллег, некоторые имамы, ссылаясь на старшинство, не давали им вносить в метрические книги зарегистрированные браки, разводы, а также случаи рождения и смерти. Кроме того, конкурентов обвиняли в заведомо ложном ведении записей (ЦИА РБ, ф. И–295, оп. 2, д. 9, протокол заседания от 04.08. 1836, запись № 9; д. 21, протокол заседания от 25.01. 1843, запись № 2, л. 346–347). Расширение определяемых правительством задач мусульманского духовенства приводило к развитию новых стратегий в борьбе за ограниченное количество должностей. Духовное собрание получило новые возможности регулирования деятельности имамов.

Анализ нормативных имперских требований и институциональной практики показывает, что Духовное собрание действовало не только как ведомство, занимавшееся сугубо религиозными делами мусульман Российской империи, то есть, как своего рода «церковь для мусульман». Духовное собрание также не являлось чисто административным институтом, как утверждал Михаэль Кемпер. Его функции изменялись на протяжении изученного периода. В середине XIX века это учреждение регулировало деятельность имамов и ахунов, находящихся в его юрисдикции, занималось адаптацией политических концептов для мусульман Российской империи и их укоренением, что вело не только к

модифицированию мусульманского богослужения, но также и к изменениям в жизни мусульман. Кроме того, Духовное собрание регулировало административные и нотариальные дела мусульман в сотрудничестве с гражданскими и военными административными инстанциями. Оно способствовало религиозной, административной и политической интеграции мусульман в Российской империи и созданию новых зон социального взаимодействия. Духовенство и мусульмане в целом использовали эти зоны социального взаимодействия для достижения собственных целей: создания новой прослойки имамов со смещенной социальной принадлежностью и инструментализации установленных правительством концептов и практик для внутримусульманского взаимодействия, например, в борьбе за назначение на пост имама мечети, количество которых было ограничено. Несмотря на то, что Духовное собрание не проводило всеобъемлющую интеграцию мусульман в административное и судебное пространство Российской империи, оно всё же предоставляло возможность сближения в некоторых областях и устраняло сегрегацию мусульман.

Перевод с немецкого языка *Е.А.Беловой*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбургер Е.* История учреждений Российской империи от Петра Великого до 1917 года, Лейден, 1966.
2. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 2. Д. 661.
3. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 2. Д. 942.
4. *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 4. Д. 8514.
5. *Гарипов Н.К.* Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XIX вв.: опыт Духовного управления мусульман: дис. ... к.и.н. Казань, 2003.
6. *Кемпер Михаэль.* Суфии и учёные в Татарии и Башкирии 1789–1889. Исламский дискурс под русским господством. Берлин, 1998.
7. *Крюс Роберт Д.* За Пророка и Царя: Ислам и Империя в России и Центральной Азии. Лондон, 2006.
8. *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел-әхбар фи ахвали Казан вә Болгар. Т. II. Казан, 1885.
9. *ПСЗ–I.* Т. XXII. № 16710.
10. *ПСЗ–I.* Т. XXIII. № 17174.
11. *ПСЗ–I.* Т. XXXI. № 24819.
12. *ПСЗ–I.* Т. XXXIV. № 27106.
13. *ПСЗ–2.* Т. I. № 386.
14. *ПСЗ–2.* Т. III. № 2296.
15. *ПСЗ–2.* Т. V. Ч. 1. № 3559.

16. ПСЗ–2. Т. VII. Ч. 2. № 5500.
17. ПСЗ–2. Т. X. Ч. 2. № 8663.
18. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начала XX века. СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
19. Фәхрәддин Ризәтдин. Асар. Казан и Оренбург, 1900–1908.
20. Фишер Алан В. Российское присоединение Крыма 1772–1783. Кембридж, 1970.
21. Франк Аллен. Мусульманские религиозные институты в имперской России. Исламский мир Новокузнецкого округа и Казахской Внутренней орды; 1780–1910. Лейден, 2001. (Исламская история и цивилизация; 35).
22. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 9.
23. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 12.
24. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 21.
25. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 36.
26. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 49.
27. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 2. Д. 45.
28. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 114.
29. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 3. Д. 1965.
30. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 8. Д. 115.
31. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 23.
32. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 31.
33. ЦИА РБ. Ф. И–295. Оп. 11. Д. 130.

Список сокращений

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ПСЗ–1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.

ПСЗ–2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан

Информация об авторе

Смоларц Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедческих и Азиатских Исследований Боннского университета; сотрудник научного объединения «Перекрестки Азии» (Германия, Бонн); esmolarz@uni-bonn.de

Smolarz Elena Yur'evna, the candidate of historical sciences, senior research associate, Institute for Oriental and Asian Studies, University of Bonn; research associate of the competence network «Crossroads Asia» (с. Bonn, Germany); esmolarz@uni-bonn.de

УДК 908 (470)

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В XIX В.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© 2015 г. А.М. Субботина

В статье анализируются работы региональных исследователей, посвященные социокультурному развитию территории Удмуртии в XIX в. Наряду с сосуществованием разных культурных традиций, отражающих ориентации соответствующих социальных групп, наблюдается постепенное, устойчивое культурное влияние посредством уже имеющихся и вновь создаваемых структур (община, церковь, школа, заводы, книга, органы самоуправления и др.), направленное на преодоление культурного разрыва и формирование элементов общей для всех культуры индустриального общества.

Ключевые слова: история России, история Удмуртии, историография.

**SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN UDMURT REGION
IN THE NINETEENTH CENTURY: HISTORIOGRAPHIC ASPECT**

A.M. Subbotina

The article analyzes the homework regional researchers, devoted to social and cultural development of Udmurt Region in the nineteenth century. Revealed the coexistence of different traditions and sustainable cultural influence of old and new institutions, aimed at the formation of elements of the overall industrial culture.

Keywords: Russian history, Udmurt Region history, historiography.

Девятнадцатый век представляет собой важный период в изменении социокультурного облика России и отдельных ее регионов. Многочисленные реформы и разительные перемены, которые произошли на протяжении столетия, сразу же стали предметом пристального внимания историков. Общие подходы и круг изучаемых вопросов на современном этапе подвергаются пересмотру. Территория Удмуртии (в XIX в. Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии) представляет интерес, прежде всего, для региональных исследователей.

По сложившейся в отечественной историографии традиции принято чётко разделять XIX в. на первую и вторую половину. В качестве водораздела выступают Великие реформы Александра II, ознаменовавшие переход России в эпоху капитализма. Очень немногие авторы решаются

расширить временные рамки своих исследований, включив в них обе половины XIX в. В этом ряду можно выделить коллективные работы, которые дают возможность представить общую картину социокультурного развития территории Удмуртии на протяжении всего столетия.

Особая роль в подготовке таких изданий принадлежит Удмуртскому институту истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УрО РАН). За годы своего существования им были выпущены сборники статей, коллективные монографии, энциклопедии и др., на чьих страницах собраны труды историков, археологов, этнографов, краеведов Удмуртской Республики. Также были подготовлены и опубликованы работы дореволюционных авторов, в частности, этнографические описания удмуртов П.Н. Луппова и Г.Е. Верещагина. Значимым изданием 2000-х гг. является «История Удмуртии», один из томов которой посвящён периоду XV – начала XX в. В этом томе сложившаяся историографическая традиция нашла своё полное воплощение. Первая половина XIX в. рассматривается в первой части вместе с предыдущими периодами, а второй половине столетия посвящена вторая часть, открывает которую глава о буржуазных реформах 1860–1870-х гг. Особое внимание в «Истории Удмуртии» уделяется социально-экономическим процессам. Отмечаются существенные изменения, которые произошли благодаря реформам первой и второй половины столетия в деревне, крестьянской среде, развитие промышленности, торговли, общественного движения. В культурных процессах выделяются расширение сферы образования, книгоиздательской деятельности, научной медицины, технический и технологический прогресс на местных заводах, демографические и этно-конфессиональные преобразования.

Более подробно история Удмуртии первой половины XIX в. нашла отражение в работах М.В. Гришкиной, Б.Г. Плющевского, Н.Н. Латышева, Л.В. Мерзляковой, Т.А. Васиной, Н.В. Пислегина и др. В советский период наибольший интерес для исследователей представляли социально-экономические процессы: состояние и реформы в удмуртской деревне, торговле и промышленности. М.В. Гришкина, автор многочисленных работ, в том числе и первой части упомянутого выше тома «Истории Удмуртии», отмечает: «На протяжении изучаемого периода главным действующим лицом истории края являлся крестьянин, ведущий традиционное хозяйство с использованием самых простых, почти не изменившихся на протяжении столетий орудий труда и агротехнических приемов. Будучи фундаментом, на котором зиждилось феодальное

государство, крестьянин был обязан исправно платить подати в государственную казну, причем преимущественно в денежной форме. Последнее обстоятельство уже с XVI в. постоянно нарушало замкнутый характер крестьянского натурального хозяйства и заставляло даже удмуртского крестьянина, менее всего склонного к торговле, обращаться к рынку... Со второй половины XVIII в. шло усиленное промышленное освоение ресурсов края, с начала XIX в. началось формирование здесь военно-промышленного комплекса, для обслуживания которого были привлечены отчасти и удмурты... Заводская кабала, наряду с растущим фискальным гнетом, а также насильственная христианизация вызывали наиболее яркие всплески классовой борьбы в крае» (Гришкина, 1994, с. 199–200).

Одним из немногих, кто объединил феодальный и капиталистический периоды в своих исследованиях, стал А.А. Александров. Благодаря этому, ему удалось не только проанализировать развитие Ижевского и Воткинского заводов до начала XX в., но и реформы 1860–1870-х гг. Его вывод: «Реформы 1860–70-х гг. в Удмуртии, охватившие все слои населения, проводились по-крепостнически. Но они открывали дорогу капитализму, складывался мелкобуржуазный уклад в промышленных центрах и в земледелии. В городе и деревне наметилась эволюция развития по буржуазному пути. Создавался рынок рабочей силы, главным образом, в заводских центрах и уездных городах. Сословные, правовые различия между бывшими помещичьими, удельными, государственными, горнозаводскими крестьянами и непременными работниками Ижевского завода постепенно стирались» (Александров, 1996, с. 136). Данный автор отмечает значительный научно-технический прогресс и формирование на заводах слоя образованных, высококвалифицированных специалистов. «Предприятия, начиная со второй половины XIX в., определенно вошли в систему: наука – техника – производство с опережающими темпами в сторону науки. И это закономерный итог длительной эволюции Камских заводов» (Александров, 1996, с. 217).

В постсоветский период тематика исследований расширяется и затрагивает социально-политические, социально-культурные, демографические аспекты. Т.А. Васина в сферу своего изучения включила, как и А.А. Александров, Ижевский и Воткинский заводы, но обратилась к таким ранее не пользовавшимся вниманием местных ученых вопросам социально-культурной истории, как архитектура и градостроительство, образование, здравоохранение, структура семьи и до-

машинный быт. По мнению исследователя, на образ жизни местного населения накладывала отпечаток общественная и культурная среда горнозаводских центров. «Заводская работа была главным источником существования, определяла внутренний распорядок семейной жизни, соотношение рабочего времени и досуга большинства местных жителей. На домашний уклад населения заводов влияли сословные различия, национальность и вероисповедание. Мастерские, сохранившие связь с крестьянством, являлись носителями традиционной народной культуры. В то же время занятость в сфере промышленного производства, развитие ремесла и торговли приводили к проникновению в повседневную жизнь элементов городского быта» (Васина, 2005, с. 28). В последних своих работах Т.А. Васина, как и Н.В. Пислегин, расширяют временные рамки исследования на весь XIX в., что открывает интересные перспективы для выявления динамики социальных, демографических, политических, культурных процессов.

Наблюдается интерес к разным социальным слоям населения края: крестьянам, духовенству, купечеству и предпринимателям и др. Эта тенденция проявилась в коллективной монографии «Этно-социальная динамика населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI–XX вв.)» (2009).

Социокультурная проблематика в еще большей степени представлена в современных работах, посвященных второй половине XIX – началу XX в., что соответствует тем значимым преобразованиям, которые произошли в этот период. Это разительно отличается от исследований советского времени, тяготевших к социально-экономической тематике (А.Н. Вахрушев, М.М. Мартынова, М.А. Садаков и др.). Современные авторы обращаются к социокультурной деятельности церкви (Е.М. Берестова) и земства (А.М. Субботина), социальному облику и культурному вкладу купечества и предпринимателей (Н.П. Лигенко), трансформации крестьянской общины (Г.А. Никитина), изменениям в повседневной культуре местного населения (Д.М. Пюрийнен), развитию системы образования (А.Н. Кутявин) и т.д.

Целостное рассмотрение социокультурных процессов на территории Удмуртии в XIX в. позволяет выявить, с одной стороны, сосуществование разных культурных традиций, отражающих ориентации соответствующих социальных групп. С другой стороны, наблюдается постепенное, устойчивое культурное влияние посредством уже имеющихся и вновь создаваемых структур (община, церковь, школа, заводы, книга, органы самоуправления и др.), направленное на пре-

одоление культурного разрыва и формирование элементов общей для всех культуры индустриального общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А.А.* Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – С. 82–140.

2. *Александров А.А.* Состояние техники и инженерно-технических кадров на Ижевском и Воткинском заводах // Очерки истории Удмуртии XIX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – С. 180–219.

3. *Берестова Е.М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века: Социально-культурная деятельность. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 232 с.

4. *Васина Т.А.* Демографические процессы в горнозаводских округах Камско-Вятского региона (конец XVIII – XIX в.) – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. – 298 с.

5. *Васина Т.А.* Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2005. – 29 с.

6. *Гришкина М.В.* Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. – 208 с.

7. *История Удмуртии: Конец конца XV – начало XX века.* – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 552 с.

8. *Кутявин А.Н.* Формирование и развитие системы общего и профессионального образования в Удмуртии второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 24 с.

9. *Лигенко Н.П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.) – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. – 175 с.

10. *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 406 с.

11. *Никитина Г.А.* Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.) – Ижевск: УИИЯЛ, 1993. – 155 с.

12. *Пислегин Н.В.* Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.) – Ижевск: УИИЯЛ, 2010. – 297 с.

13. *Плющевский Б.Г.* Социальное и экономическое развитие Удмуртии в первой половине XIX века Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – С. 31–45.

14. *Пюрыйнен Д.М.* Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 352 с.

15. *Субботина А.М.* Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. – 188 с.

16. *Этносоциальная динамика* населения Вятско-Камского региона: адаптационные механизмы и практики (XVI–XX вв.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 264 с.

Информация об авторе

Субботина Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и менеджмента в культуре ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск); anmisu@yandex.ru

Subbotina Anna Mikhaylovna, the candidate of historical sciences, associate professor, department of cultural science and management in culture, Udmurt State University (с. Izhevsk); anmisu@yandex.ru

УДК 94(470.4):281.93"18"

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РОССИЙСКОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К СТАРООБРЯДЦАМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ АЛАТЫРСКОГО УЕЗДНОГО СУДА
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

© 2015 г. В.В. Тимофеев

В статье рассматривается практика Алатырского уездного суда, адекватно отражающая развитие религиозной политики Российской империи по отношению к старообрядчеству в первой трети XIX в., которая прошла несколько этапов: от нейтрального отношения к покровительству, а затем к жесткой административной репрессии на фоне увеличивающейся численности старообрядческих общин и роста их общественного влияния.

Ключевые слова: старообрядцы, преследование старообрядцев, раскол церкви, религиозная политика, Российская империя.

**REFLECTION OF GENERAL TRENDS IN THE RUSSIAN RELIGIOUS
POLICY TOWARD THE OLD BELIEVERS IN THE FIRST THIRD
OF XIX CENTURY IN PAPERS OF ALATYR COUNTY COURT
OF SIMBIRSK PROVINCE**

V.V. Timofeev

The article examines the practice of Alatyr County Court which adequately reflected the development of the religious policy of the Russian empire against the Old Believers in the first third of the XIX century, which has gone through several stages: from a neutral attitude to patronage, and then to a rigid administrative repression with increasing of the number of the Old Believers and growth of their social influence at the same time.

Keywords: Old Believers, persecution of the Old Believers, split of the church, religious policy, the Russian Empire.

Со времен раскола Церкви (1653–1666 гг.) старообрядчество не имело в России легального статуса вплоть до указа Петра I от 16 февраля 1716 г., согласно которому для старообрядцев устанавливался двойной размер подушной подати («двойной оклад») и обязательная «запись в раскол». Было очевидным, что отнюдь не все старообрядцы захотят «легализоваться» на этих условиях, поэтому в указе говорилось: «а буде...кто в покорении ко святой церкви быть не восхощет и

в раскол не запишется и станут жить тайно, таковым чинить гражданское наказание без милосердия» (ПСЗ РИ, т. VI, № 3734).

Таким образом, возникло разделение старообрядцев на «записных» (окладных, двоеданов) и «незаписных» (потаенных). «Записными» старообрядцами или «записными раскольниками» (по официальной терминологии) называли тех, которые открыто объявили себя старообрядцами, «записались в раскол» и согласились на уплату двойного налога. Такой порядок налогообложения старообрядцев, который, по сути своей, мало отличался от своеобразной формы дани, применялся со времен Петра I до 1782 г. «Незаписными», соответственно, считались те, кто «в раскол» не записался. Следует отметить, что счисление старообрядцев «производилось чиновниками местной администрации. Они представляли именные ведомости в центральное управление, находившееся в Москве. Сначала, пока счисление находилось в ведомстве святейшего синода, это управление находилось при духовной инквизиции, а потом, когда счисление перешло в ведомство правительствующего сената, управление сосредоточено было в особо учрежденной раскольнической конторе. Именные ведомости поверялись, и счет раскольников по возможности контролировался, но действительная численность разномыслящих с господствующею церковью в точности все-таки не была известна. Цифры «духовной инквизиции» и «раскольнической конторы» были гораздо ниже цифры действительной, что видно из множества правительственных распоряжений прошлого столетия об отыскании «потаенных раскольников» и обложении их двойным окладом» (Мельников, 1909, с. 385).

Со времени Екатерины II для старообрядцев появилась возможность официально заявить о своей вере и выйти из состава синодальной церкви, не опасаясь преследований. Екатерина II 20 июля 1782 г. отменила обложение двойным окладом старообрядцев, а также ведение особых списков «раскольников», тем не менее, память об этом несправедливом обложении долго сохранялась, и сами платившие двойной оклад еще в начале XIX в. могли именоваться «записными».

С начала XIX в. приходское духовенство наряду с обычными исповедными ведомостями о бывших на исповеди и у причастия начало вести так называемые «раскольничьи ведомости», в которые заносили старообрядцев мужского и женского пола, официально и по решению духовных консисторий уже не принадлежавшие к синодальной церкви.

Неудивительно, что твердость в вере среди записных старообрядцев была очень велика, так как постоянное явное и скрытое ущемле-

ние прав, необходимость защиты веры формировали стойкость убеждений, готовность к исповедничеству.

Одним из крупных центров сосредоточения старообрядчества в Поволжье уже с XVIII в. был Алатырский уезд Симбирской губернии. В уезде было много крупных сел, старообрядческое население которых, принадлежавшее к разным согласиям (федосеевцы, поморцы, даниловцы, спасовцы, странники) в первой половине XIX в., исчислялось сотнями душ: Промзино, Явлеи, Кладбищи, Сыреси, Сурской Майдан, Миренки, Кувакино, Березовый Майдан, Ждамирово и др. (Аристов, 1877, с. 35–52). Территория Алатырского уезда в духовном отношении подчинялась Алатырскому духовному правлению, которое, в свою очередь, подчинялось Казанской духовной консистории. Именно через духовное правление в консисторию приходили жалобы уездного синодального духовенства на старообрядцев, проживающих на этих территориях.

Одним из таких стойких «записных» староверов был наставник из с. Явлеи Алатырского уезда Симбирской губернии Степан Кузьмич Лапшин, 1747 г.р., после учреждения Коллегии экономии, числился экономическим крестьянином.

Явлеи были старинным старообрядческим селом. Первые, ставшие известными властям, сведения о старообрядцах в нем относятся к 1750 г. Общее число старообрядцев (как записных, так и потаенных) в течение первой половины XIX в. в селе выросло с 800 (в 1835 г.) до более чем 1000 (1853 г.) (Аристов, 1877, с. 36, 38).

Степан Лапшин был наставником в явлейской старообрядческой моленной в течение многих десятков лет, совершал крещения, погребения, принимал на исповедь, вел церковные службы. Его авторитет и роль в жизни старообрядческой общины в селе Явлеи были настолько велики, что многие крестьяне под его влиянием переходили из синодальной церкви в старообрядчество, то есть становились так называемыми «незаписными» старообрядцами. И таких среди явлейских старообрядцев было большинство. В документах Алатырского уездного суда (допрос от 22 января 1828 г., проводившийся дворянским заседателем Бухваловым) о С.К. Лапшине имеются следующие сведения: «Степаном его зовут Кузмин сын по прозванию Лапшин, от роду ему 82-й год Алатырского уезда села Явлеи казенный крестьянин... на исповеди и у св. причастия по состоянию его в старообрядческой секте никогда не бывал, грамоте чтением книг знает, а писать не умеет. В котором селении от состоящих в старообрядчестве крестьян с издав-

них лет избран он настоятелем для исправления их треб». (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.729, л.4–4об.). После избрания он был благословлен в настоятели приезжавшим в Явлей из Москвы наставником, «старцем почтенным», Иваном Тихоновым (Аристов, 1877, с. 37).

Неудивительно, что синодальное явлейское духовенство всеми силами пыталось остановить наставническую деятельность С.К. Кузьмина. Вследствие того, что миссионерство среди старообрядцев успеха почти не имело, то синодальное духовенство регулярно обращалось к светским властям с доносами на С.К. Кузьмина, требуя привлечь его к светскому суду за совершение старообрядческих треб. Под такими документами явлейские священно – и церковнослужители подписывались иногда в полном составе. Некоторые доносы содержали фантастические обвинения. Например, 2 января 1828 г. в Алатырский земский суд на гербовой бумаге ценой в 50 копеек был направлен документ, озаглавленный «Алатырского уезда села Явлей всех священноцерковнослужителей объявление» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.2), в котором заявлялось, что записной старообрядец Лапшин похоронил ночью по своему обряду умершую вдову Прасковью Симонову. К этому «объявлению» «приложили руку» священник Лев Иванов, диакон Павел Васильев, дьячок Матвей Семенов и пономарь Егор Осипов. Явлейское духовенство у алатырских уездных властей просило оказать ему «законную защиту и покровительство» от действий 81-летнего старца Степана Лапшина.

Текст этого документа представляет интерес, так как показывает механизм, к которому прибегало синодальное духовенство, чтобы использовать репрессивную машину государства для борьбы со старообрядцами и, шире, – со своими религиозными оппонентами. «В Алатырский земский суд Алатырского уезда села Явлей всех священноцерковнослужителей объявление. Минувшего декабря 31 дня, – писали духовные лица – нашего села Явлей записной раскольник Степан Козмин Лапшин схоронил в ночное время без нашего ведома состоящую в правоверии вдову Прасковью Симонову, чем самым и нанес церкви Божией явное оскорбление, а прочим правоверным подал великий соблазн. О чем, объявля в оный суд, покорнейше просим сие наше объявление принять, с крестьянином Степаном Лапшиным за происшедшее его противозаконное действие поступить по законам и нам оказать законную защиту и покровительство» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.2). Позиция авторов этого обращения в Алатырский суд недвусмысленно показывает, что для них требы, совершаемые старооб-

рядцами, – это противозаконные действия, они оскорбляют церковь, а для простых верующих синодальной церкви подают повод к «великому соблазну».

«Великий соблазн» состоял в том, что очень значительное число жителей сел Алатырского уезда лишь номинально числилось в списках прихожан синодальной церкви, годами не бывали у исповеди и причастия. Синодальное духовенство тем не менее считало их своими прихожанами, занижая официальную численность старообрядцев и рассчитывая на получение с них определенных доходов. В действительности динамика роста численности старообрядческих общин была налицо. Например, в селе Сыресях Алатырского уезда «в 1799 г. отмечено в росписях не бывшими у исповеди *за упрямством* 576 душ; в 1819 г. – 1302 человека; в следующем году – 703 за расколом, а 507 *за упрямством*» (Аристов, 1877, с.35).

Опасения потерять значительную часть паствы в сложившихся условиях были очевидны, поэтому явлейское духовенство, во избежание такого сугубо «экономического» понимания их «объявления» со стороны светских властей, сообщает о якобы имевших место нарушениях закона: а) погребение старообрядцем нестарообрядки (при наличии среди явлейских крестьян «незаписных» старообрядцев выдвинуть такое обвинение было нетрудным) и б) совершение похорон в ночное время.

Сам старообрядческий наставник Степан Лапшин 22 января 1828 г. по сути выдвинутых против него обвинений дал дворянскому заседателю Алатырского уездного суда Бухвалову показания, которые отражены в протоколе допроса следующим образом: «Действительно, он назад тому недели с три находившуюся лет с тридцать или более в их секте, а не в правоверии, онаго села Явлеи крестьянскую женку вдову Прасковью Симонову, имевшую от роду около девяноста лет, умершую от болезни, будучи в оной четыре дни и по старости своих лет, по обряду своему схоронил не в ночное время, а днем еще задолго до солнечного заката, в чем ссылку имеет на состоящего в правоверии родного сына ея Самойлу Яковлева с его женою... [умершую] женку ему хоронить в ночное время было не для чего, да и быть сего никогда не может, потому что он, состоящих в его секте крестьян, завсегда хоронит не потаенно. Напредь сего находился он под судом за исправление сих треб, но по невинности своей оправдан и ничем не наказан» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.4об.–5).

Совершенно очевидно, что крестьянская вдова Прасковья Самойлова была именно «незаписной» старообрядкой. Положение незаписных старообрядцев было непростым: фактически они уже давно, многие годы, а иногда и с самого рождения, были старообрядцами, но по церковным метрикам и приходским спискам они числились членами приходов синодальной церкви. Это давало возможность местному духовенству использовать неопределенность правового статуса «потаенных старообрядцев» в своих интересах. Скрывая истинное число старообрядцев, можно было, во-первых, показать себя перед духовными властями способным пастырем, из прихода которого крестьяне не уклоняются в раскол, а во-вторых, использовать «потаенных раскольников» в своих финансовых интересах. Нередки были случаи принуждения старообрядцев к уплате каких-либо сумм в пользу приходского духовенства. Если при Петре I такая практика была узаконена указом синода о гривенном сборе («с обретающихся в приходах раскольников брать приходским их священникам с причетниками со всякого раскольничьего двора по гривне с души в год, а сверх того от рождения гривна, от женитьбы гривна, от погребения гривна») (ПСЗ РИ, т. VI, № 4009), то уже в правление Екатерины II эти поборы были отменены. Однако на практике они продолжались еще очень долго. Например, Алатырский уездный суд в приговоре по делу крестьян-старообрядцев от 12 ноября 1821 г. особо отметил: «между тем некоторые из них изъявляют жалобы на священников в оказываемых им притеснениях взиманием излишних сверх установленных за требы плат и хождением в их дома без зову усильно, — чем более они побуждаются пребывать в старообрядчестве, ибо у них по старообрядчеству выбранные к исправлению принимаемых или треб хорошего и добропорядочного поведения старики, никаких плат за то не требуют, но всегда при первоначальном позыве споспешествуют являться к исполнению нужного, и, хотя из числа их некоторые, в подаваемых начальству просьбах, и жаловались на священников в притеснениях и в непринятии и начальством их о крещении вновь рожденных и похоронении умерших по обряду старообрядческому надлежащих именных списков, но в том доньне не получили себе удовлетворения. В доказательство того, что они придерживаются одним правилам старообрядчества ссылаются на многие следствия об них по доносам священников бывшие, которым сверх того никакого публичного о секте старообрядцев оказательства от них не открылось, и никаких непозволенных законом прибежищ, и собрания людей и других вредных последствий, нару-

шающих общий порядок, не найдено, кроме мнения» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.254–254об.). Таким образом, мнение суда показывает, что старообрядчество не было дискредитировано в глазах светской власти несмотря на многочисленные доносы и судебные процессы. Это давало возможность массового перехода в старообрядчество сочувствующих староверию крестьян. Этого как раз и не хотело допустить синодальное духовенство.

Как писал в свое время (1868 г.) П.И. Мельников, «раскольник записной для причта человек потерянный, с него он не получит ни копейки. Напротив, незаписной составляет важную статью в домашнем бюджете церковнослужителей. Незаписной в книгах раскольник считается православным, но отмечается не бывающим у исповеди и св. причастия или по склонности к расколу, чаще по наречению или по опущению, а иногда даже отмечается бытчиком (непреренно один раз в десять лет). Такой раскольник, сроду не бывавший и на церковной паперти, но зачисленный по церковным ведомостям православным, несравненно выгоднее для причта, чем самый усердный прихожанин. За то, чтоб у него не исправлять треб, он платит гораздо дороже, чем усердный к церкви прихожанин за исправление их. Притом доход с «незаписного» вернее и обеспеченнее; чуть воспротивился он платить положенную дань, на него готов донос: отца похоронил в лесу, сына крестил неизвестно где, дочь венчалась не при церкви и т. п. Так бывало в прежнее время, а по местам и до сих пор (1868) делается. Начнется, бывало, следствие, и, хотя дело ничем не кончится, ибо в «Уложении о наказаниях» за подобные проступки наказания не полагается, однако же несговорчивому даннику нахождение под следствием всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую он поупрямился заплатить своевременно. Дело затягивалось на несколько лет; а находящемуся под следствием не выдавали паспортов, и если он человек торговый, то много терял от невольного домоседства» (Мельников, 1909, с. 384–409).

Не удивительно, что синодальное духовенство стремилось вернуть под свою духовную власть «отпавших в раскол» и преследовало их духовных лидеров. Против того же явлейского старообрядческого наставника Степана Лапшина, по справке уездного алатырского архивариуса, пять раз возбуждались дела, которые тянулись годами: в 1800 г. он был судим за небытие на исповеди и у причастия, но оставлен свободным; в 1808 г. – за присоединение к старообрядчеству экономического крестьянина Григория Афанасьева, но из Симбирской уголовной палаты дело было передано в духовную консисторию; в

1809 г. за погребение по-старообрядчески умершей крестьянской девочки, дело также передано в консисторию; в 1811 г. вновь судим за погребение по-старообрядчески явлейского крестьянина, вновь оставлен без наказания; в 1813 г. был судим за чтение молитв и наречение имен двум старообрядческим младенцам из села Явлеи, освобожден от суда по императорскому манифесту от 30 августа 1814 г. (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.23–23 об.).

Не трудно заметить, что все указанные дела возбуждались по мотивам преследования старообрядческого наставника за веру и совершение треб по-старообрядчески. Явлейские крестьяне открыто заявили об этом заседателю Алатырского уездного суда 23 января 1828 г. и ответственность за это они возложили на местное явлейское духовенство. Важно отметить, что и члены синодальной церкви (10 человек), и старообрядцы (13 человек), а это были и выборные, и старшины, и рядовые, призванные ко свидетельству, дали взаимно дополняющие друг друга показания. В протоколе это отразилось в виде механического соединения показаний обеих групп свидетелей. Православные крестьяне сказали, что против «старообрядческого настоятеля Степана Лапшина» «несправедливость выводят села нашего священнослужители совсем напрасно и единственно по недоброжелательству от нас к старообрядцам», и сразу же после этих слов идут уже старообрядческие показания: «через что претерпеваем мы, старообрядцы, от них совершенно напрасное себе прискорбие и стеснение. Во избежание чего просим вас обязать их подпискою в том, чтоб они на будущее время нас напонапрасну ни в чем не стесняли и с таковыми неправильными доносами не входили, причем все мы показуем, что настоятель Степан Лапшин напредь сего поведения был добраго и ни в каких дурных законопреступных поступках нами замечен нигде не был» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.729, л.11–11 об.).

Существенным является то, что алатырские судебные власти в период либерального царствования Александра I были согласны с простыми явлейскими крестьянами и усматривали во всех этих делах против старообрядческого наставника Степана Лапшина именно религиозную основу, поэтому оставляли его без уголовного наказания, направляя дела в духовную консисторию. Более того, в результате многочисленных дел против старообрядцев, рассмотренных Алатырским уездным судом в первой четверти XIX в., для уездных судебных властей стало очевидным, что именно местное духовенство является инициатором преследования старообрядцев с целью принуждения их

к переходу в синодальную церковь, используя в качестве инструмента для достижения этой цели светские суды, а не средства духовного увещания (Тимофеев, 2006, с.78). В этом отношении показателен приговор, вынесенный 21 ноября 1821 г. Алатырским уездным судом по делу группы старообрядцев разных сел (Кладбищи, Явлеи, Ямской Слободы, Кувакино, Березовского Майдана) Ф.Федорова, В. Логинова, В.И. Быкова, С.К. Лапшина, С.Я. Овчинникова, С. Никифорова и других, тянувшегося еще с августа 1818 г.: «Уездный суд сей, соображая все обстоятельства с точным содержанием высочайших повелений. Состоявшихся 1758 декабря 29, 1801 апреля 9 и 1820 годов мая 29 числ, не находя в старообрядческой секте никакого богохуления и святей церкви поношения, а имея в виду, что старообрядцы придерживаются только старопечатным книгам, вновь введенных в церквах обрядов не приемлют и исправляют некоторые требы сами по себе, запрещения о том делать им не может и, не преследуя за мнение, о их секте полагает: оставить старообрядцев без всякого суда и взыскания как они есть и всякое к ним притеснение от священников, будто оно точно происходит посредством духовного правительства, оградить, не принуждая их, старообрядцев, силою к принятию установленных в церквах обрядов. Суд нужным считает, согласно высочайшим повелениям, вменить в обязанность духовенству, чтобы они через своих увещателей склоняли их, старообрядцев, к принятию новых обрядов добровольно» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.332, л. 254об.–255). Иными словами, суд признал справедливым не наказывать старообрядцев за их веру, а духовенство призвать не притеснять старообрядцев, чтобы они принимали новые обряды, а действовать увещаниями и убеждениями. При этом суд прекрасно понимал, что дело увещания это будет несکورым, поэтому, проявил заботу и о государственном интересе, предложив фактически установить особые старообрядческие метрики: «дотелева покамест мера сия будет иметь свои успехи нелишним предполагается к охранению порядка для счету в государстве убылых и прибылых людей, через метрические книги установленного, принимать от старообрядцев о рожденных и умерших людях именные списки, которые они должны доставлять духовным властям, а в случае непринятия оных, то представлять оные в земский суд для отсылки в духовные правления или чрез губернское правление в духовную консисторию» (ГИА ЧР, ф.88, оп. 1, д.332, л. 255).

Следует сказать, что относительно либеральный курс по отношению к старообрядчеству завершился с окончанием правления Алексан-

дра I. При Николае I отношение к старообрядцам значительно ужесточилось. В конце 1820-х-начале 1830-х гг. началась волна преследований старообрядцев, имевших целью искоренение старообрядчества путем присоединения к синодальной церкви или через перевод старообрядцев в единоверие (Тимофеев, 2006, с.80). Этот процесс непосредственно затронул старообрядцев Алатырского уезда. В марте 1829 г. новобрядческий благочинный из села Сутяжного священник Матвей Поликарпов «в сообщении прописал: отыскал-де он через посредство священноцерковнослужителей ведомства его Алатырского уезда в селах Являех восемь человек и Кладбищах восемь человек младенцев, кои ... молитвословлены и крещены раскольниками», при этом в совершении этого «преступления» прямо обвинялись все старообрядческие наставники в селах Явлеи и Кладбищи (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.45). Алатырский уездный суд, сославшись на показания свидетелей и на свое прежнее решение от 12 ноября 1821 г., пришел к выводу, что «старообрядцам исправление духовных треб не воспрещается. А потому согласно Военного процесса 2-й части 1-й главы 2-го и 5 главы 9 пункта уездный суд полагает означенных крестьян, как по извету благочинного Поликарпова виновными недоказанных, оставить от дела сего свободными» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.48–48об.). Однако времена уже изменились, и суд решил только что вынесенное свое решение не исполнять, а «дело оное по силе указа 1798 года февраля 18 числа представить на ревизию в Симбирскую палату уголовного суда» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.48 об.). В дело это в марте 1830 г. вмешался Симбирский гражданский губернатор, доложивший о нем министру внутренних дел Российской империи, а Симбирская палата уголовного суда пересмотрела решение Алатырского земского суда и вынесла приговор, по которому старообрядческие наставники признавались виновными в том, что «при упорной своей закоренелости дерзнули употреблять себя орудием к совращению других и крестить новорожденных по своему ложному обряду... и что многие из обывателей... через соблазны их не только сами отстали от православной веры, но и детей своих посвятили на жертву пагубного заблуждения, чему главною причиною суть означенные совратители, принявшие на себя обязанность своевольным образом крестить новорожденных детей» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.48 об.). Наставников Сергея Яковлевича Серебрякова, Федор Алексеича Безукладнова, Михайла Терентьевича Баландина приказано было «наказать в жительстве публично плетью каждого сорока ударами и оставить в том с подтверждением впредь от подобных поступков воздер-

жаться» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.55–55 об.), а наставников Степана Кузьмича Лапшина и Павла Дементьева, «кои по старости лет ...от телесного наказания избавляются, как вредных для блага других, удалить вечно, по назначению духовного ведомства, в отдаленный монастырь» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.56). Помимо этого, подсудимых крестьян сел Кладбищи и Явлеи предписывалось обязать подписками, «чтобы впредь новорожденных детей своих крестить по раскольническому обряду ни под каким предлогом не осмеливались под опасением в противном случае телесного наказания и удаления из жительства. А не следует ли над детьми их, крещенными по-раскольнически, совершить миропомазание или малое крещение...о сем отдать на заключение Казанской духовной консистории», а надзор «за исполнением сего обряда строжайшим образом возложить как на приходских священников, так и...на земскую полицию» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.832, л.56 об.–57).

Важно отметить, что новый курс на ужесточение имперской политики по отношению к старообрядцам не находил поддержки на нижних ступенях государственной машины. Часто на местах, в уездах не считали репрессии и преследования старообрядцев оправданными. Будет показательно сравнить отношение к старообрядцам Алатырского уездного суда и губернских учреждений. Из многих приведенных выше материалов следует, что Алатырский уездный суд не видел никакой опасности в старообрядцах и не поддерживал репрессивное рвение местного духовенства. При этом все решения данного суда вплоть до 1830 г. по делам, связанным с обвинениями старообрядцев в совершении треб по своим чинам, были благоприятными для старообрядцев. Показательна справка суда о процессах над старообрядческим наставником Степаном Лапшиным. Из 8 дел, возбужденных против него, 7 окончились оправдательными приговорами: «по восьми делам за исправление треб по раскольническому обряду по семи делам оставлен свободным, а по последнему осьмому, решенному в суде сем по общему присудствию...сего года мая 28-го за крещение новорожденных и погребение умерших православных по-раскольнически, приговорен к отсылке по старости лет вечно в монастырь» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.764, л.48).

Такая практика Алатырского уездного суда в 1830 г. крайне негативно была воспринята на уровне губернии. Более того, весь состав данного суда был обвинен Симбирской палатой уголовного суда в «покровительстве расколу», а его решения объявлены «беззаконными». В указе Симбирской палаты уголовного суда Алатырскому уезд-

ному суду от 3 апреля 1830 г. о самом этом суде говорилось: «в мнении уездного суда вместо пресечения столь видимого зла замечается явная покровка к усилению онаго и размножению раскольников. Таковое послабление доказывается не только незаконным заключением о столь явственном предмете, но еще принято тем судом в пример столь же неправильно последовавшее в оном 1821 году по особому делу решение с которого и выдана, судившимся тогда раскольникам, за скрепою бывших тогда присутствующих копия, служащая поводом к заблуждению слабомыслящих поселян. То поступок подписавших по настоящему делу незаконное решение членов уездного суда судьи Вязмитинова, дворянских заседателей Попова и Желудовского, и сельских – Ярилина и Сурова, и секретаря Попова отдать на заключение Симбирского губернского правления. О прежних же чинах, выдавших с помянутого решения незаконно копию, оставить ныне без заключения» (ГИА ЧР, ф.88, оп.1, д.764, л.57–58].

В целом, следует отметить, что материалы Алатырского уездного суда адекватно отражают развитие политики Российской империи по отношению к старообрядчеству в первой трети XIX в., которая прошла несколько этапов: от нейтрального отношения к покровительству к жесткой административной репрессии в последующем на фоне увеличивающейся численности старообрядческих общин и роста их общественного влияния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Н.* Раскол в Симбирской губернии (Исторический очерк) // Православный собеседник. 1877, I.
2. *ГИА ЧР.* Ф. 88 (Алатырский уездный суд Симбирской губернии). Оп. 1. Д. 332.
3. *ГИА ЧР.* Ф. 88. Оп. 1. Д. 729.
4. *ГИА ЧР.* Ф. 88. Оп. 1. Д. 764.
5. *ГИА ЧР.* Ф. 88. Оп. 1. Д. 832.
6. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Счисление раскольников // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 7. – СПб.: Издание Т-ва А.Ф.Марксъ, 1909, с.384–409.
7. *ПСЗ РИ.* Т.VI. № 3734.
8. *ПСЗ РИ.* Т.VI. № 4009.
9. *Тимофеев В.В.* Русские старообрядцы в XVIII–XX вв.: Опыт предпринимательской деятельности и общественного служения в России и за рубежом. Изд. 2-е. – Чебоксары, 2006.

Список сокращений

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

ГИА ЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики

Информация об авторе

Тимофеев Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора филиала НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права» в Чувашской Республике (г. Чебоксары); timoval2001@mail.ru

Timofeev Valery Vladimirovich, the candidate of historical sciences, the deputy of director of branch NOU VPO «Moscow Institute of state administration and right» in the Chuvash Republic (с. Cheboksary); timoval2001@mail.ru

УДК 94(47) "1773/1774"

**ЭХО СОБЫТИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД
ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е.И. ПУГАЧЕВА (1773–1774 гг.)
В СУДЬБЕ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР¹**

© 2015 г. И.В. Торопицын

Статья посвящена событиям крестьянской войны в России под предводительством Е.И. Пугачева и их отражению в судьбе астраханских юртовских татар. В центре внимания оказываются взаимоотношения юртовской знати с центральными и местными властями в 1773–1774 гг. Анализируются как предложения самих юртовских татар, так и астраханских властей по возможному использованию астраханских татар в борьбе с восставшим населением Урала и Поволжья. В итоге делается вывод о военном потенциале астраханских юртовских татар в конце XVIII века, их принципиальной социальной позиции в отношении крупных народных возмущений в России XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Астраханские юртовские татары, восстание Е.И. Пугачева, оборона Астрахани, XVIII век.

**ECHO OF THE EVENTS RELATED TO THE PEASANTS' WAR
LED BY EMELYAN PUGACHEV (1773–1774) AS REFLECTED
IN THE LIFE OF THE ASTRAKHAN YURT TATARS**

I.V. Toropitsyn

The article dwells upon the events of the Peasants' war in Russia led by Emelyan Pugachev and the consequences it had on the Astrakhan Yurt Tatars. The relations between the yurt noble men and central as well as regional authorities within the period of 1773–1774 take centre stage. The article puts under analysis the proposals brought forth by the Yurt Tatars and Astrakhan-based authorities as to the eventual participation on the part of Astrakhan Tatars in the struggle to suppress civilian uprisings in the Urals and the Volga region. Ultimately the author draws a conclusion from military capability of the Astrakhan Yurt Tatars in the end of the 18th century and their stalwart social attitude in regard to major civil disorders witnessed in Russia in the 17th–18th centuries.

Keywords: Astrakhan Yurt Tatars, E.I. Pugachev's revolt, defense of Astrakhan, XVIII century.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Астраханские юртовские татары во все времена были в числе верных сторонников правящего в России режима. Какие бы социальные потрясения не охватывали страну, юртовцы неизменно занимали выжидательную позицию, отказываясь открыто выступать против царских властей. При этом астраханские татары старались не конфликтовать и с восставшими, что обеспечивало им относительную безопасность. Политика социального нейтралитета, проводившаяся астраханскими юртовскими татарами, помогала им переживать непростые времена, когда Астрахань, а порой и все Нижнее Поволжье было охвачено народным возмущением.

В свою очередь, центральные и местные власти старались использовать юртовцев в своих целях в борьбе с восставшими. У юртовцев находили приют бежавшие от восставших представители царской администрации, к услугам астраханских татар прибегали царские военачальники и администраторы в переговорах с восставшими. В решающий момент борьбы за власть в Нижнем Поволжье в XVII–XVIII вв. царские войска всегда могли рассчитывать на вооруженную помощь со стороны юртовских татар.

Так было в период Смутного времени на Руси в начале XVII в., в период Разинского (1670–1672 гг.) и Астраханского (1705–1706 гг.) восстаний, события которых непосредственным образом протекали в Астрахани и ее округе. На этом фоне крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева, основные действия которой развернулись на Южном Урале и в Среднем Поволжье и лишь отчасти захватили северную часть Нижнего Поволжья, практически не отразилась на судьбе астраханских юртовских татар. Многочисленные архивные источники свидетельствуют, что в самый разгар восстания Е.И. Пугачева в 1773–1774 гг. многие астраханские юртовские татары получали у местных властей разрешение отправиться по своим делам в калмыцкие улусы, другие русские города и даже за границу. Причем, порой юртовцы отпрашивались ехать в районы, которые либо были охвачены восстанием, либо располагались по соседству.

Так, 16 июля 1773 г. астраханские мурзы и табунные головы ходатайствовали за брата «ведомства их» казья Рахимбердия Мухаммедова Гафарбердыя Мухаммедова, который просился ехать в Оренбург и до Бухары «для собственных своих нужд». 13 августа юртовский татарин из улуса Би-мурзы Урусова Баймамбет Картакаев изъявил желание отправиться из Астрахани на Мангышлакский полуостров в работниках на «случившемся» мореходном судне. В июне того же года

вместе с профессором С.Г. Гmeliным отправились из Астрахани в экспедицию четверо «здешних» татар: ногайский Ниас, юртовский Кошей Курманкулов, касимовский Мустафа Муртазин и казанский Юсуп Абылкеримов. В сентябре 1773 г. юртовский татарин Уразали Кадыржанов из улуса Нурадына-мурзы Урусова собрался ехать на судне в Персию по своим делам, а сын «татарского диалекта толмача» Астраханской губернской канцелярии Батырши Токшаинова Ядегер Батыршин попросил отпустить его «для собрания своих долгов» сухопутным путем через Енотаевскую крепость в калмыцкие дербетовские улусы (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3679, лл. 236, 271, 186, 337, 362).

21 февраля 1774 г. у астраханских властей получили разрешение отправиться в подводах из Астрахани в Кизляр, Моздок, на Дон до Черкаска, в Царицын и Саратов юртовские татары из табунов Мамбетджана Байбулатова, Али Казбулатова, Аджигула Смаилова и других табунных голов. Спустя четыре дня с аналогичной просьбой к астраханским властям обратились люди астраханских юртовских табунных голов Мамбетджана Байбулатова, Али Казбулатова, Алавердыя Булатаева и из улуса Нурадыла-мурзы Урусова (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3822, лл. 186, 192).

В марте 1774 г. из Астрахани выехали в разные места, в том числе в Саратов, юртовские татары из табунов Аджигула Смаилова, Али Казбулатова, улусов Нурадыла-мурзы и Би-мурзы Урусовых, Расламбека-мурзы Тимбаева (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3778, лл. 13, 52, 175).

В августе 1774 г. астраханский мещанин армянин Мартын Макаров обратился к местным властям с просьбой разрешить отправиться на купеческом судне до Мангышлакского полуострова, а оттуда в Хиву и в Бухару своему приказчику «ведомства Астраханской садовой конторы» татарину Кадыру Кусепову и при нем работнику юртовскому татарину Жианалею Сатаеву из табуна Алавердыя Булатаева. В том же месяце еще один юртовец Джумамет Исенжаров из табуна Алавердыя Булатаева отпросился у властей поехать на Мангышлакский полуостров «для собственных своих нужд», а другой юртовский татарин Кожан Курмангулов из табуна Мамбетджана Байбулатова заявил о желании ехать в Персию на судне в работе (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3777, лл. 95, 114, 117).

Как правило, астраханские татары отпрашивались в такие поездки на срок от восьми месяцев до одного года. Учет людей, отъехавших на заработки либо по делам, велся в Астраханской губернской канцелярии ежемесячно. К примеру, по состоянию на февраль 1774 г. оказа-

лось, что с февраля 1773 г. находились «в отпуску в разные места» двое слободских татар и 12 юртовских, а в феврале 1774 г. отъехало в отпуск семь слободских татар и 11 юртовских, да еще поступили прошения от 14 юртовских татар. В итоге всем им было дано разрешение отправиться в путь (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3822, л. 230).

Несмотря на то, что отъезд юртовских татар из Астрахани в другие города и даже страны в период Пугачевского восстания не имел массового характера, тем не менее, он был весьма активным. Примечательно, что местные власти не отказывали астраханским татарам в таких поездках, хотя и признавали, как мы увидим, в этот период, что испытывают недостаток войск для обороны городов губернии.

Как свидетельствуют источники, эхо основных баталий, связанных с Пугачевским восстанием, постоянно напоминало юртовцам о том, что их в любой момент может призвать в ряды правительственных сил долг перед российским престолом. По крайней мере, астраханские власти продолжали рассматривать юртовцев в качестве возможного военного резерва. Об этом свидетельствуют делопроизводственные материалы Астраханской губернской канцелярии.

Например, весной 1773 г. в дельте Волги появился отряд запорожского казака и воровского атамана Василия Петрова, разъезжавшего со своими людьми на трех косных лодках. 1 мая 1773 г. он прислал «с низу реки Бузана» в Красный Яр письмо к местным властям, в котором извещал о своем скором приезде и требовал приготовить для него порох и другие артиллерийские припасы. Красноярский комендант подполковник Пирогов поставил об этом в известность обер-коменданта Астрахани и запросил помощи. Астраханская губернская канцелярия распорядилась принять меры к предосторожности от разбойных нападений, в том числе на рыболовных ватагах. Причем предписала организовать «не только отпора, но за ними старательного поиска и поимки». Для борьбы с пугачевцами в Низовьях Волги решено было задействовать все имеющиеся силы, «для чего о равномерном исполнении и в Азиатский суд и к татарским мурзам и табунным головам» было дано соответствующее указание (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3677, лл. 105–105об.).

Наиболее радикальное предложение российским властям по использованию сил астраханских юртовских татар в борьбе с пугачевцами поступило от астраханского юртовского мурзы майора князя Нурадына Урусова. 16 декабря 1773 г. он предложил правительству использовать силы калмыков и астраханских юртовских татар для подавления пуга-

чевского восстания. Являясь приставом при калмыцком торгоутском владельце Асарху, мурза Н. Урусов сообщил о желании калмыцкого владельца выступить во главе 7000 и более калмыков против «оренбургских возмутителей». Асарху намеревался лично возглавить калмыцкое войско, выдав «для верности» в Енотаевскую крепость свою семью. В свою очередь мурза Н. Урусов обещал собрать до 1000 «отборных» людей «Азленых и Юртовских» татар, с которыми намеревался действовать «купно с сими Калмыками». Владелец Асарху и мурза Н. Урусов просили подчинить их команду кому-либо из российских генералов, приказание которого «они с ревностью и крайним послушанием исполнять станут», обещая служить императрице российской «не жалея живота своего, ни имения». Для непосредственного командования они просили назначить к ним российского офицера, обещая «в короткое время разбить и истребить известную разбойничью шайку, отвлекая от нея всех своих единоверцев». Данное обращение дошло до императрицы, которая выразила мнение «обоих сих господ послать к А.И. Бибикову, дабы он их и людей, коих они к услугам представляют употребил, как за полезно и нужно разсудит». Однако Совет посчитал сомнительным идею отправки калмыков против пугачевцев на том основании, что сам владелец Асарху бежал с калмыцким ханом Убуши из России в Китай, но был остановлен в пути и возвращен обратно к Волге «силою», после чего был взят в столицу наряду с другими калмыцкими владельцами, чтобы удержать от повторного побега остальных калмыков. К тому же отправка крупного контингента калмыков к Оренбургу должна была оставить без прикрытия Астраханскую губернию, а самому Асарху тем самым могла «подастся... удобность исполнить свое желание» бежать из России. «Посылку же астраханских Татар к Оренбургу Совет признал также ненадежною, а притом и невозможною по их бедности» (Архив государственного совета, 1869, с. 246–247). Таким образом, предложение астраханского юртовского мурзы майора князя Н. Урусова по использованию сил астраханских татар наряду с калмыками в борьбе с пугачевцами на Южном Урале было признано правительством России нерациональным.

Тем временем 2 ноября 1773 г. Астраханская губернская канцелярия направила в Азиатский общий суд «по секретной экспедиции» указ, предписывавший принять меры к мобилизации местного населения на случай обороны Астрахани от нападения отрядов Е.И. Пугачева. По его получении судье надлежало переписать всех татар и представителей других нерусских народов мужского пола в возрасте от 18

до «престарелых лет» и распределить их по сотням, полусотням и десяткам, выбрав в них командиров. Эти отряды самообороны должны были иметь холодное и огнестрельное оружие и запас пороха и пуль к нему. По сигналу тревоги (барабанному бою) татары наряду с другими обывателями должны были собраться в назначенных им местах и «в случае нападения обще с гарнизоном всеми силами обороняться» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3677, л. 26–26об.).

Казалось бы, данный факт свидетельствует, что астраханские власти вполне доверяли местному тюркскому населению, однако спустя пять дней астраханский обер-комендант Василий Левин поставил перед губернскими властями вопрос о благонадежности местных татар. «Как в Астрахани множественное число из жителей обретается татар, – писал он, – которые с кабардинскими, белгородскими и протчими опаснейшими ордами одного закона состоят, то впредь учреждения зависейшей от себя предосторожности не соизволит ли от себя секретно приказать из жительствующих здесь татар верным и известным ей доброжелательным к российской стороне людям, на коих бы без всякого сумнения всемерно положиться надежно было можно, дабы они как от здешних, равно как и от живущих в околичностях Астрахани татар всегдашние секретные разведания чинили, и не будет ли из тех татар от кого либо происходить какого злоумышления к российской стороне и подсылке к ним к возмущению от неприятеля, дабы все сии вредности не могли во время неприятельского к городу приближения соединяясь учинить какого либо нечаянного и бесполезного к России приключения» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3679, л. 515).

Обращение астраханского обер-коменданта заставило губернские власти озаботиться данным вопросом. В Азиатский суд, к астраханским мурзам и табунным головам было послано указание об усилении наблюдения за всеми приезжающими из стран Востока: «велеть о впуске в жительство вновь приезжих людей в тот самый день, как входят будут в дома, объявлять и записывать по порядку у полицейских дел». Одновременно с этим, всем мурзам и табунным головам было предписано привести свое военное снаряжение в полную готовность, «чтоб они, как есть не тяглые в ясаке служащие люди обще с своими детьми и родственниками имели у себя ко обороне оружие во всякой к конной езде готовности» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3679, л. 518–518 об.).

Данный факт может служить объяснением в некотором роде того факта, почему юртовцы получали позволение покинуть на длительный период Астрахань в условиях угрозы приближения к ней отрядов

Е.И. Пугачева, когда власти вынуждены были взять на учет всех людей, могущих держать в руках оружие. По всей видимости, губернские власти отпускали тех астраханских татар, которые не являлись служилыми, то есть не были обязаны нести военную службу по первому требованию. Данная обязанность распространялась на мурз, табунных голов и их родственников. Что, впрочем, не исключало того, что вместе с ними могли выступить на службу и их ясашные люди, находившиеся у них в подчинении.

Указанные выше меры местных властей можно рассматривать в качестве перестраховки, обусловленной непростой политической ситуацией. На государственном уровне отношение к астраханским юртовским татарам вполне иллюстрирует указ о выделении им крупной денежной суммы в качестве единовременного награждения «для поправления их состояния». Данный указ был собственноручно подписан императрицей Екатериной II Великой 4 ноября 1773 г. на поднесенном от Сената докладе, который сделал сенатор А.П. Мельгунов. Императрица распорядилась выдать астраханским юртовским татарам три тысячи рублей из имеющихся в Астраханской губернской канцелярии средств. В январе 1774 г. указанная сумма была выдана в Астрахани представителям юртовских татар (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3782, л. 139).

Между тем астраханские власти старались поддерживать коммуникацию с другими городами губернии, чтобы быть в курсе происходящих событий. К этой работе привлекались и тюркские жители губернии. Так, на кундровских татар, состоявших в ведомстве астраханского юртовского табунного головы муллы Абдуллы Абдрешитова Жангуршина, была возложена обязанность по доставке почты из Гурьева в Красный Яр. Однако в конце 1773 г. эта коммуникация была прервана. Виновными в этом оказались не пугачевцы, а казахи, которые «кундровских татар, посланных на смену в том городке бывших астраханского табунного головы муллы Жангуршина взяли в плен, да и тамошнюю Яицкую линию разоряют» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3679, л. 554).

19 февраля 1774 г. в Астрахани было получено известие от красноярского коменданта подполковника Пирогова, что пугачевцы захватили город Гурьев и расправились с находившимися там служилыми людьми, заодно перехватив посланцев, отправленных из Астрахани к казахскому хану Нурали (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3775, л. 68–70). Это открывало дорогу восставшим на Каспийское море и в дельту Волгу, попутно лишая астраханские власти возможности взаимодействовать

с казахами в деле их возможного привлечения к борьбе с восставшим населением на Южном Урале.

Несмотря на эти события, как мы видели ранее, астраханские власти по-прежнему выдавали разрешения юртовцам на выезд из губернии по личным делам.

24 августа 1774 г. в Астрахани были получены известия о боях с пугачевцами под Царицыном. Астраханский губернатор П.Н. Кречетников срочно созвал на совет генерал-майора и обер-коменданта Астрахани Левина, своего товарища коллежского советника Баранова, подполковника князя Долгорукова, местного прокурора Толстова, командующего флотом капитана первого ранга Токмачева и инженер-полковника Озерова. Проанализировав ситуацию, члены военного совета пришли к выводу, что пугачевцы намерены двигаться вниз по Волге. Это создавало угрозу положению крепостей Черный Яр и Енотаевская и другим поселениям, «где во всех местах воинских сил весьма недостаточно, – отмечали участники совета, – а на калмык положить худая надежда и опасно еще от них предательства в злодейскую толпу, как де и волнования от множества здесь разных азиатцов» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3777, л. 92 об.). Военный совет принял необходимые распоряжения по разведыванию передвижении пугачевцев, а также по обороне оставшихся нижеволжских крепостей и города Астрахани. В частности, легкие войска, «сколько здесь их при Астрахани соберется, прибавя от полевой команды к оным драгун», решено было расставить по берегу реки Болда под общей командой майора Сверчкова (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3777, л. 93 об.).

Однако вступить в бой с отрядами Е.И. Пугачева собранным для защиты Астрахани силам, в том числе астраханским юртовским татарам, не пришлось. 6 сентября 1774 г. в Астрахань пришло донесение от черноморского коменданта секунд-майора Перепечена, что пугачевцы были разбиты выше Черного Яра и потеряли всю свою артиллерию и обоз (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 3777, л. 154). Угрозу Астрахани и другим крепостям губернии пугачевцы больше не представляли. Вскоре Е.И. Пугачев был схвачен своим же окружением в волго-яицких степях и выдан царским войскам. Восстание постепенно было повсеместно подавлено.

Таким образом, мы видим, что в период восстания в России под предводительством Е.И. Пугачева астраханские юртовские татары пользовались определенным доверием местных властей, которые рассчитывали привлечь их в случае необходимости для обороны Астра-

хани. Но в масштабе страны астраханские юртовские татары уже не воспринимались в качестве серьезной военной силы, которую можно было бы использовать для подавления антиправительственных выступлений за пределами Астраханской губернии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив государственного совета*. Том первый. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). СПб., 1869.
2. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3679.
3. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3822.
4. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3778.
5. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3777.
6. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3677.
7. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3782.
8. *ГААО*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3775.

Информация об авторе

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета (г. Астрахань); itoropitsyn@mail.ru

Toropitsyn Ilya Vasil'evich, the candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Russia, Astrakhan State University (с. Astrakhan); itoropitsyn@mail.ru

УДК 94"450"(470.4)

**НАКАЗЫ ТАТАР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767–1768 гг.:
ВОПРОСЫ ТОРГОВЛИ И ПОВИННОСТЕЙ**

© 2015 г. **И.З. Файзрахманов**

В статье анализируются вопросы торговли и повинностей, поднятые татарами Среднего Поволжья перед депутатами Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Наказы являются репрезентативным источником для изучения социального и экономического положения татар региона, их первостепенных нужд, взаимоотношений с другими этно-сословными группами и местной администрацией во второй половине XVIII в.

Ключевые слова: Уложенная комиссия, указы, Среднее Поволжье, XVIII в.

**THE MANDATES OF THE TATARS OF THE MIDDLE VOLGA REGION
TO THE LEGISLATIVE COMMISSION OF THE 1767–1768 YEARS:
THE QUESTIONS OF TRADE AND DUTIES**

I.Z. Faizrakhmanov

The article analyses the questions of trade and duties brought up by the Tatars of the Middle Volga region before the deputies of the legislative Commission of the 1767–1768 years. The mandates are the representative sources for the study of the social and economic situation of the Tatars in the region, their primary needs, interrelations with other ethno-class groups and local administration in the second half of the eighteenth century.

Keywords: the Legislative Commission, the mandates, the Middle Volga region, XVIII century.

Екатерининская Уложенная комиссия 1767–1768 гг. была призвана разработать новый свод общегосударственных законов взамен устаревшего Соборного уложения 1649 г. В результате деятельности Уложенной комиссии отложились указы различных сословий и этно-конфессиональных групп населения, которые в отечественной историографии рассматриваются как один из основных источников по социально-экономической истории России XVIII в.

Первым в дореволюционной историографии к крестьянским указам в Уложенную комиссию как массовым источникам обратился В.И.Семевский, уделивший особое внимание вопросам крестьянского

землевладения и землепользования (Семевский, 1881; Семевский, 1901). Работа С.Ф. Ташкина была посвящена анализу участия в Уложенной комиссии депутатов от нерусских народов Поволжья и Приуралья (Ташкин, 1921).

Советские историки дали общую характеристику наказов, подчеркивали отражение в них тяжелого социально-экономического положения государственных крестьян, роста их сословного бесправия, увеличения повинностей в пользу феодального государства. Среди трудов этих лет нужно выделить работы Л.М. Артамоновой, посвященные анализу наказов государственных крестьян Поволжья и Приуралья. В число государственных крестьян исследуемого региона она включает и ясачные нерусские народы. В заслугу автора нужно отвести подробный анализ источниковой базы, вовлечение в научный оборот значительной массы новых архивных материалов (Артамонова, 1985).

Большинство наказов татар Среднего Поволжья было издано в 1903 г. в 115 томе «Сборника Русского исторического общества», среди них – указы сельских жителей Казанской губернии: служилых мурз и татар Свяжского, Казанского, Симбирского уездов, Старой и Новой татарских слобод Казани, ясачных татар Свяжского, Казанского, Симбирского уездов (Сб. РИО. т.115, СПб, 1903 – 546с.).

Наряду с вопросами о земельных отношениях, социально-правового положения государственных крестьян, в наказах значительное внимание уделено предпринимательской торгово-ремесленной деятельности крестьян, феодальным повинностям и государственным налогам.

Вопрос о торговле сельского податного населения присутствует во всех наказах служилых и ясачных татар Свяжского, Казанского и Симбирского уездов, то есть в тех уездах, где товарно-денежные отношения в то время получили заметное развитие. Прежде всего, составителей крестьянских наказов не устраивал сам порядок крестьянской торговли, установленный законодательством, прежде всего «Таможенным уставом» 1755 г. (ПСЗ–1, Т.13, №10486). Также были жалобы, связанные с тем, что купцы мешали крестьянам вести торговлю в рамках норм «Таможенного устава». В наказе служилых татар и мурз Старой и Новой казанских слобод содержалось пожелание, чтобы со стороны купечества им не создавались препятствий по ведению коммерческих операций. Несмотря на указ от 7 августа 1763 г. о беспрепятственной торговле казанских служилых татар, из наказа явствует о сложностях реализации такой возможности: «... а особливо в Казане от казанских купцов беспрепятственно, и в лавках сидеть також и

кожевенные избы и хлебные амбары иметь, по Волге реке в верх и на низ суда отправлять, и для того у себя прикащиков иметь, по данным от нас верующим писмам», – подчеркивали просители (Сб. РИО, с.309). Служилые мурзы и татары разных дорог Казанского и Свияжского уездов в наказах указывали на давность своей торговой деятельности и о препятствиях по ее ведению: «Из давних лет помянутые предки наши и мы, служилые татары и мурзы, имели до самого последнего тарифа торги по ярмаркам, базарам, уездам и деревням скотом рогатым, лошадми, кожами, салом, маслом, медом, воском, всякою звериною кожею, також и разным хлебом без всякаго запрещения». Они ставили под сомнение применимость к их сословию положений Таможенного устава о крестьянской торговле, которые их тем не менее заставляют выполнять (Сб. РИО, с.320).

По вопросу о торговле составители наказов выдвигали почти всегда вполне определенные требования. Это говорит о том, что те слои крестьянства, особенно заинтересованные в ведении торгово-предпринимательской деятельности, очень четко осознавали свои интересы. Можно определить эти слои в имущественном отношении как зажиточную верхушку государственной деревни. Вместе с тем в вопросе о торговле крестьянские наказы отражали интересы и широких масс, все более втягивавшихся в товарно-денежные отношения и делавших первые шаги по пути превращения крестьянина с натуральным хозяйством в мелкого товаропроизводителя.

В своих наказах татарские крестьяне также просили разрешить им торговлю по пограничным «ярмонкам» (Сб. РИО, с. 369–370), то есть речь шла и о допуске их к внешней торговле. Предлагалось не запрещать вести торговлю с башкирами (Сб. РИО, с.324).

Предложения о допуске крестьян к скупке и перепродаже товаров, крупной оптовой и внешней торговле, о дозволении им постоянно проживать в городах и заниматься городскими промыслами наравне с «купцами» и «цехами» подрывали основы сословных ограничений в сфере торговли и ремесла. Однако внешне это выглядело как простое расширение сословных прав крестьянства. В наказе ясачных татар Казанского уезда, по сути, провозглашались идеи и цели нарождающегося слоя предпринимателей в сфере торговли. Под конкретные предложения в этом наказе проводилась серьезная теоретическая база (Сборник РИО, с. 373, 375–376).

В наказе свобода выбора того или иного рода занятий объявлялась естественным правом каждого человека: «А кто к чему от природы

склонен, тот к тому и способен; из разнаго звания могут к хлебопашеству привыкать, равно как другие себя к коммерции употреблять» (Сборник РИО, с. 375). Отвергалась феодальная идея о необходимости каждого сословия заниматься строго определенным уже от рождения кругом обязанностей. «Отправлением» торговли, по убеждению составителей, «хлебопашество остановиться не может» (Сборник РИО, с. 375). Более того, добавляет наказ, если заботу о коммерции государство поставит «за главный пункт», то «несумненно при распространении оной государственная прибыль умножаться будет» (Сборник РИО, с. 376). Общая государственная польза, по мысли авторов наказа, заключается именно в свободном занятии всех жителей торгово-ремесленной деятельностью.

Наказ ясачных казанских татар считал, что ограничение права на занятия торговлей и ремеслом «происходит от богопротивной зависти», под которой понимается нежелание поступиться в пользу крестьян своими сословными привилегиями (Сборник РИО, с. 376). Винаваты и власти, так как они слепы к народным нуждам и не знают их. Но, главное, они не понимают, что «зависть» помещательства общего покоя рождают, то есть сословные ограничения несовместимы с «общим благом», доводы купечества в защиту своего исключительного положения в торговле беспочвенны, так как «чем больше промышленников, тем вяще и приобретение в государстве возрастает, помещательства один другому в комерции сделать не могут» (Сборник РИО, с. 376). Рост торговли приведет к увеличению числа товаров в государстве, что, в свою очередь, потребует нового увеличения торговых операций, с которыми может справиться замкнутая купеческая корпорация. К полному устранению «богопротивной зависти», то есть сословных ограничений в торговле и промыслах, призывает рассматриваемый наказ. В нем также детально разрабатывалась организация внешней торговли России. В соответствии с провозглашаемыми в наказе принципами, всякий «ежели кто за границу Российского государства выехать пожелает» должен быть отпущен для торговли, «ибо приобретение от продуктов другого государства делает прибыль Российской Империи» (Сборник РИО, с. 375).

Интересно обоснование положений данного наказа идеями «естественного права» в довольно радикальной интерпретации. «Вольность» объявляется качеством, данным человеку от сотворения, а потому «благоденствия» он может достичь только «по своей воле», а «не по принуждению» (Сборник РИО, с. 375). Составители наказа ясачных татар

держались в строго очерченных рамках. Из теоретических посылок наказа можно было сделать более смелые выводы, чем те, что содержатся в нем. Однако все заключения в наказе касаются исключительно «коммерции» и «рукоделий». Но несмотря на непоследовательность, наказ татарских крестьян Казанской провинции является интересным памятником общественной и экономической мысли России XVIII века.

Основная масса критических замечаний и предложений наказов государственных крестьян Среднего Поволжья по вопросам торгово-ремесленной деятельности, найма и отхода на заработки, долговых обязательств формально была направлена против купечества. Правительственная политика и законодательство также подвергались критике постольку, поскольку они охраняли привилегии купечества. В более широком смысле, однако, критике подверглась сама система сословных ограничений и сословных привилегий, в рамках которой не укладывались новые условия социально-экономической жизни. Отстаивать право на занятия торговлей и ремеслами, выступать против кабальных условий найма и т.п. было возможно, только поставив под сомнение справедливость сословного неполноправия крестьянства в этих сферах деятельности. Вместе с тем эти вопросы были затронуты в наказах ограниченного района, что свидетельствовало о неравномерном развитии в регионе товарно-денежных отношений, имущественной и социальной дифференциации среди государственных крестьян.

Важнейшим вопросом социально-правового положения татар Среднего Поволжья, затронутым в их наказах, были налоги и повинности. Прежде всего, поднимались вопросы, связанные с подушным обложением. Наибольшее число возражений вызывала раскладка податей на всех лиц мужского пола, внесенных в ревизские сказки, в т.ч. нетрудоспособных и «убылых». По этой причине возрастала сумма, взыскиваемая с их родственников и односельчан. В наказе ясачных татар Казанского уезда говорилось о взыскании с них в 1744–1758 гг. подушных денег за выбывших из сельского общества новокрещен (Сб. РИО, с.372). Хотя взыскание излишних сборов с «иноверцев» к этому времени было отменено, но последствия выколачивания этих податей продолжали сказываться на положении крестьян. Впредь предлагалось: «Если ж которые некрещенные будут креститься, то оное полагается в их разсуждение, но токмо нам за них впредь не понести каких-либо отягощений» (Сб. РИО, с.356).

Возражения крестьян вызывали способы взимания оклада. Их «безвинно» разоряли уже сами приезды чиновников с объявлениями о

сборе подушных денег, «от которых кроме разорения ничего не происходит» (Сб. РИО, с.373–374). Наказ ясачных татар Казанской провинции требовал фактического отстранения уездной администрации от сбора подушных денег. В нем предлагалось, чтобы к определенному сроку государственные подати в казну за весь год вносил один «удостоенный» из крестьян, который должен жить в губернском городе. Сбор податей с самих крестьян и изыскание способов внесения денег за несостоятельных налогоплательщиков надлежало полностью передать на рассмотрение указанного представителя и крестьянских общин. Таким образом крестьяне надеялись оградить себя от чиновничьего произвола и вымогательства.

Наиболее тяжелой из натуральных повинностей являлась для государственных крестьян рекрутчина. Излишне отягощенными рекрутскими наборами считали себя ясачные крестьяне Свяжского уезда, так как их включали в «складки» с помещичьими и другими категориями крестьян. Им приходилось отдавать рекрут и за себя, и за приписанных в «складку», а положенную денежную компенсацию они не получали. Судя по всему, помещики не выплачивали ее, или она оставалась в руках чиновников. Некрещеные служилые и ясачные татары были вынуждены ставить рекрут в 2–3 раза больше чем положено, потому что многие сданные в набор люди, чтобы избавиться от рекрутчины, принимали крещение. Вместо них власти принуждали выставять новых рекрут (Сб. РИО, с.320–321). Выражалось недовольство крестьян тем, что казна перекладывала на них расходы на доставку и содержание рекрута в течение определенного срока. «Происходит... нам, ясашным татарам, – говорилось в одном из свяжских наказов, – в поимке таких (*рекрут*. – И.Ф.) и в покупке на них указной одежды и в кормлении их до отдачи мирским коштом разорение и убыток» (Сб. РИО, с. 403).

Как и в отношении подушной подати, требование отменить рекрутскую повинность содержали некоторые наказания потомков служилых людей. Приписные к Адмиралтейству мурзы, татары и чувашы выражали свое согласие на несение военной службы на прежних основаниях, как несли их предки (Сб. РИО, с. 308). В новых условиях подобные предложения не могли заинтересовать государство, которому была нужна, прежде всего, регулярная армия, а не иррегулярные части служилых людей.

Положение приписных к Адмиралтейству было также тяжелым. Подробно тяготы работ на заготовке корабельных лесов были описаны в наказе служилых мурз и татар Казанской, Свяжской и Пензен-

ской провинций. Предложения наказов приписных к Адмиралтейству служилых мурз и татар сводились к тому, чтобы правительство или оставило их при корабельных работах, но избавило от несения подушного оклада, рекрутской и некоторых других повинностей, или, признав «за невозможное» снять с них те повинности, которые несли все государственные крестьяне, отменило адмиралтейские работы.

Выступая в наказах против увеличения налогов и повинностей, против отяготительных способов взимания денег и рекрут, против несения повинностей за убылые и нетрудоспособные души, татары Среднего Поволжья надеялись добиться в Уложенной Комиссии уступок от государства. Но надежды даже на частичные уступки со стороны правительства были иллюзорными. Так, крестьяне не знали, что уже было подготовлено решение о дальнейшем увеличении подушного оклада. Сенат и императрица постановили начать сбор повышенного подушного оклада с государственных крестьян с 1768 г., что и было исполнено. Решительней выступали крестьяне в отношении других налогов и повинностей. При этом крестьяне старались представить их как излишнее, и даже незаконное отягощение, помеху в несении основного государственного налога – подушного оклада. Особое недовольство вызывали тяжелые натуральные повинности, которые зачастую приобретали для крестьян непосредственно денежную форму, и тем самым еще больше укрепляли сомнение в их необходимости и стремление к замене их наемным трудом, но уже за счет казны.

Таким образом, в наказах татар Среднего Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. отражен сложный характер их составления. Выдвижение требований о свободной торговле, облегчении и избавлении от всевозможных налогов и повинностей и других требований экономического и социального характера являлось формой борьбы различных податных слоев населения за свои права, которая в последующем вылилась в совместное восстание под предводительством Е.Пугачева против общего социального и национального угнетения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова Л.В.* Требования государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1769 гг. Дис. ... к.и.н., Куйбышев 1985. 294 л.
2. *ПСЗ.* – Собр. 1-е. – Т. 13, № 10486.
3. *Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО)*, СПб., 1903. т.115. – 546 с.
4. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствовании императрицы Екатерины II. – СПб., Типография Ф.С.Сущинского, 1881. Т. 1. – 504 с.

5. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствовании императрицы Екатерины II. – СПб., Типография М.М.Стасюлевича, 1901. Т. 2. – 856 с.

6. *Ташкин С.Ф.* Иностранцы Поволжско-Приуральского края и Сибири: по материалам Екатерининской Законодательной комиссии. Вып.1. – Оренбург: [б.и.], 1921 – 269 с.

Информация об авторе

Файзрахманов Ильшат Завдатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань); istorkazan@mail.ru

Faizrakhmanov Ihsat Zavdatovich, the candidate of historical sciences, senior staff scientist of Sh.Marjani Institute of History of Academy of sciences of the Republic of Tatarstan (с. Kazan); istorkazan@mail.ru

УДК 821.512.145, 82:801.6

**ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ XIX ВЕКА: КАНОНЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ)¹**

© 2015 г. Н.М. Юсупова, А.Ф. Юсупов

В статье рассматриваются особенности татарской литературно-эстетической мысли XIX века на материале суфийских поэтических произведений, выделяются часто используемые суфийские символы и определяется их смысловая и философско-эстетическая нагрузка. В процессе изучения выявляются релевантные национальной культуре формы символизации в рамках суфийской эстетики.

Ключевые слова: татарская поэзия, символ, суфизм, суфийская эстетика, трактовка, миропонимание, мировоззрение.

**TATAR LITERARY-AESTHETIC THOUGHT
OF THE XIXth CENTURY: CANONS AND TRANSFORMATION
(ON THE MATERIAL OF SUFI POETRY)**

N.M. Yusupova, A.F. Yusupov

Peculiarities of the Tatar sufi poetry of XIX century, based on materials of poems, is reviewed in the article. Often used sufi symbols are marked out, their meaning and phylosofical-aesthetic functions are defined. Forms of symbolization that are relevant to national culture in the borders of sufi aesthetics are revealed during the process of learning this issue.

Keywords: tatar poetry, symbol, sufizm, sufi aesthetics, interpretation, Weltanschauung (world view), outlook.

В общественно-философской, соответственно, и литературно-эстетической мысли конца XVIII – первой половины XIX века суфизм занимает особое место. Как показывает Дж.С.Тримингэм, в XIX веке в мусульманском Востоке наблюдается обновление орденов в связи с ослаблением суфийского опыта. «Во всех религиозных организациях

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ. Проект № 14–14–16004a(p).

захирела духовная жизнь, а ордены находились в состоянии упадка, – пишет он. – Истинный дух суфийского опыта в них ослабел, хотя отдельные лица и небольшие группы продолжали следовать суфийскому Пути» (Тримингэм, 2002, с. 135]. В истории татарского народа вторая половина XVIII века характеризуется началом новой волны христианизации татарского народа. В таких исторических условиях суфийские произведения воспринимались татарским народом как мощное оружие, которое прозвучало скрытым экспонтом против политики христианизации. Как отмечает М.Кемпер, «уже во второй половине 18 века братство Накшбандийа стало ведущим в Татарстане и Башкортостане» (Кемпер, 2008, с. 131). По мнению Г.Идиятуллиной, устойчивость позиции ислама в жизни татарской общины в этот период была достигнута во многом благодаря его суфийской интерпретации как «религии сердца» (Идиятуллина, 2001, с. 12). Изучив историю развития суфизма и суфийских традиций в татарской общественно-философской мысли, А.Н.Юзеев доказывает, что «новое время предъявляло новые требования к изменению традиционного образа жизни мусульманского общества в направлении раскрепощения личности, усвоения светского знания, в то время как суфизм постепенно превратился в оплот реакции, духовного догматизма» (Юзеев, 2002, с. 114).

В литературно-эстетической мысли все еще сохраняются и нарастают суфийские традиции, ярко проявляется суфийская символика, воссоздающая суфийское мировоззрение. По мнению Г.Г.Идиятуллиной, становление тюркской поэзии Поволжья изначально было связано с суфизмом до середины XIX в. (Кул Шариф, Мауля Кольй, Абельманих Каргалый, Шамседдин Заки и др.), и она «развивалась в русле этого учения, что в целом характерно для всего мира ислама» (Идиятуллина, 2001, с. 9). Изучив поэтическое наследие Утыз Имяни, Р.Ганиева подчеркивает, что «нарастание суфийских настроений у поэта было обусловлено духовным кризисом, охватившим татарское общество в конце XVIII-первой трети XIX века. Это вынуждает Утыз Имяни отправиться в путешествие по мусульманским странам Востока в поисках новых путей очищения ислама от недозволенных искажений через призму умеренного суфийского тариката» (Ганиева, 2002, с. 52).

Как известно, в развитии словесного искусства вплоть до второй половины XIX века продолжается этап Средневековья, начавшийся еще с болгарских времен (Загидуллина, 2007, с. 206). В звеньях развития мировой литературы этот этап известен как время ориентации на канон, господствования традиционалистского художественного соз-

нения, пришедшего на смену архаичному времени и мифопоэтическому сознанию, где основными понятиями служат образец, норма, традиционализм (Литер. энцикл. терм. и понятий, 2001, с. 118–119). В связи с этим для литературы данного периода характерна устойчивость как в отношении художественного мышления, так и в отношении художественно-изобразительных средств.

Символическая образность является доминирующей в культуре суфизма, как отмечает Массиньон, для структуры искусства мусульманских народов в целом характерно символическое единство (Массиньон, 1972, с. 58), данное явление является каноном. Генетически связанная с восточной литературой татарская поэзия первой половины XIX века развивает характерные для суфийской литературы особенности символизации. Исследователи средневековой персидской суфийской поэзии определяют, что в ней наблюдается два направления – «труднодоступная простота (саһл-е мөмтани) и «новое особенное изящество (фиганият)» (Пригарина, 1983, с. 104–105). Образно-символическая система татарской суфийской поэзии данного периода, можно сказать, эволюционирует по такому же принципу – от «простоты» к «изяществу». В поэтических произведениях начинают присутствовать суфийские культурные коды, воссоздающие суфийское мировоззрение, подобные образ-символы служат основным средством изложения любви к Абсолюту, философской концепции поэта-суфия. Данный стиль в суфийской поэзии исследователями татарской суфийской поэзии определяется как «нәфис» («изящный») стиль (Сибгатуллина, 2000, с. 31; Загидуллина, 2007, с. 211). В таких произведениях зачастую символы выступают категориями, помогающими поэтам осмыслить о божественном познании, образами, выражающими авторскую позицию, идейно-эстетический замысел автора и активно участвующими в создании суфийской картины мира, условно-символического пласта в структуре произведения. По мнению Д.Ф.Загидуллиной, «в татарской поэзии такой стиль характерен для стихов, описывающих состояние махабба (любви к Аллаху) или пения зикр» (Загидуллина, 2007, с. 211). Такая тенденция поднимает суфийскую поэзию на другую высоту в эволюции образно-символической системы в татарской суфийской поэзии.

Изящество художественного стиля в тюрко-татарской поэзии начинается с суфийских произведений периода Казанского ханства и продолжается вплоть до середины XIX века. В татарской поэзии Нового времени присутствуют суфийские культурные коды, символы

служат основным средством изложения Божественной любви, философской концепции поэта, таким образом, «суфийская символика становится исходной точкой» (Саяпова, 2006, с. 74–75) поэтического мышления. Эта мысль, высказанная А.М.Саяповой по поводу поэзии Дардменда, приемлема и для татарской поэзии XIX века.

В творчестве А. Каргали, Ш. Заки, Х.Салихова – представителей суфийской поэзии первой половины XIX века – на первый план выходит идея единства Макрокосмоса и Микрокосмоса, концепция божественной любви, которая выражается посредством суфийских символов. Например, в стихотворении «... үгрәнмәк кирәк» Ш.Заки обращается к распространенным в арабо-мусульманской эстетике парным символическим образам бабочки и свечи: *Вәсләте жәнән өчен жән сарыф кылмакны мөдам, / Ир исәң, пәрванни хушхойдан үгрәнмәк кирәк, / Гыйшкь мәгъна шәмгына пәрвана кыйлды үзенә.* (Миннегулов, 1982, с. 39).

В условно-символическом пласте стихотворения парная символика «мотылек – свеча» близка к традиционной суфийской интерпретации и передает мотив единства, божественную любовь. Как утверждает Н.Пригарина, в суфийской эстетике «символ не украшает текст, а указывает на какие-то иные значения в сущности» (Пригарина, 1978, с. 131). Образ мотылька, летящего на огонь и в нем сгорающего, является распространенным в восточной, в первую очередь, персоязычной лирике (Саади, Хафиз) (Саяпова, 2006, с. 77). Как известно, образ свечи суфиями воспринимается как божественный свет, Макрокосмос, Абсолют, «а образ бабочки, стремящейся к огню», в суфийской поэзии обладает устоявшимся значением: им выражается стремление к познанию (Саяпова, 2006, с. 80). Продолжая восточные суфийские традиции, в данном стихотворении эти символы передают мистическое содержание, лирический герой предстает как суфий, стремящийся к Богу.

Субъективный пласт произведения формирует «назидание» автора, адресованное людям, описывает подробный путь сближения с Аллахом – «Сәрвәхдәт дәрсе». Шаг за шагом автор дает инструкцию прохождения этого пути, описывает к чему он должен стремиться. Первое назидание поэта – «нужно быть покорным, благонравным», второе – «нужно всему научиться», третье – «нужно стремиться быть образованным», достичь божественных знаний, четвертое – «нужно стремиться знать сокровенное». Так стихотворение рассказывает об очищении своей души. Суфийская парная символика помогает Ш.Заки передать авторскую позицию: как бабочка, совершившая обряд хожд-

дения вокруг свечи и сгоревшая, каждый человек должен очищать свою душу, зажигать огонь – любовь к Богу – в своей душе и, «сгорев», уходить в Вечность, к Абсолюту.

Ту же функцию в стихотворении «...эйладе» Ш.Заки выполняют парные суфийские образ-символы: мотылек – свеча и традиционные символы Гареш и плачущие глаза. Лирический герой находится в стадии зухд и рассказывает о необходимости безразличия к мирским благам как «халяль» (дозволенным), так и «харам» (недозволенным). Автор утверждает, что в земле много зла, мерзости, неверия, из-за чего многие отклонились от намеченного пути и призывает людей вступать на правый путь. Второй – условно-символический пласт – служит для передачи этих назиданий автора и создает картину постижения Истины: *Рэгъбэт, рəһбэт илə һәр кем күзендэн түксə ыш, / Хак тəгалə ул колына кəшф(е) эсрар əйлəде. / Мөштəһаи нəфсене тəрк əйлəйүб ул иəһрейар, / Кəнд үзен тəүфикь һидайət берлə эстар əйладе... / Кем аңа табигь улурсə, аны диндар əйлəде, / Гышкь мэгьна шамгына пəрвана кыйлды үзене, / Гареш өенə жаныны сəййар бəрдар əйладе* (Миннегулов, 1982, с. 59).

Традиционный суфийский образ слезы в глазах в рамках произведения ассоциируется «начальной точкой» продвижения по мистическому пути. Как утверждает А.Шиммель, в суфизме «воздержание от сна и плач глаз считается эффективным способом постижения Истины» (Шиммель, 2000, с. 96). Продвижение по Пути, начатое с очищением души от зла происходит в борьбе с нафсом – ничтожными земными желаниями. Пессимистическое восприятие мира отражается и в самобичевании человека, название его словом «кол». По мнению А.Т.Сибгатуллиной, такая тенденция связана с теорией «мəламət» (порицание), в основе которой «лежит догмат полной ничтожности человеческой личности перед Богом» (Сибгатуллина, 2000, с. 33). Кульминацией процесса сближения с Богом становится растворение в Нем. Символами состояния транса являются свеча и мотылек. Огонь (свеча) и мотылек в суфийской поэзии интерпретируются поэтическими образами экстаза: «мотылек сгорает в огне, человек сливается с истиной» (Нурбахш Дж.), «огонь «сжигает» самость» (Услышь флейтиста, 1999, с. 171). Это же значение закрепляется за символами «свечи – мотылька» в рамках данного произведения: через возгорание души летит до седьмого яруса и там будет ждать встречу с Аллахом.

Сердцевиной суфийской литературы является божественная любовь (любовь к Богу). Исходя из этого, суфизм воспринимается как бес-

корыстная любовь к Богу, Всевышнему. По мнению исследователей, каждый суфийский поэт высказал мысль: «любящий должен любить так, чтобы не помнить об Аде или Рае» (Шиммель, 2000, с. 38). Одна из самых известных представительниц мистико-пантеистического суфийского направления Рабийя аль-Адавийя интерпретирует ее как мистическое восприятие мира: «Любовь пришла из Вечности и уходит в вечность; в семидесяти тысяч миров не нашлось ни единого, кто пьет ее по капле, пока наконец не сливается с Богом; отсюда изречение: «Которых Он любит и которые любят Его» (Шиммель, 2000, с. 39).

Подобная символика встречается и в стихотворении Ш.Заки «Акыздым канлы яшем...», «Күңлеңе гыйшкъ илә дөрләт». Автор прибегает к образ-символу «любовь» – основной категории суфийской эстетической мысли и интерпретирует ее как божественная сила. Как утверждает Н.Геюшов, «источником душевных переживаний, нашедших свое поэтическое выражение в лирических произведениях поэтов, является символ любви, которая по мнению суфийских мыслителей, ведет путника к созерцанию истины и слиянию с ней» (Геюшов, 1988, с. 51–52). Как уже известно, в суфийских произведениях, описывающих безграничную любовь к Богу, имеется возможность двоякого прочтения. Как отмечает А.Шиммель, «Двойственность ... поддерживается сознательно, а фактура и оттенки значения слов способны меняться каждое мгновение» (Шиммель, 2000, с. 26). Такое наблюдается и в стихотворениях татарских поэтов, любовь интерпретируется не как любовь к любимой девушке, а как мистическая любовь к Всевышнему.

В суфийских поэтических произведениях XIX века активно используются символ вина и мотив опьянения. Например, в стихотворении Ш.Заки «Үз-үзен битәрләү шигыре» лирический герой находится в мажоре раскаяния. Находящийся в стоянке тауба поэт разговаривает сам с собой, хочет отвернуться от совершившихся грехов. Стихотворение начинается с раскаяния лирического героя за свои грехи, он раскаивается в том, что совершил много грехов, недостаточно посвятил себя к Богу. Поэт напоминает, что он, как и все, несчастный, жалкий и беспомощный, за себя просит прощения. Он утверждает, что должен молиться, отречься от мирских благ, держать пост, очищать свою душу и только такое усердие позволит сблизиться с Богом. Такая позиция выражается посредством образа вина, по своей эстетической и смысловой нагрузке интерпретирующий молитвенное обращение лирического героя: *Эчәле хикмәт шәрабен, оч әле күкләр яга / Шәүкә дилбәрдән эчәр халис шәрабы, май пәрәст, / Бәс, кәбаб өчен дилән берйән идәр, бәрийән идәр, /*

Китер жам, пиала, бадәне саф ит, / Йөрткел кәсаи дәүран, бу дәмләр – ганимәтдер (Миннегулов, 1982, с. 39).

В суфийской поэзии вино воспринимается как любовь к Аллаху, а опьянение трактуется как состояние, ведущее процессу познания бога, к экстазу. В авторской концепции Ш.Заки подобная символизация становится выразителем божественной любви, в строке «*Эчәле хикмәт шәрабен, оч әле күкләр яга*» через опьянение выражается состояние экстаза.

Такая же тенденция наблюдается и в стихотворении «...булгай, булмагай», где лирический герой находится в состоянии махабба – любви к Богу: *Жан илә иман-икәүләр – бер өйүдә бал эчәр, / Нагяһан ул икесе бер әүдә булгай, булмагай. / Бу жиһанның шәһриниң базарының сәүдәсе күб, / Кыйл бу сәүдәне янә-базары булгай, булмагай* (Миннегулов, 1982, с. 62).

Автор воспеваает божественную любовь. Кроме образ-символа вина, в рамках стихотворения божественная любовь дается окказиальным синонимом – «базарның сәүдәсе», который восходит к суфийскому толкованию. Автор призывает людей на духовное и нравственное совершенствование, через которого можно постичь Истины, любви к Аллаху.

В стихотворении Ш.Заки «Йә, иляһи, бер нәзар кылгыл» раскрывается концепция божественной любви с помощью суфийских символов вина и чаши, которые концентрируют в себя мистические чувства: *Виргел, и сакый, бе мескен бәндәйә бер жәмайагь, / Белмәсен исереклекендән баш(ы)ны, айагыны. / Гамь тарикындан булу рузе вәсләт жинанә йул, / Золмәт эчрә булдылар аб(е) хәйат ирмагыны* (Миннегулов, 1982, с. 58).

Шараб символизирует всепоглощающую силу любви, сопутствующую особому поведению путника, которое навлекает на него общественное порицание (маламат). Эта любовь овладевает теми, кто совершенен, что бывает при завершении Пути (Нурбахш Дж.). В рамках произведения образ виночерпия становится «отсылкой к Богу», джама-як символизирует «сердце суфия и мир бытия» (Нурбахш Дж.). Лирический герой стремиться быть «Гарифом» – обладателем мистического знания, мистиком, «познавшим» (Словарь суфийских терминов) и находится в наслаждении экстатическим восторгом, мечтает о слиянии с Богом в раю. Воссоздание суфийского мировоззрения и концепция слияния с Богом усиливается и с помощью символов реки (вода, капля,

которая «символизирует явление божественного Бытия (Нурбахш Дж.) исада, символизирующего в суфийской поэзии рай (Нурбахш Дж.).

Кроме того, в татарской поэзии XIX века обнаруживается двусоставная суфийская символика соловей-цветок. Например, в стихотворении Ш.Заки «...йязыкым чук, азыгым юк» поэт, находящийся в стадии тауба, обращается к подобной символике: *Нә деләрсә, деләсен кол-ходадан, / Бәнәм-андан, һаман ул – мәсьүлемдер. / Бәнәм шул мәскәнәт багында былбыл / Нә шах үзрә кунарсам, шул – гөлөмдер* (Миннегулов, 1982, с. 60).

В суфийской эстетике цветок – Бог, а воспевающий его соловей в суфийском прочтении выражает суфия, стремящегося к божественной любви и единения со Всевышним. Использованный в стихотворении образ-символ цветка в рамках суфийской эстетики воспринимается как Истина, а соловей понимается как певец божественной любви и суфий, вставший на путь стремления к единению с Богом. Схожая мысль развивается и в стихотворениях «Әхлакны төзәтү хакында мөнажәт», «...улмая» Ш.Заки.

В стихотворении А.Каргали «Сахрада» обнаруживается мистическое созерцание мира, на первый план выходит любовь, воспринимающаяся как вечный закон природы-человека. В рамках произведения природа демонстрирует свое совершенство, образы соловья, цветка, озера, птиц и т.д. наполняются содержанием божественной красоты. Лирический герой стоит на грани двух миров: бытия и небытия: *Былбыл диваналар гөлләр өчен йәшен сачар, / Кул эчендә бакалар «бак-бак» дәю жәүлан идәр... / Шуйлә дилкәш, буйла хөррәм монча гыйззәтле һава, / Бәс моның дәк дилкәшадә чикмәсеннәрме нәва!* (Миннегулов, 1982, с. 123).

Красота природы, с одной стороны, как в суфийской поэзии, становится источником духовного вдохновения, с другой стороны, символизирует совершенство и гармонию души, а сад – символ бытия или души. В рамках произведения параллелизм «человек – высшая сила – природа» выражает пантеистические идеи, любовь представляется как сила, способная привести в гармонию бытия. Таким образом, автор сформулирует свое отношение: только через «сад любви» можно достичь абсолютной гармонии. В стихотворении лирический герой предстает в статусе суфия, находящегося в пути совершенствования. Такая же интерпретация обнаруживается и в стихотворении Ш.Заки «Суфичылык тәрикәтенә чакыру шигыре». Уже в самом названии стихотворения, как и в суфийских традициях, определяется авторская позиция

– призыв к суфийскому пути: *Жан жәнан иленә сәйран идәр, сәйран идәр, / Бел: фәна фи аллаһи, улан мотлакбәка биаллаһ улыр, / Васлы гөлзарында хуш жәяүлән идәр, жәяүлән идәр. / Меңәр гафил бу сүзә танмайыб кидәр кирү, / Мөөмин гакыйл вали эзган идәр, эзган идәр* (Миннегулов, 1982, с. 54).

Общеизвестно, что в суфийской поэзии «бесконечная устремленность к Богу символизируется Путем, по которому «страннику» надлежит следовать» (Шиммель, 2000, с. 14). В своем стихотворении поэт подробно описывает суфийский путь, утверждает, что каждый человек должен молиться, отречься от мирских благ, очищать свою душу, «влюбиться» – зажигать огонь – к Богу в душе своей. Сад – «васлы гөлзар» – автором трактуется в чисто суфийском содержании как точка божественной красоты и «место встречи» с Истиной. Кроме того, Ш.Заки обращается к суфийскому термину «Фәна», который с конца IX века становится одним из основных технических терминов суфизма, интерпретирующимся как конечная цель суфийского пути. Суфийская символика обобщает авторскую позицию: конечной целью человеческого бытия является слияние с божеством, уход в небытие, единство с ним в райском саду. В духе суфийской концепции в рамках произведения поднимается проблема совершенного человека, предложенная Ибн Араби (1165–1240), создавшем философские основы суфизма. В трудах философа Адам изображается как повторение лика Божьего, преемник Бога на земле (Ибрагим, 1991, с. 62–63). Концепция совершенного человека «приводит к определению божественных и человеческих качеств» (Гумеров, 2002, с. 69), однако присутствует в литературе в сильно отдаленной, «трансформированной», оторванной от своих религиозно-суфийских корней форме. Стремление к единению с Богом автором трактуется как стремление к совершенствованию. Подобный параллелизм «человек – природа – гармония» продолжается и в поэзии начала XX века – в творчестве Дардменда, Г.Тукая, где смысловая нагрузка образ-символов природы направляется на раскрытие силы любви к Всевышнему.

Световой образ лежит в основе суфийского миропонимания и мировоззрения. Подобные образы обнаруживаются и в татарской суфийской поэзии данного периода: *Нәкаисдән дәгел бу зат – мөбәрра, / Вәликен фа, никхүд рами гарра* (Шәмсетдин Зәки шигырь., ф.3, т.63).

В произведении автор представляет традиционное суфийское понимание жизни и бытия: мир эманурует из Единого, Создателя. Ш.Заки Всевышнему придает статус творца жизни на земле.

Таким образом, творчество А.Каргали и Ш.Заки доказывает, что в татарской поэзии первой половины XIX века продолжает широко применяться суфийская символика, что свидетельствует о канонах суфийской литературы. Поэты выстраивают символическую образную систему, выражающую суфийское миропонимание лирического героя, воссоздающую суфийское мировоззрение. Однако концепция «совершенного человека» присутствует в литературно-эстетической мысли в сильно отдаленной, «трансформированной», оторванной от своих религиозно-суфийских корней форме.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ганиева Р.К.* Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – 272 с.
2. *Геюшов Н.Д.* Символ любви у Дж. Руми и М.Физули // Советская тюркология. – 1988. – №2. – С. 51–62.
3. *Гумеров И.* Идеино-эстетические особенности творчества Гали Чокря: дис. ... канд. филол. наук. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 275 с.
4. *Загидуллина Д.* Картина мира и художественные особенности средневековой суфийской поэзии // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарных наук. – 2007. Т. 149. Книга 2. – С. 206–216.
5. *Ибрагим Т.* Суфийская концепция «совершенного человека» // Чело-век как философская проблема: Восток-Запад. – М., 1991. – С. 62–75.
6. *Идиятуллина Г.Г.* Абу Наср Курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII – начала XIX веков (по материалам трактата «ал-иршад ли-л-‘ибад»: Автореф. дис. ... канд. истор. наук; Казан. гос. ун-та. – Казань, 2001. – 22 с.
7. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский дискурс под русским господством. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 675 с.
8. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл.ред. А.Н.Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1596 с.
9. *Массиньон Л.* Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература. – М.: Наука, 1978. – С. 54–60.
10. *Миңнегулов Х., Садретдинов Ш.* XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. – 144 б.
11. *Нурбахи Дж.* Энциклопедия суфийской символики [Электронный ресурс] // URL: hojja-nusreddin.livejournal.com/1941048.html (дата обращения: 05.09.2015).
12. *Пригарина Н.* Поэтика творчества Мухаммада Икбала. – М.: Наука, 1978. – 232 с.

13. Пригарина Н.И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. – М., 1983. – С. 89–108.
14. Саянова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 246 с.
15. Сибгатуллина А.Т. Суфизм в татарской литературе (истоки, тематика и жанровые особенности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук; Казан. гос. унта. – Казань, 2000. – 62 с.
16. *Словарь суфийских терминов* [Электронный ресурс]. URL: <http://саморазвитие1.рф/Sufizm/Termini.php> (дата обращения: 05.09.2014).
17. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А.Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф.Акимушкина. – М.: «София», ИД «Гелиос», 2002. – 480 с.
18. *Услышь флейтиста: Суфии о суфизме (суфийская проза и поэзия)*. – М.: Когелет, 1999. – 184 с.
19. *Шәмсетдин Зәки шигърьләре* / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими (гарәп графикасында). – Башкортстан Фәннәр академиясенең Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, ф.3, т.63, б.47, б.178.
20. *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И.Пригаиной, А.С.Раппопорт. – М.: Алетея, Энигма, 2000. – 416 с.
21. Юзеев А. Суфизм в Поволжье и Приуралье // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – С. 113–117.

Информация об авторах

Юсупова Нурфия Марсовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л.Толстого Казанского федерального университета (г. Казань); faikovich@mail.ru

Юсупов Айрат Фаикович, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л.Толстого Казанского федерального университета (г. Казань); faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsova, the candidate of philological sciences, associate professor, the Department of Tatar literature of L.Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (c. Kazan); faikovich@mail.ru

Yusupov Airat Faikovich, the candidate of philological sciences, associate professor, the Department of Tatar linguistics of L.Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (c. Kazan); faikovich@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>И.К. Загидуллин</i>)	3
Аминов Р.Р. Татары-казаки после введения «Положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г.	5
Арсентьев В.М. Среднее Поволжье в структуре организации промышленного производства России в первой половине XIX века	12
Арчебасова Н.А. Внеклассное чтение: библиотеки России XIX века в поисках своих поклонников (историографический и мировоззренческий аспекты)	30
Басырова С.Г. История народного образования Южного Урала на страницах «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии»	40
Бустанов А.К. Суфизм без границ: письма дагестанского шайха Махмуда ал-Алмали в Чистополь	51
Гайнутдинов А.М. Шагыйрь Суфи Аллаһиярның халкына кинәшләре (Советы поэта Суфи Аллахира своему народу)	67
Генч Осман Гечер, Гёкхан Эшел. Из Стамбула «По дороге в Алтай»: путешествие по Туркестану	72
Гибадуллина Э.М. Переселения татар Поволжья на территорию Казахстана и особенности их расселения в регионе во второй половине XVIII – середине XIX вв.	83
Гильмутдинов Д.Р. Духовное собрание (ОМДС) как инструмент внутренней колонизации в конце XVIII – первой половине XIX века	100
Годовова Е.В. Оренбургское казачество в первой половине XIX века: экономический аспект	112
Гусева Ю.Н. «Отголоски восточной грозы начинают проникать в здешний край» (настроения мусульман Поволжья и Букеевской Орды в период Крымской войны)	127
Долгов Е.Б. Губернатор николаевской эпохи: И.Г. Жеванов	137
Загидуллин И.К. Из истории разработки проекта «Правила о магометанских супружеских делах» 1822 г.	150
Зуб (Руденко) Н.Н. К истории христианизации и просвещения калмыков Саратовской епархии (по эпистолярным материалам епископа Саратовского Иакова)	162
Идрисов Э.Ш. К вопросу о формировании поселений ногайцев-карагашей в Астраханском крае в конце XVIII – середине XIX века	176

Иванов А.Г., Кадыкова Г.Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX века	191
Имашева М.М. Астраханское городское общество татар Трех дворов – проблемы этнической, социально-правовой и экономической идентификации в конце XVIII – начале XIX вв.	204
Кобзев А.В. Брачные отношения жителей с. Нижние Коки по данным метрических книг 1783–1918 гг.	222
Кореева Н.А. Роль Казанского городского общественного банка в системе коммерческих операций татарского купечества в дореформенный период	243
Косых Е.С. Припускные записи XVIII века как источник по истории поземельных отношений в Башкортостане	256
Кылынич Арзу. Татары Волго-Уральского региона и русские казаки, проживавшие в провинции Худавендигар (Бурса) в середине XIX века	268
Махмутова А.Х. Тяжба о вотчинных землях деревни Бизяки	291
Мифтахов Л.Р. Из истории кокшанской ветви татарских князей Ямбулатовых	303
Нугманова Г.Г. Заботясь о христианском просвещении инородцев: православное строительство в государственной деревне (Казанская губерния, середина XIX века)	309
Оздамирова Э.М. Банкротство узбекских купеческих фамилий в Астрахани в 1830-е гг., как фактор изменения структуры тюркского предпринимательства в регионе	324
Пивкина С.В. Магия и заговоры в духовной культуре мордвы-эрзи	337
Пислегин Н.В. Татарское крестьянство Вятской губернии дореформенного периода: некоторые социально-экономические аспекты	345
Почекаев Р.Ю. Трансформация тарханства в Поволжье и Приуралье XVIII–XIX вв.: древний тюркский институт на службе Российской империи	352
Проскуракова М.Е. Проблема адаптации татар, чувашей, марийцев к гарнизонной службе на Балтике во время башкирских восстаний 1735–1740 гг.	368
Сабитов Ж.М. Алшины (алчи-татары) в истории Поволжья и Приуралья в XIII–XIX веках	383
Самигулов Г.Х. К истории мешеряков Южного Зауралья XVIII – начала XX века	394

Свердлова Л.М. Русский язык как язык межнационального общения в торгово-предпринимательской среде дореформенной Казани	403
Смоларц Е.Ю. Церковь для мусульман? Оренбургское магометанское духовное собрание в качестве зоны социального взаимодействия имперских и мусульманских акторов в первой половине XIX века	413
Субботина А.М. Социокультурные процессы на территории Удмуртии в XIX в.: историографический аспект	426
Тимофеев В.В. Отражение общих тенденций российской религиозной политики по отношению к старообрядцам в первой трети XIX века (на материалах Алатырского уездного суда Симбирской губернии)	432
Торопицын И.В. Эхо событий крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1774 гг.) в судьбе астраханских юртовских татар	445
Файзрахманов И.З. Наказы татар Среднего Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.: вопросы торговли и повинностей	454
Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф. Татарская литературно-эстетическая мысль XIX века: каноны и трансформация (на материале суфийской поэзии)	462

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья.
Сб. статей. Вып. 5. Материалы международной научной конференции
«Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья
(XVIII – середина XIX вв.)» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.).

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 09.11.2015 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 29,75 Тираж 100 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5. Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru